

ИЗ ЛИЧНОГО *Савелий Дудаков*
АРХИВА

САВЕЛИЙ ДУДАКОВ

Другу Дэвиду, Незаконна
помощнику во всех моих делах
Предать ВАМ - Сэвке -
ГОЛНЧК.

ИЗ

ЛИЧНОГО

АРХИВА

С. Д.

**СОВРЕМЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

9/ХІ/2014 г. от Р. Х.

Инне Дудаковой -
моей жене и музе

404

5775 год от Совершения МІРА.

ББК 63.3 (0)
Д 10

Савелий Дудаков
ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА. 2014. – 500 с.

Savely Dudakov
FROM PERSONAL ARCHIVE. 2014. – 500 p.

Редактор Евгений Минин
Издательство «Современная литература»

ISBN 978-5-906665-10-2

Дизайн обложки
Vitali Minin - UnAtomic studios
www.unAtomic.com

Издание осуществлено
при поддержке фонда «РУССКИЙ ТЕКСТ»

© All rights reserved to Savely Dudakov
Иерусалим – Москва
2014

OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Савелия Дудакова «Из личного архива» завершает задуманное автором пятикнижие – «Ленинь», «Каисса и Вотан», «Шафиров и другие», «Книга веры и безНадежности». Каждая из перечисленных книг имела свой ареал и отличие от предыдущей. Не является исключением и эта книга. В ней девять глав, с разными векторами информации – от солдат-евреев в Первой Мировой войне до воспоминаний о своих иерусалимцах-современниках, обустроивших святой город.

И, конечно же, Дудаков не будет Дудаковым, если он не бросит кость антисемитам и филосемитам. Чисто философская первая глава «О еврейском уме и характере» породит как сторонников мнения, изложенного в главе, так и ещё большее количество недоброжелателей. Хотя обвинять автора в ангажированности не представляется возможным – поскольку там собраны в единое целое цитаты и выдержки людей, не еврейской национальности. Под рентгеном оказываются великие имена – от Бенжамена Дизраэли до Генриха Гейне, от Баруха Спинозы до Карла Маркса. Но разобраться и проанализировать эту объёмную массу информации предстоит читателю. Хочется верить, что он с ней справится.

У Дудакова не существует понятие «время», текущее от нуля по вертикали вверх. Плоскость приложения размышлений Савелия – МІР, именно в таком написании, потому для Дудакова он горизонтален и даёт возможность окинуть взглядом и проанализировать систему развития человечества и еврейства, в частности, оценить их взаимодействие и взаимовлияние.

Не секрет, что идеи и материалы из книг Дудакова растаскиваются и интерпретируются историками разных рангов, множество прилипал используют выкладки Савелия в своих работах без всяких ссылок на оригинал.

Показательно, как гипотеза Дудакова о еврействе Екатерины I во многих книжных источниках стала трактоваться как непреложный факт, что говорит о профессиональном уровне иных популяризаторов истории.

Мір Дудакова не ограничен временными и территориальными рамками, но равнодушие к современным событиям заставляет его как историка-философа высвечивать вещи, послужившие источниками возникновения сиюминутных сегодняшних острых политических проблем.

Потрясающие факты антисемитизма в царской русской армии приводятся в первой и самой большой главе книги «Русские евреи на фронтах Первой Мировой войны». Одно сочетание этих двух слов у многих вызовет язвительную улыбку, хотя в нынешнем Израиле это привычное словосочетание. Как не привести цитату из разговора великого Герцена с кучером: «...*Видите, набрали проклятых жиденят с **восьми-девятилетнего** возраста. Во флот, что ли набирают – не знаю. Сначала было их велели гнать в Пермь, да вышла перемена – гоним в Казань. Я их вёрст за сто; офицер, что сдавал, говорил: «Беда да и только, треть осталась на дороге» (и офицер показал пальцем в землю). Половина не дойдёт до назначения, – прибавил он».*

Как говорится – без комментариев. Кто-то из «великих» деятелей написал трактат «Двести лет вместе». Двести лет вместе и таким образом?

Надо отдать должное автору этой книги – по максимуму он старается упомянуть тех, кого нет в живых, но о ком надо помнить каждому еврею.

Уж какие разные ипостаси в главе о возникновении и развитии грузинской государственности и истории возникновения фирмы «Чай Высоцкий»! Но исторический метод, применяемый профессором Дудаковым, показывает аналогию разных временных явлений применительно к развитию человеческой цивилизации.

И, конечно, главное – в центре дудаковского мира стоит человек, вокруг которого, как планеты вокруг солнца, вращаются события, определяющие вид нашей цивилизации. Солдаты первой мировой, женщины, так или иначе внёсшие свой вклад в гармонию мира, иерусалимские художники и градостроители – Дудаков старается, чтоб эти люди получили сполна всё, что им причитается – почёт, уважение и нашу память.

И, конечно, для человека-Дудакова, для иерусалимца-Дудакова не менее важно рассказать о своих современниках-друзьях, оказывавших влияние на его мировоззрение, тем самым говоря, что историк живёт не в вакууме своих идей и гипотез, а находится в реальном мире, а время для него – просто материал, как глина для гончара. Хаим Маринов, Яков Сорокер, Соломон Могилевский без сомнения не более знамениты, чем французские или немецкие философы, и тем не менее – это тоже дудаковский мир, который безграничен и равноценен. Роль историка – всё расставлять на свои места, что и делает в своей книге «Из личного архива» Савелий Дудаков.

**Евгений Минин, поэт и прозаик.
Иерусалим**

**О
ЕВРЕЙСКОМ УМЕ
И
ХАРАКТЕРЕ**
(Разум и духовный щит)

Легенда гласит: с евреями легче иметь дело – они сразу схватывают суть дела и видят всю комбинацию до конца. Приблизительно так говорит один из героев романа Ремарка. Но, пожалуй, это само-реклама. Даже Гитлер утверждал, что Ремарк – «скрытый» еврей по фамилии Крамер, псевдоним – анаграмма знаменитого писателя.

Впрочем, доживая свой век, я могу сказать, что еврейская дальнорзоркость довольно часто превращается в близорукость или даже в слепоту. Умница Абельяр в начале XII века поставил более точный диагноз: «Я обратился к учению, как евреев, так и христиан, и находил глупых иудеев и неразумных христиан».

Меткое наблюдение средневекового мудреца.

Возьмём более «свежий» пример с евреями Польши, когда всё легко просчитывалось после 1938 года, тогда следовало бежать, куда глаза глядят, а не слушаться раввинов и цадииков, успокаивающих свою «пастеу», что всё обойдётся. Кстати, ни одного квалифицированного ответа, удовлетворяющего меня, на мои вопросы о Холокосте от религиозных евреев я не получил. Впрочем, и не от религиозных...

Восхваление еврейского ума находит своё подтверждение в подсчёте лауреатов Нобелевской премии: их количество достигает до 20% удвоенных почётнейшей наградой цивилизованного человечества. И это-то при численности «избранного народа», в сотые доли процента. (Об этом столько раз писалось, что лишь опираясь на восточную мудрость: «Истина от повторения не тускнеет», я ссылаюсь на общеизвестный факт.) Можно смело говорить о превосходстве евреев на интеллектуальном уровне. Но мало кто удосуживается проверить, какой ценой достигается это преимущество. Знаменитый психолог и криминалист итальянский еврей Чезаре Ломброзо (1835–1909) в своей книге «Гениальность и помешательство» утверждает, что гениальность имеет оборотную сторону: количество душевнобольных среди евреев во много раз больше, чем у католиков и протестантов. Так в одной таблице он указывает следующую статистику: у католиков один сумасшедший на 1775 человек; у протестантов один сумасшедший на 1725 человек; среди евреев один сумасшедший на 384 человека!¹

Понятно, что речь идёт о конце XIX века. Причём, этот процент возрастает, так как количество алкоголиков у евреев невелико, в отличие от христианского населения. Правда, итальянец добавляет, что и старческого психического расстройства у евреев значительно больше, так как евреи отличаются долголетием по сравнению с окружающими их народами. Эта живучесть евреев подталкивала противников еврейства к различным исследованиям в области изучения «Живучести евреев» и их «специфического ума».

ВЕНИАМИН ПОРТУГАЛОВ

В 1876 году в «Московской Медицинской газете»² была опубликована статья В. Португалова «Живучесть Евреев». Для нас эта статья необыкновенно интересна, так как доктор Вениамин Осипович Португалов (1835–1896), родившийся в еврейской набожной семье, стал выкрестом, участником украинской *самостийности* и народовольцем, сосланным на Север. При этом он умудрился получить докторский диплом. Затем, обосновавшись в Самаре, он занимался общественной и публицистической деятельностью и был одним из первых борцов за трезвость в государственном масштабе. Принимал участие в движении Якова Гордина «Новый Израиль», выступавшем с критикой еврейства и его традиций. «Новый Израиль» – собственно еврейская секта, близкая к христианским сектам, тяготеющим к иудаизму. Последняя деталь: проживающий в Самаре некрещёный еврей, крупный юрист, действительный статский советник (генерал), «весёлый праведник» Яков Львович Тейтель (1850–1939) презирал Португалова. Тем интереснее статья воинственного выкреста.

Португалов ссылается на антропологию, для которой Евреи (*так, с прописной буквы у автора*) «выполняют такую же роль, как и лягушка в руках физиолога». Мы бы сказали – роль подопытного кролика. (*Перенесёмся в XX век – здесь уже ирония недопустима. Опыты доктора Менгеле и ему подобных всем известны*). Учёные хотели вывести причины, по которым «еврейская раса» обладает большей продолжительностью жизни и меньшей смертностью, чтобы выяснить причины долголетия с точки зрения «санитарной».

Казалось странным, что «Законы Творца, непреложные для всего животного царства, были исключительны для одной расы и шли вразрез с общей гармонией мироздания!» И далее: «Какая подлая живучесть, подумаешь, жидов. Это настоящие клопы. Ты их варом обдай, истреби персидским порошком, вымори, а они снова разводятся...». Португалов «благодарит» некоего г. Бутягина (возможно из семьи известных этнографов), проживающего в еврейской среде города Екатеринославля, за опубликование статьи соответствующего содержания.

Самым «могущественным» условием живучести еврейского племени, по мнению Бутягина, является «уклонение от истощающего физического труда, предрасполагающего к массе внешних болезнетворных влияний на организм».

Это утверждение доктор Португалов считает сомнительным и приводит соответствующие доводы западной статистики, где сельское население имеет средний уровень смертности по сравнению с городскими жителями, у которых он значительно выше, составляя разницу почти в три года. Рассматривает он и статистику смертности. И вновь сельское население Франции смертность имеет значительно меньшую, почти на одну пятую. Эти показатели возрастают в пользу сельского населения в Шотландии, где по исследованию Джемса Старка на 100 горожан умирает 2,71 и на 100 поселян – 1,69. В XIX веке детская смертность была огромной. Доктор Португалов очень много сделал для России, пытаясь уменьшить этот показатель. Джемс Старк в богатой Великобритании нашёл городскую смертность детей до пяти лет в количестве 9,5 на 100, в то время как сельское общество теряло 3,9 на 100! Удивительно.

Вениамин Осипович вновь и вновь подчёркивает, что «живучесть» евреев не зависит от физического труда. Физический труд – не вредит здоровью человека. К сожалению, он не прибегает к анализу профессий, которыми занимались евреи. А ведь были сельскохозяйственные поселения в Новороссии, и они, в общем, процветали. Были в прибрежных городах Чёрного моря: Одессе, Очакове, Николаеве и других портах еврей-грузчики, биндюжники. Были балагулы, разъезжающие на большие расстояния. Нелёгкий и мало оплачиваемый труд. В том же Екатеринославле работали еврей-стекольщики, еврей-сапожники, еврей-кожемяки – самая тяжёлая и вредная работа, были еврей-лудильщики и жестянщики, обработчики металла (*777 человек по переписи 1897 года*), было много портных-евреев, а это тоже очень и очень тяжёлый труд, были даже и кузнецы. Занимались еврей деревообработкой (*всего 657 человек по переписи 1897 года*). Даже такая «интеллектуальная» работа, как работа наборщика в типографии, была тяжела и вредна здоровью из-за свинцовой пыли, которой дышали печатники. Видимо, причиной долголетия евреев стало нечто другое. И на этом фоне в 1909 году в Екатеринославле было 30 еврейских учебных заведений! Ну и погромы были. Как им не быть. Кровавые. Но это позже Португалова – в 1905 году, после «дарования свободы», и с большим количеством человеческих жертв «малого племени», которые в этот раз своей «живучести» не доказали. Погромы, вероятно, были нужны для того, чтобы еврей не очень умничали.

Вывод Португалова: «Все эти данные и тщательные исследования воочию доказывают, что физический труд не вредит здоровью, не увеличивает смертность рабочего люда, и видеть в этом (отсутствии физического труда) причину большей живучести еврейского племени немножко смело и едва ли научно». Вот ещё один факт. Средняя продолжительность жизни жителей города Франкфурта на Майне равняется 37 годам и 7 месяцам. Средняя продолжительность только христианского населения равна 36 годам и 11 месяцам. Евреи же Франкфурта на Майне имеют продолжительность жизни 48 лет и 9 месяцев! Конечно, речь идёт о 70-х годах XIX века. На 2011 год среди 198 стран Израиль занимает 4-е место в мире по средней продолжительности жизни. Выше – Япония, Швейцария, Гонконг. Эта статистика неточна, ибо она включает всех жителей страны, в том числе и арабов. Да и к тому же, Израиль – воюющая страна.

Один из немецких учёных, изучив до мельчайших подробностей это странное явление, пришёл к выводу, что разница заключается в отсутствии «пролетариата». Посему ответ следует искать в социальных отношениях, как мы предполагаем, внутри еврейства: «Правильная жизнь дома и вне дома – такая добродетель, в которой еврейское население далеко оставляет за собой христианское. Стоит взглянуть в наши публичные дома, в наши пивные и винные заведения, чтобы убедиться, в каком ничтожном количестве встречаются здесь Евреи».

Если бы иноверцы искренне вчитались в строки Талмуда, то они бы увидели картину, прямо противоположную утверждению о паразитизме «еврейской расы». Величайшие талмудисты, имена которых пользуются заслуженной славой, занимались трудовой деятельностью и весьма тяжелой, «лишь бы добыть средства к жизни трудом своих рук, а не барствовать, жить трудом других». Перечислим наиболее известных талмудистов, владевших не только словом, но и делом. Великий Гилель был дровосеком, а его оппонент Шамай – плотником, Абба Хилькия – чернорабочим, землекопом, раби Йоханан, ученик раби Акивы – сапожником, посему его прозывали – раби Йоханан ха-сандлар (*делающий сандалии*); раби Йосе бен Халафта – кожевником. Ему принадлежат дивные слова: «Кто нетерпеливо ждет Мессии, не имеет доли в будущем мире». Раби Ицхак был хорошим кузнецом, Абба Умна – хирургом и лекарем, образцом еврейского благочестия и бескорыстия: он попросту стеснялся брать мизерную плату за свои труды.

Раби Абба бар Земина, палестинский аморей IV века – был портным; Бар Ада – пастухом, Абба Гошеа добывал пропитание стиркой белья. Раби Йегошуа, товарищ великого раби Эльазара был угольщиком, раби Йосеф – мельником, рав Шешет – лесопильщиком, рав Нехемья – горшечником; раби Йегошуа бен Хананья изготовлял иглы и был кузнецом. Таннай II века Йегуда бен Илай говорил, что не обучающий сына ремеслу толкает его на преступления; сам он в течение многих лет был бондарем. Знаменитый законоучитель Шимон бен Лакиш (*иначе: Реш Лакиш, около 200 – 275*) в молодости был циркачом (*гладиатором*) и в своих агадах он часто употреблял выражения, заимствованные из артистической среды. Ему принадлежит изумительный парадокс, важный для нашей темы: «Израиль дорог Богу, но дороже прозелит, потому что Израиль не признал бы Торы без тех чудес, которые Бог проявил на горе Синае, прозелит же не видел ни одного такого чуда и все же посвящает себя Богу». Этот список бесконечен.³ Добавим, что все они, в основном, были долгожителями. Так о Гилеле говорится, что он жил, подобно Моисею, 120 лет!

Собственно, статья Португалова написана не столько в апологию семейной жизни евреев, сколько для нравоучительной антиалкогольной компании, которую он непрерывно проводил. Не боится доктор говорить и об участии государства в спаивании собственного населения (правда, прикрываясь иностранным источником). Статистика смертей от алкоголизма ужасна и не потеряла своего значения до сих пор. Но финал статьи привожу полностью. Гордость своим народом ещё полностью не выветрилась из души выкреста: Евреи созданы Богом для примера другим народам! Под пером Португалова это выглядит так:

«... живучесть еврейского племени – несомненный физиологический факт, имеющий важное социальное значение как поучительный и наставительный довод в пользу других народов. Причины такой живучести заключаются в отсутствии у них крайнего пролетариата, в том, что они почти все грамотны, в отсутствии пьянства, в том, что они ведут правильную, подвижную трезвую жизнь на открытом воздухе и никогда не впадают ни в какие излишества. Вот почему Евреи для нас важны не сами по себе, а именно по отношению к христианскому населению. Мы теперь знаем, чему Евреи обязаны своей живучестью и чем должны воспользоваться другие нации для того, чтобы уменьшить свою чудовищную смертность».

Доктор Португалов предлагает целую систему для достижения этой цели. Во-первых, следует сократить число питейных заведений. Строить хорошие школы и увеличить их количество. Улучшить экономическое благосостояние сёл, крестьянства, уменьшить пролетариат. Принять и ввести современные санитарные нормы, улучшить гигиеническую обстановку большинства русского населения. И, наконец, поднять уровень умственного развития русского человека. Что ж, программа, кажется, не устарела спустя 150 лет после публикации этой странно-удивительной статьи. Под словом «пролетариат» подразумевается всевозможный люмпен, люди асоциальной среды, клошары во Франции, лаццарони в Италии, бродяги и нищие в России, исчисляемые миллионами. А ныне люди «дна», воспетые Гиляровским и Горьким, называются – «бомжами», людьми, не имеющими постоянного места жительства. И их количество превышает уровень того самого благодатного года – 1913! Сто лет топтания на месте... *(Л.Н. Толстой, посетив на переписи населения вместе с писателем А.В. Амфитеатовым в Москве район по Проточному переулку, именуемый «Ржанова» или «Аржанова крепость», был потрясён, а погнав в «дом Падалки» – прибежище нищих, жуликов, проституток, в большинстве голых и страшных – был подавлен. «Мы видели предел падения человека, куда он жив: ниже, смраднее, гаже, безнадежнее остаётся уже только могильное разложение трупа». Толстой стал блее, чем бумага. Он пришёл от увиденного в ужас и не смог об этом написать ни единой строчки.)*

Можно добавить, что в Средневековье, и не только в те времена, но и в последующие века, во время моровых поветрий среди евреев количество смертей от чумы, холеры и прочих эпидемий было значительно меньше, чем у неевреев. Причины: соблюдение гигиены, оставленное в наследие нашими предками, кашрута и прочего. Так, в Евангелии от Марка сказано: «Ибо все фарисеи и все Иудеи, держась предания старцев, не едят, не умывши тщательно рук. И пришедши с торга, не едят не омывшись. Есть и многое другое, чего они приняли держаться: наблюдать омовение чаш, кружек, котлов и скамей».⁴ Познавать чужие истины окружающим народам было не под силу, и они «выполняли» погромы, чтобы «выровнить» общую статистику. В период последней массовой эпидемии коров (т.н. «бешенство коров»), которых откармливали недоброкачественной едой, еврейские рестораны и магазины были полны посетителями-иноверцами, убеждёнными в том, что у евреев нет недоброкачественных продуктов. Мифология или факт?

Будет справедливо сказать, что «гетто» или «черта оседлости» создавали такую скученность еврейского населения, что никакие нормы санитарии этого не выдерживали. Да и нищета еврейской бедноты приводила в ужас добросовестных свидетелей. Например, русского писателя-толстовца Ивана Фёдоровича Наживина или даже «нововременца» Николая Александровича Энгельгардта. Но это слова. Если мы обратимся к статистике еврейской нищеты, то придём в ужас. «Классовый и национальный гнёт в России привёл к тому, что в конце XIX века от 25% до 38% евреев в ряде городов жили за счёт благотворительности...».⁵

Отсюда умопомрачительная эмиграция в США, где евреи заняли достойное место среди свободных людей. Но «благотворительность» – это высшее проявление любви к ближнему. До сего дня это качество в нас не исчезло. И этим следует гордиться!

Специфика «еврейского ума» буквально сводила «с ума» многих антисемитов – юдофобов, которые пытались проникнуть в сущность интеллектуального превосходства детей Авраама, Исаака, Якова. Собственно, с чего начинается «еврейский ум»? Наш праотец Авраам в незапамятные времена покинул город Ур в Месопотамии, ибо силой своего воображения он преодолел языческое многобожие и пришёл к идее монотеизма. Это и есть главное в иудаизме: вера в ЕДИНОГО СУЩЕГО. Как произошло это чудо? Библия нам мало чем может помочь: но факт остаётся фактом – выбор был сделан одним человеком, и его решение, по нижестоящим степеням родства, дошло до нашего времени.

Но для начала следует установить дефиницию слова «УМ».

Из многочисленных толкований, я выбрал наиболее простое определение из «Словаря русского языка» С.И. Ожегова: «Способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни». Второе предложение мне кажется лишним, да и тавтология (ум – разум) затемняет мысль. Вероятно, это уступка социалистической доктрине. В «Толковом словаре» В.И. Даля: «Ум – общее название познавательной и заключительной способности человека мыслить; это одна половина духа его, а другая – нрав, нравственность, хотенье, любовь, страсти; в тесном значении ум или смысл, рассудок есть прикладная, обиходная часть способности (ratio, Verstand)». «Verstand» с немецкого переводится, как ум, разум, интеллект. Всё это нам пригодится при анализе следующей книги, попавшейся мне на глаза лет 40 тому назад.

МОРИС МЮРЭ

В начале XX века во Франции вышла книга Мориса Мюрэ о еврейском уме. Она была почти тотчас переведена на русский язык некой Е. Отоцкой, которая, видимо, и написала предисловие к этому весьма незаурядному труду (*к предисловию нет подписи и лишь указано «От издателя»*; СПб, 1902. Книга печаталась в типографии весьма известного и порядочного человека П.П. Сойкина. Он издавал собрания сочинений русских и зарубежных писателей. Кстати, выпустил знаменитую книгу А. Брэма «Жизнь животных», которой зачитывались многие поколения школьников. Печатал в журнале «Научное обозрение» и Карла Маркса, и Ленина, и Плеханова и других марксистов. Как ни странно, спокойно сошёлся с советской властью, и умер в своей постели в 1938 году в возрасте 77 лет).

Антисемитизм Мюрэ не столь очевиден. В одной французской энциклопедии о нем сказано деликатно: «скрытый антисемитизм». Известно, что он был антидрейфусаром. Да было это время «Панамской аферы». Одновременно шло и оформление франко-русского союза, и автор неплохо знал русскую литературу. Некоторые сведения о нём почерпнуты мной из Старой еврейской энциклопедии. Но энциклопедия знала мало и не предполагала, что жизнь Мюрэ будет довольно долгой. Жюль-Анри-Морис Мюрэ (Muret) родился в Швейцарии (11.VI.1870 г.) в семье банкира и синдика, а умер в Лозанне (7.IX. 1954 г.). Христианин, протестант. Учился в университетах на гуманитарных факультетах: в Лозанне получил диплом в 1893 году, а затем продолжил обучение в Германии и в Париже. Морис, принадлежа к высшему сословию, был франкоязычным писателем-антисемитом и редактором «Journal des Debats», пропагандистом итальянской и немецкой литературы. С 1907 года – сотрудник лозаннской газеты «Ведомости», журналист иностранного отдела, постепенно превратившийся в рупор правых кругов. Во время Первой Мировой войны занял франкофильскую позицию, публиковал антигерманские статьи: в 1915 году – «Немецкое высокомерие», в 1917 году – «Воинственная эволюция Вильгельма II». В 1920 году был награждён французским правительством – орденом «Почётного легиона». Человек правых взглядов и даже... монархист, что диво-дивное для гражданина первой республиканской страны Европы. В Лозанне Мюрэ читал лекции о Шарле Моррасе (1868–1952) – французском публицисте,

критике, поэте, избранном в 1938 году в члены Французской Академии и состоявшем в ней до Лионского суда над коллаборационистами, когда его лишили звания как предателя родины. По своим взглядам Моррас – монархист, создавший ещё в 1899 году монархическую группу «Action française» – («Французское действие»). Проповедовал благодетельность наследственной монархии и католицизма, при этом утверждая превосходство «латинской расы» над другими народами. Как это у Морраса сочеталось с поддержкой режима Виши, где он формировал политику – трудно понять. В годы поражения и оккупации выступал как ярый антисемит.

Мюрэ в 1939 году издал книгу «Величие элит». Ну и чуть позже есть одно удивительное дело его рук: во время оккупации Франции, в 1943 году он издаёт книгу «Героическая Франция». Её персонажами являются галл Верцингеторикс, доставивший много хлопот Юлию Цезарю; Людовик Святой – ну это понятно: король – христианин, защитник веры и участник Крестовых походов; король Генрих IV, создатель сильного французского государства, правда гасконец «перескочил» из гугенота в правоверного католика из-за трона. «Париж стоит обедни» – его самая знаменитая фраза. Хотя в истории Генрих IV остался самым обаятельным королём Франции, «создавшим характер современного француза». Затем следует маршал Анри д'Оверн Тюррен – лучший генерал и военный теоретик Людовика XIV; два героя Первой Мировой войны: маршал Жоффри и...маршал Петен, с оговоркой: до июня 1940 года, т.е. до того времени, когда Франция подписала акт капитуляции. Последнее говорит о многом. Думаю, Мюрэ остался французским патриотом, несмотря на явно правые взгляды.

Он – автор сочинения «L'esprit juif, essai de psychologie ethnique», (Paris, 1901), переведённого на русский язык под названием «Еврейский ум». Таким образом, в названии книги этническая психология осталась непереуведенной. На мой взгляд, перевод «смягчённый» всё же ближе к «нутру» содержания «Еврейский дух». Консультации со знатоками французского языка к однозначному выводу не привели. Возможно, «смягчение» было сделано переводчицей. «L'esprit» можно перевести и как «характер». Удивительная вместимость французского слова «L'esprit»! Предисловие предлагает и другое прочтение названия труда: «Еврейское мышление».

Мюрэ предупреждает, что он занимает объективную позицию и пытается лишь выяснить наличие специфического еврейского ума.

Анализ производится на деятельности и творчестве некоторых знаменитых евреев: Бенедикта Спинозы, лорда Биконсфильда, Генриха Гейне, Карла Маркса, Георга Брандеса, Макса Нордау. Конечно, можно избрать этих «мужей» в качестве «еврейского образца», но почему за скобками остался, скажем, предшественник Баруха Спинозы – Уриэль (Габриэль) Акоста (1594–1647) или великий политический экономист Давид Риккардо (1772–1823)? И если говорить о мистицизме темы, почему забыт Мишель Нострадамус (1503–1566) или первый и лучший французский канцлер Мишель Лопиталь (1503/4–1573)? Почему забыт величайший мыслитель Франции Мишель Монтень (1533–1592)? Видимо, они не подходили под общую гребёнку. Вывод Марселя Мюрэ однозначен: да, **есть специфический еврейский ум. Ум индивидуалистический, беспокойный, субъективный.** В общем, объективного исследования не получилось, и Мюрэ скатывается на позиции современного (*по его времени*) антисемитизма. Вместе с тем книга написана блестяще, талантливо и читается с большим интересом. Старая Еврейская энциклопедия тоже не может удержаться в рамках объективности и, отметив достоинства этого труда, добавляет, что Мюрэ грешит поверхностностью и неправильными выводами. Что, вероятно, тоже не совсем точно.

Мюрэ отмечает две группы евреев: сфарадим и ашкеназим, иначе говоря, речь идёт о евреях Магриба, выходцах из Испании и Португалии, и немецких и польских евреях. Между ними он отмечает антагонизм, причём сфарадим ставят себя несравненно выше своих братьев с европейского Востока. Браки между сфарадим и ашкеназимами – это мезальянс. Более богатые и образованные сфарадим считают себя, и не без основания, как замечает Мюрэ, аристократией, избранниками судьбы в физическом и интеллектуальном уровне. Польские евреи – бедные родственники, и их стесняются. Увы, это превосходство сефардов давно утрачено и интеллектуальное превосходство внутри массы евреев переместилось: теперь аристократией считаются ашкеназим, а сфарадим отводится роль «плебса». Восточноевропейские евреи доказали своё превосходство в овладении современной наукой в таких областях как физика, химия, математика, музыка, литература, военное дело и все мыслимые специализации, где они стоят в передовых умах человечества. Кстати, не потеряв, а наоборот – продвигаясь, например, в медицине на новые высшие позиции.

Впрочем, в Израиле на моих глазах произошла революция: началось слияние обеих общин, но до конца процесса ещё очень далеко. В отличие от Португалова, Мюрэ считает досужими сказками, не имеющими никакой научной основы, выживаемость евреев в местностях с различными «контагиозными болезнями». А «дурной запах», исходящий от иудеев, он связывает с непомерным употреблением ими чеснока. В качестве примера давности этого признака Мюрэ ссылается на Марка Аврелия, побывавшего в Палестине, которому был глубоко противен в этой стране народ «дурнопахнущий и шумливый» («foetentum Judoerum et tumultantium»). Этот сильный запах, исходящий от евреев, во времена древности и в средневековом гетто, безусловно, находился в зависимости от употребления евреями различных приправ, в том числе чеснока. У римлян эта приправа считалась ужасной. Мюрэ же говорит и о скученности и нечистоплотности евреев в гетто, **виновниками которого он считает христиан**. От себя добавлю, что чеснок до сих пор является любимой приправой на еврейском столе и бактерицидные свойства его давно доказаны. Это и объясняет обильное использование евреями чеснока. Что же касается чистоты – то не стоит сравнивать еврейский быт с крестьянским бытом в России. Об этом я столько цитировал классиков (*Тургенев, Чехов, Бунин, Шишков*), что уже устал...

И в противовес этому, личная гигиена в Израиле – почти патология: большинство населения дважды в день принимает душ. А кто пожелает, может воспользоваться общественными банями – в основном, это предпочитают репатрианты из России. Не говоря уже о верующих евреях, для которых «миква» (ритуальное омовение) – святое дело. Кстати, одну из своих книг я хотел назвать «Запах чеснока», но московская редакция взбунтовалась. Вспоминаю сюжет антисоветской карикатуры-анекдота конца 20-х годов: Река, по обеим сторонам реки стоят противники. На одной стороне: Троцкий, Зиновьев, Каменев – все евреи; на другой – Сталин, Орджоникидзе, Енукидзе – все грузины. Надпись: «Борьба славян между собою или раньше пахло чесноком, нынче пахнет шашлыком!»

Мюрэ декларирует: «Я буду искать особенности еврейского ума в произведениях самых знаменитых израэлитов настоящего времени. Так как книга по преимуществу является показателем морали, то я буду, прежде всего, разбирать писателей».⁶

БЕНЖАМИН ДИЗРАЭЛИ

Мюрэ из «чистых» политиков избирает Вениамина Дизраэли. Но и это, собственно, неточно, ибо Вениамин (Бенжамин) Дизраэли (1804-1881) был к тому же выдающимся писателем, классиком английской литературы, предшественником и современником Чарльза Диккенса.

Один из советских литературоведов ссылается на «Историю английской литературы»,⁷ в которой автор – Ю.Кондратьев, видимо находясь в плену недавнего сталинского прошлого, пытается выпячивать недостатки романов Б. Дизраэли, хотя и не отрицает сильных сторон его творчества. Г.А. Анджапаридзе в статье «Роман Б. Дизраэли «Сибилла» как произведение критического реализма»⁸ отдаёт должное мастерству автора. Действительно, роман, написанный в годы чартистского движения (1845 г.), содержит массу антибуржуазных выпадов. Так, один из героев романа – рабочий говорит: «И всё же нам твердят, что интересы Капитала и Труда совпадают». Сам же автор, идеолог аристократии и крупной буржуазии, беспощаден к своему классу: «Интересы Труда и Капитала никогда не совпадали, и совпадать не могут». Актуальность вывода прошла проверку временем. Различия политика и литератора очевидны. В романе десятки действующих лиц, но писатель со своей задачей справился. В общем, и второстепенные герои запоминаются. Принадлежит к движению «Молодая Англия», Дизраэли строго очерчивает классовую разницу, разделение английского общества на две нации: аристократов и рабочих. Да и сама книга носит полное название: «*Sybil or The Two Nations*». Многие в ней построены на контрастах: восхищаясь пейзажем, он может воскликнуть «Прекрасная иллюзия!», ибо почти сразу идёт глава о городской жизни рабочего люда: описание лачуг, смрада, грязи и всего того, что сопутствует нищете. Одна из глав так и называется «*Poor*» (*нищета*). Из протокольного описателя Бенжамин Дизраэли превращается в пламенного обличителя-публициста. Много пишет он о невыносимом женском труде, о детском труде четырёхлетних и пятилетних тружеников. О шестнадцати, даже двадцати часовом рабочем дне! (О, свободная Англия!) Дизраэли спускается в шахты. Он рисует каменноугольные копи, как Данте рисовал ад. «Нервная дрожь охватывает читателя» – отмечает Мюрэ.

Можно много сказать доброго в адрес писателя. Но при этом следует заметить, что именно его усилиями было запрещено использовать детский труд, был сокращён рабочий день несчастных женщин. Как мы понимаем, английская критическая литература способствовала изменению условий труда рабочих. И здесь есть капля заслуг «крещёного еврея». В качестве политического деятеля Дизраэли хотел присоединиться к демократическому и либеральному торизму. Мюрэ восхищается смелостью, пронизательностью и настойчивостью Биконсфильда. Естественно, это вызвало критику самых разных людей. Так, знаменитый английский философ Томас Карлейль (1795–1881), человек, ненавидящий евреев, и уже в XX веке названный первым нацистом Европы, писал о всеобщем избирательном праве – реформе, проводимой Дизраэли, которая казалась Карлейлю угрозой нации. Он нападал на Дизраэли с самыми ужасными ругательствами. Карлейль называл это «политикой скомороха». Дизраэли, по его словам, «еврейский колдун», танцующий сарабанду в чреве английского народа.⁹ В отличие от Карлейля, Мюрэ убежден, что «все мимические пляски» Дизраэли в конечном итоге были полезны Джону Булю. Своим энергичным лечением он освежил партию тори. Мюрэ идёт ещё дальше, считая политику Дизраэли вполне согласующейся с желаниями английского народа. Знаменитый виг – либерал Гладстон нападал на Биконсфильда именно за то, что Дизраэли – иностранец и нет в нём даже частицы английской крови. Но у Мюрэ даже это – превосходство в знании чаяний нации. Именно знание тончайших британских традиций и указывает на его еврейское происхождение. Парадокс. Но речь идёт о «еврейском уме». У Дизраэли не было в крови «английского тормоза» семейных традиций. Его фамилия не имела никаких корней в Англии. Посему, он более свободен в выборе направления. Посему посторонним и беспристрастным наблюдателем «легко проникал во все улья, захватывал всех пчёл и составлял, в свою очередь, из лучшего мёда каждой из них другой, нескладный, но высшего качества».¹⁰ Гладстон прав – у его противника нет и унции английской крови, но это не мешало влиянию еврея на развитие общества. Мюрэ добавляет удивительные слова: «Дай Бог, чтобы политика государственных людей-евреев в современной Европе была всегда такой осторожной и такой национальной». Здесь бы надо сделать остановку и напомнить российским антисемитам эти слова.

И у России были лидеры еврейского происхождения, но стоит ли искать в них корень несчастий России? Возможно, врачи были не правы, но пациент должен выполнять указания лекаря неукоснительно. Если происходит обратное действие (*погромы, антисемитские компании, дело Бейлиса, дело врачей и т.п.*), то стоит, согласно русской поговорке, вновь посмотреть на себя в зеркало...

Основной девиз Дизраэли: «Правительство должно иметь задачей улучшение судьбы бедных!» Этим девизом он пропитал обновленную партию тори и, естественно, в этом он остаётся верным древним демократическим идеалам Израиля. Придя к власти, он провёл реформы в пользу рабочих фабрик и заводов, он достиг уменьшения рабочих часов для детей, работающих на заводах, он заставил принять Фабричный закон (*factory act*). Он провёл закон о народном здоровье в 1875 году, предписывающий строгие гигиенические меры. «Закон о нездоровых жилищах» заставляет фабрикантов давать рабочим дешёвые и здоровые помещения. Удивительно, что, имея массу противников не только среди виггов, но и среди своей партии, ему удалось осуществить нешуточные для XIX века реформы, наверное, не потерявшие актуальности до сего дня во многих странах, в том числе и европейских.

Мюрэ рассматривает Дизраэли в отдельной главке, как «семитического теоретика». Он находит в нём политическую непоследовательность, но тут же приводит слова Бисмарка, сказанные в Рейхстаге перед депутатами при громадном стечении публики, что политик обязан эволюционировать, а значит прогрессировать. Слова первого министра Ее Величества и имперского канцлера совпадают до мелочи. Тут бы и следовало сказать о родстве еврейского ума Биконсфильда и арийского ума Канцлера Германии. Но Мюрэ этого не делает. На мой взгляд, то, что мы определяем понятием «умный человек», относится в равной степени как к «гоям», так и к евреям. В молодости писатель и поэт Дизраэли пел гимны равенству, принесённому ветром французской революции, и тогда он не занимался сочинением теории «о превосходстве еврея». Это вызвало удивление и недоумение современников. Но факт есть факт: это высказано в его романах и политических произведениях.

На Берлинском конгрессе в 1878 году Дизраэли боролся за религиозное равноправие, но не преуспел. Россия и Румыния – не поддавались... Две страны, прославленные религиозной нетерпимостью в XIX веке.

Дизраэли, однако, никогда не ограничивался лишь поддержкой требований евреев о справедливости. Он верил, что евреи, в силу своих достоинств и славного прошлого, заслуживают особого уважения, и со всей своей напористостью и изобретательностью работал в этом направлении, поскольку был взращён в христианских традициях, но его интерес к соплеменникам был подогрет большим путешествием по Средиземноморью и Святой Земле, которое он совершил в 1830-1831 годах. Его впечатлили достигнутые, несмотря ни на что, успехи сирийских (левантийских) евреев, этих Ротшильдов Востока, как он их называл. Значительную часть собранного здесь материала он использовал впоследствии в своих романах. Он отмечал, что паши предпочитали пользоваться услугами еврейских финансовых экспертов, тем более что в случае необходимости их было легко подвергнуть репрессиям. «Они писали свои финансовые документы на иврите, причем так неразборчиво, что они с трудом поддавались расшифровке», – писал он позднее, изобразив в «Танкреде» одного из этих финансистов под именем Адама Бессо. Больше всего Дизраэли любил Иерусалим, и в этом романе, опубликованном в 1847 году, описывает впечатления, полученные пятнадцатью годами ранее. Этот роман – его любимый; он удачно назвал его «художественным вариантом викторианской духовной автобиографии».

Дизраэли никогда не занимал оборонительную позицию, если кто-то утверждал, что евреи не хуже прочих людей. Наоборот, он утверждал, что они лучше, и говорил, что презирает «эту пагубную доктрину нашего времени о том, что люди от природы равны». Один современный историк полагал, что Дизраэли – марран, и в пользу этого предположения говорит многое. Дизраэли разбирает зарождение невежества, гордости и романтичности сефардов, которое переносит на евреев в целом. Самоуничижительное стремление ашкеназим рассматривать страдания евреев в духе Библии, как заслуженную кару за грехи – ничего для него не значит. Он придерживается точки зрения сефардов, что Израиль, будучи сердцем человеческого тела, несправедливо сделали плечом, несущим гнёт зла человечества. Будучи освобождены, таланты евреев воссияют так, что изумят мир. Они в массе своей талантливы от рождения. «Раса – это всё, – говорит его супергерой Сидония, – иной истины не существует».

Таким образом, Дизраэли занимался пропагандой изначального превосходства одних рас над другими задолго до того, как социальные дарвинисты сделали его модным, а Гитлер – печально известным. Как он писал про своего героя в романе «Контарини Флеминг», тот происходил «напрямую от одной из древнейших рас мира, четко ограниченной и незамутненной расы бедуинов, которые создали развитую цивилизацию в те времена, когда обитатели Англии бродили полуголыми по лесу и питались желудями». В романе «Конингсби» он пишет: «Сидония и его братья могли гордиться тем, чего были лишены саксы, греки и прочие кавказские нации – евреи были чистой расой». Эту привилегию евреи делили с арабами пустыни – «евреями-конниками». Дизраэли считал, что Моисей был «во всех отношениях человеком кавказской модели (!?), почти столь же совершенным, как Адам, когда тот был только что создан и помещен в Рай» («Танкред»). Дизраэли думал, что «упадок расы есть неизбежная необходимость, если только она не живет в пустыне и никогда не смешивает ни с кем свою кровь», как бедуины. Чистоту евреев спасли преследования, постоянное движение и миграция: «Арабы Моисея (*m. e. евреи*) – самая древняя, если не единственная, несмешанная кровь, которая ныне обитает в городах! Чистая раса первоклассной организации является аристократией по своей природе... Они сохранили свою незамутненную кавказскую структуру (!?), благодаря гению великого законодателя (Моисея)». «Сидония объяснял, что их давным-давно бы поглотили иные, смешанные расы, которые их преследуют, но те, в свою очередь изнашиваются и исчезают, в то время как их жертвы продолжают процветать во всей первобытной красе чисто азиатской породы» («Конингсби»). И в том же романе он подчеркивает: «Не спасают ни законы, ни физические мучения. Там, где смешанные расы преследователей исчезают, чистая преследуемая раса остается». Понятно, что современная наука отвергает подобную наивность (непрофессионализм?) Дизраэли.

Как же быть в таком случае с христианством? Парадоксальный ум Дизраэли дает ответ и на этот вопрос. «Я, – любил он отмечать, – являюсь недостающей страницей между Старым Заветом и Новым». Он получает большое удовлетворение, обвиняя как христиан за то, что они не признают достоинств иудаизма, так и евреев – за то, что они не понимают, что христианство есть «законченный иудаизм».

В своём предисловии 1849 года к «Конингсби» он утверждает: «Отстаивая суверенное право Церкви Христовой быть вечным восстановителем человека, автор считает, что пришло время, когда нужно попытаться воздать должное расе, что основала христианство».

Евреи дали миру Моисея, Соломона и Христа, «величайшего законодателя, величайшего администратора и величайшего реформатора – какая еще раса из ушедших или живущих могла бы породить такую троицу?» В равной степени абсурдным он считает и то, что евреи принимают «лишь первую часть религии евреев». В его бумагах в Хьюздене сохранилась запись, сделанная около 1863 года: «Я считаю Церковь (*Может быть всё-таки Синагога? – С.Д.*) единственным уцелевшим еврейским институтом – другого я просто не знаю... Если бы не Церковь (?), то не знаю, кто бы знал о евреях. Церковь(?) была основана евреями и сохраняла верность своим корням. Она оберегает их историю и литературу, храня их для всех... читая их вслух; благодаря ей, в памяти живы общественные деятели евреев, а по миру распространяется их поэзия. Евреи всем обязаны Церкви(?!)... История евреев есть либо развитие, либо ничто».

Дизраэли считал нелогичным, чтобы тори препятствовали принятию закона, позволяющего практикующим евреям заседать в парламенте, поскольку вера сефардов в традицию, в иерархию власти, в необходимость того, чтобы религиозный дух пронизывал бы всю светскую жизнь, присуща в основном и тори. Он отмечает в своей книге «Жизни лорда Джона Бентинка», что при голосовании по Закону о евреях в 1847 году лишь четверо тори голосовали за него: он сам, Джон Бентинк, Томас Беринг и Милнс Гэскел, и они «почти монополизировали ораторский талант на своей стороне Палаты». Именно выступление Бентинка по этому поводу в пользу прав евреев привело к тому, что он потерял пост лидера тори в Палате Общин. Результатом этого явился парадокс, который так любил Дизраэли: наказав Бентинка за выступление в пользу евреев, тори в конечном итоге получили Дизраэли в качестве своего лидера. И это, по мнению Дизраэли, было правильно: он верил в сочетание аристократии и *меритократии* (*власть по рождению и власть по заслугам; меритократия – сочетание латинского слова – достойный и греческого – власть, правление*), а евреи были в высшей степени меритократами.

Дизраэли не только с гордостью указывал на достижения общепризнанных евреев, он находил еврейский гений повсюду. Первые иезуиты были евреями. Лучшие маршалы Наполеона, Сульт и Массена (*он называет его Маннассия*) были евреями. Моцарт был еврей, а также композитор Россини, канцлер России Нессельроде, министр финансов России Канкрин. Этот список длинен и, вероятно, бесконечен, ибо евреи живут до сих пор, и никаких признаков умирания древнейшей нации мы не можем обнаружить. Нам указывают на ассимиляцию. Но она была всегда, на всём протяжении нашей четырёхтысячелетней истории. Но мы живём, вопреки времени, пространству и обстоятельствам! Под последними я разумею гонителей моего народа – от филистимлян до нацистов и арабов включительно.

В молодости Дизраэли был поклонником Байрона, как многие представители литературы не только англоязычной, но и русской во главе с Пушкиным и Лермонтовым, германской во главе с Гейне, польской во главе с Мицкевичем и Словацким. А Байрону принадлежит идея, которую подхватил семит Дизраэли в нужном ему ракурсе. «Принцип национальности, поборником которого был Байрон, является распространением той же самой «философии». Нация рассматривается как род, происходящий от общих предков и обладающий некоторым типом «кровного сознания». Мадзини, постоянно нападал на англичан за то, что они не оценили Байрона. Мадзини также старался выявить нации, обладающие мистической индивидуальностью, и приписывал им род анархического величия, который другие романтики искали в героическом человеке. Свобода для наций стала рассматриваться не только Мадзини, но и сравнительно умеренными государственными деятелями как нечто абсолютное, что делало на практике воинственное противостояние между нациями невозможным.

Вера в кровь и расу, естественно, ассоциировались с антисемитизмом. В то же время мировоззрение романтизма, отчасти вследствие своей аристократичности, отчасти потому, что оно предпочитало неистовую страсть вычислению, заключало в себе величайшее презрение к коммерции и финансам. Оно, таким образом, приводило к провозглашению своей враждебности к капитализму, которая резко отличается от враждебности социалистов, представляющих интересы пролетариата, поскольку враждебность романтизма осно-

ываается на отвращении к экономическим занятиям и усиливается убеждением, что капиталистический мир управляется евреями.

Эта точка зрения выражена у Байрона в тех редких случаях, когда он снисходит до того, чтобы остановиться на чем-то столь вульгарном, как экономическая сила:

*«Кто мировой рычаг своею сжал рукой?
Кто властвует на всех конгрессах – либеральных
И роялистских? Кто испанцев кинул в бой,
Как «безрубашечных», под шум писак журнальных?
Кто всем материкам удачей иль бедой
Грозит? Кто путь лощит политиков кабальных?
Кто бонапартовой экраном стал мечте?
Жид Ротшильд с Бэрингом – собратья во Христе».*

Стихи, возможно, не особенно музыкальные, но чувство вполне в духе нашего времени, и оно было подхвачено всеми последователями Байрона.¹¹ Пожалуй, мы можем узнать «Протоколы Сионских мудрецов» в зачаточной форме...

Филосемитская пропаганда Дизраэли на континенте Европы успеха бы не имела. Во всяком случае, евреи Европы не последовали бы за ним по причудливым тропам его воображения. Тем не менее, в начале XIX века образованными евреями была предпринята определенная попытка противостоять стремлению представить иудаизм пережитком средневекового мракобесия и заменить отталкивающий образ практикующего еврея, как его сформулировал Вольтер, исходя из Спинозы, интеллектуально привлекательным. Для первой задачи необходимо было нечто вроде моста между лучшими образцами раввинской теологии и миром светской учености. Спиноза предполагал (*а вслед за ним и те, кто находился под его влиянием*), что чем ближе вы знакомитесь с иудаизмом, тем меньше вы с ним соглашаетесь. Мендельсон никогда не смог бы опровергнуть это распространенное впечатление – поскольку был недостаточно сведущ в традиционной еврейской культуре. А у его более радикальных последователей и вовсе не было желания этим заниматься. Люди вроде Нафтали Герца Гомберга и Гартвина Уэсли, относясь положительно к изучению иврита, хотели бы покончить с традиционным еврейским образованием, забросить Тору и Талмуд и обратиться к своего рода естественной религии.

СПИНОЗА

Мюрэ вновь указывает, что он не анализирует философию голландца. Для него важнее тема: «Спиноза и иудаизм» или «Иудаизм и Спиноза». Это же относится и к другим очеркам книги. Посему и дальнейший анализ современников-евреев: Генрих Гейне, лорд Биконсфильд, Георг Брандес и другие были рассмотрены не как поэты, государственные люди, а как евреи. Между прочим, Морис Мюрэ не может воздержаться от общей оценки рассмотренных героев. Так, современники считали Спинозу «принцем атеистов», а поэт Новалис – «опьянённым философом Бога».

Новалис – псевдоним немецкого поэта-романтика Георга Фридриха Филиппа Фрай герр фон Гарденберга (1772–1798), по профессии горного инженера. Он являлся автором сравнения религии с опиумом, ставшего известным благодаря фразе Карла Маркса «Религия – опиум народа». В 1798 году в сборнике афоризмов «Цветочная пыльца» Новалис писал: «Ваша так называемая религия действует как опий: она завлекает и приглушает боли вместо того, чтобы придать силы». Генрих Гейне восхищался Новалисом. В русской литературе Новалиса воспевал Мандельштам в «Письме о русской поэзии», где Осип Эмильевич заметил: «Через Блока мы видим Пушкина и Гёте, и Баратынского, и Новалиса». Нечто подобное писал и Северянин в стихотворении «Голубой цветок»:

*«В желаньи счастья – счастье. Повстречались.
Сошлись. Живут. Не в этом ли судьба?
На Голубой цветок обрек Новалис, –
Ну, что ж: и незабудка тоже голуба...»*

Поскольку колебания Спинозы могли привести к прямо противоположным выводам, то Мюрэ пытался выделить общий смысл идей Спинозы и выяснить их происхождение. «Более чем к кому-нибудь другому, Спинозе подходит преклонение перед Богом. Бог – для него вселенная. Бог был всё; Бог – это другое название спинозизма. Будет ли для знаменитого пантеиста МИРОВАЯ загадка заключаться в одном еврейском слове и можно ли его философию объяснить его иудаизмом?»¹²

После смерти великого философа появились две биографии. Одна была написана врачом Мейером, а другая – лютеранским пастором Колерусом. Интересно, что в их трудах много идентичного. Оба отмечают мизантропию Спинозы, который вёл жизнь отшельника.

В то же время он был простодушным и строгим. Оба биографа говорят о высокой требовательности к себе. Одновременно был снисходителен и крайне терпимым к другим. Он был всегда погружён в собственные мысли и оберегал свою независимость. От себя я добавлю, что его «зазывали» к себе сильные мира сего, во главе с королём-Солнцем Людовиком XIV. Он был непреклонен. Проживал в скромном убежище, стараясь до минимума сократить общение с внешним миром. Последующие воспоминания содержат ряд инвектив, направленных против автора «Этики», но вряд ли они смогли поколебать его моральный статус. Есть описания внешности мальчика Спинозы: с ног до головы он был евреем. С правильными чертами лица, очень смуглой кожей, чёрными вьющимися волосами, с чёрными глазами и бровями. Молодой Барух представлял классический тип еврея-сефарда. Поначалу Барух учился в Амстердаме в йешиве «Эц ха-Хаим» – «Дерево жизни». «Школа» находилась рядом с португальской синагогой, которая действует по сию пору. Синагога была построена евреями, бежавшими от рук инквизиции с Пиренейского полуострова. Мюрэ приводит сведения 1680 года о программе занятий. Всего было шесть классов. Во главе каждого стоял специальный учитель. В первом классе учили письму на древнееврейском языке. Во втором классе осваивали Пятикнижие Моисея (Танах), заучивая его на память. В третьем – переводили те же книги, видимо, на язык страны, где они проживали, а также изучали комментарии Раши. В четвёртом классе изучались исторические и пророческие книги в том же порядке, как они расположены в Библии. Мальчики должны громко читать и переводить. Другие же должны «мысленно» заучивать текст, укрепляя память. В пятом классе начинают знакомить детей с Талмудом и его юридической частью – Галахой. Они должны говорить лишь на иврите и переводить Галаху на язык страны проживания. Затем приступали к изучению другой части Талмуда – Гемары. При приближении праздников и в праздничные дни читали и объясняли богослужение. В шестом классе занятия проводит Старший раввин (глава йешивы). В этом классе изучали грамматику и различные толкования, особенно останавливаясь на трудах Маймонида и других экзегетов Писания. Мюрэ подвергает резкой критике еврейское обучение: «Пристрастный труд, затемнив всё, что так или иначе касалось иудаизма, поступил конечно, жестоко и в данном случае».¹³

Тут же Мюрэ ссылается на антисемитские труды по анализу Талмуда, вроде книги профессора Пражского университета А. Роллинга «Еврей по Талмуду». (*Французский перевод 1889 года*). По словам Мюрэ вывод из чтения «научной публикации» сводится к неоспоримой «очевидности гнусности, злобности, жестокости моральной доктрины, лежащей в основе Талмуда». Объективность Мюрэ мы покажем ниже, предварительно сказав несколько слов в адрес католического богослова – антисемита Августа Ролинга (нем. August Rohling, 1839–1931, Зальцбург. Известен и другой год смерти, более «реальный» – 1912). Он был профессором в университетах в Мюнстере и Праге. Его книга «Der Talmudjude» (Мюнстер, 1871, многократно переиздавалась и переводилась на различные языки. Выступал на ритуальном процессе в качестве эксперта, подобно ксендзу Пранайтису на процессе Бейлиса, утверждая, что у евреев были и есть ритуальные убийства. Против него резко выступил знаменитый раввин Иосиф Самуил Блох (1850–1923). Роллинг, публично в печати уличённый во лжи и неграмотности, был вынужден поневоле обратиться в суд, в связи с обвинением в лжесвидетельстве, незнании Библии и Талмуда. Но ему же и пришлось прекратить судебное дело, возбуждённое против Блоха. Тем любопытнее капитуляция теолога перед светом правды. «Потеря лица», впрочем, его не исправила – юдофоб остался юдофобом. Но он навсегда потерял авторитет. Что же касается самого Мюрэ, то Талмуд с одной стороны – энциклопедия иудаизма и еврейской цивилизации, «нескладная коллекция всех сочинений, появившихся между V веком до Р.Х. и VI веком христианской веры».¹⁴ Будет справедливо указать, что Мюрэ, достойно оценил книгу Роллинга. Он называет её памфлетом с натасканными цитатами не только из Талмуда, но и из других источников, а посему: «...книга («Der Talmudjude») не содержит в себе ничего научного, она недостойна человека науки». И далее он говорит, что Талмуд «не клоака, как это утверждает Роллинг. Эта энциклопедия представляет, напротив, громадный интерес исторический, социальный и даже моральный».¹⁵ Что ж, здесь можно подписаться под каждым словом автора, ибо ничего оскорбительного в этой фразе нет. А немного выше Мюрэ отмечает, что Талмуд «скорее отмечает падение античного израильского идеала о всемирном братстве (*народов. – С.Д.*), который был так дорог пророкам».

Мюрэ приводит несколько передёргиваний Роллинга.

Например, при цитировании Талмуда приводит неполную фразу, сразу изменяющую смысл написанного: Талмуд повелевает не кланяться благородному, «забывая» дать концовку, углубляющую мысль и не имеющую ничего общего с презрением к сильному мира сего: «... не кланяться благородному во имя Бога».¹⁶

Мюрэ вновь категорически дублирует свою основную мысль в «защиту» Талмуда от невежды: «Нет, Талмудское море не есть клоака, как то утверждает Роллинг. Эта энциклопедия представляет, напротив, громадный интерес исторический, социальный и даже моральный».¹⁷ По мнению Мюрэ, Талмуд даёт первостепенные указания относительно психологии позднейшего израэлитя. **«Собственно идеал расы остался неизменным в продолжение тысячелетий. Существенные черты древнееврейской души: чувство реального, практичность ума, ясного и устойчивого, остались неизменными. Лишь Космополитизм уступил место национализму в Талмуде».** Что вообще не совсем точно. Подобно другим народам, еврейская психология, на мой взгляд, колеблется от интернационализма до национализма. Можно сравнить евреев, например, с русским народом, у которого «квасной» патриотизм перемешан с идеей наднациональной. В Англии «джингоизм» соседствует с «политкорректностью». Важнейшее, что Мюрэ замечает в Талмуде – это отсутствие слова «Вера», но встречается слово «Доверие».

Иудаизм, таким образом, «сурово требует реальных актов благодеяния. Требуются только дела, и цель человека заключается в распределении между людьми справедливости».¹⁸ Есть и такое замечание швейцарца, что ежедневное занятие Талмудом составляет гимнастику ума. «Благодаря ей, он приобретает необыкновенную тонкость и остроту, мышление становится строгим, мысль логической, одним словом – ум развивался широко».¹⁹ Вместе с тем он говорит о мелочности, узком формализме, бесконечном лабиринте тонких мудрствований.

Нужно привыкнуть к такой тонкости мышления, проникающего в самую сущность идей. Всё это под силу лишь еврею. Профессор Сорбонны, философ Арсен Дармстетер (1846–1888) резюмирует, что, развивая хорошо одаренный ум изучением Талмуда, можно сделать человека резонёром, сильным в логике и пронизательности. И далее он пишет: «Вы получите Спинозу, который в своей философии обнаруживает тонкость и глубину Талмуда».²⁰

Небольшой «земной» комментарий.

В любой человеческой деятельности усердие неизбежно должно привести к высоким результатам. Для этого не обязательно изучать Талмуд. Обратите внимание на океан детективной литературы, где герой-следователь обладает сильным логическим умом и проницательностью. Ни Шерлок Холмс, ни Пуаро и им подобные йешив не заканчивали и Талмуд не изучали.

Тонкость и глубина – вот два качества, унаследованные Спинозой у своих учителей. Оспорить это невозможно. Он обязан Талмуду высокой дисциплине. Ум и усердие ученика возбуждали надежды у его законоучителей. Особенно у Саула Леви Мортейры, знаменитого амстердамского талмудиста, и у прославленного Манассе бен-Израиля. Последнего, Мюрэ не упоминает. Но ученик оказался строптивного нрава и не желал становиться «столпом Храма». Его учителя дали ему максимальное духовное образование, но он перешагнул очерченные границы и познакомился со светскими сочинениями, не спрашивая совета у талмудистов. Здесь начинается бессмертие Спинозы и его личная трагедия и трагедия его учителей. Девизом для Спинозы служило латинское изречение «Caute» – осторожно. Знакомство с трудами Декарта оттолкнуло его от учителей, и он покинул «синагогу» – в широком смысле этого слова. Его учителя не останавливались перед угрозами, угрозами и даже подкупом, предлагая ему содержание в тысячу флоринов лишь с тем, чтобы он посещал синагогу. Но вернуть его в лоно иудаизма, подобно несчастному Уриэлю Акосте, не удалось. Барух ответил, как должен был ответить мученик за веру (или я бы сказал, мученик за безверие), что даже сумма в десять раз большая предложенной не изменила бы его решение. И хотя Спиноза не вносил в свой разрыв враждебности, противоположная сторона объявила ему жестокую войну. Слово из песни не выкинешь. 27 июля 1656 года в возрасте 24 лет Спиноза был отлучен от еврейской религиозной общины и вынужден был уехать из Амстердама. Сам Спиноза иронизировал, что его уход был абсолютно невинным, не то что Исход евреев из Египта. Намёк достаточно понятный, ибо дети Израиля унесли из Египта несправедливым путем несметные богатства...

Мюрэ также, ссылаясь на биографов Спинозы, утверждал духовную его связь с меннонитами, достаточно многочисленной протестантской сектой. Это пошло ему на пользу, ибо, встречаясь с людьми разных направлений, читавшими и толковавшими Библию,

он значительно расширил свой горизонт. Спиноза кормился полированием оптических стёкол, посвящая остальное время философским занятиям. Но Мюрэ этим не удовлетворяется. Ссылаясь на труд Готлиба Штолле, изображавшего автора «Этики», ведущего в Гааге «светскую жизнь», при общении со знаменитостями того времени и являвшегося на публике всегда со шпагой на боку.(!?) «Он одевался элегантно и позволял себе лишнее в пище и еде, пока не схватил чахотки, от которой и умер».²¹ Из двух образов: святого и грешника автор предоставляет нам выбрать любой. Но он желает узнать: не является ли свободомыслие Спинозы еврейского происхождения? Далее Мюрэ проводит атаку на Еврейского Бога: еврейский монотеизм не есть вера, основанная на данных разума. Это чистый инстинкт. «Это – религиозная доктрина, лишённая всяких внешних покровов, это – духовная одежда, вся целиком и до конца, сотканная Иеговой для своих детей. Израелиты считали преступным коснуться чего-нибудь в этом Божественном произведении. Такое убеждение служит доказательством верного инстинкта. Наряду с великими религиозными созданиями первобытного еврейского гения, какими робкими кажутся умозрительные опыты индийцев и греков».²² Мы можем гордиться этой фразой, но вслед за тем идёт рассуждение о том, что лишь после рассеянья, когда иудеи вошли в контакт с другими народами, в первую очередь с греками, они стали заниматься философией. Это не совсем точно. Вся история евреев есть постоянное общение с соседями: ближними и дальними. Чего стоит одно путешествие царицы Савской к царю Соломону! А языковая близость с финикийцами позволяла евреям видеть весь мир Средиземноморья ещё во времена незапамятные. Возможно, что они вместе прошли Геркулесовы столбы и проплыли вокруг Африки в незапамятные времена фараона Нехо! Это было 2600 лет тому назад! Да и вообще невозможно найти народы, которые могли отгородиться «железным занавесом» от соседей: ближних и дальних. В данном же случае Мюрэ говорит о «мало оригинальной доктрине греков».

Мюрэ рассматривает идеи Спинозы только с точки влияния на него еврейских идей, рассуждает о своём отношении к каббалистическому «Эйн Соф» (бесконечность), считая «его» – не личным Богом Священного Писания. Это не еврейское Провидение. «Но Он есть субстанция и, как говорит Спиноза, «постоянная причина», принцип, в одно время и активный, и пассивный – всего, что существует; или лучше сказать, Он сам собою заполняет время и про-

странство, вечность и безмерность».²³ Бог для Спинозы – всё то, что существует, и всё то, что есть могущественного во вселенной. Посему еврейский, христианский, магометанский монотеизм должны относиться, по его мнению, к политеизму. Что не мешало Спинозе заимствовать из Каббалы целые формулы и переносить их в свою доктрину.

В главке «Еврейские и антихристианские идеи Спинозы» Мюрэ утверждает, что философ черпал полными руками «богатства в мудрости своего народа; он обнаруживает иудейский ум в своеобразном разрешении поставленных вопросов».²⁴ Для Спинозы старый еврейский Бог – пантеист, иначе говоря Ягова – опора морального закона. Религия «изгоя» Спинозы ведёт к любви к Богу, и любви к ближним. Причём любовь к ближним «есть необходимое условие любви к Богу. Из понятия Спинозы о Боге вытекает разом и его богословие, и его этика, и даже социология».²⁵ Мюрэ находит следы еврейского мышления у Спинозы в трудности понимания бессмертия души, ибо у евреев этот принцип не имеет «силы догмата». Бессмертие, по Мюрэ, абсолютно чуждо еврейскому национальному гению. Система Спинозы совершенно исключает личное бессмертие. И это результат еврейской тенденции – утилитаризма. Принцип Спинозы: «Кто сильнее и способен найти для себя полезное, обладает большими добродетелями». И Мюрэ утверждает, что это положение более еврейское, чем христианское. И далее он находит в «Этике» акт враждебности против христианства, считает его вызовом, брошенным евреем, верующим в XVII веке. Ну и, конечно, эти выпады философа против христианства достаточно завуалированы, но чем глубже Мюрэ проникает в систему Спинозы, тем зримей становится, как мало-помалу философ снимает маску. «И он в сильных категорических выражениях осуждает религию Христа. Он с презрением относится к тем «мыслителям», весьма многочисленным в его время, которые в тайнах религии находили метафизику. Впрочем, метафизика спокойно дождала до нашего времени и не собирается отступать в тень. Наоборот, её представители выходят на авансцену. Спиноза приводит доводы против забот о смерти и догмата о последнем суде и тесно связывает это с доктриной о бессмертии. Естественно, христиане видят в этом открытое нападение на догмат о бессмертии души. Но с другой стороны, на Спинозу евреи наложили проклятие «Херем» (отлучение), как незадолго до этого на Уриэля Акосту. И этот «херем» с него не снят до сих пор.

Видный адвокат и общественный деятель Г.Б.Слиозберг (1863–1937) отвечал на свой же вопрос: «... является ли Спиноза еврейским философом? Имеем ли мы основание, не нарушая нашего национального достоинства (я уже говорил о том юдаистическом духе, который нас сохранил как нацию, несмотря на тысячелетние преследования), гордиться и тем, что Спиноза был еврей? Не имеем ли мы, напротив того, больше оснований горько сожалеть о том, что Спиноза, несмотря на свой гений, величие которого все мы признаём, оказался врагом еврейства, ренегатом, мстительно злобным клеветником и, как выразился Герман Коген, обвинителем еврейства пред христианским миром? Нужно ли «отменять» херем, произнесённый прозорливыми отцами амстердамской синагоги?...

Мы же... можем только скорбеть о том, что по отношению к еврейскому народу Спиноза оказался ненавистником, и что память об инквизиции, преследования которой вызвали бегство его семьи и его самого из Португалии, не удержала его от этой ненависти».²⁶

Хочется сказать несколько слов в адрес крупного немецкого философа Германа Когена (1842–1918), основателя марбургской школы неокантианства. Учёный никогда не прерывал своей еврейской деятельности. В 1902 году стал одним из основателей «Общества поддержки иудаики». В 1914 году, накануне мировой бойни, посетил Россию, где в Варшаве, Петербурге и Москве читал публичные лекции о значении еврейства.

Кроме философских трудов, получивших мировое признание, летний цикл лекций Когена в Марбурге собирал большую аудиторию. Послушать его приезжали из разных стран. Одним из слушателей в 1912 году, кстати, был юный Борис Пастернак, который произвёл большое впечатление на учёного. Коген предложил ему написать докторскую работу, но любовь к поэзии победила...

В России Герман Коген известен по работе Владимира Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», где, естественно, подвергся шельмованию за идеализм.

Но другие русские марксисты, как Струве и С.Булгаков, находились под его влиянием. Наряду с философскими работами написал ряд статей в области иудаики, в том числе «Ознакомление с еврейским вопросом» («Ein Bekenntniss in der Judenfrage», 1880) и «Культурно-историческое значение Субботы» (*Die kulturgeschichtliche Bedeutung des Sabbat*, 1881).

Посмертно были опубликованы книги «Религия разума по источникам иудаизма» (*Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums*, 1919), «Германство и еврейство» (*Deutschtum und Judentum*), и «Этика Маймонида» (*Die Ethik des Maimonides*).

В защиту Баруха Спинозы мы можем сослаться на крупного немецкого философа Мартина Хайдеггера (1889-1976), члена нацистской партии с 1933 по май 1945 года, который, будучи антисемитом, создал учение о Бытии. Но в середине 30-х годов «банальный» юдофоб, «ржавший в конюшнях» Адольфа Гитлера, публично заявил, что если философия великого голландца «еврейская», то и вся философия является еврейской: от Лейбница до Гегеля. Бертран Рассел в своей «Истории Западной философии» (московское издание 1959 года, без включения главы о Карле Марксе) в X главе под названием «Спиноза» отдаёт должное великому философу. Вместе с тем Рассел осторожно говорит о предвзятости его современников к нему из-за его происхождения.

«Спиноза (1632–1677) самый благородный и привлекательный из великих философов. Интеллектуально некоторые превосходили его, но **нравственно он выше всех.** Естественным следствием этого было то, что на протяжении всей жизни и в течение века после смерти его считали человеком ужасающей безнравственности. Он родился в еврейской семье, но евреи отлучили его от синагоги. *(В советском переводе – отлучили от церкви!? Ну и ну! Какова цензура на еврейскую тему, даже освещающую мимоходом. – С.Д.)* Одинаково ненавидели его и христиане. Хотя во всей его философии господствует идея Бога, церковники обвиняли его в атеизме. Лейбниц, который был ему многим обязан, скрывал это и в целях предосторожности воздерживался от того, чтобы сказать хоть слово похвалы ему: он зашёл даже настолько далеко, что говорил неправду о степени своего личного знакомства с еретиком евреем». Лицемерие знаменитого философа и страх за связь с «евреем».²⁷ За Лейбница это сделал философ-нацист Мартин Хайдеггер. Гёте называет Спинозу, наряду с Шекспиром и шведским естествоиспытателем Карлом Линнеем, в числе трёх личностей, оказавших сильнейшее влияние на его жизнь и творчество. Глубокое влияние Спинозы испытал великий композитор Густав Малер, признавший символ веры «Бог есть природа». Более того, он считал, что идеи Спинозы развил Гёте: «Природа есть единая всеобъемлющая субстанция, проявляющаяся в бесконечности отдельных вещей; она же – только она – есть Бог».²⁸

Большое влияние Спиноза оказал на мировоззрение Альберта Эйнштейна. В телеграмме раввину нью-йоркской синагоги Герберту Гольдштейну Эйнштейн пишет: «Я верю в бога Спинозы, который проявляет себя в упорядоченной гармонии сущего, но не в бога, который интересуется судьбами и поступками человеческих существ». В ходе полемики с Нильсом Бором, который был поклонником философии голландца и наполовину евреем, Эйнштейн апеллировал к авторитету «старика Спинозы», а за год до своей смерти написал предисловие к изданию словаря терминов Спинозы. Спиноза – важная историческая личность на родине в Нидерландах. Самая престижная премия в области науки названа в его честь – премия Спинозы. С пометкой «За поиск истины», (мы вспомним об этих поисках ниже) он включен в пятьдесят основных тем программы по истории в нидерландских школах. Его портрет нанесён на банкноту в 1000 гульденов, которая была в обороте до введения евро. Это всё в похвалу великому голландскому мыслителю. Ему было отведено почётное место в русской философии. Понятно, не в дни гонения на евреев. Но его издавали. И в престижной серии ЖЗЛ, и в любой энциклопедии ему было отведено почётное место. Но антисемитизм – это нечто патологическое. Антисемитизм зиждится на многих отрицательных человеческих чертах характера, в том числе, и на зависти. Я привожу удивительно подлые стихи, написанные сравнительно недавно, в 1993 году, неким поэтом. Откуда такая злоба и ненависть? Вероятно, от понимания своего ничтожества. Геростратова слава во многих жива до сих пор. Не хочется указывать фамилию этого виршеплёта.

Превращение Спинозы

*«Смотрел загадочно Барух,
Шлифуя линзы быта,
Как пауки ловили мух
В углах звезды Давида.
Из всех её шести углов,
Из тупиков унылых
Собрал философ пауков
И в банку поместил их.
Друг друга жрали пауки.
Задумался философ.
Но были мысли далеки
От мировых вопросов.*

*Нюх щекотал кровавый дым –
Паучий бой кончался.
В нечистой склянке перед ним
Один паук остался.
Была разгадка так близка.
Философ не сдержался
И превратился в паука,
И в банке оказался.
Остался жив один из двух,
Один пожрал другого.
Но знать, кто был из них Барух,
Нет смысла никакого».*

Ну, что ж: да здравствует капитан Лебядкин, который дожил до наших дней и перешёл к черносотенцам. Какое-то странное соединение Франца Кафки и Лебядкина. К своему стыду, я не знал этого поэта и не знал, насколько высоко ценят его творчество в «Нашем современнике». Вроде даже вровень ставили с его тёзкой Кублановским. Стихотворение о Спинозе мне попало в глаза случайно. От брезгливости меня чуть не стошнило.

Я перечитал доступную лирику автора стишка. Честно скажу – не восхитился, но и совсем не впал в уныние. Средние стихи и средняя культура, хотя он, оказывается, профессор Литературного института и редактор толстого журнала. Вспомнил к месту и другого профессора от литературы Василия Журавлёва, перепутавшего свои водянистые стихи с чеканной лирикой Ахматовой. Но наш профессор от поэзии облокотился на плечо псевдоцерковного национализма. Что не мешало «истинно верующему» в 1975 году вступить в компартию. Не знаю: остался ли он в ней или выбежал, как многие ему подобные. Было б любопытно узнать...

Премии посыпались на нашего «профессора», как из рога изобилия, в том числе Есенинская премия (1998), а до этого «Знак почёта» (1984), в 1990 году он стал лауреатом Государственной премии РСФСР им. М.Горького и, представьте себе, не нашёл в себе мужества отказаться от неё. И далее в один год – 2001 премия имени М.Ю. Лермонтова и..., – что меня убило: премия Кедрина «Зодчий»! Заметим, что все четыре литературные премии носят имена безбожников: Горький писал о церковниках-черносотенцах достаточно; Есенин – богохульник, о чём я написал в связи с фальшивым фильмом «об убийстве» поэта. Что же касается Лермонтова, то не буду говорить о его еврейских мелодиях, а расскажу о публичном позорище России по отношению к своему гению.

В Ленинграде, в Казанском соборе существовал в годы советской власти Музей религии и атеизма. Музей сохранился под названием «Музея истории религии». На одной реликвии, иконе, написанной к 300-летию дома Романовых, мы можем обнаружить портрет Михаила Лермонтова, горящего в аду. Икона была написана известным художником-портретистом иеромонахом Даниилом Болотовым (?), внуком известного писателя конца XVIII – начала XIX в.в. Имя Болотова было связано с Сергеем Нилусом, и у Болотова долго хранилась «рукопись» «Протоколов Сионских мудрецов». Ну и, наконец – премия «Зодчий» в честь Дмитрия Кедрина. Интересно, кто-нибудь из семьи Дмитрия Борисовича принимал участие в жюри конкурса? Думаю – нет. Кедрин, если и не был евреем, то ненавидел юдофобов лютой ненавистью и они расплатились с ним. Да ещё и надругались, присудив прохвосту премию. А ведь Кедрин писал о Спинозе тоже и, как! Вот отрывок из его драмы «Рембрандт»:

*«До всех, кто верует, во имя Бога,
Об отлучении Спинозы весть
Хоральная доводит синагога:
Израиля врагами научён,
Закон колеблет еретик Спиноза,
А потому да будет вынут он
Из тела иудейства, как заноза!»*

Рембрандт

Барух Спиноза! Ба! Натурищик мой!

Писец

*«Пусть голодом язвим и мучим страхом,
Бездомен будет летом и зимой
Вероотступник этот, этот ахер,
И отлучён, и погружён во тьму,
И, как евреи из страны Мицраим,
Везде гоним. Проклятие ему
Изрѣк раввин Манассе бен-Израиль.
Пусть, на людей поднять не в силах глаз,
В лесах скрывается, подобно зверю.
В осведомленье граждан сей указ
Составлен и подписан...»*

Другие русские поэты также много писали о Великом голландце, ну, например, К.Н. Льдов, создавший по легенде о трагической любви Баруха небольшую поэму. Эпиграфом взяты дивные слова мыслителя: «Nec ridere, nec lacremare, sed intelligere. Spinosa.

(Не смеяться, не плакать, но понимать.)

Или вот чёткий сонет Георгия Шенгели:

СПИНОЗА

*Они рассеяны. И Тихий Амстердам
Доброжелательно отвёл им два квартала,
И жёлтая вода отточного канала
В себе удвоила их небогатый храм.*

*Растя презрение к неверным племенам
И в сердце бередя невынутое жало,
Их боль извечная им руки спеленала
И быть едиными им повелела там.*

*А нежный их мудрец не почитает Тору,
С эпикурейцами он предаётся спору
И в час, когда горят светильники суббот,*

*Он, наклонясь к столу, шлифует чечевицы
Иль мыслит о судьбе и далее ведёт
Трактата грешного безумные страницы.²⁹*

Совсем юный Валерий Брюсов увлекался философией Канта и Шопенгауэра, но более всего его пленила система Спинозы, причём настолько, что поэт написал подробный комментарий к «Этике». А также написал интересное стихотворение:

СПИНОЗИАНЫ

*Утром жадно пахнут розы,
Утром грёзы грезят вслух –
И холодный Бог Спинозы
Для меня и нем, и глух.
Но вечерний мрак наляжет
На раскрытые цветы
«Ты – один, – мне кто-то скажет,
«Мы одни» – вздохнут мечты.
И пред образом конечным
Полон страхом и стыдом,
Я пытаюсь слиться с вечным,
Бесконечным существом.
Нет веселости беспечной
И в душе, во мгле тревог,
Так понятен бесконечный
И предвечно-мёртвый бог.*

Июнь 1895

Ну, а в наше время авторами стихов о Спинозе стали смердяковы... Вот их я понимать отказываюсь.

Что же касается пауков и мух, за которыми наблюдал Барух Спиноза, заметим, что это было время открытий. Линзы, иначе чечевицы, которые шлифовал философ, можно было направить в любое место и открывать новые миры. Помните у Николая Заболоцкого?

*«Сквозь волшебный прибор Левенгука
На поверхности капли воды
Обнаружила наша наука
Неизведанной жизни следы.
Государство смертей и рождений,
Нескончаемой цепи звено, –
В этом мире чудесных творений
Сколь ничтожно и мелко оно!
Но для бездн, где летят метеоры,
Ни большого, ни малого нет,
И равно беспредельны просторы
Для микробов, людей и планет.*

.....
*И в углу невысокой вселенной,
Под стеклом кабинетной трубы,
Тот же самый поток неизменный
Движет тайная воля судьбы.*

Отцом Павлом Флоренским об увлечении Спинозы сказано кратко и ёмко. Отталкиваясь от Гераклита Эфесского, который «ясно почуял, что существует бог-Слово, впервые открыл высшую гармонию и сверх-мирное единство бытия... Открыв совершенную гармонию Слова, он со всею возможною, – для живущего до Христа, – острою увидел внутреннюю вражду мира. Впоследствии, это бывало не раз, и даже спинозовских пауков и спинозовскую радость при слухе о войне можно отнести за счёт созерцания единой Субстанции...»³⁰

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Переходя к анализу «еврейского духа» немецкого поэта, Мюрэ вновь ссылается на спинозизм, который весь пронизан иудаизмом. Однако считать Гейне просто семитом и определять его гений как «восточный», является ошибкой. «Великий немецкий лирик», так называет его автор, обнаруживает своё еврейство. Но, конечно, не так грубо и глупо, как утверждает антисемит профессор Трейтчке (Трейчке). Гейне, по словам Трейтчке, франкофил и хулителъ Германии. И самое последнее и самое нелепое обвинение, слышимое мной (*Саввой Дудаковым*) в адрес кого бы то ни было: «Это не немецкий поэт, – кричит он, – это безумец, который оставляет без внимания музу Бахуса! Чего можно ждать от пьющего воду? (*«Они потихоньку пивали вино, проповедуя воду публично».* Генрих Гейне). Этот человек грязнит германскую литературу. Его гений есть оскорбление для настоящих германских поэтов, которых радует вид бесчисленных выпитых кружек и которые не отрицают национальных традиций, в том числе и неумеренного пристрастия к напиткам». ³¹ Это нечто идиотическое. Что же говорить русскому народу, пристрастие к алкоголю которого неизмеримо выше, чем немецкого? Делить поэтов по принципу: пьющий – истинный славянин, приверженец лозунга «Руси есть веселие пити – не можем без этого быти», и на непьющих, которые же, конечно, все евреи. Например, Виссарион Саянов (в «девичестве» Махлин) или Михаил Светлов (в «девичестве» Шейнкман) или даже Иосиф Бродский (несомненный потомок еврея-сахарозаводчика) – все они отличались непомерным употреблением спиртного... Последние – истинные православные русичи. Напомним, что против вышеупомянутого Генриха фон Трейтчке (1834–1896) вызвавшего антисемитское движение в Германии, энергично выступил знаменитый историк Теодор Моммзен (1817–1903), который в разгар полемики заявил, что не подаст руки Трейтчке. (*Моммзен, защищая евреев, в 1893 году написал брошюру, где обрисовал истинное положение евреев в России, назвав его самым чёрным пятном в истории XIX века. Вместе с тем, в своих исторических трудах он неодобрительно касался вопроса космополитизма евреев, что и было подхвачено юдофобами.*) Мюрэ справедливо замечает, что есть что-то ребяческое в обвинении Трейтчке, но хотелось бы остановиться на патриотизме и франкофильстве великого поэта. Отметим, что поклонников поэзии Гейне в германоязычных странах было огромное количество.

Стать при жизни первым поэтом Германии, будучи евреем – это не так просто. Среди его поклонников были люди самого высшего общества. Одним из них был князь Меттерних, канцлер Австрийской империи, правда, который палец о палец не ударил, чтобы помочь поэту с изданием стихов. Другой, правда посмертной, «покровительницей» поэта-еврея, была австрийская императрица Елизавета, знаменитая «Сисси». Она переводила любимого поэта на греческий язык и поставила ему памятник на острове Корфу. Подобная идея установки памятника в Германии вызвала у юдофобов и националистов приступ истерии, не проходящий до сих пор. Они даже кинулись за помощью к «железному канцлеру» князю Бисмарку. Но напрасно! Строитель империи ответил антисемитам, что в Германии рядом с поэтом Гейне можно поставить лишь Гёте. Впрочем, это не помогло сооружению памятника. Возникает вопрос: «Почему канцлер ценил столь высоко Гейне?» Конечно, Отто фон Бисмарк был человеком высокой культуры и «всеохватывающего ума» («ум гоя» – это тоже важно в рамках нашей темы), и он увидел то, что проморгали хулители поэта-еврея. Да, Гейне был франкофилом. Но кто из мировой интеллигенции не был поклонником великой французской культуры? Даже первый пруссак, король Фридрих Великий, заставлявший себя думать по-французски!

Об этом изячно сказал Блок в стихотворении «Возмездие»

*«Язык французский и Париж
Ему своих, пожалуй, ближе.
(Как всей Европе: поглядишь –
И немец грезит о Париже)»*

Бисмарк был послом Пруссии в Петербурге. Он прекрасно выучил русский язык и никакого высокомерия к России не испытывал. Как только возник призрак франко-русского союза, означающего борьбу на два фронта, он мгновенно оценил ситуацию и предложил кайзеру приступить к переговорам с Францией и в качестве компромисса вернуть часть Эльзаса и Лотарингии. Но, увы, не все «гои» были столь умны, как престарелый канцлер. К чему это привело – всем известно. Кажется, Абеляр был прав...

А теперь, то предисловие к великой поэме «Германия. Зимняя сказка», непонятое немецкими националистами:

«... Успокойтесь! Я люблю отечество не меньше, чем вы. Из-за этой любви я провёл тринадцать лет в изгнании, но именно из-за этой любви возвращаюсь в изгнание, может быть навсегда... Я французофил, я друг французов, как и

всех людей, если они разумны и добры; я сам не настолько глуп или зол, чтобы желать моим немцам или французам, двум избранным великим народам, свернуть себе шею во благо Англии и России, к злорадному удовольствию всех юнкеров и попов земного шара. Успокойтесь! Я никогда не уступлю французам Рейна, уже по той простой причине, что Рейн принадлежит мне... , на его берегу стояла моя колыбель, и я отнюдь не считаю, что Рейн должен принадлежать кому-то другому, а не детям его берегов. Эльзас и Лотарингию я не могу, конечно, присвоить Германии с такой же лёгкостью, как вы, ибо люди этих стран крепко держатся за Францию, благодаря законам равенства и тем свободам, которые так приятны буржуазной душе, но для желудка масс оставляют желать многого. Я между тем, Эльзас и Лотарингия снова примкнут к Германии, когда мы закончим то, что начали французы, когда мы опередим их в действии, как опередили их в области мысли, если мы взлетим до крайних выводов и разрушим рабство в его последнем убежище – на небе, когда Бога, живущего на земле в человеке, мы спасём от его унижения, когда мы станем освободителями Бога, когда бедному, обездоленному народу, осмеянному гению и опозоренной красоте мы вернём прежнее величие, как говорили и пели наши великие мастера и как хотим мы – мы, молодые. Да не только Эльзас и Лотарингия, но вся Франция станет нашей, вся Европа, весь мир – весь мир будет немецким! О таком назначении и всемирном господстве Германии я часто мечтаю, бродя под дубами. Шаков мой патриотизм».³²

Действительно в области философии Германия шла впереди всего человечества. Один только этот перечень чего стоит: Лейбниц, Эммануил Кант, Шопенгауэр, Гегель, Фридрих Шлегель, Людвиг Фейербах и многие другие. Бисмарку было всё понятно, даже левизна поэта. Сам он, борясь с Фердинандом Лассалем, Эдуардом Ласкером и другими социал-демократами, понимал их чаянья. При этом преследуя и не разделяя их взглядов. Но увидеть германский патриотизм Гейне и оценить его, даже в частном анализе положения Эльзаса и Лотарингии – он был в силах. «Всемирное господство Германии», даже в варианте еврея-гения – это не шутка! Вот уж действительно Гейне прав. Патриотизм бывает разный:

*«Одни негодяи, чтоб вызывать,
В сердцах умиленья порывы,
Стараются выставить напоказ
Патриотизма нарывы».³³*

Кстати, в мае 1933 по инициативе Геббельса в нескольких немецких университетах было совершено публичное сожжение книг великих писателей.

Но, уничтожив книги Генриха Гейне в числе «ликвидированных», тем не менее для себя лично министр пропаганды собрал большую коллекцию прижизненных изданий поэта, чтобы наслаждаться ими в одиночестве. Для Геббельса было неважно, что любимый им поэт – еврей.

Генрих Гейне причислял себя к «эллинам» и насмехался над «назаретянами». Мюрэ допускает, что поэт грубо ошибается в своем самопознании. Что же касается религии, то крестившийся в юности «Гарри» на склоне лет вернулся к еврейскому монотеизму. И, подобно Дизраэли, он исповедует еврейский демократический идеал, который нашёл выражение в Библии и Талмуде. «Догматы, которые со времени пророков составляют иудейскую веру, названы Дарместетером «единством закона в мире и земной победой справедливости над человечеством».³⁴ Двусмысленная фраза: не то похвала, не то – хула. Собственно главка о взглядах поэта называется «Трёхцветное Евангелие Генриха Гейне». Он стоит как бы в стороне и всегда рассуждает как космополит. Он сравнивал разные народы, отмечая их сходства и различия. Он не признавал «национального предрассудка». У Гейне множество врагов, ибо он нападает на своё отечество – Европу. Он пишет тучи эпиграмм, унижает тысячами колкостей. Но, оказывается, это делается только ради Франции. Но, по моему мнению – его космополитизм с «ограниченной ответственностью». После революции 1848 года публиковались списки «пансионеров» (платных агентов правительства Луи-Филиппа). И среди них оказался и немецкий поэт. Несколько иронических слов было сказано в адрес Гейне Марксом в письме к Энгельсу, но в печати он воздержался от каких-либо комментариев. *(Смею заметить, что публикация такого списка в любой бывшей соц. стране, включая в первую очередь и СССР, вызвала бы невероятные жестокости и преступления. Добавим, что поэт предлагал свои услуги и Пруссии, но что-то «не срослось».)*

Гейне считал себя космополитом. Кто мог сказать пару тёплых слов в адрес Николаевской России? Только Гейне. То ли под «благодетельным влиянием» Фёдора Тютчева, то ли – благодаря денежной дотации поэта и дипломата, князя Петра Борисовича Козловского, встреченного им на водах? *(В конце ноября 1827 Гейне в Мюнхене завязывает близкое знакомство с Ф.И.Тютчевым. В письме к своему приятелю он называет Тютчева «своим лучшим другом». Дом Тютчевых является для Гейне «прекрасным оазисом», а самого Тютчева он называет «лучшим из своих здешних друзей».)*

Тютчев и был первым переводчиком на русский язык Гейне. Сохранилось одно письмо Гейне к Тютчеву от 1 октября 1828 года. Козловский в те времена являлся «главным консультантом» маркиза де Кюстина по России)

Факт остаётся фактом. Вот эта дивная цитата из «Путешествия на Грац», относящаяся к русско-турецкой войне 1828-1829 г.г.: «Вы за русских?» – Это был вопрос, на который я бы ответил бы повсюду... .. я ответил: «Да, я за русских» И в самом деле, в удивительной смене лозунгов и вождей, в этой великой борьбе обстоятельств сложились так, что самый пылкий друг революции видит спасение мира только в победе России и даже смотрит на императора Николая как на гонфалоньера (*знаменосец, судья справедливости – С.Д.*) свободы... ..зная мы...перенесли в Петербург, избрав знаменосцем императора Николая, рыцаря Европы, защищавшего греческих вдов и сирот от азиатских варваров и заслужившего в этой доблестной борьбе свои шпоры. Опять враги свободы слишком явно выдавали себя, и той пронизательностью, которую они проявляют в своей ненависти, мы вновь воспользовались для того, чтобы познать, в чём наше собственное благо. Повторилось обычное явление: ведь наши представители определяют не столько нашим собственным выбором, сколько голосами наших врагов, и, наблюдая удивительно подобранный приход, воссылающий к небу благочестивые мольбы о спасении Турции и гибели России, мы скоро обнаружили, кто нам друг или, вернее, кто внушает страх нашим врагам. И смеялся, должно быть, Господь Бог на небе, слушая, как Веллингтон, великий муфтий, папа, Ротшильд I, Меттерних и целая свора дворянчиков, биржевиков, попов (*поп, по мнению Гейне, – любой клерикал. – С.Д.*) и турок молятся одновременно об одном – о спасении полумесяца! Всё, что алармисты (паникёры) сочиняли до сих пор об опасности, которой подвергает нас чрезмерная мощь России, – сплошная глупость».³⁵ Пожалуй, под каждой строчкой Гейне мог подписаться Фёдор Достоевский на страницах своего знаменитого «Дневника» во время русско-турецкой войны 1877 года! Да, Достоевский высоко ценил творчество «жида». Много раз он вспоминает Гейне, но ни разу не обзывает ни жидом, ни евреем. Вот его редакционное примечание на публикацию одной переводной французской литературной статьи: «...реализм есть чувство или, если хотите... оригинальный инстинкт эпохи. Если между способностями духа человеческого чувство это занимает низшую степень, то оно, тем не менее, законно и

может достигнуть большой глубины, когда основанием его будет искреннее и разумное наблюдение общества и природы. Конечно, оно не произведёт всемирных общечеловеческих творений, подобно творениям Гомера, Данта, Шекспира, Мольера, Гейне, которые соединяли с характеристической чертой своего времени глубокое познание человеческой души всех времён».³⁶

Но продолжим цитирование, где язвительный поэт не оставляет камня на камне на нравственности рабов: «Мы, немцы, по крайней мере, ничем не рискуем: немного меньше или немного больше рабства – это не имеет значения, когда дело идёт о завоевании самого высокого – освобождения от остатков феодализма и клерикализма. Нам грозят владычеством [русского] кнута, но я охотно вытерплю и порцию кнута, если буду знать наверно, что и нашим врагам достанется то же. Бьюсь, однако, об заклад, что они будут, как и прежде всегда делали, вилять хвостом перед новой властью, будут грациозно улыбаться и предложат самые постыдные услуги, а в награду за это, раз уж надо подвергаться порке, выхлопочут себе привилегию почётного кнута, подобно сиамским вельможам, которых, когда они присуждены к наказанию, суют в шёлковые мешки и бьют надушенными палками...».³⁶

Хочется обратиться к Салтыкову-Щедрину. Михаил Евграфович! Мне кажется, что среди Ваших учителей кроме сатирика Джонатана Свифта, можно заметить и фигуру Генриха Гейне. Неужто Вы, представитель древней фамилии, обладаете циничным еврейским умом? Уж не по голосу ли крови? Но, нет. Умный человек любой нации, от евреев до зулусов, – всегда умен. И Салтыков несомненно нашёл бы общий язык с великим поэтом. *(К месту или не к месту вспомнил блестящий фантастический рассказ Анны Зегерс о встрече в кафе трёх гениев: Эрнста Теодора Амадея Гофмана, Николая Васильевича Гоголя и Франца Кафки. У них был общий язык. Рассказ так и называется «Встреча в пути» Можно сказать, что встретились: немец, малоросс и еврей. Процент еврейской крови у Гофмана и Гоголя не столь велик, чтобы принимать этот факт во внимание.)*

У Гейне нет места для монархической и католической Баварии, управляемой анти-демократическими королями. К тому же династия вырождалась. На Севере Германии главенствовала Пруссия «со своими проклятыми пруссаками». Ненавистен этот режим, сочетавший в себе философию (намёк на Фридриха Великого) с христианством и солдафонством. Отсюда такой сарказм против политики

Германии и её вековых учреждений. Но Мюрэ подметил, что одновременно в прекрасных стихах пробивается искренняя любовь к той Германии, но уже не к стране королей и всевозможных князьков, а к стране мыслителей – свободных и смелых. Ясно, что если бы эти взгляды проникли в «мозг» правителей, превратившись в государственные мысли, и в свою очередь, проникнув в либеральные учреждения, то он, Гейне, не выражался бы в таком тоне о своём отечестве. Он любит Францию, ибо французы казались ему солдатами космополитической идеи, они были герольды интернационализма.

Чтобы несколько уточнить мою позицию в отношении Гарри из Дюссельдорфа, хотел бы коснуться статьи Александра Блока «О иудаизме Гейне» (*По поводу доклада А.Л. Волынского*) Речь касается третьего пункта спора: об измене Гейне иудаизму. Под словом «измена» Блок не понимает ничего вульгарного. «Измена не есть перемена убеждений или образа мыслей: она есть глубочайший акт, совершавшийся в человеке, акт религиозного значения».³⁷

И далее: «Я не знаю, простятся ли Гейне все его измены, всё то непостижимое скопление непримиримых противоречий, которое он носил всю жизнь в своей душе и которое делает его странно-живым для нашего времени. Он принадлежит к тем, кто заслужил бессмертие или, по крайней мере, столетнюю память проклятием, тяготеющим над всей его жизнью. Не знаю и скорей сомневаюсь, что подобное бессмертие равноценно гётевскому или шиллерскому бессмертию».³⁸ Думаю, что здесь Блок ошибся – Генрих Гейне навсегда останется первым лириком Германии. По Блоку, «измены» Гейне проистекают не от бедности и убожества, понятно, духовного, а от величайшей полноты, не от оскудения жизни, а от чрезмерного накопления жизненных сил. Блок считает измену Гейне иудаизму следствием трёх основных фактов его судьбы и личности:

1. Факт крещения.
2. Двойственность религиозного сознания.
3. И то чувство природы, о котором говорил Волынский.

Я же думаю, что факт крещения есть не сила духа, а его слабость. Блок предполагает влияние на Гейне его профессора Августа Шлегеля. Возможно, что он вспомнил отца своего, Александра Львовича Блока, чьим еврейством поэт тяготился всю жизнь. Отец был выкрест. Я должен вновь повториться, что фамилия Блок – аббревиатура: Бен Лоев Коен, иначе говоря, все многочисленные

Блоки и Блохи – потомки некоего Коена из местечка Лоев. (см. Б. Унбенгаузен «Русские фамилии»)

*«И лишь о сыне, ренегате,
Всю ночь безумно плачет мать,
Да шлёт отец врагу проклятье
(Ведь старым нечего терять!..).
А сын – он изменил отчизне!
Он жадно пьёт с врагом вино...»*

Действительно, по этому стихотворению Блока Гейне чувствует природу не так, как йенские романтики. (Группа поэтов из города Йена, группировавшихся вокруг братьев Августа и Фридриха Шлегелей: поэт «Голубого цветка» Новалис, Людвиг Тик, Вильгельм – Генрих Вакенродер и другие). Он чувствует природу как *natura naturalis.*; он чувствует природу как древний пламенный иудей. «...это навинское солнце, горящее в собственном мозгу». ³⁹ И вновь на сцене появляется Барух Спиноза, для которого существует только одна субстанция (Бог), состоящая из бесконечного множества атрибутов. «Бог – *natura naturans*, то есть внутренняя (имманентная) причина всего сущего; мир – самопознание Божества (*natura naturata*)». Так говорит Барух Спиноза в «Этике». Блок считает, несмотря на замечание Волынского, что евреи не чувствуют *natura naturans*. Гейне – исключение из этого правила. Блок писал: «он чувствовал *natura naturans*, как дай Бог чувствовать арийцу. Гейне способен дать в одной лирической строке откровение о *natura naturans*, не уступающее нашему Фету(?) или Тютчеву. И это гениальное арийское чувство *natura naturans* есть новая измена иудейскому гениальному чувствованию *natura naturans*». ³⁹ Немного остановимся. Суммируя «измены» Гейне иудаизму, отметим, что главный упор делается на крещение, на двоеверие (иудей и христианин), по Волынскому – на отсутствие чувства природы. Блок не полемизирует по первым пунктам, лишь защищает поэта, который способен отобразить природу, как лучшие русские поэты. Правда, это сравнение с Тютчевым и Фетом, при моём обожании их, снижает величину поэта Генриха Гейне. Он борец иной, высшей весовой категории. Да и вспомним «ученичество» Тютчева у Гейне. Тютчев первый переводчик на русский язык немецкого гения. Речь идёт о знаменитом стихотворении «С чужой стороны», более знакомой нам по гениальному переводу Михаила Лермонтова: «На севере диком стоит одиноко...»

Да, и к месту надо указать, что запрещённого цензурой Гейне А.С. Пушкин доставал через шведского дипломата, аккредитованного в Петербурге.

Г.Нордину

Май-июнь 1835 г. (?) В Петербурге

Соблаговолите, сударь, принять мою самую искреннюю благодарность за вашу любезную контрабанду. Простите ли вы мне, что я вам докучаю снова? Мне было бы весьма необходимо иметь книгу о Германии этого негодника Гейне. Смее ли я надеяться, что вы будете добры, достать также и её?

Примите, сударь, уверение в моём высоком уважении.

*А.Пушкин.*⁴⁰

Понятно, что называя-обзывая Генриха Гейне «негодником» – Пушкин просто восхищается смелостью немецкого поэта.

Тютчев называл себя пантеистом, причём неоднократно и упорно. Обязан он этим званием философу Фридриху Шеллингу, близкому к группе йенских романтиков. В 1838 году Тютчев пишет:

*«С горы скатившись, камень лёг в долине –
Как он упал? Никто не знает ныне –
Сорвался ль он с вершины сам собой,
Или низвергнут мыслящей рукой?
Столетье за столетьем пронеслося:
Никто ещё не разрешил вопроса!»*

Спустя почти два десятилетия – в 1857 году Тютчев вписал это стихотворение в альбом под заглавием «Problème» с изменённой четвёртой строчкой: «Иль был низринут волею чужой!».

Н.Я. Берковский, автор предисловия к сборнику стихов Ф.И. Тютчева в малой серии Библиотеки поэта (М-Л, 1969), считает это не случайностью, в отличие от других литературоведов. Спор ведётся об отношении «камня» ко всей природе в целом, как связаны все элементы с природой – внутренней связью или внешней... В любом варианте стихи Тютчева перекликаются с известным высказыванием Спинозы в письме к Г.Г. Шуллеру: обладай летящий камень сознанием, он воображал бы, что летит по собственному хотению. В более поздней редакции, стихотворения Тютчев ещё ближе к Баруху. Заметим, что Шеллинг очень многим обязан Спинозе, даже преодолевая идеи голландца, он остаётся его поклонником. Между философией Спинозы, Генриха Гейне, Фёдора Тютчева – всего один суворовский переход к Николаю Заболоцкому:

«И видел камень я. Был камень неподвижен и проступал в нём лик Сквороды»

Чрезвычайно интересны записи Блока на лекции Вольтынского ⁴¹ во время дискуссии. Выступали, помимо Блока, Е.М. Браудо, Ф.Д. Батюшков, Б.П. Сильверсан и Н.С. Гумилев.

Браудо считает, что при переводах Гейне на русский язык следует отметить, что он – один из ярчайших представителей германской национальной поэзии.

Сильверсан отметил, что «Песнь песней» – не аллегорическое произведение. Филон – христианство не навязано арийской расе. Происхождение христианства – вопрос не богословский, а научный. Иначе говоря, христианство – не троянский конь иудаизма, как считали наци. (*Мой комментарий. – С.Д.*)

Мысли Николая Степановича Гумилёва интересны: «Христианство до Христа. Христианство – настоящий интернационализм – и влажный мир и мир пустыни».

Возражения Вольтынского на слова Блока: Сын Человеческий имеется уже в Ветхом Завете. В древнееврейском языке заложены элементы гуманизма, которые неистребимы. Да, гуманизм – еврейского происхождения. Далее – культура иудейская есть исключение, она порождение более гуманного, чем гуманистического духа. (*Последнее туманное высказывание, не более, чем игра слов. – С.Д.*)

Александр Блок в статье 1919 года «Герцен и Гейне» приводит удивительные мысли Александра Ивановича о поэте, где есть страшное слово из будущего: «...отчего учёно-революционная вспышка в Германии так быстро лопнула в 1848 году?» Она тоже принадлежала литературе и исчезла, как ракета... Кроме нескольких забежавших или завлечённых работников, народ не шел за этими **фюрерами** (*курсив Герцена. – С.Д.*), они ему так и остались посторонними». Блок добавляет, что «драгоценны ... умные и печальные слова о нём Герцена». А рядом не менее печальные строки: «В этих внешне суровых словах – как много понимания, сколько также любви и внимания к писателю! Бедному Гейне, как никому, кажется, повезло на **дураков** – сам он их себе накликал. До самых последних лет **поток человеческой глупости, в частности – глупости русско-еврейской, не перестаёт бушевать вокруг умнейшего из евреев XIX века**». Это, кажется, Блок говорит и о себе... **Да и вот антонимы близкие к нашей теме: умник – дурак, ум – глупость.**⁴²

Отметим, что на русский язык Генриха Гейне переводили неоднократно. Кроме, упомянутых Тютчева и Лермонтова – Ф.Б. Миллер, Каролина Павлова, И.Я.Лебедев, Лев Мей, А.Н. Плещеев, со знаменитым барабанщиком: «Возьми барабан и не бойся, Целуй маркитантку звучней», М.Л. Михайлов с ещё более знаменитыми стихами «Во Францию два гренадёра из русского плена брели», Афанасий Фет, Алексей Константинович Толстой, Аполлон Григорьев. А в советское время целая рать: Блок, Гумилёв, Тынянов, Вильгельм Левик и им несть числа! В предыдущей своей книге («Книга Веры и безНадежности») я приводил слова Надежды Павлович о переводе Блоком Гейне. Не хочу повторяться. А приведу пример приверженности Генриха Гейне к еврейству, из поэмы как будто весьма далёкой от иудаизма. Я говорю о поэме «Вицли-Пуцли», посвящённой захвату Мексики Кортесом. (Вицли-Пуцли – искажённое имя ацтекского Бога Солнца и войны, изображаемого в виде птицы колибри) Но поэт говорит о Новом Свете. И здесь появляются библейские герои Соломон и Моисей, да и Колумб, был, конечно, марраном. Вот как всё это вписывается в поэму об индейском мстительном божке «Вицли-Пуцли».

*«Вот он, Новый Свет, в том виде,
Как он только что Колумбом
Извлечён из океана!
Влажной свежестью он дышит...
Весь осыпан и обрызган
Словно жемчугом — и ярко
Разгорается под солнцем.
Сколько в нём здоровья, силы!*

*.....
На ветвях сидят, качаясь,
Птицы в ярких, пёстрых перьях;
Как в очках, глаза их блещут
В круглых чёрных ободочках.
Важно длинный клюв насупив,
На меня всё молча смотрят;
Но всмотревшись, начинают
Тараторить, как торговки.
Что кричат, не понимаю,
Хоть не хуже Соломона,
Мужа тысячи красавиц,
Я языки птичьи знаю.
Соломон же, как известно,*

Знал все птичьи диалекты —
И не только все живые,
Но и вымершие даже....
Христофор Колумб родился
Быть героем. Он как солнце
Светел был великим духом;
Да и щедр он был как солнце.
Были люди, что и прежде
Нам давали много; он же
Подарил нас целым Светом,
Что Америкою назван.
**Он не мог людей избавить
Из глухой земной темницы;
Но темницу им раздвинул
И длиннее цепь им сделал.**
И его чтут свято люди,
Изнывавшие от скуки
И в Европе, и в пределах
Африканских и азийских.
Лишь один из всех героев
Подарил нам нечто больше,
Чем Колумб, и нечто лучше.
**Это тот, что дал нам Бога.
Мать его Иохабетой,
А отца Амрамом звали;
Самого же — Моисеем.
Он-то мой герой любимый!**

Перевод М.Л.Михайлова. 1864

Генрих Гейне останется первым поэтом Германии – хотя этого антисемиты или нет. Прочтение поэмы «Германия. Зимняя сказка» может быть самым действительным средством против шовинизма, нацизма, расового высокомерия. Это призыв к толерантности. К чувству юмора – нужно смеяться над своими недостатками и тогда их можно преодолеть. И пока существует немецкая речь, Лорелея в камне будет стоять над Рейном.

КАРЛ МАРКС

Задача, стоящая перед Мюрэ, была достаточно сложна. Собственно, будущее марксизма он мог только предугадать. К сожалению, мы не знаем, что Мюрэ писал о Марксе в 1914 году, в 1917 или 1918 годах. И о чём он думал в 1940 – когда была повержена Франция. И что он мог бы сказать, увидев в кинохронике русских «марксистов», водружающих красный флаг на Рейхстаге, цитадели нацизма?

История XIX века есть история буржуазии, утверждает Мюрэ. Но изначально, ещё во времена французской революции, в верховной власти этого класса была сделана брешь. Принципы, породившие революцию, уже содержали зародыши её гибели. Так, Бабеф и «бабувисты» требовали обобществления имущества – это был социализм в зачаточном состоянии. Вывод Мюрэ папахивает Всемирным заговором: еврейство, христианство, реформация, английская революция – всё это этапы общего демократического движения Западной Европы, вызванного Великой книгой – Библией. С этим трудно не согласиться, как и с утверждением, что за политической революцией 1789 года должна была бы логично последовать социальная революция. Швейцарец пессимистически оценивает власть буржуазии, ибо массы уже представляют силу при избирательном праве. Принципы 1789 года не противоречат социализму, открыв дорогу «для опытов коллективизма, которые нам теперь угрожают».⁴³ Далее идёт пророчество, горькие или сладкие плоды которого, были усвоены в XX веке: «По логике вещей все материальные последствия и все моральные завоевания революции должны свестись к социализму. Прогресс промышленного и научного ума, ослабление религиозной веры, распространение образования, рост богатств и благосостояния, удобство путей сообщения – вот сколько нововведений, откуда сегодня или завтра выйдет общество, преобразованное в коммунистическом смысле».⁴⁴ Но революцию не делают в белых перчатках! А посему в 1848 году, когда социалисты вторглись на политическую арену, то они оставили печальный след в «необычайной гнусной разнузданности».

Евреи в громадном количестве примкнули к революционному движению. Их имена фигурировали во всех временных правительствах вновь создаваемых республик. Это, естественно, не ускользнуло от острого взгляда лорда Биконсфильда. Это еврейское вторжение, по Дизраэли, есть следствие падения расы, измена

своим вековым обычаям. Евреи – любят свою религию, уважают традиции и предания, привязаны к частной собственности. Евреи – врожденные консерваторы. Они выказывают стойкость в защите своих взглядов. Евреи – залог мира! А участие в революции – есть следствие влияния христиан. Если «избранный народ» действует заодно с атеистами, «если наиболее удачливые приобретатели собственности вступают в союз с коммунистами, если избранная раса [сотрудничает] с низкими и негодными классами Европы», то в этом нужно винить преследования евреев. Это вина христианства.⁴⁵ Мюрэ цитирует Дизраэли. Вот к чему приводит антиеврейская политика христианской Европы. Посеявшие ветер преследования, они (христиане) собирают плоды революционной бури. Мюрэ восхищается гениальным, всепокоряющим умом Биконсфильда, но всё это абстракция. Хотя и абсолютно правильная мысль, подтверждённая Гражданской войной в России. Напомним о разговоре «представительных евреев» во главе с московским раввином Яковом Мазе с Львом Троцким. Раввин назвал евреев, участвующих в революции, виновниками погромов. Троцкий в ответ утверждал, что он – не еврей, а интернационалист, как и другие действующие лица. А участие евреев в революции он объяснял антисемитизмом царского правительства и Белого движения. В первой части ответа «Мефистофель от революции» лукавил: он мог считать себя кем угодно, в том числе и космополитом или эскимосом, но это не разрешало проблемы противной стороны: увы, революции делают Троцкие, а отвечают Бронштейны.

Вместе с тем Мюрэ считает Маркса самым замечательным из «еврейских» социалистов XIX века. И всё это идёт параллельно с рассуждением об Израиле, народе с раздражённым требованием демократических элементов, нацией, преимущественно классовых войн, «театром ненависти бедных против богатых». Библейская литература вся пронизана демократическим и гуманитарным характером – не устаёт повторять Мюрэ. Еще в VIII или IX веках до н.э. пророки возвышали свой голос против пороков сильных и богатых мира сего и восхваляли добродетель слабых и бедных. Страстная риторика пророков основана на контрастах: богатый – сильный, нечестивый, злой; а напротив, бедный – кроткий, добрый, религиозный. Книга Псалмов характеризует борьбу между «бедным» и «злым». Под словом «злой» подразумевается – человек богатый и сильный, человек насилия и крови. Злой – это олицетворение всегда класса богатых, аристократии или высшего слоя буржуазии.

Тут интерес в том, что никакого «недовеса» в пороках сильных нет. Одна чёрная краска. Злой, он же богатый – всегда насильник и кровопийца. Наглость, тщеславие, ложь, клевета, плутовство – он ненавидит справедливость и миролюбие. Он живёт в неге и роскоши за счёт несчастного бедняка. Зато зеркальное отражение злого – бедняк, обладает всем набором добродетелей. Он, Бедный, живёт с Богом, он «друг» Бога, Он – «родственник» Бога! Он помазанник и пророк. Он его наследник, в воздаяние той примерной жизни, которую ведёт. Бедняк «пребывает» в правде и благочестии. Он скромн, морален, чист сердцем, полон прямоты. Далее Мюрэ подводит читателя к мысли, что **Псалмы являются предшественниками интернационала современных революционеров**. В том числе, в смешение понятий «злой или богатый» и «чужеземец». Псалмопевец относится отрицательно к «злым» внутренним, и к врагам внешним.⁴⁶ Поразительная мысль, нашедшая отклик в «Железном занавесе Сталина», но и противоречивая. Ибо в России враги внешние и внутренние составляли единое. А социализмом царский режим не грешил. Если только не вспомнить обучение новобранцев фельдфебелем: «Враг внешний – австрияк, немец, германец; враг нутряной: жида, еврей и скубенты» (т.е. студенты), всё на все времена.⁴⁷ *(Впрочем, это не совсем точно. Отец Печерин, прочитав работы Александра Герцена, заметил, что коммунизм – это николаевский режим наизнанку.)*

Как злые сговариваются против бедных, так и чужеземцы соединяются против евреев, говорят пророки. Победа зла на земле временна. Царство несправедливости преходяще. Бог будет судить и воздаст каждому. Бедные «сыны Божии» займут место злых. «Трудно вообразить что-нибудь более озлобленного, чем благозвучная лира псалмопевца. Его проклятия против богатого писаны, кажется, огнём и кровью». Жажда мщениа бедного еврея, опирающегося на силу Всевышнего, идёт далеко. Он будет смеяться над своим врагом, его ноги будут купаться в крови злого. Для «злого» нет жалости – его жизнь внезапно прекратится, его жена овдовеет, а дети останутся сиротами. Возьмём для примера псалом СІХ (СVІІІ):

*«О Господи, мой лютый враг не дремлет,
Он на меня оружие куёт,
И низкой клевете охотно внимлет,
И за любовь мне злобой воздаёт,
Да будет жизнь его слепой и краткой,*

**Жена – вдовой, и полон дом сирот,
Да просят хлеба и глядят украдкой,
Что им рука скупая подаёт.**

*Да будет вечен суд его деяньем
И с каждым веком кара тяжелей
Проклятие да станет одеяньем
И кости пропитает как елей.*

*О Господи, я стал подобен тени,
Колени ослабели от поста,
Подай мне помощь из небесной сени,
Да воспоют хвалу мои уста».*⁴⁸

Эти пламенные проклятия бедного против богатого – есть протест против социального неравенства. Эрнест Ренан первую главу своей «Истории израильского народа» назвал **«Первое проявление социализма»**.

Пламенное проклятие бедных против богатых, социальный протест с большою силою повторяются и в других местах Ветхого Завета, да и Нового так же. Такова притча о шансах попасть богатому в рай, которые оцениваются не более, чем у верблюда пролезть через игольное ушко. (*«И ещё говорю вам: удобнее верблюду пройти через игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»* – Мф. 19-24. То же повторяет Лука 18–25 и Марк 10–25).

Мюрэ развивает и повторяет тезис, что начиная с Второзакония, евреи постоянно возвышают свой голос против социального неравенства. Мюрэ убеждён, что еврейский бедняк жил так же плохо, как бедные других древних народов. Но возникает вопрос: «Почему евреи подняли крик возмущения к небу – более жалобный и трагический?» (*Надо понять это так: «более жалобный и трагический», чем вопли бедняков-иноверцев*). Ответ Мюрэ лежит в области религиозной: «Греки верили в вечность мыслительного процесса, т.е. в бессмертие души». Греки верили в загробную жизнь, почитая бессмертных богов, они верили, что и их душа будет находиться в Элизиуме. Тютчев писал: **«Душа моя – Элизиум теней, Теней безмолвных, светлых и прекрасных...»**. У евреев подобного не существовало. **«Реальный ум этого народа направлен исключительно на материальные интересы, и его горизонт не переходит за черту человеческой жизни»**.⁴⁹ Да и вера в бессмертие души не была еврейским догматом. Для евреев всё кончается смертью. Один Бог бессмертен. А посему, надо пользоваться благами жизни на земле. А отсюда такое отношение к «сильным мира сего»,

социальная направленность деятельности пророков. **А я от себя добавлю, что у евреев должна была быть такая сила духа, такое мужество, чтобы отказаться от загробной жизни! Да, евреи не египтяне, не греки, не римляне! Они дети Единого!**

Евреи с упорством развивают свою «химерическую проблему о царстве справедливости на земле!» – восклицает автор.⁵⁰ Именно здесь Морис Мюрэ воздаёт по заслугам еврейскому народу: **«...эти стремления облеклись в форму догмата, который сплошь – создание еврейского гения и на котором зиждется и вся наша западная цивилизация. Мы говорим о мессианской идее».** Далее Морис Мюрэ находит удивительные слова в адрес мессианства, которое не поддаётся объяснению. «Это голубой цветок (*вспомним Новалиса. – С.Д.*), запах которого щекощет обоняние верующих, но он никогда и никем не был сорван. Это фантазия поэта, это золотая мечта... Мессианская идея основана на вере в равенство и в совершенствование человеческого рода».⁵¹

С приходом Мессии наступит благодать, которая у Исаяи выглядит так:

«Люди построят дома и будут в них жить.

Они насадят виноградники, и будут вкушать их плоды. –

Они не будут строить домов, чтобы другие в них жили;

они не насадят виноградников, чтобы другие ели их плоды. –

Они не будут больше работать и не будут с боязнью рождать детей; потому, что они будут потомством, благословенном от

Въчности».⁵²

Эта мессианская идея проходит и через псалмы и писания других пророков. На чём останавливается Мюрэ? На удивительной преданности мессианской идее. Не стареющей и не меркнувшей в тысячелетиях! Он пишет: **«Разве не удивительно найти у этого маленького народа, окруженного страшными, сильными врагами, идею всемирного братства? Напрасно бы мы стали искать в арийской древности другого выражения этой идеи».**⁵³

Приходится возвращаться к дням французской революции, чтобы видеть возрождение этой мысли в лозунге: «Свобода, Равенство, Братство». Самое же удивительное, что и на сегодняшний день, маленький народ, втиснутый в узкую полосу между морем и пустыней, окружённый сильнейшими и беспощаднейшими врагами, в религии которых заложены прямо противоположные идеи, единственно высоко несёт знамя гуманизма и терпимости.

Народ, сохранивший мессианскую идею – великую Веру и Надежду и Любовь!

Мюрэ продолжает рассуждать о примирении Бога с народом. Обращение язычников сделает людей добрыми и справедливыми. Все возлюбят Бога! Все народы сольются в единый народ, под эгидою Iеговы. «Сердца всех людей и народов будут биться в унисон». Я же могу добавить, что часть язычников восприняли идею Единого через христианство или мусульманство, но они не стали ни добрыми, ни справедливыми.

После столь долгого вступления, касающегося еврейского взгляда на социальный вопрос, Мюрэ задаётся целью узнать, в какой форме проявляется революционный ум у потомков израильских пророков. Более всего его интересует «еврейская» личность Карла Маркса, первого революционера «нашей эпохи». Социалистическая доктрина обязана ему своим настоящим положением. Марксизм расходится по Германии, как «масляное пятно». Мюрэ обратил внимание, что в латинских странах (Франция, Италия, Испания) марксизм действует в чуть изменённой форме. Несмотря на то, что социализм считает себя всемирным движением и называет себя наукой, это, по Мюрэ, скорее всего философия. И поэтому он отражает национальные темпераменты своих основателей и приверженцев. «Французский социализм великодушен, красноречив и поверхностен; английский социализм эгоистичен и утилитарен; русский социализм есть странная смесь поэзии, анархизма и коммунистических начал, взятых из сельской организации (община); наконец, итальянский социализм обнаруживает в шуточной форме стремление масс к *farniente*, к праву лениности: стачки там носят название *sciopero*, каникулы! В Германии социализм хотел сделаться новой религией и стремился завоевать весь мир».⁵⁴

Мюрэ в своей работе ориентировался на знаменитый труд Клода-Адриана Гельвеция (1715–1771) «Об уме» (1758) и на французскую философию от знаменитого полуанонимного Этьена-Габриэля Морелли (1717 или 1718–?) «Кодекс природы или истинный дух её законов» (1755,) в котором учёные находили зачатки коммунистической теории. (Ф.Энгельс в «Анти-Дюринге» называл Морелли наряду с Габриэлем Бонно де Мабли(1709–1785) создателем коммунистической идеологии), до работ Фурье, Сен-Симона и др. В работы Мабли Мюрэ также заглядывал. Например, в рассуждения о нравственности и разуме.

Мысль о национальном характере тех или иных движений очевидна. Конечно, как нам объясняли, марксизм стоял на трёх китах: немецкой классической философии (Кант, Гегель, Фейербах) английской политэкономии (Давид Риккардо, Адам Смит), французском утопическом социализме (Сен-Симон, Фурье). Но, естественно, перемещаясь по всему миру, социализм корректировал себя, подчиняясь истории той или иной страны, характеру и нраву населения. Что бы сказали Карл Маркс и Морис Мюрэ, например, о китайском социализме? Увы – это нам не дано знать. Что же касается русской формы, то Мюрэ прав – анархист Бакунин, философ Ткачёв и «практик» Нечаев отражают основную линию русской истории, горькие плоды которой выросли в XX веке.

Успех социализма обязан двум евреям: Фердинанду Лассалю и Карлу Марксу. Это с одной стороны. С другой – это время накопления несправедливых богатств. Карл Маркс и Ротшильд – и тот, и другой воплощает еврейскую идею, доведённую до крайности. Известно, что крайности сходятся. И Маркс и Ротшильд воплощают еврейскую идею, доведённую до последней степени могущества. **Еврейский реализм или прагматизм жаждет построить на земле царство «счастья», ибо евреи не верят в загробную жизнь.** Отсюда, по разности темпераментов, кто-то становится Ротшильдом, а кто-то – Марксом. Русские читатели знакомы с «ротшильдовской» идеей давно. И не только по Оноре де Бальзаку, а по романам и дневникам Фёдора Достоевского. Да и еврейство, и «марксизм», и его российский вариант «нигилизм» – были подвергнуты Достоевским жёлчной критике и ругательствам.

Из письма литератору В.Ф. Пуцыковичу от 28 августа 1878 года, где он говорит о невменяемости русского общества, не желающего смотреть правде в глаза: *«...убедятся ли они, наконец, сколько в этой нигилистине орудует (по моему наблюдению) Жидков, а может, и поляков. Сколько разных Жидков были ещё на Казанской площади, затем жидки по одесской истории. Одесса, город жидов, оказывается центром нашего воюющего социализма. В Европе то же явление: жиды страшно участвуют в социализме, а уже о Лассальях, Карлах Марксах и не говорю. И понятно: жиду всякий выигрыш от всякого радикального потрясения и переворота в государстве, потому, что сам-то он status in statu (государство в государстве), составляет свою общину, которая никогда не потрясётся, а лишь выиграет от ослабления всего того, что не жиды».*⁵⁵

Доказать, что Маркс, подобно Спинозе, получил еврейское воспитание – довольно бессмысленно. Да, по крови Карл Маркс – иудей. Его внешность: смуглый цвет кожи, густая борода, блестящие глаза с «бегающим взором», чёрная шевелюра и «волосатые руки» явно обнаруживают его происхождение. Это несколько наивное описание, даже для конца XIX века. Антропология была уже наукой. И посему описание облика Маркса может вполне подходить для итальянцев или испанцев и даже для французов. Не говоря о греках, румынах-молдаванах, армянах и т.д. Его настоящее имя Мордухай было «смягчено его дедом».

Родившийся в Трире в 1818 году, он действительно происходил из семьи целой череды раввинов, известных вплоть до XVI века. Многие из них пользовались большим авторитетом в богословских делах. Известный экономист, профессор Георг Адлер нашёл у одного из кузенов Маркса множество манускриптов и сочинений по метафизике (*Каббале?*), которая принадлежала их предкам. Однако уже отец Маркса крестился в 1814 году и работал адвокатом. Это произошло в момент, когда французское владычество было сменено прусским. А чтобы заниматься свободной профессией следовало стать христианином. Отец Карла, подобно Гейне, с лёгкостью оставил иудаизм. Посему атеизм Карла Маркса был ожидаем: христианство ничего не давало его уму. Скорее – отталкивало от себя. И появление фразы по поводу религии, что это «опиум народа» – закономерен.

Существуют много версий, кому первому принадлежит эта мысль. Авторов много, включая такого «одиоза», как маркиз де Сад. Сама же цитата Маркса вырвана из текста. Она не так однозначна: **«Религия – это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа».**⁵⁶

Мюрэ добавляет, что «отец коллективизма» ничего не сохранил от веры своих предков, кроме страстного желания создать царствие Божие на земле. Сегодня мы сказали бы, что это желание сохранилось у Маркса благодаря генетической памяти. Но разница между идеалистом Исайей и сухим опровергателем – огромна. Маркс высмеивает принципы французской революции. Пустые фразёры и наивные утописты прошлого у него вызывают жалость. «Равенство», «Братство», «Свобода» – это лишь пустые фразы. В основе любого общественного строя лежат экономические факторы.

А далее, общее с пророками связывается фактом существования бедных и богатых, находящихся в постоянной борьбе друг с другом. Всякая борьба сводится к борьбе классов. «Библейскую идею об эксплуатации Маркс выражает «научно»...⁵⁷

Мюрэ пересказывает идеи Маркса, подводя читателя к своему выводу. Маркс любил повторять слова своего учителя Гегеля: «Даже преступная мысль злодея более величественна, чем небесные чудеса». «Разве не мерзко для человека рассуждать таким образом? Это оборот сатанинского ума. У Карла Маркса столько же мефистофельского элемента, сколько и у Гейне. И **«Капитал попахивает серой»**».⁵⁸

Построить будущую коммунистическую утопию сложно, но Маркс даже не задумывается о будущем. Его цель: ниспровержение капиталистической системы. Маркс вместе с другими современными «израэлитами» проявляет «дикую склонность к отрицанию и нигилизму, извращённый вкус к разрушению». Одновременно с этим, Мюрэ вынужден признать, что «...великая еврейская утопия – идея всемирной справедливости, – составляет как бы невидимое вооружение всей системы». (Коммунизма. – С.Д.)⁵⁹ Мюрэ подсматривает у Маркса некоторые вещи, не лежащие на поверхности. Так, утверждение, что для него социальный вопрос сводился только «к вопросу желудка», недостаточно. Помимо своей воли, он слишком привязан к вопросам морали. «Он за него (экономизм) прячется, я это знаю. И это неестественность раздражает. Но, скрываясь по углам фраз, как бы стыдясь, гуманитарные тенденции Маркса от этого не пропадают».⁶⁰ Замечательное наблюдение швейцарского автора выдаёт восхищение личностью Карла Маркса. Попутно даётся вновь характеристика еврейского ума, и это видимо вершина всего труда Мюрэ, ибо здесь имеется удивительное проникновение в будущее: «...средние качества, уравновешенность, никогда не отличали еврейского народа. Евреи придерживаются крайностей. Еврейскому уму недостаёт разумного мерила. Это ум восторженный, страстный. Мы видели его в древности колеблющимся между деспотизмом и анархией. Думаю, что еврей, несмотря на тесное единение с нами, «социализировался» только поверхностно и сохранил вполне свои вековые недостатки. Раздражённый индивидуалист, он мало восприимчив к идее о свободной жертве на благо народа и добровольном отречении в пользу общины, которая способствовала процветанию арийских наций. Коммунизм принудителен ради принципа. Режим такого рода мог бы существовать только на почве самой ужасной тирании.

Будем уверены, что в этом новом обществе израильский элемент не замедлил бы образовать из себя оппозиционную партию».⁶¹

Удивительное совпадение со словами Владимира Соловьёва, которые содержат и оправдание еврейства от нападок юдофобов: «Проходя через всю историю человечества, с самого ее начала и до наших дней (чего нельзя сказать ни об одной другой нации), еврейство представляет собой как бы ось всемирной истории. Вследствие этого центрального значения еврейства в истории человечества все положительные, а также все отрицательные силы человеческой природы проявляются в этом народе с особенной яркостью».⁶²

Что же касается самого Карла Маркса, то он, по словам швейцарца, оказался больше практиком, чем теоретиком. Он первый бросил в мир призыв к войне новейшего времени: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В первой половине XIX века «добродушные» мыслители могли соединять в себе шовинизм и социализм. Карл Маркс пытался порвать с национализмом. Эта задача облегчалась его еврейским происхождением. Для него существовал лишь один враг – «хозяин». Всё в полном соответствии с Псалмами и пророчествами. Разорвать узкие националистические рамки мог только еврей. И такой человек нашёлся в лице Карла Маркса. Гейне питал всё-таки сыновнее чувство к Германии. У Маркса вместо родины – чёрная дыра.

Сам же Маркс не любил еврейство. Неоднократно его упрекали в антисемитизме. В молодости он был автором двух статей по еврейскому вопросу. Для него евреи оказывались в стане угнетателей. «Деньги – это ревнивый Бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого Бога. ...Бог евреев сделался мирским, стал мировым Богом. Вексель – это действительный Бог еврея. Его Бог – только иллюзорный вексель. ... Христианство возникло из еврейства. Оно снова превратилось в еврейство. Христианин был с самого начала теоретизирующим евреем; еврей поэтому является практическим христианином, а практический христианин снова стал евреем».⁶³

Выпады против евреев имеются во многих трудах Маркса. Писанные как бы мимоходом: «Буржуа относится к установлениям своего режима, как евреи к Закону: он обходит их..., но хочет, чтобы все другие их соблюдали».⁶⁴

Антисемитизм часто проскальзывал в письмах Маркса. Он не любил Герцена (правда, взаимно), подозревая, с одной стороны, что тот – николаевский агент, а с другой – что еврей, скрывающий национальность. По поводу агента – это сушая глупость, аномалия эмиграционной атмосферы, где слухи намеренные и злонамеренные заполняли информационный вакуум. Что же касается еврейства, то Маркс был прав: мать Александра Ивановича была еврейкой. Нелестно Маркс отзывался о своём друге-враге Фердинанде Лассале, подчёркивая его местечковую еврейскость. Маркс называл его «барон Ициг» (*В русском переводе Итциг, но точнее Ицик*), «еврейский негр». (*Самого же Маркса в семье называли «Мавром».* Стоило бы Карлу подумать о своём происхождении.) Кажется, Лассаль ни разу не называл Маркса в свою очередь «Мордухеем» или «Мордухаем». Маркс видел в Лассале польского еврея, а польских евреев он считал «самой грязной расой». Энгельс подыгрывал Марксу. В письме от 7 марта 1856 года: «[Лассаль] настоящий еврей со славянской границы и всегда стремился использовать партийные дела в личных целях. Отвратительно наблюдать, как он старается пробиться в аристократическое общество. Это сальный еврей, маскирующийся бриллиантинном и блеском бижутерии». Нападая на еврейство Лассалья и глумясь над его сифилисом, Маркс не постеснялся воспользоваться древнейшей антисемитской клеветой. 10 мая 1861 года он писал Энгельсу: «Кстати, о Лассале – Лазаре. В своей выдающейся работе по Египту Лепсиус (*Карл Рихард 1810-1884, немецкий египтолог*) доказал, что исход евреев из Египта – не что иное, как описанная Мането (*древнеегипетский историк. 250 г. до н.э.*) история изгнания из Египта «прокажённого народа». Во главе этих прокажённых стоял египетский жрец, Моисей. В итоге Лазарь-прокажённый, есть типичный еврей, а Лассаль – типичный прокажённый». Время вспомнить Генриха Гейне:

«Вот госпиталь для бедняков евреев,
Которые больны и трижды жалки
От трёх своих пороков постоянных –
Недугов, нищеты и юдаизма.
Из всех пороков самое дурное –
Последнее наследственное зло их,
У нильских вод захваченная язва,
Большая их египетская вера.
Недуг неизлечимый!... »⁶⁵

И снова, 30 июля 1862 года: «Мне абсолютно ясно, что, как показывает форма его [Лассалья] головы и характер шевелюры, он происходит от негров, которые присоединились к Моисею, бежавшему из Египта (если только его мать или бабка со стороны отца не скрещивались с ниггером). От этого союза евреев с немцами, да на негритянской основе обязан был получиться удивительный гибрид». Ах, Мавр, Ах, Мавр!...

Заканчивая своё эссе о Марксе, Мюрэ повторяет: «С ним еврейская идея ещё раз входила в мир. Она (*Еврейская идея* – С.Д.) продолжала давать законы. **Кто знает, не будет ли этот идеал, по существу миролюбивый, в будущем праздновать кровавые триумфы? ...**»⁶⁶

Удивительный отпор Карл Маркс получил от протоиерея отца Сергия Булгакова (1871–1944), в молодости побывшего марксистом. Он, лично знакомый с лидерами немецкой социал-демократии – Адлером, Каутским, Бебелем, то есть с людьми, хорошо знавшими Маркса, написал эти тяжёлые слова: «Ради чего же сын поднял руку на мать, холодно отвернулся от вековых её страданий, духовно отрёкся от своего народа? Ответ совершенно ясен: во имя рационализма и вражды к религии, во имя последовательного атеизма».⁶⁷

Ради справедливости стоит сказать несколько слов в адрес Диоскура Маркса – Фридриха Энгельса. Под конец жизни его связывала дружба с Эдуардом Бернштейном, в семействе которого, он доживал последние годы. Близкое знакомство с еврейской семьёй дало удивительный результат. Приведу выдержку из одного его частного письма, направленного в Вену 19 апреля 1890 года, которое было опубликовано 9 мая того же года в «Arbeiter-Zeitung» №19 под названием «Антисемитизм».

Вот некоторые выписки из этого письма, прямо противоположные взглядам молодого Маркса: «Антисемитизм – это признак отсталой культуры и поэтому имеет место только в Пруссии и Австрии, да ещё в России. Если бы здесь, в Англии или в Америке кто-нибудь вздумал проповедовать антисемитизм, его бы просто высмеяли, да и в Париже г-н Дрюмон со своими сочинениями – а они несравненно умнее писаний немецких антисемитов – производят лишь ничтожную минутную сенсацию, не оказывающую никакого действия.

(Это ошибочное мнение гения. Через несколько лет, в связи с делом Дрейфуса, Адольф Дрюмон станет очень популярным среди французских юдофобов, а спустя десятилетия он окажет влияние на идеологию нацизма. – С.Д.) ...Во всей Северной Америке, где существуют миллионеры, богатство которых лишь с трудом можно выразить в наших жалких марках, гульденах или франках, среди этих миллионеров нет ни одного еврея, и Ротшильды являются просто нищими рядом с этими американцами. Даже здесь, в Англии, Ротшильд – это человек со скромными средствами по сравнению, например, с герцогом Вестминстерским. Даже у нас, на Рейне, – откуда мы 95 лет тому назад с помощью французов прогнали дворянство и создали современную промышленность, – где там евреи?

Антисемитизм, таким образом, это не что иное как реакция средневековых, гибнущих общественных слоёв... **он служит ...лишь реакционным целям, прикрываясь мнимосоциалистической маской;** это уродливая разновидность феодального социализма, и мы не можем иметь с ним ничего общего... (Гений – есть Гений! Мы пережили юдофобию немецкого национал-социализма и «космополитизм» «социализма» тов. Сталина.)

... К тому же антисемитизм извращает истинное положение дел. Он даже не знает этих евреев, против которых он вопиёт. Иначе ему было бы известно, что здесь, в Англии, и в Америке благодаря восточноевропейским антисемитам, а в Турции благодаря испанской инквизиции имеются тысячи и многие тысячи еврейских пролетариев, и именно эти еврейские рабочие подвергаются наиболее жестокой эксплуатации и влачат самое нищенское существование. У нас здесь, в Англии, за последний год произошли три стачки еврейских рабочих, – как же можно говорить об антисемитизме как о средстве борьбы против капитала?

Кроме того, мы евреям очень многим обязаны. Не говоря о Гейне и Берне, **Маркс был чистокровным евреем.** Евреем был Лассаль. Многие из наших лучших людей – евреи. Мой друг Виктор Адлер, который теперь расплачивается за свою преданность делу пролетариата заключением в венской тюрьме; Эдуард Бернштейн, редактор лондонской газеты «Social-demokrat», Пауль Зингер, один из наших лучших депутатов рейхстага, – все эти люди, дружбой которых я горжусь, и все они – евреи! Журнал «Gartenlaube» даже меня сделал евреем, и, во всяком случае, если бы мне пришлось выбирать, так лучше еврей, чем «господин фон»!

Какие прекрасные слова, но неужели его друг Мавр был так безапелляционен?

Зададим вопрос: «Неужели у Маркса нет единой одобрительной или нейтральной строчки о своём народе?» Есть, и удивительно тёплые слова, вообще не свойственные его темпераменту бойца.

Иногда в обзорах газет и при получении новостей из Польши после Краковской революции 1847 года и после революционной бури 1848 года можно найти слова осуждения в адрес победившей реакции: евреи были вновь водворены в гетто. И это несмотря на то, что евреи были на стороне реакции.(?!). Тут же обсуждается закрытие масонских лож, из-за того, что в них принимали евреев. Кажется это единственные «нейтральные» слова в адрес еврейства. А так, они мелкие лавочники-мошенники, правда, наряду с китайцами и немцами. Мы не одиноки – это не так обидно. Евреи в Польше, наряду с немцами – строители городов и так далее по мелочи. Много внимания уделяется семейству Ротшильдов. Они превращаются в безличные фигуры – символ нечестивого богатства, так же, как португальские евреи Эмиль и Исаак Перейры. Пожалуй, единственный раз, когда Маркс говорит о евреях сочувственно, относятся ко времени Восточного кризиса, приведшего к Крымской войне. Давая описание Палестины, описывая беспощадную жестокость и корысть мусульман, их фанатизм, он говорит о положении евреев на Святой Земле, а цифры свидетельствуют о подавляющем еврейском населении Иерусалима и на то время, ибо в мусульманские цифры включён турецкий гарнизон. Это я о праве евреев на свою неделимую столицу: **«Оседлое население Иерусалима 15 500 душ, из которых 4000 мусульман и 8000 евреев... Нищета и страдания, испытываемые евреями в Иерусалиме, не поддаются никакому описанию, они живут в самом грязном квартале города, называемом Харет-эль-Яхуд, между Сионом и Мориа, где находятся их синагоги, и непрерывно подвергаются угнетению и проявлениям нетерпимости со стороны мусульман; оскорбляемые православными, преследуемые католиками, они живут лишь скудными подачками, которые получают от своих братьев в Европе. Но евреи здесь не коренное население, это уроженцы различных и отдалённых стран, и в Иерусалим привлекает их желание жить в долине Иосафата и умереть в тех самых местах, где должен появиться Искупитель».**

Затем Маркс цитирует некоего французского писателя, побывавшего в Иерусалиме: *(Возможно, имеется в виду Шатобриан.)* «В ожидании смерти они терпят и молятся. Устремив свои глаза на гору Мориа, где некогда стоял храм Соломона и к которой им не разрешено приближаться, они оплакивают несчастья Сиона и то, что им пришлось рассеяться по всему свету».

Далее Маркс говорит о стойкости евреев, не желающих принимать христианство. О чём же он думал в момент написания этой статьи: **«В довершении всего Англия и Пруссия в 1840 году командировали в Иерусалим англиканского епископа с заведомой целью – обратить этих евреев. В 1845 году он был страшно избит и осмеян как евреями, так и христианами и турками. О нём, действительно, можно сказать, что он явился первым и единственным поводом объединения всех религий в Иерусалиме».**⁶⁸ *(Думаю, что епископ был осмеян евреями, но избит – мусульманами. Об этом говорит мой 42-х летний опыт пребывания в Израиле. – С.Д.)* **Да будет эта статья оправданием Карла Маркса на страшном суде. Пусть эти добрые, сочувственные слова в адрес наших несчастных сородичей послужат ему оправданием на Божьем суде...**

Два слова об этом епископе. Это был выкрест, д-р Михаил-Соломон Александер (1799–1845), раввин, уроженец Познани, принявший англиканство. Крестился в Плимуте, где в местной синагоге состоял кантором! Считался знатоком древнееврейского языка и раввинской литературы в Лондонском колледже. Первый англиканский епископ Иерусалима. В его епархию входили обширные территории: Абиссиния, Сирия, Египет, Халдея, вероятно, подразумевается территория Междуречья, там, где современный Ирак. Он объезжал свои «владения» непрестанно. Умер в Каире от сердечного приступа.

ГЕОРГ-МОРИС-КОГЕН БРАНДЕС

Следующим героем труда Мориса Мюрэ стал великий датский литературный критик Георг-Морис-Коген Брандес (1842–1927). Имя его теперь изрядно позабыто, но он был одним из литературных героев XIX – начала XX веков. В скандинавской литературе по уровню он был равен В.Г. Белинскому в русской словесности, с небольшим отличием в том, что обладал мировой славой. Его переводили на все языки мира, включая китайский и японский. Блестящий художник и исследователь Шекспира, Байрона, русских писателей: Тургенева, Толстого, Достоевского, Горького. Книга Мюрэ была написана почти за тридцать лет до смерти великого критика, и за это время кое-что в его взглядах изменилось. Например, сионизм приобрёл реальность после декларации Бальфура, и Брандес вынужден был изменить свои негативные взгляды на сионистское движение в статье 1918 года «Новое еврейство».

Георг Брандес должен быть назван евреем, помимо его воли. Мюрэ находился в личной переписке с Брандесом и, вероятно, задал ему вопрос, считает ли он (Брандес) себя евреем? Ответ категоричен: нет, он не еврей, а желает быть лишь скандинавом или датчанином. По мысли Мюрэ, эти претензии чрезмерны. Мюрэ, судя по всему, был уверен, что Брандес кривит душой, ибо он, в отличие от швейцарца, был убеждённым «дрейфусаром», а посему – Брандес еврей. Вместе с тем, для Мюрэ – Брандес самый умный аналитик XIX века, «самый деятельный и осведомленный из коллекционеров современных душ». ⁶⁹ Писал же Георг Брандес в основном о вопросах этнографии и психологии. Любое его исследование сводилось к расовому вопросу или к «отличительному знаку расы». Так, даже у Александра Дюма-отца он находит дарование, обязанное наличию у него негритянской крови. Но лучшим доказательством еврейства Брандеса служат две монографии о великих «изразлитах»: Биконсфильде и Фердинанде Лассале.

Безусловно, создавая эти произведения, Брандес, по Мюрэ, верил в еврейский ум. Так, в начале своей книги о Лассале он выясняет, чем обязан Израиль «преследованию его в продолжение двух тысяч лет». «Практический ум» этого народа отличает его резко от англичан или американцев. Я лично думаю, что это не соответствует действительности. Ум этих двух, в основном протестантских народов, достаточно близок к «практическому уму еврейства».

Отсюда и «процветание» этих стран непосредственно связано с «духовным родством с богоизбранным народом». Да и евреям в этих странах жилось и живётся сравнительно благополучно. Так что Брандес неправ, почти на 100%! Датский критик отмечал боевой инстинкт иудейской расы. И здесь преувеличение – куда евреям до «германской расы»! Тем удивительнее то, что он отнес Лассалю к «человеку агитации», а не к «человеку действия». Мюрэ пишет, что оттенок между двумя определениями достаточно тонок, а посему Мюрэ удивлялся энергичному оспариванию его выводов Брандесом в отношении еврейства. Подвергая методическому анализу все произведения «датчанина», **вывод был однозначен: более, чем любой еврей-современник, Брандес обладает чертами, наиболее характерными для его народа.**

Но антихристианская критика, как антикатолическая, так и антипротестантская, обнаруживаемая в произведениях Брандеса, поставила писателя в оппозицию ко всему серому фону провинциальной датской жизни. Несмотря на принятую либеральную Конституцию от 5 июня 1849 года, как следствие движения 1848 года, Евангелическая лютеранская церковь становилась «народной».

Предполагалось, что вся нация должна быть едина в религиозно-однообразии. Дания переживала период национализма, возможно из-за постоянной угрозы прусского вторжения в Шлезвиг-Гольштейн. Отсюда понятно, что «бунт» Брандеса вызвал негативную реакцию не только в его родной Дании, но и во всей Скандинавии. И уже в XX веке родина отомстила ему, не выдвинув лучшего европейского критика на Нобелевскую премию. Но это в будущем, и Мюрэ об этом пока не знает. Собственно, писатель оказался в эмиграции, и в отличие от людей, возлюбивших Францию, он её не любил и предпочёл эмиграцию в Германию, где и написал прекрасную работу о Ницше. С Ницше датский критик дружил. Брандес уважительно пишет о Робеспьере, и с негодованием о Наполеоне I, но не как о живом символе военной агрессии, а за то, что он заключил конкордат с папой, чем укрепил католицизм.

Мюрэ пишет: «Брандес не может простить французскому императору такого чудесного исцеления».⁷⁰ Под «исцелением», думаю, подразумевается возвращение народа Франции в лоно католицизма. Датчанин подвергает писателей-католиков острой критике: Шатобриана, Жозефа де Местра, Ламартина. Любопытно, что чуть ли не матерью «Священного союза» Брандес называет мадам де Криденер, знакомую нам по своему влиянию на императора Александра I.

«В период реакции слово «женщина» обозначает добычу духовенства» – замечание полное смысла и относится с особой силой, скажем, к польским женщинам, которые крайне религиозны. Что касается мадам де Криденер, то Брандес её крайне презирает, безжалостно ненавидит и обвиняет в сомнительном поведении.

Юлия Варвара Фитингоф, по мужу Крюденер (или Криденер) (1764–1824), по матери – внучка генерал-фельдмаршала Миниха.

Действительно своими мистическими идеями она «увлекла» Александра Павловича на путь мистицизма и реакции. И в отличие от Франции, где католицизм и влияние «папизма» очень сильны, Англия первая свергла «иго» христианства, наложенного реставрацией. Мысль интересная, тем паче, что «радикальное освобождение» происходило на острове не сразу: от Томаса Мора до «Озёрной школы» (Вордсворт, Соути, Китс), Шелли и Байрона. Мюрэ иронический восклицает: «Слава натурализму»? Тут же Мюрэ замечает непоследовательность Брандеса, который осуждая моральное поведение Шатобриана и мадам Криденер, забывает о нравственности или безнравственности Шелли и Байрона. Ну а где же тайное еврейство «датчанина»? Оно рядом, ибо великий критик «подсмотрел» у Байрона изречения о бессмертии: «Направление его ума и его психической жизни согласовывались с Ветхим Заветом. Его душа изливала жалобы, подобные жалобам Иова, когда его друзья ему выговаривают и его утешают. День и ночь он взывал о мести, подобно Давиду. «Еврейские мелодии» показывают, до какой степени еврейский плащ хорошо облекал формы его чувства». Что ж, я подписываюсь под каждым его словом. Подробно разбирать часто повторяемый текст Мюрэ, пожалуй, не стоит.

В своей главной работе «Основные течения» (или другой перевод «Главные течения»), над которой он работал почти двадцать лет – с 1872 по 1891 годы, Брандес действительно выдвигает радикальных деятелей на передний план. У него Робеспьер истинный герой, с вершиной деятельности – антихристианской мистерии на Марсовом поле, где он провёл «Праздник Высшего Существа».

Мюрэ подозревает Брандеса в принадлежности к тайному ордену, понятно, что речь идёт о масонах, поскольку тот объединяет два течения: «Романтическая школа во Франции» и «Молодая Германия», восхищается «Собором Парижской Богородицы» Виктора Гюго, которого более ценит как радикального политика.

Чтит Жорж Занд, «самую яркую революционерку той эпохи», опять забывая прочесть ей моральную нотацию.

Лавры радикального деятеля разделяет и Сен-Симон, мечтающий построить Панамский канал. Почему-то сам Мюрэ не вспомнил о Суэцком канале, а вспомнил «Панаму», грандиозную афёру того времени. Мюрэ дожил до 1914 года, когда деловые американцы осуществили мечту Сен-Симона. Этот социалист-утопист нашёл отзыв среди «израэлитов» своего времени, вроде банкира Олинда Родригеца (или Родриг; 1794–1850). Родригец познакомился с Сен-Симоном в 1823 году, а после его смерти основал газету для пропаганды идей своего покойного друга и учителя, он один из пионеров и магнатов железнодорожного бизнеса. Во время революции 1848 года примкнул к ней в качестве защитника рабочего класса. Из его многочисленных работ, наибольший интерес представляет биография Сен-Симона.

По убеждению Брандеса, французская романтика могла держаться на поверхности благодаря «Молодой Германии». Мюрэ уточняет, что немцы придали французским писателям мощный революционный дух и стремление к свободе. А кто были представители «Молодой Германии»? Сплошь евреи: Бёрне, Якоби, Карл Бек, Мориц Гартман, и не только мужчины, но и женщины: Рахиль Левин, Генриетта Герц, Жаннета Воль – все израэлитки. Понятно, по Мюрэ, именно их происхождение освещает дорогу Георгу Брандесу. Это еврейский идеал в современном исполнении. «Молодая Германия» уничтожила «голубой цветок» знакомого нам Новалиса. Категорически неверно, господин Морис Мюрэ! **Именно Гейне создал величайшую лирику XIX века, да и вообще на все времена.**

1848 год разделит столетие надвое. Вот что пишет Брандес: «1848 год – это юбилейный год», который древнее еврейское законодательство установило праздновать каждые пятьдесят лет, когда с одного конца Святой Земли до другого слышался трубный звук, когда объявлялась свобода для всех обитателей земли (*III книга Моисея, гл. XXV, стих. 8 и следующие: «И освятите пятидесятый год, и объявляйте свободу на земле всем жителям её».*) Этот год со своей ускоренной пульсацией и могучей юностью был в то же время годом библейской радости, годом возвращения, искупления, когда те, которые были проданы, были вновь выкуплены».

Мюрэ не может оставить это блистательное место без своего кислого комментария: «И занавес падает при красном искусственном огне. Между «Аллилуйя» и «Осанна» слышится боевая барабанная дробь, призывающая к баррикаде».⁷¹ Призывающая голосом Генриха Гейне: *«Бери барабан и не бойся...»*

Наконец, Мюрэ приоткрывает завесу над творчеством датчанина: «Брандес – ненавистник христианского ума», равно и в католической и в протестантской форме. Жаль, что великий критик плохо знал ортодоксию, но, видимо, это только укрепило бы его в своём мнении. Единственная страсть – этот двигатель человечества – власть и религия – опора любой власти. Нападая на власть, Брандес восхваляет якобинскую свободу, забывая кровавый террор 1793 года. И тут же говорит о Лютере, который покровительствовал двоеженцу, ландграфу Гессен-Кассельскому. Католик, в лице Нарбонского архиепископа, он забрасывает грязью, из-за содержания женского гарема. Брандес разоблачил некоего «брата христианской общины» растлившего нескольких сотен (!) детей. Насмешки Мюрэ над разоблачением Брандеса дешёвы: вместо посещения соборов и музеев Брюгге, он, видите ли, собирает сплетни в помещениях привратниц. Увы, в наш век, когда криминалистика сделала громадный шаг вперёд, мы чуть ли не каждый день должны выслушивать новости о разоблачённых церковных деятелях-растлителях детей и принимать вынужденные извинения Ватикана или Епископата. *(Справедливо указать и на еврейский религиозный сектор, увы, не отстающий от своих «коллег» других религий. Вместе с тем в еврейских хрониках XVI-XVII веков с гордостью утверждается отсутствие содомии у евреев, в отличие от христиан.)*

Настоящая религия по Брандесу заключается «в энтузиазме перед живым умом и мыслями эпохи». «Умом прогресса» датчанин желает нам заменить христианский идеал. Вот грубый идол, во имя которого он постоянно свергал духовное в пользу материального и стремился «отвергать небо, в пользу земли». Брандес полностью солидарен со своими сородичами в этом пункте – и это не подлежит сомнению.

Что же касается взглядов на церковь, то Морис Мюрэ, оказался прав: одной из последних работ Брандеса была антихристианская книга «Сказание об Иисусе»⁷² Основная идея этой небольшой книги – доказательство мифологичности Христа, вовсе не существовавшего. После работ Давида Штрауса и Эрнеста Ренана о жизни Иисуса, это ещё «шаг вперёд по разоблачению христианства».

Надо сказать, что современная наука придерживается точки зрения на историчность «самой обаятельной личности». Основу христианского антисемитизма, по словам Брандеса, «можно объяснить только той ненавистью, с которой относились христиане к евреям во втором столетии, когда хотели заставить забыть или утаить, что евангельский Иисус, Мария, Иосиф, все апостолы, все ученики, все евангелисты – были евреями».⁷³

Небольшое отступление. Из нынешней «свободной» России течёт огромный поток пилигримов в Израиль, но большинство даже не подозревают, что речь идёт о еврейской семье, где герой мировой истории учился и жил по законам Торы. Мне пришлось быть экскурсоводом одной почтенной дамы министерского уровня, некоем варианте «мадам Фурцевой». Я пел «соловьём» у гробницы царя Давида, подчёркивая, что «Горница Тайной вечери» находится прямо над саркофагом царя. Я объяснял, что по иудейскому преданию Мессия должен быть из дома Давидова, родиться в Вифлееме (Бет-Лехеме), и для христиан важно подчеркнуть связь между царём-помазанником Давидом и Иешуа-ха-Ноцри. Когда мы вышли из Горницы, «мадам» спросила: «Всё поняла, но какое имеют отношение евреи к Иисусу?».

Более того, Брандес говорит о «маскировке» идеала новозаветного Иисуса, выросшего из Ветхого Завета: «...ортодоксальное христианство в новейшее время пыталось установить контраст между отношениями древнего иудейства к Всевышнему, как к господину, и отношением к нему Христа, как к отцу».⁷⁴ Но, увы, и в Ветхом Завете к Богу относятся как к любящему отцу. Например, Исаяя восклицает: «Ибо ты наш отец –...отец наш», и подобных мест полно в Библии. Брандес обращает внимание не только на противоречия в словах и действиях Христа, но подчёркивает его преданность Торе: «Он вошёл по обыкновению своему в день субботний в синагогу и встал читать». Ему подали книгу пророка Исаяи, и он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: «Дух Господень на мне; ибо он помазал меня благовествовать нищим и послал меня исцелять сокрушённых сердцем и проповедовать пленным, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, исповедовать лето Господне благоприятное». И закрыв книгу, и отдав служителю, сел.⁷⁵ Среди противоречий Иисуса одно место поражает. Мы можем прочитать у Матфея (5,3): «Вы слышали, что сказано: «Ты должен любить ближнего и ненавидеть своего врага. Я же говорю вам: любите ваших врагов...».

Но этих слов Иисус не мог произносить, утверждает Брандес, ибо это говорило лишь о незнании им Закона, что противоречило его еврейскому образованию. В 4-й книге Моисея (19, 34) прямо предписывается любить чужеземца как самого себя. И знаменитое место во 2-й книге Моисея (23, 4 и 5) сказано языком быта древнего мира: «если найдёшь вола врага твоего или осла его заблудившегося, приведи его к нему. Если увидишь осла врага твоего упавшим под своей ношей, то не оставляй его: развьючь вместе с ним». Мы же можем добавить, что **Талмуд предписывает, прежде всего, помочь ослу своего недруга, а затем лишь своему выслухоуму.**

В общем, в этой книге Брандес действительно занимается не столько критикой христианства, сколько апологией еврейства. Это действительно так. На многочисленных примерах лучшие страницы Евангелия он считает перепевом Ветхого Завета, а противоречия относит к невежеству «корректировщиков» Нового Завета. Например, ненависть к фарисеям, якобы запрещающим евреям исцелять людей в субботу. Но раввины единодушно признали, что святость субботнего дня должна отступить перед спасением человеческой жизни. В Талмуде ясно сказано: «Суббота для человека, а не человек для субботы».

Особенно серьёзно Брандес анализирует самую близкую иудаизму книгу «Откровение Иоанна Богослова», называемую также Апокалипсисом. По его мнению, эта книга самое раннее произведение Евангелия и, видимо, представляет собой фундамент, на котором воздвигнуто всё здание. Он приводит множество заимствований из книги Даниила, а также других частей Ветхого Завета. Брандес не считает, как и большинство учёных, что автор Евангелия от Иоанна одно и то же лицо, что автор «Откровения». Он обращает внимание на сильнейшее обращение евангелиста Иоанна к миру, «не эпическим рассказом», «а трубными звуками фанфар, звучной и громкой фразой», «проникнутой поражающей мистикой»: « вначале было Слово, и Слово было (у) Бог(а), и Слово был Бог... Всё через Него начало быть, и без Него ничего не начало быть, что начало быть. В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме, и тьма не объяла его». Вывод Георга Брандеса однозначен: «Тут как будто намеренно в краткой и вызывающей форме сконцентрировано всё, что рассыпано в Ветхом Завете».

Далее идёт изложение, откуда из Библии был извлечен тот или иной текст. Да, конечно, это Апология еврейства и к этому нечего прибавить. Вот часть стихотворения Брюсова, видимо, написанного по просьбе Максима Горького, что следует из его письма от 17 декабря 1915 года: «... может быть, Библия даст Вам сюжет, тему, достойную вашей работы? Там так много прекрасного и никем ещё не использованного». Поэт откликнулся на совет «Буревестника» во время погромов Гражданской войны, в 1918 году.

БИБЛИЯ

*О, книга, книг! Кто не изведал,
В своей изменчивой судьбе,
Как ты целишь того, кто предал
Свой утомлённый дух, – тебе!
В чреде видений неизменных,
Как совершенна и чиста –
Твоих страниц проникновенных
Младенческая простота!*

.....
*Кто проникал, не пламеня,
Веков таинственную даль,
Познав сиянье Моисея,
С горы несущего скрижаль!*

.....
*И сколько мыслей гениальных
С тобой невидимо слиты:
Сквозь блеск твоих страниц кристальных
Нам светят гениев мечты,
Ты вечно новой, век за веком,
За годом год, за мигом миг,
Встаёшь алтарь пред человеком,
О Библия! о книга книг!
Ты – правда тайны сокровенной,
Ты – откровенье, ты Завет,
Всевышним данный всей вселенной
Для прошлых и грядущих лет!*

Не следует забывать, что Брандес с пиететом относился к великому мыслителю Дании Сёрену Кьеркегору (1813–1856), теологу и философу, о котором первым в 1877 году написал книгу. Это не помешало Брандесу процитировать вопрос Кьеркегора из книги «Indovelse i Christendom»: можно ли что-нибудь из истории почерпнуть об Иисусе Христе, и отвечает на этот вопрос: «Нет!»

Заканчивая изыскания о «еврейском уме» Георга Брандеса, хочется привести пример из «братской» для датчан шведской литературы, а именно стихи поэта Оскара Левертина (1862–1906), как раз по нашей теме. (Оскар – Инвар Левертин, «еврей мечтатель, эстет... не чувствовал себя настолько шведом, чтобы гласно выступить рупором коллективного мнения» – пишет Татьяна Марченко в книге «Русские писатели и Нобелевские премии» (1901–1955). Левертин несколько раз предлагал выдвинуть на премию «Льва Толстого – последнего из пророков»):

«Да, мы ждём, что придёт наш Мессия!

*Этой верой мы жили века,
И в пророчества верим былые,
Хоть удел наш – позор и тоска!*

*Наш Мессия пройдёт по вселенной,
Принося всюду мир и покой!
Скрыты в речи его вдохновенной
Тайна смерти и жизни людской...*

*Эта мысль не одно поколенье
Через муку и гнёт провела,
Обещая вдали пробужденье
Без страданий, без горя и зла.*

*В час прощанья навек утешала
Она скорбных сирот в их тоске...
Сколько слёз лишь она осушала, –
Точно солнце росу на листке!
Облегчая дни долгих скитаний, –
Она властно живила людей
В старом гетто, среди сумрачных зданий,
Величавою мощью своей!*

*С этой верой молитвы звучали
В синагогах призывом святым;
И пред смертью отцы завещали,
Точно клад, её детям своим,*

*Да, мы ждём, что придёт наш Мессия!
Этой верой мы жили века,
И в пророчества верим былые,
Хоть удел наш позор и тоска.⁷⁶*

МАКС НОРДАУ

Последний герой книги Мюрэ – Макс Нордау (1849–1923), настоящие имя и фамилия которого – Макс Симон Зюдфельд.

Его отец – раввин изменил фамилию на Нордау. Макс был врачом-психиатром, учеником Ломброзо, писателем, политиком и соучредителем Всемирной сионистской организации.

Он был прославлен в мире, как блестящий писатель и журналист. Но не только. Мюрэ не мог знать в то время, что Нордау станет в будущем лидером сионистского движения, переживёт своих «однопартийцев», политический террор, когда его чуть не убил противник переселения евреев в Уганду. Хотя сам Нордау всегда говорил, что это временное решение. Затем была Великая война; к своему счастью, он оказался в эмиграции. И новый взлёт после декларации Бальфура. Макс Нордау был врачом, учеником великого итальянского криминалиста и психолога, еврея Чезаре Ломброзо.

Мюрэ отмечает у Нордау общий признак анализируемых еврейских деятелей – отсутствие религиозных убеждений. Исключение: двое из шести «израелитов» – Гейне и Биконсфильд, которые в отдельные годы жизни испытывали религиозные «чувствования». Оба приняли христианство, правда, не ортодоксальное, а протестантизм, прямо исходящий из еврейства (Ветхий Завет). У лорда Биконсфильда, как пишет Мюрэ, «христианство и иудейство слилось в этом уме в один тонкий сплав».⁷⁷ Остальные же не испытывали тяги к христианству и были далеки от еврейского культа. Исходя из ничтожного влияния религии, швейцарец ставит вопрос: «Нужно ли делать отсюда заключения, неблагоприятные для иудейства?». Эта тонкая постановка вопроса не даёт нам ответа, и сам Мюрэ не склонен занимать какую-либо позицию. Хотя есть одна малосимпатичная деталь: его герои-израелиты ненавидят христианство, а к иудаизму лишь мало расположены. Математически наверно это выглядит в пропорции 8:2. Впрочем, каждый может поставить соответствующие ему цифры. Ясно, что евреи, дав миру монотеизм, который стоил им многих страданий, к сожалению, по словам Мюрэ, отступились от него, что видно в философии Спинозы, где монотеизм уступил место пантеизму. В мышлении деятелей XIX века, вроде Карла Маркса и Георга Брандеса, нет никаких следов мистицизма. Мистицизм стал для

них сильнейшим врагом, его следует вырывать с корнем. Тут евреи оказываются не в одиночестве: Мюрэ подыскивает среди христиан воинствующих атеистов, которые подобно Прудону провозглашают: «Бог есть зло!». Печально, первенцы монотеизма сбросили за борт традицию, составляющую их славу и силу. Конечно, это трагично. Но Мюрэ жил во времена погромов русской Гражданской войны, жил и во времена «Хрустальной ночи», газовых камер и прочего, что привело к гибели шесть миллионов евреев. Что думал об этом Морис Мюрэ? Неужели же шесть миллионов все были воинствующими безбожниками? Много бы я дал, чтобы выяснить взгляды швейцарского гражданина на еврейскую проблему в годы Второй Мировой войны. Но могу догадаться, что как истинно верующий человек, он был потрясён Ужасом. Так же, как например митрополит Евлогий, не испытывающий к евреям симпатии или митрополит Антоний, или философы – отец Сергий Булгаков и Николай Бердяев.

Макс Нордау был сыном учёного и с юных лет имел склонность к научным изысканиям. Рождённый в Пеште, тогда ещё не Будапеште, он некоторое время занимался медицинской практикой. В 1880 году обосновался в Париже в качестве корреспондента немецких и австрийских газет и журналов. Макс сотрудничал в «Pester Lloyd», во «Frankfurter Zeitung», «Vossische Zeitung» и в «Neue Freie Presse», прославленной сотрудничеством в ней Теодора Герцля. Мюрэ писал о Нордау: «...превосходный журналист, ум быстрый и гибкий, при широкой любознательности.

Космополит по инстинкту и по доброй воле, Нордау десять лет провёл в путешествиях по Европе». ⁷⁸ Природная наблюдательность, громадный опыт общения с людьми – всё это пригодилось в его творчестве. Два тома он посвятил знакомству с миром в книге «От Кремля до Альгамбры». Мюрэ утверждает, что, как в случае с Брандесом, у Нордау мало общего германского мышления, как у датского критика – скандинавского. Он такой же гражданин мира, как его собрат по крови из Копенгагена.

Немецкий учёный Виктор Ген ⁷⁹ (1813–1891) утверждает, что **«еврей думает антитезами. У него ум скачущий, Он в одной линии ставит сразу одни черты за другими. «Еврей выражается «словечками», поговорками, эпиграммами».** Мюрэ добавляет, что Ген не испытывает симпатии к Израилю. Сам же швейцарец разделяет этот взгляд на евреев.

Несколько непонятно: неужели Мюрэ и Ген не видели «серьёзных» евреев – учёных, а им попадались лишь верхоглядь-«скакуны». Но вот вспомним великого философа Артура Шопенгауэра, который писал об одном из героев этой книги: «В качестве подлинного юмориста выступает Генрих Гейне в своих «Романсеро», во всех его шутках и фокусах кроется глубокая серьёзная мысль, которая из стыдливости скрывается под этой маской».⁸⁰ Это надо запомнить хулителям моего народа, который был вынужден под шутовской маской прятать своё лицо, чтобы не получать оскорблений. И вспомнился Александр Васильевич Суворов, который был известен своим скоморошеством. Но шведский генерал Густав Армфельд увидел за *личиною* **лицо** военного гения, для которого показное шутовство было защитой личности в русской действительности...

Нордау преклоняется не перед Богом, а перед «идолом, почти шутовской побрякушкой, наукой».⁸¹ Наука призвана возродить человечество. Разрушение легко даётся врачу из Пешта; значительно труднее созидание. В его социалистической программе ничего нет, кроме утопии, «химерической мечтательности». Он блестящий фантазёр, «человек, наполненный остроумными, если не гениальными идеями». Его книги заполнены парадоксами, а одна из них так и называется – «Парадоксы». Его произведения не пользовались успехом в Австрии и Германии. И вновь Мюрэ спешит: на сегодняшний день Макс Нордау признанный классик германской литературы. А его «химерические идеи» воплотились в еврейское государство Израиль, до которого дожил его критик...

Единственное, в чём последователен Нордау по Мюрэ, – это ненависть к религии. Вообще, по Нордау, всякая религия «есть след первобытного человека». «Чувство дикаря» – инстинктивный страх перед неизвестной опасностью». Вывод: «Наши религиозные нужды объясняются нашим убожеством».⁸²

Эти слова мало чем отличаются от фразы Маркса об опиуме для народа. Вместе с тем, у Нордау противоречия: «слепой хулитель христианства забывает, что его коммунистический идеал был только раз осуществлён на земле, а именно в Галилее; и этому уже скоро будет две тысячи лет, и осуществлён он тем мыслителем без логики, который вызывает у него такой саркастический восторг».⁸³

О чём говорит Мюрэ? О каком коммунистическом идеале? Вероятно, подразумевается кормление пятитысячной толпы, состоящей из мужчин, не считая женщин и детей – пятью хлебами и двумя рыбами! Чисто еврейский принцип. Все накормлены и ещё осталось еды двенадцать полных коробов!⁸⁴ Мыслитель без логики (*Иисус Христос*) вызывает у Нордау саркастический восторг. Возникает вопрос: чем можно заменить мораль христианства? Естественно, у атеиста – это мораль научная и естественная. Но сразу возникают и другие вопросы. Например, как согласовать принцип равенства с теорией естественного отбора? Занятие медициной подтолкнуло Нордау к убеждению, что научная мораль существует. «Она покоится на взаимной ответственности видов». Иначе говоря, «она делает всё, что соответствует благу человечества».⁸⁵ Далее Мюрэ рассуждает об эгоистичной натуре человека, о невозможности подняться на высоту морального совершенства. Этот внутренний диалог или спор между Нордау и Мюрэ бесконечен. Но Нордау кроме медицины, наверно, знал ещё и еврейских мыслителей глубокой древности. Например, великого законоучителя Гилеля, который на вопрос язычника о сущности иудаизма сформулировал идею в одном чеканном предложении: «Что тебе неприятно, того не делай ближнему, вот сущность всей Торы; всё остальное комментарий...»

Нордау ненавистен Золотой век прошлого: Золотой век впереди; он достижим, благодаря «крыльям» науки.

Парадоксы австрийца-«безбожника» поразительны. По словам Мюрэ, он и Генриха Ибсена, и Льва Толстого считает *дегенератами*. Для нас интересен «опростившийся» Толстой, утверждающий, что нужно жить крестьянской жизнью. Мужикам наука неизвестна, зато они обладают «вечной и божественной мудростью».⁸⁶ Нордау удаётся сделать из Толстого «мистического дегенерата». Он пишет, что романы русского классика напоминают прерафаэлевскую живопись. Конечно, Льву Николаевичу при этом следовало бы знать хоть одного прерафаэлиты, но ведь Толстой утверждает моральное превосходство законов Христа. Тут бы в самый раз вспомнить слова Иисуса о Законе: «Не думайте, что Я пришёл нарушить закон или пророков; не нарушить пришёл, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдёт небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдёт из закона, пока не исполнится всё».⁸⁷

Анализ одного из шедевров Толстого – «Крейцера соната» удивителен: «Толстовство определяет род и степень дегенерации у цивилизованных народов, у которых наблюдается явление «народных сумерек».

Заметим, что «Крейцера соната» столь гениальна и оригинальна, что вызвала появление не менее гениального рассказа Н.С. Лескова «По поводу Крейцеровой сонаты». Действие рассказа Лескова происходит сразу после похорон Ф.М. Достоевского, когда в дом писателя приходит «Незнакомка» под вуалью и исповедуется перед Николаем Семёновичем. Заметим, что ни Толстой, ни Достоевский, ни Лесков, ни Мюрэ не подозревают о существовании доктора Зигмунда Фрейда (1856–1939), хотя фрейдизм пронизывает их сочинения.

Зигмунд Фрейд – ещё один еврей-безбожник, могущий, как и Эйнштейн или Эммануил Ласкер, попасть в обиход критики Мюрэ.

Мюрэ пытается расшифровать метафору «народные сумерки». По его мнению, это предвестие нравственных смут и беспорядка, то есть невысказанная мысль о грандиозной войне и революциях. Мюрэ это не предвидит, и как мы знаем, ошибается. Но зато он прав, недоумевая, почему будущее царствие науки, которому удаётся «смягчить» земное существование, уменьшить смертность, продлить жизнь индивидуума, короче говоря, наука «созидающая новые удобства и облегчающая борьбу против разрушительных сил природы», приводит к «моральной анемии».⁸⁸

Далее идёт прискорбная мысль, осуществленная на территории самого развитого государства Европы в 30-е годы XX века: «Глубокая усталость поколения, которому изобилие открытий и изобретений предъявило органические требования, слишком превосходящие их силы, создала благоприятные условия, в которых эти **уроды могли так расплодиться и сделаться опасностью для культуры**». (Имеется в виду население Европы – С.Д.)⁸⁹

Можно вспомнить и чемпиона мира по шахматам Эммануила Ласкера, который почти за пять лет до прихода нацистов к власти, предчувствуя коричневую чуму, написал книгу «Die Kultur in Gefahr», Berlin, 1928 («Культура в опасности, Берлин, 1928 г.). Великий шахматист читал Макса Нордау – это точно. И предвиденье австрийца поражает. Он также говорит о перенаселённости городов, а следовательно, нарушении равновесия в природе.

Нордау весь состоит из противоречий. По Мюрэ, у него слишком много «душ», которые постоянно находятся в борении друг с другом, сталкиваются и мешают выбрать важнейшее. Удивительное сочетание «метафизика и учёного, оптимиста и пессимиста, дилетанта и фанатика, скептика и пророка». В двух томах «Вырождения» пророк побеждает, но Мюрэ не уверен в осуществлении этих пророчеств. И оказывается неправ.

Наконец, в вопросах антисемитизма Нордау XIX века высказывается невнятно. «В ненависти к еврею» он видит симптом вырождения, проявление мании преследования». ⁹⁰ Мюрэ задаёт вопрос о народных массах, осуществляющих погромы, будет ли Нордау их осуждать. Ибо они народ! «А вот и антисемитизм самого Мюрэ: **«Эти здоровые массы ограбили дома еврейских лихоимщиков»**. ⁹⁰ Прямо певец «Хрустальной ночи!» Увы, в первую очередь пострадали не еврейские толстосумы, а бедняки, населяющие нищие кварталы городов и местечек...

Одна из глав книги швейцарца о Максе Нордау так и называется «Состояние еврейской души». И здесь он находит массу противоречий «о семитическом (?) вопросе и о своеобразии еврейской души». Как известно, Нордау начинал с отрицания национальных характеров: «Природа производит только особей. ... Всякая классификация есть произвольный акт ума. Только разные языки создают различия между нациями». Мюрэ с лёгкостью опровергает языковые различия: жителю Швейцарии это несложно. Немецкоговорящий житель Швица не считает себя немцем, как франкоязычный женевец – истинным французом. К тому же Нордау не признаёт роль религиозного фактора в образовании национального характера. Легче всего взять пример католиков – фламандцев из Бельгии и протестантов – голландцев из Нидерландов, говорящих на одном языке.

Впоследствии взгляды Нордау переменялись и он заговорил, подобно Биконсфильду, о расе и **об уме расы**. Следовательно, по Мюрэ, австриец должен не признавать идентичность европейца и еврея. Прямо Нордау не высказывается по еврейскому мышлению. Но он верит в особую личность еврея, отличную от европейских наций. Слово «мистика» или «мистическая» отсутствует в словаре ученика Ломброзо. От убеждения о разности наций или рас родился «сионизм», у колыбели коего, наряду с Теодором Герцлем, стоял Макс Нордау.

Мюрэ отказывается комментировать политический сионизм, как я лично думаю, из-за скептической оценки еврейской расы, не способной к созидательному труду. Время показало, кто оказался прав.

Свои сионистские суждения австрийский писатель сконцентрировал в очерке «Доктор Кон». Рассказ прост – некий доктор Кон живёт в германском университетском городе, где преподаёт математику в качестве приват-доцента. Только что на одном интернациональном конкурсе доктор Кон получил престижную премию и надеется получить кафедру, но ему отказывают из-за его происхождения. *(Здесь стоит вспомнить судьбу великого композитора Густава Малера, который должен был окунуться в купель ради того, чтобы стать дирижёром Венского филармонического оркестра. Бургомистром Вены на протяжении многих лет был антисемит Люгеэр, «учитель» Гитлера.)* Кон – атеист: он не верит ни в еврейского Бога, ни в христианского. Принять крещение нравственно постыдное деяние, и ему жаль своих родителей, простых набожных евреев, которые были бы оскорблены поступком сына – мишумеда. Кон колеблется, но, как полагается по жанру, появляется «Лилит», христианка по фамилии Мозер. Влюблённый доктор отправляется к родителям девушки просить руки. Его принимают с «торжественной» холодностью. Это разъясняется во время разговора. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять: фамилия – Мозер, производная от имени Моисей. А сам хозяин – ветеран Франко-прусской войны, храбрец, трижды раненый, не может после Седанской победы петь со всеми: «Die feste Burg ist unser Gott» («Твердыня – наш Бог», «Наш Бог – надёжная крепость»). Он по религиозным причинам не мог присоединиться к общему возгласу, а ведь он бок о бок со своими товарищами разделял труды и опасности, «смешал свою кровь с их кровью». Позже, после победы над Францией, его товарищи праздновали сочельник, наряжая на аванпостах ёлки, а он был одинок. Мозер вспоминал: «Мои люди зажгли ёлку. Они пели: «О, тихая ночь! О, Святая ночь!».⁹¹ Мозер безмолвно держался в стороне, чувствуя, что это преступление против его товарищей и самого себя. После военной компании – он крестился...

Остановимся на минуту.

Мюрэ дожил до 1937 года, когда на экраны вышел один из лучших фильмов XX века, фильм Жана Ренуара «Великая иллюзия». Двое французских военнопленных бегут из немецкого лагеря. Один из них – христианин, другой – еврей.

Рождество Христово они встречают в доме овдовевшей крестьянки, имеющей ребёнка. Еврей помогает соорудить ёлку и украшать её. Все дружно встретили христианский праздник – праздник единения. И судя по всему еврей отнюдь не чувствовал неловкости и не думал воспринимать Святое крещение. А если люди всего мира встречают Новый Год – то мало кто задумывается, что это день Обрезания Господня. И никто из евреев не требует всем празднующим сделать «брит-милу»...

Но вернемся к очерку Нордау. Мозер воспринял христианство, но не потому, что уверовал в него, а лишь из желания «быть как все», быть германцем. Ответ доктора Кона или, если хотите, самого Нордау, беспощаден к выкрестам: «Это желаемое объединение с нашими соотечественниками невозможно. Мы можем верить, но другие смеются над нами... Когда нас заставляют креститься, это вовсе не для того, чтобы принять нас, как братьев, но чтобы жестоко насладиться нашей покорностью и высшим позором. Нас хотят заставить по свистку прыгать через палку, как собак...»⁹²

Если бы Нордау и Мюрэ знали русскую поговорку о крещёных евреях, то к помощи дрессировки палкой не пришлось бы прибегнуть. После взятия города Полоцка в 1563 году войсками Ивана Грозного, были крещены все евреи и благополучно утоплены подо льдом Западной Двины. А поговорка такова: «Жида – крести, да под лёд спусти»...

Обратимся снова к доктору Кону, который призывает евреев вернуться к самим себе. И это единственное средство воссоздать в себе человека. Если христианство отталкивает от себя евреев, то еврей должен чувствовать свою независимость. А вот и сионистский вопрос и ответ. Мозер спрашивает Кона: «Вы бы хотели, чтобы евреи сделались отдельным народом?» Кон отвечает: «Но мы уже народ». Мозер: «Народ без отечества, языка». Ответ Кона-Нордау – апология сионизма: **«Мы будем искать для себя отечества, а что касается языка, нам стоит только припомнить наш забытый»**.⁹³ Это кульминация. Конец «пьесы» прост и трагичен: Кону отказывают, а брат любимой девушки вызывает его на дуэль. Мы не будем говорить о полемике, которая возникала в Европе (Германия, Польша), когда дискутировался вопрос о возможности дуэли с иудеем. Я об этом писал в «Истории одного мифа». В данном конкретном случае дуэль состоялась: ведь сын Израиля посмел просить руки Христианки: доктор Кон, конечно, стрелял в воздух; его противник – в цель, и убил идеалиста.

За телом сына приезжают несчастные родители, и отец задаёт риторический вопрос: «Зачем сын стрелялся? Ради христианского обычая». Старик говорит о гуманитарной миссии Израиля. **«Он во славу произносит следующие прекрасные слова: От своих предков мы научились ненавидеть силу. Убивать – удел других. Наше же орудие называется умом».**⁹⁴ Итак, по Мюрэ – Макс Нордау утверждает, что **еврейский ум существует!**

Далее у Мюрэ идёт рассуждение о смешении рас; мы бы теперь говорили о **«Прогрессивном процессе ассимиляции»**. Эти слова приписывались Владимиру Ленину. Но истина не менее удивительна: Бисмарк жаждал ассимиляции, считая, как и Ленин, что речь, может быть, идет о накоплении генов народа Бога. К чему это привело в XX веке, нам известно: Нюрнбергские законы загоняли евреев и их потомков в газовые камеры. Существовали целые мерилы для определения количества еврейской крови. Но у наци был один термин «мишлинг», «смешанные». У евреев нет выбора!

В заключение своей работы Морис Мюрэ приходит к выводу, что все шесть героев его труда связаны между собой. Цепь, идущая от Баруха Спинозы до Макса Нордау, «представляет собой звенья одной организации...».⁹⁵ Все они принадлежат к одной расе или одному народу. Действуют одни и те же «великие вечные силы». Одинаковость исторических судеб, одинаковые моральные и наследственные принципы. Израиль, живущий в Европе, не может слиться с окружающим населением, но упреков из-за этого он не заслуживает. Мюрэ пишет: **«Мы более склонны удивляться жизнеспособности еврейского народа (Вспомним д-ра Португалова. – С.Д.),** хотя бы лично мы порицали и ненавидели от всей души то направление, в котором проявляется его энергия».⁹⁶ Куда направлена энергия? Вероятно, на биржевые спекуляции и социальные эксперименты. А двойственная сущность еврея-европейца? У него всегда на первом плане еврейская сущность, а потом лишь оболочки, в которые он рядится: английская, немецкая, французская и т.д.

О СУТИ КНИГИ МОРИСА МЮРЭ

Из шести персонажей этого раздела лишь у одного не совсем ясно выражено еврейское. Великий тори – Дизраэли исключение, но не до конца. Еврей в монархической Англии, управляющий страной к её благу – всё тот же мятущийся еврей, как и другие персонажи. Мюрэ, правда, считает, что Англия – страна наиболее благоприятная для проживания евреев. Понятно, речь идёт о Старом Свете. Но исключением лорда Биконсфильда дело не оканчивается. Ибо, скажем, Маркс находился так далеко от еврейства, насколько это возможно. Добавьте к этому юношеские статьи юдофобского характера. Что же касается Баруха Спинозы, то мы знаем, чем ему обязана европейская философия и немецкая в частности. Как мы помним, один философ, член нацистской партии смеялся над утверждением, что Спиноза – еврейский мыслитель. Настолько еврейский, что вся немецкая философия от Лейбница до наших дней – семитическая. Можно найти различия «еврейскости» у Гейне, Георга Брандеса и Макса Нордау. Последнего можно безоговорочно признать 100% потомком Авраама, Исаака и Якова. По Мюрэ – древний «изразлит» библейских времён был деистом. Нынешний еврей – непримиримый враг Бога. «Этим он приобретает объём и значение символа».⁹⁷ У швейцарца противоречие: с одной стороны утверждение, что еврей в древности имел «презрительный взгляд библейского времени на смертного человека, который жадно ищет причин, ускользающих от людского взора. Так как Сам Бог хочет их скрыть от нас».⁹⁸ Но, с другой стороны, Экклезиаст знание называет Гордостью. И добавляет: и печалью. Современный еврей, сделавшись атеистом, заменил веру в Иегову – верой в Науку. Новый Идол утверждает царствие справедливости на земле, а не в загробном мире. Современный Еврей, даже сделавшийся атеистом, всё же сохранил один тысячелетний догмат – веру в мессианство, иначе говоря, в прогресс. Мюрэ напоминает, что арийская древность и Средние века скорее верили в постепенный регресс. Только взлёт науки произвёл переворот в душах людей, поверивших в прогресс. Отсюда и другой вывод: евреи «пошли» в науку с удивительным усердием, ибо это соответствует идее их расы. Но, увы, час прогресса ещё не пробил. Пока наука служит Молоху разрушения. Мюрэ влагает в это понятие отнюдь не орудия войны – орудия массового уничтожения, а считает науку орудием социального разрушения. Намёк в сторону Маркса. И еврею всякая власть ненавистна.

Догмат бессмертия души как никогда ненавистен современному еврею, противен его **уму**. «Создать надежду, которая подымается выше того, что есть на земле, это значит в глазах Израиля открыть «базар для дураков».⁹⁹ И сразу же иудеи разделились на две партии: партию «реформаторов», мечтающих распределить земные блага большинству населения, и партию «великих еврейских» «плутократов». Выше швейцарец писал о различии темпераментов между Карлом Марксом и Ротшильдами.

Эти два типа евреев «дружно» работают на дело революции. Оба они антисоциальны. Неправда ли, это так близко к «Протоколам Сионских мудрецов»? И действительно, часто повторяются слова о космополитическом характере капитала, который простирает свои ветви (щупальцы?) на все нации Европы и всего остального мира. Так Ротшильды действуют под всеми широтами. Израиль, начиная с глубокой древности, «остаётся бойцом-энтузиастом космополитической идеи».¹⁰⁰ Роль еврейского космополитизма велика. В современном мире Брандеса, Нордау и Мюрэ, изборожденном железными дорогами, усеянном телеграфными столбами и даже появлением первых автомобилей и синема, космополитизм необходим и представляет собой прогресс. Человечеству (христианскому, по Мюрэ) можно печалиться или радоваться тому, что «еврейский ум» становится мышлением достаточно распространенным. Но следует бояться того, что «европейский ум», пропагандируемый Брандесом и Нордау и их сотоварищами, окажется чисто **еврейским умом**. Космополитизм, бывший аристократическим делом, превратился в революционное мышление уже не узкой высшей прослойки, а громадных масс.

Вот противоречие между двумя мирами: Еврейский ум пророков провозглашал справедливость, ненависть и месть; Христианский мир утверждает справедливость, милосердие, покорность и смирение. А еврейские атеисты атакуют христианство: Маркс, Брандес, Нордау распинаются о христианском браке, нападают на семью — «лучшее оборонительное сооружение нашего общества».¹⁰¹ Евреи преследуют своими сарказмами три христианских завета: «Заветы послушания, целомудрия и убожества». Не спешите, господин Морис Мюрэ. Остановитесь. Всё, что Вы провозгласили высшими ценностями христианства, наличествует в ортодоксальном иудаизме. Вы же сами ссылаетесь на **кроткого мечтателя Галилеи**. А разве он был не иудаистом. Разве **кроткий мечтатель Гилель** не был учителем и **Иешуа ха-Нацри**? Прочтите Ветхий Завет, и вы не найдёте ни одной мысли, противоречащей Новому Завету.

Морис Мюрэ понимает, что он сам себя вогнал в тупик. И он говорит, что человек, родившийся израильянином, не непременно становится революционером. И в каждом противнике существующего строя мы не должны видеть проявление **еврейского ума**. Далее Мюрэ почти сознаётся, что он ничего не доказал. Он банкрот. Ибо Платон заложил основы коммунизма, Вольтер выказывал сатанинскую радость по поводу разрушения религии, а его атака христианства чего-нибудь да стоит, Прудон проклинал идею Бога. Во всех перечисленных не текло ни капли еврейской крови. Приходится отступать и говорить о том, что Мюрэ не формулирует абсолютных правил. В чём и сознаётся.

Далее он даёт отбой по всему фронту. Между эллинизмом и христианством, с одной стороны, и иудаизмом с другой – нет пропасти. В большинстве пунктов они совпадают. Последний всплеск внутреннего несогласия с фактами у швейцарца принимает такую фразу: «Но эти основные принципы умеренности, покорности и самоотречения, провозглашённые Христом, возмущают еврейский инстинкт».¹⁰²

Увы, в Библии и в проповедях наших пророков и экзегетов мы можем найти всё, что есть в Новом Завете. В том числе о подставленной щеке. Просто надо быть доброжелательным и получать консультацию у наших раввинов. Под конец Мюрэ отказывается быть среди хулителей евреев, равно и среди адвокатов, которые «превосходно исполняют свою задачу». Понятно, что это намёк на дело Дрейфуса. Мюрэ говорит о себе в третьем лице и повторяет, что он не собирается «присоединять свой голос к концерту двух партий, стоящих друг против друга. (*Дрейфусаров и антидрейфусаров, антисемитов и филосемитов.* – С.Д.)

Не запрещая себе, правда, ясно формулировать мимоходом и своё личное мнение... С самого начала он искал одного ответа на вопрос: «**Существует ли еврейский ум?**» С самого начала он отвечал на этот вопрос утвердительно. И он думает, что достаточно ясно определил в своей работе, в чём именно заключается еврейское мышление. Имеет ли он дело с систематическим умом? Об этом пусть судит читатель».¹⁰³

Остаётся только догадываться о том, на какой позиции находился Морис Мюрэ в отношении погромов евреев во времена Первой Мировой войны, Гражданской войны в России, их уничтожения нацистами в крематориях лагерей и создания государства Израиль. Будем предполагать, что в дальнейшем он стал «настоящим христианином».

ИВАН ПАВЛОВ

За анализом «Еврейского ума» перейдём к «препарации» русского ума, взяв за основу труд И.П. Павлова «О русском уме». После этого мы получим самую широкую картину человеческого характера. Иван Петрович написал три лекции на темы, связанные друг с другом. Первая лекция называлась «Об уме вообще», прочитанная 28 апреля 1918 года, вторая – «О русском уме» прочитанная 20 мая 1918 года, а третья «Основы культуры животных и человека» 27 мая 1918 года. Я с благодарностью воспользовался публикацией этих лекций в «Российском физиологическом журнале им. И.М.Сеченова в № 9-10 за 1999 год (с.1133-1162). Первая лекция состоялась в Женском Медицинском Институте в Петрограде, что располагался на Архиерейской улице (ныне ул. Льва Толстого (!?), д.3., в здании III аудитории. Трамвай № 24 и 2. Всё это воспроизведено на билете для входа на лекцию. Женский медицинский институт был переименован в 1936 году в институт им. И.П. Павлова. 2-я и 3-я лекции были прочитаны в Концертном зале Тенишевского училища (ныне учебный театр Государственного института театра, музыки и кинематографии – Моховая улица, д. 35. Чтобы расширить представление о личности Ивана Петровича Павлова, нам следовало бы заглянуть в его дневник, если, конечно, он вёл его. Большим подспорьем, без сомнения, являлась бы его переписка: деловая, частная, семейная, письма друзьям, коллегам и ответные письма. Без них нет целостного образа великого учёного. Увы! Переписка Павлова не была издана в советское время, как можно предположить, из-за весьма неортодоксальных взглядов учёного. Наступили «благодатные» времена перестроек, постперестроек и прочих лихих лет, всего того, что пережила и переживает агонизирующая империя. Какое дело Государству до Гения, Светоча российской науки? Да никакого. А денег нет для сохранения квартиры Павлова, не то, что издать письма, с подробными примечаниями. Скажем, так как дневники М.М. Пришвина, да и то, ввиду кризиса, застрявшие на 1943 году.

Лекции, прочитанные великим учёным в не совсем обычный период истории России. Всё это необыкновенно, в связи с тем, что никто из русских интеллигентов с такой болью не писал о своей родине. *(Может быть, кроме А.Блока)*. Конечно, обстоятельства были экстраординарными.

Шла Великая война, называемая русскими Германской войной, затем наречённая Империалистической и, наконец, Первой Мировой. Прошёл год с лишком после Великой «бескровной» февральской революции. Прошло полгода после Октябрьского переворота. Россия находится на краю пропасти. Только что подписан «похабный» Брест-Литовский мир. Большевики проводят свой эксперимент на территории великой страны; уже идёт Гражданская война. Центральная власть не имеет ни солдат, ни офицеров. Террор с обеих сторон беспределен. Погромы... Раздаются отчаянные голоса: «Рассея погибла! Русь умирает! И т. п.» Империя рассыпается на обломки невиданных ранее государств: Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, опереточная «самостийная Украина», кавказские образования, мгновенно вцепившиеся в глотку друг другу. Идёт пропаганда отделения Урала, Сибири. И забитые среднеазиаты тоже выходят на арену истории. Об этом времени у Сергея Есенина в «Москве Кабацкой» можно прочитать следующее:

*«Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники жёлтую грусть,
Проклиная свои неудачи,
Вспоминают Московскую Русь...
Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах,
Жалко им тех неряшливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча,
Где ж вы те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис лечит,
Что в киргизских степях получил.
Нет, таких не подмять. Не рассеять.
Бесшабашность им гнилью дана...
Ты Рассея моя, ... Рассея...
Азиатская сторона!».*

Не очень уж оптимистические стихи народного поэта России. Российская бесшабашность пронизана сифилитической гнилью...

К лекции «Об уме вообще» взят эпитаф, подписанный единой буквой «М», что легко раскрылось: Аполлон Николаевич Майков:

*«Дух века ваш кумир; а век ваш – краткий миг.
Кумиры валяются в забвенье, в бесконечность...
Безумные! Ужель ваш разум не постиг,
Что выше всех веков – есть Вѣчность!..»*

В первой строке у Павлова: «наш кумир», вместо «ваш кумир». А я бы взял эпитафию у Александра Блока из поэмы «Возмездие»

*«Не в силах скинуть иго лени
В полях затерянный народ».*

Основной «мотив» лекций Павлова, как объясняет Иван Петрович, выполнение важнейшей заповеди, заветной классическим миром: «Познай самого себя». Речь идёт не об отдельной личности, а о целом народе. В данный момент истории народ, в своей главной низшей массе оставшийся рабом, а интеллигентная часть которого, в лучшем случае, поверхностно заимствовала чужую культуру, плохо её усвоив. *(Это не совсем верно. Георг Брандес, герой одного из предыдущих очерков, побывавший в России и говоривший о великом будущем её, заметил по поводу российских заимствований:*

«...когда смотришь на Зимний дворец в Петербурге, возведенный по проекту итальянца Растрелли, или на прекрасную конную статую, изваянную французом Фальконе, то снова и снова спрашиваешь себя, что же сделали, собственно, сами русские. Но вместе с тем понимаешь, что русские использовали труд чужеземцев в своем национальном духе...» Кстати, это относится и к Аристотелю Фиораванти, построившему Успенский собор в Кремле с учётом национальных склонностей москвитов.)

И этот народ, в целом относительно мало давший своего самостоятельного мирового культуре и науке – вообразил, что он «вождь» человечества. Сей новоявленный Нестор «начнёт поставлять для других народов образцы новых культурных форм жизни». Это прискорбное заблуждение может привести к роковым последствиям: потере Россией политической независимости. Павлов вменил себе в обязанность попытаться дать некоторый материал в характеристике русского ума. Иван Петрович задаёт риторический вопрос о своём праве заняться исследованием этого вопроса, так как он не историк русской культуры и не психолог.

Да, как учёный он имеет на это право, ибо ещё юношей вошёл в научно-экспериментальную лабораторию. Напомним, что Павлов был учеником гениального физиолога Ильи Фадеевича Циона (1842–1912), добрую память о котором он сохранил на всю жизнь. Что же он увидел в лаборатории: «неустанную работу ума». Эта работа была тем более полная, что она постоянно проверялась на истину: ведёт ли к цели или ошибочна. Иван Петрович указывает,

что он постоянно вращался в интеллигентских кругах, и является членом трёх учёных коллегий. Он имел множество товарищей и перед ним прошли тысячи студентов, избравших своим жизненным призванием «умственную и гуманную деятельность врача». Он был знаком с множеством людей. «И мне кажется, что я научился оценивать человеческий ум вообще и наш русский в частности». Павлову незачем погружаться в тончайшие психологические исследования об уме. Он описывает «ум в работе», на основании личного опыта и на исследованиях величайших представителей «Человеческой мысли». Лишь после этого он предлагает приложить «эту характеристику как критерий, как аршин к русскому уму» и посмотреть в каком соотношении русский ум находится с этой меркой? Уже в этих словах Павлова мы видим его скептицизм. За «аршином» легко проглядывается знаменитое и «затёртое» стихотворение Тютчева, написанное 28 ноября 1866:

*«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить;
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить».*

Весьма двусмысленное произведение Тютчева: в нём больше БЕЗНАДЕЖНОСТИ, чем ВЕРЫ. И вникните в стихотворение: Россия непознаваема умом, общечеловеческие ценности неприменимы в ней. Остаётся мистика – слепая ВЕРА. Посему любой строй или любой эксперимент обречён на неудачу.

Тютчеву же принадлежат и такие слова: «Русская история до Петра Великого сплошная панихида, а после Петра Великого одно уголовное дело». (Из Тютчевианы)

По Павлову первое, «самое общее свойство ума – постоянное течение мысли на определенном вопросе, предмете». Эта привязанность к теме должна быть постоянной, она вас не должна покидать ни на минуту. Вы должны с ней засыпать и с ней пробуждаться. В конце концов, наступит момент, когда поставленная задача будет решена. Ум постоянно находится в напряжении, получая массу информации, поначалу кажущуюся хаотичной, раздробленной. Но постепенно калейдоскоп создаёт ту фигуру, тот образ, который отвечает системе действительности. Увы, «на русской почве я встречу со следующим заявлением, даже победного характера: «А если вам надо так напрягаться в своей работе, то, очевидно, вы располагаете малыми силами!»

В действительной жизни непрестанное упорство в достижении цели кем бы то ни было, у большинства завистников было бы выражено значительно вульгарнее, похабнее: «Бездарность!» Ответ Ивана Петровича достоин и скромен: «Нет! Мы, маленькие и средние работники науки, мы очень хорошо знаем разницу между собою и великими мастерами науки». Достижения «малых» мира сего и середняков измеряются саженьями и десятинами, а у грандмастеров – огромнейшими территориями. Но как те, так и другие привержены к ежедневному, ежеминутному труду: законы умственной деятельности одинаковы для всех. В качестве примера, Павлов берёт Исаака Ньютона, который со своей идеей не расставался ни на минуту. Где бы он ни находился: на отдыхе, на заседании Королевского общества. Его «идея» преследовала его везде. Герман Гельмгольц прямо заявлял, что он обычный человек, за исключением одного: он, как никто, «впивается» в предмет своего изучения. Следовательно, упорство и сосредоточенность – есть общая черта ума от малых мира сего до великих.

Вторым пунктом «ума» является следующая черта. Познание действительности скрыто от «ума», скрыто от нас за «семью замками» или «семью печатями». Не всё познаваемо, ибо: «Между действительностью и умом стоит и должен стоять целый ряд сигналов, которые совершенно заслоняют эту действительность. Я уже не говорю о том теперь уже общеизвестном положении, что наши ощущения чувств есть тоже только сигналы действительности». Сигналы бывают разнообразными. Павлов приводит примеры из астрономии, где при помощи телескопов можно приблизить объект исследования, или наоборот, когда действительность мала, то её надо увеличить, что и делается при помощи микроскопа. Действительность может быть летуча и, чтобы «угнаться» за ней, на помощь приходят приборы. Таким образом, между исследователем и действительностью накапливается длиннейший ряд сигналов.

В качестве примера Павлов говорит о своей работе, касающейся больших полушарий головного мозга, т.е. отдела, заведующего высшей нервной деятельностью. Множество опытов и множество ошибок было совершено, пока лаборатория не добилась успеха. Причём истина лежала на поверхности, но от ошибок никто не защищён. Чем сложнее приборы исследования, тем больше ошибок допускается.

Сколько сил нужно потратить для публикации итоговой работы! Нужно найти точные слова, чтобы не было двусмысленности и «фальсификации действительности».

«Следующая черта ума – абсолютная свобода мысли, свобода, о которой в обыденной жизни нельзя составить себе даже и отдалённого представления». Упорство, но ни в коем случае упрямство: «Вы должны быть всегда готовы к тому, чтобы отказаться от всего того, во что вы до сих пор крепко верили, чем увлекались, в чём полагали гордость вашей мысли, и даже не стесняться теми истинами, которые, казалось бы, уже навсегда установлены наукой. Действительность велика, беспредельна, бесконечна и разнообразна, она никогда не укладывается в рамки наших признанных понятий, наших последних знаний... Без абсолютной свободы мысли нельзя увидеть ничего истинного нового...» Короче, девиз Декарта; «Подвергай всё сомнению». Или принцип Данте: «Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят всё, что угодно».

Кажется, главным героем картины Александра Иванова «Явления Мессии народу» является «Сомневающийся»...

Наверное, это качество можно назвать «скептицизмом».

Следующей чертой, очень тяжелой для исследующего ума – является «абсолютное беспристрастие».

Учёный должен быть привязан к своей идее, но рядом с этим он должен иметь мужество отказаться от неё в любой момент, «Произвести смертный приговор». Какой пример приводит Иван Петрович Павлов, да будет благословенно его имя? Исключительно библейский. «По неотступной его (Авраама) просьбе, на старости лет Бог дал единственного сына, а потом потребовал от него, чтобы он этого сына принёс в жертву, заколол». Так и в науке, как ни больно самолюбию, надо принять новую истину. И подобно Данте: «... с мнением других приходится не считаться, его надо забыть».

Далее. Идеалом ума следует считать простоту изложения, полную ясность, полное понимание. «Признак истины – простота, и все гении просты своими истинами». Параллельно простоте обязательно должна действовать внутренняя система критики. С этой точки зрения интересны шахматы, не только игрой высшего интеллекта, не только высоким искусством расчета вариантов, но и наличием собственной критики.

Тем более что твой соперник – неумолимый критик. А истина постигается в постоянных внутренних сомнениях. И нужно всегда радоваться с таким трудом добытой истине.

На страницах этой чудо-статьи появляется его учитель Илья Цион, затравленный нерадивыми студентами, завистниками-профессорами и антисемитами. Он рассказывал о Гельмгольце, который, живя в Гейдельберге, каждое утро отправлялся на пригорок смотреть восход солнца. Каждый раз радуясь своему открытию.¹⁰⁴

Последняя черта ума – это смирение мысли, скромность мысли. Примером он берёт жизнь Чарльза Дарвина. Его теория эволюции затронула все научные дисциплины. Его открытие сравнимо с открытием Николы Коперника. Но Дарвин свою книгу издал лишь под давлением друзей, которые считали, что он должен установить свой приоритет. Дарвину всё казалось, что у него ещё недостаточно аргументов. Я думаю, что сейчас место сказать пару слов в адрес «церковника» Павлова. Восхищение теорией Дарвина уже одно является достаточным, чтобы признать великого физиолога «неортодоксальным верующим».

Подбивая итог своего выступления, Иван Петрович Павлов выделяет главное: «...настоящий ум, это есть ясное, правильное видение действительности, познание числа и состава этой действительности, Такое познание даёт нам возможность предсказывать эту действительность и воспроизводить её в том размере, насколько это возможно по техническим средствам».

Лекция «О русском уме» была прочитана через три недели – 20 мая 1918 года. Эпиграфом были взяты несколько строк Псалма царя Давида под № XIV в переводе Николая Языкова с добавлением посвящения Павлову. В конце стоит буква «Д», я предполагал, что это Державин, который переводил псалмы, но сходного текста не нашёл:

*«Иван Петрович это тот,
Кто дел своих ценю злата
Не взвешивал, не продавал,
Не ухищрялся против брата
И на врага не клеветал!»*

У Языкова текст такой:

*«Кому о Господи! доступны
Твои Сионски высоты
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи целомудренны мечты»
Кто дел своих ценою злата
Не взвешивал, не продавал,
Не ухищрялся против брата
И на врага не клеветал...*

1830

А далее как в эпиграфе к докладу Павлова, без упоминания Ивана Петровича... Для любознательного читателя даю современный перевод Псалма XIV (это нумерация ивритская, соответствующая синодальному переводу № XV). Переводчик Игнатий Ивановский (1932 года рождения), ленинградец:

*«Кто достоин обитать,
Господи в твоём жилище?
Тот, кто помнит благодать
И в слезах на пепелище,
Кто отвергнет хитреца,
Кто, поклявшись даже злomu,
Сдержит клятву до конца
По обычаю благому.
Кто правдив и сердцем прост,
Не берёт даров неправых,
Не ссужает денег в рост
И бежит путей лукавых».*¹⁰⁵

С чего начинается лекция Павлова? С обращения к аудитории следующими горькими словами:

«Милостивые Государи! Заранее прошу меня простить, что в гнетущее время, которое мы все переживаем, я сейчас буду говорить о довольно печальных вещах. Но мне думается, или, вернее сказать, я чувствую, что наша интеллигенция, т.е. мозг родины, в погребальный час великой России не имеет права на радость и веселье. У нас должна быть одна потребность, одна обязанность – охранять единственно нам оставшееся достоинство: смотреть на себя и окружающее без самообмана».

Приступив к теме «ума», Павлов установил восемь общих свойств, приёмов ума, которые затем перечислил.

Во-первых, Павлов берёт научный ум, который слишком оранжерейный, весьма далёкий от обыденной жизни. Учёный ум – частичный, касающийся очень небольшой группы народа, и он не может характеризовать весь народ в целом. **Количество истинно учёных в слабо развитых странах мизерно. Это относится и к России.**

Павлов ссылается на американского астронома, занимавшегося определением научной производительности различных народов, и тот выяснил, что **«наша русская производительность ничтожна. Она в несколько десятков раз меньше производительности передовых культурных стран Европы».**¹⁰⁶

В этом месте Павлов отмечает, что пока научный ум относительно мало влияет на жизнь и историю. Это весьма спорно даже для 1918 года. Вторжение огнестрельного оружия в военную жизнь резко изменило ситуацию в Европе и в мире. Вряд ли без «огненного боя» испанцы могли завоевать Новый Свет, а Ермак – Сибирь. Последнее, можно увидеть на полотне Василия Сурикова. А английская промышленная революция, а Транссибирская железная дорога, а Великая война с применением газов, танков и самолётов? Павлов в доказательство приводит бессилие даже великого учёного Николы Коперника в спасении Польши. Коперника он называет гением из гениев, а судьбу Речи Посполитой – трагической. Всё это лишь частично правильно. Кто был по национальности Коперник – трудно выяснить. Ибо он родился в Торунь, (*по-немецки – Торн*) городе, который за несколько лет до его рождения находился в Пруссии, на территории Тевтонского ордена. Его мать немка, отец родом из Кракова, неизвестно какой национальности. Говорил он лишь по-немецки, и ни одного документа по-польски, писанного рукой Коперника – нет. Неизвестно даже, знал ли Коперник польский язык. Но немцы не мелочатся: им, имеющим, например, Гуттенберга, негоже воевать за национальность Коперника.

Ссылается Павлов и на гений Дмитрия Ивановича Менделеева, что «не помешало России прийти к тому положению, в котором она сейчас находится». И здесь неуместно определение национальности великого учёного, хотя можно сказать несколько слов по этому поводу. Но вообще это не доводы. Коперник и Менделеев не спасли своих «Ойчизн», зато Джемс Уатт и Роберт Фултон облагодетельствовали Англию, а затем весь мир.¹⁰⁷

Павлов продолжает разговор о невозможности признать мерку «научный ум». Вновь задаётся вопрос, каким же «умом» заняться.

«Очевидно, массовым, общежизненным умом, который определяет судьбу народа».

И опять Павлов вынужден разделить «массовый ум» на ум низших масс и интеллигентский. Но ум низших масс придётся оставить в стороне. «Возьмём в России этот массовый, то есть крестьянский ум по преимуществу. Где мы его видим?

Неужели в неизменном трёхполье, или в том, что до сих пор по деревням летом безвозбранно гуляет красный петух, или в бестолочи волостных сходов? **Здесь осталось тоже невежество, какое было и сотни лет назад».**

И вновь пример из современной жизни. Солдаты, возвращающиеся с турецкого фронта, должны были подвергнуться карантину, из-за опасности разноса чумы. Но солдаты не соглашались и упрямо говорили: «Плевать нам на этот карантин, всё это буржуазные выдумки».

Другой случай, когда матрос-большевик заявил, что им не нужны буржуазные специалисты, потому что, как известно, доктора сами распространяют холеру. «Стоит ли говорить о таком уме, и можно ли на него возлагать какую-нибудь ответственность?» А между тем, следовало остановиться и задать вопрос: почему в России трёхполье? Или почему чумные и холерные бунты были в России всегда? Например, чумной бунт в Москве в 1771 году, холерный бунт в 1830/1831 годах, когда за неимением евреев обвинили поляков в отравлении и убивали не в чём неповинных людей.

А картофельные бунты? Крестьянам (народу) делали благо, а они сопротивлялись до последнего. Теперь – картофель любимое блюдо россиян. Но и добро должно было вноситься выстрелами, пулями, нагайками, кнутами.

А если Россия была на 80-90 процентов неграмотная, то кто должен нести ответственность? Но и грамотность не помогла: «Дело врачей» происходило на глазах уже «образованного населения», но уверенность масс в «евреях убийцах в белых халатах» была неколебима.

А трёхполье было заменено на профанацию «академика Лысенко», заменившего гения Николая Вавилова, сгинувшего в сталинских застенках. Я уже не говорю о системе коллективизации. До этого была община, затем колхозы. Ничто не ново под луной.

В доказательство приведу моего любимого писателя Н.С. Лескова, который в голодный и холерный 1892 год написал: «Врачи говорили, что надо убить запятую, а народ думал, что надо убить врачей». И далее говорится о том, что народ не только «думал», но и «делал», убив мужественных людей, пытающихся им помочь...

А в провинции жили слухами, что уже в Петербурге людей отравляют...¹⁰⁸

Единственный ум, который следует анализировать – это «интеллигентский ум».

Всё, что произошло и происходит с Россией сейчас – это производное интеллигентского ума, а массы всегда играли пассивную роль, они лишь следовали по стопам призвавших их интеллигентов. Павлов требует от интеллигенции не отказываться от ответственности: это несправедливо и недостойно. Тут я нахожу ответ на выше поставленный мною вопрос. Правительство было реакционное: отсутствие законов и просвещения держало массы в «диком состоянии». Но с другой стороны – прогрессивная мысль не занималась просвещением и культуртрегерством, а революционизировала массы. По словам Павлова, интеллигенция достаточно образована, чтобы признать революцию не случайностью, а для неё были веские причины, лежащие «в нас самих, в наших свойствах». И вновь Павлов задаёт вопрос, можно ли установленный научный критерий приложить к интеллигенции. Да, конечно, это целесообразно и справедливо. Разница лишь в одном: научный мир работает на узком участке действительности, а ум обычный имеет дело со всей жизнью. Ответственность общежизненного ума, несомненно, более велика. Ибо интеллигенция виновата в том, что происходит; «виноваты мы» – Павлов и с себя не снимает вины. Ответственность грандиозна, также как грандиозны провалы российской истории. Через несколько лет Павлов мог наблюдать, как слово «интеллигенция» с добавлениями эпитетов типа «гнилая», «дерьмовая» стало ругательством в СССР.

Иван Петрович вновь обращается к всё тем же восьми критериям, необходимым научному уму для плодотворной работы.

Первое свойство ума – чрезвычайная сосредоточенность, стремление мысли безотступно думать. Следует думать бесконечно, и время здесь неограниченно: дни, недели, месяцы, годы и даже долгие годы и даже всю жизнь.

Павлов сразу же даёт отрицательный ответ: у русского нет любви к сосредоточенности, он её не любит и даже отрицательно

к ней относится. Примеры взяты из повседневной жизни, когда споры уходят в сторону. Идут бесконечные заседания всевозможных комиссий. Заседания длинные, многоречивы и безрезультатны. Ибо говорят все, и всё без толку. Однажды Павлов заседал в одной из комиссий, где его учёный сосед, который был членом одной западноевропейской коллегии, удивлялся продолжительности и бесплодности заседаний. Результатов не было видно.

К месту вспомним известное стихотворение Маяковского на эту же тему «Прозаседавшиеся», которое очень понравилось Предсовнаркому Владимиру Ленину.

Правда, стихотворение написано позже, в 1922 году. Сошлюсь ещё на маршала Б.М. Шапошникова, который иронически писал об инженере-генерале Ц.А. Кюи (1835–1918), одном из представителей «Могучей кучки»: **«Всеобъемлющ талант русского человека – он может и проектировать крепости, и сочинять оперы, романсы, но нередко в том и другом остаётся дилетантом».**¹⁰⁹

Всё это так, но что нам делать, например, с Леонардо да Винчи? Уж очень разносторонний человек...

Затем Павлов говорит о русских студентах, которые не отличаются сосредоточенностью (усидчивостью), а напротив смеются над человеком, серьёзно занимающимся делом, вникающим в книгу и не вступающим в бесплодные политические дискуссии.

Для такого вдумчивого студента есть штамп: «Неумный, недалёкий, тяжелодум», иначе говоря, зубрила и бездарность. Вероятно, Павлов вспомнил своего учителя И.Ф. Циона, поставившего двойки сразу восьмидесяти нерадивым студентам.

Мне кажется, дальше Павлов издевается над лозунгом А. В. Суворова: «Быстрота и натиск». Он говорит об этом так: у нас ценится натиск, быстрота, налёт. Это особенно впечатляюще выглядело на итогах войны, начатой под эгидою «Науки побеждать». Чем всё это кончилось – известно. И жаль, что Долгожитель не дотянул до 1941 года! Та же бравада на пустом месте... А может и хорошо, что не дотянул. Ведь нужно щадить человека, хотя после всех репрессий – это уже и не к чему.

Плохо в России относятся к узкой специализации: «А, этот скучный специалист». Но на Западе такой учёный высокоуважаемый коллега, его ценят, как знатока своего дела. И сколько их выехало за границу в смутные послереволюционные годы, обогатив мировую цивилизацию. И сейчас, в наше смутное время Великую Империю покинули евреи – золотой запас страны.

Кто виноват? (Мысль Павлова находится в резком противоречии с афоризмом Козьмы Прутковка: «**Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя**».) Павлов настаивает, что не быстрота и подвижность характеризует ум. Возьмём гениев, которые утверждают, что разница между ними и обыкновенными людьми лишь в одном: в сосредоточенности. Ясно, что подвижность и беготня мысли – слабость ума. В доказательство Павлов приводит примеры своей работы с собаками.

Второй приём ума – «стремление мысли придти в непосредственное общение с действительностью, минуя все перегородки и сигналы, которые стоят между действительностью и познающим умом». ¹¹⁰ И вновь приводя пример из своей практики, Павлов приходит к выводу, что русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова и ими оперирует. Физиология – наука, взаимодействующая с другими дисциплинами: математикой, физикой, химией. Молодые люди, пришедшие из средней школы, не имеют реального представления о физике и химии. Что мог говорить позднее Павлов о советском воспитании и образовании? Приверженность к слову приводит в науке к курьёзу. Павлов присутствовал на полемике двух врачей на собрании под председательством Боткина. Оба оппонента довольно красочно делали доклады, по выводам, взаимно исключаящим друг друга. И что вы думаете? Аудитория с одинаковым восторгом аплодировала обоим учёным. Но оба правы, быть не могут. Это не еврейский анекдот о раввине, судившем двух соседей и каждому говоривший: «Ты прав». А на удивление жены, что так не может быть, он ответил: «И ты права!»

Боткин, возмущённый оппортунизмом присутствующих сказал: «Я вижу, что публика ещё не дозрела до решения этого вопроса, и потому я снимаю его с очереди». ¹¹¹ В дополнение сказанному Иван Петрович говорит о распространении слухов. И вновь вперёд идёт слово-слух, не несущее никакой ответственности.

Третьим и важнейшим качеством ума является Свобода! Павлов выражает это следующими словами: «Это свобода, абсолютная свобода мысли, свобода, доходящая прямо до абсурдных вещей, до того, чтобы сметь отвергнуть то, что установлено в науке, как непреложное».

Далее Иван Петрович вспоминает своё студенчество, когда он отказывался от всяких политических демонстраций, когда не придерживался общего настроения, и говорить против этого было невозможно, ибо тебя стаскивали с места и обзывали «шпионом».

Павлов говорит о себе в третьем лице. Кажется, он опять вспоминает печальную участь И.Ф. Циона, затравленного левыми студентами и бездарными (без кавычек) коллегами. Переходя к политике в Государственной Думе, Павлов обращает внимание, что думцы были не политические оппоненты друг другу, а враги. Стоило заговорить не в унисон с большинством, сразу предполагались грязные мотивы, подкуп и прочие. **«Мы всегда в восторге повторяли «свобода», и когда доходит до действительности, то получается полное третирирование свободы».**¹¹²

Слово «Свобода» в русском языке зачастую равняется слову «Анархия», «Воля» или «Всёдозволенность». «Я вам дам Волю» – говорил народный герой Стенька Разин и дал «волю» убийствам, насилиям и грабежам.

У нас очень часто любят цитировать Пушкина о жестокости и бессмысленности русского бунта, при этом забывая, что первый поэт империи писал и другие вирши, восходящие ко временам Великой французской революции:

*«Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим».*

Или следующие стихи из Евангелия от Матфея, гл.13, ст.3:

Изыде сеятель сеяти семена своя.

*«Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...*

*Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бич».*

Вот цитата из письма А.И.Тургеневу от 1.XII.1823, по поводу «Оды на смерть Наполеона»: «Это мой последний либеральный бред, я закаялся и написал подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа (Изыде сеятель сеяти семена своя)».

Если же говорить о нравственности, то можно вспомнить и другие строки, обращённые не к самому плохому царю Александру I. Пожалуй, их должен был вспомнить и Иван Петрович Павлов и Александр Блок, и соотнеся их с последним царём России:

*«Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, **смерть детей**
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрёк ты Богу на земле».*

Возможно – **смерть детей** – это уже слишком... Но до исполнения пророчества было уже близко.

*«Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт».¹¹³*

Четвертым качеством ума следует считать «привязанность, связанную с абсолютным беспристрастием». Одно из мучений учёного – постоянное сомнение в истинности своего пути. В отношении этого качества ума – русский ум, если и привержен идее, то не вполне беспристрастен.

Павлов говорит о сегодняшнем дне, как раз подтверждающим этот дефект русского ума.

Пятым пунктом ума является «обстоятельность, детальность мысли». В качестве примера фигурирует астрономия, где Урбен Леверье, по крылатому выражению Франсуа Араго, «кончиком пера» открыл планету Нептун.

Всё дело в «детальности» анализа движения Урана, где наблюдалось некоторое отклонение и подразумевалось влияние на Уран некой массы.

Павлов задаёт риторический вопрос: «Что же? Как эта черта в русском уме? Очень плохо. Мы оперируем насквозь общими положениями, мы не хотим знать ни с мерой, ни с числом.

Мы всё достоинство полагаем в том, чтобы гнать до предела, не считаясь ни с какими условиями».¹¹⁴ Это замечание абсолютно точное. Нам, пережившим пятилетки и бесконечные репрессии, голод и войну, оттепели и застои, перестройки и постперестройки и так до бесконечности – всё понятно. Гений прав. В качестве примера Иван Петрович приводит современные школы, где «свобода воспитания» доходит до абсурда, когда отсутствует малейшая дисциплина. Ведь совершенно ясно, что **свобода и дисциплина – абсолютно равноправные вещи.** Другие нации к этому давно пришли.

Далее Павлов говорит о «животрепещущем» вопросе русской социал-демократии. Социал-демократия содержит «известную правду, конечно, не полную правду, ибо никто не может претендовать на правду абсолютную». Здесь Павлов проявляет знание марксизма, считая, что лишь в высоко развитых промышленных странах можно успешно заботиться о здоровье и жизни рабочих. Тут время вспомнить и стихи Генриха Гейне, написанные в 1844 году:

СИЛЕЗСКИЕ ТКАЧИ

*«Без единой слезы в угрюмых глазах
Сидят они за станком, на их глазах гнев отчаяния:
«Настрадались мы вдоволь, голодали мы долго;
Мы ткём тебе саван, о, старая Германия,
Вплетая в него тройное проклятье,
Мы ткём, мы ткём!»*¹¹⁵

Далее Павлов говорит о том, что культурные классы имеют тенденцию к вырождению. Требуется свежая кровь из народной массы. Государство, конечно, в этой борьбе труда и капитала должно стоять на «охране» рабочего. Но опять это частный вопрос западного капитализма. «А что же у нас? Что сделали из этого мы? Мы загнали эту идею до диктатуры пролетариата. Мозг, голову поставили вниз, а ноги вверх. То, что составляет культуру, умственную силу нации, то обесценено, а то, что пока является ещё грубой силой, которую можно заменить и машиной, то выдвинули на первый план.

И всё это обречено на гибель, как слепое отрицание действительности. У нас есть пословица: «**Что русскому здорово, то немцу смерть**», пословица, в которой чуть ли не заключается

похвальба своей дикостью. Но я думаю, что гораздо справедливее было сказать наоборот: «То, что здорово немцу, то русскому смерть». Я верю, что социал-демократы немцы приобретут ещё новую силу, а мы из-за нашей социал-демократии, быть может, кончим наше политическое существование». ¹¹⁶ Конечно, в голове Павлова крутился диалог между немецким мальчиком в штанах и русским без оных, из книги «За рубежом». ¹¹⁷

Читатели! Обязательно откройте страницы этой книги и вам многое станет ясно в судьбе нашей родины.

Перед революцией русский интеллигент млел. На Западе революции были, а у нас всё нет. Следовало к ней подготовиться, а не начинать читать о французской революции после краха империи. Но для Павлова это и не столь важно: важнее изучать историю падения Польши. И здесь он спешит – следовало подождать год, и после Версаля Польша возродилась. Не знаю – к благу ли европейского мира и мира вообще. Этот пятый пункт «уже стал достоянием лабораторных опытов». Далее у Павлова идёт физиологический пример его работы с собаками. Это мы оставим в стороне.

«**Шестое** свойство ума – стремление научного ума к простоте. Простота и ясность – это идеал познания». В технике простота решений – самое ценное. Сложное – ничего не стоит. Первый признак гениальности – простота. Как же русские относятся к этому свойству? В почёте ли простота?

От своих лекций Павлов требовал главное: чтобы все присутствующие их понимали. Он разрешал прерывать свои чтения, если что-либо было непонятно. Никто из русских, присутствующих на лекциях, не задавал вопросов. И это был не страх прослыть выскочкой или занудой. Иван Петрович давал гарантию, что это не отразится на экзаменах. Но студенты равнодушно молчали, явно не понимая предмета до конца. Желания высказаться у них не появлялось. Через его лабораторию прошло большое количество людей разных возрастов, разных национальностей, разной степени компетенции. Иностранцы всегда задавали вопросы, а «Русский человек, не знаю почему, не стремиться понять, то, что видит. ... в то время, как русский поддакивает, на самом деле не понимая, иностранец непременно допытывается до корня дела, И это проходит насквозь красной нитью через всё». ¹¹⁸

Павлов же обратил внимание, что русская публика любит туманное, тёмное. Может быть, он имел ввиду мистическое? В каком-то научном обществе делался интересный доклад. При выходе все

говорили: «Гениально», а один из присутствующих так и брякнул: «Гениально, гениально, хотя я ничего не понял».

Седьмое качество ума – это «стремление к истине». Великий учёный считает, что кабинетная работа распадается на два «акта». **Первый акт** – достижение цели: стремление к новой истине, любознательность, любопытство. **Второй**, не менее важный: постоянное возвращение к добытой истине, наслаждение найденным с постоянным вопросом: не мираж ли это? Одно без другого не могут существовать. В русском уме: это постоянное стремление к новизне, любопытство. И на этом интерес кончается. «Разве это верно?»¹¹⁹

Восьмой и последний признак ума. «Так как достижение истины сопряжено с большим трудом и муками, то понятно, что человек, в конце концов, постоянно живёт в покорности истине, научается глубокому смирению. У нас этого нет, у нас наоборот. Я прямо обращаюсь к крупным примерам. **Возьмите наших славянофилов. Что в то время Россия сделала для культуры? Какие образцы она показала миру? А ведь люди верили, что Россия протрёт глаза гнилому Западу. Откуда такая гордость и уверенность? И вы думаете, что жизнь изменила наши взгляды? Нисколько! Разве мы теперь не читаем, чуть ли не каждый день, что мы авангард человечества. И не свидетельствует ли это, до какой степени мы живём фантастически.**¹²⁰ Суровые и справедливые слова, не потерявшие своего значения и в наше время. Уж действительно: «Ничего не забыли и ничему не научились!»...

Вот стихотворение Фёдора Тютчева, актуальность которого очевидна, особенно после потери Матери русских городов – Киева.

РУССКАЯ ГЕОГРАФИЯ

*Москва и град Петров, и Константинов град –
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? И где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское ... и не прейдёт вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.*

На смертном одре – по словам дочери поэта, – уже после того, как священник прочитал отходную, умирающий раскрыл глаза и спросил: «Какие получены подробности о взятии Хивы?».¹²¹

Можно добавить удивительные слова ещё одного великого русского учёного Н.И. Пирогова, учившегося в течение тринадцати лет в Дерптском университете. Он не стал космополитом, но у него «очень рано развилась, вместе с глубоким сочувствием к родине, какая-то непреодолимая брезгливость к национальному хвостовству, ухарству и шовинизму».¹²² Но защищая славянофильство, я должен сослаться на строки А.С. Хомякова, сумевшего найти мужество написать такие строки в стихотворении «Россия»:

*«В судах черна неправдой чёрной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мёртвой и позорной,
И всякой мерзости полна».*

Стихотворение вызвало «вой» не только петербургских властей, включая наследника престола, будущего Александра II, но и всех «патриотов». Хомяков жаловался К.С. Аксакову, что его по городской почте заваливают пасквилями. Даже графиня Е.П. Ростопчина, замаливая свой прошлый грех (*пропольское стихотворение «Насильный брак», 1845*) так «докричалась, что ей поверило правительство». Естественно, его вызвали в III отделение и ему угрожала ссылка. Хомякова принимали за революционера и его цитировал А.И. Герцен. Даже стихи П.Л. Лаврова относили к творчеству Хомякова и «честный» Лавров боялся, что невинный человек из-за него попадёт в узилище. Тарас Шевченко сразу перевёл на родную мову стихи Хомякова. Хомякову же принадлежит достойный ответ И.В. Киреевскому, который находит отклик в лекциях Павлова. Заметка Хомякова «По поводу статьи Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношения к просвещению России», где Алексей Степанович полемизирует с фразой Киреевского: «Христианское учение выражалось в чистоте и полноте, во всём объёме общественного и частного быта древнерусского». Ответ весьма замечателен, скорее не ответ, а отповедь: «В какое же время? В эпоху кровавого спора Ольговичей и Мономаховичей на юге? В эпоху ли, когда московские князья ... употребляли русское золото на подкуп татар и татарское железо на уничтожение своих русских соперников? В эпоху ли Василия Тёмного, ослеплённого ближайшими родственниками и вступившего в свою отчизну с помощью полчищ иноземных? Или при Иване III и его сыне-двоежёнце?»

Полагаю что, говоря о русском уме, Павлов вспоминал М.М. Сперанского, П.Я. Чаадаева, отца В.С. Печерина, Александра II, С.Ю. Витте и многих других, ум которых был заострѐн не только на критику, но и на созидание. Так, о Сперанском в одной энциклопедии сказано словами Ивана Петровича о достоинствах ума: «Чрезвычайно интенсивный характер обучения в «главной семинарии» вместе с суровым монашеским воспитанием воздействовали на семинаристов в сторону выработки у них способности и к продолжительным, и напряженным умственным занятиям.

Постоянные упражнения в написании сочинений развивали навыки строгого, логичного письма. Выдающийся ум и независимость суждений [уже] проявляются в ученических проповедях Сперанского». Да и вклад российских учёных в мировую науку был не так уж мал: математик Н.И. Лобачевский, физик Б.С. Якоби, астроном В.Я. Струве, физиологи И.М. Сеченов и И.Ф. Цион, К. А. Тимирязев, Д.И. Менделеев, два лауреата Нобелевской премии: И.П. Павлов и И.И. Мечников, бактериолог В.А. Хавкин и. т.д.

Этот список можно было бы продолжить. Правда есть одна завоздка: в национальном смысле, кроме Павлова (*хотя для меня в его биографии не всё ясно*) и «отца русской физиологии» Сеченова, все остальные не совсем русские. О Менделееве, я уже писал. Лобачевский был поляк, и долгое время был католиком, по отцу. По матери, возможно, русский. Вопросы возникнут всё равно. Тимирязев имел татарский «заквас», о чём говорит фамилия и английские корни; Мечников еврей по матери, а по отцу молдаванин. Он и Россию покинул из-за антисемитизма; Якоби, Цион, Хавкин – стопроцентные евреи. Якоби крестился – стал протестантом, Цион – принял православие, пройдя путь через протестантство,(!) и лишь Хавкин остался верующим иудеем и сионистом.

«Ум есть познание, приспособление к действительности. Если я действительности не вижу, как же я могу ей соответствовать? Здесь всегда неизбежен разлад».¹²³

*«Я действительности нашей не вижу,
Я не вижу нашего века.
Родину я ненавижу,
Я люблю идеал человека!»*

Горько читать эти строки Валерия Брюсова ...

Иван Петрович удивляется тому, что Россия всегда «берёт невыгодную линию». Почти полное совпадение со знаменитым выражением В.С. Черномырдина: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

Затем Павлов рассуждает о русской революции, которая произошла «не вовремя». Как будто есть революции, происходящие «в удобное время». Для кого удобное? Но Россия вела тяжёлую войну и делать два дела не могла, в соответствии с русской поговоркой: «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь». В Думе происходило несусветное.

Да: все знали, что на «троне сидел вырожденец», а правительство было никуда негодное, но произнесение зажигательных речей привело к тому, что Россия оказалась и с войной и с революцией. Произошло разрушение армии. Приказ №1 окончательно развалил дисциплину. Но здесь Павлов лишь частично прав. На середину 1916 года в империи было 1 200 000 дезертиров! Это 100 дивизий (!!), которых не хватало на фронте. До революции ещё было далеко. И в развале армии виновато лишь царское правительство, а дальше уже следовало «крещендо». В качестве примера бессмысленности, безрассудства, Павлов приводит Брестские переговоры. «Троцкий проделал свой фортель, когда он заявил и о прекращении войны и о демобилизации армии. Разве это было не актом огромной слепоты?»¹²⁴

По словам Павлова, Германия, ведущая борьбу со всем светом, могла лишь воспользоваться нашей безоружностью. А из уст одного блестящего представителя «нашей первой политической партии», вероятно большевиков, он слышал, что это остроумно и целесообразно. Но и здесь Иван Петрович был прав лишь частично. Ну, во-первых, переговоры вёл не русский, а еврей. И, так сказать, можно всё списать на него. Но и не это было главным. У России просто не было армии. Этим эффектным жестом, Троцкий просто «раздевал» германский империализм перед мировой общественностью, что несомненно давало России международные дивиденды. Более того, как я писал неоднократно, Лев Давидович не предполагал, что немцы окажутся такими дураками. Генерал Макс Гофман, глава германской переговорной миссии, настаивал в присутствии Кайзера об оставлении Польши и Прибалтики в руках русских. На него в Берлине смотрели, как на сумасшедшего. *(Вспомним Бисмарка, с его попыткой вернуть часть Эльзаса и Лотарингии.)*

Стоило подождать восемь месяцев до Ноябрьской революции 1918 года в Германии, чтобы понять, что Гофман был прав, а Троцкий был ещё «правее». Собственно, военный провал Германии стал очевиден в конце мая, когда стал трещать по швам Западный фронт после генеральной атаки германцев, названной «Кайзер-наступлением». 8 августа 1918 стал самым чёрным днём немецкой армии, как писал генерал Людендорф. И именно большевики разложили немецкую армию, а советское посольство в Берлине, во главе с Л. Иоффе и К. Радеком, создавало отряды «спартаковцев». А территорию русской империи большевики почти полностью сохранили.

Заключительные слова лекции Ивана Петровича Павлова необыкновенно проникновенны. Он настоящий гражданин своей неблагоприятной страны. Вслушайтесь в его голос, в его плач по несчастной родине: «Нарисованная мною характеристика русского ума мрачна, и я сознаю это, горько сознаю. Вы скажите, что я сгустил краски, что я пессимистически настроен. Я не буду это оспаривать. Картина мрачна, но то, что переживает Россия, тоже крайне мрачно. А я сказал с самого начала, что мы не можем сказать, что всё произошло без нашего участия... Значит, не взирая на то, что произошло, всё-таки надежды мы терять не должны».¹²⁵

Одновременно с этими двумя статьями, 27 мая 1918 года была прочитана лекция, как будто не имеющая отношение к нашей теме. Лекция называлась «Основы культуры животных и человека». Но попутно мы можем узнать, что болевые опыты на собаках показали, что они не чувствовали боли. Присутствующий на экспериментах «первый физиолог Англии» Чарлз Скотт Шеррингтон отметил: «Теперь я понял, почему христианские мученики могли переносить мучения. Очевидно, известным сосредоточением мысли можно достигнуть того, что боль не будет существовать». Павлов полностью согласен с этим.¹²⁶ У Павлова искреннее восхищение английской нацией. Вопреки стародавней глупости «об англичанке гадящей нам» по поводу или без повода. (*Вспомним Дневник Достоевского 1876-1877 гг.*) «Возьмём английскую нацию. Эта, безусловно, одна из передовых наций, раз она сумела распространить своё влияние и обсеменить культурный весь мир. Этой нации принадлежат вершины как в умственном отношении, в области научного духа, достаточно назвать Ньютона, Дарвина, так и величайшие образцы достижений в области литературы, – Шекспир».¹²⁷

Удивительно для Павлова, что страна держится за религию.

Однажды Иван Петрович попал в неприятную ситуацию. Приглашенный на семейный завтрак одного профессора Медицинского факультета, он увидел, что завтрак начинается с молитвы. Далее более. В 1912 году он попал во время церковной службы в Вестминстерское аббатство. Рядом стоял знаменитый физик и химик Уильям Рамзай, лауреат Нобелевской премии. Павлов по российской «либеральной» привычке во время службы отвлекал Рамзая от молитвы. Наконец, Иван Петрович понял, что он со своим уставом попал в чужой монастырь, и стал прислушиваться к словам аббата, говорившего на тему: «Бог есть истина»: «... церковь кланяется Вам, как искателям и накопителям истины».¹²⁸

Далее Павлов говорит об Англии, стране далеко ушедшей по пути прогресса, но никогда не отказывающейся от строгого соблюдения закона. Закон есть закон! И смертная казнь за тяжкие преступления в ней производится неукоснительно. Особенно, когда речь идёт об убийстве. Затем он переходит к порядкам в Германии, где за малейшее нарушение общественного порядка немедленно следует штраф!

По русским понятиям речь доходит до абсурда: в общественном саду имеются детские дорожки и скамейки. Занявшие случайно или по ошибке эти места мгновенно штрафуются. Вывод Павлова логичен: «Вы видите, господа, что передовые нации, англичане и германцы, в принципе придают такое же значение торможению, узде, как проявлению деятельности свободы. Понятно, что идеал состоит в равновесии одного и другого...»¹²⁹ Мы видим, что Павлов – западник, в самом здоровом смысле слова. Ведь он любил свою родину, и не покинул её, но его идеал – это не восхищение собственными достоинствами, которых, увы, мало, а преклонение перед великой Западной цивилизацией. И когда выбирали десять самых выдающихся деятелей России, то не нашлось места ни Ломоносову, ни Павлову, ни Сперанскому, ни Бергу, ни Мечникову, ни Вернадскому, а, как ни странно, место Сталину и Ивану Грозному было обеспечено.

Итоги революции оказались печальными. Мечта о мировом союзе народов рассыпалась, а в частном случае отделение Малороссии от Великороссии дало удивительный результат, непонятый обоими лагерями. Иван Петрович вспоминает: «Я жил порядочно, доживаю до предельного человеческого возраста – 70 лет. Десять лет я был студентом, имел товарищей со всего простора России. Затем я был профессором, когда через мои руки прошли тысячи

молодых людей. И я скажу без малейшего преувеличения, я никогда, ни на один момент не почувствовал, что есть Великороссы, как отдельная нация, и Малороссия. Мы всегда вместе и плакали, и радовались. Что я бы не делал, что я бы не думал, я никогда не принимал в расчёт, кто я – великоросс или малоросс.

И вдруг откуда-то получается неудержимое стремление к распаду! Чем это оправдывается, зачем это надо?»¹³⁰ В наше время эти вопросы актуальны. Никто не нашёл в себе мужество повторить благородные слова Павлова.

Сам я, Савелий Дудаков, встречался с сотнями украинцев, и задавал один и тот же вопрос: зачем вам нужна «незалежность» и в 90% , а может и больше, они отвечали: мы всегда были с русскими, москалями, нам это не нужно. Когда гетман Иван Мазепа, неглупый и образованный человек, пообещал шведскому королю Карлу XII сто тысяч казаков, то глубоко ошибся: их число не превышало пять тысяч! Почему? Да потому, что оба народа единое целое и разговоры о москалях и хохлах, кроме юмора, ничего не содержат. Оба народа давно породнились. Почти каждая «москальская» или «хохляцкая» семья смешанная. Никогда в Советской России украинцев специально не преследовали (*кроме общесоветских репрессий, где русские, грузины, евреи, украинцы были в одинаковом положении и «Голодомор» был общий*): в государственном аппарате и в армии их было непропорционально много, но никто на это не обращал внимания. Павлов занимает яркую и непримиримую позицию к германскому империализму, «поедающему» кусок за куском славянские земли. Он пишет: «Разве Лейпциг раньше не был Липецком? Разве мы не знаем, что «Drang nach Osten» проникает всю Германию снизу доверху. Разве мы не знаем, что Турция наступает на Кавказ!» На Россию наступают исторические враги, а Россия распалась и стала лёгкой добычей. Далее он говорит о карантинах (*фильтрационных лагерях*), где германцы подвергают возвращающихся военнопленных соответствующей политической обработке. Это ошибка Ивана Петровича: большевистская зараза проела германскую армию, а русской армии уже не было до марта 1917 года. Не такие же глупцы были Ленин и Троцкий! Нужно терпение и ещё раз терпение, да и не такое долгое – несколько месяцев. И вот здесь я действительно вздохнул: «Жаль, что Великий долгожитель не дотянул до 1945 года» Он бы увидел поверженный Берлин, захват Восточной Пруссии, освобождение Львова, бывше-

го Лемберга. Переименование Данцига в Гданск, а Штеттена в Штеттен. Переименование Бреславля во Вроцлав, возвращение славянского края Восточной Пруссии и появление на карте вместо Кёнигсберга – Калининграда, а вместо позорного Тильзита – Советска, вместо Инстербурга – Черняховска, возвращение Южного Сахалина и Порт-Артура, захват Курильских островов... Вот бы увидел Павлов Великую Славянскую империю, но... вряд ли был бы счастлив...

Концовка всех лекций Павлова великолепна. Он пишет словно стихи в прозе, резюмируя всё, о чём говорил:

«Где ты свобода, вечная пленительница человеческих существ от звероподобной природы до величайшего образца человеческого духа? Где ты, настоящая, подлинная? Когда придёшь и останешься с нами навсегда? Увы!..

Мы обречены ждать тебя в конце длинной и непрерывной борьбы с твоей безотступной соперницей-уздой; борьбы в семье, школе, в обществе, государстве, в целом человечестве и в нашей собственной душе; борьбы уже многотысячелетней; борьбы от начала и доселе, временами и местами – свирепой, кровопролитной, трудной борьбы, только там или здесь смягчающейся и облагораживающейся; борьбы, в которой то ты, то она – твоя соперница, так Ты придёшь, замиренная и прекрасная, придёшь и останешься неразлучной с нами, только в самом конце этой, так томительно длинной для нас, борьбы, придёшь тогда, когда ты и твоя соперница подадите друг другу руку мира, дружески обниметесь и наконец родственно, как две половины, сольётесь в единое целое. И этот момент будет началом высшей человеческой культуры и высшего человеческого счастья».

Но...Господа! Меня гложет мучительное сомнение. Это слияния и это счастье возможны для русского человека и славянина вообще, или невозможны?»¹³¹

В этом прекрасном «стихотворении» слишком много фрейдизма. Сознал ли это Иван Петрович?

«Когда я думаю сейчас о Фрейде и о себе, мне представляются две партии горнорабочих, которые начали копать железнодорожный туннель в подошве большой горы – человеческой психики. Разница состоит, однако, в том, что Фрейд взял немного вниз и зарылся в дебрях бессознательного, а мы добрались уже до света...

Изучая явления иррадиации и концентрации торможения в мозгу, мы по часам можем ныне проследить, где начался интересующий нас нервный процесс, куда он перешёл, сколько времени там оставался, и в какой срок вернулся к исходному пункту. А Фрейд может только с большим или меньшим блеском интуиции гадать о внутренних состояниях человека. Он может, пожалуй, сам стать основателем новой религии».¹³²

Кажется, в своём «стихотворении» Павлов в «туннеле» встретился с еврейским гением. И сознательно или бессознательно попал под его обаяние...

Эта книга касалась «Ума» евреев, русских, грузин, англичан, датчан, немцев. Каждый народ живёт по собственным законам, сложившимся в их истории. Вспомните замечание Мориса Мюрэ о социал-демократии разных народов, которые вкладывают национальный характер в одну и ту же идею. Добавим, что в эпоху «ленинизма», я видел в Музее Ленина в Ленинграде портреты, исполненные мастерами многих континентов. Ленин был один, но разный: от чернокожего до желтокожего. Каждый народ вкладывал в Нового Мессию свой национальный дар.

А теперь в утешение Ивану Петровичу Павлову приведу мнение о своём народе генерала Шарля де Голля, о той Франции, которую любило «всё человечество». Это для того, чтобы понять: у нас всё же больше общего, чем частного. Вот какие высокопарные слова в адрес своей Родины генерал писал уже после самого ужасного унижения, пережитого Францией:

«За годы моей жизни я составил себе собственное представление о Франции. Оно порождено как разумом, так и чувством. В моём воображении Франция предстаёт как страна, которой, подобно сказочной принцессе или Мадонне на старинных фресках, уготована необычайная судьба. Инстинктивно у меня создалось мнение, что Провидение предназначило Францию для великих свершений или тяжких невзгод. А если, тем не менее, случается, что на её действиях лежит печать посредственности, то я вижу в этом нечто противоестественное, в чём повинны заблуждающиеся французы, но не Гений самой нации.

Разум также убеждает меня в том, что Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах; что только великие деяния способны избавить Францию от пагубных последствий индивидуализма, присущего её народу; что наша

*страна перед лицом других стран должна стремиться к великим целям и ни перед кем не склоняться, ибо в противном случае она может оказаться в смертельной опасности. Короче говоря, я думаю, что Франция, лишённая величия, перестаёт быть Францией».*¹³³

Франции не осталось бы на карте Европы (*разве только как географическое понятие*). Великое спасибо советскому (русскому), английскому, американскому народам, сохранившим «величие Франции». Насколько благодарны французы этим народам – мне неизвестно.

А вот нейтральное свидетельство американского государственного деятеля Уильяма Леги, писанное в дни краха Третьей республики. Будучи во Франции представителем США, он пытался вразумить политиков воздержаться от тесного сотрудничества с наци, а он знал, что представители правительства Виши верят в победу Германии и из эгоистических соображений желают быть на стороне победителей.

Близорукие и подлые душонки! Но не только правительство, но и народ был готов прогнуться и прогнулся: «Я должен был повторять всем и каждому, что победа стран «оси» приведёт к расчленению Французской империи и низведёт Францию до положения вассального государства...

Позднее я обнаружил, что некоторые французы полностью смирились с подобным исходом и верили, что Гитлер сделает Францию своим «любимым вассалом».¹³⁴ Термин «некоторые», конечно же, сделан для «политкорректности». Прогнулась почти вся Франция. Но нашлись «десять праведников» и в парижском Содоме, чтобы спасти честь великой нации.

Я говорю о де Голле и еврейских и русских патриотах, многие из которых отдали жизнь за свободу Франции: о министре внутренних дел Третьей республики, еврее Жорже Манделе (Жеробан Ротшильд), убитом нацистами; еврее Рене Мейере, заявившим де Голлю: «Я должен возвратиться во Францию для того, чтобы связать свою судьбу с судьбой моих единоверцев, которые ожидают преследования».

В дальнейшем, он был доверенным лицом де Голля в правительстве изгнания, а после войны дважды был премьер-министром Франции.

Я говорю о великом историке-еврее Марке Блоке, убитом коллаборационистами; о русской – матери Марии (Скобцовой), отдавшей свою жизнь за спасение еврейки; о Сарре (Ариадне) Скрябиной (дочери композитора принявшей еврейство), погибшей в бою с коллаборационистами: она переправляла группы евреев за пределы рейха; о генерале Зиновие Пешкове (брате Якова Свердлова и приёмном сыне Максима Горького); о юной еврейке Франс, дочери поэта Жана-Ришара Блока, собиравшей гранаты; о Фредерике Жолио-Кюри, «производившем» в своей лаборатории в Сорбонне бутылки с зажигательной смесью; о великом историке Леоне Полякове, бежавшим из плена и примкнувшим к еврейскому резистансу и немногих других.

Армянская община Франции приняла активное участие в борьбе против наци. Руководителем группы был поэт-коммунист Мисак Манушян. Семья Шарля Азнавура помогала скрывшейся в подполье семье Манушяна. Группе удалось ликвидировать коменданта Парижа генерала фон Шамбурга, применявшего массовые расстрелы, и штандартенфюрера СС Юлиуса Риттера, руководившего депортацией 600 000 французов на принудительные работы в Германию, осуществить 56 нападений, 150 оккупантов ликвидировать, 600 ранить. За голову армянина были обещана большая сумма. В ноябре 1943 года он был схвачен и казнён с группой товарищей из 21-го человека. Где были французы? Риторический вопрос...

Я – Савва Дудаков, завершаю эту главу накануне Светопреставления, а именно 20.12.12 года. Завтра, 21 декабря 2012 года, «ожидается» Конец Света. Думаю о Гениальном Человеке будущего, о котором было сказано Пьер-Жаном Беранже в стихотворении «Безумцы»:

*«По безумным блуждая дорогам,
Нам Безумец открыл Новый Свет,
Нам безумец дал Новый Завет,
Ибо этот безумец был Богом!
Если б завтра Земли нашей путь
Осветить наше Солнце забыло –
Завтра целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь»*

Мне удивительно приятно ощущать себя Евреем, не боящимся будущего. Ибо и Колумб, и Иешуа ха-Ноцри были иудеями. А Будущий Безумец – Эйнштейн стоит на пороге Нового времени.

**ЖЕНЩИНЫ –
ГОРДОСТЬ РОССИИ**

В мой весьма краткий список не вошло много имён. Это капля в житейском море, да и то обо всех невозможно рассказать.

Естественно, о многих женщинах я уже писал, как, например, о великом математике Софье Ковалевской, первой женщине-профессоре, преподававшей в университетах, писательнице, народоволке, страстной поклоннице Николая Гавриловича Чернышевского, о враче Варваре Рудневой

Биографии многих женщин из моего списка уже подробно описаны. Посему, я останавливаюсь лишь на нескольких малоизвестных подвижницах. На претензию – почему мною выбраны эти, а не другие, отвечу, что таков мой список, а каждый может составить свой и написать – женщины стоят того.

НЕБОЛЬШОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

В России культ женщины был весьма и весьма высок. «Русь на бабе держится» – очень старая поговорка. И кто не знает стихов Некрасова «Есть женщины в русских селеньях» из поэмы «Мороз, Красный нос» или его поэмы «Русские женщины»? Но с персонажами последней произошел конфуз: большинство из «декабристок», последовавших за своими мужьями в Сибирь, увы, были француженками. Русский патриотизм от этого страдал, даже если этим патриотом оказывался литератор-еврей. «Железная женщина» рассказывает о своём разговоре с писателем Михаилом Осиповичем Цетлиным по поводу Некрасова, стихи которого, «естественно», поэт-меценат очень любил, в частности, поэму «Русские женщины».

– Михаил Осипович, – сказала я вдруг, давая волю своей не любви к Некрасову, – а ведь женщины-то, были французские!

Он нахмурился:

– Анненкова и Трубецкая. И Камилла Ивашева. Одна только Волконская – русская была.

Он был недоволен, ничего не ответил и перевел разговор».¹

Стоит перечислить этих подвижниц, ибо не всем повезло стать героинями поэм и фильмов, но все были поколения Татьяны Лариной – ровесницы, подруги, сестры, любовницы, знакомые первого поэта России: Фонвизина, Давыдова, Муравьевы, Нарышкина, Розен, Юшневская, Ентальцева, Поль, три сестры Бестужевы, мать и сестра Торсона, Эмилия (Камилла) Ледантю-Ивашева. Всем предстоял тягостный путь в Сибирь, в Никуда.

Я не знаю, кому посвящено стихотворение Фёдора Ивановича Тютчева «Русской женщине», но оно достаточно грустное или даже больше – безнадежное:

*«Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...
И жизнь твоя пройдёт незрима,*

*В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, –
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...»*

Допускаю, что речь могла вестись о какой-то жене декабриста, умершей в Сибири... Любовь ушла и жизнь ушла.

Н. А. Добролюбов привел стихи Тютчева «Русской женщине» в статье «Когда же придет настоящий день?» (о повести И.С. Тургенева «Накануне»), охарактеризовав их как «безнадежно-печальные, раздирающие душу предвещения поэта, так (постоянно и беспощадно) оправдывающиеся над самыми лучшими, избранными натурами в России».²

Один из самых страшных рассказов И.С.Тургенева о трагической судьбе русской крестьянки в деревенской глуши назван «Живые мощи» (1873/1874). Его невозможно без содрогания читать даже спустя 150 лет. Судьба молодой женщины, превратившейся в неподвижное существо, её покорность и её сны потрясающи.

Вместе с тем, это маленький литературный шедевр, вошедший в сборник, изданный в целях помощи голодающим Самарской губернии, с подзаголовком «Отрывок из «Записок охотника». (Жорж Санд писала Ивану Сергеевичу: «Tous nous devons aller à l'école chez» перевод: «Все мы должны пройти у Вас школы...»). Да и поначалу, он хотел посвятить рассказ французской писательнице.)

Другой трагический рассказ Тургенева «Несчастливая» о русско-еврейской девушке Сусанне, дочери живописца. Он её сравнивает с Ревеккой из романа Вальтер Скотта «Айвенго», и Иван Сергеевич вкладывает в её уста жуткие и правдивые слова: «О, бедное, бедное моё племя... проклятие лежит на тебе!»

Анализ участия женщин в революционном движении дает удивительный результат – среди них процент «азефщины» почти равен нулю. (*Есть и исключения – например, Зинаида Жученко, но повторимся: это единицы*). Один из тонких исследователей проблемы обратил внимание на имя, распространенное среди этих подвижниц: это имя «София».

И действительно стоит назвать этих женщин: Софья Перовская, Софья Лешерн (её полное имя *Софья Александровна Лешерн фон Герцфельд, 1842?–1898*), смертная казнь которой была заменена вечной каторгой, Софья Бардина (1852–1883), отбыла девять лет каторги, покончила жизнь самоубийством в Женеве. Софья Гинсбург, а в летописи русской науки того времени, с большим левым акцентом – те же Софьи: Софья Кавелина, Софья Ковалевская. Софья Ковалевская была еще автором повести «Нигилистка», переведенной на ряд западных языков. «У каждого политического движения есть свои мистики. Один из них, в глухом сибирском городке, уверял меня, что для русской женской эволюции вообще, а для революции в особенности, (характерно) апокалипсическое имя – Софья».³ Так как писатель Амфитеатров совершил сибирское путешествие «за государственный счёт» в 1902 году, можно с уверенностью сказать, что «мистик» хорошо знал дело, да и читал, конечно, Владимира Соловьёва. От себя же добавим, и это будет в унисон с высокой мудростью – Софией, не менее мистично для русской революции и имя «Вера» – Вера Засулич и Вера Фигнер...

«И дух отрицанья её посетил –

.....
Науку, семью, государство, права,
Религию, гений искусство,
Всё, всё превратил он в пустые слова...

.....
«Иди, говорил он, иди вслед за мной,
И будет твой путь – путь свободный,
И скоро среди мастерских мы с тобой
Сойдёмся на тризне народной.

На каждой версте – будет общий дворец;
За труд – будет плата любовью;
И – будет тогда отрицанья конец,
Созреет – политое кровью»

Ушла ли на Запад она в край чужой,
Где жатва давно уж созрела...?

.....

*Ушла ли она в наши степи, туда,
Где нет ни конца, ни начала...?*

.....
*Или, измождённая страшной борьбой,
В чаду, в тесноте еле дышит
И, чуткая, слышит бред жизни хмельной,
И – Боже! – неужели слышит,*

*Как дух отрицанья глумится над ней,
И даже её отрицает.
Её – кто ему в жертву нёс радость дней
И ради его погибает!»*

Это стихи Якова Полонского. Несложно высчитать, что Яков Петрович имел в виду не только роман Н.Г.Чернышевского «Что делать?», где прославляется будущее социалистическое общество, но и народовольцев, которые шли на каторгу, в Сибирь, виселицу или эмигрировали на Запад. Именно русской женщине-революционерке посвятил свою маленькую поэму один из лучших и чутких поэтов современности.

Федор Михайлович Достоевский делал ставку на «русскую женщину»: «... в ней заключена одна наша огромная надежда, один из залогов нашего обновления».⁴ Далее писатель восхищается мужеством женщин, боровшихся за высшее образование: «Русская женщина целомудренно пренебрегла препятствиями, насмешками». Он надеялся, что отечественная женщина, с высшим образованием – это будущее России, и её гордость перед Европой. Достоевский, вероятно, не предполагал, что среди отечественных «сделавших себя» женщин будет значительное количество евреек. Писатель хотел привести пример «удачного решения» женского вопроса, но на помощь пришёл случай. На пороге дома появилась «Она».⁵ На письме от 6 февраля 1877 врача Татьяны Васильевны Брауде, сумевшей нащупать слабые места позиции Достоевского по еврейскому вопросу, рукой писателя сделаны пометки: «Еврейка-аноним. Не надо» и ещё раз повторено: «Еврейка». При чтении Федор Михайлович отчеркнул значительную часть письма. К сожалению, в нашем распоряжении нет полностью текста, посему приходится довериться комментариям ПСС.

Письмо начинается с констатирования факта предвзятости, огульного «презрения» писателя ко всему еврейству, (ко «всему жидовскому племени»). Татьяна Васильевна желает показать знаменитому автору страдания евреев. Писатель отчеркнул следующие слова: «...люблю евреев не как свой народ, не как еврейская патриотка, а как того из двух противников, который значительно слабее, а следовательно, и значительно правее и несчастнее. Я не оспариваю, конечно, того, что во мне говорит и личное чувство, куда мне до такого отречения от себя ... между евреями, как и во всяком народе, много дурных, но между ними и много честных, хороших людей; между ними много таких, которых заставляют сделаться вредными, ни к чему негодными людьми...». Будущее еврейской девушки, закончившей учительские курсы, бесперспективно: «Аттестат, правда, дает ей право быть учительницей в каком-нибудь заведении; но ей говорят, что она еврейка, и не сможет поэтому получить места ... Он (*чиновник – ред.*) говорит это как нельзя более спокойно, он даже не краснеет, он забывает в это время, что не закон, а одни лишь укорененные понятия, один, пожалуй, бессознательный произвол запрещают это...».⁶ Достоевский называет корреспондентку «благороднейшая и образованнейшая еврейская девушка», и отвечать на такое письмо очень тяжело – ибо оно справедливо и надо отказать от части своих взглядов, что он и сделал впоследствии, но сейчас ...великий писатель на конверте пишет не делающие ему чести пометки на конвертах: «Еврейка, взять в соображение» и «О жидках» от 7 и 8 апреля 1877 года.

Но не будем о грустном – антисемитизм не помешал многим из них достичь заветной цели и внести свой талант в копилку процветания России.

Софья Лурье (1858–1895).

Дочь банкира из Минска. Приехала в Петербург и обратилась к Достоевскому с письмом.

На конверте и в тексте письма С.Е. Лурье от 13 февраля 1877 г. запись писателя: «Лурье отве(чатъ). Петитом. Петитом. Петитом». Что значит в тексте повторяемое трижды «Петитом»? Мелким шрифтом, стыдясь ответить еврейке?

Знакомство состоялось осенью 1876 года, накануне предполагаемого отъезда девушки в качестве сестры милосердия в Сербию, на войну. Сохранилось лишь три письма писателя к ней и девять писем её к Достоевскому. Известно, что писем с обеих сторон было больше, но они утрачены. Оттолкнувшись от писем Брауде и Лурье, Федор Михайлович должен был признать, по крайней мере частично, свою неправоту. В «Дневнике», в главке IV «Но да здравствует братство!» уже зачин говорит об отступлении: «Неужели правда, как пишет мне одна, безо всякого для меня сомнения (что уже видно по письму её и по искренним, горячим чувствам письма этого) благороднейшая и образованная еврейская девушка, – неужели и я, по словам её, враг этого «несчастливого» племени, на которое я «при всяком удобном случае будто бы так жестоко нападаю». «Ваше презрение к жидовскому племени, которое «ни о чём, кроме себя не думает» и т.д. и т.п., очевидно». Писатель восстает против инкриминируемой ему огульной ненависти, но, увы, опубликованные черновики не прячут очевидного: великий писатель – ненавидел еврейский народ.

Почему же петитом? Автор хитрит в письме, отправленном Лурье 11 марта 1877 года, где он извиняется за задержку с ответом, придумывая, что письмо затерялось, и обнаружилось лишь спустя месяц. Петит записан 13 февраля. Писатель раздумывал: отвечать - не отвечать. Ответил. И ненароком обижает девушку, за которую сватается некий доктор Блох, который старше невесты на 16 лет. Это не препятствие для брака, считает писатель, уже имея жизненный опыт (*Федор Михайлович был старше своей второй жены на целых 26 лет !*), но вот «обидный» вопрос: «Одно вы не написали: Какого он закона? Еврей? Если еврей, то, как же он надворный советник? Мне кажется, евреи только слишком недавно получили право получать чины.

Чтоб быть надворным советником, надо служить, по крайней мере, 15 лет».⁷ Надворный советник приравнялся к чиновнику 7-го класса: подполковнику или капитану II-го ранга по «Табелю о рангах». Привыкнуть к евреям-офицерам Достоевскому тяжело. Здесь не только антисемитизм, но и социальная брезгливость дворянина.

Среди рукописных редакций дневника наряду с «крокодиловыми» записями, типа: «Европействующие хотят жидовства и разврата»⁸ есть и такие слова: «Русское семейство в полном хаосе. В купцах то же, в дворянах то же, в высш/ем/ сословии разврат. Разве попы, у тех цельнее склеены дети, кандидаты; жида, левитизм спас. Сложится обществу на новых началах. Лурье на свои деньги».⁹ Симптоматично, что вслед за констатацией факта неблагополучия русской семьи и признания семейной крепости евреев, объясняемой силой религиозного влияния, появляется знакомая фамилия Лурье. Эта девушка на свои средства и в качестве учительницы помогала бедным еврейским детям получить начальное образование. 29 марта 1877 она писала Достоевскому: «На днях я должна быть представлена директору народных училищ, так как даю уроки (конечно, бесплатные и без ведома родных) в одном училище, а мои ученицы отлично учатся и успевают, я этому очень рада. У меня есть 25 ... бедных, где я бываю; помогаю насколько возможно...». Как считают комментаторы, Лурье жаловалась Достоевскому на материальную зависимость от родителей, несмотря на некоторые средства, оставленные ей по завещанию от деда.¹⁰ Милые еврейские девушки, писавшие Учителю жизни, были бы потрясены некоторыми фактами личной биографии писателя, и, если бы знали подробности, обнародованные спустя много лет, то вряд ли бы пережили моральную травму, нанесенную им его юдофобией. Исповедальные Ваши письма – ничто перед страшным открытием Великого Грешника: не на пустом месте слагался Карамазов. Убивает юродство писателя. Копаться в чужом белье довольно противное занятие. Поэтому удовлетворимся рассказом младшего современника Достоевского. Чтобы не было никаких иллюзий – это не единственное свидетельство, а одно из многих. Итак: «...расскажу, как сам Достоевский был причиною того, что до сих пор пишут целые книги о его сластобесии. Загадочная душа была у Достоевского».¹¹

Любовь Гуревич (1866–1940), писательница.

Это была замечательная женщина, некий уникум в окружающем мире. В большой талантливой семье (точнее сказать – клане), выделялась Любовь Яковлевна. Её образование, даже по рамкам позапрошлого дворянского века, было всеобъемлющим. Доказательством чего может служить её перевод на русский язык трудов Баруха Спинозы – задача неизмеримо трудная. Среди прочего она окончила Бестужевские курсы. Свой литературный путь она начала с биографического очерка («биографико-психологический этюд») о художнице Марии Башкирцевой.

В автобиографии она писала о своем интеллектуальном росте еще в гимназические годы. То, что она на всю жизнь полюбила Пушкина – это понятно. Но Люба наизусть выучила всего «Фауста» Гёте. Одновременно, перечитала всех русских критиков. Белинского она в основном приняла, хотя последние его работы ей не нравились. Добролюбов мало говорил её душе, а Писарева она возненавидела в 15 лет и варварски исписала, взятые из библиотеки тома негодующими замечаниями. Ясно, что она не могла простить Писареву «издевательства» над своим кумиром – Пушкиным.

Ей принадлежит высокая честь: своей подвижнической деятельностью она связала прошлое и будущее. На заре декадентства, отнюдь не разделяя взгляды адептов этого направления, она пригласила Акима Львовича Флексера-Волынского вести журнал «Северный Вестник».

«Все это разнообразное общество, – писал позже А. Волынский, – представляло довольно пёструю смесь, но всех объединяла литература, склонность к ней, вкус к её задачам и требованиям. Вкус же к литературе был всегда исключительно высок в России и угасал только в самые тяжкие моменты общественной жизни. Л.Я. Гуревич остановила на себе мое внимание. Было сразу видно, что это существо замечательное. Она сидела между всеми, творила вместе с кружком нечто общее, а между тем пребывала всё время, во всех своих репликах на боевые темы в какой-то своей немодной вековечной цитадели. Она была в волне, но не была её составной частью».

Хотя и дочь русской матери, Л.Я. Гуревич была характерно еврейской девушкой проарийского типа... Моральный пафос горел в ней особенно ярким огнем. В ней семитический дух уложился в хорошую русскую фразу, воспитанную матерью, владевшую языком литературы с поразительным совершенством. О матери Любови Яковлевны Гуревич, умершей при не совсем обычных обстоятельствах, в буквальном смысле слова – под музыку, которой она просила окружить себя в последние часы. Возможно, когда-нибудь напишу о ней целую статью. Сейчас же мне важно было только отметить, что молодая Гуревич, сочетая в себе черты отца и матери, представляла собою довольно своеобразное явление...

Начиналась эпоха философского и эстетического декадентства. В присутствии Н.К. Михайловского, на его глазах, к величайшему его негодованию... происходил знаменитый разрыв со старыми богами... Одна только Гуревич ощущалась патетической весталкой в хаосе начинающегося большого литературно-общественного движения. «Я душевно любил молодую писательницу, ценя в ней черты запоздавшей друидессы, хранительницы праарийского монизма, в котором этика и эстетика плывут в неразрывном единстве, черты чистой и благородной патетичности, какие не часто встречаются в окружающем быту..., если бы настал Судный день, в который у каждого из нас спросится о содеянном, Любовь Яковлевна Гуревич отошла бы от трибунала не только оправданная и обласканная, но и с венцом настоящего мученичества на челе. Многие же эстеты и поэты отошли бы от такого трибунала, вздыхая о себе».¹² Её вклад в историю русского театра огромен. Так, к 1939 году она подготовила к печати, прокомментировала «Художественные записи» молодого Станиславского. В течение многих лет Любовь Яковлевна работала над уникальным трудом – «История русского театрального быта». К сожалению, в 1939 году был издан лишь первый том этого замечательного труда. Ещё в 1912 году в работе «Литература и эстетика» мы могли прочесть слова о «модернизме»: «Модернизм минует, а Чехов останется как предтеча новой художественной литературы». Её анализ знаменитой пьесы Леонида Андреева «Анатэма» не потерял своего значения и в наше время.

Всё это она разобрала в той же книге, в статье «Оторванные души. О Леониде Андрееве и Фёдоре Сологубе».

Немного о семье Любви Яковлевны. Её отец – Яков Григорьевич Гуревич (1843–1906), крупный русский педагог, открывший частную гимназию в Петербурге в 1883 году, привлекая в неё лучших педагогов того времени. Он был издателем профессионального журнала «Русская Школа», автором двух хрестоматий по русской истории, выдержавших множество изданий, а также учебников по истории Греции и Рима. В 80-х годах он занимал должность приват-доцента всеобщей истории в Петербургском университете и на Высших женских курсах. Его до конца жизни называли «шестидесятником». Он скончался от сердечного приступа, торопясь на педагогический совет.

Талант «работоспособности» унаследовали и дочери Якова Григорьевича: Любовь, Анна, Екатерина. Анна Яковлевна – старейший член партии большевиков, работала со Стасовой, Крупской. Сын Екатерины Яковлевны знаменитый Иракий Луарсабович Андроников (1908–1990), писатель, литературовед, мастер устного рассказа, известный лермонтовед. Лауреат Ленинской и Государственной премий. Ай, да гены!

Есть еще одна интереснейшая личность, носившая замечательную фамилию Давыдовых. Но корни её происхождения мне неизвестны. Речь идет о Софье (опять мистическое имя) Александровне Давыдовой. Она родилась в 1842 году. По другим данным – в 1841 и скончалась в 1915 году. В 1879 году она полностью посвятила себя изучению народного творчества, объездила в 1879-1883 годах внутренние губернии, с целью изучения истории русской кружевной промышленности. Давыдова публиковала свои исследования в «Трудах комиссии по исследованию кустарного пр-ва в России». В 1885 году издано было роскошное издание in folio «Русское кружево и русские кружевницы», со многими иллюстрациями, получившее премию митрополита Макария. Книга была переведена в Лейпциге на французский язык. Премия митр. Макария (в миру Мих. Петр. Булгаков (1816–1882) – богослов и историк, пожертвовавший 120 тысяч рублей – весь свой литературный заработок для присуждений премий за лучшие научные труды – одна из самых престижных премий в императорской России, достигала в отдельных случаях 5000 рублей.

Ольга Шапир (1850 –1916), писательница.

Ольга окончила в С-Пб Александровскую женскую гимназию. Затем училась на публичных Владимирских курсах. Писать начала рано. В 1872 году вышла замуж за Лазаря Марковича Шапира, с которым познакомилась в Новгороде, куда он был выслан с пятого курса медицинской академии после восьмимесячного заточения в Петропавловской крепости, обвиненный в связи с нечаевским кружком. *(По этому делу в Петропавловке сидели и другие знакомцы Нечаева. Два года провел в одиночном заключении будущий сотрудник С.Ю. Витте – В.И. Ковалевский, директор департамента торговли и мануфактур, товарищ министра финансов. А главное: Ковалевский по поручению своего патрона составил знаменитый манифест 17 октября 1905 года.)* Ольга Андреевна проявила недюжинную энергию в деле своего мужа и добилась возвращения в Петербург для окончания медицинского курса. Муж стал не только прекрасным врачом, но и помощником своей жены: он блестяще знал русскую и немецкую литературу. Был беспристрастным и строгим критиком. Промежуток в два-три года был тяжек. Чтобы прокормить семью, Ольга работала переводчиком в газетах «Биржевые ведомости» редактора-издателя К.В. Трубникова и в «Новостях» редактора-издателя О.К. Нотовича, крещёного еврея, известного либерального деятеля. Круг знакомых со стороны мужа был в основном из либерального и революционного окружения. Многие фигурировали в больших политических процессах, в том числе и жившая с ними на квартире А.И. Успенская, урожденная Засулич, жена известного нечаевца. Она училась акушерству, чтобы последовать за мужем на каторгу. С другой стороны, её гимназические связи сблизили с женским, т.н. «Корниловским» кружком, из которого вышли многие блестящие пионеры женского образования: Ф.М. Берлин-Кауфман, Н.К. Скворцова-Михайловская, Н.Ф. Литвинова, сестры Кароли и многие другие. В поиске работы муж уехал из Петербурга в глушь и тишину Царицынского уезда, Саратовской губернии.

В «Книжках недели» за 1879 год было помещено ее первое печатное произведение: «На пороге жизни». Она печатала свои произведения в лучших столичных и провинциальных изданиях:

«Слово», «Отечественные записки», «Северный Вестник», «Вестник Европы», «Русское богатство».

Шапир была плодовитым автором. Ею были написаны четыре романа и множество повестей и рассказов. Две драмы – «Глухая стена» и «Два таланта», шли на Александринской сцене. Обычная тема произведений Ольги Андреевны – сфера любовных и семейных отношений. В некотором роде она – певец не только женского равноправия, но и преимущества женщин по сравнению с мужчинами в области искренности чувств и отзывчивости. Муж её – Лазарь Маркович, стал медицинским светилом. Она находилась в переписке со многими русскими писателями: Д.Н. Мамин-Сибиряком, Н.М. Михайловским, А.Ф.Кони и другими. Кони оставил интересное воспоминание о ней. На её произведения была доброжелательная критика – М.Протопопова в «Русской мысли» 1891 г., М.Николаева в «Русском богатстве» за 1891 год.

В 80-90-х годах О.А. Шапир была любимейшей писательницей. Ее называли «поборницей женской свободы». Даже неблагоприятная критика признавала эту первенствующую роль: «Шапир безукоризненна в той области, которую себе отмежевала и её повести и романы отличаются весьма тонким и мастерским анализом женской любви и семейных отношений».¹³ В одном из своих романов «Без любви» (1886) она затронула тему, ставшую злобою дня ко времени Мировой войны. Как ни странно, речь идёт о борьбе между русским народничеством и «немецким» социал-демократизмом, потерпевшим крушение к 1914 году. Герой романа, Макс Заплер, сын петербургского немца – ремесленника, оказывает влияние на своего друга-еврея Штарка и пытается приобщить его к социал-демократии, «не знающей ни рас, ни национальностей, ни религии». Протест Штарка мало убедителен, даже в рамках своего «погромного времени». «Никто не может не знать своей родины и никому не заменят родины пышные слова, «как гражданин мира»... Для меня родина олицетворяется в бедном литовском городишке с фруктовыми садами, с древними костелами, со старой синагогой... Меня берет за сердце одно воспоминание о крутом, живописном Немане, куда мы ребятишками бежали ловить раков... Там нас чуть не затравила собаками целая толпа каких-то юнкеров, наехавших на праздник к пану...

Вот моя родина, и вот мои воспоминания детства! – ради них я не только считаю себя, но я есть, действительно, русский и умру им»...

Штарк не соглашался менять родину, которая во всякое время может сама его «вышвырнуть за борт». Увы, жизнь хитрее. Еврей влюбляется в русскую женщину, свою ученицу, окунается в купель, уговаривая себя и окружающих, что он делает это только для того, чтобы иметь почву под ногами – он не может быть «космополитом». Жаль, что герои не живут по 150 лет: одного Штарка давно уже объявили бы «безродным космополитом».

Вполне возможно, что в романе описывается обряд крещения её мужа, доктора Шапира, близкого к левым кругам, сидевшего за свою деятельность в крепости. Это помогало Ольге Андреевне изучить революционные течения, но попытка изобразить их в своих произведениях причиняла ей большие «огорчения». Смысл ясен: какая-либо идеализация для нее была невозможна, а правдивость изображения – создавала отнюдь не икону. (*Есть известная близость с будущими произведениями Ропшина-Савинкова и Андрея Соболя.*) Роман «Бурные годы», относящийся к 60-70-годам и одобренный Михайловским и Короленко, вышел из-за цензуры только в 1907 году. В 1904 году должен был происходить 25-летний юбилей её творчества, но смерть Н.К. Михайловского потрясла писательницу, и она отказалась от чествования.

Ольга Андреевна активно участвовала в различных общественных организациях, особенно связанных с женскими проблемами, а также в кассе литераторов для поддержки нуждающихся.

Финал её жизни трагичен. Она писала о своем близком друге Григории Константиновиче Градовском (1842–1915), публицисте, горячем защитнике еврейства: «Благородная сила энергии творит чудеса, но тем временем физическая природа человека ведет свою мстительную бухгалтерию». В мстительную бухгалтерию была внесена психическая болезнь, усиленная начавшейся Мировой бойней и страхом потерять единственного сына, находившегося в окопах. Умерла Ольга Шапир в Удельном: к 11 часам утра 15 июня 1916 года на Финляндский вокзал прибыл гроб усопшей. На вокзале, несмотря на военное время, собралась большая толпа народа, преимущественно молодежь.

Траурная процессия шла по Нижегородской улице, и у здания Военно-медицинской академии была отслужена лития. Процессия направилась на Волково кладбище, на так называемые «Литераторские мостки».

Масса венков с надписью от «кассы взаимопомощи литераторов», от русского женского взаимно-благотворительного общества, от писательницы А.Н. Пешковой-Толиверовой и её дочери Веры Чоглоковой с надписью «Любить не перестанем». От Литературного фонда венок возложил председатель Венгеров, а от женского взаимно-благотворительного общества вице-председатель Е.А. Чебышева-Дмитриева. Sic transit gloria mundi! Кто вспомнит теперь забытую писательницу и общественного деятеля? Кто вспомнит борца за женское равноправие? А ведь в России это актуально по сию пору...

Немного информации о семье Ольги Шапир.

Она родилась в семье Андрея Петровича Кислякова, крестьянина, выбившегося из военных писарей во времена Николая I. *(Я не исключаю его кантонистского происхождения)*. От природы он был высокоодарен математическими способностями: в соревнованиях с молодыми людьми, посещавшими их дом, он неизменно в уме решал сложнейшие счётные задачи, побеждая незадачливых «конкурентов», обремененных современной наукой. Большой интерес представляет собой мать – смешанного шведско-прусского(?) происхождения. Бабушка поселилась у дочери, полностью уйдя в добровольное семейное рабство. Она была высокообразованным человеком, жила и трудилась, обложенная немецкими фолиантами. От неё внучка унаследовала писательское дарование. Мать – Елизавета (Луиза) Абрамовна, рано овдовев, всецело посвятила себя хозяйствованию. Она была наделена способностями к пластическим искусствам, особенно к архитектуре. Из большой её семьи, кроме писательницы Ольги Шапир, вышли архитекторы и художники.

Валентина Серова (1846–1924), первая женщина-композитор.

Выдающейся деятельницей музыкального образования в России была Валентина Семёновна Серова, урожденная Бергман. Она родилась в еврейской семье, принявшей протестантизм. Её семья переселилась в Россию из Гамбурга. С раннего детства обнаружилась тяга к музыке, у девочки был абсолютный слух, любовь к импровизациям. В детстве тянулась к «низшей братии», проявляла сочувствие к прислуге и служилому люду.

Понятия о «мужике» у неё не было никакого: крестьянства она не знала. Эти два начала: тяга к музыке и тяга к народу прошли красной нитью через всю ее жизнь.

Музыкальное образование Валентина Семёновна получала в Петербургской консерватории по классу рояля у А.Г. Рубинштейна, а затем, порвав с консерваторией, училась у композитора Александра Николаевича Серова (1820–1871), женой которого стала. Как уже неоднократно писалось, композитор был по матери внуком крещёного еврея сенатора К.И. Габлица. Девушке было шестнадцать лет, когда она влюбилась в композитора, а без малого в восемнадцать она решила выйти замуж. Понятно, семья Бергман была против брака: разница и в вере, и в возрасте. Пришлось выдержать жестокую борьбу, кончившуюся переходом в лютеранство и замужеством. При этом Серову пришлось ехать в Москву и просить руки дочери у Бергманов. Он проявил необыкновенное обаяние, и не последним аргументом, как я думаю, было то, что он указал на свои еврейские корни. Как бы то ни было, можно проследить высокий процент смешанных браков, где с двух сторон присутствовало наличие древней крови. *(Мараны в течение столетий блюли этот обычай. Утверждают, что испанский генералиссимус Франко, первый в своей семье, женился на «чистой гое»).*

В общем, брак удался, несмотря на «идейные разногласия»: согласовать 40-е годы – молодость композитора с постреформенными 60-ми годами, было тяжело, но возможно. Для Александра Николаевича – реформы его полного тёзки, императора Александра II были «озоном»; для шестидесятников – они казались мизерными. Была и разница в одежде: САМ всегда был элегантен, романтичен – подчеркнута; мадам, по моде «нигилисток» – имела остриженные волосы и была одета в непритязательное,

строгое платье. Кабинеты – у отца подчеркнуто изящный с коврами, диваном, письменным столом, креслом, старыми афишами, конторкой, которую обессмертил сын-художник; у матери – ничего лишнего: рояль и стул. *(Спустя 130 лет конторка перекочевала к человеку, игравшему роль Первого писателя России – игра и тоска по потерянному)*. Идеино это пара сходилась в одном – любви к народу. Ближайшей подругой Серовой была княжна Наталья Николаевна Друцкая-Соколинская, отдавшая все средства на «дело». Её мужем, что для нас интересно, был доктор Осип Михайлович Коган.

Итогом этого союза был венец, необыкновенно счастливый: русская живопись получила титана кисти Валентина Серова, так сказать «почти полностью еврея». Андрей Белый назвал его «Толстой нашей живописи».¹⁴ Тут ни прибавить, ни убавить, к огорчению недоброжелателей. Сам же композитор Александр Серов в 1863 году написал оперу «Юдифь», имевшую необыкновенный успех.

Валентина Семеновна была первой русской женщиной-композитором. Затем она усиленно занималась с Серовым и упивалась дружбой с Рихардом Вагнером. После смерти мужа уехала в Германию, чтобы закончить музыкальное образование, прерванное замужеством. В Мюнхене брала уроки у Германа Леви (1839–1900), сына раввина, который до конца своих дней был придворным капельмейстером Мюнхенского театра. Судьба его тесно связана с постановками музыкальных драм Рихарда Вагнера. Их дружба прервалась лишь смертью творца «Нибелунгов». Как это совмещалось у Вагнера – трудно сказать.

Серова написала несколько опер: «Уриель Акоста» (1885 г, по драме Гуцкова. Большой театр, Москва), по русскому фольклору – «Илья Муромец» (1899 г.), имевшую большой успех в Московской частной опере, оперы «Мария д` Орваль» из истории Французской революции на собственное либретто и «Хай-девка». Как музыкальный критик она вместе с мужем издавала журнал «Музыка и театр», где пропагандировала творчество Рихарда Вагнера. Печаталась она и в других изданиях: «Русская сцена», «Русская музыкальная газета», «Баян», «Новости», в «Северном Вестнике», «Артисте» и другие.

Она была очень плодовитым музыкальным критиком. После ранней смерти мужа закончила его оперу «Вражья сила», издала партитуру «Юдифи» и также собрала и издала его критические статьи в четырёх томах. В дальнейшем, всю оставшуюся жизнь она посвятила своему великому сыну и распространению музыкальных знаний среди крестьянской массы. Это было своего рода «хождение в народ», вариант народничества. Кстати, именно в этой среде она пропагандировала творчество «Могучей кучки». Свою жизнь и жизнь мужа и сына она описала в блестящих воспоминаниях-мемуарах, где увековечила их образ.

Будучи «шестидесятницей», Серова участвовала в коммуне Н.Н. Друцкой-Соколинской. Обычно считается, что мать «запустила» сына, но это далеко не так. Именно пребывание с сыном в «коммуне» открыло художественное начало Валентина Серова (*Тоши, как его называли*), и в этом заслуга Н.Н. Друцкой, так считает сама мать.

Ещё начиная с 80-х годов она занималась музыкальным образованием крестьян. Толстой поддерживал это начинания. Она, подобно шестидесятникам, боготворила русский народ. «Какой народ поет так много, как русский? Какой народ так легко – не учась этому – вторит? Больше того: второй голос в русском народном пении составляет собственную мелодию. А многоголосное пение? Ведь даже итальянский народ, прославленный своей музыкальностью, поёт в унисон!»¹⁵ Первым робким шагом в этом направлении было посещение деревни Сябрицы Новгородской губернии. «Магическое» имя Глеба Успенского двинуло её в маленькую, незначительную деревушку. Она приглядывалась к крестьянам и весьма «неумело» знакомила деревню с классикой. В памяти деревенской молодёжи остались танцевальные вечера, где она играла до изнеможения.

Во время эпидемий голода 1892 года Серова работала в Симбирской губернии, в деревне Судеево. Момент важный, во время такого несчастья легче сблизиться с народом. Средства она получала от газеты «Русские Ведомости». Толстой выслал ей на нуждающихся 400 рублей.¹⁶ Голод надоумил создавать крестьянские хоры, с которыми она посещала самые глухие углы с постановками «Хованщины» Мусоргского, «Рогнеды» и «Юдифи» своего мужа. Ей удалось организовать 12 школ грамотности, а также

курсы для регентов и т.п. И опять средства на это дали «Русские Ведомости». Напомним, что эта газета выходила в Москве, и в это время издателем-редактором был «незабвенный», по ее словам, В.М. Соболевский (1846–1913). С газетой сотрудничали Д.Н. Анучин, В.А. Гольцев, П.Г. Заичневский, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский. М.Е.Салтыков-Щедрин в годы 1884–1886 опубликовал в ней ряд сказок. Сотрудничали в газете также Г.И. Успенский, Н.Ф.Щербина, А.Эртель. Даже по мнению Г.З. Елисеева «Русские Ведомости» были одним из самых серьёзных изданий. Надо сказать, что критиков тоже было много. Кому нужна музыка, если народ голодает? Дайте народу хлеба, а затем поднимайте музыкальную культуру. Но факт – остается фактом: крестьяне в эту голодную пору накинулись на музыку с «рвением, которое меня даже, человека глубоко верующего в народную прирожденную музыкальность, удивило, привело в полное умиление».¹⁷ Когда же упрочилось положение в голодной губернии, на Серову ополчились сильные мира сего, ибо во время голода крестьяне готовы были работать за гроши. Благодаря деятельности Валентины Семёновны всё резко изменилось. Через её руки прошли 17 тысяч рублей! Цены на рабочие руки поднялись. Любопытная полтэкономия, уже описанная мной в главе о Тимофее Бондареве. К Серовой приехал исправник и, как я думаю, искренне предложил покинуть губернию, от греха подальше. На отказ стал угрожать. И действительно началось то, что мы называем брать человека измором. Но противоречие заключалось в том, что губернатор, нёсший ответственность за борьбу с голодом, оказывал ей покровительство. К этому прибавилась эпидемия дифтерита. Серова посылала телеграмму за телеграммой своим друзьям, прося помощи. А вместе с тем заболели её ближайшие сотрудники и матери-крестьянки отказывались помогать ей, считая виновной в болезнях детей. Крестьянская психология выглядела так: «Моя Лизанька схватила хворь во время обхода судосевских больных, значит, и дифтерит ваш, а не мой, – вам и ухаживать». Это было просто и ясно, и главное – убедительно».¹⁸ Друзья снарядили в Судеево сына Серовой со всеми нужными лекарствами и советовали не подчиняться давлению и искать помощи у сильных мира сего.

А хоры просуществовали десятки лет. Это ли не подвиг! На революцию 1905 года Серова отозвалась оперой «Встрепенулась», ярко отражающей позицию крестьян того времени. К 1914 году она достигла вершины общественной деятельности.

В селе Рождествено Петербургской губернии Серова воздвигла здание Народной консерватории, присовокупив своё имя к создателям консерваторий Петербургской и Московской, братьям Рубинштейнам. Неясно, как встретила она Октябрь. Но такой советский официоз, как газета «Правда» в номере от 26 июля 1924 года опубликовал о ней сочувственный некролог. Есть у Валентины Семеновны и пассивный вклад в историю русской живописи: именно её лицо рисовал Репин в картине «Царевна Софья» – её суровый взгляд, решительные и сдержанные движения натолкнули художника выбрать эту натуру. Поза, в которой создан портрет, была присуща Серовой и, как пишет её племянница «...это произведение заставляет чувствовать живое присутствие в зале Третьяковской галереи. Даже распущенные по плечам недлинные волосы В.С., как она носила по моде 60-х годов, – оставил Репин». Последняя деталь, а что делать с еврейским носом урождённой Бергман? Репин делает ампутацию: «Изменил он только нос, сделав его коротким, в то время как у В.С. он был массивным». ¹⁹ Выражение борьбы, суровой решимости, нужное Репину и изображенное на картине, часто появлялось на ее лице. Однако, в жизни, суровость часто превращалось в веселье и сменялась приветливой улыбкой. «Нос» же благополучно перешёл в наследство внуки.

Долгие годы спустя художница Анна Петровна Остроумова-Лебедева писала: «Познакомилась с двумя дочерьми Валентина Александровича Серова, с Ольгой и Натальей. Наталья Валентиновна самая младшая в семье...

Чарующее впечатление произвела она на меня. Небольшого роста, стройная фигура. Темно-русые волосы, спереди гладко зачесанные. Открытый выпуклый лоб (отцовский). Большие, глубоко сидящие серые глаза, с очень внимательным серьезным взглядом, нос с горбинкой (от бабушки Серовой), маленький хо-рошенький рот и жемчужные зубки». ²⁰

Долгих лет жизни внучки не унаследовали: Ольга (1890–1946) и Наташа (1908–1950). Что же касается знаменитой художницы, до неё тоже следует добраться: по матери она – Чехович, равно по матери Чехович ее двоюродный брат и муж – великий химик С.В. Лебедев. Анна Остроумова училась некоторое время в гимназии вместе с Любой Достоевской, дочерью писателя-классика.

Так вот Любовь Федоровна сочла, что она может ставить оценки одноклассникам по ... красоте носа! На этом конкурсе будущая художница получила толчок в нос в сопровождении слов: «Тебе – единица!» Анна была этим страшно оскорблена.²¹

Валентина Семеновна была блестящей собеседницей и знакомой многих первых умов и знаменитостей того времени: упомянутый Рихард Вагнер и его семья, Ференц Лист, Полина Виардо, Тургенев, Лев Толстой. Дружила она, конечно, и с Репиным, Антокольским, Мамонтовым, Глебом Успенским.

Общение с народом, лицом к лицу, не изменило её взглядов. Что весьма удивительно. Своих учеников – крестьянских детей, пожилых крестьянок и мужиков, она заставляла полюбить искусство, она вдохновляла «народ», не замечая, что становится Пигмалионом. Это её добрая душа «переливалась» в толщу народную. В 1881 году в журнале «Вестник Воспитания» она опубликовала программную статью «Пересадка учёной музыки в народ». Пропаганда идей при помощи печатного слова. Мечтой Серовой было создание консерватории и театра для деревни. При всех трудностях, возникающих у неё на пути, ей удалось построить здание консерватории, о чем мы писали выше. Это было в селе Рождествено, неподалеку от станции Сиверская на 62 версте от Петербурга. Это было дачное поселение со здоровым климатом. До сего дня место вполне зелёное и лесистое. Летом здесь работал театр. Самое интересное, что аборигенами были ижорцы, вымиравший народ финского происхождения, лютеране. Кто были зрителями и участниками «действия» – православные или протестанты – для меня скрыто пеленой времени.

Железная крыша здания была закончена накануне войны 1914 года. Все средства на строительство собирались Валентиной Семеновной, не «щадившей своего капитала» и «капитала» всевозможных жертвователей. В общем, эта была победа частной инициативы над государственной бюрократией.

И консерватория должна была носить имя её мужа – композитора Александра Николаевича Серова. Увы! Как и в случае с Рубинштейнами, этого не произошло. Преподаватели соглашались ехать из Петербурга. Но, человек предполагает – Господь располагает: началась война и революция. Так и не удалось ей воспользоваться своими трудами.

Первый опыт деревенского спектакля состоялся в 1886 году, в Тверской губернии, в селе Единоново на Волге. Ставили «Первого винокура» Л.Н. Толстого. Конечно, неспроста. Полное название пьесы Толстого было «Первый винокур, или как чертёнок краюшку заслужил». Комедия написана к февралю 1886 года, когда писатель инсценировал свой рассказ «Как чертёнок краюшку выкупал». Острые пьесы направлено против алкоголизма. Вопрос шёл о спаивании населения. Всё вполне вписывается в идеал писателя, считавшего просвещение народа главным делом. Поэтому он разрешил пьесу для постановки в народных театрах.

Теперь о сюжете. Он прост. В небесной Чертовской канцелярии действуют те же бюрократические законы, что и в земной жизни. И с этой точки зрения имеется переключка с другой работой Толстого – «Разрушение ада и его восстановление». Пороки человеческие были расхvatаны по легенде разными дьяволами, так сказать, специализирующимися в области человеческих пороков. В Аду Старший Чёрт сидит на председательском месте, ниже его чёрт – писарь ведёт подсчёт уловленных человеческих душ. Единственный человек, сопротивляющийся силе зла – это Мужик. Но один из чертей спаивает и его, и уже вся трудовая деревня представляет собой забубенных пьяниц.

Валентина Семеновна получила разрешение Толстого написать музыку и превратить комедию в народную оперу. Она отыскивала способных людей в разных кругах. Выявились молодые таланты, которые были преданы ей всю жизнь. Находились и скромные труженики для будущей бутафорской работы.

В постановку были введены хоры. Впоследствии был разговор с Толстым, описанный Серовой в блестящей литературной манере. Читается на одном дыхании. Писатель считал, что музыка необходима для этой вещи. Серова оставила интересные воспоминания об этой встрече. Сохранилось и письмо к Черткову.

Толстой, узнав, что Серова работает над идеей народной оперы, предложил написать музыку к «Первому винокуру».

«Мне нужна музыка к этой пьесе. Я хочу дать исполнить её в балаганах на Святой. Был я недавно на гулянье, посмотрелся, послушался я там всякой всячины... Знаете, мне стало совестно и больно, глядя на все это безобразие.

Тут же я дал себе слово обработать какую-нибудь вещь для сценического народного представления. Нельзя так оставить... просто стыдно! Я взялся за первую попавшуюся тему и ждал, чтоб кто-нибудь пристегнул музыку к ней (это весьма важно для народных спектаклей); но музыканты – простите меня, – народ гордый, спускаться со своих высот не любят, не любят».²²

Серова была мыслящей натурой и заявила Толстому, что конец пьесы следует изменить. Деревенские жители вообще считали, что это пьеса – господская насмешка над мужиком, и она, поэтому, не имела никакого успеха.

«Сообщив позднее Льву Николаевичу об эффекте, произведённом «Винокуром» на народ, – вспоминает далее В.С.Серова, – я попросила у него изменить конец, т.е. прогнать с позором чёрта и тем прекратить пьянство, которое он завёл своей наукой «курить вино из хлеба». – «Делайте, как знаете, – засмеялся Лев Николаевич, – я не признаю авторских прав, авторской собственности».

Далее Серова рассказывала, как Л.Н., «прикрыв глаза ладонью и не глядя на меня, вполголоса произнёс тихо, несколько нараспев:

«Идет девушка по лесу и думает: «Ах, кабы мне ленточку найти... розовенькую ленточку! Идет, идет она, вдруг... ан, ленточка-то и лежит на дороге, да еще расписная!» Он снял ладонь с лица и весело добавил: «Вот для меня вы теперь расписная ленточка, так я ждал найти музыкальную силу, преданную столь великому делу». «Приветствую вас от всей души! – добавил он, протянув мне обе руки. – Да! Ваше дело – великое дело!». «Этими словами, незабвенными для меня на всю жизнь... Лев Николаевич укрепил во мне веру в деятельность, давно уже избранную мною, и смахнул с души моей всевозможные сомнения, которые подчас меня волновали».²³ Второй оперой для крестьян была постановка «Вражьей силы» Серова, а затем и пьесы «Бедность не порок» Островского в 1890 году. Ставила она эти произведения в Тверской губернии. Третий опыт был произведен в 1896 году в селе

Рождественно, там, где впоследствии строилась народная консерватория.

В 90-е годы В.С.Серова твердо стояла на ногах и несколько лет работала в Симбирской губернии, в селе Судееве. Это была ее главная театральная работа.

Как я писал выше, вначале она выехала туда «кормить голодающих» в 1892 году. В «щепетильном» деле кормить деревню – у неё оказались выдающиеся организаторские способности. Она умела распоряжаться массами – понятно, сказала режиссёрская выучка!. По воспоминаниям Ефимовой-Симонович, у Валентины Семеновны никогда не возникало сомнений: она человек резкий и решительный, раздвоенность возникала лишь тогда, когда была затронута общественная совесть: на одной чаше весов надо было кормить голодающих; на другой – умственная работа, от которой она всегда оживала, как и от работы театральной. Совместить эти две страсти было тяжело.

Через два года нужда в столовых отпала, тогда она осталась вести театральную работу. Валентина Семёновна привезла в Судеево рояль и книги. Своей сестре она писала: «Хоры мои блестяще идут. На масленую мы приглашены с певцами на музыкальный вечер у доктора, куда напросилось много слушателей, но я не успокоюсь, пока губернатор не разрешит мне давать концерты в сёлах. Поем мы Глинку, Серова, Чайковского и народные песни. Что это за благодетельное влияние производит на поющих, – я выразить не умею. Я вполне удовлетворена: успехи делают быстрые... Каждый вечер я теперь слушаю «Игоря» и слушатели напрашиваются слушать «игрище». Чтения в эту зиму было много. Я хочу завести по вечерам музыкально-историческое изображение опер: «Рогнеда», «Нижегородцы», «Сусанин», «Опричник», «Тушин вор», «Мазепа», «Игорь», «Хованщина». Как запоминаются образы посредством музыкальных звуков, – я и не подозревала! Я играю, и мальчики прямо просят: «Сыграй песню Ярославны на стенах Путивля!» или «Спой Игоря у хана в плену», а то смеются друг над дружкой: «Ну, ты, Ерощка!» Весело нам и хорошо...».²⁴ В 1898 году Серова с «крестьянской труппой» в 40 человек объехала Пензу и Симбирск; по просьбе горожан этих городов они дали несколько спектаклей. Одна поездка была зимой на санях, другая летом на лодках.

Трудности с сорока подростками были большие, но она преодолевала все препятствия – бешеная и творческая энергия. Пропаганда идеи крестьянского музыкального образования в действии. Играли оперу покойного мужа «Рогнеду».

Вместе с женой Александр Николаевич Серов издавал «Музыку и театр»; эта «газета» выходила два раза в месяц в 1867/68 г.г. Это одно из наиболее серьезных периодических изданий второй половины XIX века, посвященное вопросам музыки и театра. Задача издания: «приучить публику относиться к области музыки и театра с тем логическим и просвещенным мериллом, которое в русской литературе применяется уже десятки лет, и русской литературной критике сообщило такое высокое развитие».²⁵ Газета пропагандировала русское оперное и драматическое искусство, в первую очередь Михаила Глинку, основателя, как они считали, русской народной оперы.

В газете обсуждались вопросы музыкального воспитания молодежи, публиковались биографии известных композиторов, велась хроника музыкальной и драматической жизни, обзоры истории музыки и театра. Музыкальные статьи писала «семья», а вопросы драматургии – начинающий романист Петр Дмитриевич Боборыкин. Впоследствии Серова сотрудничала в «Русской музыкальной газете». (Выходила с 1894 по 1918 г.г.) Самые известные ее критические статьи: «Наши идеалы музыкального образования» – «Музыка и театр», №2 1867; «Берлиоз в Петербурге» – «Музыка и театр», №14, 1867; «Попытка поговорить о Вагнере с немусыкантами» – «Музыкальное обозрение», №103, 1877; «Золотая свадьба бабушки» (по поводу 50-летия оперы Руслан и Людмила) – «Северный вестник», №11, 1894; «Встреча с Л.Толстым на музыкальном поприще». («Русская музыкальная газета» №4, 1894); «Историческая и салонная опера» – газета «Новости», 1890; «Опера-балет «Млада» Римского-Корсакова – «Северный вестник», 1892, и многие другие.

Собственное музыкальное творчество в конечном итоге носило трагический характер. Опера «Уриель Акоста» шла в Москве на сцене Большого театра. Премьера состоялась 15 апреля 1885 года, затем возобновлена в 1887 году вновь в Москве, а в следующем году в Киеве. «Уриель Акоста» имел огромный успех, дав киевскому театру большой денежный сбор.

Премьера шла в бенефис дирижёра. Вокруг оперы было «много музыкального шума». По окончании каждой постановки шли бесконечные овации, крики «ура» с галерки, вызовы композитора без конца. Автора забрасывали цветами.

Было множество хвалебных рецензий, разбирающих оперу подробно, и т.д. Эскиз декорации для IV действия – в синагоге – делал друг Серовой, знаменитый художник Василий Дмитриевич Поленов. Для работы над синагогальной музыкой Валентина Семеновна обратилась к Марку Антокольскому, который специально ввёл её в религиозные еврейские круги – добротная работа! Наконец, для декораций последнего действия она пригласила – Врубеля, тогда еще совсем юного студента, товарища сына по Академии Художеств. Таким образом, Серова первая угадала гений художника... Подбивая итоги своей жизни, Серова писала: «Как истая шестидесятница я мечтала об идейном сюжете и потому увлеклась драмой Гуцкова «Уриель Акоста»...»²⁶

Самой заветной мечтой Серовой было желание создать оперу на русский народный сюжет, который был бы интересен русской деревне. Достоянная ученица мужа – она предавала большое значение сюжету и тексту.

«Мария д'Орваль» на сюжет из Французской революции стала второй законченной оперой Серовой. Либретто было написано самой Валентиной Семеновной. На создание этой оперы её вдохновило знакомство с Фреем, основателем колонии в Канзасе. *(Вильям Фрей (1839–1888), он же Владимир Константинович Гейнс, офицер лейб-гвардии финляндского полка, окончил артиллерийскую Академию и Николаевскую Академию Генштаба. В 1868 году, пережив духовный кризис, вышел в отставку и с группой единомышленников эмигрировал в США. В 1878 году община распалась. Находился в переписке с Толстым и встречался с ним в Ясной Поляне.)* Опера была принята для постановки режиссёром Альтани, но сменивший его Направник отклонил оперу. Партитура в дальнейшем затерялась. Сохранилось лишь письмо Серовой о том, как она исполняла с большим подъемом в Ясной Поляне отрывки из этого произведения.

К русской теме В.С. Серова подошла в третьей своей опере «Илья Муромец». Опера шла в Москве, в театре Мамонтова. Один раз Илью Богатыря пел «сам» Федор Шаляпин.

Увы, опера успеха не имела, но это не сломило женщину. Поняв, что ей не хватает знаний по оркестровке, в возрасте 58(!?) лет она отправилась в Мюнхен для систематических занятий.

Ей в этом помог молодой музыкант Александр Борисович Хесин (1869-1955), ученик А. Никиша. Тонкий теоретик, поклонник «изящных форм», как выразилась Серова. Он убедил её изучить теорию музыки с азов. Сам поехал в Берлин, подыскал учителя гармонии и подготовил его к встрече с великовозрастной ученицей. «Я слепо, как загипнотизированная, отправилась к г. Иону, прекрасному преподавателю теории музыки...».²⁷ На полпути останавливаться не в правилах Серовой. После изучения курса по гармонии последовал контрапункт, которым она занялась ещё в Москве под руководством Рейнгольда Морицевича Глиэра (1874–1956). Педагогом Глиэр был замечательным, что отметила и Серова. Его великовозрастная ученица сохранила добрые воспоминания о том, как Глиэр внимательно сохранял индивидуальность руководимого им ученика.

Благодаря его теплому участию удалось преодолеть все трудности. Серова была во всеоружии музыкальной премудрости. К сожалению, у нее начался разлад с деревней: наступил 1905 год, и музыка мужику уже была не нужна. Она выразилась так: «1905 год стёр всю музыку с лица русской земли».

Серова искала приложение своих недюжинных сил – она стала заведующей громадной столовой в Введенском театре Москвы. Оказывается, в годы 1904-1905 она организует питание бастующим рабочим заводов Москвы. Деньги энергичная Серова вытряхивала у богатых знакомых, а затем выхлопывает регулярные средства от городской думы, которая лишь через полгода «сообразила», что средства идут на забастовщиков и, естественно, прекратила финансирование. Работа поглощала все ее время. А вместе с тем ее враги не дремали: лучшая часть ее хора была помещена в тюрьму и отправлена в Туруханский край на пять лет! Диву даешься тому, что происходило и происходит на Руси. Чем помешал народный хор империи – неясно никому. От сильных переживаний у Валентины Семеновны случился удар, и вся правая половина тела была парализована. Но еще до заболевания она стала писать оперу, тщательно обработав либретто, озаглавленное неординарно – «Встрепенулись!».

К музыке она подошла с трепетом, каждый шаг сверялся с А.Б. Хессиним. Работа продвигалась, но удар её подкосил.

Опера осталась не оркестрованной. Врачи запретили ей какую-либо работу, связанную с композиторством.

Вновь на помощь пришел Р.М. Глиэр и сделал оркестровку. «Этот великодушный поступок спас моё несчастное детище. Нужно ли оно вообще? И кому нужно? Это будущее покажет». Увы, будущего не было, и партитура этой современной и интересной оперы была утеряна. Ужасно!

Серова решила в Сябрицах создать музыкальную школу для народа. Много труда она вложила и в это предприятие, изыскивая средства. Но наступила война и революция. А вскоре не стало великой труженицы, отдавшей все силы на идею «служению народу». Кто помнит Валентину Семеновну Серову? Может быть ей поставлен где-нибудь памятник? Нет. Ничего. Несколько уважительных слов в музыкальных энциклопедиях, и больше ничего.

Игорь Эммануилович Грабарь, лично знавший мать художника, для своей работы о Валентине Серове широко использовал различные воспоминания Валентины Семеновны Серовой. В разговоре с Симонович-Ефимовой он «расточал огромные похвалы... и есть за что! Необыкновенно глубокие, великие слова (мысли) он из нее извлек, и, поставленные у него к месту, – они звучат просто феноменально».²⁸ Нина Ефимова-Симонович, обобщая все, что сделала для «русского дела» Валентина Семеновна Серова, писала: «Если ко всему сказанному прибавить, что замечательный русский художник Валентин Александрович Серов... обязан мате-ри направлением с детских лет его яркого таланта по верному пу-ти ...ясно будет, чем русская история обязана этой сильной жен-щине. И с иными, чем прежде, мыслями мы будем смотреть на ре-пинскую Софью».²⁹ Последним деянием Серовой было создание в деревне Судееве общественной библиотеки. Второй и третий уда-ры остановили её кипучую деятельность, но всё же она прожила в деревне еще два года. Она страдала физически, но мысли были ясны. В 1922 году А.В. Луначарский распорядился перевезти Ва-лентину Семеновну в Москву. Она скончалась в июне 1924 года. Смерть Серовой почтила некрологом газета «Правда» – высшее признание заслуг человека, посветившего свою жизнь музыкаль-ному просвещению крестьянства.

Аделаида Семёновна Бергман (1844–1933), педагог

В начале 60-х годов она пыталась получить разрешение посещать лекции в Московском университете: ей в грубой, циничной форме было отказано. В 70-е годы посещала Бестужевские высшие женские курсы. Она вышла замуж за Якова Мироновича Симоновича (1840–1883), происходившего из правоверной еврейской семьи, из Одессы. Люди своего времени – доктор Симонович и его жена Аделаида – поехали в Швейцарию для встречи с А.И. Герценом. Они готовы были примкнуть к «движению», но великий сердцевед посоветовал им вернуться в Россию и работать в пользу просвещения и гигиены. Да, Александр Иванович был умён: эти люди были не борцы, а труженики, которых так мало на родине...

В Швейцарии они время не теряли: посещали лекции племянницы немецкого педагога Фридриха Фребеля (1782–1854), ученика Пестолоцци, который так был популярен среди декабристов. *(Фребель был создателем системы взаимного обучения, создателем т.н. «фребелевских» детских садов, наглядного обучения, автор «Материнских песен», педагогических и методических учебников.)*

Вернувшись в Петербург, Симоновичи открыли детский сад на Кирочной улице, угол Знаменской, под названием «Элементарная школа», и стали издавать журнал «Детский сад». Плата в детском саду была минимальной, ибо родители с неохотой отдавали своих детей на слишком «модерное поприще».

Журнал выходил ежемесячно в 1866-1876 годы. Десять лет для такого издания – это подвиг! Журнал не прекратил существовать, даже перейдя в другие руки, и уже выходил под названием «Воспитание обучения». В нём, в основном, освещались вопросы воспитания детей младшего возраста и необходимости коллективного обучения малышей в детских садах, объясняя преимущество такого обучения перед домашним. Помимо педагогических статей и медицинских советов, в журнале помещались короткие рассказы для детей младшего возраста, рукодельные работы, описание детских игр, педагогическая библиография. В журнале был также отдел для детей старшего возраста. Впоследствии, статьи из журнала были собраны и изданы в виде двухтомника «Детский сад», затем переизданы в 1907 году; идеи сборника легли в основу русского дошкольного образования.

Для полноты картины можно будет сказать следующее: Аделаида Семёновна и Яков Миронович сами приносили тираж из типографии, сами клеили бандероли, надписывая адреса подписчиков, и сами несли груз на почту! Всё для дела и всё с минимальными затратами. Доктор Симонович умер, не дожив до 44-х лет, а жена продолжила дело или, ещё точнее, их общее дело. Она дожила до 90-летнего возраста.

И сегодня мы должны поклониться пионерам детского воспитания в России. У самих Симоновичей было восемь детей. Самой знаменитой оказалась художница-кукольница Нина Яковлевна Симонович (1877–1945). Классической в области кукольного театра стала её работа «Записки петрушечника», изданная в 1925 году, где излагались принципиальные мысли о роли художника в театре кукол. Также Н.Симонович издала монографию о своем знаменитом кузене: «Воспоминание о В.А. Серове».

Варвара Руднева (1841–1899), первая женщина-врач.

Говоря о первых женщинах-врачах в России, следует запомнить имя доктора медицины Варвары Александровны Рудневой-Кашеваровой. Она родилась, по уточнённым данным, в местечке Чаусы Могилевской губернии в еврейской семье бедного учителя (меламеда), где и жила до 12 лет. Мы не знаем её имя, отчество и девичью фамилию. *(В Синоде найден документ, где приводится девичья фамилия – Нафанова. Но, вероятно – это или искажение, или, что, более вероятно, фамилия крёстного)* В своей автобиографии она указывает год рождения приблизительно: 1848, но это, кажется, женское кокетство. Исследовательница жизни Кашеваровой – Е.Д. Заблудовская указывает другую дату – 1842 год. Имеется и третья дата – 1844 год. Если принять за основу первую дату, то получается, что Варвара окончила акушерские курсы в 1858 году, т.е. в возрасте десяти лет, что, естественно, не соответствует действительности. Жила она у меламеда в г. Чаусы Могилевской губернии и лишь затем переехала в Велиж Витебской губернии. Трудно сказать, как появилось на свет это дитё: она не сообщает никаких сведений ни об отце, ни о матери. Можно предположить, что меламед был её отцом, но, овдовев, женившись вторично, привёл в дом мачеху и тут начались муки девочки. С восьми лет ее нагружали непосильной работой, обращались плохо, грубо, часто били. Ей давали понять, что она представляет собой «отрезанный ломоть». «Меня никогда не покидало чувство полнейшего бесприютного одиночества».³⁰

Здесь следует остановиться и задать вопрос: «Что же было в действительности?» У местечковых евреев отношение к детям было вполне чадолюбивым. Чадолюбие – это то, что резко отличало наш народ всегда. Конечно, в семье не без уродца, но нежелание распространяться о своем детстве было тайной, унесенной Варварой в могилу. Она жаловалась, что до двенадцати лет не была грамотной, но это вряд ли соответствовало истине. Ибо по её же словам, испытывая тягу к знаниям, она прислушивалась к урокам арифметики своих «названных» братьев. Почему «названных» – нам не понятно. Уроки арифметики шли, как мы можем предположить, на идиш, что требовало элементарного знания еврейской письменности. Как бы то ни было, девочка в уме решала задачи намного быстрее братьев.

Как можно, судить по воспоминаниям, она бежала из негостеприимного крова в Петербург, но в пути заболела и попала в больницу Царского Села, в отделение тифозных... Пролежала в больнице более трёх месяцев. Там в судьбе девочки приняли участие и, по-видимому, предварительно «окунув в купель», собрали средства, чтобы по дороге не умерла с голоду, и отправили в столицу.

Обычный путь для таких несчастных – панель, то есть, проституция. Но, совсем юная и неискушенная, Варвара Александровна обладала железным характером. Она мечтала получить какую-либо специальность, чтоб зарабатывать кусок хлеба. Можно почти с уверенностью сказать, что до двенадцати лет она не умела ни читать, ни писать по-русски. На первой снятой квартире в Петербурге сын хозяина – гимназист стал учить ее чтению по книге, а не по азбуке. На предположение, почему учёба шла споро, указывает то, что девочка умела читать и писать на идиш. С тех пор она пристрастилась к чтению. Практически же Варвара овладела письмом при помощи крестьянина Прохора, который и сам не был силен в грамоте. До конца дней сохранила Кашеварова и тёплые воспоминания о простом мужике, и ... ужасный почерк. Семейство, в котором она жила, было очень бедное, и выходом из положения было предложение ей перейти на жительство к бездетному военному топографу, «вместо дочери». Кажется, история повторилась, ибо жена топографа невзлюбила квартирантку. Спасаясь от домогательств своего опекуна, совсем молодой, она вышла замуж за богатого купца Кашеварова. Ему было 36 лет, он был лыс и беззуб – новобрачной же едва исполнилось 15 лет (*что, конечно, преуменьшение*), но купец не стоял за взяткой. Вероятно, (*я часто употребляю это слово, но информация почти нулевая*), супружеских обязанностей она не исполняла. Вступив в конфликт со свекровью и всей новообретённой семьёй, вскоре покинула мужа. С большим трудом поступила в повивальный институт. Затем, как степендиат оренбургского казачьего войска (!?) изучала сифилидологию, для того чтобы лечить башкир-мусульман, закон которых, запрещает мужчинам лечить женщин. (*Её официальный «титул» гласил: «Повивальная бабка Башкирского войска»*). Она была человеком иной моральной школы – поэтому отказалась от получения диплома, хотя её знания были признаны достаточными. Варвара рассчитывала продолжить медицинское

образование в Петербурге. Это стало возможно лишь благодаря ходатайству начальника Оренбургского края, генерала Александра Павловича Безака, героя Крымской войны. В 1863 году Варвара (?!) была прикомандирована в медико-хирургическую академию, где проучилась пять лет, и это вызвало сенсацию в обществе. Женщина и еврейка – она должна была быть очень осторожной и избегала всякого, даже малейшего участия в студенческих движениях. Обстановка в Академии была тяжёлой. Единственная женщина на 1000 студентов – не шутка! За ней зорко следило начальство и добровольные осведомители, но она научилась осторожности. Начальство было недовольно появлением «амазонки» в Академии. Перед самым выпуском из Академии, она получила уведомление, что ее отчислили из университета. Максимум, что она может получить, – лишь свидетельство о прослушивании пяти курсов. Но ей было не привыкать, и она выиграла право сдавать выпускные экзамены. Сдала она их блестяще!

Выпуск врачей Академии состоялся 9.XII.1868 года по старому стилю. Важная дата, которую можно занести в разряд выдающихся: **Первая Русская Женщина**, ставшая врачом в русском учебном заведении! До Кашеваровой лишь несколько русских женщин получили диплом врача в заграничных университетах. Из 85 студентов, окончивших курс академии, лишь трое были награждены золотыми медалями. И среди них, повторимся, на втором месте была Варвара Кашеварова. Крупнейшее событие, на которое откликнулась русская и мировая пресса. Например, этот факт перелетел океан и 27 февраля 1869 года в «Gazette New-York» было об этом сообщение.³¹

Подчеркнута газетой была важность самого факта получения медицинского образования женщиной. Она так описывает торжественность обстановки, в которой Кашеваровой был вручён диплом врача: «Когда учёный секретарь академии произнес ее имя, гром рукоплесканий студентов-мужчин огласил зал и шум продолжался несколько минут; затем, когда кончилась церемония акта, товарищи г-жи Кашеваровой, посадив ее в кресло, с триумфом и восторженными криками пронесли по всем залам». Сама Джекс-Блэк, одна из первых студенток-медиков, отметила тот факт, что в России – это был триумф. Хотя в Эдинбурге, в Вели-

кобритании, первым женщинам-студенткам медичкам устроили обструкцию, забрасывая их оскорблениями и комьями грязи.

В числе десяти отличившихся В.А. Кашеварова получила право защищать диссертацию на степень доктора медицины, без требовавшихся для этого специальных экзаменов.

Но сплетни сопровождали её всю жизнь. Поначалу, говорили, что работами жены пользуется муж, известный профессор-медик М.М. Руднев (1837–1878), за которого она вышла замуж после окончания курса. Затем компас поменял направление на противоположное, и стали говорить, что жена эксплуатирует работы мужа. Оттого она не была допущена к защите докторской диссертации, несмотря на публикации ряда выдающихся работ в Германии в «Архиве» Вирхова. Звание доктора (*как мы бы сказали: 3-й степени*) она получила лишь в 1876 году. Но всё равно преподавание на женских медицинских курсах ей было запрещено. Парадокс России: стипендию она получала от Оренбургского края, но зачислить ее в штат местного военного госпиталя чиновники отказывались. Её покровитель, генерал-адъютант Безак, скончался в 1868 году. Причина отказа была в страхе создания прецедента, так как ей следовало бы тогда предоставить права государственного служащего. Это надо понять так, что не только еврейское происхождение, но и нежелание женского равноправия властями, не позволяли Варваре Александровне получить чин, как минимум, титулярного советника! К несчастью для Варвары Александровны, она рано овдовела, что и явилось одной из причин атак на неё правой прессы. С 1881 года Руднева-Кашеварова жила, в основном, на своем хуторе в Воронежской губернии, занимаясь сельским хозяйством и медицинской практикой среди крестьян. Затем она переселилась в Старую Руссу. Публиковала научные работы у Вирхова и популярные работы о женской гигиене. Естественно, что газета «Новое время» не могла не заметить еврейки-врача и опубликовала пасквильную повесть «Самохвалова-Самолюбова», что привело к процессу Рудневой-Кашеваровой против редактора М.П.Федорова. Эти небольшие сведения почерпнуты мною из энциклопедии Брокгауза и Ефрона.³² Громадную роль в судьбе женщины сыграл профессор Вениамин Михайлович Тарновский (1839–1906), крупнейший сифилидолог России, ученицей которого она была. Кстати, Тарновский был женат на дочери главного военно-медицинского ин-

спектора Николая Илларионович Козлова – Прасковье Николаевне (1848–1910).

Благодаря давлению Кашеваровой и профессора М.М.Руднева, Прасковья Николаевна решила учиться медицину. Её отец, Козлов, стал хлопотать о создании женских курсов, правда, поставив условием, что его дочь не будет на них учиться. Судьба посмеялась над ним – его дочь одержала победу и поступила на открывшиеся курсы. Напомним, что профессор Николай Илларионович Козлов (1814–1889), действительный тайный советник, выдающийся деятель военной медицины России, и его брат, Александр (1816–1893?, иногда пишется 1895), также крупный медик, были еврейского происхождения, дети оренбургского купца, о чём любезно сообщает «Военная энциклопедия».³³ Но и на этом нет конца «еврейской истории»: Николай Илларионович Козлов был прадедом великого русского писателя Владимира Набокова, в свою очередь, женившегося на еврейке Слоним! Все возвращается на круги своя! О своем прадеде писатель писал с восторгом в автобиографии «Другие берега»... Упомянул всё, кроме еврейского происхождения! Почему? Оставим ответ на совести писателя. Итак, Прасковья Николаевна приходилась двоюродной бабушкой писателя.

На обеде, данном в честь окончания академии Кашеваровой, который был устроен в доме Тарновских, было множество гостей. Сама героиня пишет об этом так: « ...меня чествовали на все лады и ставили на слишком высокий пьедестал... Я не могу припомнить всех, которые присутствовали на этом знаменательном для меня обеде. Помню только, что здесь были Николай Илларионович Козлов, доктор Сутугин с женою, профессор Флоринский, Руднев и прочие. Во время обеда хозяйка дома, Прасковья Николаевна Тарновская, обратилась ко мне с речью, в которой, отдавая мне дань справедливости, в то же время выразила сожаление по поводу того, что всем женщинам, желающим следовать по моим стопам, совершенно закрыт путь к этому. Я, разумеется, поблагодарила любезную хозяйку, но после обеда, за чашкою чая, заметила Прасковье Николаевне, что её заявление, будто женщины лишены возможности учиться медицине, не совсем верно, что стоит только самой любезной хозяйке захотеть хорошенько попросить своего отца Н.И.Козлова, здесь же сидевшего, чтобы делу высшего женского образования был дан самый

широкий ход. К этому присоединились профессор Руднев, Флоринский и другие.

Все присутствующие, с Прасковьей Николаевной во главе, обратились к Козлову, и этот последний обещал хлопотать. Тут же профессорам Рудневу и Флоринскому было поручено выработать программу для женских медицинских курсов – и начало было сделано. Через некоторое время к нам (*Варваре Александровне и ее мужу Рудневу. – С.Д.*) приехали Тарновские, и Прасковья Николаевна заявила, что отец соглашается хлопотать о курсах, если она даст слово не поступать на них. Мы с М.М. Рудневым, напротив, настаивали, чтобы она училась, сознавая, как много пользы, на первое время, может принести курсам пребывание на них дочери главного военно-медицинского инспектора. Мы одержали победу, и Прасковья Николаевна поступила в число учениц на открывшиеся курсы. Я имела счастье помогать своему супругу в его занятиях со студентами на первом же курсе».³⁴

Что же касается Прасковьи Николаевны, то она много писала статьи по вопросам пола. Скончалась в 1913 году. По словам Набокова её последними словами были: «Теперь я понимаю, всё – вода». Мать Набокова много рассказывала о своей тётке.³⁵ Отмечу, что на открывшихся четырёхгодичных курсах при Санкт-Петербургской Медико-Хирургической Академии в 1872 году числилось 86 учениц, из которых лишь четыре были иудейского вероисповедания, одна – католичка, две – лютеранки. Все остальные – православные.³⁶ С авторством псевдонимной повести «Доктор Самохвалова-Самолюбова», опубликованной в «Новом времени» в 1879 году, было некоторое недоразумение. Автор пользовался псевдонимом «Незнакомец». В словаре Масанова указано, что этим псевдонимом пользовался сам Суворин. Публикация, конечно же, не принадлежала Суворину, а была опубликована с его благословения. Руднева-Кашеварова была мужественной женщиной и немедленно обратилась в суд. За честь врача вступились самые разные люди, включая Михайловского и Антоновича. Разгорелась весьма неприличная полемика, где г. Суворин облил Максима Антоновича помоями. Который, впрочем, в долгу не оставался. Но что интересно. Оказывается, А.С. Суворин видел Кашеварову-Рудневу во время торжественного собрания в медико-хирургической академии и имел честь читать адрес, поднесённый женщинам, в котором среди прочего было сказано, что она долж-

на была уничтожить то нелепое мнение, что женский элемент может иметь развращающее влияние в среде учащейся молодежи». ³⁷ Вместе с тем и здесь Суворин беспощаден к Кашеваровой, отрицая ее вклад в женскую эмансипацию: «Та русская женщина, которая действительно хотела учиться и училась, с большим тактом следила за выдающимися сестрами и предъясляла им серьезные требования: кто поставлен в исключительное положение, кто так или иначе является представителем прогрессивной идеи, тот должен высоко держать свое имя и во имя идеи, быть может, отказаться от многих личных наслаждений. Это своего рода крест и от женщины требуется непременно значительная доля самоотвержения. Г-жа Кашеварова совсем не считалась пионеркой, но, получив, по каким-то соображениям, право к достижению докторского диплома, единственная из массы добывающихся образования женщин, является той, которая проложила дорогу русским женщинам в медицину. Исполнила ли хоть часть этих ожиданий? Не уверен, но знаю только то, что русские женщины-доктора не ведут своей генеалогии от г-жи Кашеваровой. Она осталась как бы официальным депутатом в области научного развития женщины и вне женского движения к научному образованию; я бывал в обществе русских-женщин докторов, я знаком с некоторыми из них, но никогда не видал в этом обществе г-жу Кашеварову и никогда не слышал о ней ни одного слова, ни дурного, ни хорошего, точно её совсем не существовало. Свою генеалогию в этом отношении русские женщины ведут от г-жи Сусловой, которая действительно выказала замечательное самоотвержение, терпение, настойчивость и – да простит она мне что я об этом упоминаю – **чисто пуританскую строгость нравов**». ³⁸ Да, Суворин действительно негодяй! Больше всего умиляет борьба сатира за чистоту женских риз. Этот-то прославленный развратник и продажное перо, поставленный на страже нравственности! Все, что о нем писали современники – все истинно. Сущий евангельский фарисей и хриstopродавец.

Умерла Варвара Александровна в городе Старая Русса на 51 году жизни от мучительных припадков сердечной болезни.

Что касается Надежды Порфирьевны Сусловой (1848–1918), по первому мужу Эрисман, по второму мужу – Голубева), то она получила диплом врача в 1867 году в Цюрихском университете. А уже в начале 60-х годов Сулова – вольнослушательница Медико-

хирургической академии, но за участие в студенческих беспорядках была отчислена. После этого она училась в Швейцарии. (Надежда Порфирьевна известна также как сестра Аполлинарии Сусловой, подруги Федора Достоевского).

Достоевский числил её в своих друзьях, уважал, но считать идеалом русской женщины – не посчитал нужным... «Незнакомец» врёт на каждом шагу, даже в его представлении «о нравственности». Как известно, Сулова была членом т.н. «Слепцовской коммуны». И здесь ни о каких пуританских нравах речь не могла вестись. Сам писатель В.А.Слепцов, естественно, хорошо знавший Сулову, в статье «Первая русская женщина-медик» писал: «Надежде Прокофьевне Сусловой пришлось перенести от нашего общества очень много неприятностей; ей противодействовали на каждом шагу, на нее сплетничали, ее оскорбляли, старались набросить тень на ее личность и на ее дело, и только глубокая вера в свои силы и в правоту своего дела помогли ей не смущаться придирками общества и твердо идти к своей цели».³⁹ Добавлю, что Сулова находилась под надзором полиции с начала 60-х годов. Её крестный путь похож на путь Кашеваровой-Рудневой, в том числе в «области» разнузданной клеветы. Сулова открыла двери для русских женщин в западных университетах. Уже в зимний курс 1871/72 в Цюрихском университете на медицинском факультете числилось 17 женщин из России (из 24), а летний курс 1872 года – насчитывал 44 русских студенток (из 51).⁴⁰

Невозможность получить высшее образование в России толкала русских женщин в свободную Швейцарию, где Цюрих распахнул перед ними аудитории. Как выразился С.Степняк-Кравчинский – Цюрих стал Иерусалимом, откуда шел свет знаний! Но не только. Это была страна западной свободы, где социалистические идеи обсуждались в каждом кафе. Швейцария была наводнена русскими политическими эмигрантами. Шёл обмен мнений и все эти новые идеи возвращались легально в Россию. Какие же меры приняла «разумная власть»? Как всегда: «Хватать и не пущать!». Правительство империи издало указ 1873 года, повелевавший всем подданным вернуться на родину, под угрозой объявления их вне закона!⁴¹

Что же касается Кашеваровой – то она первая русская женщина, получившая диплом врача в России. А это – революция в женском равноправии!

Из воспоминаний В. А. Поссе: в 1890 году в Бернском университете училось 115 студенток, из них 75 было русских, большинство «великороссов», как пишет иронически Поссе, были евреями. Учился он с Николаем Павловичем Подбельским, братом народовольца, погибшего весной 1889 года в Якутске. Погибли Пик, Гуревич, Ноткин, Шур и Муханов, еще трое было расстреляны: Гаусман, Зотов и Коган-Бернштейн. Теперь можно вычислить процент евреев в революционном движении...

Следует с гордостью упомянуть Лину Рабинович. Еврейская девушка, занималась у Роберта Коха, и впоследствии стала в первой (!) женщиной-профессором в Берлине.

В заключение несколько слов о женском образовании в России. По сведениям, сообщаемым Новым Энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона,⁴² мы можем узнать, что всего в России существовало 18 высших женских и медицинских курсов (так в тексте). Если присоединить сюда учащиеся петербургских женских педагогических курсов и медицинского института и прибавить некоторое количество женщин, допускаемых в «Психоневрологический институт» в Петербурге и слушательниц Юрьевских частных университетских курсов, то общее число студенток на учебный 1911/12 г. составляло 25 тысяч человек. На такую страну, как Россия – это мизер! Вклад евреев или лиц еврейского происхождения в создание возможности учиться женщинам не оценим. Кроме упомянутого тайного советника и генерала Н.И. Козлова, следует отметить профессора В. Я. Данилевского (1852–1939).

Анна Евреинова (1844 –1919), первая доктор права.

Первой женщиной, получившей в России диплом доктора права в 1875 году, была Анна Михайловна Евреинова. Это звание было присвоено ей после учёбы в Гейдельбергском и Лейпцигском университетах. Она была участницей женского движения в России и занималась историей права.

В воспоминаниях хозяйки литературного салона и мемуаристки Е.А. Штакеншнейдер отметим интересное упоминание: «У петергофского коменданта есть очень красивая дочь, за этой дочерью приволокнулся великий князь Н.Н. Отец молодой девушки поощрял ухаживание князя, что вывело молодую девушку из равновесия. По этой причине она хотела утопиться, но одна [из] её подруг, а именно – жена Ковалевского, издателя многих хороших книг, учащаяся *чему-то* в Гейдельберге, которой она писала о своём безвыходном положении, посоветовала ей: «Чем топиться, приезжай сюда...» Нелишне отметить, что женой Ковалевского была никто иная, как великий математик Софья Ковалевская. Кони был высокого мнения о профессионализме Анны Михайловны.⁴³

Анна Михайловна – автор нескольких важных работ по праву: «О задружном начале» и «Об обычном праве русского народа». Евреинова присутствовала на открытии памятника А.С. Пушкину в Москве, в группе представителей Юридического общества. Открытие памятника ознаменовалось двумя блестящими речами, И.С.Тургенева и Ф.М. Достоевского. Но и речь А.М. Евреиновой привлекла всеобщее внимание. В 1885-1890 г.г. она издавала журнал «Северный вестник», совместно с сестрой известного книжного издателя М.В. Сабашникова – Антониной (Ниней) Васильевной Сабашниковой (1861 – после 1930). «Северный вестник» поначалу был журналом либерально-народнического направления. В нём работали бывшие сотрудники «Отечественных записок», спасшиеся от «кораблекрушения»: В.Воронцов, Н. Михайловский, С. Южаков. В 80-х годах здесь печатались произведения Успенского, Короленко, Чехова, Станюковича. К началу 1890 года положение журнала пошатнулось, и Евреинова передала журнал в другие руки. С 1891 года издает журнал Любовь Гуревич. Сама же «Жанна» скончалась в нужде в Гатчине.

Софья Ковалевская (1850 –1891), великий математик

У Евреиновой было две кузины – Анна Васильевна Корвин-Круковская, по мужу Жаклар (1843–1887), «друг Ф.М. Достоевского» и деятельница Парижской коммуны, и Софья Васильевна Корвин-Круковская, вошедшая в историю как великий математик – Софья Ковалевская. Их мать – урожденная Евреинова, была замужем за почетным академиком Ф.Ф. Шубертом. Кроме математики, у Ковалевской было блестящее литературное дарование. Известна её незаконченная повесть «Нигилистка», переведённая на шведский и французский языки. В основу сюжета положен один из эпизодов процесса «193-х», процесса народовольцев, когда племянница Натальи Николаевны Пушкиной, Вера Гончарова, чтобы облегчить участь одного из обвиняемых, вышла за него замуж. Бдите! Обвиняемый, в будущем ставший известным журналистом и писателем, Иван (Исаак) Яковлевич Павловский – выкrest. Но я о нем писал подробно в книге «Этюды любви и ненависти». ⁴⁴ Хочу напомнить еще два момента в «фантастической» жизни Софьи Васильевны. Первая деталь: она боготворила «виллоуского узника» (*Н.Г. Чернышевского*) и хотела изобразить его судьбу в незавершенной повести «Нигилист». А второе, вполне связанное с поклонницей Н.Г.Чернышевского: **она была в 1889 году делегатом первого конгресса II Интернационала, как представительница «Женской лиги», и встречалась с Георгием Валентиновичем Плехановым...** (*Эпитет, прилагаемый к жизни Ковалевской, «фантастический», я его использовал потому, что более точного определения мне не удалось найти. Впрочем тот, кто знает о её жизненном пути, должен будет с этим согласиться. Я не биограф.. Цель моей работы совсем иная*). В 1887 году она написала пьесу «Борьба за счастье»; её соавтором была шведская писательница А.Ш Лефлер. Замысел пьесы необыкновенно интересен. Жизнь и судьба персонажей показаны в двух разрезах: «как оно было» и «как оно могло быть». Уже после смерти Ковалевской пьеса была поставлена в Москве в театре Корша. Она имела шумный успех. Т.Л.Щепкина-Куперник вспоминала, что «каждая до тех пор не звучащая со сцены фраза возбуждала волнение и отклик...». ⁴⁵

Нина Новаковская (1889 –1966), архитектор.

Первой женщиной-архитектором в России была Нина Александровна Новаковская. Полагаю, Новаковские крестились в конце XVII – начале XVIII века.

Нина Александровна окончила Смольный институт и архитектурное отделение Академии художеств. Ее учителем был Л.Н. Бенуа, брат Александра Бенуа. В России она успела участвовать в строительстве морской библиотеки в Кронштадте, а также выполнила самостоятельную работу по перестройке усадьбы Долгоруких в Тульской губернии. В эмиграции находилась с 1919 года, где занималась благотворительной общественной деятельностью, будучи председателем Комитета Смольного института. Все эти скромные сведенья я почерпнул из книги.⁴⁶

Елена Ржевская (1919), писательница

Представлять Елену Моисеевну Ржевскую излишне. Слишком громкое имя. Урожденная Каган, она в первом браке была за Павлом Коганом. Интересное сочетание – Каган-Коган! Два брата её были награждены орденами. На войне путь армейского переводчика начала под Ржевом. Именно этой скромной женщине пришлось пробивать истину в стене упорного молчания о гибели под Ржевом множества советских солдат. Их погибло больше, чем под Сталинградом. Но мёртвые молчат. Их уста оживают в воспоминаниях Елены Ржевской, взявшей псевдоним древнего русского города. Еврейство живёт в её книгах о войне. Елена Ржевская прославлена как человек, донёсший правду о смерти Гитлера, о самоубийстве Геббельсов, об отравлении их шестерых собственных детей. Об опознании трупа Гитлера врачом-евреем, которого прятали две немки, в прошлом его ученицы.

И по всей книге, вышедшей в годы «борьбы с сионизмом», Елена Моисеевна говорит о Холокосте, об убитых евреях, об уцелевших несчастных жертвах. Умудряется протащить в книгу героев польского сопротивления, возможно «аковцев», дух независимости, костёлы, полные молящихся людей, и Мечь, которой обременены поляки.

Мария Юдина (1899 –1970), пианистка

Мария Юдина родилась в Невеле в еврейской семье. Дедушка – Юдин Гавриил Абрамович (около 1830–1905) был главой многочисленного семейства с восемью детьми. По нормам того времени – обычное явление. Отцом Марии был Вениамин Гаврилович Юдин (1864–1943) – земский врач, являлся старейшим доктором города Невель, был персональным пенсионером, умер в эвакуации в городе Молотов (Пермь).

Список музыкальных учителей Юдиной очень длинен, поэтому широк её диапазон деятельности. С 1911 по 1913 годы училась у пианистки Фриды Давыдовны Тейтельбаум-Левинсон, в свою очередь ученицы А.Г. Рубинштейна, и С.А. Малоземовой, лауреата премии им. Рубинштейна. После ранней смерти Софьи Александровны Малоземовой, была утверждена премия её имени для лучшей пианистки. В тринадцать лет Юдина поступила в Петербургскую консерваторию, где её обучал цвет русской музыки и педагогики: А.Н. Есипова, Вл.Н. Дроздов и Л.В. Николаев по классу рояля; по композиции и дирижёрскому искусству – В.П.Калафати, М.О. Штейнберг (зять Римского-Корсакова), композитор Н.Н. Черепнин и Э.А. Купер. Другой список включает имена Ф.М. Blumenфельд и О.К. Калантаровой. Затем Юдина окончила Петроградскую консерваторию по классу Л.Николаева, по музыкально-теоретическим предметам и у композитора Н.Н. Черепнина, М.О. Штейнберга и Иосифа Ивановича (Язеп Витоль) Витоля. Параллельно Юдина занималась на историко-филологическом факультете Петроградского ун-та (1921/1922). Она имела блестящую карьеру исполнительницы и педагога. С 1921 года Юдина солировала с концертами за границей. Диапазон исполнения громаден: от Баха и до Хиндемита, Кшенека, Бартока, Альбана Берга, Веберна, Прокофьева и Шостаковича. В ансамблях с квартетами им. Бетховена и Глазунова с певицами Ксенией Дорлиак, Марией Бриан (Шмаргонер), Валентиной Павловской (Орловой) и другими. В годы войны играла в составе фронтовых бригад и в осаждённом Ленинграде. Как педагог, а с 1923 года в профессорском звании, она преподавала в Петроградской консерватории (с 1921/1930 годы), Тбилисской (1932/1934), Московской консерватории (1936/1951), Институте им. Гнесиных (1944/1960). В годы борьбы с космополитизмом великую пианистку изгнали из состава профессуры.

Исполнительное мастерство пианистки имело много приверженцев, а в их числе и «самого главного человека» в СССР – Сталина. Он любил слушать пластинки с записью игры Юдиной.

Она дружила с племянницей Валентины Серовой, художницей Н.Я. Симонович, о которой мы рассказали выше. В письме к своему сыну Симонович писала: «У нас играла вчера Мария Вениаминовна Юдина. Играла Баха. Она выучила 48 вещей. Играла два часа подряд, но все сыграть надо восемь часов. Играла прекрасно, конечно, каждый раз иначе играет. Рояль звучит то мягко и отдалённо, как клавесин, то орёт, как орган, то она скачет верхом и стегает яростно кругом, свистит».⁴⁷ Одно из самых ярких восприятий игры Юдиной!

Мария Вениаминовна крестилась – это было одно из немногих «идейных» крещений. Это произошло 2 мая 1919 года в петроградском храме Покрова Пресвятой Богородицы. Она стала фанатичной православной. Рассказывают, что она приняла схиму и ... спала в гробу?!

Как она относилась к своему еврейству? Мемуары умалчивают, но кое-что можно найти в её записях.

Вот запись о знаменитом дирижере Караяне, любимом дирижере Гитлера: «Оркестр Караяна, конечно, великолепен, но сам он для меня чужд и мало привлекателен... Его «фон» Караян у него от Гитлера... [а] человек от художника неотделим... И кому сейчас требуются?! – Брукнер, [Рихард] Штраус и из Вагнера – то, что он привозил – не «Тристана» и «Парсифаля»...⁴⁸

В этой же прекрасной книге можно найти и её претензию к скульптору Сарре Лебедевой о том, что памятник Пастернаку, установленный на кладбище в Переделкино, имеет два недостатка: первый – нет изображения креста (!?) и второй – у Бориса Леонидовича подчеркнуты монголоидные черты. Я этот памятник видел и могу утверждать, что в 60-е годы установить крест было невозможно, как невозможно установить крестился ли поэт или нет. Я лично склоняюсь к тому, что его показное христианство не имело отношения к крещению. По поводу монголоидных черт, надо сказать, что они имеются у многих евреев Восточной Европы, и у автора этих строк также. Но более всего поражает отношение Юдиной к композитору Шёнбергу. Признавая его величие, она не могла «мириться с демонстративным выходом Шёнберга из лона христианской церкви».⁴⁹ Странное отношение.

Какое имеет значение: ушёл ли композитор из Западной церкви или не ушёл? Тем более, что возвращение к религии отцов прошло в Париже, после бегства Шёнберга от нацистов...

Интеллектуальный уровень Юдиной был потрясающ. Её библиотека была переполнена как музыкальными книгами, нотами, редкими записями старинных произведений, так и книгами по философии, физике. Мария Вениаминовна объясняла это желанием лучше понять проблемы космогонии и космологии.

Также ее интересовали проблемы зарождения жизни. Юдина с восторгом рассказывала об опытах итальянского ученого XVIII века Лазаро Спалланцани (1729 –1799), прославившегося работами по исследованию кровообращения, пищеварения, дыхания, изучения инфузорий и тайн оплодотворения – им впервые было доказано, что оплодотворяющей силой в семени обладают только семенные нити – истинный человек Возрождения!

Она изучала работы Эйнштейна по теории относительности, штудировала «Эволюцию физики» Эйнштейна и Инфельда. Современник писал: «Физика, как и высшая математика, увлекала её – это она подчеркивала сама, чтобы лучше разобраться в современных представлениях о пространстве и времени».⁵⁰

Юдина понимала и любила живопись. У неё хранились прекрасные репродукции Шагала, Пикассо, Кандинского, Клее и многих других. Её другом был художник Дмитрий Исидорович Митрохин (1888–1973). Её двоюродный брат, художник Лев Александрович Юдин (1903–1941), был лучшим учеником Малевича – он погиб в народном ополчении.

В поэзии она боготворила Николая Заболоцкого – на мой взгляд, высшее проявление интеллекта. Просила Николая Алексеевича перевести баллады Шиллера. Была в дружбе с отцом Павлом Флоренским, обериутами, Пастернаком, Ахматовой, Маршаком и им несть числа.

Мария Вениаминовна – самое положительное чудо не самого хорошего XX века... В личном общении она любила совместную трапезу, сближающую людей – для неё это принимало ритуальные формы. Для меня её память священна, несмотря на переход в христианство.

Татьяна Щепкина-Куперник, (1874–1952), переводчик.

Знаменитая писательница и переводчик родилась в Москве, в семье адвоката Льва Абрамовича Куперника (1845–1905), прославленного защитника евреев по так называемому «Кутаисскому делу», в котором грузинские евреи обвинялись в ритуальном убийстве. Он участвовал в знаменитых криминальных процессах: деле Струссберга, «Червонных валетов» и т.п. Неоднократно выступал в политических процессах, и его выдающимся мастерству многие обязаны жизнью и свободой.

Также Татьяна Львовна приходилась правнучкой великому русскому актеру М.С.Щепкину. Небезынтересно и то обстоятельство, что ее прадед, гордость русской сцены, был выкуплен у помещика – ибо он был крепостным. Большую помощь ему при этом оказал городской голова города Полтавы, еврей Абрам Моисеевич Зелинский. Эта история описана в книге «Парадоксы и причуды филосемитизма...».

Евгеника – великая вещь. То, что прадедушка был гений – это несомненно. Удивительно, что практически Михаил Семёнович Щепкин – самоучка, стал гордостью русской сцены, и его гены продолжали жить в потомках.

Дед – Петр Михайлович Щепкин (годы жизни неизвестны), также гордость русской сцены, был товарищем председателя Московского окружного суда в эпоху блестящих судебных реформ. Он обратил внимание на молодого и подающего надежды адвоката, Льва Абрамовича Куперника, и пригласил его в дом. Там произошла встреча «восходящей звезды» с дочерью хозяина. Дочь звали Ольга Петровна. Она была любимой ученицей Антона Рубинштейна. Великий пианист лично выбирал для неё рояль фирмы Ирмеля. Будущая писательница росла в мире музыки: её мать «дивно играла» Бетховена, Шуберта, Шумана.

Но из всего огромного клана Щепкиных мы остановимся на правнучке Великого актёра – Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник, по мужу Польниной.

Гений основателя рода – Михаила Щепкина витал над его потомками. Многие из них были крупными актёрами. Неслучайно, что маленькая Таня «заболела» театром и свою первую пьесу написала в двенадцать лет – и это были стихи в честь прадеда.

Как драматург, она дебютировала в восемнадцатилетнем возрасте в 1892 году постановкой одноактной пьесы «Летняя картинка» на сцене Московского Малого театра. Большинство её вещей шло в Малом театре и в театре Корша.

На пьесу «Мечь Амура» композитор А.С.Танеев написал оперу (1905 г.) Почти все пьесы шли на императорской сцене. В 1903 году Российская Академия наук присудила ей за стихотворения почетный отзыв. В 1912 году А.Ф. Кони представил доклад в Академию Наук по Пушкинским премиям за 1912 год, предлагая дать премию писательнице Т.Л. Щепкиной-Куперник. Комитет по присуждениям решил поощрить книгу «Сказание о любви» почётным отзывом имени поэта.⁵¹ Поразительно! У Анатолия Федоровича «Сказание о любви» вызвало ассоциации с одним из поздних шедевров И.С.Тургенева «Песнь торжествующей любви».

Трудоспособность Татьяны Львовны удивительна. Судите сами. Она перевела всего Эдмона Ростана для полного собрания сочинений в 2-х томах. Двенадцать пьес Шекспира – наиболее известен перевод трагедии «Ромео и Джульетта», а также множество драм Кальдерона, Шеридана, Лопе де Вега, Мольера, Тирсо де Малина, Гольдони, Морето-и-Каваньи (испанский драматург XVII века), Виктора Гюго, Метерлинка. В 1924 году она перевела книгу Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье». Большинство переводов выполнено с высоким литературным мастерством и не потеряли значения до наших дней.

Но самый прославленный перевод – «Сирано де Бержерак» Эдмона Ростана. Сам Ростан был в восхищении от мастерства Щепкиной и говорил, что по-русски пьеса звучит красивее. Рассказывают, что однажды русские туристы в Париже возвращались ночью из театра. Как вдруг услышали декламацию «Сирано» на ломанном русском языке. Выяснилось, что подвыпивший автор, Ростан, выучивший по-русски наизусть понравившееся место, не смог с ним расстаться.

Как Татьяна Львовна относилась к еврейским проблемам? Поскольку отец был выкрест, то когда-то пришлось задуматься над религиозными вопросами. Интересный вопрос на экзамене по Закону Божьему получила юная девушка: «Как вы полагаете, в чем разница между религиями христианской, иудейской и магометанской?»

Её многословный ответ сводился к простой формуле: грозный бог мести Иегова, гурии Магомета и всепрощающий христианский Бог. Думала ли она так в действительности? Практика жизни – есть единственный правильный ответ.

В Киевскую женскую гимназию, где училась Куперник, поступила из провинции худая рыжая девочка-еврейка. Класс стал её «травить». В Тане нашлось мужество, и она заступилась за гонимую. Она пользовалась уважением одноклассниц, и потому, её заступничество имело успех. «...Я вскочила на стол – и держала первую публичную речь. Вероятно, достаточно высокопарную, а ля маркиз Поза... и закончила тем, что предложила травить вместе с ней и меня, так как «мой папа тоже еврей, а я беру её в подруги». Эффект получился большой, рыженькую девочку перестали травить, и всё кончилось благополучно».⁵² Жаль, что сам Лев Абрамович не мог слышать речи своей дочери. Напомним, что это было в городе Киеве, где-то в начале 90-х годов позапрошлого века.

Принятие христианства не спасало от оскорблений. Отец надорвался на своей адвокатской работе, постоянно входя в конфликт с режимом. За его плечами было множество политических процессов. Дочь про него писала, что он больше всего любит свободу и Россию. Именно в таком порядке, «хотя, как он сам говорил, для него не было «ни эллина, ни иудея», но к России у него было совершенно исключительное чувство, как к матери, которую любишь и жалеешь. Ему платили тем же, Многие тысячи людей пришли проводить его в последний путь. Сотни венков возлагались и от учреждений, и от частных лиц...» Похороны состоялись на Аскольдовом кладбище в Киеве, которое шло террасами, и на следующий день после похорон, когда дочь и вдова посетили могилу отца и мужа, с верхней террасы они услышали, как две прилично одетые дамы громко возмутились: «Скажите, пожалуйста, жиды на христианском кладбище похоронили!». Если бы Татьяна Львовна закончила рассказ на этой одиночной антисемитской выходке, то была бы неизбежная недоговоренность. «Отец не увидел Революции. Но зато не увидел и страшного еврейского погрома, разразившегося при деятельном участии полиции вскоре после его смерти в Киеве, когда, между прочим, черносотенные банды искали «Куперниковское отродье», чтобы убить, и моей мачехе (*к слову сказать, русской женщине*) с ма-

ленькой сестрой пришлось отсиживаться в подвале, чтобы спастись». ⁵³ И самое замечательное: по следам трагической русско-японской войны и революции 1905 года, она создала песню, вошедшую в память русского народа:

*«От павших твердынь Порт-Артура,
С кровавых маньчжурских степей, (вариант: «полей»)
Калека, солдат истомлённый,
К семье возвращался своей...»* ⁵⁴

Впервые текст опубликовали в газете «Солдатская жизнь», 1906, №1, под псевдонимом «Гренадер». Песня имела невероятный успех и вошла во все дореволюционные сборники. Особенно пользовалась успехом среди революционной интеллигенции и во время Первой мировой войны. Популярность этого «народного» плача дожила до наших дней. Сама же она писала: «Это было в полном смысле слова народное творчество». ⁵⁵ Другие стихи Татьяны Львовны композитор А.Аренский положил на музыку: «Всё было тихо вокруг и темно...», «Небосклон ослепительно синий...», «Осень», «Счастье», « Я на тебя гляжу с улыбкой». Романсы на слова Щепкиной создавали Н.Черепнин и другие русские композиторы. На текст пьесы в стихах «Мечь Амура» композитор А.С. Танеев написал оперу. 27 июля 1952 года Татьяна Щепкина-Куперник скончалась в городе Москве.

Алла Назимова, (1879–1945), актриса немого кино.

У Алисы Александровны Назимовой, урожденной Аделаиды Яковлевны Левинтон, была фантастическая судьба. Настоящее же её имя – Мириам-Идес.

Вкратце: она была лучшим партнёром Орленева и Рудольфо Валентино. Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона⁷⁹ лапидарен до крайности: «До середины девятисотых годов играла в России, занимая видное место среди провинциальных артисток, затем уехала с труппой П.Орленева в Америку, где и выступает в настоящее время, пользуясь репутацией лучшей исполнительницы драматических ролей».

Алла Назимова родилась 22 мая 1879 года в Ялте, в семье провизора Якова Левинтона и Софьи Горовец. Семейная легенда гласила, что по линии отца они происходят от испанской дворянской фамилии Левендер. Но это не более, чем легенда. Вероятно, по отцу она происходила из евреев, изгнанных из Испании. Возможно, какая-то ветвь приняла христианство, но была ли она связана с ялтинской семьёй – недоказуемо. Как приятно искать своих «благородных» предков, то в Испании, то в Шотландии – так было, скажем, в случае с Михаилом Лермонтовым. Семья Левинтон была состоятельной. Некоторое время они жили в Швейцарии, что дало возможность знания минимум ещё двух языков: французского и немецкого, и без того близкого к идиш. Отмечу, что отъезд за границу был неслучаен – начались погромы.

После возвращения в Россию девочку поместили в Одесский католический пансионат (!?) – диву даёшься, куда увлекает евреев инерция жизни. В еврейских семьях всегда культивировалось «вундеркиндство». Я об этом писал в одной из своих книг. Левинтоны были не исключение и, естественно, двенадцатилетний ребёнок был отдан в школу при Одесской филармонии, которая была связана с Петербургской филармонией: в ней часто выступали с «мастер-классом» (по-современному) такие профессора, как, например, Н.А. Римский-Корсаков. Аделаида пробыла в школе до шестнадцати лет, а затем, в связи с разводом родителей девушка решила уехать в Москву. Дело в том, что при филармоническом училище в старой столице был драматический класс. *(Музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества, ныне всемирно-известный ГИТИС).*

Учтём одно обстоятельство, что родившаяся на юге империи, она имела соответствующий акцент, хотя и брала частные уроки у старой актрисы в Одессе. Короче, поклонница Антона Павловича Чехова произносит знаменитые слова: «В Москву! В Москву!». И тут в вагоне поезда происходит одно из чудес: ее спутницей оказывается молодая «восхитительная» дама ...Ольга Леонардовна Книппер, любимая ученица Немировича-Данченко, в будущем великая актриса Ольга Книппер-Чехова!!! («Моя жидовка», «Моя жидовочка», как называл в письмах и устно её Антон Павлович Чехов.) Ольга Леонардовна даёт рекомендательное письмо настойчивой спутнице. Но на приёмных экзаменах произошло то, что можно было ожидать. Южный акцент и телесная полнота становятся её врагами на всю жизнь. Отсюда борьба за чистоту не только русского языка, а затем английского но и борьба с весом. Девушка становится вегетарианкой. В начале артистического пути она ела лишь небольшое количество зелени и половину крутого яйца – это был дневной рацион (!). В училище, среди множества изучаемых предметов, она любила фехтование и историю театра. Этот тренинг интеллектуальный и спортивный пригодился в жизни. В училище же следовало выбрать псевдоним. Фамилия Левинтон не подходила: обладатели еврейских фамилий изгонялись не только в советское время. В одной из своих книг я привёл несколько сот еврейских дореволюционных актёров, поменявших свои «неблагозвучные» имена на русские «аристократические».

И вот Алла Левинтон, подобно почти однофамилице Левестам, принимает псевдоним – Алла Назимова. Существует множество версий выбора этого псевдонима. Но почему Назимова? Я думаю, это было связано с генерал-губернатором Виленского края Владимиром Ивановичем Назимовым – известным либеральным деятелем и его женой А.А. Назимовой, помогавшей продвижению Мордухая Антокольского. Муж и жена не чуждались еврейства и заходили в еврейские синагоги «просто так». У евреев о них остались самые тёплые воспоминания. А россиянину стоит знать, что Назимов являлся **Первым государственным человеком**, ратующим за отмену крепостничества, и был одним из проводников реформ. Так Левинтон становится Аллой Назимовой и под этим именем её будет знать весь мир. Из восьми обучающихся в училище Алла была лучшей.

Во время каникул, по совету Немировича-Данченко, она гастролировала в провинциальных театрах, которые мало что ей дали, кроме многочисленных ролей, которых она переиграла «для будущего». Удержаться в МХАТе у Назимовой не было шансов, и дело не в таланте. У Станиславского и Немировича-Данченко не удержались ни Мария Фёдоровна Андреева, ни Мария Николаевна Германова. Не было в театре ни великой Марии Николаевны Ермоловой, ни Веры Фёдоровны Комиссаржевской. Не нашлось места и Алле Назимовой. Зато на провинциальных сценах Назимова безостановочно играла бесконечное количество ролей. Театровед Марина Литаврина в книге о Назимовой (*которой я пользуюсь*), насчитала, что в одной Костроме Назимова сыграла свыше 150 ролей! Конечно, уровень этих театров не шёл ни в какое сравнение с московской сценой, но это был неоценимый опыт для думающей актрисы. Среди бесконечных перемещений по огромной территории империи были и великие удачи. Так, она попала в труппу известного провинциального актёра П.П. Струйского, который кое-чем смог помочь молодой актрисе. [*Петр Петрович Струйский (Пётр Харитонович Кобзарь) (1863-1925), и как режиссёр и как актёр достоин уважения.*]

А неожиданные встречи? С Павлом Николаевичем Орленевым она играла впервые в Одессе на Большом Фонтане. Встретились, сыграли свои роли и разошлись. Но взаимно они влюбились на гастролях в Вильно. Это был «сильный» и трагичный роман! Особенно для Орленева. Затем гастроли с Орленевым по Европе и Америке. Успехи, полууспехи и неудачи. Назимова остаётся в США и совершает подвиг – становится американской актрисой №1. Она беспрерывно играла на подмостках Бродвея, отвоёвывая место под солнцем. Успех шёл крещендо.

В 1915 году Назимова играет роль женщины в антимилитаристском спектакле «Невесты Войны». Сестра, потерявшая на фронте двух братьев, не желает рожать, ибо и ребёнка также сожрёт война. Героиня организовывала антивоенные митинги и в конечном итоге попадает в тюрьму, где кончает жизнь самоубийством. Всё это было актуально, хотя, возможно по цензурным соображениям, действие происходило в одной из европейских стран: в США были сильны, как изоляционисты, так и сторонники Антанты. Гражданка России оказалась в стане пацифистов или ее так увлекла неординарная роль?

Её игра произвела впечатление на продюсера Льюиса Селзника, еврея, родом из Киева, отца гениального продюсера Дэвида Селзника, знакомого нам по фильму «Унесённые ветром». Странные судьбы, странные судьбы...

Так вот Селзник-отец пожелал снять фильм по мотивам пьесы и предложил Алле Александровне гонорар в 30 тысяч долларов плюс тысячу долларов за каждый съёмочный день сверх нормы! Умопомрачительная сумма в то время. Она согласилась и в 1916 году дебютировала в кино и с перерывами играла до 1945 года. Успех был триумфальный, что позволило Назимовой заключить контракт на невероятных условиях с Metro Pictures, слившейся в 1924 году с Goldwyn Pictures, превратившись во всемирно известную студию MGM. Актрисе был предложен недельный гонорар в размере 13 тысяч долларов. Для сравнения укажем, что Мэри Пикфорд получала лишь (?) 10 тысяч долларов в неделю. Назимова получила право выбирать режиссёра, сценарий и партнёра для фильмов! Попутно заметим, что первый продюсер Льюис Селзник объявил себя банкротом в 1923 году. Думаю, что для Аллы Александровны это была большая потеря.

Актёр Сергей Аркадьевич Головин, которому навесили титул графа, в 1899 году стал мужем Назимовой, после отставки Аллой своего любовника-миллионера. Она переживала духовный кризис. Увы, этот недолгий брак, по-видимому, не был расторгнут – Назимова помнила своего мужа, который был призван в армию и ранен во время Первой Мировой войны. В 1915 году в далёкой Америке она интересовалась не только своей семьёй, но также своими друзьями, которым переводила деньги.

«... в Назимовой каким-то образом уживались противоположные начала: орленевское и мхатовское, экстатическое и прагматическое, трагедийное и бурлескное, южное и северное, восточное и западное (её сравнивали то с Дузе, то с японской актрисой Садо Якко). Возможно, соединение всего это и давало тот сплав, которой называется *легендой Назимовой*».⁵⁶

В 1918 году Назимова, не прекращая играть в театре, снялась в главных ролях в мелодрамах «Чудесное явление», «Игрушки судьбы» и «Око за око», и во всех трех картинах неизменным партнером актрисы становился ее любовник Чарльз Бриант, с которым она жила в гражданском браке с 1912 года.

В последнем фильме, сыграв влюбленную во французского офицера дочь арабского шейха, Назимова помимо прочего выступила в качестве продюсера и со-режиссера Альберта Капеллани. Два следующих фильма, драмы 1919 года «Из тумана» и «Красный фонарь», вновь срежессированные Капеллани, снискали не меньший успех, но фильм «Непоседа» был принят более прохладно, и актриса впервые почувствовала вкус неудачи.

Назимова продолжала работать, и после роли танцовщицы-француженки в мелодраме 1920 года «Сильнее смерти», которая с успехом прошла в кинотеатрах, частично восстановила своё реноме. Однако качество картин, в которых она снималась, снижалось, и в начале 20-х она скатилась с четвёртого на двадцатое место в рейтинге популярных актёров журнала Photoplay.

В 1920 году на экраны вышла первая комедия «Миллиарды» с Назимовой, снятая по сценарию Брианта. Художником по костюмам и декоратором фильма выступила Наташа Рамбова, подруга Аллы и будущая жена кино-идола 20-х Рудольфа Валентино. В 1921 году Назимова снялась вместе с Валентино в экранизации романа «Дама с камелиями» Александра Дюма.

После мелодрамы «Кукольный дом» по пьесе Генрика Ибсена Назимова приняла участие в одном из самых известных своих фильмов – экзотической драме «Саломея» (1923) по пьесе Уайльда. Режиссёром фильма стал любовник актрисы – Бриант, декорациями и костюмами вновь занималась Наташа Рамбова, а Назимова не только исполнила скандальную роль Саломеи, но и сама написала сценарий, спродюсировала и вложила в его производство собственные средства. Все это не спасло фильм от грандиозного провала в прокате, как в Америке, так и в Европе.

Так как репутация Аллы как киноактрисы была подпорчена, то она вернулась в театр, время от времени продолжая сниматься в кино – в 1924 году появилась в картине «Уличная Мадонна», затем в 1925 году снялась в драме «Мой сын» и низкобюджетном фильме «Искуплённый грех». На сцене театра Алле продолжала сопутствовать слава, а на киноэкраны актриса вернулась только в начале 40-х, сыграв после пятнадцатилетнего перерыва в пяти картинах. В 1936 году у актрисы был диагностирован рак груди. После операции болезнь, к счастью, не возобновилась.

Алла Назимова скончалась в лос-анжелесском Госпитале добрых самаритян от тромбоза сосудов 13 июля 1945 года. Актрисе было шестьдесят шесть лет.

Подводя итог её творческой жизни, можно сказать: это была воистину Великая русская и американская актриса. Она обесмертила себя ролями Ирины в «Царе Фёдоре Иоанновиче» графа Алексея Толстого, Грушеньки и Дуни в «Преступлении и наказании» и «Братьях Карамазовых» Фёдора Достоевского, Регины в пьесе «Привидения» Ибсена, Лии в пьесе Евгения Чирикова «Евреи». Её постоянным партнёром был великий Павел Орленев. В США на английском языке она покорила своей игрой американцев в пьесах Ибсена: Гедда в «Гедда Габлер», (1906), Нора в «Кукольном доме», (1907), Гильда в «Строитель Сольнес», (1907), Рита в «Маленький Эйольф», (1910), фру Альвинг в «Привидениях», (1935).

Из русского репертуара она сыграла Раневскую в «Вишнёвом саде» Чехова, (1928), Наталью Петровну в «Месяц в деревне» (1930) Тургенева, роль Матери в одноименной пьесе Карела Чапека (1939). Последняя роль в гениальном творении Чапека, равносильна игре в трагедиях Софокла. В 1916 году Назимовой принёс известность фильм «Разоблачение». В 1920 году были созданы сильнейшие женские образы в кинокартинах «Мадонна с улиц», в роли Виолетты в фильме «Дама с камелиями», (1921), в фильме, «Саломея», (1922). До сих пор мы восхищаемся игрой актрисы и одеждами, созданными подругой Назимовой Наташей Рамбовой. (Кстати, Рамбова – это псевдоним. Настоящее имя Наташи – Уинифред Кимбалл Шонесси (Winifred Kimball Shaughnessy). Она была правнучкой мормонского лидера.

Назимова прожила интересную жизнь. Читать покойной мораль – бессмысленно. Было бессчётное количество мужчин: и чего, и кого у неё только не было! Но всегда и долго ещё будут восхищаться великой актрисой. Я видел фильм «Саломея» и могу сказать, что танец Назимовой в роли падчерицы царя Ирода запоминается навсегда. В 2000 году фильм был внесён в Национальный регистр Библиотеки конгресса США. Мир праху твоему, заблудшая дочь еврейского народа!

Наталья Сац, (1903–1993), создательница детского театра.

Наталья Сац родилась в Иркутске, в семье впоследствии знаменитого композитора Ильи Александровича Саца (1875–1912). За свою короткую гениальную жизнь он прошёл путь из еврейского местечка, теперь печально известного как Чернобыль, до лучших театров Москвы, Петербурга, Берлина, Парижа. В детском сознании он навсегда остался с волшебной музыкой к «Синей птице» Метерлинка.

Матерью Натальи Сац была дочь генерала Михаила Ивановича Щастного, который «вместо благословения» прислал дочери проклятие: «Я не для того прожил такую долгую жизнь, чтобы отдать любимую дочку еврею, да еще говорят, по матери с цыганскими кровями».⁵⁷ Прелестная отповедь истинно православного человека! Анну Щастную лишили не только благословения, но и всякой родительской помощи. Но «генеральская дочь», вышедшая замуж даже не за «титularного советника», а за еврея, высланного за политику в Иркутск, не «прогадала». Она навсегда осталась в русской культуре женщиной, разглядевшей гений будущего композитора, и матерью Натальи Сац. Жизнь Натальи Сац укладывается в несколько строк: режиссёр, драматург, музыкальный деятель. Художественный руководитель Московского театра для детей с 1921 года по проклятый 1937 год, когда она была арестована и провела в лагерях семь лет. А до этого Сац поставила в Германии спектакли «для взрослых»: «Фальстаф», «Свадьба Фигаро», и уж что совсем невероятно: «Кольцо Нибелунгов», в Японии – «Чио-Чио-Сан». Её друзьями и знакомыми становятся люди с мировыми именами – Макс Рейнгардт (Гольдман), в свое время просивший ее отца – Илью Александровича написать музыку к драмам Шекспира «Буря» и «Макбет». Ею восхищался гений гениев Альберт Эйнштейн. Выйдя из заключения, Наталья Ильинична осчастливила Казахстан, создав в 1944 году театр для детей и юношества. С 1964 года она – руководительница первого в мире Музыкального детского театра. Советская родина, кроме мук лагерей, наградила её Государственной премией, Ленинской премией, званиями Народной артистки СССР и Героя социалистического труда. До последних своих лет она работала профессором в ГИТИСе.

Людмила Вилькина, (1873–1920),
поэтесса, переводчица, прозаик, журналистка.

Она родилась в Петербурге под совсем другой фамилией и другим именем. До «святого крещения» носила имя Изабелла и неизвестное отчество. Зато фамилия была Вилькен. Она была племянницей З.А.Венгеровой и С.А.Венгерова. В 1890-х годах вышла замуж за поэта Н.М. Минского (Виленкина). Печаталась со 2-й половины 90-годов, понятно, позапрошлого века. Она публиковала стихи, рассказы в разных изданиях того времени, даже разного политического лагеря: в «Книжках «Недели», в «Новом деле», в «Ежемесячных сочинениях», «Журнале для всех», в газеты «Неделя», «Новое время» (!?), «Биржевые ведомости» и др. Но главное, что она участвовала в самых первых изданиях русских символистов: в альманахе «Северные цветы», в журнале «Новый путь», где опубликовала имевший успех рассказ «Пафос жизни» (1904) под мужским псевдонимом. Непременный участник журналов «Весы», «Золотого руна», «Перевала». Журналы «Весы» и «Золотое руно» – гордость русского книгоиздательства. Квартира Виленкиных на Английской набережной дом № 62, стала известным литературным салоном, где встречались представители «Нового искусства»: Бальмонт, Брюсов, Рафалович, Дымов, Бакст, Мережковский, В.В.Розанов (!?), С. Кречетов и мн. другие. Наше удивление возрастёт, если мы узнаем, что автором предисловия к её книге сонетов и рассказов «Мой сад» (М., 1906) был Василий Васильевич Розанов, где писательница названа «новой египетской жрицей», живущей в мире её воображения. Как переводчица она работала много. Известны её переводы Г. Гауптмана, О.Мирбо, философских работ Метерлинка. Качество переводов вызывало критику, но по сегодняшний день переиздаются её переводы Метерлинка.

Иза Кремер, (1887/1890–1956), певица.

Изабелла Яковлевна – основательница шансона, оперная певица (лирическое сопрано), играла в оперетте, достигла мирового признания. Она родилась в городе Бельцы Бессарабской губернии, судя по всему в состоятельной семье. Хотя есть и стереотип, относящийся к различным справочникам и энциклопедиям: «родилась в бедной семье». Вообще в биографии Изы слишком много или белых пятен или чёрных дыр. Ко всем сведениям следует относиться критически. Но мы знаем доподлинно, что её отец был армейским поставщиком в царствование Николая II. Довольно рано она стала одесситкой и навсегда полюбила этот удивительный город, давший России столько музыкальных талантов.

Ей было двенадцать лет, когда семья переехала в Одессу. Училась она в частной католической гимназии. Её музыкальные способности проявились очень рано. Здесь следует сказать несколько слов по поводу фамилии. В некоторых статьях указано, что изначально она родилась в семье Креймеров: Якова и Анны, урождённой Розенбит или Розенблут. Родной брат – Креймер был со-антрепренёром Одесского театра миниатюр. С музыкой, а точнее, с песнями на идиш, она родилась в колыбели: мать напевала дочери еврейские песни. Утверждают, что в возрасте пяти лет Изу привлекла идишская свадебная музыка, но только спустя тридцать лет она первая с эстрады запела на идиш.

В 1912/1914 годах она занималась пением в Милане у Луиджи Ронци. В других вариантах она училась уже не у Луиджи Ронци, а у Поллионе Ронци в годы 1902/1911. Последнее намного точнее: Поллионе Ронци (1835– после 1912) известный тенор, композитор, дирижёр и педагог, у которого учились многие звёзды. Попала Иза к Ронци благодаря протекции редактора «Одесских новостей» Хейфеца, который предрёк ей великолепную карьеру.

В Италии, в Teatro Ponchielli города Кремона она впервые выступила в опере Джакомо Пуччини «Богема» в роли Мими. (Уроженцем Кремоны был один из основателей оперы Клаудио Монтеверди. Оперный театр его родины – один из лучших в Италии по сию пору. Выступать на сцене в этом месте – большая честь.) Иза Кремер имела успех у избалованных итальянских слушателей.

Вернувшись на родину, Иза исполняла партию Мими в Одесском оперном театре, а также роль Виолетты в опере Верди «Травиата», и выступала в других ролях. В 1914 году Кремер дебютировала и в оперетте, где, обладая замечательным голосом и актёрским дарованием, исполняла главные роли в опереттах Ф.Легара «Идеальная жена», «Наконец один»; чешского композитора Оскара Недбалы «Польская кровь» на либретто писателя и драматурга Лео Штайна (Розенштайн) по мотивам А.С.Пушкина «Барышня-крестьянка». Лео Штайн – гениальный либреттист, автор «Королевы Чардаша» (Сильва), «Весёлой вдовы» и др.; К. Миллёкера, Ж. Оффенбаха и др. (Карл Миллёкер знаменитый австрийский композитор, автор многочисленных оперетт. Наиболее известная оперетта «Нищий студент», где Иза исполняла роль Лауры.)

Утверждения, что Кремер играла на сцене Мариинского театра в Петербурге и выступала в Большом театре в Москве, на мой взгляд, малоубедительны. Но, безусловно, она выступала с гастролями и в столицах и всегда с успехом. Ноты с её песенками и большим портретом Изы продавались по всей России. В Одессе она вращалась в еврейской интеллигентной среде. Она была знакома с Шоломом Алейхемом, Нахманом Бяликом, Менделе Мойхер-Сфорим, Марком Варшавским и другими. Вероятно, именно Марк Маркович Варшавский (1848-1907) оказал громадное влияние на творчество Изы Кремер. Дело в том, что Варшавский, окончивший юридический факультет Киевского университета, служил адвокатом. Но одновременно он был и идишистским поэтом, композитором и исполнителем своих песен. В 1890 году вместе с Шоломом Алейхемом он совершил путешествие по градам и весям «черты оседлости», где они выступали вместе. Из его песен навсегда останется «Ойфн припечек брент а фаерел ун ин штуб ис эйс». Что ж, это было замечательное знакомство. Сама же Иза Яковлевна, пела на многих языках: на идиш, русском, украинском, итальянском, английском, французском, испанском, польском, немецком и на других, вполне экзотических языках, как например, цыганском – всего на 24-х языках! На большинстве из них она свободно разговаривала. Современники были в восхищении. Корней Чуковский назвал Изу «любимицей скептиков-одесситов», а писатель Александр Валентинович Амфитеатров,

согласно своей фамилии писал, что она была «счастливейшим существом, производившим впечатление полной артистической законченности». Ему можно верить: он учился в Италии пению и выступал на провинциальных сценах России. Голос у него был прекрасный – баритон. Кому, как не маэстро, оценивать творчество певицы?

В 27 лет она вышла замуж за старого друга, Иосифа Хейфеца. В разгар революции, в 1917 году, она родила дочь. Имеются сообщения, что певица была с гастролями в Константинополе в 1917 (??) году, что полная чушь, ибо тогда Турция находилась в состоянии войны с Россией. Утверждения, что она могла быть в Стамбуле в 1919/1920 г.г., также малосостоятельны, хотя указывают на театр Морфесси, где она работала. А вот что она переехала в 1920 году в Польшу, вполне вписывается в настоящую историю. Затем она следовала по путям русской эмиграции – Берлин и Париж. В 1923 году на гастролях в Варшаве, проходивших с неизменным успехом, она столкнулась и с откровенным антисемитизмом. Это было время после убийства польского президента Габриэля Нарutowича, когда «ненависть сточных канав» залила еврейскую улицу. Исполняла она идишские песни.

Летом 1922 года Иза переехала в Америку, предварительно расставшись с мужем. Здесь её опекал великий театральный деятель Сол Юрок (Соломон Гурков), еврей из Брянска. 22 октября 1922 года состоялась её премьера в Карнеги-холл. Успех полный. В 1924 году перевезла в США своих родителей и дочь.

Вот ещё легенда: якобы Иза в Америке снималась в кино. Но и если были попытки завоевать «Великого Немого» и уже говорящую синема – всё это, вероятно, окончились неудачей. Единственный клип в 50 секунд показывает её полную несостоятельность в кино.

Но она в США много пела на идиш. В 1932 году в Америке поэт Джейкоб Джейкобс (Якобсон) и композитор Александр Ольшанецкий написали специально для Изы Крамер песню «Майн штетеле Бельц» (Мой городок Бельцы) на идиш в память о её «малой родине». (Это тот Джейкоб Джейкобс, который был соавтором композитора Шломы Секунды в написании великой песни «Ба мир бист ду шейн», и тоже в 1932 году).

Она же впервые исполнила эту песню в оперетте «Дос Лид фун гетто» (Песни из гетто) в том же 1932 году. Со своими концертами она побывала во всех местах русской эмиграции от Германии и Франции и до Бессарабии и Палестины.

Это был талант разносторонний. Она писала тексты к своим песенкам. Стихи были недурны, и, во всяком случае, написаны в духе того времени и в них больше смысла, чем у некоторых звёзд современного шоу-бизнеса. А в самом начале своего стихотворного пути она писала «псевдореволюционные» вирши. Одесса периода революции 1905 года была «левой», и Иза осталась «левой» на всю свою жизнь.

Волею обстоятельств я стал владельцем старых нот, высланных мне одной доброжелательницей из Москвы. Ноты Изы Кремер, изданные в 1911 г. в Москве неким Детлафом и К^о.

Автором музыки к песенкам Изы был её постоянный аккомпаниатор Ар. Ген. Симцис. На обратной стороне нот реклама песенок Изы Крамер на 1911 год, её репертуар: «Чёрный том», «Модель из Пакэна», «Rouge et Noir» «Madam Lulu», «Mam`zel Nana», «Воспоминание», «Мисс Джен», «Манон», «Скоро солнце улыбнётся» (*новая военная песенка*), «Если б были мотыльки», «Это вальс виновен во всем», «Забудь Лулу», «Любовь поэта», «Негр из Занзибара», «История одной любви», «Если роза расцветает», «Не Вы ли эта дама», «Голубое письмо», «Мимоходом шутя», «Розы». Сколько же она сочинила песен в своей жизни? Даже трудно себе представить.

В 1934 году на гастролях в Южной Америке Иза познакомилась с Грегорио Берманом (1894–1972), аргентинским психиатром, философом и социалистом по убеждению. Он был из семьи эмигрантов из русской Польши. Брак был заключён спустя 9 лет в Мексике, по доверенности. Что это – я не понимаю. (Берман был близким другом Сальвадора Альенде, Че Гевары, знаком с Элеонорой Рузвельт, Генри Киссинджером, который вытащил его из аргентинской тюрьмы, и многими другими интересными и «знатными» людьми. Оставил большой след в психиатрии.)

Среди многих «уток», плавающих в Интернете, есть сообщение, относящееся к Тегеранской конференции 1943 года. Якобы в день 69-летия Уинстона Черчилля, по его просьбе был устроен концерт, в котором участвовали Иза Кремер с Морисом Шевалье,

Марлен Дитрих и Вадимом Козиним. Изу выбрал сам президент Рузвельт. Интересно, что двое из четырёх были русские певцы. Марлен Дитрих немка – антифашистка, эмигрантка. Действительно, Марлен с марта 1943 года находилась в Северной Африке, затем в Италии и после высадки союзников в Нормандии, во Франции, и давала фронтовые концерты.

Всего за годы войны она дала 500 концертов и была награждена правительствами США и Франции. Но в Тегеране её не было! Что же касается знаменитого шансонье Мориса Шевалье – он как раз в это время жил в оккупированной Франции и был судим после войны за коллаборационизм.

Вне сомнения, он был вишистом, поддерживал фашистский режим, даже, несмотря на то, что его жена, танцовщица Нита Рэй, была еврейкой. Англичане долго его не могли простить и утверждали, что во время войны он нажил состояние несправедливым путём, в то время, когда кругом царили страх и нищета. И выступать в Тегеране, в честь Черчилля – просто чушь. Так что это сплошная липа. Кому это надо? А тащить даму в шестидесятилетнем возрасте через океан опасно. Очень опасно.

Есть описание путешествия Рузвельта в Персию. Его гигантский линкор «Айова» был ошибочно атакован собственной торпедой. Вояж было далеко не безоблачен. Атлантика «кишела» немецкими подводными лодками. К чему эта фальшивка? Естественно, нигде упоминаний об этом «концерте» в мемуарах участников, как западных, так и советских – я не обнаружил.

Конец жизни Иза Яковлевна провела в Аргентине, куда переехала в 1938 году. Иногда, она гастролировала, выступая в США и Бразилии. Во время войны безоговорочно поддерживала Советский Союз, собирая средства для Красной Армии. Это поставило её в оппозицию диктатору Хуану Перону, который, будучи формально нейтралом, сочувствовал наци, которые и нашли убежище у него после войны.

Диагноз смертельной болезни актрисы установил её муж – врач. К сожалению, не ошибочный.

Есть и легенда о смерти Изы Яковлевны Кремер. Ну в первых она угадала место своей кончины ещё в далёкие годы, в романсе «Танго смерти»:

*«В далёкой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины как на картине,
Про Джо и Кло поют...
Там знают огненные страсти,
Там всё покорно этой власти,
Там часто по дороге к счастью,
Любовь и смерть идут».*

Она скончалась 7 июля 1956 года в городе Кордове (Аргентина) якобы в день своего рождения. Но, увы, миф – есть миф. Она родилась 21 октября, по-видимому, 1887 года. Выше я писал, что есть и другие даты.

Но... Слово великому актёру Ю.М.Юрьеву: «Приходится начинать, как полагается в подобных случаях, с самого неприятного для актёра – с даты рождения. Актёры (а тем более актрисы) не особенно любят, когда им приходится открывать свои годы. Они обычно самым тщательным образом скрывают дату своего рождения...»

И далее почти на страницу рассуждения на эту «неприятную» тему.⁵⁸

Жаль, что мы слишком мало о ней знаем достоверного. Но у женщины – актрисы должна быть тайна и не одна...

Эйн Рэнд (Алиса Розенбаум), (1905 –1982),
выдающаяся американская писательница.

Еврейская женщина в любой стране в силу своей природной одарённости могла проявить себя как выдающийся врач, журналист, биолог, физик, педагог и так далее. Но проявить себя, нет, занять лидирующее место среди литературной братии в чужой филологической среде – это явление неординарное.

Алиса Зиновьевна Розенбаум, родилась в Петербурге в 1905 году в семье провизоров, окончила гимназию, училась и жила в языковой и культурной среде Серебряного века и русской революции. В 19 лет окончила Ленинградский университет. Работала недолго экскурсоводом. И вот, волею той же революции, молодая 25-ти летняя женщина оказывается в США с очень слабым знанием английского и всего с 50-ю долларами в кармане. С чего начинается «завоевание» страны – с овладения языком. Знать язык можно по-разному. Нами, живущими в Израиле и приехавшими в большинстве случаев в среднем возрасте, овладение языком шло на уровне магазинных покупок, банковских расчётов (сложное дело, коим многие, и я, в том числе, не овладели до конца!), почтовых разговоров и автобусных расспросов. Хотя некоторые мои современники сумели взять себя в руки, и, освоив язык, стали преподавать на иврите.

Известно, что читают лекции по-английски в университетах всего мира писатели разного уровня. Но чтение лекций – это одно, а стать известным беллетристом, мало того – властителем дум многих поколений страны, где свои, вполне укоренённые законы – это совсем другое.

Наши, привезённые из России дети, во вполне сознательном возрасте шли в школу, где учили второй язык. Это двуязычие останется в них до конца жизни.

Мне, например, интересно наблюдать за моими дочерьми.

С нами (родителями) они говорят по-русски: друг с другом – на иврите. С детьми старшая дочь, живущая в Израиле, говорит на иврите. Муж-израильтянин, а мы детей видим редко. Внуки русского языка не знают совсем. Младшая дочь, живущая в Англии, говорит с детьми, естественно, по-английски и раз или два раза в неделю – по-французски. Дети знают разговорный французский

весьма прилично. Из моих английских внуков могут вырасти и английские писатели (теоретически ?).

Но вот девушке в 25 лет, начавшей новую жизнь, овладевавшей английским языком до нюансов – стать классиком американской литературы, самой популярной писательницей XX века – ох, как непросто. Она становится истинной американкой: «Только люди сбрасывают кожу...». Но в тексте Н. Гумилева змеи сбрасывают кожу. А человек меняет душу. Это невероятно сложно. Это уже не мимикрия, не приспособление, – это перевоплощение. И это под силу еврейской девушке.

Ещё можно вспомнить Эльзу Триоле (Каган Эльза Юрьевна. 1896–1970). Родная сестра Лили Брик стала известной французской писательницей, но тут иной случай: её с детства обучали французскому языку. Во Франции она жила с 1918 года. В 1928 году стала женой знаменитого писателя Луи Арагона, что тоже облегчило глубокое понимание французского языка. Как говорит мой друг – поэт Евгений Минин, иностранный язык лучше всего усваивается в постели.

Эльза Триоле по-французски стала писать на 42-ом году жизни. Она получила самую престижную Гонкуровскую премию – это одно даёт ей почётное место во французской литературе – ибо это высшее творческое отличие, где рядом стоят такие титаны: Марсель Пруст, Андре Мальро, Андре Шварц-Барт! Но обратим внимание, прежде, чем добиться литературной славы, еврейская девушка в Париже занимается бижутерией. Из дешёвого жемчуга, металлических пуговиц, из любого кусочка брошенного и никому не нужного материала, включая мало пикантную подробность: из наконечников клизм, создаются ожерелья.

Её безупречный вкус, ещё сложившийся в Москве, нашёл себе выход из безвыходного нищенского существования. А случай помог, её изделия стали рекомендовать лучшие французские фирмы, от названия которых у женщин кружатся головы: «Шанель», «Пуаре», «Скьяпарелли». Чтобы исполнить все заказы, Эльза трудилась ночи напролёт. В 1933 году она написала роман «Ожерелье». А это уже потом были громадные тиражи книг и слава. Остановимся: дочь еврейского народа, чтобы заработать на жизнь, не гнушается никакой работы.

Она, подобно Баруху Спинозе, зарабатывающему на жизнь шлифованием стёкол, зарабатывает производством красивых безделушек. Гений еврейской женщины достигает вершины в любом роде деятельности: будь ли это литература или рукоделие.

И ещё: немногие французы могут похвастаться, что **они были в Сопротивлении все годы оккупации нацистов**. Честь и слава семейству Арагон!

Но вернёмся к Айн Рэнд – такой псевдоним приняла Алиса Розенбаум. Тираж её книг – самый громадный в США. Кто-то иронически заметил, что тиражи книг Рэнд в 16 раз превосходят тиражи трудов Карла Маркса. Это утверждение, на мой взгляд, просто легкомысленно. Слишком в разных плоскостях лежит беллетристика от скучных экономических теорий Мавра. Айн Рэнд удивительно далеко отошла от обычных левых взглядов американских классиков: Т. Драйзера, Ш. Андерсона, Э. Хэмингуэя, У.Фолкнера, Дж. Стейнбека, Дж. Дос Пассоса, Ирвинга Шоу...

По своим политическим взглядам она стала правой. Для меня это несколько непривычно. Во времена маккартизма она воевала против коммунизма всеми средствами. Даже американский пропагандистский фильм «Песнь о России» считала просоветской агиткой, лживо и целенаправленно приукрашивающей действительность. Позволю себе с ней не согласиться. Идея фильма не в пропаганде коммунистических идей, а в желании побудить американское общество помочь своему союзнику. Посему бы я не искал в этом фильме ужасов Гулага. Фильм сделан во время судьбоносной войны, и в конечном итоге, во благо спасения остатков еврейства.

Но, как бы то ни было, США получили великую писательницу, ставшую классиком американской литературы. Интерес к её творчеству не иссякает. Каждое поколение находит в её книгах нечто созвучное нашему времени.

Джулия Коронелли, (1964), поэт, писательница.

То, что генетический материал еврейской женщины, живущей в России, можно проанализировать по жизни простой москвички – нашей современницы, поэтессы с необычной фамилией – Джулия Коронелли, не является секретом. Она жила спокойно, воспитывала сына, писала стихи – в общем, занималась привычными семейными делами, пока однажды не узнала, что некий «учёный муж» фамилию «Коронелли» отнёс к греческому происхождению. И тут, как мина замедленного действия, сработал тот самый еврейский ген. Возмущённая некомпетентностью «профессора» Джулия вступила в неравную переписку с «учёными мужами» и ответила им по полной программе – историко-биографической книгой о судьбе своей семьи, «Книгой Коронелли».

А всё потому, что у Джулии Коронелли были «испанские корни», а совсем не греческие. Во времена инквизиции знатные и богатые евреи вынуждены были или покинуть Пиренейский полуостров или принять «святое крещение». С этого момента начинаются скитания этой удивительно талантливой элиты по градам и весям Старого и Нового Света. Истоки книги находятся в XV веке, когда инфанта Изабелла – ученица раввина дона Авраама Сениора, главного раввина Кастилии, стала наследницей Кастильского престола Изабеллой. В книге много интересных малоизвестных фактов о том, как Авраам Сениор спонсировал экспедицию Колумба, как, спасая семью, вынужден был пройти обряд крещения, приняв фамилию Коронел, причём крестными его были не более – не менее, как король Фернандо Арагонский, королева Изабелла Кастильская и кардинал Педро Гонсалес де Мендоза, Архиепископ Толедо. Работа Джулии Коронелли превратилась в интереснейшую историческую книгу.

Но Джулия на этом не остановилась – из искры возгорелось пламя! Если писательница ранее копала вглубь веков, то теперь стала копать вширь. Она открыла для своих читателей имена предков, которыми гордились многие европейские страны, в том числе и Россия, на территории которой они сражались с фашистскими захватчиками.

Джулия в поиске материалов о судьбе своих предков списалась со многими европейскими архивами. Одни отвечали, многие попросту игнорировали. Открытия следовали одно за другим.

Коронелли отыскала бывшее поместье своего предка Антонио Коронелли – село Береговое, ранее носившее имя Коронеллевка. Теперь уже все, не только в Феодосии, знают, кто такой Антонио Коронелли и чем он славен. И как бы ни спорили краеведы и местные власти бывшего села Коронеллевка, но мемориальную доску памяти потомка Джулии Коронелли придётся поставить. А сама поэтесса пишет и публикует статьи и очерки о своей родословной, у неё много планов на будущее. Таков потенциал у каждой женщины, родившейся в России.

Рассказать обо всех женщинах, любимых мной в русской истории и культуре, не представляется возможным. Низкий поклон им за их тяжёлую долю, за их вклад в русскую культуру, науку, образование. А закончить мне хочется этот небольшой очерк двумя стихотворениями. Автор одного из них – героиня этой главы Татьяна Щепкина-Куперник.

ЕВРЕЙКЕ

*Эти мысли горят... они жгут, как огнём,
И в душе у меня пробудили
Затаенный на дне – я забыла о нем! –
Скорбный плач неутешной Рахили.
В каждой женской еврейской душе и в глазах
Есть отличие одно вековое:
И в душе той дрожит о возлюбленных страх,
И в глазах тех – страданье живое.
Пусть еврейка прекрасна, как утро весны,
И горда, как лилея Сарона:
Посмотри ей в глаза, в звёздный мрак глубины –
Там вся мука безмолвного стога.
У красавицы юной, у нищей с клюкой –
Тот же ужас глаза сохранили:
Отразился в них странной, нездешней тоской
Скорбный взгляд неутешной Рахили.
Истерзали их душу жестокой игрой
Злые ужасы долгих столетий:
Первый ужас – бесправье; и голод – второй;
И убийц издевательства – третий!*

*Кровь невинных детей, стон поруганных дев,
Затаило немое рыданье...
И мне хочется плакать, и, руки воздев,
Упрекать небеса за молчанье!..
– О, начнись же, начнись же, обещанный день,
Солнце радости – золотом брызни!..
Прогони эту вечную черную тень,
И несчастный народ поскорее одень
Светом новой свободы и жизни!..»*

Второе стихотворение, близкое по духу первому, принадлежит Валерию Брюсову.

ЕВРЕЙСКИМ ДЕВУШКАМ

*Красивые девушки еврейского племени,
Я вас наблюдал с тайной дрожью в мечтах:
Как черные волосы упруги на темени,
Как странен огонь в ваших чёрных очах!*

*В Варшаве, и в Вильне, и в задумчивом Тальсене
За вами я грустно и долго следил.
И все мне казалось: стремитесь вы в вальсе
Неизбежном над тайной могилой.*

*Как будто в вас ожили виденья библейские,
И мать Ревекка, и дева Рахиль, –
Овеяны помыслы ненужно – житейские,
И в новом жива вековечная быль.*

*Еврейские девушки, в холодной России
Вы – бессонная память о знойной стране,
Живое преданье о грядущем Мессии, вы...
Девушки – матери, близки вы мне!*

Этими прекрасными строками, посвящёнными ВСЕМ без исключения еврейским женщинам, мне и хотелось закончить это повествование.

**ГЕОГРАФИЯ
И
ДЕМОГРАФИЯ**

Конфликт Грузии и России...

Ну, что сказать о России: крокодил должен всегда быть агрессивным и сытым. Это ясно. Ну, а Грузия, или, как эти «умники» прозвали свою страну, Георгия, Джорджия (!?) Это что, американский штат?). Хотя самоназвание страны грузин - Сакартвело. Гурджи – у мусульман это грузин, а страна грузин – Гурджи-стан. Долгое время грузины и армяне считали своей прародиной Халдею, государство в верховьях Тигра и Евфрата. Для поэтов это был неиссякаемый источник вдохновения.

В поисках национального героя россияне обращаются к лику Александра Пушкина: «Пушкин – наше всё!», а так как моя тема называется: «Демография и география», то и я поклонюсь его великой тени.

*«Богиня песен и рассказа,
Воспоминания полна,
Быть может повторит она
Преданья грозного Кавказа;
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок,
Измены, гибель россиян
На лоне мстительных грузинок;*

(Речь идёт о бессмысленном и предательском убийстве 18 апреля 1803 г. грузинской царицей Марией генерала И.П. Лазарева.)

*И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов
И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов;*

(Командир и друг Лазарева, генерал П.Д. Цицианов был предательски убит 8/II/ 1806г. при капитуляции Баку. Прославился храбростью и жестокостью.)

*О, Котляревский, бич Кавказа
Тебя я воспою, герой,*

(Генерал П.С.Котляревский /1782-1851/, ученик и друг Лазарева)

*Куда ни мчался ты грозой –
Твой ход, как черная зараза*

(Иначе говоря – подобно чуме. – С.Д.).

Губил, ничтожил племена...

(Генерал П.С. Котляревский знал, что лишь сила и страх способны удержатъ Востокъ в узде. Пересказ военной энциклопедии.)

*Но се – Востокъ подъемлетъ вой!...
Поникни снежною главою,
Смирись, Кавказъ: идетъ Ермоловъ!
И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Всѣ русскому мечу подвластно. (Увы, не всѣ! – С.Д.)
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь...»*

Изъ эпилога «Кавказскаго пленника» 1820-1821гг.

Кто-то сказал, что Редьярд Киплингъ певецъ британскаго империализма. А Пушкинъ? Какого? Русскаго!

Напомнимъ и другіе стихи, ко времени, и, какъ ни странно, къ месту:

*Вы грозны на словахъ – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постели,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже бессильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ победъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля,
До стенъ недвижнаго Китая
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?...*

Достойную отповѣдь пушкинскому «империализму» далъ Николай Огарѣвъ въ своёмъ стихотвореніи «Ночь», используя словарный составъ инвективы великаго поэта:

*... отъ Китая
До стенъ недвижнаго Кремля
Подъ дикимъ гнётомъ изнывая
Томится русская земля...*

И далее – Пушкинъ:

«Такъ высылайте къ намъ, витии

*Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов».*

Об этих стихах Пушкина его друг – князь Вяземский выразился просто: «шинельные стихи». Это не в том смысле, когда два раза в год – на Рождество и на Пасху околоточный переступает порог вашего дома и поёт здравицу, а в том смысле «шинельные», что следовало Первому поэту отработать дворцовую синекуру... Печально.

Спустя два десятилетия забытый ныне критик в рецензии на вышедший VII том Сочинений Пушкина (СПб, 1857) отметил: «Известно также, что в стихотворениях Пушкина, и чем позднее, тем ярче, постоянно высказывалось чрезмерное уважение к штыку и презрение к оружию слова».¹

У Владимира Соловьёва в повести «Три разговора» встречается диалог:

– ДАМА. А я недавно прочла в газетах, что национальная поэзия Пушкина порождена военной славой двенадцатого года.

– Г. Z. Не без особого участия артиллерии, как видно из фамилии поэта.

– ПОЛИТИК. Да, разве что так.

«Оппозиционер» Николай Платонович Огарёв высказался сразу по трём вопросам: России, Европе и Кавказу. Писано было в 1840/1841 г.г. (До гибели М.Ю. Лермонтова, о котором сказано, что поэт – армейский офицер уже сослан.) И это был ответ Александру Сергеевичу:

*«Подчас не зная почему,
Меня страшит моя Россия;
Мы, к сожаленью моему,
Не справимся с времён Батья;
У нас простора нет уму;
В своём углу, как проклятыё,
Мы неподвижны и гниём,
Не помышляя ни о чём...*

.....
*Потом об укреплениях толк
В Париже очень долго длился,*

*Их строят, чтобы русский полк
В столицу мира не пробился.
Я патриот свой знаю долг,
Но взять Париж бы не решился.
Я думаю довольно с нас,
Когда мы умирим Кавказ».²*

Прошло 170 лет, а Кавказ «Непокорён»! «От финских хладных скал до пламенной Колхиды» под пером советского поэта может принять и такую форму:

ФИНЛЯНДИЯ

*Река Сестра, но берега не братья,
И хмуроглазый, каменный народ
Калёный нож под домотканым платьем
С недвижною усмешкой бережёт.
Мы знаем их, тяжелоступов серых,
Они нас тоже видят не во сне,
Но та сосна, что выросла на шхерах –
Не склонится к Олонецкой сосне.
И всё ж народ, что жил в каменоломне,
Что скал стада с пастушьей верой пас,
Когда-нибудь он мудрой ночью вспомнит
Глухой Урал и снег снегов Кавказ.
И всё ж народ, что бросил в море мрежи,
В печальном море, гулком и родном, –
Быль повторит о славных побережьях,
О Мурмане, о Каспии седом».³*

Итак, национальные проблемы с далёкого Севера и до Юга...
Тициан Табидзе в книге «Халдейские города» писал:

*«Пусть же вполголоса я напеваю
Песню несмело –
Верю: пленит соловей безголосый
Сад Сакартвело».*

У Тициана даже родство с библейским народом в стихотворении «Трепещи, Валтасар!» И не только.

В «Еврейской мелодии» Тициан Табидзе пересказывает старинную грузинскую хронику «Обращение Грузии». У евреев было «святилище» (храм) в Мцхете, первосвященником был Авиатар (Абиатар, Афиатар). Он и его дочь Сидония, а также вся семья первые в Грузии восприняли христианство из рук святой Нины (276-340), христианки, пришедшей из Каппадокии (Малая Азия), приблизительно в 315 году. Еврейка Саломея написала первое жизнеописание св. Нины. Авиатар и его дочь были канонизированы грузинской церковью. Мцхет стал первой столицей Грузии. Население было смешанным, в основном армянами и грузинами, впрочем, как повсеместно. Два слова о св. Нине. Она была родом из Каппадокии, густо населенной евреями. Её отец Завулон (Звулон) – был «генералом» у императора Максимиана. (Максимиан – сопровитель Диоклетиана с 286 года.) До 14 лет Нина жила в Иерусалиме. Её дядя (?) – св. Георгий, родом из деревушки под Иерусалимом – Бейт-Джалла (Гило). На воротах при въезде в деревню изображён св. Георгий, пронзающий копьём дракона. Тот же образ – на гербе Москвы – столицы России! По другим данным Георгий родился в Лидде, но тоже на святой Земле. Кажется, в действительности есть еврейские корни в истории Грузии...

Кажется...

Зададим вопрос: на каком языке шел прозелитизм в Грузии? Нина Каппадокийская могла проповедовать только в синагогах: язык общения – арамейский. Вспомним первых апостолов: куда они шли с именем Божиим? В синагоги. Деяния апостолов и, в первую очередь, апостола Павла, сводились к деятельности в еврейской среде, а затем они плавно перешагнули в языческий мир.

Равноапостольная Нина ничем не отличалась от первых христиан, несших слово Божие. Что же касается грузинского христианства, то в нём до сих пор отыскиваются следы языческого атавизма. Но сие не моё дело.

Поясняю для остроумных «генацвале»: Георгия, видимо, есть искаженное и заимствованное из русского языка «Грузия».

Дефиниция в старом энциклопедическом словаре⁴ гласит, что Грузия, бывшая до присоединения её к России (18 января 1801 г.) самостоятельным царством, в разные времена имела различные границы.

В смысле нынешнем (1898) – Грузия – это Тифлисская губерния, где грузин большинство. Итак, только Тифлисская губерния!

Грузины – народ средиземноморской (белой) расы, кавказского семейства, картвельской группы, живущий в центральной и западной части Закавказья. Один из самых красивых народов и даже... с «семитическими оттенками». (!?) К отрицательным чертам характера грузин относится «недостаток энергии и предприимчивости, лень и отчасти косность, чем в значительной степени объясняется их экономическая зависимость от армян». ⁵ А вот поэтический образ ленивого грузина в стихотворении М. Лермонтова «Спор»:

*«Не боюсь я Востока! –
Отвечал Казбек –
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льёт грузин».*

На мой взгляд, грузинский народ еще не сложился в нацию. Скажем, по переписи 1926 года каждое племя записывалось отдельно. Лишь затем грузины проглотили многие мелкие племена.

Итак, грузины состоят, по переписи 1897 г.(!) – из собственно

- 1) грузин,
- 2) ингилойцев,
- 3) грузин-горцев (сванов, что ли? – С.Д.),
- 4) имеретин,
- 5) гурийцев,
- 6) аджарцев.

Численность грузин была около 408 000 человек (!). Автор этой статьи в словаре Брокгауза и Ефрона – князь Владислав Иванович Масальский (1859–1932), выдающийся специалист по Кавказу и Средней Азии, автор многочисленных трудов по географии, демографии и сельскому хозяйству. В Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в статье, написанной антропологом Сергеем Ивановичем Руденко (1885–1969), несколько иное деление племён:

- 1) собственно грузины,
- 2) ингилойцы,
- 3) тушины,
- 4) хевсуры,
- 5) пшавы,
- 6) аджарцы,
- 7) имеретинцы,
- 8) гурийцы.

Куда-то подевались сваны. Может быть, они не хотят быть грузинами или их забыли за многочисленностью племен? И ещё – нет лазов, в большинстве живущих в Турции.

Есть ещё месхи. Древнейшее упоминание насельников Западного Закавказья в Библии, в Пятикнижии Моисея и у пророка Иезекиила (*люблю другое правописание: Iезекииль*). Мешех – месех, по современному месхи и народ фуваль (*тубаль*). К судьбе месхов мы вернемся ниже. Во времена библейские они вели торговлю с финикийцами. Во время русско-персидской войны 1826/1828 г., в октябре 1827 года, генерал Паскевич и его войска штурмом взяли Ереван (Эривань). Об этих победах фельдмаршала восторженно сказал Пушкин в стихотворении «Бородинская годовщина»:

*«Победа! Сердцу сладкий час!
Россия! Встань и возвышайся!
Греми восторгов общий глас!...
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Пред кем суворовского лавра
Венок сплела тройная брань»...*

Каким бальзамам служат эти строки сердцам современных «русских патриотов»! Ирония-иронией, но Иван Фёдорович Паскевич (1782 – 1856), был блестящим администратором.

В Грузии суд и полиция были в плачевном состоянии. Паскевич сразу обратил внимание на недостатки и принял меры к их искоренению, устранению злоупотреблений в судопроизводстве и администрации в этом крае. Впрочем, с этим борются безуспешно до сих пор.

Генерал старался также заселить край русскими и немцами, которых было до Первой Мировой войны не менее 60-ти тысяч человек. Вместе с тем он составил положение об управлении армяно-григорианской церкви, а также о преобразовании благородного училища в Тифлисе в гимназию. По его представлению, в этом же городе был учреждён Институт благородных девиц и основана публичная библиотека.

При Паскевиче стала выходить газета «Тифлиские ведомости». **В его же управление в 1828 году была окончательно присоединена к Российской империи, а следовательно – к Грузии ещё одна территориальная единица, как-никак, а две тысячи с гаком квадратных километров – Гурия.** Грузия, скажи спасибо России!

Участник этой войны, поэт Григол Орбелиани (1804–1883), родом из знатной княжеской семьи, по матери – правнук царя Ираклия II. Сестра поэта – Евфимия – мать гениального поэта Николоза Бараташвили. Григол был участником заговора «царевичей» 1832 года, но отделался легко – ссылкой в Тифлис.

В подражание известным стихам Василия Жуковского «Певец во стане русских воинов» Орбелиани пишет поэму «Заздравный тост, или пир после Ереванской битвы». Он даёт краткое описание истории Грузии. Для нас интересны строки о составе войск царицы Тамары:

*«Поднимая стяг Тамары,
В Дидубе со всей округи
Собрались для общей брани
Кахетинец и тушин.
На хевсуре и на пшаве
Как огонь горят кольчуги.
Вот – могучий карталинец,
Вежливый имеретин.
Месх, прославленный учёный,
Осетин, бесстрашный воин,
Меткий стрелами абхазец,
Храбрый горец и мегрел...»⁶*

Итак, по поэту Григолу Орбелиани в грузинское ополчение входили:

- 1 – кахетинцы,
- 2 – тушины,
- 3 – хевсуры,
- 4 – пшавы,
- 5 карталинцы,
- 6 – имеретинцы,
- 7 – месхи,
- 8 – некие храбрые горцы,
- 9 – мегрелы.

Их можно с большим или меньшим сомнением отнести к грузинам. Но есть ещё бесстрашные воины осетины и меткие лучники абхазцы. Они находятся за скобками самого большого допущения.

И ещё. Григол Орбелиани несколько преувеличивает роль грузин при штурме Еревана – их всего-навсего было 600 человек. Небольшой процент имперской армии...

Но и он был сведён к нулю, ибо после поражения Ирана в войне, Россия получила возможность присоединения юго-восточной исторической территории Грузии – Чар-Белакани. С самого же начала русско-иранской войны население этого края, среди них и грузинские мусульмане (ингилойцы), встало на сторону Ирана против России.

После окончания войны с Ираном, русские войска в 1830 году завоевали Чар-Белакани, где сразу же установилось русское правление. В том же 1830 году в Чар-Белакани против завоевателей вспыхнуло крупное восстание, в котором активно участвовали и грузинские мусульмане, однако восстание было жестоко подавлено. Территорию Чар-Белакани выделили в отдельную область. Позднее она была объединена в Закатальский округ и подчинена Тифлисской губернии.

О кавказских офицерах С.Ю. Витте пишет с иронией: «Среди армян было очень много храбрых военных (Бебутов был армянин, Лазарев был также армянин), попадались люди очень умные... Грузины же, по своей натуре, очень неумные и тупые, но зато недостаток ума у них сравнительно с армянами вознаграждается особой рыцарской честью. Все грузины, так же, как и имеретинцы, отличались громадной храбростью».⁷

Что же касается грузин, насколько это единая нация, сложно сказать, но известно, что грузины – одно, имеретинцы – нечто иное.

Процитирую некоторые места романа А.Серафимовича «Железный поток». Армия красных, а точнее кочующая орда, обремененная семьями, детьми и стариками, пытается прорваться к «своим», красным. Им противостоит армия «свободной Грузии». Перо Серафимовича описывает грузинского воина:

«Грузинский офицер с молодыми усами, в тонко перетянутой красной черкеске, в золотых погонах, с черными миндалевидными глазами, от которых (он это знал) захлёбывались женщины, похаживал по площадке массива, изредка взглядывая.

В двадцати саженьях недоступно отвесный обрыв, под ним крутой каменистый спуск, а там непролазная темень лесов, а за лесами – скалистое ущелье, из которого выбегает белая пустынная полоска шоссе. Туда скрыто грозят орудия, там – враг.

...Этим рваным свиньям дали сегодня жару, когда они попробовали было высунуться по шоссе из-за скал, – попомнят.

Это он, полковник Михеладзе (*такой молодой и уже полковник!*) выбрал позицию на этом перевале, настоял на ней в штабе. Ключ, которым заперто побережье.

Он опять глянул на площадку массива, на отвесный обрыв, на береговые скалы, отвесно срывавшиеся в море, – да все по заказу сгрудилось, чтобы остановить любую армию.

Но этого мало, мало их не пустить – их надо истребить.

... Это он, князь Михеладзе..., он отсечёт одним ударом голову ядовитой гадине, которая ползет по побережью.

Русские – враги Грузии, прекрасной, культурной, великой Грузии, такие же враги, как армяне. Турки, азербайджанцы, татары, абхазцы. ...

Он не кровожаден. Ему претит пролитая кровь. Но когда вопрос касается мировой культуры, величия и блага родного народа – он беспощаден, и эти поголовно будут истреблены...

А когда ложился в своей палатке спать, приятно шла кругом голова, и, подставляя ногу денщику, стаскивающему лакированный сапог, думал: «Напрасно не послал за гречанкой... Впрочем, хорошо, что не послал...».⁸

А дальше в ночи, «гениальный план» князя Михеладзе рушится, ибо красные – русские, лавиной смели позиции «доблестных борцов за мировую цивилизацию» и князь Михеладзе праздновал труса: «Полковник как резвый мальчишка, прыгая через камни, через кусты, нёсся с такой быстротой, что сердце не поспевало отбивать удары. Перед глазами стояло одно, бухта... парходы... спасенье...

И с какой быстротой он нёсся ногами, с такой же быстротой – нет, не через мозг. А через все тело неслось: «Только б ... только б... не убили... только бы пощадили. Все готов сделать для них... Буду пасти скотину, индюшек... мыть горшки... копать землю... убирать навоз... только бы жить... только б не убили... Господи! ... жизнь-то – жизнь...».⁹

Через несколько минут кончается земная жизнь полковника Михеладзе, не успевшего добежать до гавани, не успевшего спастись у гречанки, на которой он готов жениться и целовать край её одежды: «Голова взрывом разлетелась на мелкие части.

А на самом деле не на мелкие части, а расселась под наискось вспыхнувшей шашкой надвое, вывалив мозги».¹⁰

Что этим жестоким описанием хотел сказать бывший народоволец Серафимович? Уж ни предсказание ли это конца несостоявшейся Великой Грузии? Ради Бога, перечитайте Александра Серафимовича, может вы в его произведении отыщете больше, чем сказано мной.

Почему же в последнем русско-грузинском конфликте грузины потерпели поражение? Случайность? Возможно! Неравенство сил? Возможно! Но замечу – двести лет грузины жили в тепличных условиях «под сенью русских штыков» – никаких катаклизмов они не переживали. Их не резали ни турки, ни персы. Конечно, Грузия была наводнена русскими чиновниками самой низкой пробы – отбросами империи. Но Россия уничтожила внутренние пошлины и создала благоприятную обстановку по созданию промышленности, торговли, ремесла, способствовала развитию образования. Привлекала русских купцов и западных предпринимателей. Выписывались из-за границы семена новых культурных растений. Помещикам оказывалось содействие при переходе на культурное ведение сельского хозяйства, возникновение шёлководства.

В 1835 году в официальном описании Закавказского края сообщалось о значительном росте «среднего класса граждан и народной промышленности». Материальное благополучие Грузии росло. В царское время, к сороковым годам XIX века, кахетинское вино в большом количестве ввозилось в Россию, что подняло благосостояние всех слоёв населения. Но это было совсем не то вино, из-за которого началась «алкогольная» русско-грузинская война. Известно, что культура производства вина требует громадного труда. Технология включает не только использование различных сортов винограда, но и особых сортов дерева, идущих на бочки. Французские коньяки настаиваются только на лимузенских дубах. Когда же рухнул Железный занавес, отделявший Империю от остального мира, на рынки России хлынули фирменные вина из винодельческих стран: Франции, Испании, Италии, Чили и т.д. Теперь потребитель мог сравнить. И тут выяснилось, что на протяжении десятилетий советской интеллигенции – поклоннице Кавказа, «впаривали» смесь спирта с компотом. Специалисты, исследовав состав грузинских вин, пришли к выводу, что они не имеют отношения к вину. Не хочу на этом долго останавливаться – есть много публикаций в российских СМИ на эту тему. Полагаю, что претензии российских любителей горячительных напитков к так называемому грузинскому «вину», были справедливы.

Прочитую два стихотворения Якова Полонского 1850 года. Они ясно показывают с одной стороны – бесправие крестьян, которые называются рабами (*у меня это слово выделено. – С.Д.*), а с другой – начало роста зажиточности грузинского народа. Это то благо, которое принесла Империя. Первое стихотворение посвящено «либеральному» князю Д.А.Чавчавадзе, брату Н.А. Грибоедовой.

КАХЕТИНЦУ

Я знаю, там, за вашими горами,
По старине, в саду, в тени кудрявых лоз,
Ты любишь пить с весёлыми гостями,
И уставлять ковры букетами из роз!
И весело тебе, когда **рабы** собирают
Ваш виноград – когда по целым дням
В давальнях толкотня – и мутные стекают
Струи вина, по длинным желобам...

ИМЕРИТИН

О! Было время, труд полезный
Имеретин позабывал,
Меняя плуг и серп железный
На ружья, шашку и кинжал.

Вражда стучалась в наши двери,
Мы прятались куда кто мог...

.....
И равнодушно мы сносили
Наш плен и наш позор, когда
Красавиц наших уводили
На трапезонтские суда.

Мы знали, дома ждал их голод;
Мы знали, брачную постель
Их замела бы в зимний холод
Неугомонная метель.

Жилища наши стали бедны,
И обеднели алтари...

.....
(Но пришли северные соседи и жизнь изменилась. – С.Д.)

Потухло зарево пожаров,
Угомонила вражда;
Пленно-продавцев янычаров
Исчезли грозные суда.

Единоверному народу
Вручили мы свою судьбу,
Он дал нам полную свободу
Начать бескровную борьбу –

Борьбу с сохой, борьбу с лопатой,
С шелкомотальным колесом...
И стал богат наш дом дощатый
Мотками шёлка и вином.

Рубли в кармане завелися,
Висят замки на сундуках,
И с песнями до Кутаиса
Мы русских возим в каюках.

Благополучие советского периода Грузии было настояно, как хорошее вино, на нескольких факторах: советская власть кончалась за Кавказским хребтом. Процветала продажа «мелкоскопических» мандаринов, придорожной травы под названием «лавр», разрекламированных грузинских вин и коньяков, что, конечно, лучше русской «бормотухи», лечение «целебной» водой Боржоми. Но главное – это лето на Чёрном море! Мечта и магнит в летние отпуска. Весь Север трогался в благодатные края, оставляя миллионы рублей в руках кавказцев. Вспоминаю стихи, приписываемые Евтушенко: «Едут беленькие сучки к черным кобелям». И это было правдой. И, выражаясь языком Бабеля, воздух был напоен спермой. В моё время – метр для спанья стоил один рубль. Кто-то спросит, а репрессии? Не большие, чем у других народов СССР. Интеллигенция пострадала особенно, но в процентном отношении меньше, чем, скажем, еврейская. Да и с русских взятки – гладки: все это делалось именем Великого Грузина Сосо Джугашвили. Правда, фамилия Джугашвили имеет отнюдь не грузинский корень: Джуга (джуха) – по осетински «мусор», «отбросы». (*«Швили» – это всего лишь сын. Сын мусорщика, что ли?*) Малочернов отсылаю к замечательной книге Б.О.Унбенауна¹¹ «Семантическая фамилия»! Да и Осип Эмильевич может подтвердить: «...и широкая грудь осетина». Да, ещё, пресловутый г. **Гори**, где есть музей имени Гения Всех Вреён и Народов, **в XIX – начале XX веков в основном был населен осетинами.**

Н.В. Есть у поэта Галактиона Табидзе, которого я глубоко ценю, странное стихотворение, датированное 1916 годом. Думаю, это условная дата: речь идёт о 37 годе. Прислушаемся:

*«Внезапно все свечи задуло
И в мрак погрузился Тифлис,
Как будто с самим Вельзевулом
Недобрые ветры сошлись.
Внезапно задуло все свечи,
Гроза пронеслась надо мной
И напорочила встречу
С глухонемой чертовнёй.
И маятник громче затикал,
Нашло колдовство на Тифлис...»¹²*

В 1989 году делегация грузинских писателей посетила Иерусалим. Я удостоился чести сопровождать их по Святому Граду, в т.ч., и по Крестовому монастырю, который грузины без усталости называют Грузинским монастырем. Грузинские писатели дружно говорили о желании обрести самостоятельность. Я спрашивал их: смотрели ли они на карту? В ответ я получал приблизительно такое: «Израилю можно, а нам нельзя?». Дети, истинные дети, ничего не ведающие в своей многострадальной истории! Так, ещё в 1796 году страшный персидский завоеватель Ага Магомед-хан превратил Тифлис в пепел. Все женщины и, наверное, и не женщины, были изнасилованы. Каждой из них подрезали «на память» сухожилие на правой ноге. А.С. Грибоедов ещё в 1826 году видел хромающих старух – память недавнего прошлого. А, скажем, в XVII веке великий шах Аббас выселил сто тысяч душ грузин в Персию, а на их место поселил азербайджанцев. А сколько мальчиков-грузин было вывезено в Египет, где было образовано государство мамлюков (*мамлюков, что по-арабски обозначает – «раб» или ещё точнее – «белый раб»*), где войско сплошь состояло из бывших христиан Иберии. Ну, наверное, вы читали новеллу Проспера Мериме?

Государство мамлюков существовало в Египте с 1250 по 1517 годы, а в Сирии, включая Палестину, до 1516 года, когда они попали под власть турок, но почти номинальную. А веду я к другому. Так как большинство мамлюков были грузинами, то они покровительствовали в Иерусалиме своим христианским сородичам. В это время грузины отторгли довольно много святых мест у своих патронов – греков, что вообще не по чину (*ибо они находятся в подчинении Константинопольского вселенского патриарха*) и у своих вечных врагов – армян. Но надо отдать должное – армяне цепкий народ. Интересно, что христианам с оружием (*понятно, холодным*) в Иерусалим входить было запрещёно. Исключение составляли грузины, носившие свои «фамильные» кинжалы. У грузин-христиан было большое преимущество во владении святыми местами внутри церкви Гроба Господня! И даже завоевание турками Грузии на первых порах не ущемило их положение, ибо они попали в вассальную зависимость от Высокой Порты. Туркам было безразлично, кто является номинальным владельцем святых мест. Главное – плати налоги. Налоги большие.

Средства получались, естественно, из Грузии ежегодно. Поток паломников также приносил прибыль. Но тут произошла смена декораций: персидский шах Аббас подчинил себе метрополию – Грузию, разорив ее основательно, как я писал выше. Поток средств прекратился. Граница пилигримам была перекрыта. *(Напомню, что вражда турок и персов – вековая. Одни сунниты, другие шииты.)* Богатое, но незаконно нажитое «имущество» святых мест было пущено турками на торги. Греки вернули себе всё. Армяне, да хранит их Господь, вернули себе «воздух» церкви Гроба Господня, церковь св. Якова, брата Господа и т.д. Они сохранили свой квартал, что составляет 17% жилплощади Старого города, понятно, не считая Храмовой горы.

Во времена Екатерины Великой, ведшей войны с турками, на стороне Селима III сражался опытный флотоводец, капудан-паша Кючюк Хусейн. Родом он был грузин и провел модернизацию турецкого флота, а может быть, был и лучшим турецким адмиралом (так считал адмирал Д.Н.Сенявин), что, впрочем, не спасло его от насильственной смерти. Таковы восточные нравы. Исламизация шла семимильными шагами, и кто, например, вспомнит, что самый омерзительный из турецкого триумvirата правительства «младотурков» – Талаат-паша, Энвер-паша, Джемаль-паша, а именно Энвер-паша – грузин? *(В Интернете сказано, что он происходит из гагаузов. Я ссылаюсь на более солидный источник: на примечания Л.С.Шепелевой к сборнику Тициана Табидзе).*¹² Кто знает? Кто помнит? Грузин я не виню, но напоминаю, что Энвер-паша – создатель теории пантюркизма и идеолог панисламизма *(что модно сейчас, мои христианские братья!)*, женатый на племяннице самого султана, вверг Турцию в безнадежную войну на стороне Германии, и именно он был инициатором национальных чисток и устроил резню армян, греков, ассирийцев...

Как ни снисходительно относилась Антанта к военным преступлениям, все же все трио негодяев заочно было приговорено к смертной казни. Авантюрист Энвер пошел на сговор с большевиками и по привычке изменил «гяурам». Конец Энвер-паша нашел от красноармейской пули уже после захвата Душанбе во время похода на Бухару в 1922 году. Волею судеб висельник Джемаль-паша нашел убежище в Тифлисе, где в 1922 был убит армянами.

Справедливо.

Третий негодяй – Талаат-паша был убит армянином в Берлине в 1921 году.

Лет 50 тому назад на лекции по фольклору в институте имени Герцена профессор Шептаев привел удивительный факт. Стихи Михаила Лермонтова в Грузии очень любят. Все, кроме... одной строчки. Начиная с 50-х годов XIX века его поэму «Демон» многократно переиздавали в Грузии, как в оригинале, так и в переводах. И есть у великого поэта в первой части поэмы «Демон» злосчастные строки:

*Не долго продолжался бой:
Бежали робкие грузины!»*

Вторую строку уже на протяжении 150-ти лет неизменно грузинами переделывается на «Бежали робко осетины!» Полагаю, что автором этого «точного» перевода был крупнейший романтический поэт Грузии Григол Зурабович (Григорий Дмитриевич) Орбелиани (1804-1883), тоже любопытный человек, впоследствии тифлисский генерал-губернатор, а попутно – заговорщик, который в 1832 году готовил отторжение Грузии от России. Заговорщики находились в связи с польскими инсургентами и хотели восстать одновременно, но, в конце концов, предали друг друга и были приговорены к смертной казни. Но Николай Павлович обошелся с грузинскими князьями несравненно мягче, чем со своими «декабристами» или поляками. В этом он был прав. В рамках империи грузины строили не только свою карьеру, но и защищали свою страну от магометан, в итоге подтверждая его правоту...

Надо добавить, что ещё раньше, в прославленном 1812 году, в Кахетии местные князья организовали восстание. Несмотря на трудности военного времени – мятеж был подавлен. И постепенно грузинские князья стали верой и правдой служить русскому царю, получая новые и новые привилегии. Среди заговорщиков не было единогласия в судьбах будущей Грузии. Часть из них была сторонниками «сильной» монархии, часть – хотела конституционной монархии. Единицы составляли республиканцы. Но была довольно большая группа интеллигентов – «реалистов», которые считали, что со свободой Грузии следует повременить, лет так на сто.

А за это время провести внутреннюю консолидацию и воспользоваться всеми благами, получаемыми от великой империи – России. Странно, но это оправдалось...

Но пока мы говорили лишь о царе, царевичах и князьях. А как простой народ относился к присоединению к России? Мы имеем исчерпывающий ответ в донесении генерала Ивана Петровича Лазарева. 17 февраля торжественно был провозглашён манифест сначала в грузинских церквях, а затем в армянских. Население встретило манифест «с живейшим восторгом». Некоторые аристократические семьи также приветствовали вхождение в Россию. Исключение составили многочисленные члены царской семьи. Но итог ясен – даже убийство Лазарева не помогло. Дело не в одном человеке, а дело в тенденции, в необходимости выжить «на семи ветрах», и простой люд это понимал.

Месхи – древнейшее население Иберии. Их в большинстве исламизировали, и товарищ Сталин депортировал месхов в Среднюю Азию. В основном в Узбекистан. Будучи трудолюбивым народом, они стали жить намного лучше узбеков. Причин несколько, но сейчас не место говорить об этом. И зависть вызвала азиатскую ненависть к чужакам. И не имеет значение, что они братья-мусульмане: месхов стали резать. Всё же для меня эта резня остаётся загадкой. В сентябре 1942 года, когда немцы вышли к Волге, тысячи беженцев валялись на центральной площади города. **К вечеру – не осталось ни одного!** Всех, без исключения, худобедно разобрали узбеки по своим домам, под крышу. Всего Узбекистан приютил полтора миллиона несчастных, «выковыренных» из своих мест беглецов. Герой известного романа Симонова говорит: «Я русский человек ...и если при мне нашего брата заденут, могу и по шее дать! Но как здесь под крышу принимают и как детишек в семьи берут, – этому при всей нашей русской широте не грех поучиться. Это я тебе точно говорю. У меня жена по этому делу работает. Она знает».¹⁴

В 1966 году во время ташкентского землетрясения вся страна помогала отстраивать Ташкент. А теперь беженцев из Узбекистана недружелюбно встречают в России, обзывая их обидными прозвищами. Вспомните войну, одумайтесь.

Конечно, беженцы подняли культуру Средней Азии, была построена современная промышленность, они наполнили интеллигенцией университеты и институты. Беженцы были не нахлебники, как и нынешние беженцы – работающие на строительных работах...

Умирающая советская власть ничего поделать не могла: ни здесь, в Узбекистане, ни в Азербайджане, при резне моих любимых армян. Месхов хотели вернуть в Грузию – Грузия их родина, они старейшины этих мест. Их не допустили в «солнечную Грузию». Вы помните знаменитое грузинское гостеприимство? Мифология, лжа! Хлебосольство? Резали последнего барана, чтобы пустить пыль в глаза, а потом семья голодала. Это правда! А женщин, которых не допускают к пиршественному столу! *(Сию картину я наблюдал в Иерусалиме, в Ромэме, где проживал с десяток еврейских грузинских семей. Я оказал им какую-то значимую услугу, а моя жена лечила их и днём и ночью – они не стеснялись звонить и ночью. Я их понимаю – иврита они ещё не знали, а жена – хороший врач. Нас пригласили к обильному столу. Моя Инна сидела за общим столом, и все пили её здоровье. Я хотел пригласить к столу хозяйских женщин. «У нас не полагается!» Это мне испортило настроение, хотя я всегда уважал благочестивого кутаисского раввина и целовал ему руки. Но это другой разговор).* Империя пыталась расселить месхов в Краснодарском крае, где они также не прижились среди «казачков» и, наконец, правительство США в 2004 году решило принять всех месхетинцев за океаном! Спасибо, нет-нет, не американцам, а великому грузинскому народу! И ещё. Не все месхи – мусульмане. Есть часть, принадлежащая к грузино-католической конгрегации. Они являлись патриотами независимой Грузии и пришли 12 октября 1918 года поддержать грузинскую делегацию в Стамбуле, на предмет получения независимости из рук немцев. Так вот католики: «коренные месхи, народ простой, добрый, верующий, большие патриоты».¹⁵ Слово «месхи» у Авалова писано шрифтом «италик». *(100 лет назад Лев Толстой помог переселиться духоборам в Канаду. В России трудолюбивым сектантам не нашлось места. Духоборы – достойные граждане новой страны. Думаю, и американцы не ошиблись. Месхетинцы – не исповедуют крайний исламизм.)*

Вся книга Авалова написана с единственной целью – поведать, что вся грузинская история сводится к тому, что всегда ставилось «на плохую лошадь». И все это, чуть ли не начиная со времён Помпея, Лукулла и Митридата – Евпатора Понтийского.

Действительно, маленькому народу было сложно рассчитать будущее, но не до такой же степени, чтобы летом 1918 года надеяться на Вильгельма! Авалов не стесняется говорить, что их основной ориентир в I Мировой войне был связан с надеждой на победу Германии. История повторяется, но сейчас в гротескном варианте. Где там помощь США, где помощь Запада? А ведь придёт персидско-турецкий волк и скушает глупую овечку. Ставка на Германию была бита. Никаких точных границ будущим свободной Грузии, свободной Армении и свободному Азербайджану германцы не могли предложить. Рядом стояла Турция и требовала своего «законного пирога». Но главное заключалось в том, что Закавказье, населено десятками враждующих друг с другом племён, которые жили и живут в большинстве попеременно. Например, будущая столица Грузии – Тифлис. Этот город издревле был заселён армянами, которые и делали лицо города. Об этом пишут путешественники на протяжении многих столетий. Так писал француз Жан Шарден (1643–1713). Он был сыном ювелира, то есть не бедным человеком, и вместе с приятелем, художником Грело посетил Закавказье в 1672/1673 г.г. По его словам из 20 тысяч жителей Тифлиса 14 тысяч составляли армяне, т.е. 70% процентов всего населения!¹⁶ Позднее, к 1918 году, в Тифлисе около трети населения были грузины, около трети – армяне, остальное приходилось на русских, азербайджанцев (*татар, по-тогдашнему*), греков, евреев, немцев-колонистов и прочих. Каждому анклаву или деревне статус государства не предоставишь. Впоследствии, когда в 1936 году делили Закавказье, каких проклятий не сыпалось на голову «товарища» Сталина. Видит Бог, я его последний защитник, но как бы ни делили слоёный пирог – всегда останутся обиженные. В данном конкретном случае – все обиженные.

Германия рухнула; правда не сразу, рухнула турецкая угроза. Надо было искать нового хозяина. Тут небольшая вставка. Турция капитулировала 30 октября 1918 года, (*Германия чуть позже – 11 ноября*) но войска Нури-паши, родного брата Энвер-паши, штурмовали Баку.

Лишь благодаря генералу Лазарю Фёдоровичу Бичерахову (осетину по национальности) удалось спасти армян от резни.

Он был участником защиты Дагестана от Юсуф-Иззет-паши, желавшего создать единое мусульманское государство на Северном Кавказе. Если бы это произошло, то грузины и армяне оказались в слоёном пироге трёх исламских стран. Катастрофа была бы неизбежна.¹⁷ Прогерманские представители Грузии уведомили генерала фон Лоссова 15 мая 1918 г.: «При определенных обстоятельствах Грузия обратится к германскому правительству с просьбой инкорпорировать её в германский рейх в качестве либо федерального государства, управляемого германским принцем, либо на условиях, подобных управлению британских доминионов, при контроле со стороны германского вице-короля». Кюльман и император Вильгельм считали, что Грузия должна быть «германской точкой опоры» на Кавказе. 22 мая 1918 г. Грузия провозгласила свою независимость и обратилась к Германии с просьбой об опеке. Кайзер в ответ подчеркнул, что «Грузия должна быть включена в рейх в той или иной форме». Грузины, прибывшие в Германию в конце мая 1918 года, прислушались к странным заявлениям статс-секретаря по иностранным делам Рихарда фон Кюльмана, из которых явствовало, что войну, увы, выиграть нельзя. Взгляд на политическую карту еще наполнял немцев гордостью.¹² июня германские войска вошли в Тбилиси. *(Фон Кюльман вёл переговоры в Брест-Литовске – ему уже там стало всё ясно: Пиррова победа обернётся для Германии катастрофой.)*

В спешном порядке отряжается эмиссар в Норвегию для встречи с послами Франции и Англии, умоляя их помочь грузинам, ожидавшим очередной турецкой резни. Затем грузинская делегация Закавказья «тусовалась» (современное словечко) в кулуарах Версаля. Но проблемы не решались. Западные хозяева, вероятно устами Вудро Вильсона, требовали, чтобы каждое новообразованное государство имело выход в море. Ни с Чехословакией, ни с Венгрией, ни с Австрией этого не получилось, но у них хоть был Дунай. Армения претендовала на Поти, то есть на выход к Черному морю. Это один из пунктов разногласий, приведших к братоубийственной армяно-грузинской войне *(декабрь 1918 – февраль 1919)*.

Да, стоит напомнить грузинам, что, перейдя в подданство России, они в «своем приданом» выхода к морю тоже не имели! Этот выход был отвоеван русскими штыками и русской кровью в многочисленных войнах с Турцией в XVIII-XIX веках. Так «столица» Абхазии Сухум-кале была взята в 1810 году. А Поти в 1828 году и будущая столица Аджарии – Батум-кале в 1878 г.

В годы борьбы с Наполеоном и Англией, Россия вела ещё две «дополнительные» и обременительные войны одновременно с Турцией и Персией и выиграла обе! Именно тогда, когда генерал Котляревский «бич Кавказа губил, ничтожил племена». Кстати и Азербайджан, благодаря войнам России с Персией, приобрел Баку, Ленкорань и прочее. А немцев, в первую очередь, интересовал нефтепровод Баку – Батуми.

Грузины в Версале умоляли, чтобы их кто-то взял под опеку. Не имело значения кто: Англия, Франция или «голубая мечта» (так буквально в тексте Авалова) – США. Но эти страны отказались от сомнительной чести быть протектором Грузии.

Согласилась лишь ...Италия. Но здесь грузины рассудили правильно: «Чем им могла помочь промышленно-слабая страна?» А почему итальянцы ухватились за некий абстрактный кусок? А потому, что считали себя обделенными «добычей» в Версале сильнейшими странами... Будущий промышленный кризис и трамплин к приходу Муссолини...

В кулуарах же Версаля пребывали и армянские представители. В первую очередь, нефтяной магнат Гюльбенкян. Вот что говорит специалист по Турции, немецкий подполковник М. Браун о значении Западной Армении для России: «Что касается значения северо-восточной зоны Турции для России, то тут можно сказать следующее: область мало плодородна, полезных ископаемых мало, заселена редко, покрыта горами, которые большей частью непроходимы. Таким образом, чисто материальная выгода от этой области незначительна. Но совсем другое положение она занимает с точки зрения её стратегического значения. Территорию между Чёрным и Каспийским морем можно охарактеризовать в стратегическом смысле как «теснину». Эта «теснина» ещё усложняется непроходимыми Кавказскими горами. Теперешняя русская граница проходит как раз внутри «теснины».

Чтобы иметь свободу движения и выйти из «теснины», нужно «предмостное укрепление» или «предполье», которое находилось бы по ту сторону, то есть перед «тесниной», по теперешней турецкой территории.

Этим предпольем является та зона, которая доходит, например, до линии Трапезунд – Эриджистан – озеро Урмия. К этому добавляется проблема этнического и исторического порядка.

Эта территория принадлежала ранее Армении. Армянский народ вправе требовать то, чем владели на протяжении веков. Правда, теперь на этой территории проживает лишь незначительное число армян. Чья вина в том, что после 1920 года их систематически уничтожали, угоняли и переселяли или заставляли эмигрировать? Интересно в этой связи заметить, что очень богатый нефтяной магнат, владелец Мосульских нефтяных акций, армянин-патриот Галуст Гюльбенкян (1869–1958) по окончании войны 1914/1918 гг., используя свое колоссальное состояние, делал попытку возродить самостоятельность Армении. Для выполнения этого плана он пытался привлечь на свою сторону Англию и Францию, но те отказались. Англия не желала иметь в качестве соседа нефтеносных районов, помимо Турции и Персии, ещё и третье государство, о котором не знали, как оно будет развиваться дальше. Армянский вопрос будет всегда «яблоком раздора» между Турцией и Россией.

Немного о Гюльбенкяне: уроженец Константинополя, изучал инженерное дело в Королевском Оксфордском колледже Лондонского университета. Опубликовал серьезное исследование по истории разработок и эксплуатации нефтяных ресурсов на Среднем Востоке «*La Trans-caucasie et la Peninsule d'Archeron-Souvenirs Voyage*», заинтересовавшее министра шахт Османской империи, который поручил ему составить справку о нефтяных месторождениях Месопотамии. С этого началась история разработки арабских нефтяных месторождений и головокружительная история его карьеры. Владел 30% акций Турецкого национального банка, что обеспечивало ему 15-процентную долю в «Турецкой нефтяной компании». В 1898 г. был назначен экономическим советником османских посольств в Париже и Лондоне. Принимал участие в создании компании Royal Dutch Shell Group.

После Первой мировой войны ему достались 5% акций Iraq Petroleum Co. Ltd. В 1930/1932 гг. занимал пост председателя «Всеобщего армянского благотворительного Союза». Он приложил руку к укреплению армянского квартала на Святой Земле.

В 1929 году Гюльбенкян построил знаменитую библиотеку армянской патриархии в Иерусалиме и определил постоянную ренту Патриархии, которая, согласно завещанию мецената, выплачивается до сих пор.

А теперь несколько слов в адрес Человека, которого звали Ованес Туманян (1869–1923). Он был армянским патриотом, но не меньше любил и грузинский народ. Его старший сын погиб на полях Мировой войны, а всех своих дочерей он послал на фронт сестрами милосердия. Но когда началась братоубийственная война между армянами и грузинами, Туманян послал письмо своим детям, в котором приказал не принимать участия в «этой грязной войне». О чём-то подобном с грузинской стороны не сообщалось. Этот великий поэт в годы армянской резни 1905/1907 года с белым флагом объезжал азербайджанские и армянские деревни Борчалинского, Газахского и Лорийского уездов, убеждая крестьян проявить человеколюбие. И благодаря его убедительному слову, вере в Общего Бога – эти районы были спасены от резни. Люди, гордитесь этим Человеком!

А сейчас надо быть новым Диогеном с фонарём в руках при дневном свете, чтобы отыскать Человека. Господи, помоги нам!

Сваны. Писать об этом народе не совсем приятно. Скупые строки энциклопедии сообщают, что в древности сваны занимались в основном грабежом, не подчиняясь ни Мингрелии, ни Имеретии, ни Грузии. Выделено жирным шрифтом важнейшее: **«профессиональное» занятие племени – бандитизм и различие трёх областей Закавказья.** Иначе говоря, Грузия – это не Имеретия, и не Мингрелия. Сваны – официально христиане, но с большей примесью язычества, включая поклонения богам лесов, покровителям охоты, дичи и ещё с десятком божков помельче. Но, что меня повергло в ужас, так это семейный быт сванов: **«нередко нарушение целомудрия, кровосмешение и клятвопреступничество, вымогательство и лицемерие».**¹⁸ Набор не самый благородный предоставила мне энциклопедия.

Абхазы. Сошлюсь на словарь Ф. Павленкова 1913 года, где общается, что город Сухум и прилегающие места составляют особый округ площадью 7,5 тысяч кв. вёрст, «с самостоятельным военно-народным управлением». (*Абхазия времён Советской власти имела 8,6 тысяч кв. км., что приблизительно соответствовало кв. вёрстам прошлого.*) Население 113 тысяч жителей, большинство из которых абхазы – 70 тысяч. 113 минус 70 равняется 43-м тысячам, но эти последние не все грузины: есть русские, греки, армяне, евреи и ещё люди Бог весть каких национальностей.

Будущий абхазо-грузинский конфликт Павленков не предвидел. Абхазы должны быть благодарны русским в том числе и за то, что они впервые в XIX веке получили письменность из рук русского генерала и лингвиста Бартоломео. В 1862 году на основе русского алфавита П.К. Усларов создал азбуку. Позже Дмитрий Гулиа улучшил азбуку, но академик Марр в 1928 году перевел алфавит в латиницу. В 1938 т. Сталин абхазский алфавит «грузинизировал», а в 40-е годы грузины закрыли в Абхазии все школы и сотни учителей остались без куска хлеба! Трудно не ждать резкой реакции этого народа на подобные действия властей. При этом процент абхазцев уменьшался, а хитроумная и хорошая для своего времени Советская историческая энциклопедия 1961 года сообщала лишь общую численность населения автономной республики, без демографического расклада. Явный подлог. А теперь – внимание! В статье «Абхазы» той же энциклопедии, общая численность абхазцев по всему Советскому Союзу – 65 тысяч! А мы помним, что в 1913 году их было 70 тысяч только в Абхазии. Это что? Произошел мор абхазского населения? Видимо не мытьём, так катаньем была задача свести к нулю «ненужную» народность?

Об абхазах есть чудные строки Семёна Липкина:

*«Об этом много создано рассказов,
Один из них в душе моей живёт.
На Чёрном море я узнал абхазов,
Частицу человечества, народ.
Когда из камня горя и обиды
В Египте воздвигали пирамиды,
Они в давильнях делали вино,*

*Накапливали тёплое руно,
Стреляли диких коз в Лесах Колхиды
И пели по наитью, без забот:
Так утверждает честный Геродот».*¹⁹

Ради Бога не подумайте, что эссе – антигрузинское. Напротив. Я историк и очень люблю грузинскую интеллигенцию. Напомню, что «интеллигенция» – русское слово. Большое количество грузинской интеллигенции живёт в диаспоре, в основном в Москве и Ленинграде. Генетически она являет собой сплав грузинских, армянских, еврейских и русских кровей.

Вот пример: Ираклий Андроников (1908–1990). Отец – Андроникашвили, мать – Екатерина Яковлевна Гуревич.

Почти наш современник: писатель, сценарист и актёр Борис Борисович Андроникашвили-Пильняк (1934-1996) – сын грузинской актрисы Киры Георгиевны Андроникашвили и писателя Бориса Пильняка, наполовину волжского немца, наполовину еврея, погибшего в сталинском застенке.

Прославленная поэтами и художниками, «муза Серебряного века» Саломея Николаевна Андроникова (1888–1982!), по отцу, князю Андроникашвили – кахетинская княгиня, по матери из старой русской боярской семьи Плещеевых. Мать её приходилась внучатой племянницей известного поэта Алексея Николаевича Плещеева. (*Имя Саломея от еврейского имени Шуламит, в русском варианте Суламиць. Обозначает мир, тишину, покой*).

А вот ещё более красочный пример: великий русский актёр князь Александр Иванович Сумбатов, присоединивший к фамилии псевдоним Южин (1857–1927), по отцу – грузинский князь Сумбатовшвили, а по матери – Недзветской (*похоже на польскую фамилию*), родственницы бабки Лермонтова Арсеньевой. Она находилась в родстве с семейством Пушкиных. Всё это выужено мной из книги Александра Ивановича Сумбатова-Южина «Записи Статьи Письма».²⁰ Правда, есть закавыка: армяне утверждают, что род Сумбатовых – Сумбатян, армянский, а ещё точнее – они потомки царя Давида, о чём чуть ниже. Живут потомки грузин и армян и в Париже. Например – гениальный шансонье Шарль Азнавур. По отцу он наполовину – грузин, наполовину – армянин, мать стопроцентная армянка.

Каждая семья создавала свою генеалогию. Ну, например, Багратионы – они потомки царя Давида. Багратионы поначалу были Багратуди и были армянами.

То есть, их история начинается в древней Иудее во времена легендарные. Можно предположить, что после падения Иерусалима ассирийцы вывезли евреев в район г. Арарат. Среди них был знатный еврей Шамбат Багарат (Шамбат – это Сумбат, от древнееврейского Шаббат – суббота), потомок царя Давида. И действительно – у Багратидов было много царей строителей и поэтов: Давид Строитель (1089–1123), Георгий III (1154–1184), Тамара (1184–1212), Георгий Блистательный (1318–1346), Вахтанг IX Законодатель (1703–1734), Ираклий II (1738–1789).

А вот семья Орбелиани или Орбельяни или Джамбукириан-Орбелиан, потомки... вы сидите на стуле? ...китайцев, (*вариант – маньчжуров!?*), которые появились в Закавказье за 600 лет до рождения Христа!? Род действительно талантливый. Кто они: грузины или армяне – я не могу судить.

Но сейчас о грузинском писателе Сулхан-Саба Орбелиани (1658–1725), авторе дивной книги «О мудрости вымысла». Этот человек создал в XVII веке толковый словарь грузинского языка в 25 тысяч слов! России пришлось дожидаться такого словаря ещё 100 лет. Но я не об этом. И тогда, в XVII – начале XVIII, века грузины, как и всегда, искали покровителя. По поручению картвельского царя Вахтанга VI Орбелиани предпринял тайную миссию в Европу в 1713/1716 г.г. в надежде на помощь Людовика XIV, но христианская Франция вела кровавые войны с другими христианскими странами, и Королю-Солнцу не было дела до Богом забытой Иберии. К тому же король воевал с Австрией (*Священной Римской империей*), которая в свою очередь воевала с Турцией, союзницей Парижа. И на старости лет царь Вахтанг VI и его первый министр Орбелиани переехали в Россию, где писатель скончался в 1725 году. Справедливо заметить, что в это же время армяне искали поддержки на Западе в борьбе с турками и персами. Исраэль Ори (1658–1711) по поручению католика Акопа IV побывал в Венеции, Париже, Дюссельдорфе, в Вене с просьбой о помощи. Исраэль Ори развил бурную деятельность – он даже вступил в армию Людовика XIV. Позже встретился и с папой. Но тщетно! По вышеописанным причинам,

армян, как и грузин, ждал отказ. Израэль Ори переориентировался на Россию. Встретившись в 1701 году с Петром, он добился обещания помощи, и был принят на русскую службу в чине полковника. В 1707 году в составе русского посольства был в Иране, но на обратном пути скончался в Астрахани.

Царских династий в Грузии было пять фамилий: картолосиды, небротиды, аршакиды, сасаниды и багратиды. Лишь картолосиды были грузинского происхождения, небротиды и сасаниды – персидского, аршакиды – армянского, багратиды – еврейского происхождения.

Кстати, известный генеалог Элий Вейнерман считал, что и сасаниды, и аршакиды имели еврейскую кровь. А небротиды – потомки библейского Нимрода, сына Куша и внука Хама, основателя Вавилона и других городов. Как он стал из Нимрода – Небрододом или Небродом, спросите у 70-ти толмачей, переводчиков Еврейской Библии на греческий язык: такой они сделали перевод.

Выдающийся кавказский генерал и политический деятель «Всея Руси», граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1825–1888), родом армянин, говорил А.Ф. Кони о насильственной русификации окраин. Ни к чему хорошему, по его словам, это не может привести. Под знаменем православия не собрать людей. Под штандартом империи: да! Связь частей России с митрополией слаба, особенно в Поволжье и на Кавказе. Сам человек восточный, он говорил: «Мне жаль Кавказа, если он отпадёт».²¹ Жаль Кавказа! Мнится, что ещё большая кровь впереди и это, увы, уже будет зависеть, не от русских или грузин. Ислам – грядёт эта страшная сила, а единства христианского мира как не было, так и нет, и не верится, что будет. Его не существовало ни во времена крестовых походов, ни во времена религиозных войн в Европе. Маленькое Косово поле стало символом высшей несправедливости. И это правда! Уже сдвинут маленький камушек, и все здание стабильности нашего маленького мира может разрушиться вдруг.

Грузинские евреи. Одни из древнейших аборигенов Закавказья. Связывают их появление с гибелью Самарии и уводом десяти колен Израиля. Время – приблизительно X век до новой эры. Другая точка отсчета – падение Первого Храма – 586 год до н.э. Вавилоняне увели в плен жителей Иудеи и расселили их по территории Вавилонского царства.

Армянский царь Тигран Великий (94-56 до н. эры) вывез в города Кавказа колонистов-евреев, живших в поселениях, возникших на караванных дорогах. Это привело к расцвету городов. В V веке персидский царь Шапур уничтожил эти города и увёл большинство городского населения, состоящее из евреев, в Персию.

Более правдоподобная история сообщает о евреях Грузии следующее. **Они – единственные из евреев мира, которые были крепостными.** Нигде в мире это не происходило! Правда, их не заставляли переходить в иную веру. Это была цена крепостничества. Крепостное право пало в Грузии к 1865 году. Но есть и другая сторона, о которой не любят говорить сами грузинские евреи. Дело в том, что мировое еврейство – от Магриба до Бухары всегда превосходило местные народы, среди которых они жили, в культурном и интеллектуальном уровне. Исключение – грузинские евреи. Они были ниже своего окружения. Это относится к дореволюционной Грузии. По переписи 1926 года грамотность среди грузинских евреев составляла порядка 30%! Но зато в СССР сразу же начался их культурный рост. Среди грузинских евреев выросла интеллигенция во всех областях человеческой деятельности: в литературе, искусстве, в науке, в т.ч. и в физике, в медицине и т.д.

Некоторые ученые считают грузинскую группу евреев несколько отличной от других общин мира. Например, у грузинских евреев насчитывается мизерное количество ааронидов – коенов. А это может намекать на многое...

Существует ещё одна мифология: о том, что Грузия не знала антисемитизма. Это не совсем точно. Меньше, чем в других областях Российской империи, но антисемитизм не забыл маленькую диаспору. В XIX веке в Грузии было два громких ритуальных процесса: так называемое Сурамское дело 1852 года и Кутаисское дело 1876 года. В последнем деле блестящую защиту обвиняемых провел Лев Абрамович Куперник (1845–1905).

На самом деле, кровавых наветов было значительно больше. Некоторые историки считают, что антисемитизм был «привозным», из России. И это не так. Просто, в доимперский период, дело кончалось не судом (*праведным или неправедным – это не имеет значения*), а погромами.

Будем честны – грузинским евреям приходилось несладко, но в совершенно ужасном состоянии находились их единоверцы в смежных мусульманских странах Кавказа. Так, немец-путешественник Иван Густав Гербер (*умер в 1731 г., находился на русской службе.*) в 1728 году писал о тотальной эксплуатации евреев, о дополнительных налогах, об употреблении евреев на всевозможные тяжелые, унижительные и «грязные работы».

Им оставляют из имущества лишь столько, сколько хватает на то, чтобы не умереть с голоду...

Также в журнале СПГУ (Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих) в седьмом, июльском номере за 1760 год на десятой странице напечатано: «С западной стороны Каспийского моря находящиеся народы суть следующие: Козаки, Татары, Черкасы, Дагестанцы, Хайтаки, Карахайтаки, Ширвандцы, Лезги, Тавлинцы, Авары и Кахеты, между коими живут и Армяне, Жиды и Аравитяне.»

В том же журнале, в № 10 за октябрь, в том же году на страницах 305-307 появилась интересная информация:

Жиды.

«Жиды также находятся в различных местах сих стран, например между Хайтаками, в Ширване, Рустау и Кубе и пр. Они говорят тем языком, в которой земле живут, а Раввины их разумеют также и по Еврейски. В Шахрии некоторые из сего народа отправляют купечество. Прочие питаются в деревнях пашнею и скотоводством. Они прежде торговали Армянскими и Грузинскими невольниками, но сиё им при Российском владении запрещено. Живущие между Хайтаками должны по повелению Узмея с прочими тамошними народами отправлять и военную службу.

Они платят как Армяне сверх обыкновенной подати Карач, или подушные деньги. Сверх того употребляют их во всякую трудную и черную работу, в которую употребить Музулмана нельзя. Им больше не оставляют, как чем бедно себя пропитать могут. Когда Жид куда-нибудь поедет, и ему Кызыльбаш или иной какой Музулман попадётся навстречу, то он должен свернуть с дороги в сторону, и когда потребуют, то также сойти с лошади; буде же он того не сделает, то вольно Музулману его бить до тех пор, что едва жив останется, и Жид не смеет о том жаловаться.

Они сами объявляют, что по большей части произошли из колена Иудова, а некоторые из Вениаминова, напротив того многие не знают, к которому колену принадлежат. Раввины их также ничего больше не знают, как токмо то, что предки их Музулом Пади-шахом, или Царём Музулским, то есть Ниневишским, увезены в полон из Иерусалима, и разсланы по Мидии и по здешним странам.

Они прежде были многолюднее, но для многих нападков чинённых от тамошних жителей, завсегда умалались, и не могут паки размножаться. Впрочем управляют ими в деревнях собственные их Старшины».

Любопытно, что в восточных вилайетах Турции – Мосуле и Ване (до Первой Мировой войны) жили «исконные» евреи этих земель, ведущие свой род от прямых потомков Ассирийских пленных. Их по преданию вывел из Иерусалима армянский царь Тигран III.

От своих соседей армян они почти ничем не отличаются во внешнем облике, за исключением наличия длинных локонов над висками. (*Рудимент пейсов?*). Из пяти тысяч евреев Ванского вилайета только 360 сохранили иудаизм – остальные приняли армянский монотеизм!²³

Что стало с ними во время армянской резни 1915 года?

Георгиевский трактат 1783 года: «Дружественный договор» России с Восточной Грузией – Картли-Кахетинским царством заключен в Георгиевске – Северный Кавказ 24 июля (4 августа), состоял из тринадцати основных статей и четырёх «сепаратных» статей. Ираклий II признавал покровительство России (ст.1), отказывался от самостоятельной внешней политики (ст.4) и обязался служить своими войсками Екатерине. Екатерина в свою очередь обязалась сохранить в целостности владения Ираклия и предоставить полную внутреннюю автономию (ст. 6). Статьи 8, 9, 10, 11 уравнивали в правах с русскими привилегированные сословия – дворянство, духовенство, купечество. Четыре сепаратных статьи обязали Россию защищать Грузию во время войны и постараться вернуть владения, отторгнутые у ней Турцией.

Но уже в 1802 году было введено русское правление. **В 1811 году была упразднена автокефальная грузинская церковь и отменено звание католикоса.**

Надо отметить, что грузинская церковь подчинилась чиновникам из Святого Синода. Оскорбление. Безусловно! А ведь грузинская церковь старше славянской!

Даже по отношению к русской, которая возникла на 600 лет позже. С IV века она подчинялась Антиохийскому патриарху, но уже в VI веке была признана автокефальной. Во главе грузинской церкви стоял католикос всей Иверии.²⁴

Грузинский язык довольно рано стал общим языком всех упомянутых племен: это был язык администрации, церкви и письменности. Им пользовались и абхазцы и осетины. Но азбуку для грузинского языка создал великий армянский просветитель Месроп Маштоц (361–440) Точнее, он создал алфавит для картвельских языков: грузинского, мингрельского или мегрельского, сванского и других, взяв за основу арамейский (*семитский*). Но первая типография начала действовать в Тифлисе в 1712 году, и подозреваю, что она принадлежала армянам.

Увы, вообще первая грузинская типография была основана в Москве в 1705 году! Вот что такое Россия для грузин... *(Армяне создали ещё в начале книгопечатанья прекрасные типографии в Венеции. Акоп Мегапарт (Грешник) в 1512 году был первый среди избранных. Считается, что Акоп Мегапарт – первый книгопечатник Азии и бывшего СССР. Надо отдать должное, что кроме богословских книг, он издавал светскую литературу, также надолго опередив Восток и Россию. Всё – правда! Кроме, конечно, евреев, которые за десятилетия до Гуттенберга освоили книгопечатанье. К 1475 году относятся 10 еврейских инкунабул. Несчастных евреев просто не принимали в расчёт...)* Но племенное деление сохранилось и в языке. Великий грузинский писатель Григол Робакидзе (1884–1962) написал пьесу на хевсурском диалекте грузинского языка... *(На представлении в Москве присутствовал Сталин! **Робакидзе, несмотря на «неудачную» биографию – Гений.***)

Площадь Грузии в составе СССР составляла – 69,7 тысяч кв.км. Из них Абхазия – 8,6 тысяч кв. км.; Аджария 3,0 тысячи кв. км.; Южная Осетия – 3,9 тысяч кв.км. В свое время, в 1960 году перепись показывала, что на территории Грузии проживало 4 миллиона 66 тысяч человек, из коих грузин – 2 мил. 601 тысяча; армян – 443 ты-

сячи, русских – 408 тысяч, азербайджанцев – 154 тысячи. Сведения о количестве абхазцев, аджарцев или осетин я не обнаружил.

Осетины вошли в состав России в 1774 году и были ей верны в годы Великой Отечественной войны. 110 тысяч осетин служили в армии. Среди них 34 Героя Советского Союза – самый большой процент среди населения СССР, правда, по утверждению осетин.

(По утверждению евреев – они на первом месте – тоже национализм.) У осетин было также 34 генерала. Они славились своей храбростью. Особенно прославился конник: Исса Александрович Плиев (1903-1979), генерал армии.

Люблю малые народы. Волею случая я учился в Герценовском педагогическом институте. В 30-е годы здесь был создан институт Народов Севера. Это была великая идея – дать малым народам Сибири и Севера Европы – письменность, подготовить кадры интеллигенции. Можно сказать, что, несмотря на все минусы советской власти, проект удался, и теперь Север имеет своих учителей, писателей, музыкантов, а ныне и политиков.

Я был знаком с некоторыми северянами, ставшими впоследствии знаменитостями. Например, с чукотским писателем Рытхэу. Дело в том, что я был капитаном шахматной команды института, писал в «многотиражку» о подвигах шахматистов. Меня знали все – ибо по воскресеньям, когда состоялись игры – рано утром я являлся в общежитие и собирал «ленивые кадры». Северяне были талантливы и хорошо играли в шахматы. Помню якута – Николаева, может быть, он и стал президентом республики Саха? Или это его однофамилец. Проиграв партию, он подходил ко мне и говорил: «Опять севнул», т.е. зевнул что-то. И вот пребывая в гуще северян, я постиг страшную науку ассимиляции.

Среди них было множество неведомых племен. Один назвался – «эвенон». Я переспросил: «Эвенк?» – «Нет, эвен». И рассказал, что эвенов всего несколько сот человек и их поглотили эвенки, которых в свою очередь поглощают агрессивные турки-якуты...

Тогда же, в благословенные годы оттепели я ознакомился и с абхазской проблемой. Надо же быть такому чуду, что «либеральная» ЖЗЛ того времени издала наряду с «Чаадаевым» Лебедева, «Луниным» Эйдельмана, «Салтыковым-Щедриным» Туркова –

книгу Георгия Гулиа о своем отце, великом педагоге, писателе, Человеке с большой буквы «Дмитрий Гулиа».

В книге было написано, что в 1936 году Дмитрий Гулиа посетил Ленинград, в том числе и Петропавловскую крепость, превращённую в музей. И вот в 1962 году читаю такой арифметический расклад: приблизительно за 200 лет в крепости отсидело две тысячи 116 человек. И добавил: «Это примерно по десять человек в год». В какую сторону был произведён выстрел, можно догадываться.

Об абхазском национализме читал следующее: «Не путайте сплочение народа вокруг собственных задач с национализмом. Нет, мне не понятен «национализм» стотысячного народа, едва обретшего самосознание».

Браво, Дмитрий Иосифович Гулиа! Ему в конце войны предложили перевести Гимн Советского Союза на абхазский язык и пригласили для утверждения в Москву. По пути он видел выселение чеченцев и ингушей. Писатель был потрясён. Потом уже переселяли калмыков, балкарцев, крымских татар. «Ни один афинский гражданин из-за меня не надел чёрного плаща». «Перикл на смертном одре» – эту цитату из Плутарха Дмитрий Иосифович, наверно, иронически повторил в марте 1953 года.

В 1946 году закрылись абхазские школы. Сотни педагогов остались без работы. Горячие головы, писавшие в Москву – исчезли. Объяснили – они умерли от разрыва сердца. Книгу по истории Абхазии Гулиа – ругали и объясняли, что ассимиляция для малых наций – сущий рай. Фазиль Искандер на 80-летие Гулиа написал:

*«Ты от подножия эпохи до вершины
прошел с народом, И твои морщины –
географическая карта края,
где петь умеют, даже умирая».*

Совсем недавно, на той неделе, ругали Фазиль Искандера за то, что он поддержал свой народ, попрекнув его, что создателю «Созвездия Козлотура» это де не пристало. А по поводу закрытия абхазских школ кто-то из грузинской интеллигенции извинился? К сожалению, об этом нигде информации я не видел.

«Я знаю: мы маленький народ.

Но разве народ измеряется только численно, а не духовными качествами? Статистика здесь может сильно подвести.

Норвежцы – маленький народ?

Народ Нансена и Амундсена, Ибсена и Хейердала – маленький народ? Я не желаю и слышать о цифрах – к определению духовных ценностей они не имеют никакого отношения».

Искандер гордился тем, что, несмотря на то, что абхазскую литературу «основательно потрясли» в 1947 году – она осталась и, как он считал, процветает. Пусть будет так! Как бы то ни было, но абхазцы многократно просили советскую власть «перевести» их в РСФСР. Об этом есть достаточно источников.²⁵

Но был один великий грузинский поэт, Галактион Табидзе, который написал об Абхазии:

*«От Европы до Азии
Море – из малахита.
Блещут горы Абхазии
И отроги Колхиды.
Побережье усеяно
Чередой белых точек.
Всюду игры затеяны,
Всюду юность хохочет.
.....
Вот она – моря Чёрного
Необъятная чаша.
И блестит Калифорнией
В ней Абхазия наша!»...²⁶*

Табидзе пишет переводчику «Витязя в тигровой шкуре» Руставели – Дмитрию Гулиа приветственные стихи:

*«Руставели добра венец,
Круговая любви порука
И Абхазия, где певец
Обретает навеки друга.
Этой встречу воплощён
Дух высокого ратоборства,
Душ взаимность и связь времён,
Подвиг воли и чудотворства».²⁷*

Михаил Юрьевич Лермонтов был участником Кавказской войны. Иногда так современно звучат его строки:

*«Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов...» (Валерик)*

Отряд попал в засаду:

*«Вон кинжалы
В приклады! – И пошла резня
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачернуть...
.....
Но мутная волна...»
Была тепла, была красна».*

Поэт-гуманист думает:

*«Жалкий человек,
Чего он хочет!... Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?»*

Увы, в XXI веке места «для всех человеков – мало»...

Выживем ли мы?

Грузии надо решать, как и многим государствам – с кем следует жить в союзе: с христианской Россией или ждать, когда её накроет мусульманская лавина – будь то шиизм или суннизм. Напомню, что Наполеон говорил полякам, что, сколько бы он ни делал для них – всё мало, поскольку русские находятся слишком близко...

И Грузии, стране, живущей на семи ветрах, по соседству с могометанами – выбора нет. Полагаю, что им придётся вновь подписать Георгиевский трактат. Запад не поможет, как не помог Польше в 1939 году...

В XIX веке великий грузинский поэт Николоз Бараташвили написал поэму «Судьба Грузии» («Беди Картлиза», 1839 г.), воскресающую трагический момент истории – вторжение полчищ персидского шаха Ага-Магомет хана в Тифлис в 1795 году. Поэт одобряет мудрое решение Ираклия II о присоединении Грузии к России. Это историческая закономерность.

*«Надо дать грузинам отдышаться.
Только у России под крылом
Можно будет с персами сквитаться.
Лишь под покровительством у ней
Кончатся гоненья и обиды
И за упокой родных теней
Будут совершаться панихиды».* (Перевод Б.Пастернака)

В стихотворении «Могила царя Ираклия» (1842 г.), в переводе Б.Пастернака, он вновь оправдывает мудрость правителя, спасшего страну от будущих вторжений и насилий мусульман.

*«Перед твоей могильною плитой,
Седой герой, склоняю я колени.
О, если б мог ты нынешней порой
Взглянуть на Грузию, свое творенье!
Как оправдалось то, что ты предрёк
Пред смертью стране осиротелой!
Плоды тех мыслей созревают в срок.
Твои заветы превратились в дело.
Изгнанников теперешний возврат
Оказывает родине услугу.
Они назад с познаниями спешат,
Льды севера расплавив сердцем юга.
Под нашим небом эти семена
Дают тысячекратный плод с десятка.
Где меч царил в былые времена,
Видна рука гражданского порядка.
Каспийское и Черное моря
Уже нам не угроза. Наши братья,
Былых врагов между собой миря,
Из-за границы к нам плывут в объятья.
Покойся сном, прославленный герой!*

*Твои предвиденья сбылись сторицей,
Мир тени царственной твоей святой,
Твоей из слез воздвигнутой гробницы».*

Конечно, «Маленькому Каху» – царю Ираклию II (1716–1798) решение далось нелегко. Он советуется со своим другом и министром Соломоном. Положение Грузии становится все хуже и хуже:

*«Для лезгин настал желанный миг,
Только этого и ждут османы.
Грузию средь княжеских интриг
Раздерут на части Басурманы...
.....*

*Сам скажи: кому из сыновей
Мне в такие дни престол оставить?
Дальше будет только тяжелей.
Ну, так кто страну будет править?
Где же выход? Подскажи исход!
Вот решенья самые простые:
Русские прославленный народ,
И великодушен царь России.
С ним давно уже у нас союз.
С ним меня сближает православье.
Кажется, я передать решусь
Власть над Грузией его державе».*

Под «великодушным царём» России, естественно подразумевается Павел I. Главный советник был в шоке и свои сомнения сразу же высказал. Известный резон в его словах был – слишком разные народы – русские и грузины, как теперь говорят, «разный менталитет»:

*«Соломон...был всем ошеломлён
И ещё ушам своим не верил.
Но затем воскликнул: «Господин!
Дай тебе Создатель долголетия,
Берегись, чтоб только до грузин
Не дошли предположенья эти.
Что потрясло такого до сих пор,
Чтобы отказаться от свободы?
Кто тебе сказал, что русский двор*

*Счастье даст грузинскому народу?
Что единство веры, если нрав
Так различен в навыках обоих?
Русским в подчинении попов,
Как мы будем жить в таких устоях?»*

Царь Ираклий уверен, что его царству не удержаться под напором ислама, что, к сожалению, настанет час, когда Соломон будет вынужден согласиться с фактом:

*«Я предсказываю дни лихие
Сам повторишь ты когда-нибудь:
«Будущее Грузии в России»».²⁸*

Ту же самую мысль Бараташвили повторил его родственник и поэт Вахтанг Орбелиани (1812–1890). Он был внуком Ираклия II, ибо его мать Тэкле была дочерью царя. Он был одним из главных заговорщиков 1832 года, шёл «по первому разряду», был приговорён к смертной казни, заменённой высылкой в Калугу. Через четыре года был амнистирован и вернулся в Грузию. Такой судьбы декабристы «первого разряда» не удостоивались. Дослужился до чина генерал-майора. Позже занимал важные должности: управляющий Кубанской области, начальник Терского края. Как поэт сложился под влиянием русской и западноевропейской литературы: от Пушкина до Шекспира, Гёте, Шиллера, Гюго. Находился в большой дружбе с философом Соломоном Додашвили (1805-1836), единственным из заговорщиков, умершем в Иркутске. Но и это понятно – он был республиканцем.

У Вахтанга Орбелиани в маленькой поэме, написанной в 1884 году, «Ираклий и его время», умирающий царь указывает на Север:

*«..... У этой страны
Вы, нуждаясь в защите,
Помощь, братья, ищите,
С тем народом вы слиться должны»
Цель достигнута:
«Свет Христов и доселе
Сохранить мы над нами смогли.
Спас он нас...»²⁹*

Конечно, грузины обладают слишком сильной восточной ментальностью. Дело даже не в Кобе. Приведу один исторический анекдот. Во время войны с Турцией в 1770 году генерал Тотлебен (*видимо, дальний предок героя Севастополя и Плевны*) должен был действовать совместно с войсками имеретинского царя Соломона I.

Во время сражения грузины стояли в стороне и никак не помогали союзникам, занимаясь обычным грабежом. Царь Соломон I (*О, хитроумный носитель славного имени!*) сообщил Тотлебену, чтобы он не позволял своим солдатам есть турецкий хлеб, так как де он отравлен. Русские ели конину, а этот самый хлеб грузины спокойно присвоили себе и втридорога продавали русским солдатам. Кстати, всё это, а также и «другие художества братьев по вере и по оружию» были отписаны в рапорте императрице.³⁰

Беспристрастный русский историк С. Масловский в Российском Биографическом Словаре объявляет графа Готтлиба-Курт-Генриха Тотлебена первым вором и авантюристом.

(Одно время сей Тотлебен был прославлен, как первый русский генерал, занявший Берлин в Семилетнюю войну. Затем был арестован и не то сослан в Сибирь, не то выслан за границу. Как бы ни было, его привлекли к войне с Турцией. За храбрость он был прощён императрицей. Когда читаю биографию Тотлебена, удивляюсь его сходству с бароном Мюнхаузеном.)

Ставка грузин на русских в войне 1768 года не оправдалась. Мир, заключенный между Россией и Турцией в 1774 году, вновь развеял надежды кавказцев на дипломатическую, военную и финансовую помощь со стороны России. Ираклий переориентировался на Турцию, но это никак не удовлетворяло надежды на спокойное развитие Грузии.

Да и ведь Турция была средневековой страной. Ираклий пытался сблизиться с западноевропейскими странами и обращался за помощью к Австрии и Франции, Неаполитанскому королевству и к Венецианской республике.

Вероятно, он просил помощи и у Пруссии Фридриха Великого, коему принадлежит афоризм: «Я непобедим на Западе, а Ираклий на Востоке».

Помощи Германии пришлось ждать полтора столетия...

И Ираклию ничего иного не оставалось, как снова обратиться к России за покровительством. Тем более, что это отвечало и интересам России, носившейся с большими Восточными «проектами»: Константинопольским и одновременно походом на Персию и Индию!!? Аппетиты, скажем, прямо...

Естественно, христианская Иберия была удобным перевалочным пунктом. В конечном итоге, Грузия не объединялась с единовременной страной, а неожиданно попала в полную зависимость от Северного Колосса.

Но для Грузии это оказалось счастьем:

*«И Божья благодать сошла
На Грузию! – она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов
За гранью дружеских штыков».*

И это написал Михаил Лермонтов в поэме «Мцыри», человек, знавший цену царской ласки. Но и Восток хорошо знал великий поэт. Выбор однозначен...

У В.Соловьева в «Трёх разговорах» есть рассказ генерала об армянских сёлах, начисто вырезанных курдами. Описанная картина жуткая и страшная.

А ведь впереди был XX век с армянской резнёй и газовыми камерами Освенцима. Перечитывать это место тяжело. От ужаса виденного на генерала нашло оцепенение, тоска смертельная, на мир Божий было смотреть тошно.

Но произошло чудо. На помощь несчастным приходят русские казачки. Кто эти русские казачки? Отнюдь не ангелы, как говорит генерал, но они выполняли волю Божию, и были в действительности силою Божией, отомстив за гибель своих братьев-христиан. Аще верую!

P.S. Напоследок – что касается главного – «Сумбаташвили-Южин»: налицо опять же еврейские корни. «Сумбат» происходит от древнееврейского «Шабат». Кстати, в одиннадцатом веке представитель грузинского царского дома Багратионов, Сумбат Давитис-дзе (т.е. Давидович) пишет историю своего рода, где доказывает его Божественное происхождение от Давида и Соломона.

К этому веку армянская ветвь уже перестала царствовать, а грузинская сохраняла трон до присоединения к России в 1801-м году.

Армяне с давних времен составляли преобладающее население Тифлиса. Такая же картина отмечалась с наступлением XIX века – в 1800 году они занимали первое место по численности, до 20 тысяч душ или почти 3/4 всего населения.³¹

По данным официальной переписи 1864 года в Тбилиси числилось 47,4% армян, 24,76% грузин, 20,47% русских. Через 12 лет соотношение указанных национальностей было: 40,7% армян, 23,6% грузин, 21,24% русских.

Характерно отметить, что соотношение числа населения столицы по национальности в следующие годы вновь начинает изменяться в пользу армян...³²

ДРЕВО ЖИВОПИСИ

Возвращаясь с работы, задерганный и усталый, я устраиваюсь поудобней в кресле и начинаю вновь и вновь вглядываться в знакомые полотна мастера – Александра Копеловича. Тепло и покой излучают эти холсты. Душевное равновесие возвращается ко мне... Я начинаю чувствовать, что это такое: целительная сила искусства.

* * *

Зелёный был человеком добрейшей души, но если дело касалось его признания, то он становился рыцарем. В самом начале своей жизни в Израиле художник побывал в Цфате, городе каббалистов, мистиков и художников. Посмотреть на полотна нового репатрианта пришли собратья по цеху. Одна из них, художница, сказала: «Вы пишете очень красиво. Но дорога у Вас трудная». Это правда. Дорога трудная и, к сожалению, она окончилась в феврале 2002 года. Бориса Зелёного похоронили в сладчайшую и горькую землю Израиля, которую он так любил...

* * *

Но Семен Борисович Розенштейн не только певец прошлого. Он обожает Иерусалимский пейзаж, как городской, так и открытый. И, конечно, цветы. Буйство красок, палитра щедра и импрессионистична: щедра, как неумолимое солнце Палестины, а импрессия – следствие долгих лет учебы и раздумий о судьбах искусства.

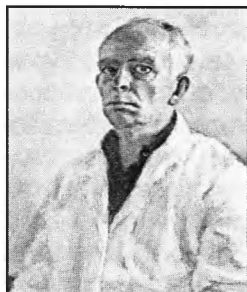
* * *

Леонтина Смушкович явилась из совсем иного мира с другими духовными ценностями, но её творчество вошло в современное искусство естественно и заняло свою нишу. Воспитанница русской классической школы, китайского и великого европейского искусства – это тот сплав, из которого возникла ее новая живопись.

ДВЕ РОДИНЫ

АЛЕКСАНДР КОПЕЛОВИЧ

Прошло почти 15 лет с того трагического дня, когда ушёл из жизни Человек и Художник. Ушел накануне осуществления своей мечты – устроить персональную выставку своих картин на родине, в Москве и Петербурге. Выставка состоялась, но Мастера на ней не было... Ему, подобно Моисею, не удалось увидеть Обетованную землю. Его Обетованной землей была Россия. Картины были уже направлены в Москву, вышел каталог и постер с именем художника. За два дня до отъезда его не стало. Накануне осуществления мечты всей жизни.

*Поберегло его в годы изгнания
Русских людей Провиденье игривое,*

.....
*Все, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердце, ему улыбалось,
Тут ему Бог позавидовал:
Жизнь оборвалась.*

Александр Давидович Копелович родился 3 мая 1915 года в Петрограде, в семье известного русского врача М.А.Хавина. Александра Давидовича то ли всерьез, то ли в шутку – год рождения не устраивал. Почему? Ответ крылся в том, что родился он в 14 году – он бы с гордостью писал, что родился в Санкт-Петербурге, а так в «пресном Петрограде». Деталь несущественная, но характерная для его имперского мироощущения.

В начале мировой войны его отец служил начальником русского военного госпиталя в Варшаве. После взятия Варшавы немцами доктор Хавин был послан на эпидемию холеры в Туркестан, где умер в конце 1916 г., как выражались тогда, «смертью врача-героя», заразившись от пациентов. В доме Копеловича бережно хранится старая фотография: доктор в форме русского офицера в окружении медицинского персонала Варшавского военного госпиталя.

Мать Александра Давидовича – Полина (Паулина) Осиповна, урожденная Либо, овдовев, вышла замуж за Давида Наумовича Копеловича, который усыновил маленького Сашу и дал ему свою фамилию и отчество. Гражданскую войну семья провела в Москве. В 1925 году им удалось эмигрировать в Латвию. Давид Наумович был одним из издателей русской прессы в Риге. Кроме того, он являлся совладельцем крупного кирпичного завода. В 1939 году, накануне Второй мировой войны, семья Копеловичей благополучно выскользнула из рук и немцев, и русских, переселившись в подмандатную тогда Палестину. С тех пор и до конца своей жизни Александр Давидович Копелович жил в Иерусалиме.

Как проявляется художественный талант ребенка? Несомненно, на развитие художественного вкуса Александра Давидовича оказал влияние отчим, собиратель картин русских художников. В годы Гражданской войны и Нэпа в России, а впоследствии – в Риге, Давид Копелович составил прекрасную коллекцию, которую не без приключений сумел вывезти в Палестину. Груз с картинами в начале Второй Мировой войны застрял в Триесте, но, о чудо, уцелел, несмотря на бомбардировки и реквизиции военного времени. Семейное предание гласит, что родной брат Давида Наумовича – Виктор Наумович (Бен-Нахум – и доньне здравствующий в Тель-Авиве в возрасте 92 лет), будучи британским офицером, проник в мае 1945 года на «студебеккере» в Триест, занятый югославскими партизанами, и в одном из пакгаузов нашел опломбированный груз из Риги. Дяде удалось перевести контейнеры в Неаполь, а оттуда их морем отправили в Палестину. Ценность груза была немалая – в нем наряду с картинами русских мастеров были картины западноевропейских художников, старинная мебель и антикварный фарфор. Виктор Наумович, рассказывая мне эту эпопею, не мог скрыть своего волнения (это почти 50 лет спустя!), детективная сторона всего предприятия вполне подошла бы для сюжета приключенческого фильма.

«Бог и царь» в доме Копеловича назывался Сергей Арсеньевич Виноградов (1869-1938), именуемый Учителем. Именно ему Александр Давидович обязан развитием своего художественного дарования. Несколько великолепных работ **академика живописи** Виноградова украшают дом ученика, среди них большое полотно

«Лед на Двине» (1927). Александр Давидович Копелович был любимым и лучшим учеником мастера. Советский художественный критик Наталья Ивановна Станкевич в монографии «Виноградов»¹ неоднократно цитирует письма А.Д. Копеловича. Естественно, Н.Станкевич не упоминает место жительства адресата. Бережно хранились в семейном архиве письма Виноградова к матери Александра Давидовича, где предсказана блестящая будущность её сына. Хранилось и письмо из Парижа Зинаиды Серебряковой родителям юноши, с несомненной уверенностью в его даровании.

Как-то во время переписи населения к И.Г. Эренбургу пришла счетчица и стала заполнять опросный лист. На вопрос: «Образование» Эренбург ответил:

– Незаконченное среднее.

– Вы надо мной смеетесь, – обиделась девушка. – Я читала ваши книги.

Но это было сущей правдой: будущего писателя в юности исключили из гимназии. Нечто подобное мог сказать о своём образовании и Копелович, но вряд ли кто мог усомниться в его громадной эрудиции. Достаточно напомнить, что он владел свободно пятью европейскими языками: французским, английским, немецким и, конечно же, русским и латышским, приплюсуйте сюда еще два азиатских – иврит и арабский. И уже на склоне лет, имея длительные деловые отношения с Югославией, освоил и сербохорватский. Я был свидетелем того, как он бойко изъяснялся с представителем Белградской фирмы. Благодаря богу-случаю (мы к этому вернемся) Копелович стал незаурядным химиком, владельцем крупнейшей фабрики красок на Ближнем Востоке, автором многих запатентованных изобретений в производстве промышленных красок (кстати, сбывая их в такую «химическую» страну, как Германия). Александр Давидович в прямом смысле слова овладел «тайной» краски, я думаю, что это и помогло ему преодолеть вечную, по моему мнению, «ахиллесову пята» русской живописи (так мне кажется) – недостаток колорита.

В жизни художника изготовление красок сослужило ещё одну и очень существенную службу – освободило от денежных затруднений, от изнуряющей борьбы за кусок хлеба.

Великий Генрих Шлиман полжизни потратил на приобретение «миллиона», а вторую половину – на археологическое изучение развалин Трои.

Копелович строил дни по графику: с 6 утра до 11-ти он, по его собственному ироническому замечанию, «акула капитализма», но с одиннадцати – время принадлежит живописи. В дождь и в снег, который изредка бывал в Иерусалиме, а чаще – в знойный хамсин, художник устраивался в своей мастерской напротив Дамаских ворот и писал. Благодаря бизнесу по изготовлению красок, которым художник занимался в утренние часы, он был независим от продажи картин, от влияния критики и моды, то есть Копелович действительно был свободным художником в прямом смысле этого слова!

Мастер определял свое место в живописи так: «Я принадлежу к школе русского импрессионизма».

С середины 20-х годов рижская студия Н.П. Богдановича-Бельского перешла в ведение С.А. Виноградова, перенёсшего на латышскую землю почти пятнадцатилетний опыт преподавания в Строгановском училище. Студию Виноградова посещало около двадцати подростков из русских, еврейских и немецких семей. Латышей почти не было. Большинство работало днём, а некоторые учились в школе. Сергей Арсеньевич не любил пропусков занятий, требовал серьезного отношения к делу, считая, что искусством нельзя заниматься в полсилы.

Там учился Копелович. Критики разных направлений высоко отзывались о преподавательской системе Виноградова. Она базировалась на качественном рисунке. Особенное значение Виноградов придавал ученическим выставкам. Первая студийная выставка состоялась в мае 1930 года. Современные газеты писали: «Хороша, влиятельна и поучительна школа Виноградова». Здесь впервые были выставлены работы молодого Шуры Копеловича. На склоне лет Александр Давидович писал: «Сергей Арсеньевич не только учил меня, как и чем писать и рисовать, то есть технике, «кухне» живописи, но воспитал меня как художника и человека всесторонне. Он придавал этому гораздо большее значение, чем тому, что ... снисходительно называл «ремеслом».

Он считал, что настоящий художник должен быть эстетом, знать и любить все прекрасное, должен быть чистым, честным, искренним. Сергей Арсеньевич ненавидел всякое позерство и кривлянье и требовал от своих учеников внутренней, художественной правды».²

Получив основательную подготовку у Виноградова, Александр Давидович в 1935 году едет в Париж, где продолжает работать под руководством Оттона Фриеза, выставляется в Весеннем салоне и получает первое признание как художник – продает картину в столице Художественного Мира. Одновременно он проходит курс по изготовлению красок при Академии художеств.

О годах обучения в Париже Копелович рассказывал в захлѐб. Особенно интересно было слушать его рассказ о традиционном бале «Четыре искусства» (живопись, скульптура, архитектура, музыка). Обычно избиралась одна тема (скажем, египетская). Тогда по кругу громадного зала располагались ложи архитекторов, скульпторов, художников, изображавшие нечто в египетском стиле. Все студенты были в маскарадных костюмах, а женщины полуодеты или полураздеты. Выпивалось невероятное количество шампанского. Копелович рассказывал, что участвовал в представлении на библейский сюжет «Пленение иудеев в Вавилоне». Когда я поинтересовался – на чью музыку, он, усмехаясь, ответил: «Конечно, Верди». Спустя несколько лет после смерти Копеловича, я познакомился с воспоминаниями художника Константина Клуге и с удивлением прочитал аналогичные страницы о бале искусств.³ Жаль, что художники так и не встречались.

На каникулы Александр Давидович ездил в Палестину. А в 1936/1937 годах изъездил её вдоль и поперек. Причѐм время было, несколько напоминавшее знакомую нам «интифаду».

«Он в священной Палестине, пишет свои пейзажи и портреты, опять в шуме человеческой злобы, под выстрелами прямо из-за углов, рискуя жизнью, пишет и евреев и арабов в их селеньях. Но воинственная душа араба чувствует, как дитя природы, что художник не просто молодой человек, а он Божий избранник, и с восточным благоговением ко всему божественному, она охраняет его, бережѐт, как мать...», – несколько выпренно писал профессор Василий Синайский.

Забегая вперед, скажу, что верность натуре Копелович сохранил навсегда. Как художник, воспитанный на традициях русской школы, он во главу угла ставил **ЧТО**, а не **КАК**.

Во всяком случае, именно так говорил о своих принципах сам мастер. Но, по моей оценке, его определение неточно. Просто для Копеловича, свободно владеющего **ремеслом**, уже не существует проблемы «как», для него профессиональное мастерство – основа, он свободно владеет натурой, досконально изучил анатомию и перспективу, и бессодержательная, абстрактная живопись выводила его из равновесия.

Вспоминается комический эпизод. Рассматривая рисунок одного израильского художника под названием «Акт», Копелович иронически заметил: «Акт не может состояться по причине анатомических ошибок в рисунке. Пупик не на месте...»

Александр Давидович не писал теоретических трактатов, но если к нему обращались за тем или иным отзывом, он отвечал лапидарно, точно, и, нередко, со скрытым ехидством, правда, никогда не переходящим границ старомодной «светскости». К сожалению, в Иерусалиме тогда почти не было мастеров кисти «старого закала», и свое одиночество художник ощущал постоянно.

...Два года неустанного труда в Палестине принесли свои плоды. Работы и этюды были привезены из Палестины в Ригу, где состоялась персональная выставка художника. В интервью, данном газете «Сегодня вечером», художник говорил о трудности работы в Палестине, о боязни арабов приходить в его мастерскую, о немилосердной жаре, когда масляные краски текут, как акварельные. «Конечно, меня очень привлекают колоритные и сочные хасидские, сефардские и вообще набожные евреи, которых хотелось передать на полотне, но они наотрез отказывались мне позировать, так как рисование запрещено будто бы в Талмуде».⁴ И далее он говорил: «Истинное художественное произведение должно как можно полнее отражать душу художника, и если художнику это удастся, то в его вещах никогда не будет пустых и скучных мест. И само его произведение уподобится старинной мозаике, составленной из драгоценных камней. А Палестина обязывает художника к такому подходу...»

К персональной выставке был издан альбом «Еврейские портреты и пейзажи». Предисловие написал профессор В. Синайский. Там есть такие слова: «Художник идёт своей дорогой. Он пишет её не ту, к коей мы мысленно привыкли (*исторические места...*). Палестина для него, прежде всего, сама природа, её душа, её камни, её белые без крыш домики, её зелень деревьев с разнообразными кронами. Она – Палестина, как и тысячи лет тому назад, осталась той же извечно-мистической колыбелью великих дум и чудных песен, столь неподражаемо вдохновенно отображенных в Великой Книге человечества – в Священной Библии». И далее: «Он искал характерного в своих оригиналах и передал, бесспорно, большое разнообразие еврейских типов, родиной предков коих была Палестина. Чувствуется почти во всех лицах необыкновенная подвижность ума, воли и сердца. Эти рисунки передают души людей, связанных духовно крепкими историческими узами с Палестиной. Глядя на некоторых из них, можно легко оживить в себе образ ветхозаветных пророков. Следует внимательно перелистать альбомы, неспешно, чтобы почувствовать и здесь порывистую светлую душу самого художника, дисциплинированную, однако, современной культурой, как ею же культивированы сами типы, изображенные им на рисунках». Вероятно, готовилось к печати второе издание альбома, исправленное и дополненное, но из-за событий в Европе оно не было осуществлено. А жаль, ибо предисловие к нему написал великий еврейский историк Семен Маркович Дубнов. Осталось несколько предложений в анонсе: «...Будучи писателем и ученым, я хочу указать на необходимость этого альбома с общественной и педагогической точек зрения. ... Сын нового поколения сможет исполнить старый завет: "Да увидят Твои глаза Твоих Учителей"».

По-видимому, выставку Копеловича посетил его учитель Виноградов. Семья Копеловичей в последний раз сфотографировались с Сергеем Арсеньевичем. Это был январь 1938 года. А пятого февраля Учителя не стало... Александр Давидович говорил, что он осиротел во второй раз. Вероятно, тогда же Виноградов написал о своем ученике прекрасные слова: «Он весь в искусстве, в великой любви к прекрасному, отмечая весь пошлый вздор, который иногда тоже принимают за искусство».⁵

А последняя выставка Александра Копеловича в Риге состоялась в конце декабря 1939 года, когда в Европе полыхала война. Сам Копелович о своем отъезде из Латвии рассказывает так.

Летом тридцать девятого года его призвали под латвийские знамена. На разводе офицер-латыш нарисовал будущую войну в следующих словах: «Объединенные силы Эстонии, Латвии, Литвы идут походом на Москву, победа будет за нами, ибо у русских деревянные танки». Вечером новобранцев распустили по домам, и, когда доблестный вояка стал пересказывать отцу филиппику офицера, Давиду Наумовичу все стало ясно: «Немедленно к английскому консулу, немедленно к английскому консулу! Они – в поход на Москву! Через полгода здесь будут русские». Старший Копелович не был провидцем, он был реалистом. Родители ехали морем, через Швецию, Норвегию и Англию, и далее мне неизвестным путем очутились в Палестине. Что же касается «молодых» – Александра Давидовича, и его жены, то они ехали с невероятными приключениями и трудностями через Советский Союз, Румынию, Болгарию, Турцию. Не один раз их жизнь находилась в опасности: их могли выдать немцам в Болгарии и Турции, а поездка в поезде через СССР в Одессу была опасна другим. Шура говорил по-русски свободно и без акцента, но зато так свободно выражался о виденном, что какой-то еврей-сосед, отозвав его в сторону, «приказал» прикусить язык и «заткнуться».

Прибыв в Палестину в разгар войны, Александр Давидович и его жена Рей оказались без денег и без «хлебных» профессий. Жена была балериной. И тогда Копелович решил производить краски в домашних условиях. «Мы растирали с Рей краску пальцами – рассказывал мне покойный друг, – дома, в кухне, наполняли тюбики и продавали». Первыми покупателями были художники Блюм и Штейнгардт. Причем они впоследствии признались, что никогда этими красками не пользовались, выбрасывали тюбики, не распечатывая. А покупали лишь для того, чтобы поддержать своего собрата по цеху. Единственным потребителем своей продукции был сам художник. Но постепенно краски стали нравиться, их начали покупать все больше, поступили предложения и заказы из-за границы.

Производство расширилось. Так родилась фабрика «Блюко» – название образовалось от слияния первых слогов фамилий компаньонов – Блюм и Копелович. С 1948 года «Блюко» производит полиграфические краски. При фабрике организована экспериментальная лаборатория.

С 1964 года краску импортировали чуть ли не в десяток стран: в Турцию, Болгарию, Грецию, Югославию, Эфиопию, Данию, Западную Германию и другие страны. Александр Давидович говорил, что в течение долгих лет югославская газета «Борба» пользовалась красками «Блюко», а в Израиле – «Джерусалем пост».

Первая выставка картин после «алии», в Палестине, состоялась в 1942 году. Немцы на Волге, Роммель на границе Египта и – черно-белый холодный пол, одинокая женщина в кресле-качалке спиной к зрителям. Глядя на полотно, ощущаешь холод и тревогу. Этого эффекта художник достигает, не прибегая к сильнодействующим средствам – фигура как бы теряется в квадратах пола, заставляя нас чувствовать неуверенность в завтрашнем дне. В окне – почти европейский пейзаж, в руках у женщины альбом Матисса – тоска и боль за погибающую либеральную Европу. И совсем другой портрет жены мастера, Рей Михайловны, навеянный в другую эпоху чтением прекрасного стихотворения Н.А.Заболоцкого «Жена» (*Откинув со лба шевелюру...*). Одухотворенное и усталое лицо много повидавшей женщины – и я ощущаю женское всепрощение...

До Копеловича многие художники рисовали Иерусалим, среди них были признанные мастера: Василий Дмитриевич Поленов (*его этюд хранился в коллекции Копеловича*), Василий Васильевич Верещагин, Иван Яковлевич Билибин, Леонид Осипович Пастернак. Пастернак был другом учителя – Виноградова. Но, говоря от всей души и искренно, никто из них не смог понять душу этого города! Никто – кроме Копеловича. Может быть я излишне категоричен, но именно поэтому хочу развить свою мысль поподробнее.

Трижды побывал на Святой земле Поленов (1881, 1882, 1899). В принципе он – один из создателей русской пленэрной живописи, его яркие световые и цветовые контрасты были новаторскими для своего времени (например «Олива в Гефсиманском саду»).

Другой мастер – Верещагин отправился в путешествие по Палестине, для сбора материалов для картины «Распятие на кресте у римлян» (начало 1884 года), и большинство этюдов палестинского цикла носили чисто этнографический характер, хотя картина «Гробница королей в Иерусалиме», находящаяся в Русском музее, отличалась по темпераменту от обычной сухости этого художника: на полотне передано движение воздуха, игра солнечного света в контрасте с холодными тонами. Но, повторяю, всё же в первую очередь Верещагин – этнограф.

Билибин прожил на Ближнем Востоке несколько лет (1920-1925). Именно здесь он впервые обратился к городскому пейзажу. Художник рисовал не современный город, а тихие улочки, где его влекла восточная застройка, которая осталась неизменной столетиями. Рисовал он обычно с высоты птичьего полета, что позволяло развернуть панораму домов с глухими стенами, плоскими крышами и узкими переходами («В старом Иерусалиме», 1924). Написал он и пейзажи, запечатлевшие библейские памятники нашей страны: таковы его этюды о Галилее, Тивериаде и особенно два этюда у Силоамского источника («Деревня Силоз вечером», «Деревья Силоз утром», 1924).

В начале 1924 года в составе художественной экспедиции побывал в Палестине Л.О.Пастернак. По его словам, как только сошёл на берег, его уже не покидал творческий подъём. «Насупротив меня тянулась фиолетово-розовая цепь гор с едва видной вышкой Гермона. Боже мой! – вырвалось из груди моей. – Да ведь это же Поленов! Поленовым было также и темно-фиолетовое Средиземное море... Поленовым – все пейзажи, поразившие меня по дороге в Тивериаду. Поленовым – разнообразные мотивы Генисаретского озера, весь этот берег, вот этот камень пятнистый – с картины «Мечтатель».

Вся эта гармония красок, взволновавшая меня, все кругом – ведь это поленовская палитра! Да, только побывав в местах, запечатленных его кистью, можно понять и оценить его огромный живописный талант, только здесь можно понять, как глубоко он зачерпнул и исчерпал до конца палестинский пейзаж».⁶

От себя замечу, что немного художников отдавало должное своим современникам. Но всё же нельзя согласиться с Леонидом Осиповичем, что Поленов исчерпал пейзаж Палестины.

Пока существует **Святая земля** и пока жив **Художник** – будущему открыты самые неисчерпаемые красоты родины царя Давида и Иисуса. Палестинские этюды самого Пастернака отличаются верностью природе и импрессионистской заостренностью. Таков, например, этюд «Палестина. Жара. Ослик», где мастеру удалось передать хамсинное марево, в котором расплылись очертания гробницы и всадника.

У Копеловича были талантливые предшественники – художники его родной школы, школы русской живописи. Но мастер пошел дальше: он действительно понял душу города. У него громадное преимущество: он почти абориген этой страны, и она открыла художнику свои тайны. Я люблю все работы Иерусалимского цикла, а святой город Копелович рисовал полвека (*на одной из последних выставок художник показал картину «Уходящая Палестина», работа над которой была начата сорок лет назад!*).

Как рассказать читателю о картинах, которые он не видел? Попытаюсь сравнить их с чем-то ему знакомым. Например, работы Копеловича сродни творчеству Павла Кузнецова (1878–1968), чьи туркестанские полотна заинтересовали Копеловича в конце 70-х годов. И не этот ли интерес, кстати, вызвал желание вернуться и закончить картину «Уходящая Палестина». Есть нечто родственное у Копеловича и с таким далеким «предком», как Питер Ластман (*тот самый, бывший единственным учителем Рембрандта*). Сравните ту же «Уходящую Палестину с «Возвращением Авраама в Ханаан».

Нельзя забыть этюды Копеловича, фиксирующие цветение палестинского миндаля: зарождение белых цветов, изменение цветовых гамм, нисходящих почти до лилового цвета. Никому, кроме него не удалось отобразить чуть ли не ежедневные изменения красок иерусалимского пейзажа и более того, преобразование их в разное время суток – от первых лучей солнца и до заката. Вот серия этюдов, сделанных у Масличной горы, когда сквозь цветущий миндаль просматривается луковичный купол церкви Марии Магдалины.

Иерусалимское небо, изображенное на полотнах Александра Давидовича, выглядит необычным. «Вечноголубое» – вот расхожий эпитет для неба над библейским городом. Но, увы, у Копеловича небо серое: так он ощущал в пейзаже дыхание находящейся рядом Иудейской пустыни. А знакомое читателям вечноголубое небо Палестины с картины Александра Иванова «Явление Христа народу» – это небо Италии, равно как и ивановский миндаль, тоже итальянского происхождения (*на Святой земле Иванов, увы, не побывал, хотя заметим, что знал древнееврейский язык, часто посещал римские синагоги и выбирал там типажи для своей колоссальной картины, и евреи принимали его за соплеменника*).

Субъективно мне иерусалимское небо Копеловича кажется чем-то сродни серому петербургскому небу, и в его изображении иерусалимских стен нет-нет да вдруг проглянет знакомый с детства силуэт Петропавловской крепости. (*Субъективизм подкрепляется историческим фактом. Стены Иерусалима были возведены в XVI веке итальянскими мастерами. Башня Давида так и называлась – Пизанская башня. А кто был зодчим Петербурга, мы тоже знаем*).

Еще до войны критика отнеслась к Копеловичу благосклонно. Наиболее интересную статью о нем написал Петр Моисеевич Пильский (*умер в 1941 году*), печатавшийся под псевдонимом Петроний. Вот кто действительно был *arbiter elegantiae*. Пильский подчеркивал, что уже в работах юного Шуры Копеловича отсутствует шаблон. Считал он также, что художник разгадал душу Палестины. Петроний отмечает некоторые ранние работы. О картине «Улица пророков» писал: «Приятные, ласкающие голубоватые отсветы легли на железные крыши этих домов на взгорье, и бурый цвет камня, пролеглий за ними, говорит все о том же – о немилосердной судьбе, упорстве человеческого труда, о вечной борьбе, происходящей там между живой настойчивостью человека и мертвым упорством глухой природы... В отдельной комнате «еврейские портреты» – альбом палестинских деятелей – целая галерея портретов. В этот альбом были включены и палестинские пейзажи – наброски «Стена плача» с прислонившимися к ней, приникшими фигурами рыдающих людей, «Могила Авессолома», тысячелетний памятник старой еврейской архитектуры и «Гроб Рахили».⁷

К сюжетам, не раз использованным русскими живописцами, и не только русскими, художник подходил не шаблонно».

Финал статьи был прекрасен: «Как быстро вырос художественный дар Копеловича, окрепло умение, просияли оригинальность и художественная самостоятельность».

Марк Захарович Шагал при посещении Израиля в 1961 году высоко отозвался о творчестве Копеловича. Тогда же произошел любопытный инцидент. В Хайфе устроили торжественную встречу. В залу, где ожидали именитого гостя, стремительно влетел небольшого роста человек. Цепко оглядел присутствующих и обратился к ним на чистом идиш: «Посмотрите на этого идиота. В 1921 году он отказался купить у меня иллюстрации к "Мертвым душам" Гоголя. Я просил сто червонцев, а он пожалел. А сейчас это стоит сотни тысяч долларов". Этим "идиотом" был Давид Наумович Копелович. Комментарий Александра Давидовича: «Какова боль художника, что он через сорок лет узнал своего обидчика. Но у отца было всего сто червонцев, и он колебался. Они были потрачены на "Смолянку" Левицкого. Я не жалею о выборе отца».

Дружил Александр Давидович долгие годы с другим крупным еврейским художником Мане-Кацем (Мане-Эммануил Кац, 1884–1962). Массу анекдотов рассказывал Копелович о своем старшем друге.

Друзья и поклонники Копеловича были связаны с парижской школой, и французы считают его французским художником. Среди пятидесяти лучших мастеров Франции для Александра Давидовича нашлось место на международной выставке в Осаке. Именно Копелович получил там награду за свой этюд. *(Ныне этюд находится в частной коллекции проф. Эд. Шифрина.)*

Почему парижане считали русско-израильского еврея Копеловича своим художником? Как испанца Пикассо, как Шагала? Но в отличие от них, Копелович жил в Израиле, хотя несколько раз в году посещал Париж и рисовал на Монмартре и в Монпарнасе, в Латинском квартале и в Булонском лесу.

Сам же Копелович считал, что он продолжал ту линию русской живописи, которую начал Крамской, продолжил его ученик Поленов, потом ученик Поленова – Виноградов, а теперь он ученик Сергея Арсеньевича – иерусалимский мастер.

21 июня 1990 года в Москве, в Центральном Доме художника, открылась выставка работ Копеловича, где он должен был присутствовать вместе с женой. Выставка называлась «Художник и его собрание» и была организована Союзом художников СССР, Советским фондом культуры, при содействии Союза израильских художников и Союза художников Иерусалима. Избранные работы мастера и его коллекция русской живописи были отосланы в Россию. Но за несколько дней до поездки Копелович скончался.

А ведь совсем недавно в кругу семьи, многочисленных друзей и поклонников его таланта он отметил свое 75-летие. Художник ждал столь дорогой для него возможности вернуться в Россию со своими картинами, но внезапно скончался у недописанного полотна в мастерской, находившейся напротив Дамасских ворот.

Кстати, Копелович долго выбирал место для своего ателье. Поначалу он работал неподалеку от Яффских ворот в старой гостинице турецкого времени, где когда-то, не без гордости сообщал Копелович, останавливался Иван Алексеевич Бунин (*многие страницы «Весны в Иудее» художник цитировал наизусть, как и стихотворение Бунина «Гробница Рахили»*)

Но лишь спустя годы Александр Давидович нашел настоящее место для мастерской: в старом турецком доме напротив Дамасских ворот. Это дивное место, где с высоты третьего этажа открывается необыкновенная панорама Старого города: возвышающийся над Храмовой горой, где некогда стоял храм Соломона, золотой купол мечети Омара, Соборная церковь Воскресения Господня, рядом с которой как бы предчувствуешь Голгофу, и Гроб Господень. Слева, на вершине Масличной горы, самая высокая колокольня Святой земли – колокольня русского православного храма Вознесения. Ну и самое главное: чудной красоты Дамасские ворота, реставрированные благодаря неутомимой деятельности мэра города Тедди Колека. Через эти ворота льётся необычайно красочный людской поток. Толпы арабов в цветных одеяниях спешат в мечеть, на рынок, по домам и – просто ради любопытства – в узкие улочки. Набожные евреи в огромных лисьих шапках, в шелковых халатах стремятся к Стене плача; христианские паломники, только что прошедшие от ворот Св. Стефана по Виа Долороза (*Крестному пути*) к храму Гроба Господня; туристы из более чем ста двадцати стран;

наконец, израильтяне, приехавшие в Иерусалим приобщиться к своим святыням – весь этот пестрый, яркий, бесконечно разнообразный мир нашёл отражение в творчестве художника.

Рисовать в Старом городе было в последние годы иной раз опасно для жизни. На том этаже, где находилось ателье, не раз раздавались выстрелы, случались и убийства, но ничто не останавливало Александра Давидовича – ни мольбы жены и детей, ни настоятельные просьбы друзей, ни полицейские предупреждения – он был неумолим. Да и вправду, кто хоть раз побывал в его студии, должен был понять, что с «Горней высоты» его могла согнать лишь смерть. Собственно, так оно и произошло.

Удивительное совпадение. Великий русский поэт, страдавший и умерший от той же болезни, что и Александр Давидович, и, подобно художнику, носивший часть своей жизни чужую фамилию, Афанасий Фет, оставил стихи, которые стоит привести:

*Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет, и плачет, уходя.*

Выставки Копеловича с успехом проходили в довоенной Риге, в лучших галереях Парижа; он выставлялся в Салонах, где получал почетные дипломы; в Тель-Авиве, в Старом Яффо и, конечно же, в Иерусалиме. Вместе с пятьюдесятью лучшими работами художников Франции (каждый художник дал два полотна. Таким образом – всего-навсего было 25 мастеров) его произведения совершили кругосветное путешествие от Нью-Йорка до Токио, где были высоко оценены критиками. В 1988 году от Международной ассоциации искусств в Нью-Йорке (*International Art Competition*) художник получил диплом, которым удостоились до нынешнего времени лишь несколько десятков живописцев.

Александр Копелович мечтал о выставке в России, но накануне произошло непоправимое... Выполняя волю покойного мужа, Рей (Рая) Моисеевна Копелович передала в дар русскому народу «Портрет неизвестной» Д.Г. Левицкого (*новая датировка, 1778 г*) и две живописные работы А.Д. Копеловича – «Иерусалим. Старый город» и «Улица в Иерусалиме».

Художник любил не только прошлое России, но и её настоящее. Незадолго до смерти он писал в каталоге «...в 1940 году мы очутились в Палестине.

Через год разразилась война, и если бы не победа Советского Союза над фашизмом, то были бы убиты не только шесть миллионов евреев, но весь наш народ. Если бы не миллионы жертв, если бы не подвиги таких героев, как Зоя Космодемьянская и панфиловцы, если бы не победа русских чудо-богатырей в Сталинградской битве, фашисты бы пришли в Палестину, и здесь бы никого не осталось в живых.

Разве это можно забыть?

А потом, разве не Советский Союз помог изгнать колонизаторов с территории Палестины и поддержал создание государства Израиль? Как может представитель моего народа не быть ему за это благодарным?

Но кроме всего, у меня есть особая, личная причина любить все русское. После приезда в Ригу я тринадцатилетним мальчиком начал учиться у большого русского художника, академика С.А. Виноградова. У Сергея Арсеньевича не было детей, и он воспитал меня как собственного сына. Он открыл мне не только законы рисунка и колорита, но и богатство русской литературы, познакомив с Татьяной Лариной и Евгением Онегиным, «Братьями Карамазовыми», «Очарованным странником» и «Господином из Сан-Франциско». Виноградов читал вслух «Холстомера» и «Смерть Ивана Ильича». Мы вместе любовались березами в инее и осенними мотивами в усадьбе в Латгалии. А как интересны были его воспоминания о встречах со Львом Толстым, Левитаном, Врубелем, Серовым и особенно с его ближайшими друзьями – Федором Шаляпиным и Константином Коровиным! Я всегда буду хранить память о моем любимом учителе и духовном отце, Сергее Арсеньевиче». ⁸ Из этого признания многое становится ясным. И мы ничего не забудем!

Интересно мое знакомство с Александром Копеловичем. В самом конце 1978 года в одном из русскоязычных журналов (кажется, «Время и мы») я прочитал маленькую заметку об иерусалимском художнике и коллекционере Александре Копеловиче. И был потрясён. Семь лет я не видел русской живописи, да ещё живописи русского «серебряного века».

В милом далеком Ленинграде я любил посещать музей-квартиру Исаака Израилевича Бродского, и не только ради работ этого художника. Я обожал картины его современников – Серова, Коровина, Кустодиева... И вдруг здесь, в Израиле, тот же очаровательный набор. Но как же проникнуть в частный дом? И тут я вспомнил о д-ре Льве Осиповиче Могилевере, председателе шахматного клуба. В своё время я, будучи мастером по шахматам, возглавлял иерусалимскую команду имени Акибы Рубинштейна и был с Л.О. на дружеской ноге. Могилевер – коллекционер, собирает произведения израильских художников и, по логике, должен знать другого подвижника. Так и оказалось. Могилевер снабдил меня телефоном и некоторыми сведениями касательно семейного положения художника.

Вечером этого же дня, укрепив сердце мужеством и нахальством – не в моих правилах звонить незнакомым, – я набрал нужный номер. Ответил мужчина. Извинившись, я попросил дозволения перейти на русский язык и тотчас же получил разрешение. Я представился, сослался на рекомендацию д-ра Могилевера и сказал, что очень хотел бы посмотреть коллекцию. Меня без промедления пригласили на тот же вечер. Но моё нахальство простиралось ещё дальше. Я просил разрешения прийти вместе с женой и старшей дочерью, и не сегодня (*объяснил, что моя жена врач и дежурит нынче ночью*). Короче, приглашения удостоилась вся моя семья.

На следующий вечер под брюзжание жены и дочери («свинство напрашиваться в гости») мы приехали к красивому турецкому особняку в самом центре нового Иерусалима, рядом с дворцом президента. Пройдя через чугунные ворота (о, решётка Летнего сада!) пересекли южный двор с пышной растительностью, поднялись на несколько ступенек... Нас ждали. Мы представились друг другу. И тотчас я увидел знакомые полотна. Я шел от картины к картине почти как экскурсовод... Хозяин опешил.

– Минуточку, – спросил он, – вы пьёте?

– Да, конечно, да!

– А что?

– Всё, – отвечивал я, ибо находился в том счастливом возрасте, когда мог.

– И водку?

– Да, – отвечал я.

Появился сосуд, кажется, «Смирновской» и на следующий вопрос:

– Из чего? –

– Из всего! От наперстка до ведра! – гордо заявил я.

Был налит стакан, который я мгновенно влил в горло.

Молчание, и затем вопрос:

– Как долго вы находитесь в Израиле?

– Семь лет.

– Боже, потерянное время!

Позже, когда Копеловича уже не стало, его вдова Рей Михайловна вспоминала: «Когда я увидела этого грубияна-жлоба и стакан, исчезнувший в бороде, я подумала: с этим-то человеком мне придется общаться долгие годы, ибо поняла, что он завоевал сердце Шуры. Я не знала, что этот человек окажется верным другом и душеприказчиком покойного. Внешность так обманчива!».

А тогда мы чудесно провели вечер. Честно говоря, я не думал, что он будет иметь продолжение. Каково же было мое удивление, когда на следующий день мы с женой получили приглашение на субботний раут. Двенадцать лет мы встречались по два-три раза в неделю, а по телефону переговаривались ежедневно. Небезынтересны два нюанса.

Первый – когда мы пришли в субботу, то я увидел нескольких приятелей, достаточно нам близких, которые, оказывается, давно знали художника, но ни разу не заикнулись о знакомстве, прекрасно сознавая, что для Копеловича и меня эта встреча нужна. Впрочем, они были правы, поскольку, не прилагая усилий, я запросто вытеснил их из ближайшего окружения мастера.

Второй – когда мы пришли вторично в этот дом, Копелович знал обо мне всё или почти всё. Об источнике его информации можно лишь догадываться...

С первого дня знакомства он называл меня по имени-отчеству. Сознаю, что я в одном лице заменял ему сына, друга, слушателя и критика. Для меня же связь носила обратный характер.

Скажу о гостеприимстве Копеловича. Старое русское хлебо-сольство почти исчезло и в современной России. Конечно, местами есть оазисы. На Западе же, а Израиль я могу с этой точки зрения отнести к Западу, хлебо-сольство сошло на нет.

О эти «мелкоскопические» бутербродики и напитки, наливаемые в наперстки! Семейные торжества, включая свадьбы, где нет, не то что водки, а иногда и бутылки вина. (С появлением «русской эмиграции» – «ситуация» улучшилась). Другая культура, или, как «они» говорят, другая ментальность.

Дом Копеловича был именно оазисом русского хлебосолюства в его обычной, почти что литературной норме. В доме толпились знакомые и малознакомые люди, вино лилось рекой (это не гипербола), закусок было вдоволь и – о, блаженное время! – перевес всегда был именно на стороне русской привычной пищи. Одних сыров было более десятка наименований (французское влияние), стол украшали почки и печёнка, студень и пельмени, и многое другое.

По рассказам Александра Давидовича, я всегда с удовольствием вспоминаю о Великом Застолье русского дипломатического корпуса в Израиле, где-то в начале 60-х годов.

Дом Копеловича был обширен и имел, как водилось в старину, все: большую и две малых гостиных, библиотеку и небольшую студию (большая была вне дома, как мы писали, у Дамасских ворот) и, понятно, немало спален. В одной из малых гостиных был длинный подоконник, уставленный всевозможными напитками. Часто, ожидая хозяина в этой комнате, я подсчитывал количество бутылок, попутно любуясь их формами и цветистостью наклеек. Меньше тридцати никогда не насчитывал, а зачастую бывало и за пятьдесят.

Как-то Копелович устроил прием в честь русского посольства. Явилось десять человек, и начался лукуллов пир. Советский посол провозгласил тост за здоровье премьер-министра Бен-Гуриона. Тотчас Александр Давидович ответно предложил тост за господина Хрущёва (ударение он делал на первом слоге). Его остановили и предложили пить тосты по очереди. Дальше последовали здравицы в честь Косыгиных, Микоянов и иже с ними. Короче, пили крепко: на подоконнике не осталось ни одной нетронутой бутылки (а там стояли и мерзостные сладкие ликеры и прочая жидкость, почти не употребляемая питухами). Посольство к двум часам ночи перепилось до чёртиков. С помощью жён и шоферов «трупы» сносились в машину...

На следующее утро в дом Копеловича с претензиями к его жене ввалилась разгневанная жена советского посла: «Ваш Шура спаивает моего бедного Петю!».

К сожалению, как объяснил Александр Давидович, эти застолья пришлось прекратить, ибо соответствующее ведомство домогалось от гостеприимного художника полного отчёта о происходившем на вечере. Свободный художник даже для своей страны не желал быть осведомителем.

На днях, разбирая свой архив, я обнаружил несколько писем Александра Давидовича. Вот одно из них.

27 июля 83 г.

Мой дорогой друг, Савелий Юрьевич! Поздравляю Вас от всего сердца с днем Вашего рождения, желаю Вам и Вашему семейству безоблачного счастья и успеха во всех Ваших начинаниях – интересной работе, мастерской шахматной игре и в Ваших лирических стихах! Будем всегда верны Вашему Завету «ни эллина, ни иудея», боритесь с несправедливостью, будьте на стороне угнетенных, а не угнетателей...

Словом надеюсь, что будем с Вами не только собутыльниками, но и единомышленниками.

Навсегда Ваш от всей души друг и почитатель.

А.К.

Воспоминания нахлынули на меня... Эти удивительные слова политиканствующего Александра Давидовича... Они неповторимы! Мне приходилось писать о его политических взглядах, поначалу – правых, а впоследствии ставших левыми. Правые его взгляды сложились под влиянием Жаботинского, с сыном которого он был приятелем. Однако – взгляды подверглись влиянию времени и во многом изменились. Я застал его «большевизаном», главным образом потому, что социалистическую родину он знал лишь «вприглядку». «Шалом ахшав» – подписывался он иногда на даримых мне рисунках. Я же был человеком иного мира, хорошо, пожалуй, слишком хорошо, знавшим свое «отечество – вприкуску». Будучи историком и пессимистом, я считал безобразия в моей бывшей стране не столько следствием режима, сколько исконным проявлением тысячелетнего рабского духа.

В один из теплых иерусалимских вечеров, когда Рей Михайловна уехала к старшей дочери в Хайфу, в доме собрался мальчишник. Присутствовал там и С.Г., бывший москвич, страстный поклонник и приятель Маяковского, сам поэт и переводчик, человек высокой культуры. Изрядно перепив, друзья перешли на текущую политику, и поэт-футурист прошёлся по нашим «кузенам». Этого Копелович вынести не мог, дело дошло чуть ли не до рукоприкладства. Громовой голос хозяина произнес: «Расист! Вон из моего дома!». Скандал, полный скандал...

Дом опустел, и мы остались одни...

– Александр Давидович, вы читали Эзопа? – спросил я.

– Да, у меня есть академическое издание, к тому же я видел фильм-спектакль «Эзоп» с Полицеймако.

– Прочтите-ка вот эту страницу.

Он стал читать. А в этом месте книги говорилось о том, как Гермес с повозкой хитростей и обманов ехал по всему свету, толпой того и другого наделяя каждый народ. Арабы, побуждаемые жадностью, ограбили арбу. С тех пор арабы – самые лживые люди на свете.

Спустя несколько дней я получил то самое поздравление с днём рождения, а еще спустя немного времени, в разговоре совсем на другую тему он вдруг сказал: «А мне ненавидеть арабов приходится больше, чем Вам. Мою мать, умершую в 1942 году, похоронили на Масличной горе. Арабы разрушили все могилы, и камни использовали для строительства дороги. Мне негде теперь сказать по ней Кадиш».

Прошло без малого четверть века после трагической смерти художника. Великие художники должны жить долго, но он был остановлен на самом последнем взлёте. В нём жило удивление перед каждым новым днём; ему был любопытен сегодняшний день и завтрашнее... Каждый человек, входящий на порог гостеприимного дома, был встречен радушным хозяином с открытыми объятиями.

Жизнь продолжалась. Были опубликованы некрологи, по «Кол Исрозль» на великолепном русском языке диктор Маша Штарк (Далия Шалит), ученица Левитана и Выгодского, проникновенно прочитала статью, посвящённую покойному другу. И наступила тишина...

Жена художника – Рей Михайловна, гонимая житейскими обстоятельствами, вынуждена была продать дом на ул. Жаботинского и разместиться в небольшой квартире, имеющей то преимущество, что ниже этажом находился сухой подвал, где были умещены сотни полотен. И опять проходит время. Вместе с тем, я продолжаю водить дружбу не только с вдовой художника, но и с его дядей Витей. Не пугайтесь – в старых еврейских семьях дяди иногда были младше племянников, но не в данном случае: дядя Витя был старше Шуры на «целых» три года. Это тот дядя, который вывез из Триеста коллекцию работ, принадлежащих брату Давиду, отцу Александра Давыдовича. Каждый месяц я встречался с дядей: мне надо было ехать в Тель-Авив, на ул. Дизенгоф, где у него была квартира старого холостяка (несмотря на то, что дядя Витя был «ходок»), заставленная всевозможными предметами старого быта и одной великолепной картиной племянника. Картина сделана в странной манере в 1941 году: Яффские ворота со стороны тогдашнего рельефа города. Картина мне нравилась и дядя Витя после очередного возлияния, а было ему за восемьдесят, вдруг сказал:

– Эту картину я Вам завещаю».

На что «многоопытный» Савва сказал:

– Живите 120 лет, но я предпочёл бы видеть картину у себя задолго до Вашей предполагаемой кончины.

– Почему? – задал мне он вопрос.

– Я ни разу не видел исполненного завещания.

– Посмотрим» – ответил дядя Витя.

Шло время, и настал срок. Дядя в возрасте 92 лет ушёл в иной мир. Я давно забыл о разговоре, как вдруг мне звонит племянник дяди Вити, которого я едва знал. И сообщил, что мне по завещанию полагается картина Копеловича. Для этого мне надо было поехать в Хайфу и забрать её. Картина была получена, доставлена и ей нашлось место на стене в моей небольшой квартире.

В доме племянника мне удалось увидеть часть коллекции отца Копеловича, в том числе один шедевр Левитана...

Так что, долгожданный подарок оказался последним приветом моего любимого друга.

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

БОРИС ЗЕЛЁНЫЙ

Борис Зелёный родился 15 января 1916 года в городе Каховка Херсонской губернии в семье клезмера Мойши бен Перла (у отца было двойное имя – Моше-Беня Генинович, и у мамы – Бейли бас Шмилек).

Старая еврейская энциклопедия уделяет пару строк этому местечку. В 1897 году там жило 7489 жителей, из коих евреев – 3003. В 1910 году из учебных заведений там – Талмуд-Тора и мужские училища, казенное и частное. Да ещё Новый Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона отмечает высокий вывоз товаров: хлеба, сала, шерсти и сезонную весеннюю ярмарку для найма рабочих. Слава пришла в Каховку намного позже.

Мойше бен Перл играл на еврейских свадьбах – нот самоучка не знал, играл только по слуху. Когда говорят о клезмерах, я всегда вспоминаю Чехова. «Вишневый сад» с «знаменитым еврейским оркестром»: четыре скрипки, флейта и контрабас. Раневская спрашивает, существует ли еврейский оркестр. Существует до сих пор. Даже на свадьбе моей дочери Анны играл такой же оркестр и в том же составе!

Увы, свадьбы были не так часты и мало кормили: шла Гражданская война. Не такое уже время для веселья. Ну, а теперь надо вспомнить песню «Каховка» – это как раз об этом времени. (Так и должно быть, что слова написал еврей Шенкман (Михаил Светлов), а музыку – другой еврей, Исаак Дунаевский. Взятие Каховки перешло в еврейский погром. (А в 20-м году на Каховском плацдарме был мой отец Юда, Юдка – любовно называли его красноармейцы, Моисеевич Дудаков. Там он впервые видел английские танки. Невиданные чудовища произвели страшное впечатление на бойцов – некоторые оглохли, другие – остались с поврежденной психикой).

Как бы то ни было, в 1919 году семья перебралась на родину отца – Бобровый Кут Херсонской губернии, старая еврейская земледельческая колония, основанная еще в 1807 году выходцами из Могилевской губернии на берегу Ингула.

«Водворились» они, как с гордостью пишут исследователи, за свой собственный счёт. Это была сравнительно процветающая колония евреев-хлеборобов. Отец, чтобы прокормить семью, освоил новую профессию «заготовщика», то есть мастера по кройке и пошиву сапог, туфель и прочей обуви. Прошу не смешивать с профессией сапожника (*это то же самое, что путать плотника и столяра*). По словам сына, Мойва слыл знатным мастером...

А Бобровый Кут принес и первое прикосновение к искусству, правда, словесному. Это место – родина поэта Семена Фруга. Борис Моисеевич помнит камень, где, по преданию любил сидеть поэт, выбивший на камне свои инициалы и фамилию на идиш.

Я вновь пришел к тебе, родная сторона;

.....
*О родина моя, не даром же душой
Стремился я к тебе... Я помню вечер ясный,
Когда лишь в первый раз прощался я с тобой, -
Безбрежной пеленой, цветущей и прекрасной,
Лежали вокруг меня родимые поля;
Широкого Днепра зеркальная струя,
Озарена вдали румяною зарею,
Звенела под горой, и сеть световую
Ложился отблеск золотой
От легкой зыби вод на скат береговой;
Сирень цвела; роса вечерняя сверкала...⁹*

Наверно так мальчик все это видел, все запечатлел в своей памяти и в сердце.

Семья Зелёных по тем временам была почти что средняя – всего шесть детей. Увы, большая часть семьи погибла. Отца, мать, двух сестер и брата немцы убили в Йом Кипур 1941 года. Три старших брата, мобилизованные в Красную Армию, спаслись. В 1972 году украинцы устроили стрельбище по обелиску погибших евреев, превратив его в решето...

Советская власть дала семье Зелёных образование. Младший брат окончил Одесский фармацевтический институт; ныне он живет в Беер-Шеве. Старший брат моряк-дальневосточник. Умер уже в отставке, в Ульяновске. Старший брат успел походить в хедер, и его помощь позволила Боруху (Борису) овладеть еврейской грамотой. Мальчик помнит, как в закрытую ставнями хату приходил учить «лошонкойдеш» (священный язык), уже тогда боялись доноса доморощенных коммунистов. Помнит, как внезапно подъехала бричка с чекистами в кожаных тужурках и на отборном идиш пригрозили Мойше Аврутину (ребё) Сибирью, если он ещё раз посмеет собрать детей.

А теперь небольшое отступление в прошлое. Как известно «Железнодорожный нарком» Лазарь Каганович родился в деревне Кабаны на границе украинского и белорусского Полесья, неподалеку от печально известного Чернобыля. Рядом была еврейская колония с жителями типа Шая-сапожник, Цухок-кузнец, Эли-столяр. Дети хотели учиться, и несколько семей наняло инвалида, для которого жители деревни устроили каталку и возили его из дома в дом – занятия шли в очередь; в каждой семье «шамшул» жил месяц. Меламед учил их Библии, подчеркивая, по словам «Лазаря», социологию пророков, таких как Амос. Идиллия кончилась быстро: приехал уездный инспектор с урядником, ворвались в хату, где шли занятия, и набросились на несчастного учителя. «В мою память врезалась душераздирающая картина, когда инспектор и урядник таскали безногого учителя по полу, избивали его кулаками и ногами, ругались непристойными ругательствами, разрывали все учебники, в том числе по всем русским общеобразовательным предметам, выбрасывали изодранные куски на улицу. Хотели они выбросить на улицу и учителя, но мы, детишки, уцепились за него и не дали им выполнить свое намерение. В заключение инспектор и урядник составили акт о запрете обучения в не разрешенной законом школе с угрозой ареста учителя, если он вздумает воспротивиться этому запрещению».¹⁰ Поэтому не удивительно, что евреи пошли в революцию. А в результате лет через десять были вновь запрещены «хедеры».

В 1925 году Борух поступил в еврейскую школу, где преподавание велось исключительно на идиш. Ни о какой Библии и ни о каком пророке Амосе уже речь не шла. Школа была единственной в Бобровом Куте, и посему украинские и русские ребятишки (в колонии было несколько «христианских семей») учили идиш наравне с еврейскими ребятишками. Ну, и как не вспомнить Максима Горького. Когда он, скитаясь, работал в еврейских колониях, его потрясло, что единственная школа в округе была еврейская, а потому и украинские и русские дети ходили в неё учиться!

А дальше идет рассказ о том, как талант и случай встретились... Мальчик безумно любил рисовать. Начиная с 6 лет. На чем попало. Чаще всего на клетчатой школьной тетрадке. Рисовал Борух акварелью. А однажды отец привез в подарок сыну масляные краски из Харькова. И надо же быть такому случаю, что студенты Киевского художественного техникума имени Эпштейна заметили рисующего мальчика на пленере, и уговорили его поступить к ним в техникум, что располагался на Гоголевской улице, 17, в Киеве. Этот техникум возник на гребне революционной волны. Марк Исаевич (Моисей Цалерович) Эпштейн (1899–1950) – скульптор, график и театральный художник, который в 1922/1933 годах был во главе еврейской художественно-промышленной школы. В 1927/28 годах он выполнил графическую серию о жизни еврейских земледельческих колоний. Крепко помнил свою молодую радость старый художник!

А потом началась метаморфоза: Борух превращается в Бориса, а странная фамилия Зелен становится Зелёный. Этимологии Борис Моисеевич мне не мог объяснить, а **зелёный** цвет художник особо не выделяет... мальчик подает на конкурс свои работы, отправляет – и вот первая победа: он принят! Я спрашивал Бориса Моисеевича, когда произошла первая встреча с живописью? Он рассказывал, что детишек Бобрового Кута возили на экскурсии в музеи Херсона и Одессы. Водили детишек и в первый на Украине музей еврейской культуры имени Менделе-Мойхер Сфорим в Одессе. Он был тогда очарован...

А первым учителем в техникуме стал Абрам Маркович Черкасский (1886-1967). Об этом художнике стоит рассказать: ибо он был – **Учитель!**

В брошюре, посвященной творчеству Черкасского и подписанной министром культуры Казахской ССР, сказано о «чутком сердце большого и оригинального дарования» и далее, что «пейзажам А.М.Черкасского свойственна чистота и изысканность цветовой гаммы, тонкость колориста». Замечательные слова в адрес сосланного в 1937 году мастера, создавшего в Казахстане целую школу живописи. Сам Черкасский в своё время прошел прекрасную выучку.

Абрам Моисеевич сразу оценил талант новичка. В первой половине 30-х годов шло отмирание идишской культуры, и еврейский техникум объединили с украинским художественным техникумом. Все общеобразовательные предметы, которые читались на идиш, заменились языком «коренного населения». Годы учебы в техникуме (1930/1934) были наполнены трудом. Много, очень много почерпнул у Черкасского Борис. С 1935 по 1936 годы учился Зелёный на подготовительных курсах при Киевском государственном художественном институте, куда и прошёл по конкурсу в 1937 году.

Как раз в Киеве судьба столкнула Бориса Моисеевича с художником, почти ровесником, впоследствии получившим мировую славу, Валентином Ивановичем Поляковым (1915–1977). Поляков произвел на Зеленого сильное впечатление, в первую очередь знакомством с европейской культурой. А обращение к мировому наследию, как известно, является составной частью художественного воспитания. Так многократно повторяет Зелёный. Впоследствии они встретились в Москве. Зелёный оценил мужественный поступок Полякова, который подписал письмо в защиту Даниэля и Синявского.

В 1939 году Зелёный перевелся в Московский художественный институт им. Сурикова, где начал работать в мастерской Игоря Эммануиловича Грабаря.

Подведем итоги: до войны художественное образование Зеленого шло семимильными шагами. Его первая известная работа «Голова девушки на пленере» (1936) экспонировалась на Всеукраинской выставке лучших студенческих работ и была опубликована в журнале «Живопись и скульптура» с лестной оценкой критики. По тому времени – большая честь.

Мастерская Игоря Грабаря, хранителя традиций прошлого – прекрасная школа, где Борис нашёл прекрасных товарищей. И.Грабарь и С.Герасимов высоко ценили талант Зелёного.

А теперь о несколько деликатном предприятии, в котором принимал участие молодой студент. Принято считать, что «Гений всех времен и народов» налево и направо торговал художественными ценностями России. Но не во все времена. Так, после войны он хотел прикарманить Дрезденскую галерею. По моему разумению, вполне справедливо, если вспомнить, что и сколько было вывезено немцами из России. У меня по этому поводу своё мнение, связанное с тем, что я видел часть проданных на Запад работ Рембрандта, Рафаэля, икон, и могу сказать, в меру своих знаний, что это позднейшие копии, великолепные, но копии. Косвенным доказательством служит и то обстоятельство, что по поручению «Высшей Силы» Анастас Иванович Микоян, среди прочего, нарком внешней торговли (1926/1946), поручил Игорю Грабарю создать «фабрику» по производству «старинных» икон. Робкий протест мастера не был принят во внимание. Ему было указано, что лучше продавать гнилому Западу подделки, чем народное достояние. Аргумент весомый. Оставим в стороне – мораль. Если есть спрос, то он удовлетворяется. И я не уверен, что маршаны, приобретающие «товар», были слепы и глупы. Отнюдь. Бизнес. А деньги, как известно не пахнут.

И вот Борис Зелёный работал несколько лет на таком «контрафактном» производстве. Это была настоящая школа мастерства, сродни средневековым студиям известных художников. Подбор старинных досок, смешение красок, искусственное старение, идеальные образцы разных школ – все это помимо воли, при наличии таланта, создавало мастера, **который – всё мог!**

Но началась война...

Борис ушел добровольцем на фронт. Его фронтовая жизнь – это разрушение антисемитского стереотипа – гвардии рядовой Борис Моисеевич Зелёный прошел много фронтовых дорог, был ранен в Сталинграде, лежал в госпитале, награждён орденами и медалями. После демобилизации Зелёный вновь в институте им. Сурикова. Пять лет провел он в стенах ВУЗа.

За редкую внешнюю схожесть с Ильей Ефимовичем и яркий талант сокурсники прозвали его «Репиным». Напомним, что сын кантониста Илья Репин и Борух Зелёный были родом из одних мест – южной Малороссии.

В 1950 году Зелёный блестяще заканчивает институт. Учился по классу Николая Михайловича Чернышева (*ближайшего друга Фаворского*) и Семена Афанасьевича Чуйкова. С большой симпатией вспоминает он и С.В. Герасимова. Борис Моисеевич не уставал повторять поговорку Герасимова: «Чтобы делать просто, надо делать до ста». Иначе говоря, неустанной работой можно достичь совершенства. Столп советского официоза, несмотря на тяжелые годы, старался приучить своих учеников к восприятию западного искусства. Как это сочеталось в нем, трудно сказать.

Я спрашивал художника о материальном положении в годы учёбы. Он объяснил, что его высоко ценили наставники: Грабарь, Герасимов, Чуйков, Чернышев. Их стараниями он устроился на реставрацию старых икон, например, Елоховского монастыря. Занимался мозаикой, рисовал темперой и восстанавливал монументальные фрески. Все это пригодилось впоследствии. Его дипломная работа «Бригада Чутких» (1950 г.) была опубликована в журнале «Смена» – это на то время хорошая стартовая площадка. В начале 50-года открылась выставка дипломных работ Московского художественного института им. Сурикова. Из них лишь две удостоились чести быть воспроизведенными в популярном журнале, да еще в сопровождении теплых слов. **Внимание, читатель!** Из объяснения явствует, что Борис Зелёный – **сын колхозника Николаевской области** (*такова словесная мимикрия советского времени*); а далее идет разбор картины в духе социалистического реализма: «Простые советские люди, стахановцы, которые всегда думают об интересах своего цеха, всей фабрики, своей страны.

В этом сказывается их государственный подход к делу, их новое коммунистическое отношение к труду». Пусть вас не пугает этот набор штампов – даже в соцреализме нужно быть мастером, а картина Зелёного действительно выполнена кистью мастера, посему по этой картине **была выпущена почтовая открытка.**

Это была внешняя сторона жизни. А личная? В 1940 году **Борух** женился на **Брахе** Соломоновне Гомберг, по образованию – экономисте и прожили они совместно, в мире и согласии, 62 года! Мастерскую Зелёный получил довольно поздно, хотя признание, как мы видим, было почти полным. Почти? Объяснение простое. Несмотря на успехи в создании портретов передовиков производства, в разгул борьбы с «космополитизмом» он предпочитал заниматься пейзажем, развивая традиции русского импрессионизма. Основные работы художника того периода – это пейзажи Подмосковья, Прибалтики, Кавказа, Крыма. Он участвовал в двенадцати крупных выставках в СССР. К сожалению, многие работы художника того времени утрачены, так как он не смог при выезде уплатить таможенный выкуп за... собственные полотна.

А затем шла обычная на начало 70-х годов борьба за выезд в Израиль. С 1973 года он живет в Иерусалиме. За это время художник много успел. По приезду в страну пригодилась профессия реставратора. Что стоит, например, восстановление амфитеатра в Бейт-Шаане! И именно там начал работать Зелёный. Местная пресса отметила заслуги 56-летнего московского художника, восстанавливающего старинные надписи, снимающего с них копии. А как живописец, Зелёный прогрессировал удивительно. Я думаю, что зрелость к мастерам кисти приходит с возрастом. Его любимой темой стало изображение Вечного города в знойный хамсин. Хамсин, по-арабски «пятьдесят». Как говорил мастер – «это мои пятьдесят дней в году». Многие свои вещи Зелёный пишет по несколько лет, хотя кажется, что картины написаны на одном дыхании. Секрет в том, что нужно поймать тот же самый свет и цвет иерусалимского неба. Борис Зелёный – художник традиционный. Ему удаются портреты, отличающиеся глубоким психологизмом, связанным с принципиальным желанием художника изображать только знакомых ему людей.

Зелёному было далеко за 80, но он ежедневно работал. Часто ездил в Старый город и рисовал крыши старинных зданий. Его натюрморты блистательны – они осязаемы. Можно много говорить о технике Бориса Моисеевича – она совершенна, поскольку мастер владеет материалом. Говорить о полотнах можно много, но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Когда художника пригласили в студию для радио-записи, я боялся, что о многом он не скажет. Но я ошибся – художник говорил о главном деле своей жизни с такой любовью и болью, что я диву давался его темпераменту. Вот отрывки из его выступлений.

«Каждый живописец по-своему видит мир, пользуется своей индивидуальной палитрой. Художник Диаз сказал, что уважающий себя художник не берётся за кисть, если модель не находится перед его глазами. Это я усвоил в тринадцатилетнем возрасте».

«Я пишу то, что вижу, стараясь удержать первое впечатление до окончания работы над картиной, На пленере необходимо быстро и напряженно работать, это схватка, и когда художник побеждает в этой схватке, он счастлив – у него родилась новая картина».

«Израиль со своим небом, светом, рельефом, камнями, растительностью и хамсином – это подарок для художника. При хорошем хамсине художнику легче добиться большого обобщения и большого звучания красок».

«Моя мастерская – это купол неба, и все мои пейзажи рождаются под этим куполом, где можно работать круглый год... Израиль... Какая красота! Какое небо! Какое солнце! Какие изумительные краски!»

«Предела совершенству нет, так же как нет предела совершенству природы. Тема эта, вероятно, существует столько, сколько существует сама живопись. Так что, если говорить о моей задаче как художника, то она состоит, вероятно, в том, чтобы **увидеть не увиденное другими**. Всегда ли это мне удастся? Не думаю. Если бы всегда удавалось, то я просто не знал бы, зачем дальше жить».

Расскажу об услуге, которую мне удалось оказать художнику в русле его *gedo*. У меня был знакомый – замечательно талантливый студент, социолог. Ночью он подрабатывал сторожем в «Башне Давида», что у Яффских ворот. Этот студент неустанно приглашал меня посетить его во время дежурства в пятницу вечером. И однажды со своей женой я отправился на ночную экскурсию. Мы были потрясены красотой старого Иерусалима, открывающегося с разных точек «стога» града. Особенно великолепен был вид с самой верхней точки крепости. Дух захватывало от вида ближайших церквей до церкви Вознесения.

Днём, по словам нашего Вергилия, видимость была вплоть до Мертвого моря. И меня осенило: с этих стен, вероятно, никто не рисовал. На следующий день я помчался к Зелёному, впопыхах рассказал свою идею. Старик был лёгок на подъем. Мы пошли в Башню Давида, зашли в администрацию и попросили свободного доступа художнику в любое время суток в цитадель. Дело было улажено. И так, каждый день, кроме священной субботы, 80-летний старик забирался на самую верхотуру и рисовал, рисовал, рисовал.

Я подбивал Бориса Моисеевича захватить на полотне редкий момент перехода дня в сумерки. Это необыкновенно тяжело схватить, ввиду краткости момента. Художник рисовал Старый город и ночью, приладив к мольберту фонарик. Сам того не подозревая, я дал толчок для фантазии живописца. Но не все мои идеи находили отклик в поэтической душе. Я указал ему и на новое здание муниципалитета, смотровая площадка которого выше Башни Давида. Мы туда подъехали и увидели внешний вид города. Он был красив, но несравним с видом из цитадели. Поработав несколько дней в «горсовете», Зелёный решительно вернулся на прежнее место...

В 1996 году Иерусалиму исполнилось 3000 лет. В этом же году исполнилось 80 лет Борису Моисеевичу Зелёному. Мое предвзятое мнение: он был одним из лучших ныне живущих певцов Иерусалима. Это о его полотнах сказал известный критик Меер Ронен: «У Вас каждый сантиметр на холсте работает». Эдик Капитайкин, писатель и театральный критик так писал о работах Зеленого: «Он увидел в израильской природе не просто очередную натуру, но сумел постичь ее душу, внутренний драматизм и «надреальную» библейскую поэзию».

ВОИН И МАСТЕР

СЕМЁН РОЗЕНШТЕЙН

Когда я веду своих друзей по Старому городу Иерусалима, в Еврейском квартале я всегда заглядывал в студию художника Семёна Борисовича Розенштейна. Студия находилась в самом центре квартала – рядом со знаменитой аркой синагоги «Хурва». Если Вы стоите на площади лицом по направлению к Стене Плача, то справа, на углу, довольно большая витражная вывеска, где на иврите было выведено имя художника. Кто только не побывал в этом маленьком ателье: Никита Толстой, Евгений Евтушенко, Юрий Нагибин, Геннадий Светланов, Давид Черняховский, Анатолий Рубашев, Геннадий Сосонко. Друзья и знакомые были в восхищении, по-видимому, Розенштейн – последний еврейский художник, в смысле, что он прямой наследник Пена, Шагала, Эль-Лисицкого, Альтмана, Монне-Каца. Семён Борисович. Последний художник, запечатлевший быт исчезнувших местечек России.

Зайдем в крохотную мастерскую. В первую очередь бросается в глаза большой портрет Любавического ребе. Дело в том, что в ателье заглядывают старожилы квартала – хасиды, и им приятно видеть своего Учителя, выполненного рукой мастера. Очень многие приобретают этот портрет. И, кстати, не обязательно верующие евреи, например, его приобрел турист-японец.

Если попросить художника, то он гостеприимно продемонстрирует работы. Вот библейский сюжет: псалмопевец Давид поёт царю Саулу. Действие происходит в шатре повелителя, сумрачное лицо которого необыкновенно выписано рукой мастера. Самую большую картину, размером 1,5х1,5 приобрёл заезжий американец. Тут же Вы увидите танцующих фрейлахс евреев. Увидите встречу субботы в доме простого еврея: зажженные свечи, лицо усталой молящейся женщины. А на столе – неизменная хала и фаршированная рыба.

А вот еще картина из быта далекого прошлого: Зима, снег, сани, балагула везет старого еврея в неизвестность... Еврейки, раскатывающие тесто для мацы, сапожники с дратвой и молотком за работой, евреи-силачи, – кузнецы у горна – это работа автобиографическая. Есть и неизменные портные и свадьбы и, увы, похороны – обыденная жизнь уничтоженного местечка. Меня же из всей энциклопедии прошлого больше всего поражает совсем другая картина: местечковый базар, и старые еврейки ощипывают гусей. Они держат птицу особым образом. Мальчишкой Розенштейн подсмотрел, как это делается. Белые как снег перья рассыпаны на земле, жесты женщин привычны и сильны. У меня текут слюнки: из гусяного сала будут сделаны шкварки – «грибенкис». Не блюдо, а объеденье.

Студия переполнена натюрмортами и пейзажами Иерусалима. Во всем видна рука мастера. Осталось лишь познакомиться с жизнью подвижника. Она необычна, даже для советского человека.

Родился мастер в Каменец-Подольске, 8 марта 1926 года в семье стекольщика Бейреша и Хаи Розенштейнов. До революции отец был владельцем маленькой лавочки в городке Дунаец, что возле Каменца, но Гражданская война перевернула его жизнь и быт. Сейчас много говорится о примирении евреев с украинцами. Якобы надо простить взаимные обиды и начать новую жизнь с чистой страницы. В это не верится. Судите сами на примере того, как обошлись украинцы с семьей Розенштейна. Первую жену отца петлюровцы после жутких мучений убили, и остался вдовец с двумя детьми. Он женился на вдове Хае, мужа которой также убили петлюровцы. Будущая мать художника была родом из местечка Ланц-Корунь (что в 12 километрах от Каменца), где её отец, дедушка нашего героя, был раввином. У Хаи от первого брака тоже были две девочки. Два вдовца создали новый семейный очаг, и Господь одарил их сыном и дочерью. Отец после семейной трагедии потерял веру в Бога, а мать соблюдала традиции, и этому он не препятствовал. Отец работал стекольщиком в пограничном отряде, расположенном в городе. Каменец-Подольск – это «Старая Крепость», воспетая писателем Владимиром Белявым, кстати, хорошим человеком и филосемитом. Детство Семёна как раз было связано с крепостью.

Детишки перебирались через речку Смотрич в крепость и залезали в каждую щель. Они же и обнаружили знаменитый подземный ход, выходявшей к речке. Выход был замурован в советское время. С этим ходом связана история осады города турками.

Учился Семён в 1-ой украинской школе в Старом городе (бывшая гимназия). Окончил 9 классов, но началась война.

Художественное дарование мальчика проявилось в раннем детстве, когда он начал копировать все, что попадалось ему в руки. Причем, бедность была такая, что у него зачастую не было ни карандашей, ни красок. Фактически Семен был самоучкой. В школе он оформлял стенгазету, получив прозвище «художник». В горниле войны сгорели его детские и ранние юношеские рисунки.

Когда началась война, нашему герою было 15 лет. На второй день начались авиационные налёты на город. В дом, где жили Розенштейны, попала бомба. До сих пор помнит этот адрес художник: Центральная площадь, д.8. К счастью, отца не было дома, но в начавшейся панике хлынувшая толпа напуганных людей чуть его не раздавила. Сам же Семён, бывший дома, получил травму. Разрушенное жильё пришлось покинуть.

30 июня, при приближении немцев, семья бросилась бежать из города. При этом мать колебалась: австрийцы I-й мировой войны были вполне человечны, но тогда были другие времена, и наци – это не австрийцы Франца-Иосифа. Инстинкт самосохранения заставил семью эвакуироваться.

Не было транспорта, на вокзале с трудом сели в последний поезд, и на открытой платформе семья из шести человек бежала в неизвестность. Как стало известно впоследствии, на следующий день в город вошли немцы, а 28 августа 1941 года было расстреляно 16 тысяч евреев – все население гетто. Нелишне отметить, что в антиеврейских акциях активное участие приняли украинцы, а также они «вдохновенно» разграбили еврейские дома. В Каменец немцы свезли евреев и из Чехословакии, Венгрии, Бельгии и Голландии – они были тоже истреблены.

Художник говорит, что истребили 80 тысяч человек и у него сохранились фотографии рвов, где расстреливали несчастных. Один ров был исключительно детский.

Поезд шел на Казатин – Киев – Харьков. До Казатина есть было нечего, к счастью, в вагоне нашёлся лук и немного сахара. В Казатине отец пошел добывать съестное и отстал от поезда. Нагнал отец семью после больших приключений лишь в Средней Азии. Далее путь вел в Мариуполь. Семён работал на швейной фабрике, затем послали в колхоз собирать клещевину, шедшую на изготовление машинного масла. Но спустя месяц пришлось опять бежать – немцы приближались к Азовскому морю. Мать напекла коржиков из какой-то трухи, и семья выехала в Махачкалу. На городской площади валялись десятки тысяч эвакуированных, в громадном большинстве евреев. Люди вповалку лежали под открытым небом. Стояли длинные очереди на пароход, перевозивший людей на ту сторону Каспия, в Красноводск. Ужасной холодной осенью в ноябре 1941 года, на открытой палубе, по колено в воде, добрались до Туркмении. Несколько дней кантовались на улицах Красноводска и, наконец, с большим трудом сели на поезд. Первой семейной потерей стала смерть племянницы. Семья не знала, что это уже не первая жертва: муж сестры погиб на фронте в конце июня. Маршрут пролегал по Закаспийской железной дороге в сторону Коканда, в Ферганскую долину. Было холодно. Шел декабрь и январь. Семёна взяли в ремесленное училище по обучению на профессию кузнеца. А мать, сестра и отец мучились в городе. Семен жил в общежитие. Подрабатывал ночью на хлебозаводе. Это как-то помогало выжить. Но отец заболел, слабое сердце не выдержало, и он умер. Ему было 62 года. В больницу не пускали – боялись эпидемии, но, как ни странно, из окна выкинули сверток с ботинками покойного.

Ремесленное училище – не кадетский корпус. И мальчику-еврею нужно было иметь мужество жить в антисемитской и полууголовной среде. Дрался со всеми за малейшее оскорбление национального достоинства. В дело шли не только кулаки, но и молотки. Как бывает в подобных обстоятельствах, физически сильный юноша отстоял свою честь и приобрёл уважение однокашников. После окончания училища, партию выпускников отправили в Ташкент, а затем на Урал, на военный завод. По дороге заболел инфекционным заболеванием, месяц находился в больнице. Но здоровый организм превозмог недуг.

Семён пытался помочь своей семье, продав полученное обмундирование и ботинки, выслал деньги сестре, потерявшей ребенка. Он опоздал: в это время мать (57 лет) и младшая сестра (12 лет) скончались от тифа. Осталась в живых старшая, молочная сестра. После выздоровления Семена отправили в Магнитогорск. Там он работал на оборонном заводе, в кузнечном цеху.

А в армию он пошел добровольцем уже в 1943-м. Был поначалу снайпером, а затем отправили его в летное училище на Алтай, в город Камень-на-Оби. Шесть месяцев тяжёлой учебы. Окончил её на отлично и был направлен для совершенствования в школу АДД (Авиация дальнего действия) в г. Новосибирск. Там его настиг конец войны. Жизнь Розенштейна – это сплошная случайность. Заместитель командира полка, майор, по национальности – русский, на гражданке бывший директором школы, обратил внимание на талантливую самоучку-художника. Жена политрука, работавшая также директором школы, помогла ему окончить десятилетку. Да будет благословенна память этих людей, фамилии которых Розенштейн запомнил. Только благодаря этой паре он сумел получить аттестат зрелости с отличием. Было ему уже 23 года. Золотую медаль на руки не получил, так как находился в военных лагерях на учениях. Ходил в школу сдавать экзамены, проделывая 24 километра в день: 12 – до города и 12 – обратно в лагерь! Параллельно нашел время заниматься в художественной студии в Новосибирске. Прилежно учился рисованию. Впервые его педагогом был профессиональный художник, уговоривший его поехать учиться в Ленинград. Вообще, Семён был разносторонне развит, занимался также спортом. Увлечение привело к катастрофе: во время футбольного матча сломал ногу и лежал в госпитале полгода. Но нет худа без добра: там проявился его артистический дар – он участвовал, и небезуспешно, в госпитальной самодеятельности.

Демобилизовался Розенштейн в конце 1949 года. Ему некуда было ехать: на пепелище делать было нечего, и он для учебы выбрал Ленинград. Имея в руках направление от воинской части, в ноябре 1949 года Семён прибыл в Ленинград для поступления в художественное училище.

При приёме в середине года возникли трудности: принять приняли – слишком талантлив был абитуриент, и сразу же на второй курс второго семестра, но стипендию не дали. Училище, увы, не обеспечивало общежитием. Жил Семён на случайных квартирах. Летом работал инструктором по туризму на Карельском перешейке. Там познакомился с русской семьёй, у которой и прожил полтора года. Поначалу, по ночам работал на табачной фабрике им. Клары Цеткин. Затем устроился «по специальности» – художником-оформителем в воинской части. То, что он бывший летчик, ему помогало в быту, хотя трудности были невероятные, но как бы то ни было, в 1953 году, Семен Борисович Розенштейн получает диплом с **отличием** художника и педагога рисования и черчения средней школы. Это была победа. А впереди «светила» Академия Художеств им. И.Е.Репина, куда он мог поступить без экзаменов по общим предметам, ибо имел диплом с отличием.

При приеме были лишь специальные экзамены по будущей профессии: рисунок, композиция и живопись. Справился с этим он неплохо: четверка и две пятёрки. Жить стало легче: стипендия и общежитие при Академии на Васильевском острове были обеспечены.

Учился Розенштейн в мастерской Иогансона. Борис Владимирович Иогансон был не только официально признанным художником, даже одно время был президентом Академии Художеств СССР, но, кроме того, был интересным и опытным мастером и педагогом. Его работы 20-х и начала 30-х годов всегда останутся знаменем времени. Он много дал своему ученику.

А послеучебное время студенты проводили в так называемой «пивной Осмеркина», которая еще помнила последнего члена «Бубнового валета». Учился Семён превосходно, запоем, хотя и был старше намного своих сокурсников. Педагоги хвалили его. Проучился Розенштейн всего пять с половиной лет и был уволен из Академии художеств «за моральное разложение». Как это произошло, и что скрывается за этой формулировкой?

Начало конфликта лежало в самом характере художника, избравшего дипломную работу с очень удивительной для советского времени еврейской темой: «Убийство нацистами евреев».

А прелюдия такова. На четвёртом курсе Розенштейн сделал эскиз «Нацисты ведут евреев на расстрел», который понравился

его руководителю, художнику Соколову. Конечно, фронтовик Соколов, потерявший глаз на фронте, русский порядочный человек, в первую очередь оценил художественное мастерство, сознательно или бессознательно, закрыв свой единственный глаз на суть работы. Но когда Семён выбрал эту тему для своей дипломной работы, то высокое начальство просто переполошилось. В то время Академию курировал знаменитый скульптор, Евгений Викторович Вучетич, который вызвал на ковер строптивного студента. Разговор был тяжёлый и интересный. Вучетич сразу же понял, что уговорить или еще хуже напугать строптивца невозможно: перед ним был фронтовик, человек, убеждённый в своей правоте, и потому он прибег к аргументации, которую Семен Борисович воспринял лишь только тогда, когда приехал в Израиль. Иезуитская суть слов Евгения Викторовича Вучетича сводилась к тому, что **следует избегать показывать слабость и беспомощность еврейского народа. Наоборот, следует изображать евреев-героев, бойцов за правое дело, мстителей за погибших. Маккавеев** (По типу, как писал в 41 году Алексей Сурков: «Красноармеец Гириш Леви, потомок древних Маккавеев, или нынешних, как генерал Черняховский»)!

«Он был прав», говорит художник сегодня. «Нельзя, после всего пережитого, показывать наш народ в унижении», повторяет он. (В словах Вучетича есть «некая хитрость»). Собственно скульптор почти дословно воспроизвёл слова Л.М. Кагановича, выступавшего перед войной в Еврейском театре. А во-вторых, бессмысленно спорить о национальности Ивана Даниловича Черняховского, если сам автор монумента указывает на неё генералу.

Розенштейна отчислили с вышеприведённой формулировкой, которая выглядит еще более странно на фоне справки о прослушивании в Академии пяти курсов со средним баллом почти «отлично»!

Семён уезжает в родной город Каменец-Подольск. К этому времени он был женат. История женитьбы обычна. После третьего курса, узнав, что его сестра жива, скопил деньги и уехал на каникулы в Каменец, где сестра познакомила его со своей подругой Идой, которая оказалась сиротой – её отец погиб на фронте. Семен женился и никогда не жалел об этом. Ида была математиком, и все их дети пошли в мать.

Старший сын, победитель всесоюзных олимпиад, – ныне профессор физики элементарных частиц в университете в Тайбэе (Тайвань). Он – офицер запаса израильских вооруженных сил. Дочь, живущая в Австралии, – компьютерщик, старший лейтенант запаса израильских вооруженных сил. Младший сын – Моше, в Израиле: после окончания службы в артиллерии, также занимается программированием.

Жил Семён в Каменец-Подольске, по его же словам, как помещик. Он организовал артель художников, состоящую из «интернационала»: еврея, украинца и поляка. Услугами этой артели пользовались самые разнообразные лица. Так, в 1957 году они даже расписали сельскую церковь, получив довольно большую сумму. «Артель» украшала клубы городов, поселков и колхозов, делала копии картин русских художников, рисовала всесоюзных и туземных вождей. Работы было много. А для души он рисовал пейзажи и натюрморты, и портреты, вроде портрета еврея, полного кавалера ордена Славы. Работница у станка. Портрет находится в местном музее – за работу он получил 150 рублей. Участвовал в республиканской выставке в Киеве. Вообще, в Каменец-Подольском музее осталось много работ мастера.

Как только появилась возможность выехать в Израиль, Розенштейн моментально ею воспользовался. Напомним, это был 1974 год, когда подобное деяние было сопряжено с невероятными тяготами. Только через полгода обитания в Назарете он перебрался в Иерусалим. Столица привлекла его своим климатом и мистикой. Странное сочетание, но оно воплощено в полотнах мастера. Фактически Семён Борисович – единственный из бывших советских художников и один из немногих израильтян – имел студию в Еврейском квартале Старого города. Выставлялся же он в Израиле бесчисленное количество раз. Картины хорошо продавались, что помогло приобрести ателье. Так, один турист из Америки купил полотно «За обеденным столом» (*еврейская семья справляет шабес в местечке на Украине*), сразу заплатив 15 тысяч долларов, другой американец, купил 25 картин. Еврей из Голландии приобрёл 30 картин и продолжал покупать по картине каждый год. Кто только не покупал у него его работы: японцы, новозеландцы, австралийцы, евреи из Южной Африки и почти из всех стран Европы.

Но с грустью говорит художник – прошли те времена. Интифада уничтожила туризм. Сам же художник, несмотря на возраст и болезни, каждый год едет по европейским музеям: «Учусь, – серьезно говорит он, Но остаюсь художником советско-русской школы».

Ранней весной в Иерусалиме по дороге в больницу Хадасса, что расположена в Эйн-Кареме, из окна автобуса №19 мы могли видеть следующую картину: рядом, на пригорке, с мольбертом стоит человек, рисующий цветение миндаля. Это был неутомимый труженик – Семен Борисович Розенштейн...

Последние годы мастер болел. Неизлечимая болезнь неутомимо сокращала дни жизни и силы. Но, едва оправившись от очередной порции химиотерапии, он работал, работал, работал... Последнее, чем он занимался, была попытка провести выставку в Иерусалиме. Всё уже было на мази. Я часто навещал Семёна Борисовича, как в студии, так и на дому. Мы почти соседи. В последний раз зашёл недели две тому назад. Он был щедр и гостеприимен. Выпили соответствующие «наркомовские» и расстались, не подозревая, что это был прощальный визит. 17 июля 2006 года он ушел от нас... Тело его было предано земле на кладбище Гиват Шауль в Иерусалиме, городе, который он любил и который он воспел в симфонии красок.

Жизнь продолжается...

Живут и картины Семёна Розенштейна, в удивительном и прекрасном мире великих художников. Совсем недавно, в 2009 и в 2010 годах на Украине, в Харькове и Киеве было представлено собрание живописи известного коллекционера и политического деятеля Александра Фельдмана. Собрание, официально называемое Feldman Family Museum, включает 100 работ еврейских и нееврейских художников, но работы последних посвящены еврейской тематике. Среди них нашлось место и Семёну Розенштейну. Перечислим его «соседей»: Хаим Сутин, Моисей Кислинг, Моше Кастель, Якоб Штейнхардт, Нахум Гутман, Марсель Янко. Советский авангард представлен Розенштейном. В Харькове выставка называлась «Золотая Менора» – эта скульптурная композиция великого испанца Сальвадора Дали, и, как сказано в сообщении, визитная карточка собрания. Другое название – «Менора мира».

Довольно значительная часть выставки – произведения старых мастеров, в частности – Исидора Кауфмана, Карла Остерзетцера, Германа Керна, Карла Шлейхера, Лессера Ури, Йозефа Изразльса, Юдея (Иегуды) Пэна, Иосифа Матусевича, Соломона Кишиневского. Представителям авангардистского движения отводилось весьма важное и заметное место в экспозиции – примерно половину картин составляли работы авангардистов. Прославленная Парижская школа была представлена как звездами первой величины (Марк Шагал, Моисей Кислинг), так и менее известными мастерами, среди которых несколько уроженцев Украины – Иссахар Рыбак, Мане-Кац (Иммануэль Кац), Альберт Вейнбаум, Исаак Френкель, Жак Готко (Яков Готковский), Авраам Берлин, Илья Павиль и Артур Кольник. Солидную подборку «парижан» органично дополняют произведения еврейских мастеров русско-советского авангарда, таких как Натан Альтман (тоже уроженец Украины), а также Нина Айзенберг и Соломон Гершов, считавших себя учениками Шагала. Изобразительное искусство Израиля тоже представлено яркими именами – Моше Кастель, Якоб Штейнхардт, Нахум Гутман, Семен Розенштейн, Марсель Янко и Иосел Бергнер. Наряду с произведениями еврейских художников в экспозиции были представлены также работы мастеров других национальностей, посвященные еврейской теме. Среди них – украинец Сергей Васильковский, русский Владимир Маковский, поляк Юзеф Панкевич, англичанин Джон Гилберт, чех Карел Строфф, испанец Сальвадор Дали. А скульптурная композиция Дали, известная как «Золотая Менора», подчеркивают организаторы, станет одним из центральных экспонатов и своего рода визитной карточкой всей экспозиции. Выставка откроется сегодня вечером, в галерее «АВЭК». Как попасть на нее – смотрите на странице Афишка.

Выставку, организованную Международным благотворительным фондом Александра Фельдмана, за 2 месяца посетило свыше 35 тысяч человек.

А в Каменец-Подольске, на родине художника, над целебным источником, как память о нём – большое мозаичное панно художников С. Розенштейна и О. Янишевского, на котором изображена сцена по мотивам местной легенды.

ЛЮБОВЬ МОЯ – РОССИЯ, КИТАЙ, ИЗРАИЛЬ, ЕВРОПА. ЛЕОНТИНА СМУШКЕВИЧ

Сегодня радостный день. Хотя идет война и каждый день гибнут люди. Но жизнь продолжается – в Бейт-Эммануэль выставка удивительной и уникальной художницы. Всё это несомненный признак нашей выживаемости. Это праздник – вновь увидеть полотна Леонтины Соломоновны. Смушкевич – художественное явление, возможно уникальное. Редчайшее сочетание русской, китайской и европейской школ – и все это соединённое в дивном творчестве художницы. Она принадлежит, увы, к исчезающему племени русских китайцев, тех, которых мы в Израиле зовем харбинцами, хотя среди них попадаются люди из Шанхая или других городов Поднебесной.

Харбин.

Город, который строился русскими в конце прошлого века, когда сооружалась Великая железнодорожная магистраль, соединяющая Европейскую Россию с Тихим океаном. То время, о котором великий поэт сказал: «Когда в далекую Корею катился русский золотой». Добавим, что вклад российского еврейства в создание Харбина неоценим. Начиная с того, что место для будущего города было выбрано евреем-генералом Владимиром Михайловичем Грулевым в 1898 году, ставшим позднее героем русско-японской войны. Харбин имел массу учебных и культурных учреждений (*оперу, балет, оперетту, театр, несколько концертных залов*); еврейское участие в общественной жизни города было велико. Евреи составляли значительный процент европейского населения – в середине 30-х годов – 20 тысяч евреев на 100-150 тысяч европейцев. Между двумя войнами, в связи с наплывом эмигрантов из России, жизнь в Харбине была ключом, и это продолжалось вплоть до оккупации города японскими войсками.

Выросла и культурная жизнь. Открылись эмигрантские высшие учебные заведения: Юридический факультет, Ориентальный Институт, музыкальные школы. Начали выходить газеты: «Заря», «Рупор», журнал «Рубеж».

Сотнями издавались книги, поэтические сборники, которые ныне представляют библиографическую редкость и высоко ценятся в кругах библиофилов. Постоянно действовали художественные выставки. Евреи занимались спортом, и действовало спортивное общество «Маккаби». Во время II Мировой войны, когда город был оккупирован японцами, европейцы стали покидать благословенную Маньчжурию, и сегодня, кажется, ничего не осталось от прошлого.

Тем более, что приход Красной Армии положил начало гибели европейского оазиса. Напомним, что собственно еврейская жизнь города была высокого накала. Выходило несколько сионистских журналов на русском языке – «Еврейская жизнь» и «Га-дегель». Многие харбинцы переселились в Палестину еще до войны, большая часть прибыла уже после советской оккупации. Несмотря на малочисленность, «китайцы» – были заметны на политическом и культурном фоне Израиля.

Наша героиня родилась в семье импортера зерна Соломона Гилевича и Евы Львовны, урожденной Добришман. Мать была по профессии дантистом, одна из отраслей медицины, где в то время подвизались еврейки, не имеющие правожительства. Семья матери была родом из Одессы, семья отца – из Литвы. Родители поселились в Харбине еще до революции, в 1912 году. Дедушка по матери был владельцем обширных каменоломен.

Художественный талант у Тины наследственный – её родная тетка, сестра матери, по мужу Кофман, была театральной художницей.

Сама же Тина рисовала с детства. В тринадцать лет она поступила в частную студию художника Алексея Николаевича Клементьева (1875–1946), ученика Репина. Я никогда не думал, что смогу раскопать какую-либо информацию об этом художнике. Но... помог случай.

В воспоминаниях выдающегося художника Мстислава Добужинского Клементьев был упомянут несколько раз. Я останавливаюсь на этом художнике именно для того, что бы мы поняли – случайного в живописи не может быть. Мы многим обязаны своим учителям. Скажем, Тинторетто – ученик Тициана, Тициан – Джорджоне, Джорджоне – ученик Джованни Беллини, Беллини

учился у Мантеньи и т.д. Генеалогия важна не только в Библии и в Евангелии – она важна в профессии.

Добужинский и Клементьев встретились в 1898 году в Германии. Клементьев происходил из богатой волжской купеческой семьи, выдержал жестокую борьбу с отцом за право заниматься живописью, учился в Петербургской Академии живописи, в классе у Ильи Ефимовича Репина. Он рано женился на «милой хохлушке» – Вере Андреевне. Молодая пара уехала в Германию, в Мекку тогдашней художественной жизни – Мюнхен, где Клементьев поступил в знаменитую студию-школу Ашбе. Если я перечислю русских учеников этой школы, то вы сможете оценить их средней уровень: Игорь Грабарь, Алексей фон-Явленский, Дмитрий Кардовский, князь Сергей Щербатов, Александр Мурашко, гений – Василий Кандинский, сам Добужинский. Мстислав Валерианович донёс до нас обрывки биографии и образ учителя Тины: «...нравы (*семьи Клементьева*) были в духе Островского. Сам Клементьев был веселого нрава, остронос, в пенсне со шнурком за ухом и носил эспаньолку...». Добужинскому очень нравилась его пылкость, жажда знаний, упорство, настойчивость. Клементьев накопил массу фотографий с картин старых мастеров, и они рассматривали их вместе подолгу. Отсюда у Добужинского преклонение перед Францем Гальсом, оставшееся на всю жизнь. По своим художественным устремлениям они были разные натуры, и Добужинский мало мог позаимствовать у своего друга. Зато жёны подружились, и неопытная хозяйка, жена Мстислава, получила первые уроки домоведения от жены Клементьева... Вечером друзья гуляли вчетвером, заглядывая в пивные, а весной уезжали смотреть известные коллекции. На прогулках рисовали в альбом. Затем друзья переехали в Венгрию, в школу не менее знаменитого Шимона Холлоши. Там друзья познакомились с художником, а впоследствии знаменитым издателем, Зиновием Гржебиным. Посещали вместе православные церкви, где Вера Андреевна Клементьева привлекала к себе внимание малороссийским костюмом с лентами и бусами, которым она щеголяла. Затем друзья расстались – Клементьевы уехали к родителям в Рыбинск. Вот то немногое, что нам известно об этом художнике.

Каким ветром его прибило к Харбинским берегам – нетрудно догадаться. Вероятно, ураган гражданской войны занёс на далекую окраину империи. До этого у него была небольшая остановка в Омске, где у него учился известный художник В.И. Уфимцев, который в советское время сумел сказать о художнике-эмигранте несколько тёплых слов. Это называлось – студией Клементьева. Во времена, когда еще недавно ругали художников направления «Мир искусства», Уфимцев вложил в уста сына Клементьева – «Женьки», что он «признавал только Бакста, Сомова, Добужинского». Алексей Николаевич Клементьев называл футуристов шарлатанами и своих взглядов не изменил.¹¹

И скажем спасибо этому человеку, который открыл художественный талант у своей ученицы, сумел ей передать неиссякаемую любовь к живописному труду, привил любовь к великой русской живописи. Благодаря Клементьеву её первые выставки были проведены в зале Коммерческого собрания (1947-1949). Общее же образование Тина получила в школе христианской молодежи (YMCA), которую окончила в 1949 году. Тина была человеком талантливым и параллельно закончила также Харбинскую консерваторию по классу рояля профессора Иваницкого.

Ориентализм был привлекателен в европейском искусстве еще со времен венецианца Витторио Карпачио (XV-XVI в.в.) и Рембрандта. Они копировали восточные миниатюры. Однако здесь надо различать две тенденции. Одна, бросающая в глаза – мода. Вторая более глубинная – поиски общего, если хотите, созвучия – в европейском и восточном искусстве. Так, была мода в Западной Европе в XVIII веке на все китайское: фарфор, лаки, вышивки. Мода была и в России – в Ораниенбауме был построен знаменитый Китайский дворец. Это была чисто внешняя попытка выйти из надоевшего шаблона. Со второй половины XIX века импрессионисты стали пытаться применить восточные живописные приемы как нечто органичное, соединив их с европейскими принципами живописи. Если раньше европейцев привлекала причудливость и красочность китайского орнамента, то для импрессионистов привлекательны были лаконичные, предельно острые по рисунку, произведения искусства школы **дзэн**.

Моя задача – не углубляться в глубины этой философии – так как объяснить эту систему сложно. Вместе с тем, в отличие от других школ буддизма ей присуща привлекательная странность: в самом обыденном – видеть необычное, с легкостью сводить неразрешимые конфликты к обыденному разрешению, пустяку, прозаизму. Живя в страшном и неадекватно-жестоким современном мире, кажется можно, используя эту систему, найти компромисс...

Поэтому, нельзя сбрасывать со счетов и знакомства художницы с великой китайской культурой. Китайская живопись, безусловно, оказала влияние на творчество многих европейских художников. Вспомним многочисленные «китайские комнаты» во дворцах русской знати в XVIII веке. И не случайно дом Тины наполнен китайскими редкостями. Фарфор и инкрустация на черном дереве, дивной красоты слоновые бивни, бронза колокольчиков и многое другое заполняют комнаты бывших харбинцев. Я прослеживаю китайское влияние в передаче тончайших линий светотени, в некой плоскостности изображения и, главное, во вкусе, в мере, не превышающей необходимости. Известно, что китайская живопись выросла из каллиграфии – науки точной и выверенной, что наряду с отмеченной историками, болезненной любовью китайцев к природе, привело к созданию ландшафтного пейзажа. Короче, более всего бросается в глаза при знакомстве с китайской живописью её графический характер, который она сохранила вплоть до нашего времени. Китайские живописцы в первую очередь – каллиграфы и рисовальщики. В их произведениях главную роль играет контур, проведенный сильной рукой, отчетливо видный как на переднем, так и на заднем плане. Кто желает познакомиться с китайским искусством – тот может пройти в муниципальный музей Рамат-Гана и вдоволь насладиться «китайщиной».

Итак: в творчестве художницы встретились два начала, две мудрости – еврейская и китайская. Два народа, древнейшие на нашей планете, в своем мышлении имеют много общего:

«Мудреца спросили: есть ли такое слово, которое можно бы было наполнять для своего блага до конца жизни?»

Мудрец сказал: есть слово *шу*; смысл этого слова такой: чего мы не хотим, чтобы нам делали, не надо делать другим». ¹²

Речь идет о Конфуции. Но то же самое рассказано о еврейском мудреце Гилеле. Сущность иудаизма заключается в нескольких словах: «Что тебе неприятно, того не делай своему ближнему; вот сущность Торы; всё остальное только комментарии».¹³

В данном конкретном случае, при рассмотрении картин Леонтины Смушкевич я бы оценил в них непосредственность, прямоту, покой, равновесие, доброжелательность. Пожалуй, даже возвращение к детскому восприятию мира. Это отнюдь не упрощенность или искусственный примитив. Это взгляд человека много знающего, много учившегося и много видевшего.

В 1951 году Тина вышла замуж за инженера Григория Марковича Смушкевича, дальнего родственника знаменитого советского летчика, дважды Героя Советского Союза Якова Смушкевича, расстрелянного сталинскими палачами уже после начала Великой Отечественной. Тогда же они перебрались в Израиль, где пробыли около года, а затем в 1953 году переехали в Гонконг. Из-за работы мужа семья Смушкевичей постоянно находилась в разъездах (*Гонконг, Сайгон, Италия*). И последнее обстоятельство также способствовало росту художественного мастерства. Четыре года она обучалась живописи в Риме в студии профессора Фуманти. (1963/1967). Дважды в 1966 и 1967 г.г. участвовала в римских выставках. В 1972 году Смушкевичи обосновались окончательно в Израиле.

Она – труженица и до последних лет преподавала по классу рояля в Музыкальной консерватории г. Рамат-Гана и постоянно занимается живописью. Неоднократно участвовала в персональных выставках. Выставки Тины Смушкевич неизменно пользовались успехом, отмечались печатью и критикой в изданиях на иврите, русском, английском и даже китайском языках.

Картины Леонтины Смушкевич находятся в музеях и частных коллекциях многих стран: от Израиля до Австралии и США. Имя её вошло в престижные энциклопедии.

Мы можем подытожить.

Художница сумела в своем творчестве соединить европейское искусство с китайской живописью – создав нечто новое, до сих пор мало известное.

Ни на йоту не отступив от достижений русской реалистической живописи, она сумела впитать в себя образцы классической китайской живописи, той, что в критике обозначают болезненной любовью к природе. Отсюда увлечение художницы детализированностью, декоративностью и символичностью. Увлечённость линиями не препятствует психологическому прозрению художницы, создавшей уникальные портреты, пейзажи и натюрморты. Лучшие портреты художницы находятся в президентской коллекции – это портреты президентов Израиля Ицхака Навона и Хаима Герцога. Творчество художницы - светозарно. Солнечный радостный цвет её картин создаёт впечатление бесконечного праздника. Её полотна излучают доброжелательность, умиротворение. В наш жестокий век они приобретают удивительную целебную силу. Недавно же произошло чудо! Художница получила письмо от своего собрата – знаменитого китайского художника и писателя Гао-мана (Суня), который вместе с Тиной занимался у незабвенного Клементьева. Разве это не чудо! Чудо совершила китайская школьная подруга Тины Смушкевич – Сонг, живущая сегодня в Австралии. И чудо должно завершиться встречей двух друзей: это справедливо по всем параметрам, в том числе и по жизненной правде. В декабре 2005 года в самой крупной партийной газете «Женьминьдзибао» и в самой большой газете Пекина «Бейджин чинянбао» – народный художник и народный писатель Китая Гао-ман опубликовал большую и восторженную статью о своей далёкой подруге из Харбина. Надо добавить, что Гао-ман – пламенный поклонник русского языка и Пушкина, стихи которого знает наизусть и за иллюстрации к его произведениям получил Пушкинскую премию. Не надо говорить, что Леонтина Смушкевич, как и великое множество земляков, разбросанных по градам и весям мира, обожает русскую литературу и, понятно, живопись. Это ли не чудо. И чудо должно произойти: двое учеников Клементьева должны встретиться!

У меня личная просьба к нашим китайским друзьям: Вы должны устроить выставку художницы Леонтины Смушкевич в Китае, лучше всего на ее родине, в Харбине. Это будет справедливо, ибо она пронесла через всю жизнь любовь к китайскому народу, к его истории и его искусству...

Два самых древних народа должны жить в мире и дружбе, чтобы выстоять в этом слишком резком мире.

Так пожелаем Леонтине Соломоновне долгих и счастливых лет жизни и творчества. Пусть в будущем она будет радовать нас своими полотнами не только на выставках, но и в наших домах.

Л. Смушкевич. Воспоминание о Китае. Холст, масло.

ПОРТРЕТЫ НА ФОНЕ ИЕРУСАЛИМА

**ХАИМ МАРИНОВ
ЯКОВ СОРОКЕР
ЛЕВ МОГИЛЕВЕР**

* * *

Хаим Маринов был почётным гражданином Иерусалима. Свое девяностолетие отметил в окружении детей, внуков, правнуков. Семья издала в честь этого события брошюру его воспоминаний под названием «Жизнь». Выступая на вечере в его честь, все желали самой удивительно паре в Иерусалиме здоровья и произносили обязательную фразу: «до 120!»

* * *

Якова Сорокера – доброго человека, честного и великого труженика любили. Большая беда – потеря уникального энциклопедиста, который мог бы снабжать нас информацией ещё многие годы. Но истинное горе – потеря доброго друга...

* * *

Обязательность Льва Могилевера была потрясающей. В нём жила доброта и щедрость ушедшего старого времени. И ещё его отличала скромность, в наш век выпячивания своего «Я» он был воплощением анонимного филантропа. Скольким новоприбывшим он помог! Он был воплощённым **добром**: «Если же будет у тебя нищий кто-либо из братьев твоих, в одном из жилищ твоих, на земле твоей, которую Господь Бог даёт тебе, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей перед нищим братом твоим, но открой ему руку твою и дай ему займы, смотря по нужде, в чем он нуждается».

ХАИМ МАРИНОВ

(1904 – 2001)

Хаим Маринов родился 19 сентября 1904 года, точно в Йом-Кипур в городе Борисове, под Минском в Белоруссии (*«Ты помнишь, Алеша, избу под Борисовым...»* – еврейское местечко было снесено Второй мировой войной. Ибо в конце позапрошлого века из 15 тысяч жителей – около 8 тысяч было евреев). Отец работал на заготовке леса и искал заработки, чтобы прокормить большую семью. Мальчик учился в хедере, но поскольку в связи с падением самодержавия, ограничения для евреев в 1917 году были отменены, Хаим поступил прямо во второй класс гимназии. В 1923 году он покидает Борисов, чтобы поступить в ВУЗ. Точно так же сотни тысяч евреев, а может и миллионы покинули местечки и уехали в большие города учиться и работать. С этой точки зрения Хаим – плоть от плоти своей эпохи.

Хаим едет в Петроград, с желанием поступить на медицинский факультет, но уже тогда существовали ограничения для некомсомольцев, и Хаиму пришлось поступить в институт физкультуры имени Лесгафта. Но закончить институт ему не пришлось.

С юного возраста Хаим входил в сионистскую организацию, и недремлющее око ГПУ арестовало 16-летнего подростка уже осенью 1920 года. Из родного местечка его перевели в Минск и обвинили в контрреволюционной деятельности. Сидел в подвалах ГПУ, в тюрьме, но по молодости лет через три месяца был освобождён.

В студенческие годы Хаим примыкал к сионистской организации «Хавер», которая послала его в город Сновск, Черниговской губернии на Украине. На Украине произошла знаменательная встреча – он увидел свою будущую жену – Даню Жерновскую. Между ними сразу вспыхнула любовь, выдержавшая испытание временем и пространством.

27 декабря 1925 года Хаим был вновь арестован ГПУ на месте преступления: он писал статью в сионистскую газету. После короткого заключения в Конотопе, его перевели в столицу тогдашней Украины, Харьков. К этому времени, в 1925/1926 годах, тюрьмы СССР были переполнены сионистами.

Однажды, большую группу арестованных вывели во двор, и следователь прочитал каждому приговор, вынесенный Коллегией ГПУ в отсутствие обвиняемых. Маринову дали три года ссылки в Сибирь. От Харькова до Новосибирска, порядка 6000 км и по этапу, в столыпинских вагонах, от тюрьмы до тюрьмы, ссыльные передвигались три месяца. Из Новосибирска Хаим попал в Иркутск, а затем в город Канск.

На сегодняшний день (писано в октябре 1996 года) Маринов остался едва ли не единственным политическим заключенным двадцатых годов. Его память хранит детали, которые могли бы пригодиться и Солженицыну, но к Хаиму никто не обращался...

Помогла ему организация «Помполит» – Помощь политическим заключенным (точное название: Политический Красный крест), возглавляемая бывшей женой Максима Горького – Е.П. Пешковой, спасшей сотни невинных жизней. В память о ней в Израиле посажена роща. На Пурим 1927 года (вот он верный признак освобождения!) Хаим получил бумагу об освобождении и после долгих мучений и приключений (Красноярск, Ачинск, морозы под сорок, голод, нелегальное положение) через Одессу на пароходе с символическим названием «Тобольск» прибыл в Эрец Исраэль 7 ноября 1927 года. Видимо, чтобы искренне встретить 10-летие Октября!

В Палестине в это время было всего-навсего полтора-два тысяч евреев. Работы не было. После безуспешных попыток устроиться в Тель-Авиве, Хаим прибыл в Иерусалим и прошел тяжелейший путь от строительного рабочего до заместителя городского головы Иерусалима.

Жизнь была трудной. Он сражался в рядах «Хаганы», побывал в английской тюрьме. На мой вопрос, какая тюрьма хуже, он ответил расхожей фразой: «Обе хуже!» Не забудем, что британское узилище было наследницей турецкого «калабуша».

В конце тридцатых годов Хаим возглавил профсоюзную организацию иерусалимских строительных рабочих и проявил себя мудрым стратегом. Именно он заставил работодателей подписать документ о создании пенсионного фонда, больничной кассы и прочих социальных условий для потерявших постоянную работу. Уже за одно это мы должны быть благодарны Хаиму Маринову.

В дальнейшем соглашения между работодателями и рабочими ориентировались на требования строительного профсоюза. В этом Маринов был пионером. Чтобы у читателя не появились иллюзии в отношении некоторых его политических взглядов, сразу отметим, что о социалистической «закваске» Маринов был невысокого мнения. Мне он говорил, что ему достаточно социализма пророков Иезикииля и Амоса...

В 1952 году Хаим потерял горячо любимую жену Дану. К этому времени у него было двое детей: сын и дочь. Это было катастрофой. В течение 22 лет Дана была его верной подругой. Внезапная и тяжелая болезнь унесла ее из жизни. Но каждый знает историю Иова. В той или иной вариации она происходит на наших глазах. Маринов по долгу службы часто ходил в Электрическую компанию. Там и встретил свою судьбу. Её звали Ида Фельдман, и она тоже была вдовой и имела дочь.

Хаим рассказывает, что войдя в новый дом, Ида проявила удивительный такт, нашла общий язык с детьми Хаима. Здесь к месту сказать, что Мариновы себе не построили палат каменных. Имели весьма скромную трёхкомнатную квартиру в Бейт-Кереме, квартиру старую. Хаим говорит, что в свое время это было единственное строение на этой улице. Никакого зеленого парка здесь не было, а сплошные камни представляли будущую проезжую часть. Да и автобуса не было, приходилось довольно далеко идти пешком.

Атмосфера дома необыкновенно располагающая – человека встречают хлебосольно, как принято в русско-еврейских домах начала XX века. В моем конкретном случае всё выглядело так. Хаим обращался к кухарке Анне: «Аннушка! Пирог мечи из печи!» В переводе это обозначало: чёрный хлеб, селёдка и водка. К колбасе подавалась горчица собственного изготовления. Никогда не покупал ни хрена, ни горчицы, Маринов не доверял промышленному потоку. Горчица драла глотку. Ах, вернуть бы эти благодолственные минуты!

Будучи заместителем мэра города, Хаим дружил с мэром Иш Шаломом и дружил до своей смерти с Тедди Колеком, с которым довольно часто говорил по телефону.

Оба мэра высоко ценили административный и хозяйственный опыт коллеги. Сам Хаим всегда нёс ответственность за городское строительство и гордо говорил, что Иерусалим при нём за тридцать лет вырос из провинциального городка с еврейским населением в 150 тысяч человек до города – столицы Израиля с населением свыше полумиллиона жителей; в их числе – евреев 420 тысяч. Очень много Хаим сделал для пожилого населения города, он выстроил в Санедрии дом престарелых, куда не надо платить вступительного взноса. К сожалению, нынче вступительный взнос представляет из себя значительную сумму.

Еще на пороге 90-летия, будучи членом правления общества «Мекарот» (источник) – организации по поиску пресной воды, он летал на совещания в Эйлат. Хотя и говорит, что за 70 лет пребывания в стране, предпочитал всегда ночевать в Иерусалиме.

Мои встречи с Хаимом и его женой Идой всегда приносили радость. В конце 1973 года, возвращаясь на побывку, я был приглашен на встречу с прибывшими танцорами Пановыми в отель «Континенталь» – на Масличной горе, в Старом городе – тогда это было безопасно. Хаим радовался как ребенок – в Израиле будет классический балет! Кстати, иерусалимский театр тоже был построен стараниями Хаима Маринова, организовавшего доставку иерусалимского камня из ближних и дальних каменоломен.

Как известно, деньги на строительство театра дал венесуэльский миллионер Шаровер. На его вилле в Иерусалиме хранился знаменитый портрет Корнея Чуковского кисти Репина. *(Неведомыми путями портрет попал в коллекцию Растроповича)*. К концу строительства, как не без юмора сообщил Хаим, деньги кончились и пришлось опять обращаться к Шароверу. Тот расшарил: «В Венесуэле я бы на эти деньги построил два театра». Но театр всё же был достроен, и этим мы обязаны Хаиму Маринову. Кстати, один из залов театра носит имя спонсора.

Конечно, Хаим принадлежал к иному времени, времени наивного идеализма. Ныне времена сурового прагматизма. Отдадим же дань тем, кто начинал и строил нашу страну.

Хаим Маринов умер в возрасте 97 лет, а через восемь месяцев умерла его жена Ида – ей было 90!

Очень печально, что красивая сказка закончилась...

Мир праху патриархов.

ЯКОВ СОРОКЕР

(1920–1995)

Я опоздал. В который раз опоздал. Я должен был написать статью ещё при жизни Якова Львовича – об этом меня просила заведующая редакцией Краткой Еврейской энциклопедии Элла Исаевна Сливкина. Увы, от природы лентяй, я не спешил – есть время, хотя наученный горьким опытом, знал строки Мандельштама: *«...Мгновение бежит неумо-лимо, и мы ломаем руки, но опять осуждены идти всё мимо...»*

С Давидом Ойстрахом

В последний раз я видел Якова Львовича во дворце президента Израиля на презентации I тома Российской Еврейской энциклопедии, научным консультантом которой он состоял и для которой написал несколько оригинальных статей. Яков Львович плохо выглядел, а я не знал, что он смертельно болен.

Я.Л. Сорокер родился 27 апреля 1920 года в г. Бельцы (Бессарабия) в бедной еврейской семье клезмера Лейба Сорокера, который и был первым учителем маленького Яши.

Занимался Яша в Бельцах и у Б. Эккерлинга, расстрелянного немцами в 1941 году, который посоветовал Сорокерам попытаться устроить сына в Парижскую школу профессора игры на скрипке Марселя Шайе (Schola Cantorinum). И в 11-летнем возрасте у Яши произошла знаменательная встреча. Марсель Шайе имел обыкновение демонстрировать талантливых учеников знаменитому музыканту Дж. Энеску. Мальчика привели в дом маэстро на ул. Клиши, 26. Встреча так врезалась в память, что, вспоминая о ней спустя полвека, Яков Львович досконально помнил все детали. Прослушав Яшу и высказав несколько одобрительных замечаний, маэстро заметил, что путь выбран нелегкий. Вспоминаю строки Гумилёва:

*Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющим мирю.
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры.*

Энеску добавил, что в подобных случаях обращаются к румынской королеве, которая оказывает помощь молодым музыкантам. Однако, узнав, что уроженец Румынии – еврей (*увы, тогда королевой была не знаменитая Елизавета – писательница и филосемитка Кармен-Сильва*), маэстро сказал: «Я дам тебе рекомендательное письмо к меценатам-евреям, которые, надеюсь, окажут помощь».

Письмо (*оно и сейчас хранится в семье*) не помогло, и мальчик с мамой, которая жила с ним в Париже, через два года вынуждены были вернуться в Кишинев. Там Яша одновременно учился в гимназии и в консерватории по классу скрипки у М. Пестера. После ввода в Молдавию советских войск в 1940 году Кишинев посетил Д. Ф. Ойстрах. Прослушав Якова, он пригласил его в Московскую консерваторию. Но началась война, и встреча была отложена на несколько лет. Думаю, что в судьбе скрипача Сорокера эта отсрочка была роковой. Во время войны Яков Львович выступал на всех фронтах в составе молдавского музыкального ансамбля «Дойна» (*художественный руководитель Гершфельд Давид Григорьевич*). Всю войну Яков Львович переписывался с Ойстрахом. В 1945 году Сорокер поступил в Московскую консерваторию, где занимался по классу скрипки у Давида Федоровича. Обратив внимание на редкое сочетание талантов у своего ученика, Ойстрах посоветовал ему по окончании консерватории в 1948 году серьезно заняться теорией музыки: «Яша, у тебя дар Божий – ты должен писать!»

В годы борьбы с «космополитизмом» Сорокер вынужден был работать в Кишиневском музыкальном училище и музыкальной школе. Одновременно он поступил в заочную аспирантуру Московской консерватории сразу в два класса: класс скрипки (*руководитель Д. Ойстрах*) и теоретический класс (*руководитель Л.С. Гинзбург*). Поступление в аспирантуру происходило в явно неблагоприятное время, тем не менее, из шести абитуриентов был принят только Сорокер. Кандидатская диссертация «Скрипичные сонаты Бетховена», изданная впоследствии Музгизом, стала настольной книгой многих музыкантов. По окончании аспирантуры и защите диссертации Яков Львович переезжает в Казахстан. С 1955 года он работает в Алма-Атинской консерватории. Им внесен значительный вклад в развитие музыкальной культуры Казахстана.

Он сочетал преподавательскую и научную деятельность с выступлениями, исполнил почти все известные скрипичные концерты, а также был первым исполнителем ряда произведений композиторов Молдавии и Казахстана. Совместно с Евсеем Заком записал все десять сонат Бетховена на Кишиневском радио. Вёл музыкально-образовательные передачи по Алма-Атинскому телевидению. С 1962 года – доцент, заведующий кафедрой и руководитель камерного оркестра музыкального факультета Дрогобычского педагогического института. И опять-таки, при всем уважении к этим учебным заведениям скажем прямо – Сорокер в них не мог развернуться во всю ширь своего дарования. Его не покидало чувство неудовлетворенности, мысль о несостоявшейся карьере, о чем с горечью пишет в некрологе заслуженный деятель искусств Молдовы Зиновий Столяр. Несостоявшаяся карьера, наверное, повлияла на решение о переезде в Израиль. Но, думаю, основным было высокое национальное чувство. Яков Львович вырос в еврейской среде, где идиш был языком быта – дома, улицы, школы; он дружил с еврейским писателем И. Шрайбманом, который оставил теплейшие воспоминания о своем младшем друге.

В Израиль семья Сорокеров переехала в 1976 году. Десять лет Яков Львович работал в Иерусалимском симфоническом оркестре радио и телевидения, одновременно выступал в камерных ансамблях. С 1984 года он научный сотрудник Краткой Еврейской энциклопедии (*автор большинства статей о музыкантах и статьи «Музыка»*), а в последние годы – и в Российской Еврейской энциклопедии. Его работоспособность была удивительной: он опубликовал полторы сотни статей в израильской и зарубежной прессе. Апофеозом его деятельности стало издание книги о своем учителе Давиде Ойстрахе (*Иерусалим, 1981*), переведенной на английский язык, и книги о Борисе Гольдштейне, вначале, в 1983 году, по-немецки, а впоследствии и по-русски («Евреи в мировой культуре», Иерусалим, 1989). Громадный труд вложил Яков Львович в двухтомник «Российские музыканты-евреи», вышедший в 1992 году. Затем он сотрудничал в издании «Евреи в культуре Русского Зарубежья» в качестве члена редакционного совета и редактора рубрики «Музыка».

Яков Львович Сорокер прожил более пятидесяти лет с Фрумой Львовной в счастливом браке. Музыкальная генетика не покинула эту семью: обе дочери выросли музыкально одаренными.

Удивительное совпадение: младшая дочь – Роза, окончившая академию имени Рубина в Иерусалиме, получила стипендию для учёбы в той самой парижской школе Шайе, в которой учился отец, только директором был уже сын Марселя Шайе...

Познакомился я с композитором, когда мне потребовалась информация о Максе Авелевиче Кюссе, создавшем бессмертный вальс «Амурские волны», а Сорокер написал очерк об этом авторе. Знакомство закрепилось многолетним сотрудничеством в названных выше энциклопедиях. Я ценил эрудицию и удивительную скрупулезность Сорокера-учёного. Например, на мой вопрос – почему в био-библиографический лексикон «Российские музыканты-евреи» не внесён пианист Шура Черкасский, Сорокер ответил письмом, которое может оказаться интересно читателям:

17. 4. 94.

Уважаемый друг Савелий!

Я благодарен Вам за внимание к моему труду «Российские музыканты-евреи» и за то, что Вы обратили внимание на пробелы, неточности и т.д. этого труда. Если доведётся его переиздать, я обязательно учту Ваши замечания. Что же касается пианиста Шуры (Александра) Черкасского, то он, по своим «параметрам» подошёл бы в качестве «героя» лексикона под названием «Еврей-музыканты, родившиеся в Российской империи (СССР)», если бы таковой существовал. В самом деле: Шура Черкасский сделал блестящую карьеру концертанта, но назвать его российским музыкантом нет оснований: он не воспитывался ни в одной из российских музыкальных школ, и единственные его контакты с родиной за 83-летнюю жизнь выразились в двух сольных концертах (в 1938 и 1977гг.) в СССР.

Ещё раз благодарю за внимание и желаю всего хорошего.

Искренне Ваш Я. Сорокер.

Добавлю, что Яков Львович был прекрасным редактором, он владел русским, идиш, румынским, французским, немецким, польским, ивритом; не пропускал ошибки в английском, латыни. Если я что-то не упомянул по неведению, меня, думаю, простят – Яков Львович был очень скромнен и не любил говорить о своих знаниях.

Мир праху твоему, Яков Львович!

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН ЛЕВ МОГИЛЕВЕР (1904–1996)

Ушёл из жизни человек, почти ровесник века, Лев Осипович Могилевер, принадлежащий к семье, которая была символом возрождения государства Израиль.

Лев Осипович Могилевер родился 16 мая 1904 года в Белостоке, в семье д-ра Иосифа Могилевера, делегата 1-го Сионистского конгресса в Базеле, который был директором гимназии «Рехавия» в Иерусалиме и скончался в 1943 году. Он был правнуком знаменитого раввина и общественного деятеля Шмуэля Могилевера (1824–1898), одного из создателей Ховевей Цион. В 1882 году он основал палестинофильский кружок «Бней-Цион» (*Дети Сиона*). Шмуэлю Могилеверу удалось привлечь к палестинофильской деятельности Эдмонда Ротшильда, что поставило на экономические рельсы возможности возвращения евреев на родину праотцов.

В 1884 состоялся Катовицкий съезд (Силезия), где он был избран почётным председателем. Это был первый съезд палестинофильцев. Всего было представлено 32 человека. Он состоялся после погромов на Юге России в начале 80-х годов. В честь Могилевера цитрусовые плантации, возле Хедеры, называются Ган Шмуэль. В Иерусалиме в честь прадеда и отца Льва Осиповича названы две улицы.

Лев знал иврит с колыбели, поэтому, когда семья переехала из Одессы в 1920 году в Палестину, он сразу вошёл в жизнь ишува. Ему принадлежит честь издания первого шахматного журнала на иврите (1922). Правда, вышло всего четыре номера. Шахматы были лишь одной из интеллектуальных ипостасей Могилевера. Он был основателем и неперемным руководителем шахматного клуба им. Акибы Кивелевича Рубинштейна на протяжении 72-х лет (1923–1995), участником ряда шахматных состязаний, чемпионом Иерусалима, блестящим проблемистом международного класса.

Как организатор, Могилевер был одним из основателей Палестинской (Израильской) шахматной федерации. В 1950 году в Дубровнике (Югославия) и в 1962 году в Варне (Болгария) он был капитаном израильской команды на шахматных олимпиадах, а в 1964 году был главным организатором шахматной олимпиады в Тель-Авиве. В 1976 году он был почётным гостем олимпиады в Хайфе. Это всего лишь шахматная карьера ушедшего.

Лев Осипович был высокообразованным человеком, в совершенстве владевшим основными европейскими языками и арабским. Из мёртвых языков он хорошо знал латынь. Ошибки по латыни и французскому, вкравшиеся в мою диссертацию, он с удовольствием исправил.

Еще в 20-е годы Могилевер поступил в Бецалель. Есть красочный рассказ самого альтмастера о его встречах с Борисом Шацем, основателем и преподавателем первого художественного училища на Святой земле. Рассказ окрашен в юмористические тона: «На одном из уроков Борис Шац, обходя студийцев, подошел к будущей знаменитости, Кастелю. Он одобрительно отозвался о его работе: «будете художником»! Взглянув на мою мазню, учитель предсказал и мою будущность: «А вы, молодой человек, будете хорошо разбираться в живописи». Я понял намёк, и с тех пор занимаюсь коллекционированием». И действительно, на протяжении всей жизни Лев Осипович коллекционировал картины палестинских художников, неоднократно спасая их от голодной участи. В его коллекции есть полотна Зарицкого, Левана, Кастела и других признанных и непризнанных мастеров.

Одно время Лев Осипович учился в Лондонской экономической школе. Семья была небогата, и Арье отказался от отцовской помощи, добывая хлеб насущный уроками иврита и английского. Были моменты, когда Арье питался раз в день.

В середине 90-х годов уже прошлого века в Лондоне я встретил одну из учениц Льва Осиповича, которая живо помнила метра и была влюблена в него. И это-то спустя чуть ли не 70 лет!

Играл Могилевер за шахматную команду колледжа, что снижало уважение товарищей и преподавателей – спорт в Англии в почёте!

В 1926/1927 гг. Могилевер преподавал иврит в гимназии в Рехавии. В те времена и почти по сию пору гимназия в Рехавии являлась престижным учебным заведением.

В самом начале 30-х годов Арье начал работать в Керен Каемет экономическим советником д-ра Гранота и д-ра Вейса. А крёстным отцом на его новой работе был учитель Менахем Усышкин, знавший Арье еще с дореволюционных времен.

В течение 40 лет Могилевер был финансовым и экономическим директором Керен Каемет. Из его уст я услышал знаменитую фразу Усышкина: «Деревья не плачут!». В переводе это означает, что если не будет отдельного фонда для озеленения страны, то все средства, собранные на Палестину – уйдут людям: «человеки плачут».

Доктор Могилевер был примерным гражданином своей страны в прямом смысле слова: до 80 лет можно было встретить ветерана на улицах Иерусалима в армейской форме: он служил в гражданской обороне и вероятно был старейшим в когорте славных.

В обращении Лев Осипович был обаятельным и отзывчивым человеком, пунктуальным до мелочности. Вплоть до своей последней болезни, он писал ровным и ясным почерком письма членам шахматной команды, а так как она состояла в основном из русских эмигрантов, то естественно все писалось по-русски, несколько старомодно, но очень приятно.

Он прожил долгую и прекрасную жизнь.

Человек и гражданин.

Мир праху твоему!

В октябре-ноябре 1996 года Совет шахматного клуба им. Акибы Рубинштейна провёл открытое первенство клуба, посвященное памяти Льва Осиповича Могилевера.

И последнее: свою большую, а это несколько тысяч книг, шахматную коллекцию Лев Осипович завещал городской библиотеке при гимназии Рене Кассе. Там же теперь находится и портрет дарителя.

Совсем недавно, разбирая свой архив, я обнаружил свое шутовое письмо, обращенное к Льву Осиповичу. Вот оно:

*Действительному статскому советнику, Председателю шахматного клуба имени чемпиона России и Польши А.К.Рубинштейна.
Доктору Льву Осиповичу Могилеву
Прошение
От бывшего шахматного мастера С.Ю. Дудакова.*

*Милостивый государь Лев Осипович!
Сим заявляю, что ввиду полного маразма наступившего со мной, прошу Вас о моей отставке. Анализ проигранных мной партий со всей очевидностью подтверждает вышеозначенный диагноз. Надеюсь, что замена моей персоны может лишь улучшить результат команды. По крайней мере, никто сыграть хуже, чем я не сможет.
Остаюсь при этом Вашим преданным слугой и другом.
Отставку прошу считать с 25 января /Татьянин день/ сего года.
Всего хорошего.
Инвалид и маразматик, бывший мастер С.Ю. Дудаков».*

Дело было в том, что команду клуба им. Рубинштейна я возглавлял много лет и чаще всего играл на 1-й или 2-й доске. В командных соревнованиях я обычно играю со всей ответственностью и с неплохим результатом. Так, играя на 1-й доске в Высшей лиге, я набрал в один из удачных годов целых 9,5 очков из 11. Но в связи с тем, что моя диссертация требовала массу времени, я почти прекратил заниматься любимой игрой и результаты командных соревнований стали для меня удручающими. Да ещё операция на сердце и многочисленные болячки мешали мне участвовать в соревнованиях. Но Лев Осипович был неумолим, и вплоть до его кончины я продолжал играть за иерусалимскую команду, в знак уважения к его сединам. Затем все кончилось...

МОНУС СОМИНСКИЙ

Памяти друга и учёного.

Чтобы написать эту статью, я обратился со следующим письмом к дочери Соминского Мириам и его зятю Алексею. Приношу им свою искреннюю благодарность за память и помощь. Вот это письмо-вопросник:

5. XI. 2005 г. Иерусалим.

Уважаемые Маша и Алексей!

Вот следующие вопросы, на которые надо бы по возможности ответить.

1. Точные данные паспорта: имя, отчество (еврейское и общее), фамилия.

2. Место рождения. Как я помню, Монус Самуилович родился в Кронштадте.

Здесь мне кое-что непонятно. В Кронштадте евреи не имели право жить. Каким образом его родители попали в военно-морскую крепость?

3. Кто были его родители? Из какого местечка? Профессии и т.п. Если возможно, то и годы жизни.

4. Неплохо бы просмотреть Ваши семейные фотографии. И вообще весь фотоматериал, что находится в Ваших руках.

5. Документы об образовании и перемещениях по службе.

6. Перечень работ Монуса Самуиловича. Часть у меня есть – 7. Фотографии, где он снят вместе с Абрамом Федоровичом Иоффе и другими физиками.

8. Наградные листы Монуса Самуиловича.

9. Участие в «псевдосионистском» движении.

10. Вызовы в КГБ (Часть я знаю, но Вы намного больше).

11. Точная дата переезда на Святую землю.

12. Точная дата смерти и место захоронения.

Друзья: это минимум, что мне надо. Вы не ~~должны~~ «пугаться» поставленных вопросов – я хочу, чтобы было как можно больше и лучше. В конце концов, память о Вашем отце следует сохранить. Понятно, что в процессе работы возникнут и новые проблемы, и новые вопросы. Надеюсь, что Вы мне дополните.

И естественно: прежде публикации все будет показано Вам.

С уважением Савва Дудаков.

Долгая жизнь этого замечательного человека началась в Кронштадте, в начале прошлого века. Он родился 13 июля 1908 года, как писали в советских анкетах, в рабочей интеллигентной семье. Родители умерли молодыми. Как мог еврей родиться в закрытой для иудаистов крепости? Дело в том, что дед Монуса Самуиловича по матери был кантонистом. Звали его Мордухай. Маму звали Лея Мордухаевна. Двадцать пять лет верой и правдой прослужил государю Николаю Павловичу еврейский солдат. Отсюда и льготы: возможность повсеместно жить по всей империи. Я интересовался происхождением фамилии «Соминский», указав Монусу Самуиловичу, что был известный композитор и, к тому же, сионист, со схожей фамилией Лазарь Семенович Саминский (1882–1959) – первый слог у музыканта писался через «а». Профессор сказал, что никаких родственников у него нет. Кто был по профессии дедушка-кантонист в мирной жизни, выяснить не удалось – Монус ничего не знал. Зато рассказал, что в детстве ходил в вундеркиндах, играл на скрипке и сохранил любовь к музыке до конца своих дней. Например, Альберт Эйнштейн, также самозабвенно играл на скрипке... Монус долго играл в студенческом оркестре своего института. А в Израиле он, несмотря на почтенный возраст, «держал» абонемент в Филармонию. Другим необычным его хобби было его увлечение альпинизмом, но это тоже до переезда в Израиль...

Монус, названный так в честь деда по отцовской линии, был старшим ребенком. *(Происхождения имени непонятно. Возможно, это от укороченного Соломона – Моня).* Вторым ребёнком в семье была сестра Муся (1910–1987). Она была не замужем и посвятила свою жизнь семье. Работала в Ленинградском Политехническом институте машинисткой. Третьим, младшим был брат Меер (1911–2003), по профессии врач-терапевт. Вся его родня живёт в Израиле.

Родители Монуса умерли рано. Его отец – Самуил Михайлович, был замечательным часовщиком и даже обучал ремеслу юного Петра Капицу. По семейным преданиям юный Пётр, также родившийся в Кронштадте, обожал играть зеркальцем, пуская зайчики в лицо часовщикам, через витрины мастерских.

Однажды озорник был застукан Самуилом Михайловичем на месте преступления и был за руку введён в волшебную мастерскую. Мир часов: напольных, настенных, будильников, карманных, песочных и иных, которые увидел он, потрясли озорника, и он умолил Самуила Михайловича обучить его. Пётр влюбился в часы и стал незаурядным мастером в этом кропотливом деле. В дружеском общении с сыном часовщика – физиком Соминским, Капица не раз с умилением рассказывал об этом эпизоде своей жизни... *(Сие воспоминание я извлёк из рукописи Соминского, посвященной столетию со дня рождения Капицы, любезно предоставленной семьей покойного. Кстати, Пётр Леонидович был старше Монуса всего на 14 лет!)*

В молодости отец работал механиком на заводе вместе с будущей знаменитостью Михаилом Калининым, предполагаю – на Путиловском заводе. Уже после Гражданской войны при посещении Петрограда Всесоюзный Староста несколько раз бывал в доме своего товарища. Где учился Монус, нам неизвестно, но вероятно среднее образование он получил в Ленинграде.

Сам же Монус Самуилович срочную службу прошёл в Туркестанском полку. Демобилизовался в 1931 году. В том же году поступил на инженерно-физический факультет Ленинградского Политехнического института. Параллельно учебе преподавал на рабфаке. В 1936 году успешно закончил Политехнический институт, и сразу был принят на должность младшего научного сотрудника в Ленинградский физико-технический институт. Осенью 1939 года Соминский был назначен на должность заместителя директора физико-технического института по научной части. В 1941 году, когда началась война, М.С. вместе с А.П. Александровым (будущим Президентом АН) был отправлен на Балтийский флот для размагничивания кораблей, выполняя эту работу под бомбёжками немецкой авиации. В том же 1941 году по указанию Академии наук институт был переведён в Казань, где набирали кадры для военных разработок. Монус занимался организацией работы института и подбором кадров. У него уже в прошлом был опыт административной работы в Физико-техническом институте. Прямой оценкой его деловитости служит, например, личное письмо знаменитого учёного.

Вот что писал И.В.Курчатов жене: «Передай Монусу Соминскому, что он голова, что нашёл мне применение. Очень доволен тем, что вижу, что моя работа полезна». Цитата выужена из книги, вышедшей в годы, когда семья Соминского жила в отказе. Не перевелись на Руси праведники...

Всех задействованных в государственных разработках курировали лично Сталин и Берия. Все отобранные лица имели льготы, вроде «ковра-самолета», которым, увы, не могли пользоваться. В 1944 году Соминский защитил кандидатскую диссертацию. В январе 1945 года решением Президиума Академии наук СССР Монусу было присвоено звание старшего научного сотрудника. В 1948 году по личному указанию Берии Соминского снимают с должности заместителя директора института – повеяло антисемитским духом. Однако Монус пользовался большим авторитетом среди настоящих учёных, и президент Академии наук С.И. Вавилов сумел отстоять талантливую и деловую личность. Правда, с понижением: в должности старшего научного сотрудника. Соминский работал в лаборатории И.В. Курчатова, которому совсем недавно протезировал.

8 декабря 1950 года по личному указанию Сталина был уволен директор физико-технического института академик А.Ф. Иоффе. Но в институте ему оставили лабораторию и небольшое число сотрудников. Учёного с мировым именем поставили в совершенно невыносимые условия. В этот же период некоторые его ученики (*не евреи*), ставшие к этому времени академиками и занимавшие в Академии наук СССР ответственные посты (А.П. Александров, И.В. Курчатов, Л.А. Арцимович, А.Н. Алиханов), предприняли энергичные действия по спасению своего учителя. В результате их усилий, удалось организовать для Иоффе самостоятельную лабораторию полупроводников, административно не связанную с Ленинградским физико-техническим институтом. В 1952 году решением Президиума Академии наук СССР в составе отделения физико-математических наук была организована Лаборатория полупроводников, подчинявшаяся Президиуму. Директором был назначен А.Ф. Иоффе, который ушёл из ЛФТИ, а с ним покинули возглавляемое реакционной дирекцией учреждение, ближайшие сотрудники Иоффе: в их числе и Соминский.

Примерно в это же время учёный заинтересовался вопросами истории физики и, параллельно с работой в лаборатории, выполнил ряд работ по истории русской (*дореволюционной*) и советской физики. 5 ноября 1954 года, уже после смерти Сталина, на базе Лаборатории был организован Институт полупроводников. Директором был назначен А.Ф. Иоффе, а заместителем директора Института Президиум Академии наук СССР назначил Соминского, который в 1955 году был назначен начальником Отдела термоэлектрических охлаждающих устройств, который разрабатывал новые охлаждающие полупроводниковые термоэлектрические устройства, главным образом, микроустройства, предназначенные для охлаждения и термостатирования небольших объёмов.

В 1960 году, когда скончался академик Иоффе, Соминский перешёл на должность заведующего лабораторией облучения, которую сам же и организовал. В 1964 году Монус Самуилович стал доктором физико-математических наук. Одновременно с работой в физико-техническом институте учёный, начиная с 1936 года, ежегодно в летние месяцы участвовал в работах Эльбрусской комплексной научной экспедиции АН СССР. Там Соминский работал в лаборатории профессора С.Ф. Родионова, занимавшегося вопросами атмосферной оптики. Лаборатория располагалась у Эльбруса на высоте 4800-5300 метров над уровнем моря. Эта работа продолжалась на протяжении нескольких лет в летние месяцы каждого года. Изучалось свечение ночного неба, прохождение ультрафиолетового излучения сквозь атмосферу, также занимались разработкой и усовершенствованием приёмников ультрафиолетовой радиации слабой интенсивности, так называемых «Счётчиков света», созданных в начале 30-х годов профессором Родионовым и академиком Шальниковым. Некоторые результаты этих работ были опубликованы в закрытой печати (*«научные отчёты»*). Большинство работ, выполненных сотрудниками лаборатории, публиковались в обычных советских журналах.

В 1969 году, в связи с арестом в Ленинграде членов сионистской нелегальной организации, Монуса Самуиловича уволили с работы, поскольку он вступил в сионистскую организацию весной 1969 г. Через одиннадцать лет Соминский репатриировался.

В Израиле его приглашали на консультации при конструировании самолета «Лави». За ним специально приезжали в расположенную в иерусалимском районе Гило квартиру, где семья жила во время абсорбции. От гонорара гордый сионист отказался... Кстати, охрана напомнила ему «духов» – так называли между собой советские учёные, работающие на закрытых предприятиях, приставленных к ним сотрудников-охранников. Монус Самуилович говорил, что их присутствие было почти всегда тягостно, хотя они вели себя максимально корректно.

В 1995 году была написана книга «Антисемитизм. Краткий очерк», изданная в Иерусалиме, за которую Соминский получил грамоту и ему присвоили звание Лауреата международного конкурса на лучшее антифашистское произведение.

Некоторые книги учёного по физике полупроводников переведены на чешский, болгарский, китайский и румынские языки и изданы в соответствующих странах. При жизни Соминский был награждён многими орденами и медалями.²

Единственный работник Института полупроводников, с кем мне удалось побеседовать, была доктор Галина Александровна Каган. Она высказалась кратко и восторженно: «Он был правой рукой Абрама Федоровича и рукой – хорошей».

А теперь хочется перейти от официального изложения жизни Монуса к бытовому, рассказать о человеке, с которым я дружил. Нынче модно употреблять выражение «встреча без галстуков». Хочется показать Монуса в среде моих друзей, где мы все были «без галстуков».

Почти 15 лет я работал в «подвале имени Шмуэля Этингера» – так злобно обозвали «недрузи» Институт Восточно-европейского еврейства при Иерусалимском университете. За эти годы подвал посетили сотни людей, некоторые задерживались на долгие годы. Среди них было много ярких и знаменитых имен: писатель Юрий Нагибин, поэты – Инна Лиснянская, Семен Липкин, Евгений Евтушенко, кстати, «разоблаченный» мной в субботническом происхождении; создатель «Театра на Таганке» Юрий Любимов, кинорежиссеры – Михаил Калик и Александр Аскольдов, поставивший фильм «Комиссар» по рассказу Василия Гроссмана. И он так же был «уличён» в еврейском происхождении.

Приходили художники: Александр Копелович, Борис Зелёный и Семён Розенштейн, о которых рассказано в этой книге, и много других знаменитостей, чьи имена ещё хранит моя память. Иногда даже целые делегации – вроде десятка грузинских писателей. Их привёл «под ружьём» Виктор Радужский. Были и люди с «подмоченной репутацией» – вроде писателей Эфраима Севелы и Григория Свирского. Последний имел кличку «Гришка Отрепьев», данную нашей машинисткой Бетти Левинзон, да будет благословенна её память. *(Не путайте сего Свирского с автором «Рыжика» Алексеем Ивановичем и с автором гениальной книги о Салтыкове-Щедрине «Демонология» Владимиром Давидовичем).*

Одним из самых замечательных людей, «постояльцев» нашего гостеприимного подвала стал профессор Соминский.

Он появился – тихий, спокойный и немногословный, но сразу завоевал моё сердце. Единственную книгу профессора я прочитал к этому времени – это была монография о физике А.Г. Столетове, вышедшая в издательстве «Наука» в 1970 году. Я был счастлив, когда мне автор её подарил с теплой дарственной надписью. На что я обратил внимание в этой монографии? Алексей Григорьевич Столетов (1839–1896) был крупным физиком, но сравнительно сдержанным гражданином. Он был, конечно, «шестидесятником», но вряд ли открыто выступал, скажем, против антисемитизма. А возможность у него была – в начале 80-х годов по югу России прокатились погромы. Насколько знаю, он не написал ни строчки против этого ужаса. Что же делает Соминский? В безнадежно-антисемитское время, в книге, вышедшей в 1970 году, он просовывает следующую филиппику: «Столетов жил в России, в многонациональной стране. В его время национальный вопрос был предметом горячих дебатов, да и иного быть не могло, так как самодержавие угнетало национальные меньшинства, лишало многих из них элементарных гражданских прав, держало в темноте и в невежестве. В газетах и журналах реакционного направления публиковались статьи, направленные против той или иной малой национальности, принижавшие или оскорбляющие достоинство, наделявшие её всевозможными недостатками и пороками. Особенно многочисленны были статьи антисемитского толка, печатавшиеся с единственной целью вызвать вражду к евреям.

Статьи эти в полной мере отражали политику правительства, эксплуатировавшего и угнетавшего в угоду правящим классам малые народности. *(Обратим внимание на частое употребление термина «малый народ» – формула, анонсируемая Шафаревичем. – С.Д.)* Разжиганием национальной ненависти правительство преследовало и другую цель – отвлечь внимание народа от истинных причин его порабощения, политического бесправия. Народ был одурманен. Изо дня в день на протяжении многих лет ему внушали, что якобы подлинным виновниками всех его бед являются евреи. Угнетённые, тёмные, бесправные массы начинали верить официальной пропаганде, несмотря на ее полнейшую абсурдность. ... Русская интеллигенция была по своим политическим взглядам дифференцирована. Ведь ее представители принадлежали к различным партийным группировкам... В общем, даже в пределах одного университета его профессорско-преподавательский контингент не представлял собой в политическом смысле однородной массы. ... Несмотря, однако, на столь разнотипный состав, практически все или почти все образованные люди понимали, одни более четко, другие менее, смысл истинных причин, побуждавших правителей России одним из краеугольных камней своей внутренней политики избрать национальную рознь, натравливания одних народов на другие. Но реакционно-настроенная интеллигенция активно поддерживала эту политику, ибо она отражала также и её взгляды...

Столетов, будучи передовым человеком своего времени, и в вопросе о национальных отношениях между людьми занимал передовые позиции. Он был подлинным интернационалистом. Известно, например, с кем он дружил и какими принципами руководствовался при выборе своих друзей. Разве имела для него хоть малейшее значение национальность человека, с кем он устанавливал дружеские связи? Конечно, нет. Иные критерии служили для него Ариадниной нитью при установлении взаимоотношений с людьми. За время пребывания за границей Столетов сблизился с рядом выдающихся физиков. Некоторых ученых он не знал лично, но с глубоким уважением относился к тем из них, которые, с его точки зрения, заслуживали человеческую признательность. Герман Гельмгольц, Рудольф Клаузиус, Густав Кирхгоф, Вильгельм Вебер, Генрих Магнус были немцами; Джемс Клерк Максвелл,

Виллиам Томсон (Кельвин), Вильгельм Крукс – англичанами; Георг Кантор, Альберт Майкельсон, Генрих Герц – евреями; Эдмунд Бекерель, Анри Пауанкаре, Э. Маскар – французами. ... Александр Григорьевич принадлежал к числу страстных патриотов. ...И как истинный патриот, он был подлинным интернационалистом. Ему глубоко было чужды чувства национального высокомерия или превосходства. Он гордился выдающимися представителями своего народа, никогда и нигде не преуменьшал их вклада в общемировую культуру, но в это же время никогда и нигде не преувеличивал их заслуг».³

Где-то в конце 50-х годов произошел уникальный случай в истории борьбы личности с режимом. В Институт полупроводников позвонили «Оттуда», и «предложили» принять египетскую делегацию. «Предложение» очень не понравилось Монусу Самуиловичу, хорошо знавшему нацистские симпатии лидеров Египта, во время войны сотрудничавших с немцами. На счастье ему в голову пришла шальная мысль: пригласить непрошенных гостей в пятницу. На конце провода сказали: «Одну минутку», видимо согласовывая время с арабами. После паузы тот же голос сказал, что в пятницу они не могут, а могут придти в субботу. Невинным голосом Монус Самуилович спросил, почему «физики» не могут явиться в пятницу, получил объяснение: «Для мусульман пятница святой день, они могут прийти только в субботу». «К сожалению, – отчеканил Соминский, суббота для меня тоже священный день, я – еврей». На конце провода онемели. Арабы так и не появились в институте. Интерес представляет не только мужество и находчивость учёного – это понятно, но то, что его фронда не имела никаких последствий, хотя **«всё» легло на полочку**. Объяснение, которое дал зять профессора Алексей, сводилось к тому, что и «наверху» вовсе не жаждали допускать «союзников» на закрытый объект... Вероятно «наверху» оценили находчивость зам. директора, избавившегося от нежданных просителей, что соответствует русской поговорке «от ворот – поворот»...

Проживал Монус Самуилович в респектабельной четырёхкомнатной квартире на Лесном проспекте. В доме учёного дважды производились многочасовые обыски. В первый раз 15 июня 1970 обыск производили пятеро чекистов с 8 часов утра до 10 вечера.

Двое из совсем молодых да ранних: юноша и девушка исполняли роль понятых. Я осведомился: «Это были соседи?», зная ответ. Конечно же, это были «свои же наёмные свидетели». Второй обыск состоялся через день. Монуса дважды возили на допрос КГБ, в так называемый «Большой Дом», располагавшийся на Литейном, 4. Допрашивали Соминского подолгу, весьма корректно, каждый день, кроме выходных, на протяжении трёх месяцев. В середине дня, а допросы шли по 6-7 часов, делался перерыв и профессор приглашали в столовую на обед. Я забыл спросить Монуса Самуилович, кто платил за гебешную еду: следователь или допрашиваемый? Несмотря на стресс, он сохранял ясность ума, и цепкая память захватила внешность сотрудников этого жуткого учреждения. Монус обратил внимание, что обедали сотни людей из всех слоев общества: от люмпена до интеллигента, от неотёсанного рабочего до ночной бабочки. И здесь ему пришло в голову: это ряженые, исполняющие роль осведомителей. Я проконсультировался с Соломоном Абрамовичем Могилевским по поводу кормёжки. Знакомый с этим зданием довольно хорошо – он читал в начале 50-х годов лекции по международному положению. Дело происходило с 12 ночи до 6 утра – бодрствовал Хозяин страны – в лекционном зале дремали-спали заплечных дел мастера, поддерживая 24-часовой режим работы... Мудрый Соломон пояснил мне, что столовых в здании много: от самых просторных ресторанных залов до весьма приличной элитной столовой. Высшим чинам приносили завтраки, обеды, ужины прямо в кабинет...

Под конец, в отместку за несговорчивость, вызвали в КГБ и Мириам. Её допрашивали два часа, которые показались вечностью.

В секретной записке, направленной в Комитет Государственной безопасности при Совете министров СССР от 17 мая 1971 года лично «товарищу Демичеву П.Н.» и подписанной самим шефом КГБ Ю. Андроповым, написано, что в группе ленинградских сионистов двое являлись членами партии: Дымшиц и Соминский.⁴

Надо отдать должное семье: и брат, и сестра немедленно приехали в квартиру брата, где происходили обыски. Сестра сразу на это время переехала из своей квартиры к брату, вызвав родного брата, физика Леонида Неменова, работавшего в лаборатории в Дубне.

О личной жизни Монуся Самуиловича знаю немного. Женился он после войны на Тамаре Львовне Ферстер (1910–1960), интеллигентной женщине, преподающей английский язык в Академии наук. Бабушка, Надежда Павловна Ферстер, урождённая Райхель, жила с дочерью, окончила экономический факультет Томского университета. Умерла в Ленинграде, в 1975 году в возрасте 87 лет. Тестя звали Лев Яковлевич Ферстер, также окончил Томский Политехнический институт и работал на секретных предприятиях. Часто бывал за границей. Тамара Львовна ради Соминского, который в молодости был неотразим, покинула профессора Л.М. Неменова, от которого имела сына Леонида, которого вырастил Монуся. Не отличаясь большим ростом, Монуся был обаятелен, и в глубокой старости профессор сохранил внешний и внутренний шарм.

Он рано овдовел, но всегда хранил память о любимой. Даже несколько странно видеть столь тёплое посвящение в книге по физике – от него веет интимностью и неизбывным горем:

*Светлой памяти Тамары Львовны Ферстер,
моего благородного, мужественного, незабываемого друга.⁵*

Впоследствии жил с дочерью и зятем. Поддерживал хорошие отношения со своим пасынком, также крупным физиком, работающим ныне в Швейцарии. Удивительным было издание книги Столетова в 1970 году, когда уже шли аресты. Можно дать такое объяснение: правая рука – не знала, что делает левая. Пример из сталинского прошлого: профессор И.З. Серман, находясь в магаданском лагере, к своему удивлению узнал, что книга Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» с его предисловием вышла в Таллине в 1951 году. Тут же он выслал матери из заключения доверенность, и она получила гонорар. Но в конкретном случае дело было сложнее: книга вышла в ленинградском отделении издательства «Наука» в 1974 году, когда дело Монуся давно приняло огласку. Но рукопись была заявлена в издательстве несколько лет тому назад, а поскольку имела неоспоримые достоинства в научной области, то автору было предложено соавторство, чтобы сохранить возможность издания. Помощь любезно оказал пасынок Леонид Неменов. Книга была подписана к печати 4 декабря 1974 года и вышла тиражом в 7400 экз., что для научной литературы такого уровня было нормальным.

Профессорская квартира была заполнена книгами и антикварными вещами. Со старинной инкрустированной мебелью, с вазами, севрского и мейсенских заводов и другими ценными атрибутами прошлого пришлось расстаться. Покупатели были знатоками и коллекционерами. Честно говоря, я не люблю мародеров, но не в данном случае... Приходили артисты Миронова и Менакер, поэт Расул Гамзатов и другие люди, частенько «кавказской национальности». Ни о чём не жалел, кроме одного: ему было жаль покидать город, который любил какой-то болезненной любовью. К сожалению, и в этом была трагедия, что Монус не побывал за границей: не был ни в Париже, ни в Амстердаме, ни в Копенгагене, в тех городах, в которых гостил царь Петр и с которых строился Петербург.

Часть книг Соминский перевёз в Израиль. Но понятно: ни довоенных, ни дореволюционных изданий таможня не пропускала. Несмотря на скромность существования, Монус Самуилович еженедельно обходил русские книжные магазины Иерусалима и покупал, и покупал, и покупал...

Однажды мы с Монусом Самуиловичем совершали прогулку по старому Иерусалиму. Я был его чичероне. Где-то на Крестном пути (Виа Долороза) Монус Самуилович сказал:

– Плохо!

– В чем дело? – осведомился я.

– Надо показать туристам, как было в действительности.

– То есть?! – удивленно осведомился я.

А Монус фантазировал:

– Вот здесь должны быть статисты в виде римской стражи, здесь должны находиться евреи в национальной древней одежде и так далее. Артистичность профессора я оценил. Но к несчастью мы стояли у арки «Се человек» (*Ecce homo*). В древности там была и другая надпись: «Возьми, возьми, распни Его». В том месте, где Понтий Пилат предлагал обменять Иисуса на разбойника Варраву, я добавил из Евангелия: «И его кровь будет на нас и наших детях». Монус Самуилович потускнел... Из-за этого он и не любил книгу Булгакова, считая её тенденциозной. Его литературные пристрастия были таковы: он внимательно следил за текущей литературой, тщательно прочитывал толстые журналы и «Иностранную литературу». Есть и записанные откровения моего друга.

Однажды еще в довоенные годы Соминский вошёл в кабинет Иоффе, держа в руках только что приобретённые книги. Абрам Федорович поинтересовался ими и спросил мнения Соминского. Набор книг был странный: Паустовский, Бабель, Цвейг. Монус ответил прямо о повести «Кара-Бугаз» Паустовского, не отрывая содержания от личности мастера. Он любит его как гражданина, кристальной честности. «Люблю его светлую прозу, его описание природы, человеческих поступков. От чтения его чудесных произведений становится как-то легче на душе, казалось, что с тобой происходит что-то приятное. Такое же чувство испытываешь, когда слушаешь музыку Грига. Такую музыку мог создавать лишь чудесный человек – благородный, честный, обязательный». *(Когда я прочитал это, то сообщил Монусу Самуиловичу, что Григ по внешности похож как две капли воды на Эйнштейна, и прошёлся по его гамбургским предкам-купцам. Добавил, что Григ, как и Эйнштейн, женился на своей кузине. Соминский не поленился залезть в свою библиотеку и сравнил фотографии композитора и физика, и убедился в истинности моего восприятия.)* Далее Монус перешел к Бабелю: он его просто боготворил: «В моем представлении, автор "Конармии", рассказов "Ди Грассо", "Гюи де Мопассан", "История моей голубятни", "Поцелуй", "Улица Данте", "Король", "Как это делалось в Одессе" и других замечательных произведений был каким-то чудесным волшебником, пришедшим на землю для того, чтобы доставить наслаждение людям. Вот, действительно, про кого можно было бы сказать, читая его короткие шедевры: мы "пьем вино его беседы"». ⁶

Значительно прохладнее Соминский относился к Стефана Цвейгу и даже к Лиону Фейхтвангеру – он предпочитал Арнольда Цвейга, Ремарка, Кафку. Я заметил некую логику в его рассуждениях: как ни странно, он прислушивался к музыкальной стороне прозы. Любовь к музыке переносилась в смежную область. Думаю, что он был в восхищении от греческой трагедии, где слово не расходилось с музыкой. Жаль, что я не успел поговорить с ним об этом.

Как-то Израиль посетил историк, профессор Сигурд Оттович Шмидт. Как видно из фамилии и отчества, он был сыном знаменитого учёного, вице-президента Академии наук СССР с 1939/1942 годы.

Сигурд Оттович искал на Святой земле могилу своего дяди, не менее знаменитого адвоката Оскара Осиповича Грузенберга. Могила отыскалась в Тель-Авиве. В Иерусалиме я на машине сделал большой круг по городу, показывая новые районы города. В Гило я увидел делающего моцион Монуса Самуиловича.

– Сейчас познакомлю Вас с интересным человеком. – сказал я попутчику. Мы остановились, вышли из машины, и я познакомил Шмидта с Соминским. Монуc оживился:

– Я знал Вашего отца, и в не самую хорошую полосу его жизни. Соминский рассказал, что в эвакуации в Казани жил на одной лестничной площадке с академиком. В это время Вождь и Учитель изгнал великого учёного с поста вице-президента АН.

– Мы часто встречались и о многом говорили. Шла война, но он не был застѣнут на все пуговицы, и высказывался довольно резко о положении. Я был рядом с вашим отцом, когда ему вручили телеграмму о снятии с поста. Он побледнел и быстро распрощался со мной.

Сигурд Оттович был удивлѣн и счастлив, встретив в совсем нежданном месте знакомого своего отца...

По приезде в страну с Соминским произошел неприятный случай. Он дружил с физиком, профессором Эмилем Анатольевичем Абом. Как-то друзья встретились в страшный иерусалимский хамсин, когда термометр подобрался к 40 градусам Цельсия. Было решено отметить встречу за бутылкой бренди – известным израильским напитком 777 – жутким пойлом! 750 грамм друзья дружески разделили, но у Аба произошел сердечный приступ. В следствие этого времяпровождения или имеющейся тяжѣлой болезни, Аб скончался. Монуc пришел придавленный в подвал.

– Ах, Монуc Самуилович, Монуc Самуилович! Кто же пьѣт в хамсин, да еще такую дрянь? Запомните – в хамсин пейте только воду, – попенял я. Но даже воду, как я заметил, Монуc воздерживался пить...

По своим политическим взглядам Монуc Самуилович был крайне правым. И это понятно. Он был настоящим еврейским националистом, в лучшем смысле этого слова, и очень обидчивым. Мои шуточки по поводу его политических пристрастий привели к ссоре. Пришлось совершить хождение в Каноссу и письменно извиняться.

Слава Богу, получил полное прощение. Мне в этом помог Могилевский. Встреча его с Соминским было счастьем для обоих учёных. В Ленинграде они были незнакомы, что и не странно: слишком разные ипостаси.

Соломон Абрамович работал в Ленинградском университете. Его лекции пользовались большой популярностью, как на Васильевском острове, так и в Лектории на Литейном.

При попытке поступления на философский факультет мне повезло прослушать лекцию абитуриентам – я был потрясён его внутренней свободой. В Иерусалиме Могилевский почти сразу овдовел. В поиске работы ему повезло. Он служил в институте ещё более «Рога и Копыта», чем подвал, где я подвизался у Этингера. Сей институт возглавлял так называемый профессор *Илияху Иноземцов*: не то чтобы двуликий Янус, а трёхликий, а может и более. Многоликость была физическая, нравственная, политическая. Но, как ни странно, человек слова. Так, я ему оказал ценную услугу, и он поблагодарил меня странным образом: **я попросил его никогда не изгонять из его рая мудрого Соломона. Слово он сдержал.** Мудрейший из смертных работал в конторе вплоть до закрытия, ускоренного падением советской власти. Могилевский был старейшим государственным работником Израиля. Ему было 85 лет, когда счастье кончилось.

В то время институт товарища *Иноземцова* размещался в самом центре города, неподалеку от улицы Яффо, рядом с музеем Бейт-Тихо. Там познакомились и подружились Соминский и Могилевский, и это понятно: слишком много им пришлось пережить параллельно. Их дружба была счастьем для самых пожилых моих знакомых. Перезванивались они чуть ли не каждый день и равно возмущались либеральностью Израиля по отношению к арабам. Обсуждали советскую политику и, конечно, знаменитую «Серию».

Затем «*инопланетный* институт» переехал на тихую улочку в Тальбии. В этом институте была замечательная библиотека, и Монус Самуилович с удовольствием занимался в читальном зале, где библиотекаршей работала очаровательная землячка *директора* конторы, бакинка Фаина.

На прочувствованные комплименты Монус не скупился...

Особняком стоит история издания тома «Антисемитизм и антисемиты». Мы проникли в кабинет высокого, очень высокого человека в иерархии министерства абсорбции во времена главенства, не будь помянуто к ночи, Давида Леви. Высокий чин был восточного, понятно, марокканского происхождения. Я пел соловьем. Монус молчал. Я убеждал именами Альберта Эйнштейна и Соминского, смело ставя знак равенства между этими величинами. Думаю, моё преувеличение в человеческом и гражданском мужестве было вполне легитимно. «Чин» поднялся и долго, долго жал руку учёному, смотря на него восторженными глазами. Просьба была удовлетворена, и книга вышла в издательстве «Лексикон» в 1991 году.

Несколько слов о фолианте – 651 страница убористого текста. Книга солидная, с именным указателем, составлявшим двенадцать страниц и плюс 560 (!) ссылок, в том числе на архивные материалы. Я, что называется, «съевший не одну собаку» на юдофобии, был потрясён интеллектом Монуса, обилием совершенно неожиданных экскурсов в область беллетристики и проникновением в область философии. Несколько особняком стояла глава о Ливанской войне – «Правда и ложь об операции “Мир в Галилее”». Она носит несколько публицистический и полемический характер.

Соминский мечтал издать книгу об Эйнштейне и еврейском народе. Это было сделано в других изданиях, в том числе и в серии «Библиотека-Алия». Но я должен сказать, что если бы силы не оставили Соминского, то он бы написал бы совсем иное, глубокое философское осмысление личности Эйнштейна со стороны не только сиониста, но и крупного физика. Мечтал Монус написать работу о великом защитнике справедливости – Эмиле Золя. Его не удовлетворяла литература о деле Дрейфуса. Дело в том, что в ней писатель оставался в тени. Борьба за справедливость и есть борьба за еврейство – это постулат Соминского.

Последнюю радость Монус Самуилович перенёс в день своего 95-летия. Друзья решили устроить маленький сюрприз и явились к нему домой 13 июля 2002 года. В этот день телефон Соминского надрывался: звонили со всего света – из-за границы и из Израиля. За его столом собрались ближайшие родственники и друзья – Соломон Могилевский с Мэрой Свердловой, товарищи по сионистскому движению 60-х годов. Все вспоминали его «подвиги», как научные, так и гражданские.

Монус Самуилович приехал в Израиль в возрасте 72-х лет: время подбивать бабки. Господь отпустил ему четверть века жизни. Не считая последнего года, он был в полном физическом и умственном здравии. Хотя реже приходил в Национальную библиотеку, и все реже приглашал меня к себе «откушать три розы», что в переводе обозначало три рюмки коньяка – больше не выдавалось, несмотря на слёзные просьбы гостя. Закуска всегда была одна и та же: яичница и сардины, ну и понятно хлеб и лук. И так было неизменно двадцать пять лет. Еду подавала дочь Мириам.

Раз в году на 9 мая я устраивал в нашем подвале застолье, посвящённое дню Победы. Этот праздник чту до сих пор. С утра одна из сотрудниц готовила картофель в мундире, я ехал на рынок, привозя различную снедь и питьё. За день до этого изготовил десятки экземпляров текста военных песен, которые раздавал присутствующим. Запевалой была вышеупомянутая Бетти Левинзон, во время войны пулемётчица Московского народного ополчения. В подвал спускались «энциклопедисты» и приходили старые вояки: художник Семен Розенштейн – штурман АДД (*авиации дальнего действия*), художник Борис Зелёный – пехотинец из-под Сталинграда, искусствовед Иосиф Глозман — артиллерист, профессор Соломон Могилевский, майор, оборонявший Ленинград, прошедший на лыжах в Норвегии 500 километров, доктор юриспруденции Яков Айзенштадт – во время войны работавший в «органах», профессор Илья Серман – артиллерист, полковник Роман Полищук, бывший на «Малой земле» с Брежневым (*что оказалось суццей правдой!*) и многие другие. Своё место было и у Соминского – он во время войны занимался проблемами минирования и антиминирования. В нашей компании он был старейшиной – у нас чувствовал себя свободным, если вам угодно, ему было комфортно. Его все уважали...

Монус Самуилович скончался 19 октября 2005 года. До своего 100-летия он не дожил три с половиной года...

Мне удалось собрать некоторые воспоминания от людей, хорошо знавших покойного Монуса Самуиловича. Все, в том числе и я, называли его «Самойлович», хотя по паспорту он был Самуилович. Но по просьбе семьи восстановил паспортную истину.

Вот что пишет о Соминском Сима Каминская⁷, работавшая на радио «Кол Исроэль» под псевдонимом Сара Маор:

«О смерти Монуса Самуиловича Соминского я узнала от наших иерусалимских друзей. В течение последних десяти лет живу в Хайфе, и за это время ни разу не виделась с ним, о чём теперь очень сожалею. Я была знакома с Соминским с конца 60-х годов. Тогда в среде евреев Ленинграда росло движение за возрождение еврейской культуры, за свою национальную идентификацию.

Возникли группы, главным образом, молодежи, которых объединяло желание почувствовать гордость за свой народ, больше узнать о его истории, культуре, обычаях. Чтобы удовлетворить это желание, молодые люди обращались за помощью к хранителям еврейских знаний в среде старшего поколения. Представители этого поколения могли внести вклад в образование молодежи: в обучении ивриту, в передаче сведений по истории, литературе, музыке и пр.

К таким просветителям можно отнести и Соминского. Но это я поняла после нашего с ним знакомства в Ульпане по изучению иврита. А тогда, в конце 1969 года, мы вместе сели за школьную парту. В группе было около десяти учащихся. Ульпан размещался вначале в квартире Монуса Самуиловича, позднее из соображений безопасности кружок переехал в нашу коммунальную квартиру. *(Я помню эту громадную коммунальщину, рядом с Невским проспектом. — С.Д.)*

Ульпанисты чувствовали себя незадачливыми учениками, иврит давался трудно... Мы все были равны в своей беспомощности, так же как и гостеприимный хозяин квартиры, Монус Самуилович.

Вначале мы не знали, что это учёный, зам. директора Института полупроводников, автор серии публикаций о деятелях науки. Для нас он был интеллигентным соучеником, скромным приветливым человеком, приятным собеседником. Правда, огромные книжные шкафы в его квартире свидетельствовали о научных и литературных интересах владельца.

В июне 1970 года всё изменилось. В Ленинграде начались аресты сионистов и руководителей организации, поставивших своей целью

добиться права на репатриацию в Израиль. Аресты сопровождались обысками, слежкой, вызовом на следствие, увольнениями с работы.

Этих неприятностей не избежал и Монус Самуилович. Для него, как и для многих других, время это было очень тяжёлым, что, несомненно, надломило его здоровье. Поскольку занятия в ульпане прекратились, в ту пору я редко встречалась с ним. Жизнь потекла по другому руслу.

В 1971 году я получила разрешение на репатриацию в Израиль и срочно покинула Ленинград. *(Отмечу, что муж Симы Каминской-Лассаль – крупный ленинградский инженер, проходил по так называемому «Самолетному делу» и в это время находился в одном из мордовских лагерей. – С.Д.)*

Моя встреча с Соминским состоялась в 80-х годах, когда он репатриировался и поселился в Иерусалиме.

Как и у каждого репатрианта, первые годы жизни в стране были нелегки. Он был не молод. Позади остались годы интенсивной творческой работы и научные связи. Впереди была неизвестность, неуверенность в возможности продолжать научную и писательскую деятельность, необходимость решать сложные жизненные и бытовые вопросы, жить на скромное пособие.

Несмотря на все трудности, Соминский нашёл достойное место приложения интеллектуальных сил, взвалив на свои плечи проект по изданию серии очерков о знаменитых евреях, деятелях науки и культуры. Вместе с профессором Соломоном Могилевским и доктором Савелием Дудаковым были выпущены десятки книг, которые знакомили читателей-репатриантов с жизнью и деятельностью видных представителей еврейского народа. В издании активно участвовал и светлой памяти доктор Эдик Капитайкин, автор нескольких брошюр.

Просветительский труд Соминского, продолженный в Израиле, отнял много сил, но дал ученому ощущение своей востребованности: и здесь сумел принести пользу людям. Это своего рода подвиг, совершить который дано не каждому.

Монус Самуилович был способен его совершить, и за это мы выражаем ему глубокую благодарность и запоздалую признательность.

30.11.2005 г.

Мои «встречи» с Монусом Соминским.

Я не видел Монуса Соминского, однако встречи с ним состоялись – виртуальные, но по-своему значительные и интересные.

В 1957 году работал в Ленинской библиотеке в составе бригады по созданию био-библиографического справочника «Выдающиеся физики мира». В её состав входили: профессор Б.Г. Кузнецов – известный историк физики; кандидат физических наук А. Еремеева (автор биографических очерков), библиографы И. Кауфман и А. Черняк. Это была сложная и трудоёмкая задача: надо было найти приемлемые критерии выдающихся физиков, определить их разумное число, написать яркие, доступные для массового читателя биографические очерки, выявить необходимую литературу и проаннотировать её. Велась работа в ускоренном темпе – и в мае 1958 года книга вышла из печати. Чтобы не обострять споров, включались лишь ушедшие из жизни. В структуре каждого очерка было три части: биография и персоналия, перечень его трудов, перечень литературы о нем; оба перечня – аннотированные. Наибольшие трудности представлял последний перечень: нужно было отбирать те материалы, которые были доступно и интересно написаны, чтобы ими могли пользоваться читатели-неспециалисты. Среди избранных авторов оказался и Соминский, чьи публикации полностью соответствовали установленным нами требованиям. Прелесть их заключалась в удачном сочетании глубины раскрытия значения научной деятельности того или иного физика с легким, подчас увлекательным изложением; особенно привлекало проникновение в человеческую сущность героя повествования. Таковы были статьи М. Соминского, посвящённые жизни и деятельности А. Столетова, Г. Герца, П. Кюри, Н. Лебедева. С Соминским – учёным и публицистом, я столкнулся уже в Израиле, прочитав его работы «Антисемитизм и антисемиты» и «Антисемитизм (*Краткий очерк*)» – эту книгу автор подарил с любезной надписью. Здесь же, в Израиле, состоялось телефонное знакомство, принявшее систематический характер. Монус удивился и обрадовался, когда я напомнил о его участии в создании книги «Выдающиеся физики мира» – пахло временем его расцвета. Он был предупредителен и готов хоть чем-то помочь. Он прожил большую и полезную для многих жизнь.

Профессор А.Черняк.⁸

Декабрь 2005 г. Хайфа.

Последнее слово о друге написал Гилель Бутман:⁹

Месяц назад умер Монус Самуилович Соминский.

В июне 1970 года в Ленинграде чекисты разгромили по следам попытки захвата самолета нашу нелегальную сионистскую организацию. В результате обысков конфисковали десятки сионистских книг и журналов, пишущих машинок, фотоувеличителей и фотоглянцевателей и даже копировальную машину типа «Эра», отпечатанные ивритские учебники. Мы бы не могли раздобыть всё это на наши жиденькие взносы. К счастью, в организации была «группа учёных» и их жирные взносы помогли нам держаться на плаву. Одним из них был зам. директора Института Полупроводников АН СССР Монус Самуилович Соминский.

Говорят, что мир принадлежит не тем, кто сгорает моментально ослепительным фейерверком, а тем, кто горит стабильно неярким маленьким огнём. Таким человеком был Соминский. Он вступил в нашу организацию, когда ему было уже за шестьдесят, возраст, когда у человека инстинкт самосохранения достигает максимума, особенно у человека, который пережил ягодовщину, ежовщину, бериевщину и сталинщину и которому было, что терять. Но и в этом возрасте Монус Самуилович сохранил молодую душу, способную быть верной идеалу, способную восторгаться и сострадать и, если надо, принести себя в жертву, и всё это под маской так называемого гнилого интеллигента, неспособного на отпор. Его внешние манеры могли обмануть, и не раз обманывали. Например, когда Монус Самуилович отказался изъять из книги об академике Иоффе то, что относилось к его еврейским корням, несмотря на уговоры, что это не релевантно и отвлекает от главного.

Когда проходило собрание, на котором обсуждалось заявление Соминского об отъезде в Израиль, секретарь парторганизации спросил, раздув пафосом щеки:

– А если в Израиле Вам предложат поселиться на занятых палестинских территориях, что Вы будете делать?

– Если я не ошибаюсь, Ваша дача находится на Карельском перешейке, не так ли? – ответил тихим, едва слышным спокойным голосом Монус Самуилович.

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ СЕРИИ
«ЕВРЕИ
В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ»**

Почти сразу по приезде в Израиль Монус Соминский поставил вопрос о создании серии биографий выдающихся евреев, внесших свой вклад в мировую цивилизацию. Сразу же возник вопрос, как «обозвать» эту серию замечательных людей. Соминский долго колебался между «Евреи в мировой цивилизации» и «Евреи в мировой культуре». Будучи опытным администратором, он обычно ставил уже разрешенные для него задач следующим способом: «Я уже говорил с Могилевским. Итого: нас двое против одного». Или наоборот: «Соломон Абрамович, я согласовал этот вопрос с Саввой. Большинство – за!» Когда мы обменивались с Соломоном Абрамовичем этими и подобными обстоятельствами – мы только дружески посмеивались. В принципе больших ошибок в выборе персоналий у нас не возникало. Но иногда споры были, но я всегда уступал ему, доверяя его годам... Участие Соломона Абрамовича Могилевского было не формальным. Будучи пунктуальным и дотошным – он вычитывал тексты до дыр и вопрошал своего «старшего» друга при каждом сомнении. В общем, «Святая Троица» жила в гармонии под председательством Богатца (Монус – Μονος, можно понять и по-гречески, как Единый).

Соминский был движущей и единственной финансовой силой, толкавшей телегу издания. Иногда «Сохнут» покупал сотню-другую книг, но это была лишь маленькая толика необходимого для окупаемости. Средства изымались из скудного социального обеспечения. Часто деньги он брал взаймы у зятя. Иногда, благодаря хорошо подвешенному языку, мне удавалось выудить у сильных мира сего деньги на продолжение серии.

**Книги серии
«Евреи в мировой культуре»
изданы в Иерусалиме**

1. М. Соминский, 1986, «Академик А.Ф.Иоффе».
2. Н. Тихонов, 1987, А.Вамбери. «Воспоминания».
3. М. Давыдова, 1987, «Джакомо Мейербер».
4. М. Левидов, 1987, «Вильгельм Стейниц».
5. М. Левидов, 1987, «Эмануил Ласкер».
6. Э. Капит, 1987, «Имена.
Евреи в общественной и культурной жизни России», Книга 1-я.
7. В. Классен, 1988, «Фердинанд Лассаль».
8. Э. Капит, 1988, «Имена. Книга 2-я».
9. Б. Порозовская, 1989, «Людвиг Берне».
10. П. Вейнберг, 1988, «Генрих Гейне».
11. С. Дудаков, 1989, «Петр Шафиров».
12. М. Гольдштейн, 1989, «Петр Столярский».
13. В. Каган, 1989, «Борис Бруцкус».
14. Я. Сорокер, 1989, «Борис Гольдштейн».
15. Л. Ауэр, 1989, «Моя долголетняя музыкальная жизнь».
16. И. Евдокимов, К.Паустовский, 1989, «Исаак Левитан».
17. С. Мельник, 1990, «Антон и Николай Рубинштейны».
18. М. Поповский, 1990, «Владимир Хавкин».
19. Э. Вольф, 1990, «Иосиф Поппер».
20. Э. Капит, 1991, «Имена», Книга 3-я.
21. З. Каневский, 1991, «Рудольф Самойлович».
22. Я. Сорокер, 1992, Российские музыканты – евреи»,
Био-библиографический лексикон. Часть I.
23. Я. Сорокер. 1992, «Российские музыканты – евреи», Часть II.
24. Н. Лельчук. А. Штильман, 1993,
«Абрам Ямпольский, Яков Флиер, Миша Райцин».
25. Н. Елина, 1994, «Василий Гроссман».
26. М. Улановская, 1996, «Свобода и догма».
Жизнь и творчество Артура Кестлера.

№1. Самое сложное – это выбор героев нашей серии. Для Моноса Самуиловича не было сомнений, что первым номером должен идти материал об Абраме Федоровиче Иоффе, крупнейшем физике и учителе, а, кроме того, личном друге. Аналогичная книга была издана в издательстве Академии наук дважды – в 1964 и 1965 годах. Естественно для израильского издания Соминский заострил национальный вопрос, что в прошлой жизни было невозможно. Но вышедшее во времена оттепели Монос Самуилович все же втиснул с десятков страниц о деле Дрейфуса, да еще с цитатами из Ленина и обязательными ссылками. Такое место тяжело изъять. Хитрое прикрытие. Не оставил он вниманием и бытовой антисемитизм, встретившийся в жизни ученого, вроде черносотенных педагогов, желающих «срезать» юного гения. Совсем необыкновенным путем ввел рассуждение о возможном еврейском происхождении Марии Кюри-Складовской. Новое иерусалимское издание бесследно исчезло и стало библиографической редкостью.

Под **№2** Монос решил издать воспоминания великого ориенталиста и путешественника Арминия – Германа Вамбери (1831 или 1832-1913). Венгерский путешественник, обуреваемый мыслью найти прародину мадьяр. Человек удивительной судьбы – от голодного нищенского существования до лучших кафедр мира. Во время вторжения русских войск Николая в Венгрию в 1849 году он слышал легенду, что где-то в глубинах Азии живут многочисленные племена мадьяр. И их поиску он посвятил свою жизнь. Начал же он её, приняв ислам, что позволило ему учиться в медресе. Он изучил кучу языков, стал полиглотом. Переодевшись дервишем, совершил путешествие в Среднюю Азию, и именно тогда, когда европейцев казнили немилосердно за попытку исследовать мусульманскую окраину. Он чуть не был разоблачен в Афганистане – у местного эмира был граммофон и владыка обратил внимание на одного из нищих, произвольно отбивающего такт ногой. «Явный европеец» – подумал эмир и пригласил к себе дервиша. Завязался теологический разговор. Вамбери «переборщил» – он слишком хорошо знал различные мусульманские толки, в том числе и школу суфиев. И это отметил повелитель. «Ты фаренги», и уверенно пояснил: «Слишком много знаешь». Но Бог был милостив, и эмир отпустил неведомого странника...

На русском языке воспоминания впервые вышли в 1907 году в журнале «Русское богатство». В 1928 году в Ленинграде вышла адаптированная биография Вамбери, выполненная Э.К. Пименовой. Но самое интересное то, что я вспомнил чудную повесть Николая Тихонова «Вамбери». Тихонов в наше время имеет плохую репутацию. Но в 1925 году он был братом «Серапионом». Так нам удалось скомпоновать из двух книг увлекательную биографию путешественника. Предисловие написал сам Монус.

Кстати, когда я брякнул профессору: «А ведь мы издаем биографии выкрестов», старик мгновенно парировал: «В газовых камерах для них разницы не было». И это были не последние наши выкресты... Затем добавил: «Савва, а Вы внимательно читали моего академика Иоффе?» – «Да, я помню. Вы довольно долго распространяетесь о неэтичности крещений, особенно если они делались ради карьеры. Но доказать обратное в отношении и Иоффе и Вамбери – невозможно. Смотрите! В самом начале книги Вы пишете, что Ваш герой родился в семье **Федора Васильевича** Иоффе. А спустя пару страниц Вы приводите документ, полученный будущим ученым в Роменской Городской Управе на имя «**Авраама Израилевича** Иоффе. *(На самом деле полное имя и отчество Иоффе выглядит так: Авраам-Израель Файвишевич)* Согласитесь, что все же он принял крещение из-за карьеры. Это я не в осуждение, а в факт». Дискуссия повисла в воздухе. А дело было в том, что Монус Самуилович болезненно любил еврейский народ, гордился им. Он был националистом-идеалистом. Короче, он боготворил еврейский народ. Отсюда и известный дальтонизм, который присутствовал в нём, впрочем, и в каждом из нас. Посему в его книге о своем учителе конкретно о крещении Иоффе не говорится. В это же время зашёл разговор об академике Льве Семеновиче Берге (1876–1950), благополучно окунувшимся в купель лютеранства. Я рассказал, что у него было двое детей: мальчик и девочка. Так вот, знаменитый генетик профессор Раиса Львовна Берг (1913–2006) – получила в советское время паспорт и записалась – русской. Её родной брат избрал нелегкую участь и «стал» евреем... Вольному воля.

Под № 3 вышла книга о Джакомо Мейербере (1891–1864) великом драматическом композиторе, создавшем так называемую большую оперу. Он оказал громадное влияние на Доницетти, Верди, Серова, Чайковского и, как это ни удивительно, на Рихарда Вагнера. Одно время он протезировал молодому композитору, который отблагодарил Мейербера грязной юдофобской клеветой. Мейербер автор двадцати трёх опер, из коих самые знаменитые «Роберт-Дьявол», «Гугеноты» и «Пророк».

Автор книги – интереснейшая фигура – Давыдова Мария Августовна (1863–?). Она дочь известного математика Августа Львовича Давыдова (1823–1883) и племянница знаменитого виолончелиста Карла Юльевича (1838–1889). Причем и Карл Юльевич поначалу окончил математический факультет Московского университета и лишь, затем посвятил себя музыке. Обязывающая семейная связь.

Писательницей написаны биографии Моцарта, Шумана и Мейербера для библиотеки Павленкова (ЖЗЛ). Давыдова была также поэтом и издала сборник стихов. Наиболее важным в её наследии следует считать переводы текстов для вокальной музыки. Ею переведены либретто следующих опер: «Иоанн Лейденский» Мейербера, оратория «Потерянный рай» А.Г. Рубинштейна, духовная опера «Моисей» Антона Рубинштейна, «Миньона» А.Г. Рубинштейна, ода «К радости» к 9-й симфонии Бетховена, текст «Эгмонта» Бетховена, а также множество романсов. Ею же написаны воспоминания об Антоне Рубинштейне.

Под № 4 и № 5 вышли замечательные книги Михаила Левидова о великих шахматистах Стейнице и Ласкере. Впервые эта работа вышла в серии ЖЗЛ в 1936 году с предисловием наркомюста тов. Н.В. Крыленко, через год исчезнувшего в подвалах возглавляемого им ведомства. Книга стала библиографической редкостью, так как и автор был ликвидирован недремлющими органами. Тираж составлял 40 тысяч экземпляров. Но крамольные книги в СССР уничтожались. Страх был ужасающим. Если мы к этому добавим, что в «шахматной столице» – Ленинграде во время блокады люди топили буржуйки книгами, то можно смело утверждать – уцелело немного. И вот спустя пятьдесят лет в Иерусалиме книгу вернули к жизни. Это была к тому времени единственная книга в ЖЗЛ, посвященная творчеству шахматистов.

Издание было снабжено обширным предисловием: «Евреи в шахматах» (44 страницы) и послесловием к книге «Ласкер». Предстояло рассказать, о чём Левилов умолчал по независимым от него обстоятельствам, и дописать биографию Великого Эммуила – он умер спустя четыре года после издания книги. И Стейниц, и Ласкер были пламенными патриотами своего народа и религии – это следовало подчеркнуть. Увы, из-за отсутствия средств, в сборники не вошли турнирные таблицы, в которых принимали участия чемпионы мира, а также ни одна партия, игранная ими. Надеюсь, что при переиздании это будет учтено.

Эти книги имели безусловный успех, а предисловие без ведома издателей перепечатывались в различных изданиях.

Добавлю, что Монус Самуилович находился в большой дружбе с ленинградским театроведом Эдуардом Капитайкиным, да будет земля ему пухом. Эдик окончил Театральный институт им. А.Н. Островского, театроведческий факультет. Защитил диссертацию на тему «Студийные театры 20/30-х годов». Сотрудничал в сборниках «Советский театр: документы и материалы», публиковал статьи, пользующиеся успехом, в различных периодических изданиях. В 1977 году Эдуард Самойлович репатриировался в Израиль.

Ему несладко пришлось на земле Обетованной, но он нашёл себя, работая на радио «Кол Исроэль» и подготовив три сборника «Имена», вышедших в нашей серии – книги биографий знаменитых евреев. Эдик был опытным редактором – именно он редактировал замечательные два толстенных тома книги Арона Лазаревича Абрамовича «В решающей войне» – об участии евреев на фронтах Великой Отечественной. К сожалению, Капитайкин умер скоропостижно.

«Имена» вышли под № 6 – 1987 г., № 8 – 1988 г., № 20 – 1991 г. Всего 54 очерка о нашей гордости: от Братьев Гранат до Юлия Айхенвальда, от Лины Штерн до Эль Лисицкого, от братьев Адельгейм до Дзиги Вертова. Нашлось место и Льву Бергу. Увлекательное чтение, не устаревшее даже с публикацией новых документов. Эти три книжицы Эдика «Капита» – гордость серии.

Под №7 вышла книга о Фердинанде Лассале (1825–1864) – крупнейшем политическом деятеле, одном из вождей германской социал-демократии, блестящем публицисте и глубоком философе.

Жизнь его оборвалась трагически: он дрался на дуэли из-за женщины – необходимая деталь для необыкновенного человека. Сам же про себя Лассаль сказал, на смертном ложе: «Я бегло просмотрел мою жизнь. Она была велика, честна, смела, достаточно доблестна и блестяща. Будущее сумеет воздать мне должное».

Под № 9 вышла прекрасная книга Б.Д.Прозоровской «Людвиг Берне» – о великом германском публицисте и писателе. Жизнь Карла-Людвига (Баруха Лейба, Берне) была коротка (1786–1837), но он оставил неизгладимый след в немецкой литературе. Писатели «Молодой Германии» объявили его своим вождем. Не случайно следующая книга – о друге Берне – Гейне,

Под № 10 издана книга «Генрих Гейне». Великий немецкий поэт Гейне (1797–1956), величайший лирик немецкой поэзии, представлен добротной, несколько старомодной биографией. Автор – «русский» поэт Петр Исаевич Вейнберг (1831–1908), никогда не забывавший о своем происхождении и всегда восславлявший еврейство. В своё время носил псевдоним «Гейне из Тамбова». Чрезвычайно серьёзный переводчик на русский язык произведений Гёте, Шекспира, Данте, Лессинга, Шиллера. За перевод шиллеровской трагедии «Мария Стюарт» был награжден Пушкинской премией. Моноус Самуилович с большим тактом ввел в книгу отрывок из великого труда «История евреев» Генриха Греца (1817–1891) под названием «Берне и Гейне», переименовав главу в «Генрих Гейне и еврейство», что более соответствовало духу серии. И это объяснимо: Гейне не избежал купели..., но успокоения это ему не дало.

Под № 11 издан «Петр Шафиров». Об этой книге тяжело говорить, ибо речь идет о моём опусе. Название неточное, ибо книга не только о Шафирове, и об его многочисленном потомстве, но и приводится история евреев в России с хазарских времен до XVIII века. Книга имела успех. В России была издана в самиздате, хотя и шёл 1989 год. Один самиздатовский текст у меня имеется в наличии. Из-за недостатка средств при издании пришлось отказаться от громадной генеалогической таблицы, вмещающей цвет русской дворянской культуры: Петр Вязьмский, Виельгорские, братья Трубецкие, Самарины, Юсуповы, Витте, Блаватская и т.д. К двадцатым годам XX века общее число потомков плодovitого вице-

канцлера составляло порядка 1200 человек! Впоследствии мне удалось воплотить все замыслы в книге «Шафириров и другие».

Для «музыкальной» части нашей серии благодаря стараниям Соминского удалось привлечь несколько одаренных авторов-музыкантов.

Под № 12 издана книга Михаила Гольдштейна о великом педагоге Петре (Пейсахе) Соломоновиче Столярском (1871–1944). Работа посвящена брату – знаменитому скрипачу Бусе Гольдштейну. Великий учитель, создавший знаменитую Одесскую школу виртуозов: Д. Ойстрах, Н. Мильштейн, С. Фурер, Е. Гилельс, Б. Гольдштейн, М. Фихтенгольц, М. Затуловский и несть им числа. Столярский запечатлён в рассказе Исаака Бабеля «Пробуждение» – и писатель некоторое время «вундеркиндствовал» по настоянию родителей. Собственно, это всего вторая книга о непревзойденном педагоге Столярском. (*Первая – роман Ирмы Друкера «Музыканты», второе название – «Клезмер»*).

Под № 13 в 1989 году вышла биография выдающегося экономиста и историка народного хозяйства Бориса (Бера) Давидовича Бруцкуса (1874–1938). Автор книги – репатриант доктор Виктор К. Каган. До революции Бруцкус среди прочего занимался исследованием еврейских сельскохозяйственных колоний в Польше, Белоруссии, Украине. С 1907 по 1922 год преподавал в Петербургском сельскохозяйственном институте. Высланный из СССР в 1922 году, он работал до 1932 года профессором Русского научно-исследовательского института в Берлине. После прихода нацистов к власти переехал в Париж, а в 1938 году в Палестину, в Иерусалим, где получил должность профессора Еврейского университета по специальности экономика и с-хозяйство. Его идеи в развитии современной экономики оказались затребованы в СССР в годы перестройки – певец рыночной экономики был переиздан на своей бывшей родине.

Под №15 были переизданы воспоминания великого скрипача, создателя русской скрипичной школы Леопольда (Льва) Семёновича Ауэра (1845–1930). Его учениками были Яша Хейфиц, Миша Эльман, Ефрем Цимбалист, Мирон Полякин, Натан Мильштейн и многие другие. Кстати, Ауэр имел титул «Солист Его Величества российского императора» с 1873 года до упразднения монархии.

Воспоминания впервые вышли в США по-английски в 1924 году, а через три года они были переведены на русский язык и вышли под названием «Среди музыкантов», правда в частном издании Сабашниковых... К новому изданию Э. Капитайкин написал тёплое вступление, где рассказал о личности Льва Семёновича, через призму его знакомых.

№ 16, «Исаак Левитан» – одна из удач серии. Соминский решил переиздать известную повесть К.Паустовского. В приложении к этому номеру серии Монус Самуилович поместил письмо читателя Иосифа Шамиса, 1902 года рождения – «да продлятся дни его до 120 лет!» – добавил мудрый Соминский. Шамис проживал в США. Он привел некоторые биографические данные, не столько неизвестные, сколько замолчанные. Вроде надгробия, где на стелле выбита надпись на древнееврейском языке. Заключительные строки гласят, что этот памятник поставлен «дорогому брату Ицхаку бен Илиягу». На другой стороне надпись сделана по-русски.

И от себя добавлю, что в запасниках Израильского национального музея хранится картина Адольфа Левитана с изображением могилы брата. Интересно бы узнать: «А почему в запасниках?»...

№ 17, вышедший в 1990 году, работа Семёна Мельника «Антон и Николай Рубинштейны», является несомненной удачей серии. Автор – великолепный скрипач Большого театра г. Москвы «плавно переместившийся» в Иерусалимский симфонический оркестр Израильского радио и телевидения. Семен Яковлевич (1938–1997), одессит, учившийся в знаменитой музыкальной школе им. П.Столярского. Он окончил её с отличием и поступил в Московскую консерваторию. Учился по классу скрипки у проф. Галины Всеволодовны Бариновой. Один из пионеров эмиграции в 1972 году Семен Яковлевич с семьей прибыл в Израиль. Он был не только мастером скрипичного дела, но музыкантом-изобретателем. В последние годы жизни Семен Яковлевич занимался созданием совершенно новой модели метронома. Дело шло на лад. Некий кибуц принял на себя расходы по производству и распространению инструмента на музыкальный рынок. Смерть остановила энтузиаста...

Братья Рубинштейны – Антон и Николай – основатели Русского музыкального общества, создатели консерваторий в Петербурге и Москве, великие исполнители-пианисты своего времени.

Кроме того, Антон – известный композитор. Но ни одно музыкальное учреждение не носит их имени. Антон Рубинштейн оставил призовой фонд для проведения международных конкурсов, и это было задолго до конкурсов П.И.Чайковского. Кстати, Антон Рубинштейн был и великим педагогом, а его учеником был Чайковский.

Семён Яковлевич Мельник на свои скромные средства основал две ежегодные стипендии им. Антона Рубинштейна в Петербургской консерватории: одну по исполнительскому мастерству, вторую – по композиции. Это попытка восстановить справедливость. Благородный человек. Мир его праху...

Под № 18 в 1990 году вышла биография великого бактериолога Владимира Ароновича Хавкина (1860-1930), пламенного ученого, создавшего эффективные вакцины против холеры и бубонной чумы. В Бомбее основал институт, носящий его имя. Он спас сотни миллионов людей в Индии, Западной Азии и Северной Америке.

Автор книги известный советский писатель Марк Александрович Поповский (1922–?), автор многочисленных книг о приоритете русской науки. Эмигрировал в США, приезжал в Израиль и делал доклад в Центре восточноевропейского еврейства при Иерусалимском университете. Книга о Хавкине сделана профессионально и читается с неослабевающим интересом. Собственно, это история бывшего билульца, ставшего учёным с мировым именем, оттого книга носит подзаголовок «Три жизни доктора Хавкина».

Под №19 в том же 1990 году вышла небольшая брошюра Эфраима Шаевича Вольфа «Иосиф Поппер». И. Поппер-Линкеус (1838–1921) – родился в Чехии. Выдающийся социолог, автор блестящих проектов, предвосхищавших открытия в физике и других науках. Автор оригинальных проектов социального страхования, был крупным инженером и одним из пионеров использования электричества в народном хозяйстве. Занимался публицистикой и являлся автором книги об отношении Бисмарка к антисемитизму. Логично, что рассказ предваряет публикация Альберта Эйнштейна, имеющая отношение к теме: «Поппер-Линкеус был человеком с пророческим даром и святостью... «Кто прочтёт эту небольшую книжицу доктора Э. Вольфа, приобщится к источнику неожиданных знаний. Полное издание этой книги вышло в Москве в 2000 году.

В №21, вышедшем в 1991 году, неожиданно появляется фигура полярного исследователя Рудольфа (Рувима) Лазаревича Самойловича (1881–1939), доктора географических наук. Образование получил в Германии. Вернувшись в Россию, стал профессиональным революционером «свободной ориентации» от «Поалей Цион» до эсеров и эсдеков. Участвовал в еврейской самообороне в Одессе во время 1905 года. Сосланный в Сибирь в 1908 году, он посвятил свою жизнь изучению Севера. В 1938 году был арестован, а после расстрелян. Так оборвалась интересная жизнь большого исследователя.

№ 22 и № 23 являются жемчужинами музыкальной серии «Российские музыканты евреи», био-библиографический лексикон, вышедший в двух книгах. Автор – замечательный человек и музыкант Яков Сорокер (1920–1995). Мне посчастливилось быть лично с ним знакомым и даже переписываться, хотя мы жили в одном городе. Порядка 520 персоналий вошли в лексикон! Это подвиг. Каждая персоналия включает библиографию. Для удобства пользования имеется не только индекс, что естественно, но весь лексикон разбит на главки по специализации: виолончелисты, вокалисты, дирижеры, деятели еврейской религиозной и светской музыки, исполнители на духовых инструментах, композиторы, музыковеды и теоретики, исполнители на народных инструментах, пианисты и органисты, скрипачи и альтисты. Мы должны быть благодарны этому замечательному человеку.

Перу Якова Львовича Сорокера принадлежит также работа о Борисе (Бусе) Эммануиловиче Гольдштейне (1922–1987) выдающемся скрипаче нашего времени, для которого в последние два десятилетия были закрыты двери престижных залов. Подноготная проста – антисемитизм. С этой причиной познакомился великий венгерский скрипач Й. Сигети, удивлявшийся, почему Гольдштейн почти не выступает и почему он ещё (в 1962 году!) не профессор в консерватории. Для Буси были закрыты студии записи, на него писались всевозможные пасквили. Всё это принудило музыканта в 1974 году покинуть СССР, гордостью которого он являлся. Гольдштейн был лауреатом Международных конкурсов им. Г.Венявского (Варшава, 1935 г.) и им. Изаи (Брюссель, 1937). До конца своих дней он давал концерты по всему миру и в Израиле также.

№ 24 также примыкает к био-библиографическому лексикону серии, вышедшей в 1993 году. Это несколько очерков Н. Лельчук и А. Штильмана об Абраме Ямпольском, Якове Флиере и Мише Рейцине. Авторы – Нина Лельчук – пианистка и педагог, ученица Я. Флиера, лауреат международных конкурсов в Варшаве, в Париже и Техасе. Артур Штильман – скрипач, ученик Ямпольского, выпускник Московской консерватории и её аспирант.

Лауреат Международного конкурса в Будапеште в 1963 году.

№25 – это работа о жизни и творчестве писателя Василия Семеновича Гроссмана (1905–1964), настоящее имя и отчество которого – Иосиф Соломонович. По моему мнению, Василий Гроссман – крупнейший русский прозаик XX века. Его гениальный роман «Жизнь и судьба», полагаю, будет изучаться в русской школе наравне с «Войной и миром» Льва Толстого и «Жизнью Клима Самгина» Горького.

Автор монографии доктор филологических наук, профессор Московского университета Нина Генриховна Елина. Она специализировалась в области итальянской литературы, особенно творчества Данте. Заслуга Нины Генриховны, что она была в авангарде художественной критики, поставившей Гроссмана на причитающееся ему место.

№ 26 – заключительная книга серии вышла в 1996 году. Её автор, Майя Александровна Улановская, создала замечательную работу об Артуре Кёстлере. Книга называется «Свобода и догма. Жизнь и творчество Артура Кёстлера».

Один из крупнейших писателей прошедшего века, мыслитель, родившийся в Будапеште в 1905 году и писавший по-английски. Человек неординарной судьбы – он жил в Палестине, участвовал в Гражданской войне в Испании и был приговорен правительством Франко к смертной казни. Освобождён под давлением мировой общественности.

Один из первых осмыслил массовые репрессии в СССР, создав шедевр «Слепящая тьма» (1940 г.). Человек по Кёстлеру – тупиковая эволюция природы. Добровольно ушёл из жизни.

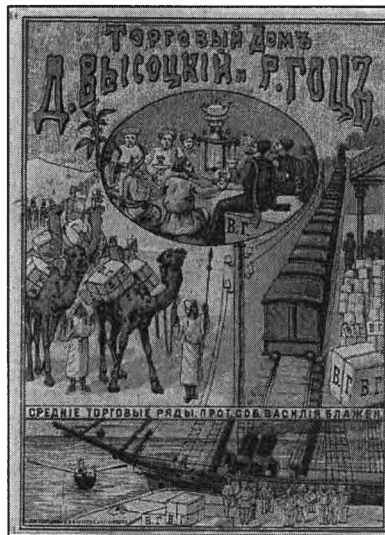
Автор книги Майя Улановская – человек удивительной судьбы. Родившаяся в семье русских революционеров, она в 1949 году участвовала в группе молодых москвичей, боровшихся с диктатурой Сталина. Всех юношей их группы приговорили к расстрелу, девушки получили длительные тюремные сроки. Жизнь не сломила боевого духа протестантки: она автор глубоких воспоминаний и переводчик на русский язык многих произведений с английского языка. Повторим слова Монуся Самуиловича в адрес Майи – «Да продлит ей Господь дни до 120 лет!»

Хочется подвести итоги.

Серия, начавшая свой путь в 1986 году, просуществовала десять лет. Её финал был вызван в первую очередь болезнью духовного двигателя серии Соминского, но не только. Серия выполнила свой долг перед еврейством.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

К 150-летию фирмы «Чай Высоцкого»

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
М. Д. Я. М.
Торгового Дома
Д. Высоцкія и Р. Гоцъ
въ Москвѣ

ВЪСѢКА
ОТЪ
СРЕДНІХЪ
ТОРГОВЫХЪ
РЯДОВЪ

ВЪСѢКА
ОТЪ
ТОРГОВЫХЪ
ВАРІАНТОВЪ

		за фунтъ	
		р.	к.
№ 1	въ бумажныхъ этикеткахъ.	1	40
2	"	1	60
3	"	1	80
4	"	2	—
5	"	2	20
6	"	2	40
7	"	2	60
8	"	2	80
9	"	3	—
10	въ жестяныхъ коробкахъ.	2	—
11	"	2	20
12	"	2	40
13	"	2	60
14	"	3	—

История этого эссе такова. Лет двадцать тому назад я получил от фирмы предложение написать сагу о «Чая Высоцкого». Фактического материала у меня было мало, и я написал не сагу, а литературно-историческое эссе. Мой труд был переведен на иврит и запрятан в недрах фирмы, что не мешает им почти регулярно высылать мне коробку фруктового чая.

В рекламе для отдельных районов Израиля, например для «Меа Шарим» или «Бней Брака» стоило бы ввести прошлое, да к тому же такое кошерное: изображение старого Высоцкого в головном уборе и надписью на идиш: «Майне зейде гитринкт тей Высоцкий, ун их тринкт тей Высоцкий» («Мой дедушка пил чай Высоцкого и я пью чай Высоцкого»). Успех гарантирован. А в США и в Канаде следует подчеркивать 1904 год, время появления чая Высоцкого в Новом Свете. Крупное изображение на постере коробки начала века, способствовала бы проникновению на рынок. Ностальгия по прошедшему – это приоритет не только россиян. Это чувство, обуревающее всех. Повторимся, ностальгия по доброму, старому, мирному и, увы, невозвратному времени.

Стоило бы в рекламе чая употреблять российские аксессуары. Например, в подарочном чае № 6, успех которого неминуем, на коробках следует отказаться от «индийского колорита». Несравненно более выигрышно, да и патриотично выглядит, скажем, купчиха, пьющая чай, кисти Кустодиева. Эффект предсказуем – в подсознании, речь идёт о добром, мирном и, увы, навсегда утерянном мире. Не стоит стесняться тиражирования этого сюжета: русская красавица, самовар, лоснящаяся кошка, аромат чая и неуловимый аромат секса в облике женщины.

Речь идёт о чае Высоцкого. Речь идёт о России, где возникла эта уникальная фирма. Чай Высоцкого, подобно вальсу «Амурские волны», подобно тульскому самовару – стал одним из символов России. И вот здесь важнейший момент: не чай зависел от самовара, а именно самовар от чая. Местом, которое занял в русском быту самовар, обязан чаю, точнее чаепитию, распространившемуся по Святой Руси во второй половине XVIII века.¹

Исследователи русского быта² отмечали, что чай был известен ещё при дворе Михаила Федоровича, получившего ароматный подарок от одного из западно-монгольских ханов.

(Точнее, чай был навязан русскому послу Василию Старкову ханом в обмен на соболя). Расположение Руси на стыке Европы и Азии, удивительным образом сказалось не только на культурном влиянии Запада и Востока, но и коснулось самого быта. Напомним, что, например, шахматы пришли в Россию не с Запада, а при посредничестве хазар, исповедующих иудаизм, из Индии и Персии, Волжско-Каспийским торговым путём. Так было и с чаем, проникшим в Россию, ещё лет за 30 до появления его в Англии. Экзотическое питьё долгое время принимали с большой осторожностью: пили только при дворе и в боярских семьях и только в качестве лечебного зелья – лекарственные свойства чая тогда преобладали. Во второй половине XVIII века ввоз чая в Россию был труден, и стоимость его была довольно высока. Один из иностранцев купал чай в 1674 году, платя по 30 копеек за фунт – умопомрачительная цена! В 30-х годах XVIII века среди серебряной посуды появляются чайники для заварки чая. В это же время чай проник в толщу народную, свидетельством чего является появление медных и латунных заварных чайников. Чуть позже самоварное искусство (декоративное производство) становится громадной отраслью, но всецело зависящей от ввоза чая в Россию. И ещё с потреблением чая развилась дополнительная отрасль – производство подносов, которые достигли высокого художественного уровня.⁴ Их декоративность также соответствовала социальному уровню – от деревянных до серебряных. Чай стал народным напитком, русский язык наполнен пословицами и поговорками, касающимися чая: «Выпить чайку – развеять тоску», «Чай пить – не дрова рубить», «Не просят на водку, а просят на чай», «Звать на чай», т.е. провести вечер, «На Руси никто чаем не подавился», «Пожалуйте, кушать чайку»...

Даже распорядок дня определялся временем чаепития. О чём сообщает «Энциклопедия русской жизни» – поэма «Евгений Онегин» в XXXVI строфе 5 главы:

*«...Чай несут. Люблю я час
Определить обедом, чаем,
И ужином. Мы время знаем
.....
Желудок – верный наш брегет...»*

А в XXXVII строфе 3 главы «Евгения Онегина» писалось:

*«Смеркалось. На столе, блистая,
Шипел вечерний самовар
Китайский чайник нагревая,
Под ним клубился лёгкий пар,
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам тёмною струёю
Уже душистый чай бежал...»*

Русские бытописатели не один разговор описали у самовара. А русские художники-жанристы? Ни один из них не обошел чаепития – Федотов, Перов, Петров-Водкин, Кустодиев, Осьмеркин – да и всех не упомнишь. Чай завоевал огромную страну. Но следует знать, что на душу населения, Россия пила чай в шесть раз меньше, чем в Англии. При этом общее потребление от мировой торговли составляло 22%.

Поначалу ввоз чая шёл сухопутным путём, через Кяхту, что в Забайкалье, прямо на русско-китайской границе, а лишь затем развилась морская торговля. Закат сухопутного пути начался с открытием Суэцкого канала, когда дешёвые морские перевозки стали выбивать почву у сибиряков. Чай на клипперах и пароходах прибывал в Одессу и далее шёл на Север. Наиболее известная кяхтинская семья Сабашниковых вынуждена была перейти на золотоискательство. Центр торговли чаем переместился в Москву.⁵

Но еще в 1912 году через Кяхту ввозилось в Россию 28 782 пуда байхового чая и 51514 пудов кирпичного. Пионерами чайной торговли Европейской России были Боткины – «Боткина Петра сыновья» – товарищество, основанное в самом начале XIX века. (В этой фирме и начинал Высоцкий).

Совладельцами фирмы Боткина были такие известные купеческие династии как Остроуховы и Гучковы – все фамилии известные в русской культуре. Но Боткины постепенно хирели. К 1914 году у них работало всего около 200 рабочих (у Высоцких, к примеру, в 10 раз больше). К 1916 году Боткины обанкротились.⁶ Им на смену пришли Высоцкие. И об этой фамилии наш рассказ.

«Чай Высоцкого» – одна из старейших фирм, сумевшая отстоять себя уже на протяжении 150 лет. Две мировые войны, революции, национализации, истребление 6 миллионов евреев, возрождение государства Израиль и, наконец, возвращение в Россию, где лежит корень клана Высоцких.

Основатель династии⁷ Калонимос – Зеев (Вольф) Высоцкий (по некоторым русским документам Вульф Янкелевич, в быту Василий Яковлевич) родился в бедной еврейской семье в местечке Старые Жагоры, бывшей Ковенской губернии (ныне Литва) в 1824 году. Калонимос принадлежал к поколению гигантов, родившихся в 20-е – начале 40-х годов XIX века – создатели русской индустрии, мощные интеллектуалы, мыслители и раввины, в тяжелейших условиях черты оседлости сумевшие прорвать все препоны. И всех их объединяла любовь к Сиону, к своему многострадальному народу. Отсюда и необыкновенная щедрость и филантропия, не знавшая границ и наций. Вот перечень сподвижников и современников.⁸ Великого Калонимоса: братья Поляковы – Яков Соломонович (1832–1909), Самуил Соломонович (1837–1888), Лазарь Соломонович (1842–1914) – финансовые и железнодорожные магнаты, возведенные в потомственное дворянство и имеющие чин тайного советника (один из высших чинов империи по Петровскому табелю о рангах); Бродские, фамилия которых одна из печально известной триады, и среди них знаменитый Израиль Маркович (1823–1888), занявшийся сахароварением в Юго-Западном крае, их клан контролировал синдикат семнадцати крупнейших сахаропроизводящих заводов империи.

Вот исполины в буквальном смысле слова – исполины духа и веротерпимости: Самуил Могилевер (1824–1898), выдающийся талмудист, лидер палестинофильства, личный друг Калонимуса; баронская семья Гинцбургов – основатель банкирского дома и золотопромышленник Горацій Осипович (Евзелевич) (1833–1909);

Лев Семенович Пинскер (1821–1891), врач, знаменитый автор «Автоэмансипации», предтеча политического сионизма; Перец бен-Моше Смоленский (Смоленский) (1842–1885) – выдающийся писатель, поборник национальной идеи. Их филантропия никогда не ограничивалось еврейством. Для примера приведу, что Израиль Бродский на свои средства содержал христианские приюты и учреждения. Калонимос был не исключением.

Откуда родилась фамилия «Высоцкий»? Не надо стесняться, что славянская фамилия сыграла известную роль в успехе фирмы. Сошлюсь на воспоминания генерала-еврея Михаила Владимировича Грулева (1857–1941), утверждавшего, что его «русская» фамилия способствовала карьере...

Любой этимологический словарь услужливо подскажет: «Высоцкий. От селений, носящих название Высокое, Высоке (таких особенно много на Украине) или городка Высоцк, Ровенской области».⁹ В данном конкретном случае искать долго не приходится – наши Высоцкие происходят от местечка Высокое – Литовское, во времена Калонимоса в административном порядке относящееся к Брестскому уезду, Гродненской губернии. В протоколах Литовского Ваада, упоминаются евреи с 1623 года, как находящиеся во введении Брестского кагала. Евреи неоднократно подвергались преследованием в этом городе. Так, в 1644 году они подверглись нападению поляков в день праздника Кущей (Шавуот), когда молились в синагоге. Евреи были ограблены и избиты, а синагогальная утварь расхищена. А в «Регестах и надписях»¹⁰ – своде материалов для истории евреев России, под 1669 годом мы можем прочесть, что еврей Сапсай Высоцкий представил для внесения в Брестские городские книги частное письмо подскарбия великого княжества Литовского Венедикта Павла Сапеги на имя Владислава Ропы из Высокого, помеченное 1 мая 1669 года.

Был ли тот Сапсай (Шабтай) предком нашего Калонимуса, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Но сочетание фамилии Высоцкий и местечка Высокое в одном документе впечатляет.

Интересны и другие сведения. При дворе Алексея Михайловича был умелец – часовой мастер, «иноземец» Петр Высоцкий. Владелец «национальной» профессии, возможно, был еврейского происхождения. В Коломенском дворце он изготовил «рыкающих» львов, с вращающимися глазами, раскрывающейся пастью. Львы

двигали ногами и били хвостами. Маленькие царевичи пугались подходить к этому чудовищу. «Местный» кадр – стрелец Никифор Ерёма сделал для царевича Федора пять львов деревянных, но, к сожалению, они не выдерживали конкуренции с коломенскими...¹¹ Место же, в котором родился Калонимус – Старые Жагоры, тоже было известно еще во времена Речи Посполитой. Находилось оно в Шавельском уезде, Ковенской губернии. По переписи 1766 года (время первого раздела Польши) в Старых Жагорах проживало 313 евреев. А в 1847 году, времени близком к нашему исследованию, «Жагорское еврейское общество» состояло из 1225 душ.

Калонимус родился в традиционно-религиозной семье и образование он получил традиционное. Отец его был мелким неудачливым торговцем, но твердо считавшим, что сын должен иметь соответствующее образование. Посему он приглашал лучших учителей на дом. После Калонимус поступил в Бейт-мидраш, находящийся в родном городе, самостоятельно изучал Танах, Талмуд, и разговорный иврит. В восемнадцатилетнем возрасте нашего героя оженили: в те времена браки были ранние. Условия, в которые был поставлен Калонимус, были таковы: в течение трёх лет он должен был учиться в доме тестя «еврейским» наукам. Однако, через полгода Высоцкий отправился продолжить учебу в Воложинский ешибот. Отъезд был согласован с тестем и молодой женой, но из-за своей болезни он должен был вернуться обратно. Пролетело три года, обусловленные брачным договором (тубой), и молодой глава семейства должен был приискивать заработок. В местечке Янишки он занялся торговлей, но без особого успеха.

(Местечко Янишки, вроде бы как стартовая площадка Высоцкого, интересна: оно находилось в Шавельском уезде, Ковенской губернии, в 1847 году в нём проживало 1042 еврея).

В это же время русское правительство пыталась частично решить еврейскую проблему переводом их в земледельческое сословие. В общем, это предприятие потерпело фиаско, хотя еврей-колонисты на юге весьма преуспели, но в Северо-западном крае, имеющим худшие климатические и почвенные условия, дело шло плохо. Евреи, не имеющие никакого трудового навыка, все равно пытались приспособиться к землевладению. Главная побудительная причина, «приманка» – освобождение от военной службы, которая дамокловым мечом висела над каждым еврейским домом.

В местечке Янишки, организовалось 18 семей (священное число!) и в их числе Калонимус Высоцкий со своим тестем. Правительство передало им землю в районе Дубново (Дубовой), что расположилось на расстоянии 30 верст от Динабурга (*впоследствии, при Александре III, переименованного в Двинск, ныне Даугавпилс, Латвия*). После празднования Пейсаха 1848 года, колонисты выселились на предоставленный участок и увидели почву, непригодную для посева. Несмотря на это, землю вспахали и засеяли. Заметим, что у колонистов не было построено домов и люди жили в ужасных условиях. Первые дети рождались прямо в поле.

Приближалась суровая зима. Поселенцы решили оставить женщин и детей и пойти на заработки в города. Среди них был и Высоцкий, но увы заработка не было, и он принялся за прежнюю посредническую торговлю хлебом (?) в местечке Янишки. За зиму он немного заработал, но его не оставлял мысль о земле. Весной он вновь вспахал и засеял участок в Дубове. Снова был плохой урожай, и пришлось вместе с семьей покинуть деревню. Это была катастрофа: всё приходилось начинать заново. Будем объективны – евреи, не имея навыков земледельческого труда и не имея поддержки правительства, не смогли справиться с трудностями. Вина лежит поровну – между бюрократической администрацией и, не будем идеализировать еврейский человеческий материал, что отмечено в глубокой и содержательной работе В.Н. Никитина.¹²

Напомним, что Никитин, крещёный еврей – кантонист, его сердце всегда принадлежало еврейскому народу). В той же работе говорилось и об имении (*казенном фольварке*) Дубово. Там из 18 семейств оказалось всего 10, постройки были возведены наполовину, а земля обрабатывалась не евреями, а русскими батраками, которым «евреи отдавали её за плату, с тем, чтобы они возделали, обсемили её и сняли хлеб в свою пользу».¹³ Ещё в нескольких местах упоминается имение Дубово и каждый раз в отрицательном контексте. Мы остановились на этом эпизоде биографии Высоцкого не случайно. Здесь он впервые выступал инициатором и организатором общественного дела и, во-вторых, земледелие запало в его душу, и он был в числе самых щедрых жертвователей на создание и поддержку еврейских земледельческих колоний в Палестине, что преуспели не в пример российским...

Итак, Колонимус с семьей вернулся в родные Жагоры, под сень отцовского дома. Он занялся торговлей хлебом с Ригой, и впервые удача улыбнулась ему: он заработал 500 рублей, по тому времени большие деньги. Вот удивительный пируэт его жизни: деньги он распределяет между отцом и тестем и с их согласия уезжает на три месяца в город Ковно, в иешиву знаменитого рабби Исраэля Салантера. На дворе стоял 1853 год. Именно там определились философские и жизненные установки Высоцкого. До конца своих дней он считал себя учеником рабби Салантера, и оставался верен его памяти. Нам следует несколько остановиться на личности знаменитого раввина, оказавшего неизгладимое влияние на становление личности нашего героя.

Израиль Липкин-Салантер (1810–1882), выдающийся моралист и проповедник, основатель религиозно-этического учения «муссара», был земляком Высоцкого, родился в Жагорах. Так что не исключено личное знакомство отца Колонимуса Вульфа с Салантером. Суровый аскет, Израиль Салантер никогда не замыкался в религиозную скорлупу – для него страдания человека были на первом плане. Он обладал удивительным мужеством. Приведём пример неординарного поведения Салантера. Когда в 1848 году в Вильно свирепствовала холера, он заботился о том, чтобы люди не падали духом и помогали друг другу, не опасаясь заразы.

Накануне Судного дня он объявил, что не следует поститься и долго молиться, а необходимо находиться на открытом воздухе. В самый Йом-Кипур рабби после утренней молитвы взошёл на амвон, с печеньем в руке, произнес благословение и стал есть тут же, дабы все последовали его примеру – выдающийся пример творческой энергии, указывающий на неиссякаемую силу иудаизма – все подчинено не абстрактному Закону, а нуждам Человека!

Салантер никогда не искал почестей – он их избегал. Он отказался быть главой Виленского раввинского училища. Жил он на скромные средства, предоставленные ему одним из его почитателей. До конца дней своих он трудился над проблемой оживления «старого еврейства». Воистину – Великий Еврей!

По возвращении в Старые Жагоры Высоцкий организовал общество «Хай Адам» где обучал простых ремесленников каждую субботу по заветам своего учителя.

К этому времени выяснилось, что все оставленные деньги кончились, и следовало вновь искать заработок. Калонимус продолжил торговлю хлебом и маслом с Ригой. По торговым делам в 1858 году он прибыл в Москву, и стал обучаться чайному делу в доме известного чаоторговца, что стало поворотным пунктом жизненного пути. Обладая выдающимся дарованием и усидчивостью, Калонимус стал крупнейшим специалистом в чайной области. Одним из пунктов признания Высоцкого было лестное предложение одного из владельцев чайной фабрики поступить к нему на работу с окладом в 30 тысяч рублей. Вспомним его первые заработки! Как ни заманчиво было предложение, но Высоцкий его отверг по двум причинам.

Первая заключалась в том, что, будучи ортодоксальным евреем, строго соблюдавшим субботний отдых – он не мог поступиться этим, ибо фабричный процесс требовал от него работы и в субботу.

Вторая же причина заключалась в том, что Калонимус ощущал в себе силу и способность самостоятельного поприща. Ему шёл только 34-й год. Поначалу сам владелец крошечного предприятия в поисках клиентов лично обходил потенциальных покупателей. Слава пришла к Высоцкому в трактирах, где москвичи – истинные ценители этого напитка сразу признали Высоцкого. Дело понемногу наладилось...

Существует семейная легенда о начальном капитале Высоцкого. Один из московских купцов, с кем тот имел дело, передал по ошибке мелкому торговцу чаем несколько тысяч рублей. Этим торговцем оказался еврей-Калонимус, который, дома обнаружив ошибку, немедленно помчался в дом богатея и вернул всю сумму. Надо сказать, что та сумма была для бедняка целым состоянием. Пораженный порядочностью и честностью, русский купец открыл ему большой кредит, что позволило Высоцкому стать в будущем миллионером. Сия история рассказана известным музыкантом Давидом Соломоновичем Шором (1867–1942), личным знакомым со всем семейством Высоцких и основателем музыкального движения в Эрец-Исроэль.¹⁴ Высоцкий богател, но оставался верным учеником Салантера. Его работа на благо общества шла нога в ногу с процветанием. На первых шагах своего пребывания в Москве, Калонимус столкнулся с еврейским страданием и горем. В эти годы в Москве ещё находились дети – кантонисты, насильственно

отнятые от своих семей, эти дети подвергались постоянному давлению правительства на предмет перехода в православие. Крестились десятки тысяч – точных данных не обнаружено, но можно предположить, что за 29 лет существования статуса кантонистов с 1827 года по 1856 год общее число «игрушечной» армии составило около восьми миллионов человек и среди них сотни тысяч еврейских мальчиков. Это легко проверяемо исходя, из процента евреев – жителей империи. Фактический же процент был выше, так как в кантонисты брались лишь православные и иудеи – мусульмане были лишены этой «привилегии». Судя по воспоминаниям, дошедшим до нас, травма, нанесённая насильственным крещением, не зарубцевалась в памяти поколений. А крещёные кантонисты составили слой русской городской интеллигенции.

Высоцкий со своим приятелем организовал помощь несчастным детям, пытаясь вернуть их иудаизму. В то время количество кантонистов-евреев в Москве составляло около пятисот душ. И Калонимос организовал материальную и духовную помощь. Детям передавались молитвенники, и каждую субботу и, конечно же, каждый праздник, детей принимали в еврейские семьи.

Высоцкому и его другу удалось даже организовать минимальное обучение торе и молитвам. Очень многих деятельность Высоцкого спасла от крещения.

Высоцкого всегда волновала еврейская жизнь и литература. Разбогатеv, он направил свою благотворительность к поддержанию идейно-национальных учреждений палестинофильского толка. Отметим участие Высоцкого в Катовицком съезде (1884 г.) Ховевей-Цион. Именно там решался вопрос о возвращении евреев к сельскохозяйственному труду и создании в Эрец-Исроэль соответствующей базы. Будучи одним из первых палестинофилов в России, он много жертвовал на колонизацию Палестины, на поддержание Яффской школы. Он неоднократно выступал в еврейской периодической печати с практическими предложениями. Часто брал на себя инициативу по осуществлению многих проектов. Высоцкий состоял почетным членом Одесского комитета «Общества вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине». В 1885 году предпринял путешествие в Палестину и, вернувшись домой, описал виденное в форме дневника, поместив в ежегоднике «Хаасиф», а позже издал отдельно.

Долгое время он был официальным издателем журнала «Хашилоах», выходящего поначалу полностью на его средства, а затем также частично субсидированного им. В 1885 году, стремясь к созданию высшего учебного заведения (*«Еврейской Академии»*), Высоцкий внёс для осуществления этой идеи в общество Альянса 10000 рублей с условием, чтобы по истечении известного срока было создано это заведение. Местом, избранным Высоцким для постройки, конечно же была Палестина. По завещанию, на создание Хайфского техниона, выделилось 12 миллионов рублей. В России Высоцкий пожертвовал 60 тысяч рублей на постройку ремесленной школы в Белостоке. Опекунами средств, направленных на благо еврейского народа, стал Ахад-Хаам, московский раввин Яков Исаевич Мазе и Шмелькин (Москва).

Самые неисследованные страницы экономической жизни Высоцкого охватывают период с 1858 по 1875 годы. В 1876 году петербургский купец 1-й гильдии В.Я. Высоцкий основал фирму с названием «В.Высоцкий». В 1881 году она была преобразована в торговый дом на правах полного товарищества «В.Высоцкий с сыном», которое производило оптовую торговлю чаем (*оборот 300 тысяч рублей в конце 80-х годов*) и маслом (*оборот 50 тысяч рублей*). В начале 1890-х годов фирма, открыв отделения в Симферополе и Одессе, преобразована в товарищество на вере «В. Высоцкий и Ко.». (*Товарищество на вере или командитные акционерные компании с переменным составом, т.е. единое юридическое лицо*). Главой фирмы оставался Высоцкий (*к этому времени московский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин*). Вкладчиками приняты Е.Ш. Цетлин (московский купец 2-й гильдии) и Л.М. Гавронская – симферопольская купеческая жена. Товарищеский капитал, первоначально составляющий 25 тысяч рублей, к 1893 году был равен 60 тысячам рублей. В 1898 году компания реорганизована в паевое товарищество. Основной капитал в 1898 году составлял 1,5 миллиона рублей, через два года был удвоен до 3 миллиона рублей, в 1910 году – 10 миллионов рублей. Фирма с размахом развернула операции по покупке и по продаже чая. Она владела шестью чаеразвесочными фабриками: в Коканде, Москве, Одессе, Петербурге, Сретенске, Челябинске с персоналом в 2,2 тысячи человек. Годовая продажа чая в 1898 году составляла:

6,5 миллионов рублей, в 1901 году – уже 16 миллионов, и в полувоенном 1914 – почти 50 миллионов рублей.

К началу Первой Мировой войны фирма владела 77 торговыми заведениями в 49 городах Российской империи. Ей принадлежала крупная недвижимость – два дома в Москве (адрес московской конторы: Лубянско – Ильинские торговые помещения, подъезд №3 и №93), один – в Одессе, амбары в Челябинске и на Нижегородской ярмарке, общей стоимостью в 1,6 миллиона рублей.

Чай для развески и продажи (байховый, зелёный, кирпичный и плиточный) закупался во всех чаепроизводящих районах мира: Китае, Индии, на Цейлоне и на острове Ява посредством комиссионеров и собственных торговых агентов, ввозился главным образом через Одессу. Богатела фирма – богатело российское государство. Так, например в не совсем благополучном 1906/1907 операционном году товарищество закупило чая на 900 тысяч фунтов стерлингов, оплатив таможенную пошлину в размере 17 миллионов рублей.

Товарищество расплачивалось с поставщиками при помощи кредитов, открытых ему в ряде международных банков – Базеля, Берлина, Брюсселя, Гамбурга, Лондона, Парижа, а также переводными векселями (*т.н. «загрантратами»*). Честнейшие владельцы имели неограниченный кредит в российских банках: Московском купеческом, Волжско-Камском, Северном банках, «Лионском кредите», московском отделении Государственного банка, получали ссуды у частных лиц. В их числе известные капиталисты С.В. Поляк, Б.С. Шмерлинг, и у пайщиков: Высоцких, Гавронских, Цетлиных, Гоцов. Все пайщики были связаны семейными узами. Будучи в полном смысле русскими патриотами, владельцы являлись крупными держателями бумаг российских государственных займов и гарантированных правом ценных бумаг на сумму свыше 7,8 миллионов рублей в 1914 году, которые служили в качестве залога на таможнях и в определенной степени служили гарантией при получении кредитов в частных банках.

«Высоцкий» владел крупными пакетами акций Русского торгово-промышленного банка (791 акция на сумму около 200 тысяч рублей по номиналу) и Московского банка (400 акций на 100 тысяч рублей). Компания получала стабильно высокую прибыль. В 1912/1913 чистая прибыль составляла 2,1 миллиона рублей, дивиденд 1,2 миллиона рублей (12% на пай).

После смерти Вульфа Янкелевича Высоцкого семейное дело возглавил Давид Вульфович (1860–1920), который одновременно возглавлял самостоятельную фирму – торговый дом «Д.Высоцкий, Р.Гоц и Ко». В 1914 году оба предприятия были слиты в одно.

Давид Высоцкий свято чтит заветы отца. Его щедрость и доброта не уступала отцовской. Приведу уникальный пример. По рассказу одной новоприбывшей эмигрантки из России, её прадед, Исаак Бродецкий занимал в фирме Высоцкого пост управляющего отделением в русском Туркестане. В начале 1914 года он опасно заболел и на средства фирмы был отправлен на лечение в Баден-Баден (Германия), где и скончался, а похоронен был на местном еврейском кладбище. Высоцкий оплатил не только стоимость похорон, но и содержание могилы на ближайшие 70 лет. Дети покойного Бродецкого учились в Петербургском университете, и Давид Высоцкий обещал их содержать до конца учебы. Старший сын Бродецкого окончил учебу в 1915 году и написал письмо Высоцкому о желании отказаться от помощи по содержанию своего младшего брата, поскольку в состоянии сам помогать брату. На это Давид Вульфович ответил, что принятое решение не отменяется. Спустя долгие годы наследники Исаака Бродецкого получили уведомление от Баденского кладбища об окончании платы за содержание могилы. Одному из Бродецких удалось посетить могилу пращура в 1974 году, и он нашёл её в образцовом порядке...

В ряду потомственных торговцев чаем, Давид был заметной фигурой. Богатство семьи, их многочисленная родня, также состоятельная, наконец, деловые знакомства и открытость дома делала салон Высоцких одним из самых интересных в Москве. В их особняке в Чудовском переулке (*при советской власти ул. Стопани, а как сейчас «прозывается», не знаю*) в советское время располагался Московский Центральный Дворец пионеров.

К 1914 году капитал фирмы возрос до 10 миллионов рублей. Сумма годового производства – 45 миллионов рублей. Фирма выходит на мировую арену. В 1904 году открыто отделение в Нью-Йорке для продажи чая. Имеется собственное развесочное производство. Напомним, что эмиграция евреев из России в США достигла лишь в одном Нью-Йорке более миллиона человек на начало XX века и, посему, дело в Америке шло благополучно.

Чай Высоцкого продавался и в Канаду. В 1907 году открылось отделение в Лондоне, где её представителем был Ахад Ха-ам (Ушер Исаевич Гинзберг; 1856–1927), вождь «духовного сионизма» и основатель масонского ордена «Бней-Моше». Это было для фирмы Высоцкого вкладом в общееврейское дело. Синекура позволяла Ахад Ха-аму всецело заняться литературной деятельностью.

Шло проникновение и на Восток. «Чай Высоцкого» к 1904 году считался поставщиком его шахского величества в Тегеране (*Персия по русскому импорту занимала первое место: ситец, тульский самовар и, конечно, чай*).

Для рабочих чаеразвесочной фабрики в Москве содержали общежитие, баню, больницу, а для служащих – сберегательную кассу.

В 1913 году в Берлине было учреждено благотворительное общество памяти В.Высоцкого «Общежитие Гаифа» (правление в Лондоне), обеспечивающие неимущим студентам-евреям обучение в Еврейском институте технического образования в Палестине. Возможно, из-за широкой филантропии и высокой социальной защиты своих рабочих фирма была национализирована сравнительно поздно – в 1919 году.

Какое же место в иерархии чайных фирм России занимал Торговый Дом Высоцкого? Несмотря на лестную поговорку: «Чай Высоцкого, сахар Бродского, Россия Троцкого», они не были монополистами. Главнейшим конкурентом было «Товарищество Алексея Губкина – Александра Кузнецова и Ко». В 1916 году оборот этой фирмы достигал 65 миллионов рублей, что составило одну треть всей продажи чая в России. Из других фирм отметим компанию Боткиных. Кроме того, были известны Седаковы и чайная торговля Степана Тертуса в Одессе, фирма, существующая с 1864 года. Вероятно, что Высоцким также принадлежала почти треть всероссийского рынка. При этом следует учесть, что владельцы были иноверцами и, посему, несмотря на высочайшее качество чая, они не смогли стать «Поставщиками дворца Его Величества». Но поставщиками Его Высочества великого князя Николая Михайловича – стали, ибо тот был выдающимся русским историком и находился несколько в стороне от основных Романовых, вполне юдофобов. (*Все «Михайловичи» по материнской линии, как считают С.Ю.Витте, А.Н.Бенуа и др. современники, были внуками немецко-еврейского банкира Габера*).

Куда после революции отступили Высоцкие? В отличие от других русских фирм, к началу I Мировой войны, Высоцкие завоевали прочное место на мировом рынке. Конечно, основной базой была Россия. Но, во-первых, из отколовшихся имперских частей образовались самостоятельные государства, как Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия. Бессарабия была захвачена Румынией. Из этих стран, наиболее перспективной была Польша, где у фирмы издавна было отделение и недвижимость. Хотя поляки, подобно прибалтам, относятся к разряду потребителей кофе, однако в стране было значительное меньшинство белорусов, украинцев и евреев, употребляющих чай.

В архиве фирмы обнаружены ярлыки по-польски (*что естественно*), а также на украинском, литовском, чешском и даже на сербскохорватском языках, относящиеся к 20-м годам, т.е. в тех странах, где осела русская эмиграция. Отделение фирмы располагалось в Берлине. В архиве найдены адреса и преискуранты на немецком языке. Выпускали Высоцкие и шоколадные, и конфетные изделия.

По воспоминаниям Ангелины Михайловны Цетлиной-Доминик, правнучки великого Калонимоса, чаеразвесочная фабрика Высоцких находилась и в «вольном городе» Данциге. Во время Второй Мировой войны здание при бомбёжке было уничтожено. Цетлина указала также на мировой кризис 1929 года, отразившийся на положении фирмы. Её детская память сохранила название чая «англез», пользовавшимся большой популярностью в 20-е годы. Мне посчастливилось лично познакомиться с А.М. Цетлиной, к сожалению, незадолго до ее смерти.

После прихода наци к власти положение фирмы осложнилось, и они сосредоточились в подмандатной Палестине. На сегодняшний день фирма Высоцкого – крупнейшее промышленное предприятие и научно-исследовательский центр. Она по праву занимает одно из почётных мест в чайной торговле. Четырёхэтажное административное здание расположено в самом сердце Тель-Авива, общей площадью более 6000 квадратных метров. Само производство находится в Петах-Тикве, занимая огромное многоэтажное помещение, построенное в соответствии с особыми требованиями, которые предъявляются к процессам производства столь нежного продукта, как чай. Сначала лист поступает на верхний этаж,

откуда, проделав путь с этажа на этаж и пройдя все этапы обработки, готовый продукт достигает первого этажа и конечного пункта своего путешествия – упаковки. Процессы взвешивания и упаковки автоматизированы. Чай взвешивается с точностью, соответствующей английскому стандарту, самому жесткому в Европе. Современные агрегаты следят за герметичностью упаковки, а специальное оборудование улавливает каждую пылинку, которой, удаётся прорваться сквозь гигиенические кордоны. Чай Высоцкого завоевал мировой рынок, и он продается во многие страны мира.

Чрезвычайно высок вклад клана Высоцких в русскую культуру. У Калонимоса (Василия) Зеева Высоцкого было четверо детей – три дочери и сын (Давид). Одна из дочерей, Анна Васильевна вышла замуж за одного из совладельцев фирмы – Осипа Сергеевича Цетлина (1856–1933). Их единственный сын – Михаил (1882–1945), в детстве перенёс костный туберкулёз и на всю жизнь остался с легкой хромотой. В истории русской поэзии он известен как поэт Амари. Существуют два варианта происхождения псевдонима.¹⁵ Михаил Осипович Цетлин (1882–1945) окончил московскую гимназию Ф.И. Креймана. Участвовал в революции 1905/1907 гг., член партии эсеров. Скрываясь от преследований правительства, бежал за границу и жил до февральской революции во Франции и Швейцарии. На короткое время вернулся в Россию, но, не приняв Октября, в 1919 из Одессы вместе с писателем А.Н. Толстым уехал за границу. *(Описано с фотографической точностью в повести Толстого «Похождение Невзорова или Ибикус»)*. Издал несколько сборников стихов и две книги в прозе, имевших успех: «Декабристы. Судьба одного поколения» (Париж 1933) и «Пятеро и другие» (Нью-Йорк, 1944), о «могучей кучке» русских композиторов. С ноября 1940 года жил до самой смерти в США, куда уехал, спасаясь от нацистов. Последняя незавершённая работа была о русских символистах. Его неутомимой филантропической деятельности обязана русская культура существованием «Современных записок», «Нового журнала» и других изданий. В салоне Цетлиных в голодные и в не очень голодные годы находил приют цвет русской интеллигенции, с которой он был дружен и прославлению которой посвятил своё перо. Вот краткий перечень этих имён: Михаил Зенкевич, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Любовь Столица, Илья Эренбург, Вячеслав Иванов, Макс Волошин – личный друг Амари,

Велимир Хлебников, Осип Мандельштам, Владимир Маяковский, Борис Савинков, Нина Берберова и весь интеллектуальный мир эмигрантского Парижа. Смерть поэта и мецената вызвала ряд статей, посвященных его памяти.¹⁶

Вдова Михаила Осиповича Цетлина – Мария Самойловна (1882–1976) в 1959 году подарила музею города Рамат-Ган более 90 работ русских художников, в том числе Леона Бакста, Валентина Серова, Александра Бенуа, Натальи Гончаровой, Михаила Ларионова, Александра Яковлева, Дмитрия Стеллецкого, Федора Бруни, Мстислава Добужинского и многих других. Напомним, что Давид Васильевич являлся одним из крупнейших московских собирателей картин русских художников. Он придерживался «прогрессивных взглядов». Был покровителем искусств и коллекционером. Его собрания насчитывало 19 работ Л.О. Пастернака.

Интереснейшие воспоминания о салоне Цетлиных оставил Илья Эренбург, кстати, выведший «благоразумно» и «благодарно» Михаила Осиповича под именем Игоря Сергеевича Михеева, владельца спичечным делом, в поэме «О жилете Семена Дрозда:

Тихо на вилле «Вега» И.С. Михеева

(Игоря Сергеевича).

Вечереет.

Садовник поливает яркие клумбы...

*У Игоря Сергеевича две фабрики спичечные
И в бумагах миллион.*

*У Игоря Сергеевича жена и дочка Нелли,
Он собирает гравюры. Он поэт.*

Вечером у Михеевых гости:

Теософ, кубист, просто шутник

*И председательница какого-то общества,
Кажется, «Помощь ослепшим воинам».*

Игорь Сергеевич всем улыбается.

Игорь Сергеевич со всеми соглашается.

На сон читает две странички

«О любовной песне в 13 веке».

Предвиденье будущего у Ильи Эренбурга нам, живущим спустя 80 лет, кажется страшным. Поэту и эстету, писавшему стихи:

*«От жизни утомительной
Я отверщаю взор.
Я ухожу в обители
Лазоревых озёр»*

до: *Спит Игорь Сергеевич,
Спит госпожа Михеева
Одна на широкой постели,
А на узенькой спит Нелли.
В саду пахнут липы...*

*.....
Ангел гнева огненным перстом
Не рассеет этот сон!
Спят безгорестные души
В самой сладкой лени.
Им не скажет крик петуший
О великом отречении.
Лишь веток плеск и ветра лёт
Твердят, что час и им придёт,
Умирая, страсть познать,
И земле к земле припасть,
Приобщиться страде многой,
Страху человечьему, людской тоске
И предстать пред ликом Бога
С горстью праха в скрюченной руке».*¹⁷

В книге воспоминаний Эренбург писал о семье и самом поэте Амари: «Цетлины были одним из семейств, которым принадлежала чайная фирма Высоцких. ... многие члены этой чайной династии были эсерами или сочувствовали эсерам (среди них известен Гоц), Михаил Осипович писал революционные стихи под псевдонимом Амари, что в переводе на русский язык означает «Мария» – так звали его жену. Это был тщедушный, хромой человек, утомлённый неустанными денежными просьбами. Жена его была более деловой. Кроме Волошина, у Цетлина бывали художники Диего Ривера, Ларионов, Гончарова; бывал и Б.В. Савинков – разочарованный террорист, автор романа «Конь блед», вызвавшего газетную бурю... Они иногда звали меня в гости; у них были горки со старинным фарфором, гравюры, а я мечтал о том, что рухнет мир лжи. В одной из поэм я описал вечер у Цетлиных, но благоразумно

назвал их Михеевыми, Михаила Осиповича – Игорем Сергеевичем, чай я заменил спичками... Наверно я был несправедлив к Михаилу Осиповичу, но это диктовалось обстоятельствами: он был богатым, приветливым, слегка скучающим меценатом, а я – голодным поэтом... Цетлин писал поэму о декабристах, писал её много лет. В зиму 1917/18 года в Москве Цетлины собирали у себя поэтов, кормили, поили; время было трудное, и приходили все – от Вячеслава Иванова до Маяковского». Дом, принадлежащий Цетлиным, был захвачен анархистами во главе с неким Львом Чёрным. Любопытно, что его знал друг семьи В.М. Зензинов – встретив сего еврея в одной из тюрем, назвал его примазавшимся к революции одесским уголовником. Цетлины надеялись, что большевики вернут им дом. Увы, анархисты были изгнаны из особняка, но дом не вернули, зато разрешили покинуть Россию. Что называется, спасибо и за это. Далее Эренбург пишет о меценатстве Цетлиных, об их поддержке И. Бунина и других писателей. Архив Цетлиных, оставленный в Париже, пропал в годы немецкой оккупации вместе со знаменитой библиотекой Тургенева.¹⁸ Но Цетлин-Амари был по рождению евреем и никогда об этом не забывал. Человек, связанный с двумя культурами, хорошо понимал своё положение. В сборнике «Глухие слова» поэт писал:

«С одним народом я скорблю,
(С ним связан я кровью);
Другой – безнадежно люблю,
Ненужной любовью...»¹⁹

Две внучки старшего Высоцкого – Елена и Ида были подругами юности Бориса Пастернака. Юношеская любовь к Иде видна и ощущима в письмах великого поэта, а само чувство описано в «Охранной грамоте». Причем надо сказать, что младшая Высоцкая Лена, глубже понимала будущего поэта, чем её сестра. Пастернак писал, как одновременно с собственной подготовкой к экзаменам на аттестат зрелости *(для поступления в университет, он, как еврей, должен был получить золотую медаль)* он готовил к окончанию гимназию Иду Высоцкую. Поэт писал: «О своём чувстве к В[ысоцкой], уже не новом, я знал с четырнадцати лет. Эта была красивая, милая девушка, прекрасно воспитанная и с самого младенчества избалованная старухой француженкой, не чаявшей в ней души. Последняя

лучше меня понимала, что геометрия, которую я ни свет ни заря приносил её любимице, скорее Абельярова, чем Эвклидова...»²⁰

Много стихотворений поэта навеяла эта любовь. Вообще «серьёзного Пастернака» на литературных семинарах в университетах начинают разбирать со стихотворения, связанного с Идой: «Сумерки... словно оруженосцы роз...» и знаменитый «Марбург» – описание разрыва с Идой – и это тоже «вклад Высоцких» в русскую культуру:

*«Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся. Я сделал сейчас предложенье.
Но поздно, я сдрейфил, и вот мне отказ,
Как жаль ее слез! Я святого блаженней!»²¹*

Два других внука Калонимуса Высоцкого были крупными деятелями революционного движения. Михаил (Михаил, Мовша) Рафаилович Гоц (1866–1906), литературные псевдонимы – М. Рафаилов, Левицкий, Подолянин, Р.Р. (вместе с В.М. Черновым). Окончил 2-ю московскую гимназию, в 1885/1886 г.г. учился на медицинском факультете московского университета. В революционном движении с начала 80-х годов. Ему принадлежит почетная роль передачи традиций «Народной воли» новой волне революционеров. С 1885 года член и один из лидеров Московской группы «Народной воли», создатель подпольной типографии, ведал заграничными связями и вёл пропаганду среди рабочих. В 1886 году был арестован. В 1888 году сослан в Восточную Сибирь. Участник так называемой Якутской трагедии – вооруженном сопротивлении политзаключенных против произвола администрации. Гоц был ранен. Пуля пробила грудь, и раненый Гоц был этапирован в Вилюйск. В Акатуйской тюрьме познакомился с поэтом П. Якубовичем – Мельшиным. По амнистии 1895 года выслан на поселение в г. Курган, Тобольской губернии, где начал сотрудничать как в местной прессе – газетах «Степной край» и «Восточном обозрении», так и в толстом всероссийском журнале «Русское богатство». В 1899 году поселился в Одессе, заведующим местным отделением фирмы «Высоцких». В 1901 году выехал в Европу и стал одним из создателей партии социалистов-революционеров. Членом ЦК. Финансировал печатные органы эсеров: «Вестник революции» и газету «Революционная Россия». В марте 1903 года арестован в Неаполе итальянской полицией, намеревавшейся его выдать царскому правительству.

После протестов мирового общественного мнения он был освобождён. Однако двухмесячное пребывание в Неаполитанской тюрьме не прошло бесследно для его здоровья. Фактически, несмотря на прогрессирующую болезнь, он руководил заграничной работой партии эсеров. Умер в Швейцарии после операции по удалению опухоли спинного мозга и был похоронен в Женеве.

Михаил Рафаилович был человеком высочайшей нравственности. Как сказал В.М. Чернов, «душа ...партии». Ещё в 1886, году незадолго до ареста, разговаривая с молодым Зубатовым, ратовавшим за «новую мораль» – нечто вроде доморощенного ницшеанства, провозглашавшего, что человек сильной воли должен попирать жизненную пошлость – Гоц нашёл достойные слова для отповеди, не потерявшие актуальности и сегодня. Зубатов говорил, что плохо, когда заповеди нарушаются из природного влечения к пороку, это – гадость. Но хорошо, когда, сознавая, что гадость – гадость, она совершается, так сказать, бескорыстно, во имя идеи. Михаил отвечал, что это не путь революционера, а тем более не путь социалиста, это «путь нравственных калек и одержимых: Раскольниковых и Иванов Карамазовых, Нечаевых и Дегаевых».²²

Брат Михаила – Абрам Гоц (1882–1940) окончил реальное училище. В революционном движении с 1896 года. Первое задание выполнил в семнадцатилетнем возрасте, переправив за границу второй номер «Революционной России». Примкнул к Северному Союзу эсеров. В 1900 году поступил на философский факультет Берлинского университета, участвовал в Галле-Гейдельбергском кружке «молодых эсеров».

С весны 1906 года Абрам – член Боевой организации партии. Входил в группу по организации покушения на министра внутренних дел П.Н. Дурново. В 1907 году был приговорён к восьми годам каторги, которую отбывал в Александровском центре (Иркутская губерния). В 1915 году вышел на поселение, где сблизился с группой «сибирских циммервальдовцев»-меньшевиков: И.Г. Церетели, Ф.И. Данном, и эсеров (М.А. Ведепяниным). После Февральской революции создал Совет рабочих и крестьянских депутатов и Военную организацию. Лично арестовал генерал-губернатора Восточной Сибири А.И.Пильца. Помогал Керенскому, участвуя во всех мероприятиях временного правительства. В ночь октябрьского переворота на заседании ВЦИК и Исполкома Совета крестьянских

депутатов осудил захват власти большевиками. Возглавил Комитет спасения Родины и Революции, участвовал в подготовке вооруженного выступления юнкеров. После провала похода Краснова и Керенского на Петроград, выехал в ставку Армии в Могилев, где попытался собрать силы для нового похода, но этот план не удался. Затем Абрам Гоц был избран в Учредительное собрание от Пензенской губернии. После разгона Учредительного собрания, участвовал в создании вооруженных групп и перебрасывал их на Волжский фронт. Будучи членом Южнорусского бюро ЦК эсеров, позже вел партийную работу в Одессе.

В 1920 году, арестованный советскими властями, был приговорен к смертной казни, заменённой пятью годами лишения свободы в 1924 году. Неоднократно подвергался репрессиям по обвинению в антисоветской деятельности и в 1939 году был приговорён к 25 годам тюрьмы. Умер в Краслаге.²³

Другой внук «старого» Высоцкого – Александр Давидович Высоцкий стал социалистом-революционером и уже при большевиках бесследно сгинул в Сибири. По свидетельству одного сидельца, А.Д. блестяще владел западноевропейскими языками. Их знакомство состоялось в 1923 году на Лубянке в камере №3.²⁴ Больше ничего нём неизвестно. Чернов писал, что «тесно сплетённые матримониальными и деловыми связями, семьи Высоцкого и Гоца в еврейских кругах пользовались широкой популярностью. Главы фамилий были набожными, ортодоксальными евреями старого закала. Но младшее поколение пошло по совершенно иной дороге ...».

Будучи одним из символов России, «Чай Высоцкого» возвращается на Родину своего создателя. Коллективная память не вечна – вакуум, который образовала Советская власть, никем не был занят, не считать же грузинский чай эквивалентом величавого прошлого. Закупались и другие сорта чаёв, в первую очередь – индийский, который был дешёв из-за низкого качества.

Ныне же на русский рынок хлынуло гигантское количество чаёв, во главе с чаем «Липтона», весьма отменного качества. Вакуум заполнился. Конкуренты не жалеют денег: каждый день многократно на российском ТВ идёт реклама, то одного, то другого чая. Выйти на рынок немедленно с продукцией ВЫСОКОГО качества, ибо в основе фамилии ВЫСОЦКИЙ – тот же корень, и о приемлемых ценах нельзя забывать – на сегодняшний день русский человек не богат.

Рынок России огромен и, пожалуй, удивителен. В России – большая преступность. В тюрьмах и лагерях находятся тысячи заключённых. Их излюбленный напиток – чифирь, т.е. на стакан – целая пачка чая: вполне наркотическое средство. Ещё с дореволюционных времён в местах заключения, на этапе, в сибирской ссылке – чай Высоцкого шёл на изготовление сего зелья. И сейчас выйти на этот рынок было бы невероятной удачей. Среди чаев Высоцкого имеется чай с травяными ингредиентами. В силу малочисленности и дороговизны лекарств – эти чаи, при умелой рекламе, подчеркивающей их целебные свойства, могли стать популярны. Но под лежачий камень вода не течёт. Повторюсь – сейчас или никогда, природа не терпит пустоты, а Россия наводняется и наводняется, к сожалению, не нашим чаем.

Есть места, где чай практически не пьют – в Прибалтике предпочитают кофе. Но там живёт русское меньшинство. В одной Риге половина населения русскоязычная. По ориентировочным оценкам – порядка 200 тысяч человек на сегодняшний день потенциальные покупатели чая в Прибалтике. Но упор должен быть сделан на цветочные чаи. Странно, что после революции была полностью забыта Финляндия. А ведь она более ста лет входила в империю, а следовательно, пила и чай. Почему бы не проверить этот вполне пристойный рынок. Безусловно, имеется риск, но и выигрыш неизмерим. Лозунгом должно быть: сейчас или никогда!

**РУССКИЕ ЕВРЕИ
НА ФРОНТАХ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В мою задачу не входит анализировать юридическое положение евреев во время мировой катастрофы. Этот вопрос достаточно освещен в Краткой Еврейской Энциклопедии, в Юдаике и др. изданиях. Нет смысла ссылаться на всем известные источники. Надо уважать своего читателя.

Посему, я буду лишь вскользь касаться таких тяжёлых вещей, как погромы и переселения сотен тысяч человек из прифронтовой полосы. Естественно, я должен буду говорить о моральном климате страны в это время. Рассказать о наветах и слухах, циркулирующих в русском обществе – от Верховной ставки до избы крестьянина. Главное же, в мою задачу входит, по крайней мере вкратце, осветить участие русских евреев – граждан Российского государства на полях сражений.

Оговоримся сразу: в наших руках слишком мало данных, чтобы делать какие-нибудь статистические выводы. Выход России из мировой бойни, революция и пересмотр прошлого с большевистских позиций, привели к тому, что I Мировую войну окрестили Империалистической, что, на мой взгляд, справедливо. В виде курьеза напомним, что в августе 14 года начавшуюся войну в русских газетах называли не иначе, как Второй Отечественной. После Гражданской войны любое проявление героизма на полях сражений Мировой не обсуждалось. В России были лишь изданы сугубо научные издания, посвященные ходу военных действий. Так, по инициативе Л.Д.Троцкого, созданная специальная комиссия по исследованию и использованию опыта двух войн: Мировой и Гражданской издала семитомный труд «Стратегический очерк войны 1914-1918».¹ Специфика вопроса, которой мы занимаемся, там не отражена. В то время, как участие евреев на полях Второй Мировой войны освещено весьма хорошо. Имеются многочисленные статистические данные. Для примера сошлемся на Великую Отечественную войну, когда в рядах Красной Армии сражалось полмиллиона евреев, из которых около 200 тысяч погибли, защищая свою родину. Лучшая работа по этой теме – книга Арона Лазаревича Абрамовича «В решающей войне».² По подсчетам А.Л. Абрамовича – около 170 тысяч евреев награждены орденами и медалями, 137 – за храбрость удостоены звания Героя Советского Союза. Список евреев генералов и адмиралов, водивших войска в бой во время Великой Отечественной войны, насчитывает 270 имён. Но и это вероятно не полный список, так как в него не вошли и некоторые лица, скрывавшие свое еврейское происхождение, например, маршал Советского Союза – Родион Яковлевич Малиновский, оказавшийся караимом.³

Понятно, никаких точных данных об участии евреев в Первой Мировой не имеется. И, конечно же, среди генералов были евреи – выкресты, но они составляли в лучшем случае несколько десятков человек. В предыдущей книге я остановился на некоторых генералах, выходцах из еврейской семьи. Одним из наиболее выдающихся генералов царской армии был генерал-адъютант Николай Иудович Иванов (1851–1919), главнокомандующий Юго-Западным фронтом, родом из семьи кантониста.

О его еврейском происхождении писал Владимир Маевский.⁴

Интересную версию приводит состоявший при Иванове во время Мировой войны полковник Б.С.Стеллецкий. По словам Стеллецкого, генерал был сыном ссыльно-каторжного и носил другую фамилию.⁵ Одно время популярность генерал-адъютанта Иванова была чрезвычайно высока: он слыл народным героем после взятия его войсками г. Львова. За командование Юго-западным фронтом он был награжден орденом св. Владимира 1-й степени с мечами и Александра Невского с бриллиантами.

В недавно вышедшей статье майора И.В. Образцова приводится также небольшой и неполный список евреев-генералов (выкрестов) в период до и во время Первой Мировой войны:

М.В. Грулев (о нём подробно изложено в моей книге «История одного мифа»);

генерал-майор **С.В. Цейль** (1868–1915), окончил Академию генерального штаба, командовал пехотной дивизией;

московский градоначальник **А.А. Адрианов** (1861–?), в 1908/1912 г.г. окончил Александровскую военно-юридическую Академию, Несколько наивно антисемитски автор статьи трактует религиозный вопрос: «Если бы евреи не придерживались Талмуда в дополнение к своей вере, то они могли поступить в офицеры. Талмуд же исключал эту возможность. В Своде военных постановлений (кодекс законов о войске) предписания о порядке принесения присяги новобранцами были дополнены приложением, гласившим, что за еврейским раввином, читающим солдатам-евреям текст присяги, надо внимательно наблюдать, чтобы он не кашлянул или не сплюнул, потому что, согласно Талмуду, такое действие аннулирует присягу. Раз мораль еврея-талмудиста руководствовалась такими и им подобными трюками, то невозможно было ему доверить выполнение обязанностей офицера, требующих весьма высоких моральных качеств».⁶ В качестве не талмудиста, сделавшего карьеру, приводится иудаист-караим Александр Павлович Хануков (1867-?), окончивший Академию Генерального штаба и в 1916 году бывший начальником 41-го армейского корпуса. Интересно в армиях других стран, где была всеобщая воинская повинность – велось ли наблюдение за раввинами, чтобы они не сумели аннулировать присяги? Например, во время присяги военного министра Италии, некрещеного еврея, генерала Джузеппе Оттоленги (1838-1904)?

Что же касается высокой морали русского офицерства, то интересующихся отсылаю к повестям А.И. Куприна «Поединок» или Е.И. Замятина «На куличках». А количество крещёных евреев-генералов в русской армии, может быть многократно увеличено, при чем во всех родах войск. Вождь Белого движения Антон Иванович Деникин писал: «Совершенно был закрыт доступ к офицерскому званию лицам иудейского вероисповедования. Но в офицерском корпусе состояли офицеры и генералы, принявшие христианство до службы и прошедшие затем военные курсы. Из моего и двух смежных выпусков Академии Генерального штаба я знал лично семь офицеров еврейского происхождения, из которых шесть ко времени войны достигли генеральского чина. Проходили они службу нормально, не подвергаясь никаким стеснениям служебным или неприятностям общественного характера».⁷ Последнее утверждение несколько неверно. Например, судя по воспоминаниям генерала Грулева, он был вынужден из-за антисемитизма великого князя Николая Николаевича выйти в отставку. Воспоминания Деникина написаны уже после гражданской войны, и генерал, видимо, забыл (не говоря уже о погромах белой армии, которые, по его утверждению, он не мог остановить) о положении евреев-офицеров (были и такие, и не один десяток) в его армии, когда их же товарищи стреляли в спину. Этот факт он не мог отрицать.⁸ К списку Образцова можно добавить имя генерала от инфантерии Платона Александровича Гейсмана (1853–1919), командующего 16 армейским корпусом, с которым в начале Первой мировой войны выступил на фронт. Он известен как крупнейший военный историк, заслуженный профессор и член конференции Николаевской Академии Генерального Штаба, писатель. Окончил Кишиневскую гимназию с золотой медалью, поступил во Второе военное Константиновское училище. Доброволец в войне Сербии против Турции и участник русско-турецкой войны. Награждён многочисленными отличиями: св. Анны 4-й степени «За храбрость» и св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. После войны поступил в Академию и окончил её по первому разряду и был переведён в Генеральный штаб. В 1882 году защитил диссертацию. С 1892 года – экстраординарный профессор, с 1894 года – ординарный профессор. Автор многочисленных военно-исторических трудов. В кругах учащих Генерального штаба носил «национальную» кличку «Гершко».

Интересно, что он принял Советскую власть и работал приват-доцентом Петроградского университета и сотрудником Государственного архива. Во время Брест-Литовских переговоров между генералом А. А. Самойло и немецким генералом, военным авторитетом Максом Гофманом произошел любопытный разговор, в котором русский представитель сослался на изречение Гейсмана, что оправданы лишь те бои, которые являются «целесообразными» с точки зрения политики и стратегии и «планообразными» с точки зрения тактической. «А что, Гейсман был немец?» – не без внутреннего удовольствия спросил меня Гофман, несомненно, предполагая, что дельные мысли могут родиться только в немецкой голове». Вероятно, Самойло не без удовольствия сообщил горькую для немца истину...⁹ Кстати, имелась информация, что немецкий генерал Гофман, тоже человек еврейского происхождения, хорошо говорил по-русски.

В книге генерал-лейтенанта А.А. Самойло довольно подробно рассказывается о подполковнике Абрамовиче. Воспитанник Киевского университета, с отличием окончил Михайловское артиллерийское училище и Академию, и, по словам мемуариста, был выдающимся специалистом артиллерийского дела. С его мнением считались Драгомиров и Сухомлинов, закрывая глаза на его крайне-левые взгляды. Абрамович был сторонник т.н. щитовой артиллерии, вопреки мнению генерала Драгомирова, и на полях ПМВ оказался прав, что и отметил Самойло. К сожалению, Самойло не дает его инициалов и не рассказывает о дальнейшей судьбе.¹⁰

В «Военной энциклопедии» Сытина упоминается генерал-майор Сергей Семенович Абрамович-Барановский (1866–после 1931), ординарный профессор Александровской военно-юридической академии. Образование получил в 4-ом Московском кадетском корпусе и Павловском военном училище, по окончании курса которого произведен в офицеры в Кронштадтскую крепостную артиллерию; в 1893 году окончил курс в военно-юридической академии. В 1897 году защитил диссертацию и был назначен профессором в Александровскую военно-юридическую академию.

Абрамович-Барановский – автор ряда работ по праву, среди них известная статья «Шпионство – в мирное время по современным законодательствам» изданная в 1902 году. Звание генерал-майора получил в 1909 году.

Автор многочисленных работ по военному судопроизводству. Дальнейшая судьба его весьма неординарна. Он принял Советскую власть, работал в библиотеке Академии наук СССР. В 1928 году арестован по т.н. «делу академиков» и судим тройкой 10 февраля 1931 года. Осуждён на десять лет лишения свободы. Реабилитирован посмертно. Год смерти не установлен.¹¹

В одном из журналов времён ПМВ я обнаружил следующую заметку: «Недавно отправился на театр военных действий в качестве добровольца 62-летний С. Бернштейн, сын еврейских родителей. Ребёнком он был взят в кантонисты и участвовал в Турецкой компании 77/78 гг., где за отличия в бою был произведен в офицерский чин. Бернштейн участвовал также добровольцем в русско-японской войне; вышел в отставку в чине полковника. Престарелый доброволец пользуется большою популярностью среди белорусов. Он учредил в Вильне белорусский музыкально-драматический кружок и, вообще является одним из пионеров современного белорусского возрождения. По роду оружия Бернштейн-кавалерист».¹² Прочитав эту заметку – я возгордился. Как известно, одним из зачинателей белорусского языка был еврей Змитрок Бядуля (Самуил Ефимович Плавник.1886-1941). Другой еврей – Михаил Иосифович Гузиков (1806/9-1837), уроженец Шклова, создатель нового музыкального инструмента – ксилофон, на основе белорусской цимбалы с деревянными и соломенными пластинками. Он восхищал своей игрой: «Паганини на инструменте из дерева и соломы» – так его прозвали его современники. Самый же знаменитый «белорус» – еврейский выкрест, крупнейший этнограф Павел Васильевич Шейн «1826-1900), автор сборника «Белорусские песни». Теперь отыскался и другой еврей-фанатик белорусского возрождения, да к тому же боевой офицер русской армии.

В воспоминаниях живописца Моисея Львовича Маймона (1860-1924) повествуется о его работе «Мараны» (иначе «Тайный седед в Испании во времена инквизиции»), за которую получил звание академика. Сюжет картины был посвящён 400-летию изгнания евреев из Испании. Одновременно с этим Академия объявила конкурс на звание академика. Вначале он назвал свою будущую работу «Мараны и инквизиция в Испании». Тема не вызвала подозрения Академии. Короче, художник принялся за дело, объездив Испанию, Португалию, Голландию, Англию для сбора материалов.

При работе возникли трудности с натурой для изображения центральной фигуры молящихся евреев. «Требовался» высокий старик «библейского» типа. Надо отметить участие двух благородных людей, одобрявших работу мастера – мастера исторической живописи М.П. Боткина и «батального живописца» Б.П. Виллевалде. Случай помог Маймону: на одном сборище интеллигентов у любителя искусств Мюсара, он вдруг увидел входившего в зал седого генерала, огромного, широкоплечего, с удивительно красивою старческую головою – именно такой типаж был нужен для картины. Этот человек оказался начальником артиллерийской дивизии Арнольди, большим любителем искусства. Художника познакомили с генералом, и Маймон, рассказав о работе, попросил позировать ему. Генерал внимательно выслушал и, осмотрев небольшого роста живописца сверху вниз, сказал: «что-же, можно... буду у вас завтра в 11 утра и баста!». Генерал приехал верхом в студию, передал лошадь денщику, велел ему приехать через два часа. Он внимательно осмотрел неоконченное гигантское полотно и облачился в белый китель, опоясался и надел на голову ермолку – получился редкой красоты старик с громадною бородою. Генерал был замечательным натурщиком. После пятого сеанса, уходя, он сказал: «А знаете ли вы, молодой человек, почему я так старательно вам позировал? Потому что... потому что я сам из евреев. Меня мальчиком похитили из родительского дома и насильно крестили, и я, всё-таки, до сих пор помню две даты «Pesach» и «Jom Kipur». Поэтому сразу согласился вам помочь, что вы угадали во мне еврейскую душу, которую я ношу уже восьмой десяток, хотя и с крестом на шее». Не надо говорить, что художник был потрясён исповедью и после этого часто бывал в доме генерала, который рассказал многое о своей жизни и жизни кантонистов.¹³ К сожалению, установить инициалы генерала Арнольда не удалось... И сколько таких историй мы не знаем. В «Военной энциклопедии» упоминаются несколько генералов Арнольди, в том числе и артиллерийские, но ни один не подходит под описание генерала в истории Маймона. Один из них, Александр Иванович А. (1817–1890), герой Балканской войны, с юных лет любил литературу и живопись, вращался в литературных кругах, был знаком с Пушкиным и Лермонтовым. Но, кажется, он не наш герой, т.к. сам был сыном генерала и окончил Пажеский корпус, что, впрочем, не исключает еврейское происхождение.

Чтобы закончить историю художника Маймона, укажем, что выпускной работой в Академии в 1887 году стала картина «Смерть Иоанна Грозного», за что он получил звание классного художника. Особой любовью у русского простонародья пользовались его репродукции с картины «Александр I у Серафима Саровского» (1904). Русско-японская война вызвала желание у художника рассказать о подвиге евреев-музыкантов, которые поддерживают раненого священника Щербаковского и ведут полк в атаку. («18 апреля в горах Тюренчена»). Картина вызвала вой юдофобов: в защиту выступил сам генерал Куропаткин. Кровавые погромы побудили Маймона написать картины «Вечный странник» и «Опять на родине» – они были сняты цензурой с выставки. Демонстрировались в Лондоне. Картины были приобретены музеями и частными коллекциями. К сожалению, самое знаменитое полотно исчезло на просторах США и, видимо, покоится в частной коллекции, недоступное для посетителей... А его собирался приобрести музей Александра III (Русский музей), но часть антисемитских профессоров заявила, что приобретение «антихристианской картины» недопустимо. Президент Академии великий князь Владимир Александрович не моргнув глазом отменил решение совета о покупке... Печально. Маленькая копия, сделанная самим мастером, хранится в музее Академии художеств в Питере.

Начальником генерального штаба в первый период П.М.В. при главнокомандующем, великом князе Николаем Николаевиче являлся генерал Н.Н. Янушкевич – поляк, принявший православие. Он разработал явно несправедливый проект для пополнения огромной убыли офицерского состава – православные воспитанники высших учебных заведений посылались в военные училища, а евреев посылали рядовыми в окопы. Известный адвокат О. Грузенберг встретился с вновь назначенным военным министром А.А. Поливановым, который признал недопустимость оскорбительного неравенства при несении повинности кровью, и категорически заявил: «Военное Министерство не предложит и не одобрит подобного законопроекта: или новые категории студентов-евреев пройдут, наравне с товарищами своими христианами, через офицерские курсы, или вовсе не будут призваны. Разве что закон этот издаст Ставка помимо меня».¹⁴

С этой точки зрения стоит продемонстрировать позицию генерал-адъютанта А.А. Брусилова по данной проблеме, как участника первой мировой войны и главнокомандующего, некоторым образом, сходную с позицией бывшего министра просвещения и генерала Поливанова. Кажется, неслучайно, что Поливанов и Брусилов пошли на службу Советской России. К месту следует добавить и ещё одного военного министра и одновременно председателя Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства Дмитрия Савельевича Шуваева (1854-1937). Должность занимал с 15 марта 1916 года. С 1918 года служил в Красной Армии. Несмотря на преклонный возраст, расстрелян в 1937 году. По еврейскому вопросу он также резко высказывался, о чём смотрите ниже. Брусилов откровенно пишет о еврейском вопросе, считая, что евреи – посредственные солдаты. Анатолий Мариенгоф писал: «Я нежно люблю анекдот про еврея, который, попав на позиции, спросил первым словом: "А где здесь плен?"». ¹⁵ Одновременно Брусилов отмечает государственный антисемитизм и приводит два вопиющих примера, как два храбрейших воина не могли получить отличия из-за своего происхождения. Первым был некрещёный еврей, лучший разведчик дивизии, которому не присваивали звание младшего офицера, т.к. евреям занимать офицерские должности было запрещено. Брусилов, расцеловав его перед строем, выдал георгиевский крест 1-й степени (тот был полным георгиевским кавалером всех четырёх степеней) и присвоил в нарушение закона звание подпрапорщика. Второй пример, еще более разителен. Прапорщик православного вероисповедания, храбрец, должен был получить св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Тут-то и выяснилось, что он «коренной» еврей, и вместо награды его ждет разжалование. Естественно, что Брусилов встал на сторону справедливости и заявил командиру корпуса, что в случае огласки дела – вину берет на себя. Концовка новеллы о еврейском вопросе Брусиловым дана следующая: «Из этих двух примеров видно, что евреям в сущности не из-за чего было распинаться за родину, которая для них была мачехой. А потому на них, как на солдат я не был в претензии за то, что большинство из них в наших рядах были плохими воинами. Мне всегда казалось, что в боевом отношении требуется строгая справедливость, а тут они играли роль париев...» ¹⁶

Понятно, что эта филиппика, как и некоторые другие, в советское издание «по понятным причинам» не попала.

Известны случаи, когда сыновья выкрестов, несмотря на то, что матери были русские, также не могли получить офицерского чина. Знаменитый писатель Виктор Шкловский, студент Петербургского университета, оказался в автомобильной роте лишь в чине унтер-офицера. Он получил Георгия, но это тоже не способствовало получению офицерского звания. В то время, как даже имеющий четыре класса гимназии «русак» – получал офицерский чин.¹⁷ Его сводный брат от первого брака отца, архитектор Евгений Борисович, был чистокровным иудеем. По мобилизации попал в артиллерию. Оказал невероятно ценную услугу Русской армии: при отступлении из Перемышля был единственным, кто снял план крепости, что впоследствии пригодилось, т.к. там были обозначены цели, которые следовало уничтожить.

В вопиющем противоречии находится утверждение известного историка Мартина Гильберта, что первым георгиевским кавалером Мировой войны был еврей Лев Оснас, который своей отвагой «дал свободу евреям в России; он дал своей расе легальную возможность становиться офицерами в русской армии и военноморском флоте, прежде им не предоставлявшуюся. Он настолько восхитил русское правительство, что оно провозгласило право евреев во всей империи пользоваться гражданскими правами».¹⁸ Я не знаю, что здесь – больше глупости или невежества. Слава Богу, Русский Царь никак не восхищался своими еврейскими подданными и никакого равенства в правах не давал. Непонятно, как рождаются подобные мифы.

Я уже писал о деяниях великого князя К.Р. Великий князь Константин Константинович, будучи главным начальником военно-учебных заведений, предложил разработать законопроект о недопущении в эти заведения крещёных евреев. До внесения проекта в Госсовет, он был разослан на заключение главам ведомств, и в первую очередь военному министру А.Н. Куропаткину и министру народного просвещения Зенгеру. Известно, что А.Н. Куропаткину проект не понравился, он «поморщился», но уступил сильному миру сего. Не то было с министром просвещения Григорием Эдуардовичем Зенгером (1853-1919).

Его прямолинейность сказалась в ответе: «Если евреи неспособны к военной службе, то следовало бы исключить их вообще из рядов армии, если же они могут и должны нести военную службу в качестве нижних чинов, то нет оснований препятствовать им в достижении офицерского звания».¹⁹ Законопроект, ввиду несогласия министра народного просвещения, был взят обратно, но Зенгер за упрямство поплатился своим портфелем. Дело же, однако, на этом не окончилось. «Либеральный» великий князь нашёл выход из положения, издав секретный циркуляр по военно-учебным заведениям, запрещающий прием крещёных евреев. Собственно, это уже была практика расового антисемитизма.

Осведомленный автор приводит несколько примеров личного отношения К.Р. к своему закону. По совету генерала С.С. Хабалова, студент-выкрест, мечтавший попасть в военное училище, обратился к самому начальнику:

– Я ничего не могу сделать, – сказал великий князь: таков закон, которого я не нарушу.

– Ваше императорское высочество, – возразил студент, – мой родной брат несколько дней тому назад окончил Киевское военное училище и произведен в подпоручики...

К.К. на минуту задумался, пошептался с адъютантом.

– Это ничего не значит, – наконец, изрёк он. – Закон.

Таким образом великий князь сознательно лгал, ибо ни тогда, ни после, подобный «закон» не был издан.²⁰

Много лет спустя, Константину Константиновичу удалось добиться от Николая II высочайшего повеление, по которому «не только дети, но даже внуки крещёных евреев не принимались в военно-учебные заведения».²¹ (Курсив мой. – С.Д.) Высочайшее повеление, напоминающее нюрнбергские законы...

Есть интересный аспект в мемуарах А.И. Деникина, где говорится о массовых «самокалеченьях» евреев, не желающих проходить службу. Нарисованная картина страшна: «По должности командира полка в течение четырех лет мне приходилось много раз бывать членом Волынского губернского присутствия по переосвидетельствованию призываемых на военную службу. Перед моими глазами проходили сотни изуродованных человеческих тел, главным образом евреев. Это были люди тёмные, наивные, слишком примитивно симулирующие свою немочь, спасавшую от воинской повинности.

Было их жалко, и досадно. Так калечили себя люди по всей черте еврейской оседлости. Ряд судебных дел в разных городах нарисовал мрачную картину самоувечья, и обнаружил существование широко распространенного института подпольных "докторов", которые практиковали на своих пациентах: отрезывание пальцев на ногах, прокалывание барабанной перепонки, острое воспаление века, грыжи, вырывание всех зубов, даже вывихи бедренных костей...».²² Это ужасно. И нет смысла оспаривать эти факты. Лучше проанализировать причины, приводившие к этому печальному явлению: сама служба казалась несчастным новобранцам намного хуже любого увечья, хотя генерал отрицает тяготы казарменной службы. Но это не так – сословная ограниченность не позволяла видеть всего того, что творилось за стенами казарм. Деникин оговаривается, что речь идет не только о евреях, хотя их большинство. И якобы казарменная служба не могла так пугать людей. И следующая песенка, распеваемая русскими людьми, является документом, оправдывающим несчастных – православных и иудеев:

*«Деревенски мужики
Право слово, дураки:
Пальцы режут, зубы рвут
В службу царскую нейдут!»²³*

Воинская повинность была в тягость российскому населению. Но были люди пропащие, готовые за деньги идти на службу. Это были обычно горькие пьяницы, подонки общества. В замечательной повести Н.С. Лескова «ЮДОЛЬ. Рапсодия», имеющей удивительное уточнение, ибо речь идёт о страшном голоде 1840 года. Голод в самом сердце России – Орловской губернии. «Пришёл голодный год! «Съедем, что зародилось, и умрём», – говорили мужики...»²⁴ Было и людоедство. В повести также есть примечание о военном призыве. О найме рекрутов Лесков писал страшные вещи: «Наёмный заместитель рекрута, которому следовало идти на службу по очереди или по жеребью, почитался в народе за человека не только «пропащего», но и презренного: о наёмнике никогда не говорили с жалостью, а всегда, как о палаче, говорили с омерзением, и от солдат у него не было иной клички, как «продажная шура».

Иметь общение с наёмщиком считалось также противно, как иметь общение с палачом, которому, по мнению простолюдинов, будто даже «не дают причастия».²⁵ Далее подробно о том, как «хваты» заманивали и спаивали опустившегося человека, прибегая к водке и непотребным девкам. Читать омерзительно. Но, что было, то было. Даже великий полководец Суворов щадил своих крестьян, «закупая» рекрутов в разных местах. Половину денег вносил помещик А.В. Суворов, другую половину – «крестьянское общество». Вот и судите, чем была царская армия для её народа.²⁶

Возвращаясь к рассказу о войне с Германией, следует сразу указать, что мобилизация русского населения прошла не столь благоприятно. По всей России прокатились погромы, разбои, убийства, унесшие сотни, если не тысячи убитых и покалеченных. Фактов масса. Часть стала достоянием прессы, вроде поголовного безумия в Барнаульском уезде. Описание русской мобилизации дают письма С. Рахманинова, который видел пьяную жуткую толпу мародёров и заметил, что это не пройдёт для России благополучно. Возможно, с этого момента началось отпочкование композитора от родины...

Из других мест воспоминаний Деникина интересно, что его 5-й дивизией командовал «человек не узкий и не формалист», генерал Перекрестов. Антон Иванович неслучайно упомянул эту фамилию сразу после «еврейских рассказов» – происхождение ясно: предок генерала был еврей – выкрест.²⁷ Или этот генерал Перекрестов или другой, носивший ту же фамилию, был помощником начальника артиллерийского снабжения фронта. Этот генерал всю свою жизнь служил в Главном артиллерийском управлении, в строю был очень мало и поэтому лихого военного вида не имел. Этот человек, несмотря на болезнь сердца, нёс тяжёлую службу и был, по выражению специалистов, «ума палата». Он знал всё, что творилось в Главном артиллерийском управлении и в Управлении начальника артснабжения. Помнил всё наизусть, не нуждался в таблицах: все цифры помнил наизусть, откуда что получено и как распределено между частями артиллерии. «На нём держалось всё Управление артиллерийского снабжения фронта».²⁸

Я решил сделать одну выписку из антисемитской прессы, для «подкрепления» воспоминаний заслуженного генерала.

Заметка анонима носит название: «Чем сейчас занимаются евреи в России» (перед призывом новобранцев). Текст выделен автором заметки.

- 1) травят уши, поддерживая якобы хроническое гноеетечение,
- 2) производят и поддерживают на конечностях, особенно нижних, обширные язвы,
- 3) делают искусственные грыжи,
- 4) принимают внутрь табак и др. вещества, вызывают рвоту и расстраивают пищеварение и питание организма,
- 5) принимают кофеин и др. возбуждающие вещества, вызывая сердцебиение и уходят, конечно, домой вследствие «функционального расстройства сердечной деятельности»,
- 6) впрыскивают шприцем «Праваца» в ткани различные вещества, вызывая якобы нормальную припухлость ревматизмом измененных суставов,
- 7) перетягивают конечности с целью вызвать отёк (специальность кавказцев),
- 8) всяческими способами симулируют нервные болезни. В этой противозаконной работе им помогает подкуп фельдшеров и врачей.

В местах стоянок войск работают в вышеописанном направлении и вольные фельдшера; это по преимуществу артисты своего дела, которые иногда перекочёвывают с места на место, смотря по обстоятельствам. Там, где болезнь, между прочим, должна выражаться и повышенной температурой тела, оказывают услугу фальшивые (с повышением) градусники и даже простое пощёлкивание по головке термометра в нужный момент.²⁹

То, что эта заметка относится не только исключительно к евреям, говорит пункт 7, о средстве, которым пользуются преимущественно выходцы из Кавказа...

У меня находится диссертация на степень доктора медицинских наук К.К. В. Орлова под названием «Основы диагностики искусственных и притворных болезней у призываемых к военной службе и солдат» с приложением описания различных способов уклонения евреев от воинской повинности. Книга, вышедшая в серии диссертаций, допущенных к Императорской Военно-Медицинской Академии в 1893/1894 учебном году. Экспериментальные работы произведены в кабинете профессора судебной медицины, академика Н.П. Ивановского. Цензорами, по поручению Конференции, были профессора Академик Н.П. Ивановский и приват-доцент Д.П. Косоротов.

Это книга-раритет, и я благодарен своему приятелю-медику, профессору Аркадию Горенштейну, предоставившему возможность ознакомиться с уникальным материалом.

Вначале посмотрим оглавление «подделок» болезней, что может само служить приговором русской армии, а не новобранцам. Перечень составляет более 60 пунктов, от самых простых, вроде симуляции слепоты, глухоты, водянки и прочего, до столь изощренных типа как «недержание мочи», «свища заднего прохода» и даже фантастический «потеря полового члена»! Всего же гигантский труд охватывает свыше 300 страниц. Никаких социальных причин массовости увечий не рассматривается, что умаляет значение столь одиозного «научного» труда.

Евреи и армия – болезненный вопрос. О еврейской неспособности и трусости служить в армии слагались легенды и мифы. Сошлемся на дивный рассказ Н.Лескова «Жидовская кувырколлегия». Зачин сразу захватывает: «дело было на святках после больших еврейских погромов». И рассказ сводится к разговору: что делать с евреями? Кто-то предложил сверхгениальную мысль – использовать евреев на войне: «...чем нам лить на полях битвы русскую кровь, гораздо бы лучше поливать землю кровью жидовскую». С этим согласились многие, но возникла проблема: как заставить «трусливое» племя воевать? Рассказ страшен и смешон. Страшен в той части, когда евреи подверглись насильственной мобилизации во времена Николая Павловича. Здесь же и рассказ о подкупах евреями высших чинов, но ничто не помогало. Евреи вынуждены были идти в рекрутскую службу, и даже ухищрения со здоровьем не избавляли от солдатчины. Один из участников рассказывает о необыкновенной хитрости простого солдатика Семёна Мамашкина, который предложил действенный способ заставить евреев стрелять, а не падать от ужаса на землю. Дело в том, что его предшественники – поляк и немец, беспощадно пороли и мордовали несчастных, но и этим не достигли цели: после выстрела у «жидов» начинался «падёж». Рецепт нового ментора был без «всякого бойла». Мамашкин был уверен, что евреи падают не из-за природного страха, а из нежелания служить под российскими знамёнами, посему он предложил стрельбище устроить на лодках, а так как «иудино племя» плавать не умело, то результат был достигнут и «герой» не получил 200 палок в «спинной календарь...»³⁰

Рассказ очень обидный и выглядит почти как антисемитский анекдот. Особенно для евреев – современников, которые долго не могли простить Стебницкому (псевдоним Лескова) грехов молодости. С высоты времени я смотрю на рассказ проще, спокойнее. Отец-командир, от лица которого идет рассказ, человек российский, и, даже по меркам того времени, мерзавец; поляк и немец – действующие с позволения начальства изуверы, а трусость или житейская изворотливость евреев понятна: не сладко служить в царской армии. Да, есть резон в рассказе Лескова. Здесь же следует добавить в качестве компенсации «гонимому племени», что, скажем, рассказы Лескова о православном причте («Епархиальный суд» и др.), вполне могли пригодиться Емельяну Ярославскому для «Воинствующего безбожника» в качестве антиклерикальной пропаганды.

Тот же Антон Иванович Деникин, рассматривая контингент евреев-новобранцев, констатировал факт их более слабого физического развития, как жителей сугубо городских. Плохо знавшие русский язык, они становились «обузой» для воинской части. Деникин не скрывает солдатского антисемитизма, «угнетения евреев», давая объяснение, что оно привнесено в казарму извне, из народного быта, а отнюдь не вытекает из военной системы.³¹

Приведём пример из другой войны, который разъясняет обстановку. В 1941 году был призван в армию туркмен Бекетов, которого, не мудрствуя лукаво, назначили в разведку. Туркмен на боевом задании отстал, растерялся, запутался. То же повторилось в другой раз. Решили, что он трус и ему грозил трибунал. К счастью, имеющий жизненный опыт комиссар разобрался, в чем дело. Бекетов вырос в бескрайних песках Средней Азии и никогда в жизни не видел леса и, естественно, не ориентировался в нём. Он получил другое назначение, более соответствующее его навыкам.³²

Конечно, писатель не добавил, что туркмен, безусловно, еле говорил по-русски, что усугубляло его беспомощность в разведке. Если бы в русской армии относились к евреям, как к нацмену в хрестоматийном рассказе – результаты были бы иные...

В свете этого эпизода вспоминается рассказ адмирала Исакова, чему он был свидетель в кабинете Сталина. «Отец нации» сказал буквально генералу, занимающемуся вопросами формирования и пополнением частей: «Вы говорите, что некоторые национальные кадры плохо воюют. А что вы хотите?!

Те народы, которые десятилетиями откупались от воинской повинности, и у которых никогда не было своей военной интеллигенции, все равно не будут хорошо воевать при том положении, которые исторически сложилось». ³³

Бывший наркомнац четко помнил свою прежнюю работу...

В данном случае речь шла о среднеазиатских народах; вряд ли маршал Сталин имел в виду евреев, хотя в основе его мысли лежит истина, относящаяся и к евреям. Но, конечно, не на полях Отечественной войны. За два десятилетия советской власти выросло большое количество еврейской военной интеллигенции. Не то было до революции.

Понятно, что евреи, волею исторических обстоятельств, оказавшиеся на территории России, после нескольких разделов Польши, отнюдь не были спрашиваемы: желают ли они быть гражданами империи, как понятно не спрашивали и другие национальные меньшинства. Если для поляков, уничтожение государственности Речи Посполитой было трагедией, то с евреями вопрос был более сложен. Для Польши, насильственно находящейся в браке с империей вместе, правда не 200 лет, а чуть поменьше – все было очевидно. Прекрасно об этом неравном «браке» России и Польши написала балладу-аллегию «Насильный брак» поэтесса графиня Евдокия Растопчина (1812-1858):

«Старый барон...
Всё не покорна мне она,
Моя мятежная жена!
Её я призрел сиротою,
И разоренной взял ее
И дал с державною рукою
Ей покровительство моё...
.....
Несметной стражей окружил,
И, враг ее чтоб не сманил,
Я сам над ней стою с булатом...
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.
Я знаю, жалобой, наветом
Она везде меня клеймит;
Я знаю – перед целым светом

Она клянет мой кров и щит,
И косо смотрит, исподлобья,
И, повторяя клятвы ложь,
Готовит козни, точит нож...»³⁴

Понятно негодование Николая Павловича на графиню, усмотревшего памфлет на свои отношения с Польшей, но и не только. «Неверная», прибегающая к западному общественному мнению, использует в целях самозащиты коварство, интриги, клятвopепpупления и прочее. Но та защищается, выдвигая и «демократические» аргументы:

«Раба ли я или подруга –
То знает Бог! Я ль избрала
Себе жестокого супруга?
Сама ли клятву я дала?..
.....
Он говорить мне запрещает
На языке моем родном,
Знаменоваться мне мешает
Моим наследственным гербом;
Не смею перед ним гордиться
Старинным именем моим
И предков храмам вековым,
Как предки славные, молиться:
Иной устав принуждена
Принять несчастная жена.
Послал он в ссылку, в заточенье
Всех верных, лучших слуг моих;
Меня же предал притесненью
Рабов лазутчиков своих...»³⁵

Большинство взаимных упреков можно было смело передать евреям. Все притеснения, которые испытали поляки – многократно превзошли еврейские «гзейрос» (напасти). И, как считали многие, самой тяжёлой проблемой для еврейства, кроме черты оседлости, была армейская служба. Правые неоднократно выдвигали обвинения в том, что евреи «отвливают» от службы. Однако это утверждение преувеличено. Так, общие недоборы в 70-х годах XIX века были незначительны – в 1874 г. – 1542, в 1876 – 1952, а в 1879 г. даже снизилось до 950. Как правило, это были немцы-переселенцы или евреи.

Последние, не желая нести службу, эмигрировали за границу. Процент этот действительно невелик: набор 1874 года составлял 724 648 человек, набор 1879 года – 759 188 человек.

Ущерб государству был минимален. Но Россия удивительная страна. Тот же беспристрастный источник сообщает, что призыву в армию подлежали... скопцы!³⁶

Не стоит ссылаться на книги М.Л. Усова «Евреи в армии» (1911 г.) и анонимное издание «Война и Евреи» (1912 г.). Первая книга, по утверждению правых того времени, создана для апологетики. Но и вторая, претендующая на объективность – достаточно тенденциозна: именно то, что она объективна, не может удовлетворить ненавистников еврейства. И ту, и другую книгу не любят цитировать, а если иногда и ссылаются на них, то обязательно передёргивая факты. Поэтому, я предпочту старое исследование полковника генерального штаба А.Ф.Риттиха «Племенной состав контингентов Русской Армии и мужского населения Европейской России» (1875 г.), написанное по следам военной реформы Д.А. Милютин. (*1 января 1874 последовал Высочайший манифест о всеобщей воинской повинности*). Книга сугубо научная, по времени написания она стоит ближе к рассказу Лескова. Автор не только военный специалист, но и действительный член Императорского Географического Общества. Материал знает досконально. Статистические данные даны по расам: арийская – куда входят славяне и другие европейцы; кавказская; урало-алтайская; туранская и семитическая. Последняя состоит из евреев (1.262170) и караимов (1616). Это данные только мужского населения. Из них 20-летних евреев – 24 233., т.е. призывного возраста, что составляет всего 3, 68% процента набора. Риттих даёт следующую характеристику: «Далее следует ветвь весьма способная, но отчужденная от русского народа собственными религиозными учреждениями и особенным влечением к торговле и денежным оборотам, это семитическая ветвь, имеющая 3,6%».³⁷ Затем учёный характеризует «семитическую ветвь» с точки зрения возможного использования евреев в армии. Вообще Риттих смотрит на АРМИЮ, как на большое хозяйство, в котором можно утилизировать все народности, максимально используя их природные данные. Так и в данном случае, хотя и несколько предвзято, но объективно на тот период, пишется следующее:

«Представители семитического племени – евреи, хорошо знакомы русской армии, пополняя её ряды издавна и на этот важный контингент, одинаково полезный и вредный, нельзя не обратить должного внимания при введении всеобщей военной повинности.

Они живут в России со времен крестовых походов, переселившись с берегов Рейна, сначала в Польшу. Вместе с движением последней к востоку, евреи появились в Литве, потом в Белорусском крае, в Украине, Малороссии и Курляндии. Затем они двинулись к Риге; в XVIII столетии они водворились в Новороссийском крае. В последнее время их поселилось довольно, как в Петербурге, так и в Москве и почти во всех губернских городах, а также по направлению железных дорог, от Динабурга и Брест-Литовска на север и юг, так что теперь евреи, дойдя до Волги, очутились уже в Перми, Екатеринбурге, Уфе и Оренбурге». Далее автор приводит сравнительные статистические данные с евреями Австро-Венгрии, указывает на многочисленность еврейских семей, долгожительство. «...евреи, живущие во всей южной России и Малороссии, весьма здорового и хорошего телосложения. В Киевской и Подольской губерниях они, кроме того, искусны и проворны; в Привислянском крае красивы и ловки; в Северо-западном крае евреи довольно слабого сложения, не искусны, но от природы одарены способностями.

Их воздержанность в пище весьма замечательна и доходит в некоторых случаях до баснословных лишений.

Главнейшее занятие евреев составляет торговля, в самых разнообразных видах, но кроме того многие из них занимаются весьма удачно разными ремеслами, каковы например: часовщики, гравёры, золотых дел мастера, портные, сапожники, шапочники, маляры, столяры, медники, кузнецы, позументчики, каретники и горшечники.

К отличительным чертам еврейского населения относится еще то, что они без исключения говорят на нескольких языках: еврейском, еврейско-немецком, немецком, польском, русском, румынском и малороссийском». Далее идет статистика по губерниям, где в некоторых местах (например, г. Чаусы) евреев абсолютное большинство, что должно учитываться при наборе. Наиболее пригодным «элементом для войска» являются Курляндская губерния, Привислинский край и Юго-западный край – именно там находится наиболее здоровый контингент для службы.

Среди них много ремесленников, что, по мысли автора, можно использовать в армии. Вывод весьма интересен, практичен, государственный: «В общей же сложности народ этот как неполитический мало привязан к военной службе и потому, как вовсе не сродный такому занятию, на еврейский контингент для кавалерии, стрелков и специальных войск рассчитывать не следует. В пехоте же, а также по разным ремеслам, евреи могут принести среди чисто русских солдат посильную пользу. Из них нередко образуются хорошие писаря, незаменимые литографы, отличные портные и весьма талантливые музыканты. Также нельзя у некоторых из них отнять известную долю честности и трезвости, качества, которыми дорожат войска, а следовательно и неудивительно, если евреи умом и службою доходят до старших писарей, фельдфеблей и каптенармусов».³⁸

Немец Риттих, (его отец родом из Риги, гоф-медик Федор Риттих, 1791-1856) смотрит на еврейский вопрос, как государственный. Он понимает, что добротный человеческий материал неплохо бы ассимилировать: «Относительно портных достойно внимания, что в настоящее время многие из весьма замечательных и единственных в разных губернских городах России основаны отставными солдатами из евреев, причем некоторые приняли православие и русские фамилии. Водворившись на новых местах по окончании своей службы, эти евреи послужили как бы основанием портняжного искусства в наших захолустьях, обучая городских ремесленников этому необходимому мастерству. Почти это же можно сказать и о музыкантах-евреях, хотя эта отрасль занятий у нас не гарантирует стабильный кусок хлеба. Некоторые из наших военных еще и поныне того мнения, что музыкантский хор преимущественно должен быть пополняем евреями... Музыка, как искусство, доступна каждому народу... и далеко не есть специальный предмет занятий еврейского народа, которому в войсках лучше пополнять ряды линейной пехоты и всякие другие нестроевые должности. Что касается до ухода за лошадьми, до службы евреев в кавалерии, в обозе, то к этому они вполне неспособны по неумению обращаться с животными, по причине их постоянной жизни в городах среди торговых и ремесленных занятий, и потому они представляются в этом случае, как невозможный для кавалерии контингент и только весьма небольшое число из них пригодно как кузнецы.

Скорее некоторые из евреев, по западной границе, от Таурогена до Аккермана, пригодятся на службу в стрелки, занимаясь с достаточною отвагою контрабандною торговлею. Точно также их можно лишь в весьма ограниченном числе употреблять на пополнение флота, на разные должности в мастерских».

Браво, Риттих! Даже еврейский порок – контрабанду, можно смело использовать в Армии. До постановки пьесы Литвина-Эфрона и Крылова «Контрабандисты или сыны Израиля» оставалось четверть века. Общий вывод Риттиха таков: рассчитывать на евреев много не приходится. Но главная задача заключается в другом: армия должна послужить для евреев школой европейской культуры. Это выглядит так: «Вообще же на еврейский контингент не следует слишком надеяться и смотреть на него, как на неизбежную примесь войсковой массы. Гораздо важнее то, что выходит впоследствии от прохождения евреев через ряды армий. Они прежде всего утрачивают свою природную нечистоту с запахом, легко присваивая себе наружность русского солдата, которую сохраняют впоследствии. Многие из них, сознавая преимущество цивилизации, переходят в христианство, увеличивая тем самым количество того народа, среди которого живут.

Такой пример увеличения населения за счёт евреев мало заметен в чисто русских губерниях, но это более заметно в Привислинском крае и Курляндии, где евреи незаметно обращались в поляков и немцев, плотно примкнув к тому или другому населению. И потому задача русской армии в отношении еврейского населения будет состоять в том, чтобы преобразовать его посредством военной школы в русское население, которого последующее поколение уже будет хорошим контингентом для пополнения рядов русской армии».³⁹

Оставим специфический запах евреев в стороне – об этом уже писали. Безусловно Риттих прав, считая евреев городскими жителями и потому непригодными для работы с лошадьми. Но были и исключения. В годы Гражданской войны 1-м конным корпусом червонного казачества командовал еврей – Виталий Маркович Примаков (1897-1937) и, как будто, неплохо. *(Мой отец – тоже был неплохим конником. Он был из латышских стрелков)* Но это в будущем. Что касается всевозможных профессий, используемых армией – не указано пристрастие евреев к медицине.

И в царской армии было большое количество евреев-фельдшеров, а впоследствии и врачей. Иногда фельдшерские школы в армии заполнялись исключительно евреями. А печников, пекарей, писарей, сапожников, портных, типографов – этих было много.

Служили евреи и во флоте, о чём свидетельствуют рассказы К.Станюковича «Исайка» и Л.Гордона «Оторванные (*Рассказ нотариуса*)». Что касается увеличения русского населения за счёт ассимиляции евреев, то известны многие факты внедрения выкрестов в толщу русского народа. Я писал об этом в предыдущей книге. Замена фамилий, имен и отчеств «на более благозвучные русские» происходила во все времена. Мимикрия спасала. Так, мой приятель, Израиль Рафаилович Масленковский, в 1941 году по мобилизации попал в конный корпус генерала Плиева. При формировании части его принимал русский командир, оказавшийся земляком-ленинградцем, который сразу разъяснил юнцу, что с такой анкетой в казачьей среде находиться негоже. И превратил его по паспорту в русского, Вячеслава Максимовича Масленкова. После войны мой друг вернулся в «лоно иудаизма». Другой случай: небезызвестный писатель, корни которого с казачьего Дона, также, почему-то в том же 1941 году, превратил свое отчество из Исаакьевича в Исаевича; вероятно потому, что оно казалось «более русским». (*Для меня последнее непонятно – чем пророк Исайя «русистее» праотца Исаака? Деда писателя выслали из Воронежской губернии на Северный Кавказ «за бунт» – вспомним сектантов Воронежской губернии.*) Известный график Дмитрий Исидорович Митрохин, также уроженец Краснодарского края, был внуком кантониста – военного фельдшера.⁴⁰

Для меня ясно, что «Исидорович» – мимикрия какого-то другого имени, например, Исаак. Имя Григорий, при фамилии Збарский, скрывает еврейское имя «Цви». Дедушка поэта Л.Мартынова – кантонист.⁴¹ Дед был военным инженером из кантонистов. Внук сделал деда героем своей поэмы «Рассказ о русском инженере». Чтобы не было никаких сомнений, укажем, что имя «Исидор» использовалось и западноевропейскими евреями, например, известного шахматиста звали Исидор Гунзберг.

Особенно Риттих отмечает семитическое племя, встречающееся на Кавказе – в Дагестане, в Бакинской и Елисаветпольской губерниях. Жили они в 34 населенных пунктах.

В Кубе, Дербенте, Грозном была самая большая концентрация. Это так называемые терские евреи. По-современному – таты. Они, подобно крымским караимам, отличаются от польских евреев.

Да, кому-то, возможно, будет обидно за невыносимый запах, исходящий от еврея-новобранца. Нет, евреям не надо обижаться. Хуже сказано о румынах: они ленивы и неспособны к умственному труду и к тому же лишены храбрости, т.е. просто – трусливы.⁴²

В русской прессе активно обсуждался вопрос о возможности для евреев-иудеев иметь офицерские звания, наравне со всем прочим населением. Понятно, точки зрения были полярными и были связаны с общей линией либеральной печати. Впереди по данному вопросу шёл орган прогрессивной интеллигенции «Вестник Европы», ратующий за полное гражданское равенство евреев во всех областях государственной деятельности. В одном из обзоров мы можем прочесть следующее:

«Принцип уравнивания прав сословных и местных, одним словом, принцип юридического объединения всей массы подданных в государстве встречал до сих пор одно ограничение, на которое нам уже не раз случалось указывать, именно в вопросе об уравнивании евреев. Для евреев продолжают существовать и сословная, и местная отчуждённость в том самом факте, что государство еще отчуждает от некоторых общих прав евреев как сословие, и при том замыкает их в определенной местности. Край западный и южный продолжает еще быть нашим Гетто, между тем, как в самом Риме Гетто уже перестало существовать, в смысле заточения евреев в одной местности.

В настоящее время, когда вырабатывается проект преобразования воинской повинности, возникает вопрос, будут ли предоставлены евреям при её отбывании равные права с остальными гражданами, или же принцип бесправности будет применён в том самом деле, которого основною мыслью есть равенство всех граждан по отношению к государственным тяготам? Короче: с распространением воинской повинности на все классы еврейского населения, наравне с прочими сословиями, будут ли предоставлены евреям и общие права к производству в унтер-офицерское звание и унтер-офицерские чины, или же этих прав евреи будут лишены, вовсе или отчасти?»

Это риторический вопрос, на который последующие почти пятьдесят лет никто не дал ответа. Точнее сказать – ответ был отрицательным. Но автор из «Вестника Европы» человек настырный и доводит логику бесправия до абсурда:

«Известно, что доселе офицеров из евреев не бывало, хотя евреи податных сословий с прошлого царствования привлечены к наборам. В своде военных постановлений есть статья, которая разрешает производство евреев в унтер-офицерское звание не иначе, как за отличие в делах против неприятеля, и то, только с высочайшего разрешения». *(Неравенство налицо: православный может быть произведен в унтер-офицеры и не участвуя в боях, а имя еврея-героя должно быть известно самому Государю!?) – С.Д.)*

«Если евреи не могут быть унтер-офицерами, то само собою разумеется, что они не имеют доступа и к производству в офицеры. И в действительности, офицеров из евреев до сих пор у нас не бывало, хотя евреи крещёные к производству в офицеры допускались, а самый факт еврейского происхождения не препятствовал, у нас даже к достижению высших военных чинов. Итак, еврей в военной службе получал общие права только в таком случае если крестился, то есть перестал быть евреем». *(Автор иронизирует: окунание в купель избавляет неофита от еврейской крови...)*

«Такой порядок, существовавший доселе, хотя и не соответствовал идеалу справедливости, но, по крайней мере, мог быть объяснён самим принципом воинской повинности, как он понимался доселе: основным ее принципом было неравенство сословий перед государством. Одни сословия (привилегированные) имели преимущественные права, другие (податные) несли преимущественные обязанности (повинности). Понятие о правах не только существовало нераздельно с понятием об обязанностях, но напротив оба эти понятия отчасти взаимно себя исключали: одно было достоянием одних классов, другое было делом других. При такой системе, привлечение евреев к отбыванию рекрутской повинности, без всякого права надеяться производства в офицеры, не противоречило духу общего порядка».

Так что до падения крепостного права ограничения в военной службе евреев были хоть как-то объяснимы. Но крепостное право пало. А к 1871 году, к сожалению, началось наступление реакции.

«Но вопрос представляется совсем в ином виде теперь, когда приводится и в военном устройстве принцип прямо противоположенный: тот принцип, что все граждане обязаны нести личную воинскую повинность. И что прав, в смысле изъятия от обязанности, быть не должно.

Спрашивается, какой же смысл имело бы теперь допущение обязанностей с устранением от связанных с ними прав? Ясно, что это было бы вопиющим противоречием самому смыслу военной реформы, коренному принципу уравнивания всех граждан в виду защиты государства ценою собственного здоровья и собственной жизни. Если при проведении военного преобразования у нас будет оставлено в силе запрещение производства евреев в офицеры, или будет постановлено какое-либо ограничение в том смысле, что они не должны быть производимы выше такого-то чина, то это значило бы, что в отношении одних евреев мы хотим сохранить принцип обязанности без прав, и создаём у себя нечто, нигде в Европе несуществующее, то есть некую отверженную касту, от которой можно всего требовать, ничего ей не давая».

Автор старается витиевато обвинить сторонников прав ограничений еврейства в грехе «азиатчины» – нигде в Западной Европе подобного не существует. В принципе – это верно. Но что подразумевать под Европой? Великобританию, Францию, Германию, но не Румынию, где ограничений евреям вполне хватало? Автор обвиняет реакционеров в лицемерии.

«Защитники застоя и в этом вопросе успели придумать несколько «специозных» (*так в тексте. – С.Д.*) аргументов, которые будто бы требуют, чтобы в отношении евреев из общего принципа было сделано исключение. Если прислушаться к их толкам, то не трудно заметить, что в этом вопросе, как и во всех случаях, когда они проповедуют застой и неравноправность, главного-то, истинного своего побуждения они именно не высказывают, и прячутся за «специозные» аргументы, которыми и убеждают друг друга. Тем легче, что каждый из этих мыслителей отлично понимает умалчиваемый мотив, и с ним-то и соглашается. В настоящем случае мотив этот очевидно таков: «как допустить, чтобы офицером, пожалуй, и генералом, мог быть жид? Жид унизит благородное звание офицера. Вот истинный мотив. Мотив этот чисто-кастовый; мотив это дикий и варварский, и вот поэтому он и умалчивается.

Тем не менее он подразумевается, и он единственный-то и действует. Это оказывается уже из того факта, что все остальные, «специозные» аргументы, которые приводятся в этом случае против уравнения евреев, так слабы и несостоятельны, что очевидно и сами ораторы, на них ссылающиеся, ими одними убедиться бы не могли. Еврей, говорят, не способен к военной службе; он не имеет ни достаточно храбрости, ни особых военных талантов. Прекрасно; но в таком случае, зачем же вообще брать еврея на военную службу? Если еврея берут в военную службу везде, и в России уже в течение сорока лет, то стало быть он к военной службе способен. Ведь была же достаточная возможность проверить его способность или неспособность опытом всех стран. Нашим генералам должно быть известно, бежали ли евреи с полей битвы на Кавказе, в венгерскую и польские войны, и в Восточную войну. На севастопольских полях, по крайней мере, они положительно остались, так как там погребено немало евреев. Еврей Феликс Дуэ, французский дивизионный генерал, оставленный без помощи при Вёрте, тоже не бежал, а напротив, отпустив остатки своего отряда, пошёл один на неприятельскую линию, желая смерти, которую вскоре и получил. Да и у нас известны имена несколько храбрых офицеров, даже генералов еврейского происхождения. Правда они были крещёные, но полагают ли, что факт обращения сам по себе, сообщает храбрость и воинский талант? Христианская религия достигает совсем других целей».

Автор издевается над самим фактом крещения: христианство проповедует смирение, а отнюдь не воинственность...

«Говорят еще, что еврей по природе – купец, а не воин, что призвание его именно торговля и что в иных отраслях деятельности он будет слаб, потому что будет следовать не своему призванию. Но ведь это игра в слова. Почему евреи устремились в торговлю? Потому что все иные пути гражданской деятельности были для них закрыты. Государственная и общественная деятельность была закрыта для еврея; ученым и художником он хотя и мог делаться, но ведь известно, что в прежние времена и учёный, и художник могли существовать только в таком случае, если государство обеспечивало их должностями, которые евреям и оставалось недоступны. У нас евреям открыт доступ только в ремесленники, купцы, врачи, адвокаты и к учению в университете. *(Последнее могло быть лишь до*

введения процентной нормы в министерстве И.Д. Делянова. – С.Д.)
И вот в каждой из этих отраслей у нас евреи и действуют с успехом; а в остальных не действуют, не потому что неспособны, но потому, что не допускаются. В наших университетах много евреев в числе учащихся; почему же нет евреев на профессорской кафедре? Потому ли что евреи неспособны к наукам? Конечно, не потому, а почему – о том известно нашему министерству народного просвещения. Множество кафедр остается незанятыми, но лучше пусть не будет профессора, чем если профессором будет еврей. Не странно ли закрывать евреям доступ и в офицерское звание и в то же время утверждать, что они к нему неспособны? Другое дело, если еврей обращается; тогда он способности приобретает ipso facto, что переводится с латыни как сила самого факта.

Говорят, что еврей проникнут духом кагала, что еврей держится за еврея, и что евреи имеют склонность захватывать в свои руки всякую сферу, в которую бывают допущены, и что будто бы, если их допустить в к производству в высшие чины армии, то они будут давать ход только евреям. Но ведь это опять одна игра слов; понятно, что среда отверженная замыкается в самое себя, и что члены ее друг за друга.

Но уравнение евреев в правах и есть единственное средство уничтожить эту замкнутость и кагальность их сословия. Разве во Франции и Америке, где евреи безусловно равноправны с христианами, замечается такая замкнутость евреев? Разве во французской армии, где евреи служат генералами, они наполняют сословие подчиненных их офицеров евреями; слышна ли была хоть какая-либо жалоба в этом роде? *(Надо было подождать четверть века и услышать обвинение еврея Дрейфуса в измене. Формальное равенство не дает никаких гарантий против юдофобии. – С.Д.)*

Все эти возражения совершенно несостоятельны и никто в действительности ими и не убеждается. Позади всех их, в сущности, действует на людей неразвитых, конечно, именно тот довод, который приверженцами застоя умалчивается, и который есть не что иное, как бессмысленное презрение к целой расе, остаток средневекового, кастового предрассудка. Но мы вправе ожидать от комиссии, занятой выработкою нового акта военного законодательства, что она стоит выше такого умственного уровня.

Мы думаем, что она обратит внимание на необходимость предоставления евреям равных прав в военной службе при производстве в офицеры. Необходимость этого уравнивания, повторим, вытекает из самого принципа всенародной, всеобщей повинности, из принципа общего уравнивания граждан в деле защиты государства. Если с дворян снимаются при этом привилегии, то почему же с евреев не снимется при этом бесправность?»

Упования напрасны: несмотря на прогрессивность военной реформы, проведенной Д.А. Милютиним, в отношении евреев – дело не изменилось вплоть до Февральской революции. И дело не в благородном и «левом» военном министре: пробить силу религиозных и иных предрассудков ему не удалось. В старой еврейской энциклопедии можно прочитать буквально следующее: офицерский чин «едва ли может быть дарован евреям и в том случае, если бы оказалось возможным допустить их к поступлению во все без изъятия гражданские должности, так как солдат-христианин с пренебрежением будет смотреть на офицера-еврея, и самая строгая дисциплина окажется бессильной в борьбе с религиозными чувствами и убеждениями».⁴³

«Того требует интерес общегосударственный и даже интерес чисто-военный, который не допускает, чтобы в числе солдат были люди неравные товарищам, люди клейменные бесправием, не допускает, чтобы солдат мог быть всею душою предан своему делу, когда он лишён всякой надежды на награду, на производство. Самый закон, запрещавший производство евреев в унтер-офицеры, устарел и потерял всякое оправдание в виду перемен, происшедших в свойствах самого еврейского населения. Закон тот был издан в 1883-м (погромном!) году, то есть в то время, когда и наше общество в еврее видело именно «жида», и сам еврей стоял в умственном и материальном отношении ниже, чем теперь. С тех пор, и взгляд общества изменился, изменилось во многом и само гражданское законодательство относительно евреев. Нынешний еврей уже не соответствует старому типу загнанного, вечно дрожащего за свои гроши человека, того пария, которого мельчайший администратор мог оскорбить по произволу. Почему же еврею не быть и офицером? Разве единственно потому, что он – не христианин, то есть потому, что у нас еще не существует свобода совести, и государство считает пропаганду господствующей веры все еще своим делом, не отказавшись окончательно от той

задачи, которую исполнить успешно может только церковь? Не говоря уже о несовременности такого взгляда, он даже неприменим к настоящему случаю, ибо у нас допускается же производство в офицеры магометан; офицеры из мусульман есть у нас и в армии, и в гвардии; есть даже флигель-адъютанты.

В разных государствах, в разные времена бывало допущено в отношении между гражданской равноправностью и правами военной службы такое различие, что в военную службу принимались и пользующиеся полноправностью гражданской; но кто допускался в военную службу солдатом, тот уже мог быть в ней и офицером. Так, мусульманское население в Алжире не имеет политических прав французского гражданства, не участвует в выборах и плебисцитах. Между тем мусульманам, как и евреям во французской армии предоставлено право производства в офицеры наравне с полноправными гражданами. Так было отчасти и у нас в старину: иноземцы принимались в военную службу и получали команду, между тем как в гражданской приказ они допускаемы не были. Теперь же у нас относительно евреев существует нечто такое, чему в Европе нет подобия: к военной службе евреи привлекаются, но без всякого права на производство. Между тем в настоящее время даже в Турции есть генералы немусульмане.

Чем возможно будет извинять такую несправедливость, если она будет удержана на будущее время и получит еще более оскорбительное для двухмиллионного еврейского населения значение, при системе всеобщей воинской повинности? Представим себе минуту битвы: предстоит какое-нибудь трудное, опасное дело, которое можно совершить только при самоотвержении и увлечении, например, взять приступом позицию, защищаемую неприятельскими батареями. Начальники обращаются к солдатам с напоминанием, что храбрых ждет награда, что служба не пропадает. Какой смысл будут иметь эти слова для солдат-евреев?

А ведь от них потребуются то же самое, что и от христиан и от татар, то же самое самоотвержение, та же кровь. Сошлемся ли мы на чужой пример? Но уже сказано, что во французской армии евреи полноправны. Но и в самой прусской армии, у которой мы переписываем нынешнюю реформу, и там нет закона, который бы лишал еврея права на производство в офицеры. И в действительности в германской армии есть много офицеров-евреев.

Из числа их многие украшены орденами за храбрость, показанную в минувшую войну. Генералов-евреев в прусской армии, правда, нет, но не потому, чтобы тому препятствовал закон, а потому, что вообще в прусском генералитете мало не дворян.

Когда в нашей военной службе будет уже не один десяток тысяч солдат-евреев (1869 году нижних чинов еврейской национальности числилось 7825 человек и несколько десятков тысяч на действительной службе и в списках запасных войск), когда все поголовно молодые евреи будут подлежать очереди или жребию – то нынешняя несправедливость станет еще гораздо более заметною, хотя в сущности своей, несправедливость всё равно не должна быть, как бы невелико число людей систематически ей обречённых. На 11037 нижних чинов магометан в 1869 году, числилось магометан штаб- и обер-офицеров 254, а на 7825 нижних чинов-евреев не было ни одного офицера. Магометане служат офицерами даже в гвардии, и производятся в генералы. В составе нашего генералитета магометане составляют несколько менее полпроцента, именно 0,41. Еврей же не может быть даже и прапорщиком, как бы он образован не был, а нет сомнения, что евреи в общности гораздо образованнее магометан. Неужели же такая несообразность будет сохранена в том военном преобразовании, которое основывается на принципе равной обязанности перед защитой отечества?»⁴⁴

В свете последнего аргумента, интересно прочитать воспоминания «магометан». Интересные факты сделав обобщение, привёл генерал-лейтенант Али Ага Шихлинский (1863–1943). В начале царствования Николая II, в часть, где служил Шихлинский, пришёл циркулярный запрос к начальствующим лицам: находят ли они русских сектантов и евреев подходящими для военной службы, а если нет, то нельзя ли, отказавшись от их призыва на действительную службу, заменить натуральную повинность денежным налогом? Будучи сам мусульманином, и абсолютно лишённым националистических предрассудков, генерал-лейтенант на запрос привёл примеры поведения сектантов и евреев.

По евреям была следующая картина: Фейрверкер Галкин – чрезвычайно особый фуражир, отличавшийся от остальных фуражиров тем, что не брал подачек от поставщиков сена. Обычно фуражиры уходят с капиталцем в кармане.

Галкин же бедняком вступил в батарею и бедняком демобилизовался. Бомбардиры Коблец и Левит были самими лучшими учителями молодых солдат. Кузнец Фурман вручную ковал самых норовистых лошадей, которых другие кузнецы ковали на станке или повалив наземь. Бомбардир-наводчик Шмуль Рогович получил за стрельбу первый приз во всем лагерном сборе (массивные серебряные часы на серебряной цепочке) и почетный генерал-фельдцеймистерский приз от Главного артиллерийского управления. Почётного генерал-фельдцеймехерского приза удостаивались такие наводчики, которые четырьмя гранатами попадали в круг радиусом не более 13 дюймов. Рогович же все четыре гранаты всадил в кружок радиусом в 4,2 дюйма! Шихлинский делает вывод: «Я сообщил свое мнение, что если к евреям относиться так же как к солдатам других национальностей, не делая их гражданами второго сорта, они отлично несут службу в строю и вне строя и особенно полезны в различных мастерских».⁴⁵

Шихлинский приводит историю лучшего трубача батареи Шавера, которого было приказано выслать командиру дивизиона штаба. Шихлинский предупредил, что этот солдат – еврей. В штабе было выражено словесное недовольство, и приказ о переводе отменён. Если бы на этом заканчивался рассказ – то было бы просто неинтересно: обычный бытовой антисемитизм. Но в это время окончился «курс молодого бойца», и командир дивизиона решил проверить качество «нового материала». В команде было 85 человек. Обычно верховой езде обучали только треть наличного состава, но Шихлинский, прирожденный конник и педагог, обучил всех до единого. Отряд разбили на четыре части, таким образом, один оставался лишним. Им оказался тот самый еврей Шавер, который во всех четырех сменах был ведущим, так как отлично ездил. Солдаты ездили стоя, шагом и рысью; на рысях спрыгивали со стоячего положения, висели и вновь вскакивали в седло без стремян, соскакивая то в одну, то в другую сторону. Это было воистину цирковое зрелище. Когда прошли три смены, командир дивизиона обратил внимание: «Что ведущий у вас один и тот же ездит?» Объяснили причину нечётным количеством солдат, но умолчали о фамилии ведущего. После езды начался смотр по гимнастике. Люди делали всё, но проворнее всех был Шавер. Наконец, поставили

деревянную лошадь («кобылу») огромного размера и постепенно ее поднимали на стойках. На самой последней установке перепрыгнул только Шавер. Командир дивизиона подозвал солдата и поблагодарил за службу. Пришлось назвать фамилию еврея. Командир извинился особым способом: подозвав солдата, снял перед ним шапку, низко поклонился и сказал: «Поздравляю тебя с хорошими успехами и благодарю твоего командира за то, что он подготовил такого хорошего трубача».⁴⁶ Это было в 1903 году, а во время осады Порт-Артура полковник (впоследствии генерал-лейтенант) Владимир Александрович Ирман не расставался со своим штаб-трубачом, который получил два солдатских Георгиевских креста за храбрость. Вы не забыли, что командир в своё время отказывался от этого солдата-еврея?⁴⁷ Любопытно, что в 1915 году генерал обрусил свою фамилию и стал Ирмановым. Таково было поветрие тех времён.

Ущемление солдат-евреев в наградах и в чинах была очевидной. Надо сказать, что многие офицеры – командиры старались тем или иным путем «компенсировать» моральный ущерб, нанесенный несправедливостью законов. Понятно, что не все офицеры были юдофилами, но беспристрастность и справедливость было необходимыми качествами при командовании.

Отец знаменитого художника М. Добужинского, генерал Валериан Петрович Добужинский, воспитывал семью в веротерпимости, ссылаясь на евангельский текст «несть эллина, несть иудея». Добужинский одно время был начальником Брест-Литовской крепости. Когда начался погром, он немедленно выслал отряд солдат с приказом немедленно прекратить безобразие, а перепуганные евреи прятались в гостинице, где проживал генерал. Рассказ о солдате следующий: «...в батарее был такой случай: у отца служил высокий, красивый солдат-еврей по фамилии Нагель, которого отец за отличие произвел в «фейерверкера» (унтер-офицера), но произошел скандал: в приказе свыше был объявлен выговор полковнику, отличившего еврея! Как отец не возмущался, этого Нагеля пришлось сделать из унтер-офицера бомбардиром-наводчиком, с красными нашивками на мундире вместо золотых. Разумеется, редкое беспристрастие к иноверцу создало отцу в Кишиневе популярность и славу либерала».⁴⁸

Если б во время печально-известного погрома в городе Кишеневе был генерал Добужинский – то можно с уверенностью сказать, что не допустил бы этого ужаса, найдя управу на негодяев.

Пример «высокой утилизации» человеческого материала проявил знаменитый герой Первой Мировой войны Владимир Николаевич фон Дрейер (1877-1967), единственный из офицеров генерального штаба, вышедший из окружения 20 корпуса в Августовском лесу. В 1915 году, приняв командование Лебидинским полком, полковник Дрейер провел реорганизацию полка и среди его новшеств (например, создание конной группы в 120 человек – лошади нашлись в обозе; полковой лавочки, где солдаты задёшево могли купить шильцо-мыльцо и т.п. – некий вариант военторга), было создание оркестра и зубокабинета. По еврейской «пантофельной» почте в полк прибыли несколько человек окончивших Консерваторию. Вероятно, большинство из них было евреями. Дрейер специально оговаривает еврея-флейтиста. Зубокабинетный «отдел» состоял из двух женщин и одного еврея-дантиста Ботвинника. «Зубодралки» – (они до революции чуть ли не на 100% были евреями), и, судя по фамилии и по профессии – сей Яков Ботвинник (*вся семья которого была дантистами*) был дядей знаменитого шахматного чемпиона. «Зубодралки» работали не покладая рук: пломбировали, ставили протезы и т.п., как офицерам, так и солдатам.⁴⁹ Боевой офицер, высокообразованный Дрейер начисто был лишен антисемитизма, даже подтрунивая над своими героями и подчеркивая еврейское происхождение того или иного лица (*вроде знаменитого владельца петербургского кафе Роде – Адольфа (Адольфа) Сергеевича Роде, из еврейской оренбургской семьи. Скончался в Париже в 1931 году.*) Особо генерал рассказывает о своём сослуживце, штаб-ротмистре Натанзоне. Вероятно, он был или выкрест или произведён в офицеры уже после Февраля. «Натанзон показал себя героем позже в Киеве, после того как в 1919 году гетман Скоропадский бежал оттуда в Германию и большевики входили в город. Среди офицеров, защищавших Киев, погиб на баррикадах смертью храбрых штаб-ротмистр Белорусского Гусарского полка Натанзон».⁵⁰ Вот вам и «Белая гвардия!» Революция и Гражданская война не изменила дружелюбного отношения генерала к евреям. Не в пример Деникину, Дрейер с горечью пишет об исчезнувших в нацистских лагерях евреях.⁵¹

Уместно сказать несколько слов в адрес крещёных евреев. К сожалению, эта статистика неполна и несовершенна.

Мы имеем более или не менее точные данные за 1836-1891 годы о переходах в православие. Статистика перешедших в другие вероисповедания из иудаизма отсутствуют. А мы знаем, что в лютеранство «просто и без моральных угрызений» уходила в основном еврейская интеллигенция.

Наши данные по православию тем ценнее, что они сообщаются церковным изданием. Итак, с 1840 по 1891 год перешли из иудаизма 46795 человек. Если к этому добавить данные с 1836 года, то число достигнет 49653 душ. Автор пишет, что не во все годы «присоединения» к православию были равномерны. Так, за 15 лет – с 1843 по 1858, годы кантонистские, это число составляло свыше 27700 человек, что было почти половиной из 56 лет имеющихся статистических данных. Увы, слова магистра богословия весомы: «Наибольшая часть присоединений из еврейства должна быть поставлена в зависимость от действующего в те годы с особенною твердостью закона, касательно вероисповедной принадлежности кантонистов».⁵² У нас не должно быть сомнений, что евреи не являлись исключением в империи. Магометан и язычников немилосердно крестили миссионеры. За тот же срок – крещёных магометан было 69663 и язычников –167718(!) А каким образом происходили крещения, рассказывает на страницах «Минских епархиальных ведомостей», один из несчастных, по фамилии Зильберберг. Свидетельство тем ценнее, что исходит вновь из церковных кругов: «...Я сын военного фельдшера; родился в 1831 г. в С. Петербурге, после смерти отца, с матерью своей перебрался на родину ее – в г. Вильно. В 1842 г., как сын военного, я взят был в кантонисты и отправлен в г. Пермь в находящееся там отделение кантонистов. Плохое было наше житье!... Если детям русских приходилось лить слезы от грубого и жестокого начальства и от тогдашних порядков, то нам, бедным евреям, приходилось слишком трудно. Помнится мне первый день моего прибытия к начальству. Дело было зимой. Выстроили нас в шеренгу на дворе; ждём командира – нет, а мороз свое дело делает. Так стояли более часа. Наконец вышел подполковник С..., обращаясь преимущественно к еврейским мальчикам, закричал: «здорово, жида-хриstopродавцы!

Кто хочет жить, крестись, а то замучу, засеку розгами!» Многие, конечно, и крестились...».⁵³

Стоит досказать судьбу Зильберберга – она удивительна! В армии он стал фельдшером и работал в Кронштадтском морском госпитале. Спустя год и девять месяцев, в царствование Александра II, по Высочайшему повелению кантонисты были уволены и получили право возвращения на родину. Каким-то путем, спустя два года он выехал за границу и, побывав во многих городах Германии, переехал в Англию, где поступил в школу азиатских языков. Через четыре года он закончил школу со знанием алеутского, гольдского, колошского, гиляцкого и маньчжурского языков и уехал в Нью-Йорк, где работал в русском консульстве переводчиком с зарплатой 45 долларов в неделю. Баснословная цифра на то время. Затем он появляется в Новой Голландии (Индонезия), где работал в городской больнице подлекарем. А после перебрался в Калифорнию и на фрегате «Аврора» переехал в Ситку, где в качестве переводчика работал у архиепископа Камчатского Иннокентия. Вернувшись в Россию, стал богатым, но почему-то попал в пересыльную тюрьму. Утверждает, что попал он туда как бродяга, так как еврейское общество от него отказалось. Несомненно, в биографии этого человека есть тёмные пятна. Не исключено, что он был сотрудником русской разведки.

В той же самой Перми высланный А.И.Герцен видел несчастных еврейских детей, оставивших шрам в его душе на всю жизнь:

«Пожилых лет, небольшой ростом офицер, с лицом выражающим много перенесенных забот, мелких нужд, страха перед начальством, встретил меня со всем радушием мертвящей скуки. Это был один из тех недалгих, добродушных служаков, тянувший лет двадцать пять свою лямку и затаившийся, без рассуждений, без повышений, в том роде, как служат старые лошади, полагая, вероятно, что и так надобно на рассвете надеть хомут, и что-нибудь тащить.

– Кого и куда Вы ведёте?

– И не спрашивайте, индо сердце надрывается; ну, да про то знают першие, наше дело исполнять приказания, не мы в ответе; а по-человеческому некрасиво.

– Да в чём дело-то?

– Видите, набрали проклятых жиденят с восьми-девятилетнего возраста. Во флот, что ли набирают – не знаю. Сначала было их велели гнать в Пермь, да вышла перемена – гоним в Казань. Я их вёрст за сто; офицер, что сдавал, говорил: «Беда да и только, треть осталась на дороге» (и офицер показал пальцем в землю). Половина не дойдёт до назначения, – прибавил он.

– Повальные болезни, что ли? – спросил я, потрясённый до внутренности.

– Нет не то чтоб повальные, а так мрут, как мухи; жидёнок, знаете, эдакой чахлый, щедедушный, словно кошка ободранная, не привык часов десять месить грязь да есть сухари... Опять – чужие люди, ни отца, ни матери, ни баловства; ну, покашляет, покашляет – да и в Могилёв. *(Иначе говоря, в могилу. Это уже из сленга Гражданской войны. – С.Д.)* И скажите, сделайте милость, что им далось, что можно с ребятишками делать?

Я молчал.

– Вы когда выступаете?

– Да пора бы давно, дождь был уже больно силён... Эй ты, служба, вели-ка мелюзгу собрать!

Привели малюток и построили в правильный фронт; это было одно из самых ужасных зрелищ, которые я видал, – бедные, бедные дети! Мальчики двенадцати, тринадцати лет ещё кое-как держались, но малютки восьми, десяти лет... Ни одна чёрная кисть не вызовет такого ужаса на холст.

Бледные, изнурённые, с испуганным видом, стояли они в неловких, толстых солдатских шинелях с стоячим воротником, обращая какой-то беспомощный, жалостный взгляд на гарнизонных солдат, грубо ровнявших их; белые губы, синие круги под глазами – показывали лихорадку или озноб. И эти больные дети без ухода, без ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дует с Ледовитого моря, шли в могилу.

И притом заметьте, что вёл детей добряк-офицер, которому явно было их жаль. Ну, а если б попался военно-политический эконом? Я взял офицера за руку и, сказав: «поберегите их», бросился в коляску; мне хотелось рыдать, я чувствовал, что не удержусь...⁵⁴

Я перечитал текст, и у меня также сжалось сердце: дед мой тоже был кантонистом и также пережил адские муки. И ещё. Я читал Герцена и что-то в рассказе было знакомое.

Подумал и вспомнил – это содержание и стиль другого борца из другого века, его тѣзки – А. Радищева: «Путешествие из Петербурга в Москву». Те же преступления, чуть-чуть подновлённые.

И как бы ответом мне были следующие строки Герцена: «Какие чудовищные преступления безвестно схоронены в архивах злодейского, безнравственного царствования Николая! Мы к ним привыкли, они делались обыденно, делались, как ни в чём не бывало, никем не замеченные, потерянные за страшной далью, беззвучно заморенные в немых канцелярских омутах или задержанные полицейской цензурой.

Разве мы не видали своими глазами семьи голодных псковских мужиков, переселяемых насильственно в Тобольскую губернию и кочевавших без корма и ночлегов по Тверской площади в Москве до тех пор, пока князь Д. В. Голицын на свои деньги велел их призреть?»⁵⁵

Вот небольшое добавление к «игрушечной» армии Николая Павловича. Будущий писатель Гиляровский, до того как попал в армию, вообще не видел евреев! Факт удивительный. Владимир Алексеевич – воложанин. Он был принят вольноопределяющимся в полк, чтобы спустя два года поступить в юнкерское училище. Было это в 1871 году, год милютинских реформ. От роду Гиляровскому было не то 18 лет, не то 16(!) – какой-то странный пробел в его биографии (он родился не то в 1853, не то в 1855 году). Первое, на кого обратил внимание Владимир, был командир роты Вольский. Блестящий педагог, никогда не обижавший солдат, и не отдававший их под суд, даже если шла речь о воровстве. Поразительное понимание психологии солдата, виновного и пойманного с поличным. На любой проверке Вольский, выстроив солдат, звучным голосом говорил общее приветствие всем, но добавлял, что кроме Велиткина. Солдаты сразу поняли, в чём дело, и ждали развязки. Не выдержав мук совести, на вечерней проверке виновный в нарушение устава пал в ноги командиру и просил лучше суда, чем такого наказания. Вольский улыбнулся, велел подняться и сказал, что он всё понял и его прощает. Дело лишь за Уткиным (солдат, у которого украли деньги). Уткин сказал, что тот просил прощенья, и он ему дал: «Он, Ваше благородие, больше не будет, он уже плакал передо мной». Солдат стал в строй, и Вольский просил «ребят» забыть этот случай и не говорить в других ротах.

Нечего сказать – блестящий педагогический ход. Обратим внимание на фамилию «Вольский». Как мною писано неоднократно эта фамилия примыкает к фамилиям выкрестов: Добровольских, Доливо-Добровольских и т. п.

Как водится, в роте был еврей – «шлимазл», невзрачный и злополучный барабанщик Шлёма Финкельштейн. Его перевели из другой роты, где над ним измывались командир и фельдфебель. Думаю, что и рядовые солдаты тоже не оставались равнодушными, но писались воспоминания в советское время тяжело – ухо надо было держать востро. И этот Шлёма был первый еврей, увиденный Гиляровским в жизни: во времена его детства в Вологде и тем паче в бурлацкой команде и среди крючников в Рыбинске, где был юноша Гиляй, евреев не было.

Как поступил Вольский? Он выстроил всех солдат и произнес подходящее случаю нравоучение о равенстве всех носящих солдатский мундир, и слово «жид» забылось. Звали его солдаты по имени Шлёма, так как им было трудно произносить его фамилию. В роте его никто не обижал, и он исполнял различные поручения «вольнопёров», как-то: тайную покупку водки и закуски, продавал старый мундир и сапоги, чинил одежду и т.п. Естественно, кое-что перепало и барабанщику. Барабанщик он был отменный – «наяривал» замечательно утреннюю зорю. Финкельштейн привязался к Гиляровскому и, когда после разных приключений будущий писатель вернулся в роту из юнкерского училища, то обрадованный Шлема угостил Гиляя за свой счет водкой и огурцами!

Рассказывает писатель о жестокой порке, произведенной над одним провинившимся солдатом. По силе воздействия на читателя эти страницы не уступают «Первому балу» Льва Толстого.

Но вот рассказ старого поручика, из кантонистов, к пятидесяти годам своей жизни выбившегося в офицеры. Звали его Иван Иванович Ярилов. Но имя выдуманное. Совсем маленьким он был схвачен «хапунами» из Волынской губернии, не знал ни места рождения, ни имени, не помнил и родителей. Принесли его в полк в мешке. «Как в мешке?» переспрашивают его. «Да так, в мешке. Ездили воинские команды по деревням с фургонами и ловили по задворкам еврейских мальчиков, благо их много. Схватят в мешок и в фургон. Многие помирали дорогой, а которые не помрут, привезут в казарму, окрестят, и вся недолга. Вот и кантонист».

А дальше Ярилов говорит о порке николаевских времен, когда о его спину «целую рощу перевели». Офицеры, наслушавшись этих рассказов, с трудом верили в эти ужасы. Между прочим, офицер из полка Гиляровского, подвергший солдата зверской порке, был подвергнут остракизму. Было и это...⁵⁶

Нравственность XIX века не позволяла писать о мужеложстве, процветающем в русской армии. В первую очередь это касалось мальчиков-кантонистов, которых «дядьки» превращали в своих сожителей, заражая многих венерическими заболеваниями, калечили жизнь несчастных. Имеются лишь робкие упоминания этого позора. Кстати, подростки занимались усиленно онанизмом. И вот военный министр А.И. Чернышев «имел счастье» (*официальное обращение к сюзерену*) докладывать императору о положении в новгородском батальоне кантонистов. Последовала канцелярская переписка обер-прокурора Синода Н.А. Протасова с Петербургским митрополитом Антонием: «Г. Военный министр сообщил мне, что Государь Император, по всеподданнейшему докладу, о причинах существующих между кантонистами Новгородского батальона кантонистов болезней и смертности, усмотрев, что в числе их заключается вкоренившаяся страсть у кантонистов к онанизму. Высочайше повелеть соизволил: независимо от принятия полицейских мер к искоренению сего порока, в особенности чаще беседовать Священнику с детьми и непременно не менее часа в день, но не в виде урока или класса, а собственно вне препровождении времени с детьми, дабы выиграть их доверие и привязанность и тогда действовать убеждением».⁵⁷ Цитата выужена из совсем непотребной книги К.К. Ротикова о петербургских педерастах: Девиз этой подленькой книги: «Нас много, мы не одиноки. Мы элита общества». Ложь, переплетённая грязными налёками. Читать противно.

Об успехах воспитания нравственности кантонистов ничего не сказано. Думаю, рукоблудие продолжалось, как и принуждения к сожительству. Перечитываю все это с ужасом и омерзением.

Как могли несчастные бороться с этим ужасом? Только дезертирством и во время войны сдачей в плен. Вот печальная новелла от известного киноактера Перестиани. Накануне I Мировой войны он путешествовал по Ближнему Востоку и попал на знаменитый Измирский (Смирнинский) базар.

Случайно он выругался, естественно, на родной «мове».

– Ты что – русский? – спросил его седой бородатый турок по-русски.

Стою в полном недоумении. Гляжу и не верю ни ушам, ни глазам. Он улыбается. Рот точно щель, улыбка открывает пару зубов.

– А вы кто? – спрашиваю я в недоумении.

– Раньше тоже русский был. А теперь турок, видишь? Не один я тут такой. Раньше нас целая рота была.

Слушаю его и перестаю понимать. Он шамкает, иногда путается в словах. Смеясь, он обтирает рукавом верхушку парашюта..., и показывает мне место.

– Садись рядом. – Я сажусь и думаю, что это за наваждение?

– Севастополь знаешь?

Киваю головой и совершенно ничего не понимаю.

– Про войну Крымскую слышал?

– Да. Мой отец в ней участвовал.

– Во-во-во. Мы кантонистами были. Целая рота. Все поротые-перепоротые. Целую роту на розги для нас извели, а то еще шомполами... Сквозь строй тоже обрабатывали. Слышал?

Он улыбается, трясёт головой. Мне не по себе. Справа подошёл другой. Молчит. Слушает.

– Может, слышал ты? Целой ротой мы к туркам перешли. От царской каторги. Столько лет прошло. Так и остались, отуречились». ⁵⁸

Отмечу, что и спустя 60 лет русский человек помнил казарму и порку. Впрочем, и сейчас в российской армии несладко, но это другой разговор... А о власовцах я не желаю ничего вспоминать.

Думаю, что большинство в этой роте были православные. Евреи, перебежавшие к туркам, не обязаны были принимать ислам в это время. Их защитниками были не только западные союзники, но и Адам Мицкевич, создававший Иудейское воинство. Я об этом писал в «Истории одного мифа». Как не вспомнить и Юрия Тынянова, где в его романе «Смерть Вазир-Мухтара» русский посол А.С. Грибоедов в Персии требует возвращения дезертиров. Большинство из них приняли ислам и служили в персидской армии, где совсем неплохо воевали против царских войск, что оговаривает Тынянов в одной из своих статей, ссылаясь на архивный материал.

В воспоминаниях Перестиани впервые также появляется материал, относящийся к Крымской войне 1853/1856 г.г. В «Севастопольских рассказах» Льва Толстого в одном из эпизодов появляется «молодой курчавый солдат из жидов по наружности».

Видимо, солдат из умельцев: «...подняв одну из валявшихся пуль и черепком расплюснув её о камень, ножом вырезал из неё крест на манер георгиевского; другие, разговаривая, смотрели на его работу. Крест, действительно, выходил очень красив». ⁵⁹

Любопытно, что в разговорах гвардейцев из аристократических фамилий князя Голицына, юнкера барона Песта, подполковника Нефедова и др., внезапно всплывает рассказ о женитьбе их приятеля, некоего Васки Менделя, вероятно, петербургского офицера из крестившийся семьи ещё в XVIII веке. Но в действительности на Севастопольских редутах было множество евреев; многие из них героически сложили свою голову при защите отечества. Многие из них были награждены. Я получил замечательную книгу в подарок от автора, Бориса Николаевича Гельмана, под названием «Непогашенный очаг кантониста» изданную в 2010 году в Севастополе. Автор – моряк и с 1944 года живёт в Севастополе. Книга наполнена многочисленными свидетельствами о евреях-кантонистах и солдатах. Подробно рассказывается о надгробном памятнике погибшим еврейским воинам на еврейском кладбище. Их около пятисот. Волею обстоятельств памятник оказался на территории военного завода. И как евреям удалось сделать его достоянием общественности. Не буду приводить подробности: читайте и доставайте чудную книгу старого воина. Памятник после реставрации был открыт в 2004 году. Сам же я воспользуюсь одной цитатой, приведённой Гельманом: «Военному ли забыть о евреях или сказать о них укорительное слово, когда в рядах русской армии есть десятки тысяч евреев, честно и верно исполняющих свой долг Государю и Отечеству, и когда твердыня многострадального Севастополя, наравне с кровию русских обагрена также кровию еврейских солдат, сражающихся даже против своих единоверцев». ⁶⁰

Однажды Тарле вспомнил о своём происхождении в статье, посвящённой своему учителю-историку Ивану Васильевичу Лучицкому (1845–1918), родившемуся в г. Каменец-Подольске, где большинство населения составляли поляки и евреи. Он вспоминал: «В детстве я играл с детьми евреев-соседей, и мне приходилось терять этих товарищей, так как ещё и тогда их отнимали у их семей, чтоб забрать в кантонисты. Я выслушивал и не раз и не два крики, плач и рыдания и товарищей, и их отцов и матерей, когда являлись власти в соседние с нами дома и забирали детей.

На мою нервную натуру это производило ужасающее впечатление. Я просыпался среди ночи, мне слышались и во сне и крики и стоны, и не мало усилий стоило матери успокоить меня и напечатать бромом. И много лет спустя эти воспоминания и наяву и во сне мучили меня...».⁶¹

В 1937 году в нацистской Германии продолжал действовать Союз евреев-фронтовиков. К 25-летию начала войны в печатном органе Союза «Шильд» были опубликованы некоторые данные об участии евреев в войне. По этим данным активных участников войны евреев во всех странах исчисляется в полтора миллиона человек. Что подразумевается под «активными участниками» трудно сказать, но можно предположить, что эта цифра относится только к «окопным солдатам», а мобилизовано было много больше народа.

По странам «активных еврейских штыков» было:

Англия –	55.000,
Германия –	100.000,
Австрия –	200.000,
США –	250.000,
Россия –	600.000.

Почему-то ничего не говорится о Франции, хотя их потери вносятся. Странно, что Австрия и Венгрия в потерях идут отдельно. Список безвозвратных потерь (евреев):

Германия –	12.000,
Англия –	2.500,
США –	3.000,
Франция –	4.000,
Венгрия –	10.000,
Австрия –	30.000,
Россия –	80.000.

Из 10 миллионов павших всего в Первой Мировой войне, евреи составляют приблизительно 150.000. Цифра страшная. Более половины погибли, защищая свою родину – Россию.

Для полноты картины мы приведем еще несколько цифр, касающихся германских евреев. Из 100 тысяч мобилизованных, свыше 75% находилось на фронте. 12% евреев были добровольцами, 35000 получили отличия. Из них 17 тысяч – железный крест 2-й степени и 900 – железный крест 1-й степени. 23 тысячи евреев получили повышение в чине, среди них свыше двух тысяч офицеров.

Евреев-офицеров пало на фронте – 322 человека (16%). Из 1857 евреев-офицеров на санитарной службе пали в боях – 185. В германской авиации служило 200 евреев, из них 50 погибли.⁶² Понятно, что эти цифры Союз евреев-фронтовиков опубликовал, защищаясь от нацистских репрессий.

Как известно, лишь незначительному количеству семейств фронтовиков удалось спастись. Обычно в роли спасителя выступали нацистские бонзы, лично обязанные или знавшие фронтовиков, например Герман Геринг.

Значительное количество евреев-офицеров служило в Австро-Венгрии. Среди крещёных евреев высшего звания за всю историю достиг генерал-лейтенант фон Самуэль Хацаи (Hazai), (1851–1942), поэтому точнее дать ивритскую транскрипцию: Хазай, иначе говоря, оценщик. В январе 1910 года он стал королевским министром обороны Венгрии. Пользовался полной поддержкой премьер-министра И.Тиса. В феврале 1917 года потерял свой пост и переведен на новую должность. После краха Австро-Венгрии ушел в отставку.

Другой, западный источник, вскользь останавливается на жертвах мирного еврейского населения во время войны, определяя число жертв от погромов в 50 тысяч человек, с добавлением 100 тысяч, умерших в тылу от голода. Вину за насилия, грабежи, насильственную депортацию и в конечном итоге за их смерть, несут правительства Германии, Австрии и России.

Вместе с тем, полтора миллиона мобилизованных евреев составляли 2% всех взятых под ружьё.(1,5 миллиона из 65 миллионов, всех воюющих стран) И если учесть, что в воюющих странах евреи составляли всего 1% населения, то эта цифра поражает. Общее число убитых источник исчисляет в 170.825 человек или 11, 3% всех евреев, принимавших участие в войне. Таким образом евреи составляют 2% всех погибших. Иными словами: на 100 погибших приходилось двое из наших дедов или прадедов.

По некоторым странам имеются указания на процент участвовавших в войне к общему населению страны. В США евреи составляли три процента населения, в то время как в армии это цифра возросла до четырёх или даже пяти процентов. Причём добровольцы составляли почти пятую часть призыва – 40 тысяч человек (точнее 18% еврейского контингента.)

Парадоксально, что в некоторых американских дивизиях евреи составляли до 40% процентов состава! (77-я и 26-я дивизии, сформированные в Нью-Йорке) В американской армии был большой процент евреев-офицеров: около 10 тысяч состояло на службе в кавалерии и в новейшем роде войск – авиации. Среди них создатель полевой артиллерии генерал Милтон Г.Форман, генерал Абель, командир Американского Легиона.

Из 900 евреев-офицеров морского корпуса выделялась фигура генерала Иосифа Штрауса, командующего эскадрой минных заградителей в Северном море. В боях под Верденом во главе своих полков погибли храбрейшие из храбрых лейтенанты М.Розенфельд и Морис Зильберберг. Тысячи евреев получили военные награды.

В Британской империи из 420 тысяч евреев было мобилизовано 50 тысяч – в процентном отношении выше, чем все другие нации населяющие империю. Тысячи страниц «Британской Книги Чести» дают полное представление об участвовавших в войне евреях.

Среди новобранцев был велик процент волонтеров (т.е. добровольцев). Самые аристократические еврейские фамилии доказали свой патриотизм, посылая сыновей на фронт. Так, семья Ротшильдов послала пять своих представителей, из коих один, майор Эвелин де Ротшильд, погиб в Палестине. Известная всему миру фамилия Сассунов дала стране десять сыновей, из коих трое удостоились высших наград. Майор сэр Филипп Сассун состоял личным секретарем маршалов Френча и Хейга. Из других аристократических еврейских фамилий, сложивших голову за Великобританию были Монтефиоре, Мон-Монтегю, Самоэль и др. Лесли Хор-Белиш провел четыре года на фронте. Впоследствии стал военным министром империи. И самое главное. Громадное большинство евреев британских островов, влившихся в ряды армии, были выходцами из Российской империи! Они проявили отвагу и были награждены различными отличиями. Например, среди 650 солдат, награжденных редким военным орденом – крестом Виктории, было пять евреев. Среди командного состава редким военным мужеством отличался австралийский еврей-генерал Джон Монаш. На Галлиполийском фронте он стяжал громкую славу. Другой еврей, генерал Х.Д. Зелиман, командовал королевской артиллерией.

Понятно, что мы должны упомянуть и Еврейский Легион, созданный В.Жаботинским и И.Трумпельдором, действующий в рядах британских войск. Почти десять тысяч бойцов Легиона сыграли громадную роль при завоевании Палестины. Во Франции общее еврейское население составляло приблизительно 245 тысяч человек, из коих 55 тысяч было зачислено в армию, что составляло более 20 % процентов всего еврейского населения.

Почти шесть с половиной тысяч евреев погибли на полях сражений, особенно много в Иностранном Легионе. Согласно официальным данным, до 100 евреев получили Орден Почетного Легиона и 140 – военные медали. В начале войны во Франции было два генерала-еврея: генерал-лейтенант Валлабрен и бригадный генерал Блок. К концу войны их число возросло до девяти, среди них генералы Хейман, Даннери и Ернсфорт. Все трое награждены многочисленными военными отличиями. Напомним, что среди защитников отечества был и майор Дрейфус, известный по печальному процессу. В общей сложности число евреев-офицеров в чине полковника и выше составляло 40 человек. Новейший вид военной техники – авиации привлек в свои ряды 120 евреев, и среди них барон Джемс Ротшильд, герой Лаайетской эскадрильи, известный драматург Анри Бернштейн, а также Морис Бокановский, впоследствии министр авиации. Отметим, что на полях сражений два раввина, Борух из Луневилля и рабби Векслер, исполняли должность капелланов во французской армии.⁶³ В центре Парижа имеется музей, носящий имя Нисима де Коммодо. Этот музей был подарен городу семьей еврея-миллионера, сын которого – летчик, погиб в бою, защищая родину – Францию. В 1942 году оставшихся членов семьи Коммодо нацисты вывезли в Освенцим и они погибли...

Сын французского миллиардера Шнейдера, выходца из Эльзаса, послал своего сына на фронт и тот погиб, оставив неутешным отца, ибо пресеклась мужская линия семьи. Это тот самый Шнейдер – монополист тяжелой индустрии, поставщик вооружения французской армии, конкурент немецкого Круппа и английского Виккерса. Граф А.А. Игнатъев с большим почтением и уважением пишет о майоре Белли: «маленьком, близоруком еврее». При главнокомандующем генерале Жоффре он исполнял должность, как мы бы сказали теперь, начальника отдела кадров.

На него пала неблагоприятная обязанность отчислять бездарных генералов из армии, и он нажил множество врагов. Франции он оказал неоценимые услуги. В 1917 году, уже будучи бригадным генералом, Белль заставил смолкнуть зоилов своим бесстрашным поведением на фронте, когда во главе бригады он был срочно переброшен на итальянский театр военных действий, спасти бегущих в панике союзников. Белль остановил австро-венгров и германцев. Он погиб, защищая свою родину.⁶⁴

Даже в «Воспоминаниях» великой русской балерины Матильды Кшесинской затесался интересный эпизод, связанный с её другом-евреем – импресарио Рауэлем Гюнзбургом. Во время русско-турецкой войны 1877/1878 г.г. Рауэль пошёл добровольцем-санитаром в Российский Красный крест. Под Никоподем, подбирая раненых, он заметил, что редут слабо охраняется неприятелем и, не долго думая, крича «Ура», увлёл всю боевую линию и способствовал освобождению Никополя. Рауэль был преданным другом России и одним из «рядовых» участников создания Франко-Русского союза. Свидетелем его подвига был наследник и будущий император Александр III.

Обрисуем международную обстановку, в которой началась П.М.В. Если мы сравним стратегическое положение России в 1914 и СССР в 1941 годах, мы увидим, что Первая Мировая началась в чрезвычайно выгодных условиях для России, несравнимых с положением Москвы в июне 41-го года. Мечты о Втором фронте оказались неосуществимыми вплоть до лета 44-го года, до высадки союзников в Нормандии. В П.М.В. второй фронт был реальностью: Франция и Англия плечом к плечу отражали атаки германцев. Италия, после недолгих колебаний примкнула к Антанте. Затем на Балканах ожесточенно сопротивлялись Сербия и Черногория. К союзникам примкнула Греция, а Салоникский фронт держался до конца 1916 года. Наконец и Румыния в конце 1916 года вступила в войну. Имелось ещё несколько важнейших фактов, определяющих громадное превосходство Антанты: США рано или поздно должны были вступить в войну, что и произошло 6 апреля 1917 года, а пока её арсенал работал на союзников: нейтралитет США был фиктивным. Имеются сведения о том, что Америка имела секретный договор с Англией и Францией о выступлении на стороне Антанты.⁶⁵ Фиктивность временного «нейтралитета» отмечена в названии работы кавычками.

Также важно, что Япония была союзницей России, и с этой стороны ждать каких-либо неприятных сюрпризов не приходилось. Наоборот, Япония поставила России несколько сот тысяч винтовок и миллионы патронов к ним.

А теперь обратим внимание на Север Европы. К счастью для России и её союзников – Голландия, Дания, Норвегия и Швеция были нейтральными странами, а Финляндия входила в состав Российской империи и, поэтому, защита Петрограда была обеспечена!

Единственное неудобство – это участие Турции на стороне Германии, что создавало трудности на Кавказе и на Чёрном море. Но и на этом фронте Россия была не одинока: Турцию атаковала с запада и с юга Англия. Чтобы обезопасить Кавказ со стороны Персии, союзные русские и английские войска оккупировали страну. И как раз на Закавказском фронте Россия одерживала победу за победой. Все военные историки отмечают, что в этом большая заслуга начальника штаба фронта, генерала Николая Николаевича Юденича, будущего деятеля Белого движения. Кстати, обратим внимание на этимологию фамилии: кроме корня ЮДЕ – ничего еврейского у генерала не обнаружилось. К марту 17-го года русские с Севера подошли к Багдаду, который был занят англичанами с 11-го марта. Пожалуй, за всю российскую историю более благоприятной коалиции Россия не имела. Казалось, что историческая миссия – освобождение Царьграда не за горами. Уже Брюсов обращается к Германии:

*И что же! священный союз,
Ты видишь надменный германец?
Не с нами ль свободный француз,
Не с нами ль свободный британец?*⁶⁶

Но никому не предугодать будущего, и Валерий Яковлевич эпиграфом ставит: «Стоим мы слепы...»

В современном псевдонаучном историческом мире серьёзно дискутируется вопрос: упредил ли Гитлер Сталина, напав на него первым? Сравним начальные данные по 14-му и 41-му годам, можно с лёгкостью сказать, что более неблагоприятной обстановки для России, чем летом 41-го года, не было. После банкротства в зимней компании 39/40 годов с Финляндией и расстрела командного состава в многочисленных чистках – это было бы чистейшим безумием.

Просто, Германии нужны историки-наймиты, которые могли бы несколько обелить фатерленд. Дело безнадежное.

Существовало мнение, что России не был выгоден союз с Англией, Россия де попала в ловушку, расставленную ей западными странами. Исследования Н.И. Полетики о причинах Мировой войны⁶⁷ с несомненно приводят к выводам об общей виновности в возникновении войны, но вина Германии – доминанта.

Воспоминания русских политических деятелей того времени (В.Н. Коковцова, А.П. Извольского, С.Д. Сазонова) только подтверждают этот вывод. Безусловно, Мировая война являлась самоубийством европейской цивилизации. Из русских политических деятелей глубже всех проблему понимал С.Ю. Витте. В своих воспоминаниях бывший канцлер Германии граф Бернгард Бюлов указывает, что еще в 1905 году Витте, предвидя будущее, предлагал Германии во имя европейского мира отказаться от Эльзаса и Лотарингии. Это было для Германии неприемлемо.⁶⁸ Напомню, что еще в конце 70 годов XIX, видя невозможность воспрепятствовать союзу России и Франции, «железный канцлер» Бисмарк предлагал нечто подобное Вильгельму. Этот проект частичного возвращения Рейхсланда (так официально именовались аннексированные территории) с негодованием был отвергнут императором. Но и виновность России нельзя сбрасывать со счетов. Панславизм, расчленение Австро-Венгрии и русский стяг над Царьградом и Дарданеллами – вот та навязчивая идея, толкавшая Россию в пропасть.

Поражение России в будущей войне предвиделось многими политическими деятелями. Причины катастрофы лежали внутри России. Её режим не соответствовал требованию времени. Утверждения об экономическом росте и росте благосостояния населения однобоки. Мечты о промышленной России – Новой Америке, оказались бесплодны. Убогая финская Русь с колокольнями и богомольцами по мановению волшебной палки не могла приобрести современный лик. Новый Мессия – индустрия, была слишком молода, и раздираема социальными противоречиями. Не будем говорить о том, что чуть ли не 90% населения были неграмотны. Как известно франко-прусскую войну 1870 года выиграл немецкий учитель. Последний голод в дореволюционной России пал на 1911/1912 г.г., в разгар так называемых столыпинских реформ.

Русская армия в социальном плане была зеркалом России. Ожидать чуда было легкомысленно. Российский генералитет был сущим ничтожеством, по сравнению с германским. Если Сталин в телеграмме от 8 мая 1942 года к Мехлису утверждал, что в Ставке у него нет Гинденбурга, то он был прав на сто процентов. Но и в царской России генералитет был не лучше. Русско-японская война с очевидностью это доказала. Бездарная колониальная война. Ловушка, куда имперская Россия добровольно влезла, а дальше у неё выбора не было...

Генерал Дрейер описывает бездарных русских генералов в печально известном Августовском лесу. Потеряв управление войсками, сбившись в кучу и не желая вырваться из окружения, одиннадцать генералов трусливо ждали неминуемого плена, куда уже попали около 60 тысяч солдат, и было захвачено около 200 орудий.⁶⁹ Вышеупомянутый Гинденбург, несмотря на подавляющее превосходство русских войск: 240 тысяч против 540 тысяч, вытеснил их из Восточной Пруссии, уничтожив и захватив в плен чуть ли не половину войск противника...⁷⁰

Перед самой войной 10 июля 1914 года Брюсов писал:

*Бывало, клёкотом тревожа целый мир
И ясно озарён неугасимой славой,
С полуночной скалы взлетал в седой эфир
Орел двуглавый.*

.....
*Но с диким кобчиком, за лакомый кусок
Поспорив у моря, вступил он в бой без чести,
И, клюнутый в крыло, угрюм, уныл и строг,
Сел на насесте.*

*Пусть рана зажила, – всё помня о былом,
Он со скалы своей взлетать не смеет в доли,
Лишь подозрительно бросает взор кругом
Страшась крамолы.*

.....
*И сколько вокруг себя он разогнал друзей,
Посмевших перед ним свободно молвить слово:
Теперь его завет один: «Дави и бей
Все то, что ново!»*

*Бывало пестунов он выбирать умел,
Когда он замышлял опять полет гигантский,
Потемкин был при нем, Державин славу пел,
Служил Сперанский.*

*Но пустота теперь на северной скале;
Крыло орла висит, и взор орлиный смутен,
А служит птичником при стихнувшем орле
Теперь Распутин*

К месту или не к месту, выскажу свое мнение о российской государственной символике. Особый ужас у современной демократической интеллигенции вызвало возвращение музыки Александра Глинки в качестве гимна. На мой взгляд – это легкомысленно. Музыка Глинки, с явной привязанностью к царистской идее, несостоятельна. Но намного хуже возвращение в «строй» двуглавого орла. Никто не заметил, что в многонациональной стране, иметь старый византийский, и, в конечном итоге, православный символ, по крайней мере, близоруко. Возвращаясь к музыке Советского гимна, проще было бы вернуться и к символам: серпу и молоту – вполне невинным атрибутам созидательного труда, который нужен России. И, уже совсем не к месту, выскажу свою безусловную уверенность в возрождении государства от Карпат до Тихого океана, с Севера и до Юга. Восточноевропейская равнина исторически всегда была единым государственным целым: Гунны, Авары, Хазарский каганат, Киевская Русь, Золотая Орда, Московия, Императорская Россия, СССР. Образно выражаясь, уверен в появлении новой реинкарнации Ленина. Так будет...

Возвращаюсь к Первой Мировой войне.

Столкновение с немецкой дисциплинированной бронированной машиной (тогда любили выражение «бронированный кулак») было России не по силам. Прибегну к анализу немецкой мощи, сделанной генералом Брусиловым: «...я всю жизнь свою чувствовал и знал, что немецкое правительство и Гогенцолерны – непримиримейшие и сильнейшие враги моей родины и моего народа, они всегда хотели нас подчинить себе во что бы то ни стало; это и подтвердилось последней всемирной войной. Что бы ни расписывал в своих воспоминаниях Вильгельм II, но войну эту начали они, а не мы; все хорошо знают, какая ненависть была у них к нам, а не наоборот.

В этом отношении вполне понятна и моя нелюбовь к ним. Но я всегда говорил и заявляю это печатно: немецкий народ и его армия показали такой пример поразительной энергии, стойкости, силы патриотизма, храбрости, выдержки, дисциплины и умения умирать за свое отечество, что не преклониться перед ними я, как воин, не могу. Они дрались, как львы, против всего мира, и сила духа их поразительна. Немецкий солдат, следовательно – народ, достоин всеобщего уважения».⁷¹

Человек, близко видевший русского императора, русский генералитет и обладавший широкой информацией, с ужасом писал в своем дневнике от 5 февраля 1916 года: «Экономический корень нашей полной неустроенности еще покажет себя. Недалеко то время, когда вся Россия очутится без скота, мяса, масла, молока, без сапог, ремней, без тканей, угля, сахара, и ...хлеба, но разве это кого-нибудь около нашего идиота заботит...».⁷²

Неудобно указывать, но «наш идиот» – это Николай II. Это не случайная фраза, вырвавшаяся из под пера хронолога. Вот Алексеев со слезами на глазах и дрожью в голосе докладывает императору об ужасающих потерях армии: «...а идиот рассматривал в это время какую-то карикатуру и затем, как в ни в чём не бывало, стал спрашивать о всяком вздоре... "Ну, что же делать, – без потерь нельзя", утешал он начальника штаба, видя, как того крочит от царского внимания к павшим за его подлую шкуру».⁷³ Вообще, этот источник (*Лемке*) некоторые монархисты любят цитировать, особенно филиппики в адрес еврейского народа.

Вот несколько слов в адрес Михаила Константиновича Лемке (1872–1923). Родился будущий историк в дворянской семье. Отец окончил кадетский корпус, но рано вышел в отставку. Дед по материнской линии был адмиралом. А прадед, Александр Яковлевич Глотов – являлся морским писателем и изобретателем. Ему, кстати, принадлежит составление «Морского словаря». Лемке окончил 2-й кадетский корпус и Константиновское военное училище. Человек разносторонний: любил военное дело, театр, имел прекрасный голос – бас, хотел учиться музыке. Занимался философией. Сам он удивлялся, как из него не вышел разведчик или актёр. Он желал поступить в Академию Генерального штаба – блестяще сдал предварительные экзамены, однако кризис мировоззрения, приведший его в лагерь оппозиции круто меняет его

жизнь, и он выходит в отставку. Становится плодовитым литератором, статистиком, библиографом. Его имя широко становится известным в Европе, после очередного скандала с цензурой. Он сближается с кадетами, а затем с эсерами и наконец с социал-демократами, но меньшевиками, «как наиболее разумными». Известные работы того времени: «Очерки освободительного движения шестидесятых годов» (СПб, 1908); «Николаевские жандармы и литература. 1826/1855» (СПб, 1908).

В начале Мировой войны призвался в армию и в конечном итоге с 6 декабря 1915 по 26 апреля 1916 года работал в качестве переводчика в Бюро печати при штабе Верховного главнокомандующего. Награждался четырьмя орденами. При Временном правительстве работал в экспедиции Государственных бумаг и в этой же организации трудился при и Советском строе. Занимался изданием А.И. Герцена, а также множеством других трудов, из которых «250 дней в царской ставке» играет исключительную роль. Умер от рака оболочек головного мозга. Похоронен на Смоленском кладбище в Петрограде.⁷³ Но намного больше освещена в этом ценнейшем документе повседневная жизнь страны и неотвратимость катастрофы, убожество царя и его генералов, ничтожество православного воинства, полное непонимание верхами настоящего и нежелание прогнозировать будущее. «Сколько фальши и трусости в депешах царя!» – восклицает в одном месте штабс-капитан.⁷⁴

Одну из таких «фарисейских» телеграмм царя и не менее чудовищных ответов командующих фронтами приводит другой историк. Слабая техническая база, бездарность верховного командования и неумение низшего состава воевать приводила к дикому выводу: «В армиях прочно привился ...взгляд, а именно, что при слабости наших технических сил, мы должны пробивать себе путь преимущественно ценою человеческой крови. В результате, в то время, как у наших союзников размеры ежемесячных потерь их армий постепенно и неуклонно сокращаются, уменьшившись во Франции, по сравнению с начальными месяцами войны, почти вдвое, у нас они остаются неизменными и даже имеют склонность к увеличению».⁷⁵ Документ был разослан командующими фронтами. Ответы поступили страшные. Генерал Брусилов, командующий Юго-Западным фронтом: «Наименее понятным считаю пункт, в котором выражено пожелание бережливого расходования человеческого материала в боях.

Устроить наступление без потерь можно только на маневрах, ... но чтобы разгромить врага или отбиться от него, неминуемо потери будут, притом значительные». Ответ генерала Рузского, командующего Северо-Западным фронтом, мало разнится от Брусилковского – война требует жертв и «всякий нажим на начальников может привести к угасанию инициативы и порыва ... бережливость ... может привести лишь к очень невыгодным результатам». ⁷⁶

Что уж говорить о 28 миллионах погибших во второй бойне, под руководством сталинских воевод?

Череда поражений требовала изыскать козла отпущения. Могут уверить читателя, что расстрел генерала Павлова и других генералов в 1941 году ведёт свое начало с 1914 года. Козлом отпущения стал военный министр России – генерал-адъютант М.И. Сухомлинов. Генерал Лукомский спустя десятилетия писал о недоумении русского общества. С одной стороны, было вполне логично судить предателя и преступника по всей строгости закона, но допустить мысль о том, что военный министр своей родины, один из лучших офицеров русского генштаба, георгиевский кавалер оказался предателем – было выше понимания. Ясно, что многие считали суд над Сухомлиновым позором для всей России. ⁷⁷ Война окончилась, архивы открыты и правда торжествует с большим опозданием: Сухомлинов невиновен. Как бы ни были серьёзны подозрения в шпионаже отдельных лиц, для психологии толпы они не могли заменить обычную пятую колонну. Поначалу это были немцы. В Петрограде начался немецкий погром. Случай из эпохи отнюдь не китайской культурной революции, не атаки персами русского посольства при Грибоедове и не американского в наши дни. Православный люд штурмовал немецкое посольство в центре столицы на Исаакиевской площади. И среди них был будущий Первый поэт Советской России, автор поэмы «Облако в штанах». Немцы, в течение столетий населяющие империю, прибывшие по приглашению царей и императриц, находились в таком же положении, как немцы Поволжья спустя четверть века. Немецкие колонии депортировались на Восток. Я, кажется, отнимаю кусок у завзятых антисоветчиков. Поверьте: Советская власть вечная. Она была при Иванах Грозных – она есть и будет! Многие немцы столь обрусели, что кроме фамилии ничего немецкого у них не осталось. И стали приниматься новые имена. Даже герцога А.П. Ольденбургского – прозвали Ольденгородским! ⁷⁸

А обер-прокурор Св. Синода В.К. Саблер получил разрешение носить фамилию жены и стал Десятовским. Русский генерал Цёге фон Мантейфель принял фамилию Николаев.⁷⁹ Первой жертвой германофобии стало название столицы. Пресный Петроград заменил отнюдь не немецкое, а голландское прозвание города. Чудовищная глупость осуждается в стихотворении Зинаидой Гиппиус, написанном 14 декабря 1914 году:

*Кто посягнул на детище Петрово?
Кто совершенное деянье рук,
Смел оскорбить, отняв хотя бы слово,
Смел изменить хотя б единый звук?
Не мы, не мы...Растерянная челядь,
Что, властвуя, сама боится нас!
Все мечутся, да чьи-то ризы делят
И все дрожат за свой последний час.*

В своем дневнике злая Зинаида Николаевна не преминула заметить, что воздвигается некий Николоград., т.е. заведомая глупость, исходящая с самого верха. Тот же граф Игнатъев писал, что он не мог примириться «с переименованием Петербурга» в Петроград. (Ну и словцо – переименование...)

Глупость продолжает существовать до наших дней. Я, например, теперь с иронией говорю, что пережил Санкт-петербургскую блокаду. Воистину, глупость, в отличие от мамонтов, не вымирает.

Особо жестокие анти-немецкие погромы были в первопрестольной. В отличие от Питера, где все произошло в самом начале, погромы в Москве возникли в самый разгар войны в мае 1915 года. Осведомлённый Владимир Федорович Джунковский, в то время товарищ министра внутренних дел и командир отд. корпуса жандармов, считал, что это было попустительством главного начальника Московского военного округа и главного начальника г. Москвы Ф.Ф.Юсупова. Видимо лавры генерал-губернатора Ростопчина времён Отечественной войны 1812 года не давали покоя. По словам Джунковского, в самом начале разгром имел определенную программу и носил организованный характер. У меня это вызвало ассоциации с «Хрустальной ночью» в Германии. Но в Германии погром носил действительно государственный налёт: ибо ущерб заранее рассчитали до копейки, и были разгромлены

именно магазины и предприятия, принадлежащие евреям. Грабёж, в общем, не допускался – в конце концов добро должно было достаться фатерланду. Ни армия, ни полиция, не принимали участие в беспорядках. Не то было на православной Руси. Громили и, конечно, грабили немецкие магазины и фабрики, но и не только.

Награбленное не только выносилось, но вывозилось на подводах и никто не останавливал мародеров. Под предлогом борьбы с немецким шпионажем, арестовывали совсем невинных людей, вроде известного общественного деятеля, председателя Общества фабрикантов и заводчиков Московского района Юлия Петровича Гужона. Его не только арестовали, но и произвели обыск. И это француза по крови и германофоба. Арестовали его в Петербурге и освободили лишь после вмешательства французского посольства. Джунковский утверждает, что Гужон был освобождён лично им после беседы с начальником Генерального Штаба, печально известным Янушкевичем, и Главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем.⁸⁰ Вместе с тем в Москве под предлогом борьбы с немецким засильем убивали не только немцев, но и евреев, русских и людей другой национальности. Так на фабрике Цинделя убили управляющего Карлсена, как видно из фамилии скандинава. Толпа, избив его, бросила в реку, а когда он пытался выплыть, его добила до смерти. Причём чернь дважды надругалась над телом, отбив его у полиции и кинув в воду. На фабрике Жиро, принадлежавшей французской фирме, толпа разгромила помещение. На фабрике Шредера чернь начала избивать сына владельца; полицмейстеру с помощью городских удалось его спасти, но толпа хлынула внутрь фабрики и убила четырёх русских женщин, якобы приняв их за немок, а трупы бросила в воду. 28 мая весьма организованная толпа стала громить центр Москвы, начав с магазинов, принадлежащих немцам. К вечеру к грабежу присоединились «нижние чины». Ужасающее впечатление произвел разгром магазина и склада музыкальных инструментов на Кузнецком мосту. Улица была загромождена изувеченными роялями, которые выбрасывались из окон.⁸¹

Остается один шаг до того момента, когда будут грабить и поджигать дворянские усадьбы с атрибутами культуры и ставить в сараи рояли: «У меня в деревне библиотеку сожгли» – писал А. Блок,

«Недаром чумазный сброд / Играл по дворам на роялях / Коровам тамбовский фокстрот» – рифмовал С.Есенин). Но было и другое.

Мария Добровейн, жена пианиста Исаяи Добровейна, описала погром июня 1915 года в имении Липовка и в знаменитом имении Архангельское, принадлежащем семейству родителей повествовательницы, вполне обрусевших немцев – богачам Вогау и Маркам. Из соседнего села пришёл крестьянин и предупредил семью, чтобы они уехали срочно в Москву, ибо крестьяне придут грабить. На вопрос недоуменной хозяйки, утверждавшей, что у них прекрасные отношения с соседями, и они их никогда не обижали, наивный осведомитель объяснил крестьянскую философию погрома: «В том-то и дело, и поэтому-то и надо нам прийти, а то придут чужие из Москвы, и будут пользоваться всем добром, а уж раз кому-то должно достаться, так в первую очередь нам, соседям». Так оно и произошло... Жизнь семьи надломилась.⁸²

Кажется, можно не продолжать... Есть и ещё одна деталь. Умный Джунковский, «идейно» осуждавший погромы, одобряет толпу, совершившую злодеяние: «Мы были с ними *(немцами – С.Д.)* слишком добры. Я – на стороне наших рабочих. Их терпение лопнуло. Сейчас я проезжал по улицам Москвы. Я видел народ, который шел по улицам Москвы. ...Они идут с весёлыми лицами».⁸³

Несложно заметить общность этих взглядов с мнением Александра III, высказанным Варшавскому генерал-губернатору И.В. Гурко: «В глубине души я всегда рад, когда бьют евреев. И всё-таки не надо допускать это». Не следует сомневаться в истине этих слов. Если факт не вписывается в ложную концепцию – его дезавуируют. Точный Петр Андреевич Зайончковский *(предполагаю, что в душе оставшийся монархистом: будучи 16 летним подростком он плакал, когда красные разбили Деникина под Орлом)* в сноске дает источник: «ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9122, ЛII б.54. Дневниковая запись от 21 января 1891 г., л.8».⁸⁴

Отмечу такую милую деталь: при разгроме и расхищении магазинов сластей, владельцы которых Эйнем и Динге, возможно, и не были немцами, дело вдруг приостановилось: распространился слух о том, что конфеты отравлены. Психология толпы, верящей каждому вздорному измышлению. А затем раздавались голоса, что и полицейские и нижние армейские чины также приняли участие в разбое.

Есть ещё обывательское воспоминание художника Василия Петровича Комарденкова о немецких погромах в Москве. Он был совсем юным учеником Строгановского училища. Память его обострена пережитой трагедией: «1914 год. Война объявлена. Всюду патриотические манифестации... в центре города толпа монархистов и черносотенцев из "Союза Михаила Архангела" под пение "Боже, царя храни" несут портреты Николая II и иконы.

Начались немецкие погромы. Полиция и конные жандармы спокойно наблюдали, не мешая. Особенно бушевала толпа на Кузнецком мосту... Громят "Шварца" – магазин медицинских инструментов, бьются витрины, летят операционные столы, сыплются никелированные предметы, и так на всех этажах. Напротив оптика – Миллер – всё бьётся и топчется. Но вдруг раздаются какие-то странные звуки, все гремит, грохочет – это громят музыкальный магазин Циммермана. Здесь особенно много народу, звуки исходят от сбрасываемых со второго этажа роялей и пианино. Рояли подкатывали к окну, сталкивали, и они летели вниз. На мостовой громоздилась груда полированного черного дерева.

Но вот на Кузнецкой мост с Лубянки вливается новый поток – это с Первой Мещанской, где громили погреба. Там было много жертв. В подвалах разбивали бочки с вином, и многочисленные любители спиртного лезли в подвалы, давя упившихся и захлебнувшихся в вине. Вино доходило до колен, некоторые ухитрились зачерпнуть ведро и вытащить на улицу, где его распивали. Тащили и бутылки....» Далее символическое «действие», предчувствие национальной беды: «Кто-то из хмельной компании поджёт второй этаж магазина Циммермана. Начался пожар, а толпа продолжала свои "патриотические дела". Во дворе помещалась фирма "Гринбаум" – похоронные принадлежности. Гробы разбивались во дворе, их куда-то тащили по улице. Пахло карболкой от разбрасываемых саванов и гробовых подушек. В толпе пьяные и охрипшие голоса пели "Боже, царя храни" и "Славься ты, славься, наш русский царь". ...Так "верноподданные" отметили первые дни войны».⁸⁵

Комарденков был талантливым театральным художником, оттого им были прекрасно выписаны «декорации» национального безумия. Те же самые люди, что пели гимн царю и занимались разбоем и грабежом, в 1917 году в последующие годы также пели революционные гимны или контрреволюционные песни, но с тем же

рвением занимались погромами: евреев, буржуа, помещиков, своих же собственных крестьян. Надо отдать должное Комарденкову, который сумел протолкнуть в печать то, что приведено выше. И сделал это мастерски, обведя цензуру вокруг пальца. Кто-то из ярых антисоветчиков горько причитал над разбитием и распитием винных погребов Зимнего дворца. Попричитайте и о московских погребах 14-го года.

Что же касается еврейства – то среди так называемых немецких фамилий – почти наверняка скрывались крещёные и некрещёные евреи: Циммерманы, Шварцы, Гринбаумы и т.д.

Еврейское население и еврейских солдат с самого начала войны обвиняли в пособничестве немцам. При этом фантазия толпы была неисчерпаема. Обвинения были следующие: евреи устанавливают связь с неприятелем посредством подземных телефонов и аэропланов, снабжают врага золотом и съестными припасами. Примитив мышления сочетался с болезненным воображением. Так по одной версии, евреи привязывали золото под гусиные крылья и учёные птицы долетали до противника. Опять-таки, по другой версии, но опять связанной с любимой пищей евреев – курицей, то же золото вывозилось во внутренностях битой птицы!⁸⁶

Участие в травле принимали и священнослужители. Так, в Волынской губернии некий священник с амвона вещал, что евреи шпионят, приспособив живот коровы для телефонной связи с неприятелем! В Вильно 14 августа 1915 года был окружён среди бела дня еврейский дом и обыскан снизу доверху в поисках пресловутого подземного телефона. 16 сентября 1915 года в бою под Рафаиловкой (Луцкий уезд) загорелось несколько еврейских домов – комендант объявил, что этим способом «жиды» сигнализируют австрийцам. Это, так сказать, народное творчество. Сверху же, скажем, поступал приказ командующего бригадой генерал-лейтенанта Ждановича, разосланный по частям, где предлагалось приняться за «искоренение жидовского зла в русской армии, заражающего и русского солдата».⁸⁷ Оказывается, Жданович опасался, что после войны евреи потребуют равноправия. И эти, и подобные приказы писались в то время как в газетах шли столбцы тысяч фамилий евреев, погибших на фронтах «Новой Отечественной».

Этот приказ на уровне корпусного командира, не особенно удачливого на полях сражений...

А вот выписка из циркуляра министерства финансов, разосланная по предложению министерства внутренних дел «чинам» своего ведомства, содержащая заведомую ложь и возбуждавшая против евреев почти всё население России, и в первую очередь крестьянство. Циркуляр гласил, что по полученным в департаменте полиции «непроверенным» сведениям, германцы, «с целью подорвать благосостояние крестьянского населения России», намереваются с помощью машин выжигать хлеб на корню и в этом деле принимают участие русские немцы и «привлеченные к этому делу путем подкупа евреи». Министерство финансов предложило ознакомить с циркуляром лиц волостной и сельской администрации, «хотя означенные сведения не проверены, и возможно, что являются не вполне достоверными».⁸⁸ Для меня именно этот циркуляр загадка. Министром финансов России в это время был вполне нормальный человек, «европеец», сотрудник Витте и Коковцева – Петр Львович Барк. Как он мог согласиться на распространение такого бреда, мне непонятно. Разве что, под сильнейшим давлением МВД. В общем, к чести русской православной церкви, Синод, в отличие, скажем, от войны 1806 года не выступал с крокодиловыми заявлениями в адрес евреев. Тогда Св. Синод писал, что французский император стремится: «соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли и устремить их на ниспровержение церкви Христовой и *(о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!)* на провозглашение Мессии в лице Наполеона».⁸⁹ Отголосок этой глупости в новейших условиях заключался в том, что по народной молве, евреи в синагогах вместо молитв за царствующий дом молятся во здравие кайзера.

Но даже такой одиозный журнал как «Часовой» отметил, что среди евреев были многие честно исполнившие свой долг российских граждан, храбро сражавшихся в рядах армии. В качестве примера, автор Л. Барат, ссылается на воспоминания генерал-майора Викентия Иванова, бывшего командира 2-й роты 81 Апшеронского полка Великого Князя Георгия Михайловича, позже ставшего командиром этого знаменитого полка. *(Апшеронцы носили сапоги с красными отворотами, в память кровавых сражений прошлого, когда они вели бой «по щиколотку в крови»)*. В 1914 году в тяжёлом бою под Суходолами Иванов увидел следующее: «В это время я увидел ротного барабанщика еврея Кунсберга, у которого в начале

боя на моих глазах был прострелен барабан, и поэтому я приказал ему бросить его и быть при роте санитаром, на четвереньках продвигающегося в цепи.

– Ложись, что ты обалдел что-ли, – крикнул я на него,

– А патроны Ваше Выс-ие, солдатам же нужны. Я собираю с убитых и раненых и разбрасываю живым – ответил мне барабанщик и показал мне свою фуражку, действительно полную патронов.

– Молодчага, Кунсберг! – крикнул я. – Получишь медаль за храбрость.

И Кунсберг пополз дальше по цепи, собирая патроны с убитых и раненых и раздавая солдатам. После он, по моему представлению, получил медаль за храбрость в бою». Баратов заканчивает рассказ, не только тем, что подчеркивает немалое количество евреев, плавивших России верностью и «даже жизнью», но, к сожалению, и другой стороной, наличием врагов-евреев императорской власти. Почему-то в качестве примера приводится биография генерала М.В. Грулева, о котором мы писали в предыдущих книгах. Баратов возмущён тем, что в воспоминаниях генерала-еврея, одно время исполнявшего должность военного министра в 1909 году, не нашлось единого доброго слова в адрес Государя, Семьи и Армии. Более того, Грулев упрекается, что издавая свои мемуары, пожертвовал чистый доход в пользу сионизма, в «Керен кайемент ле Исрозль» (организация, собирающая средства на озеленение Палестины), а не передал средства нуждающимся сослуживцам-офицерам-инвалидам Первой Мировой и Гражданской Войн, бедствующим в эмиграции.⁹⁰ Немного остановимся на словах Баратова, несколько выше утверждавшего, что всевозможные сепаратисты обвиняли русскую колониальную экспансию и отказывались признавать факт, что «русское государство возникло сразу как многонациональное, и в нем не было господствующей нации».⁹¹ В качестве комментария, я могу сослаться на страшный пример вероисповедального неравенства. Генерал Грулев, будучи членом правления «Общества Повсеместной помощи больным и раненым воинам», участвовал в одном благотворительном базаре, где устроители «демонстрировали выдающихся раненых». На одних носилках оказался еврей-калека, однополчанин генерала, который, узнав командира, разрыдался. Когда его успокоили, то выяснили причину нервного срыва: он еврей, единственный сын матери-вдовы, которая приехала из Седлецкой губернии, чтобы увидеть искалеченного сына, которого считала давно погибшим.

И эту несчастную мать выслали из Петербурга накануне, как не имеющую право жительства – ей не позволили хоть неделю побыть с сыном. Глядя на плачущего солдата, расплакалась находящаяся при нем фрейлина Ильина, требуя, чтобы Грулев чем-то помог несчастному. Но и у генерала не выдержали нервы, и он, боясь разрыдаться, бежал с этого «торжествующего праздника... мерзости и людской несправедливости».⁹²

Статья Баратова имеет сопроводительную заметку редактора «Часового» В.В. Орехова, анализирующего в основном польскую и еврейскую проблемы. По поводу евреев, Орехов утверждает, что в России шло всё к благополучному разрешению этой проблемы. При этом ссылается на Столыпина, подготовившего проект уравнивания в правах евреев и, «кстати», убитого евреем. Орехов забывает добавить, что император Николай II категорически отверг проект Совета Министров о равноправии евреев, о чем я писал. По словам Орехова, культурные и разумные евреи понимали действия правительства, но «еврейские проходимцы в ненависти своей к России, решили сами захватить власть в истерзанной нашей стране и все эти свердловы, троцкие-бронштейны, каменевы-розенфельды, зинovieвцы-апфельбаумы, стекловы-нахамкесы, литвиновы-финкельштейны и прочие, добились того, что сейчас в России еврейский вопрос обострился до чрезвычайности...».⁹³ Кажется, слова бывшего офицера были использованы совсем недавно в художественной литературе...

Орехов упоминает еврея – убийцу Столыпина. Как известно, это был Дмитрий Багров. Небезынтересно знать, что родной брат убийцы, д-р Ю. Багров, дважды контуженный и раненый, но вернувшийся в строй, был удостоен Анненского оружия с надписью «за храбрость», представлен к орденам: св. Станислава 3-й степени, св. Анны 3-й степени и св. Станислава 2-й степени с мечами.⁹⁴ Приводится также фотография д-ра Багрова – молодого красивого человека, в офицерских погонах, с именовым оружием. А в этой же заметке сообщается о героической гибели на австрийском фронте полковника М.В. Лурье, происходящего из евреев, вероятно, выкреста.

В журнале «Часовой», кстати, одном из любимых чтив известного современного писателя, рассказывается о подлейшем поведении евреев г. Вильно, которые с восторгом встречали в сентябре 1915

года входившие германские войска. Это произошло сразу, лишь последние отряды казаков покидали город. Автор статьи, с одиозной фамилией Евреинов, задает риторический вопрос, почему евреи, которых в Вильно никто не преследовал, приветствуют немецкую оккупацию? Ведь виленские евреи все же были русскими подданными и правительство на такие вопиющие факты не могло закрыть глаза.⁹⁵ Действительно, почему?

Вильно везло на генерал-губернаторов – в XIX веке был известный либерал В.И. Назимов, в начале XX века – Д.Н. Любимов, который гордился тем, что в его губернаторство не было погромов. Виленские евреи отблагодарили Россию гением – её первым скульптором Марком Антокольским. А неблагодарность евреев не при чём. Русские войска при отступлении грабили, насилывали и убивали. Приводились примеры – казаки повсюду зверствовали. Кроме убийств и грабежей, изнасилование женщин стало обычным; где-то обесчестили чуть ли не всех евреек местечка... В селе Лемешкевичи близ Пинска, в йом кипур (Судный день) и следующие дни были ограблены казаками все евреи и изнасилованы все еврейки. Автор воспоминаний записывает в свой дневник: «Много начитался таких актов, но сейчас не мог удержаться от рыданий».⁹⁶ У Дубнова крик души вырывается, когда он говорит о союзниках, распинающихся о высоких освободительных идеалах (Асквит) и закрывающих глаза на то, что восточный союзник делает с шестимиллионным еврейским населением, хуже, чем турки с армянами и немцы с бельгийцами.⁹⁷ Последнее было не совсем так. Союзники конфиденциально предлагали Николаю II кардинально изменить политику в отношении евреев, даже исходя из корыстных соображений: скорейшего вступления США в войну, что, несомненно, облегчило бы положение России. К сожалению, эти контрмарши успеха не имели. Об одном случае рассказывает Лемке. Из Лондона прибыла в Варшаву делегация «Дар Англии Польше» во главе со знаменитой русской актрисой Л.Б. Яворской. Делегация состояла в большинстве из евреев и имела негласной целью выяснить насилия и несправедливости, «чинимые русской армией, администрацией и польским обществом над еврейским населением края».

Начальник штаба генерал Алексеев начертал следующее: «Помоему, такому человеку не следовало бы быть в районе армии... Деятельность Яворской была вполне враждебной России и армии. ...Тенденция, пропитавшая насквозь всю деятельность Яворской, рисует вред её пребывания в районе действий». Вследствие этой резолюции, делегация не была допущена в польские районы, не занятые немцами. Лемке комментирует: «Что-то я начинаю сомневаться в уме Алексеева».⁹⁸ Яворская, урождённая Гюббенет, племянница бывшего министра путей сообщения, одарённая актриса и жена писателя князя В.В. Барятинского, активно участвовала в срыве постановки антисемитской пьесы «Контрабандисты» в театре Суворина. На следующей странице полковник лейб-гвардии Семеновского полка С.И. Назимов рассказывает о казачьих грабежах и жалуется на казаков за нерадивую службу: они по обыкновению ввали начальству о произведенной разведке, донося, что всё обстоит благополучно, а к вечеру пришлось все это благополучие бросить и стремительно удирать. На всём протяжении своего дневника Михаил Константинович Лемке приводит ужасающие факты насилий, выписанные из приказов по армии и по фронтам: «...в ряде приказов по армиям видны положительно бесчисленные указания на мародеров, грабителей, воров, поджигателей, насильников женщин и девочек...».⁹⁹

А теперь несложно вернуться к несчастным евреям, приветствующим немцев-освободителей от разнузданного погрома русской армии и, в первую очередь, казаков. Пусть современники, родом с Дона, перечитают Шолохова, а именно то место, где православное воинство скопом насилует женщину... Так же и в годы Гражданской войны встречали евреи Красную армию как освободительницу от погромов самостийников и белогвардейцев с поляками. У кого есть капля совести – разве тот сможет бросить упрёк несчастным евреям... *(Обычно, при описании Гражданской войны, «стесняются» говорить о зверствах «европейцев-поляков»). Слово свидетелю: «Житомирский погром, устроенный поляками...*

*...поляки вошли в город на три дня, еврейский погром, резали бороды, это обычно, собрали на рынке 45 евреев, отвели в помещение скотобойни, истязания, резали языки, вопли на всю площадь. Подожгли шесть домов..., кто спасал – из пулеметов».*¹⁰⁰

Неслучайно лагеря смерти были построены немцами на территории Польши. Среди объяснений – это особая любовь «оплота» католической церкви на Востоке – поляков...)

Чтобы понять отношение царского правительства к евреям, достаточно привести выписку из следующего документа, относящегося к самым последним дням самодержавия: «Состоящий в распоряжении Главнокомандующего Армиями Юго-Западного фронта. Полковник Герцог Лейхтенбергский. 24 февраля 1917 года. №32.

Доклад Главнокомандующему Армиями Юго-Западного Фронта.

Из приложенных к сему трёх доносов наиболее серьёзным казался тот, который касался старшего врача 1-го Эвакуационного Госпиталя Юго-Западного Комитета доктора Мяснеева. Однако, по наведённым мною справкам при помощи уполномоченного Красного Креста по эвакуации города Киева Л.И. Михайлова, сведения получились для доктора Мяснеева весьма благоприятны. Охарактеризован он был, как человек правых убеждений, честный и энергичный.

При проверке обвинений против него на месте в Госпитале и в Комитете, оказалось следующее: подписанные под доносом фамилии – вымышленны и учителей с такими фамилиями в Госпитале нет и не было; врач Вольф Евсеевич Мандельберг в госпитале был, но с ноября месяца 1915 г. откомандирован в Дармию, на Румынский фронт, что подтверждается справкой сыскного отделения; был санитаром не Каплан, а некий Капник, который вместе с 30 другими евреями откомандирован в 1915 году. Из 16 врачей – евреев и евреек – 4; к 1 апреля часть сестёр милосердия из евреев уйдут; таким образом очищение от еврейского элемента против которого Мяснеев всегда боролся, будет доведено до наиболее возможного состояния; совсем без евреев в настоящее время обойтись в медицинском деле невозможно. В общем же итоге число евреев в Комитете не превышает нормы.¹⁰¹

Бройде, инженер, строивший санитарные здания на территории бывшей выставки в Киеве, никогда санитаром при Первом Эвакуационном Госпитале не числился. При этом доктор Мяснеев заметил, что по имеющимся у него сведениям, откомандированные от госпиталя санитары евреи благополучно продолжают оставаться в запасных батальонах и на фронт не отправляются, подобно таковым же, откомандированным от других учебных заведений. Установить, выкrest ли из евреев бухгалтер Михайлов, оказалось невозможным; по наружному виду он рыжеволосый и похож не то на ярославского лабазника, не то на еврея. Служит он в Комитете с июня месяца 1916 года. Ни одно лицо

не принимается на службу в Комитет без утверждения Уполномоченного Комитета Александра Алексеевича Юрьева, известного всем юдофоба. Наличие еврейского элемента объясняется трудностью в настоящее время найти русских служащих, предъявляющих, кроме того, неизменно более высокое требование, чем евреи; в частности же Михайлов утверждает, что в бухгалтерии евреи, к сожалению, аккуратнее и работоспособнее русских..

Приложение...

подпись. Полковник Герцог Лейхтенбергский.

Из второго документа предлагаю избранные пункты этой кафианской переписки:

2) Герцогу Георгию Николаевичу Лейхтенбергскому. На предложенные мне вопросы имею честь сообщить нижеследующее...

4) с июня 1916 г. по настоящее время лица еврейской национальности с просьбой о зачислении их в службу ко мне почти не обращались.

5) Знающих бухгалтеров и счетоводов – русских – получить очень трудно.

6) Зачисление на службу в Земский Союз в качестве бухгалтеров и счетоводов права на освобождение от воинской службы не дает...

7) Все выдачи из кассы проходят через контроль, во главе коего стоят исключительно люди русской национальности...

10) Кроме отдела бухгалтерии, заведую Отделом Приемки Товаров. Среди служащих этого Отдела – евреев (по национальности и по вероисповеданию) не было и нет. При этом прилагается список служащих..

Уполномоченный Всероссийского Земского Союза А.Юрьев.

В списке Главной бухгалтерии Комитета «Юго-Западного Фронта» 93 человека, среди них «жидів» – 19. (запись сделана по-украински)

Далее в пояснительной записке о служащих Отдела Бухгалтерии следующие выкладки, по состоянию на 24 февраля 1916 года: русских – 30 человек или почти 48%, поляков – 14 или 22%, евреев – 18 человек или около 29%, латышей – 1 человек или около 1%!

Другой документ – копия с копии отправлена генералу Сергеевскому, исполняющему должность помощника Главного Начальника Снабжения Армий Юго-Западного Фронта в ответ на телеграмму от 10 октября 1915 года. Копия отправлена 23/1/1916, как можно судить о наличии «лиц иудейского вероисповедания с необходимыми сведениями». В списке Комитета всего 10863 человека, из коих иудаистов насчитывается 706, что составляет 6,5%.

Но этого мало: идёт разбор членов Комитета по отделам по принципу поиска иудейского вероисповедования. В Отделе Автомобильной тяги при количестве 1030 человек, из них евреев всего-навсего трое, то есть они составляют 0,3%! В Главной Бухгалтерии на 44 работника, также трое иудаистов, что составляет целых 7%. В Заводском Отделе на 35 душ – всего двое евреев, что составляет 6%. Умиляет Окопный отдел, в котором работают две тысячи человек, а евреев всего-навсего 24 или 1, 2%. В Кожевенном Отделе на те же 2000 уже 30 человек или 1,5%.

Больше всего евреев, и это естественно, в Медико-Санитарном Отделе: из 2686 человек, иудейского вероисповедания 458 или 17%. Можно предположить, что в Отделе Солдатских лавок иудаистов должно быть много: есть где погреть руки, но увы, среди 210 человек, иудейского вероисповедания всего 10 или 4%. Зато среди евреев много лошадников, а именно: в Отделе Сохранения и Эксплуатации лошадей среди 34 сотрудников, иудейское вероисповедание обнаружено у восьми, т.е. почти четверть – 23,5%. В Управлении делами Комитета число иудеев тоже внушительно: из 33 чел. – 9 или 27%. Зато в Строительно-Гидравлическом Отделе среди 220 работников ни одного искомого не нашлось. Нет евреев и в таком прибыльном деле как Отделе Закупки скота и сена: из 80 – 0! И в Ревизионную Комиссию иудаисты не принимались. Но опять-таки в Отделе Финансово- Статистического учета без оных не обошлись: из 100 работников целых 10 исповедуют Старую веру, т.е.10%. В Складочно-Заготовительном отделе из 550, 17 искомых или 3%. Есть такой загадочный Отдел – «Этапов», что под ним подразумевается, мне неясно. Работало там 269 душ, из коих иудейского вероисповедания 9, или 3,3%. Отдел Личного Состава состоял из 48 чел., из них всего 6 евреев, целых 12,5%. В Отделе чрезвычайно важном для еврейского населения, а именно Отделе Помощи Населению, пострадавшему от войны, всего работало 680 человек, из них еврейского вероисповедания 72 или почти 10,7%. В не менее таинственном Отделе Передовых Отрядов из 440 душ, иудеев было 23 или 5%. В «лакомой» Закупочной Комиссии числилось всего 84 души, из них 9 иудеев, т.е. почти 10,8%. В Отделе Механических Мастерских из 201 человека – евреев было 7, т.е. 3,5%.

И, наконец, в Отделе Известий работало 51 человек, из которых всего 4 еврея, т.е. 8%.¹⁰²

Вышеприведенные документы представляют несомненный интерес, в первую очередь, как разрушающие миф о возможном решении еврейского вопроса. Даже после того, как черта оседлости рухнула, линия фронта неумолимо сдвигалась на восток, при несомненном недостатке добротного человеческого материала, в армии и в организациях, обслуживающих её, неукоснительно соблюдалась процентная норма. Более того, из текста явствует, что вводился и расовый порядок приема на соответствующую должность.

Уморительно читать, что установить арийское происхождение бухгалтера Михайлова невозможно, ибо он с виду похож на рыжеволосого ярославского лабазника (расторопный ярославский мужик) или на еврея!? И вся эта кафкианская или орвелловская переписка идет за подписью члена царствующей семьи герцога Лейхтенбергского (*Он был внуком императора Николая II и правнуком пасынка Наполеона принца Евгения Богарне, носившим титул императорского высочества; в начале войны он состоял для поручений при генерале Жилинском, тогда командующем Северо-Западным фронтом*). Переписка шла на имя командующего Юго-Западным фронтом, словно не имеющего других дел, кроме как установление процента евреев, с точностью до трети человека или даже поиска биологического еврея. Можно с уверенностью сказать, что власть предержавшие и не думали мириться с решением еврейского вопроса.

Некоторые любят цитировать воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота о Георгия Шавельского, касающиеся еврейского вопроса в годы Мировой войны. Для того, чтобы смягчить тяжелые слова протопресвитера, даже ссылаются на его еврейское происхождение. Отец Георгий был сыном дьячка села Дубокрай Витебской губернии и действительно, как писал осведомленный М. Лемке: «по виду совершенный еврей, отдаленно и есть его потомок. Все относятся к нему с большим внешним почтением».¹⁰³ В других случаях пишут о Шавельском со скрытой неприязнью и, в первую очередь, это связано с его участием в отречении царя, говоря о его тёмном происхождении или даже масонском прошлом. Друзья Лемке советовали быть чрезвычайно внимательным и осторожным со священником, ибо он пользовался

покровительством и великого князя Николая Николаевича и других великих князей, и даже самого царя.

Осведомленный генерал А.А. Самойло считал, что «святой отец производил впечатление человека хитрого и ловкого». ¹⁰⁴ Довольно сочувственно о Шавельском отзывался «советский граф» Игнатъев, описавший, как во время русско-японской войны молодой священник 35-го стрелкового Восточно-Сибирского полка попал впросак, согласившись обвенчать в полковой церкви даму полусвета с графом Стенбок-Фермором. ¹⁰⁵ Следует сказать, что отец Григорий был высокоодаренным человеком и в эмиграции занял должность профессора Богословского факультета Софийского университета. Он пережил Вторую мировую войну, дождался мести «тевтонам» и умер 2 октября 1951 года в Болгарии, в своей постели.

«Особняком стоял по своему положению протопресвитер военного духовенства о. Георгий Шавельский. Редко когда можно было встретить среди иерархов церкви столь пронизательного, мудрого и обаятельного по своим высоким качествам человека. Прекрасно осведомленный о состоянии чувств и настроений народа благодаря обширной сети священников армии, куда вливались люди всех классов общества, он внимательно следил за развитием общественных настроений, отдавал себе ясный отчет в крупных недостатках верховного управления государством, глубоко скорбел об этом душой и с тревогой взирал на будущее. Решительный противник Распутина и его приспешников, он мужественно предупреждал Государя об опасностях, грозивших России в связи с разлагающим влиянием на правительство «тёмных сил». Как вследствие своих высоких умственных и душевных качеств, так и вследствие возвышенного патриотизма о. Георгий имел большое влияние на великого князя, которому он был чрезвычайно предан, видя в нем спасителя России. Влияние это усугублялось тем, что великий князь был глубоко верующим и видел в о. Георгии выдающегося духовного пастыря. Таким образом, в деятельности великого князя по ведению войны и в его заботах о благе России два лица занимали место в непосредственной его близости и могли иметь на него влияние; эти лица были: генерал Ю. Н. Данилов и о. Георгий». *(Браво! Вот тебе и выкрест отец Шавельский – С.Д.)*

«Значительно более искушенные во внутренней политике, чем генерал Алексеев, государственные деятели не могли добиться отстранения и высылки Распутина, и возможно, возвращения Великого князя Николая Николаевича на пост Верховного главнокомандующего. Специально с этой целью в Ставку приезжал член Государственного Совета, знаменитый племянник генерал-губернатора Туркестана Кауфмана-Туркестанского, пользовавшегося особым расположением покойного государя Александра III. Зная, как почитал Государь память своего отца и ценил его бывших сотрудников, мы в Ставке возлагали на Кауфмана-Туркестанского большие надежды; однако он, после продолжительного и крайне драматического, но безрезультатного, разговора с Государем, уехал из Ставки совсем расстроенный и даже больной. Несмотря на искреннюю религиозность Государя, не повлияло на него ни замечательное и глубоко проникновенное красноречие о. Георгия Шавельского, который был близко знаком с духовным обликом русского общества и народа и который – по своей пастырской должности – неоднократно и настойчиво предупреждал Государя о грозящей ему и России опасности. Говорили с Государем об этом и его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна, и многие великие князья, между коими особой решительностью отличался великий князь, молодой и пылкий, Дмитрий Павлович, принявший впоследствии, во имя спасения России, участие в ликвидации Распутина... Но всё было напрасно. Государь не внял голосу разума, и никто не смог его убедить». *(Да, дурак, есть дурак. Собственно человек не на своём месте. – С.Д.)*

В мемуарах о. Шавельский пишет о еврейском вопросе, и именно с этого места, думаю, следует начать цитирование, ибо оно недвусмысленно говорит о «козле отпущения», о поиске виновных в страшных поражениях русской армии. Цитирование должно быть полным и без пропусков, ибо тогда не искажается основная мысль автора: «Если в постигших нас неудачах фронт обвинял Ставку и военного министра, Ставка – военного министра и фронт, военный министр валил всё на великого князя, то все эти обвинители, бывшие одновременно и обвиняемыми, указывали еще одного виновного, в осуждении которого они проявили завидное единодушие: таким «виноватым» были евреи. *(В слове «виноватым» кавычки проставлены самим протопресвитером. – С.Д.)*

С первых дней войны на фронте начали усиленно говорить о евреях, что евреи-солдаты трусы и дезертиры, евреи-жители – шпионы и предатели. Рассказывалось множество примеров, как евреи-солдаты перебежали к неприятелю, или удирали с фронта; как мирные жители-евреи сигнализировали неприятелю, при наступлениях противника выдавали задержанных солдат, офицеров и пр. и пр.

Чем дальше шло время и чем более ухудшались наши дела, тем более усиливались ненависть и озлобление против евреев. В Галиции ненависть подогревалась еще теми притеснениями, какие терпело в период австрийского владычества местное население от евреев-панов. Там с евреями особенно не церемонились. С виновными расправлялись сами войска, быстро, но, несомненно, далеко не всегда справедливо».¹⁰⁶

Остановимся на минутку. Мысль священника ясна: идет поиск виновных, военные сваливают неудачи друг на друга. Евреи – это именно объединяющие всех ненависть. Беззащитные, они отданы в руки мародеров. Мародеров – физических и мародеров – литераторов. В предыдущей книге я использовал воспоминания генерала М.Д. Бонч-Бруевича, не самого лучшего друга еврейского народа. Так вот генерал рассказывает, как он остановил расправу над несчастными беженцами, обвиненными казаками в шпионаже: «Когда я подъехал к особнячку, около него, окруженные подвыпившими казаками, толпились испуганные евреи, вероятно хасиды, судя по бороатым лицам, люстриновым долгополым сюртукам и необычной формы «гамашам» поверх белых нитяных чулок. Было их человек двадцать.

– Кто это? – спросил я, подозвав к себе казачьего урядника.

– Так что, вашскородие, шпиёны!....

– Как же они шпионили? – все ещё ничего не понимая, заинтересовался я.

– Так что, вашскородь, провода они резали. От телефону, сказал казак. На ногах он стоял не очень твердо, потное лицо его лоснилось.

– А ты видел, как они резали? – уже сердито спросил я.

Как ни мало я был в Галиции, до меня дошли уже рассказы о бесчинствах казаков в еврейских местечках и городишках. Под предлогом борьбы с вездесущими якобы шпионами казаки занялись самым беззастенчивым мародерством и, чтобы хоть как-то оправдать его, пригоняли в ближайший штаб насмерть перепуганных евреев.

Я видел, как страшно живёт эта еврейская беднота, переполняющая местечки с немощёными, пыльными до невероятия улочками и переулками, загаженной базарной площадью и ветхой синагогой, сколоченной из источенных короедом, почерневших от времени плах. На эту ужасающую, из поколения в поколение переходящую нищету было как-то совестно глядеть.

– Оно, конечно, самолично не видывал, – ответил урядник, – так ведь казаки гуторят, что видели. Да они, жиды, все против царя идут. Хоть наши, хоть здешние, – привел он самый убедительный свой довод...

Пока я говорил с урядником, задержанные казаками евреи, провав кольцо пьяного конвоя, устремились к моему автомобилю. Всё ещё трясущиеся, с белыми, как мел, лицами, они, перебивая друг друга и безбожно коверкая русский язык, начали с жаром жаловаться на учиненные казаками бесчинства.

Я приказал казакам распустить задержанных евреев по домам и долго ещё слышал их благодарный гомон за окнами моего управления».¹⁰⁷

В этом рассказе есть всё – социология, жизненная правда, опереточные евреи с сочувствием, но ... это написано потом. А сейчас евреи подвергались насилиям и выселениям.

Известный актер, а во время войны журналист И.Н. Перестиани, представитель газеты «Голос Москвы», попал на Западный фронт к генералу Эверту. Вот что он пишет: «4-я армия находилась под командованием очень жестокого человека. Вдоль Шидловецкого шоссе... растут древние деревья. Первое, что увидал я, были трупы повешенных на этих деревьях евреев в длиннополых сюртуках, немолодых людей с дощечками на груди и с надписью на них: "Шпион". А по обочине дороги робко ползли несчастные еврейские беженцы, облагаемые солдатской руганью и казацкой плетью».¹⁰⁸

Перестиани видел в Москве безобразную сцену, когда офицер, в присутствии гоготавших зевак, мордовал несчастного маленького солдата-татарина, плохо говорившего на русском.¹⁰⁹ И с такой армией и такими офицерами воевать против германской машины!

Генерал А.А. Брусилов в мемуарах рассказывает о том, что в Галиции его войска столкнулись с многочисленным еврейским населением. Богатые бежали, бросив свои поместья. Осталась многочисленная беднота.

В отличие от русин и даже поляков, евреи лояльно относились к австрийцам, что, по словам генерала, было вполне естественно. «Но лично я о них ничего дурного за время нашего нахождения там сказать не могу: они были очень услужливы, выполняли все наши требования и вели себя смиренно и тихо. Им тоже мною было разрешено молиться сколько и как угодно, что также привело их в восторг... Понятно, что поскольку это возможно, я не допускал грабежа мирных жителей и разных обид...». ¹¹⁰ Увы, грабёж и «разные обиды» были обычным делом, что скрепя сердце признает мемуарист. Отличались – кавалерийские части. Слово «казаки» генерал стесняется применять.

Справедливо будет указать, что и на австрийской стороне происходили душераздирающие сцены. Депортации подвергались русофильски настроенные украинцы и православные священники. Скороспелые военные суды подвергали немедленному расстрелу заподозренных. «Тайные шпики строчили бесконтрольные доносы...» – так писал последний певец Дунайской монархии. Расстреливали и евреев, в свою очередь, якобы работающих на российскую сторону. Колодцы были забиты телами убитых и казнённых... Жуткая картина массового самоистребления Европы. ¹¹¹ На русской стороне, тот же генерал Бонч-Бруевич арестовывал униатское духовенство во главе с митрополитом Шептицким.

Выше мы упомянули о попытке царского правительства объявить войну Отечественной. «В исполнение приказа были созданы партизанские отряды. Однако весной 1916 года «партизаны» были расформированы, хотя военных доблестей они не осуществили, а лишь занимались грабежом и массовым насилием над местным населением. Пришлось некоторых расстрелять, а других сослать на каторжные работы». ¹¹² Нелишне отметить, что на эту авантюру ушли громадные средства, то, что называется впустую. Совершенно ясно, что первыми от этих псевдопартизан страдали евреи.

Вернёмся к Шавельскому: «Вместе с тем, с фронта слухи шли в тыл, расползались по городам и селам, нарастая, варьируясь и, в общем, создавая настроение, уже опасное для всего еврейства. В армии некоторые очень крупные военачальники начали поговаривать, что, ввиду массовых предательств со стороны евреев, следовало бы всех евреев лишить права русского гражданства. А внутри страны, особенно в прифронтовой полосе запахло погромами.

Я не стану заниматься вопросом, насколько справедливо было распространенное тогда обвинение евреев. Вопрос этот слишком велик и сложен, чтобы так запросто и с лёгкостью разрешить его. Не могу, однако, не сказать, что в поводах к обвинению евреев в то время не было недостатка. Нельзя отрицать того, что и среди евреев попадались честные, храбрые, самоотверженные солдаты, но эти храбрецы скорее составляли исключение. Вообще же евреи по природе многими считаются трусливыми и для строя непригодными. В мирное время их терпели на разных нестроевых должностях; в военное время такая привилегия стала очень завидной и непозволительной, и евреи наполнили строевые ряды армии. Конечно, тут они не могли стать иными, чем были. При наступлении они часто бывали позади, при отступлениях оказывались впереди. Паника в боевых частях не раз была обязана им. Трусость же для воина – позорнейшее качество. Отрицать случаи шпионажа, перебежек к неприятелю и т.п. со стороны евреев тоже не приходится: не могли они быть такими верноподданными, как русские, а обман, шпионство и прочие подобные "добродетели" были, к сожалению, в натуре многих из них. Не могла не казаться подозрительной и поразительная осведомленность евреев о ходе дел на фронте. "Пантофельная почта" действовала иногда быстрее и точнее всяких штабных телефонов и прямых проводов, всяких штабов и контрразведок. В еврейском местечке Барановичах, рядом со Ставкой, события на фронте подчас становились известными раньше, чем узнавал о них сам Верховный со своим начальником Штаба. Вот целый ряд этих и других явлений и наблюдений и создавал ту тяжелую атмосферу, которая начала угрожать еврейству».¹¹³

Далее Шавельский рассказывает, что в июне 1915 года на фронт прибыл главный московский раввин Мазе и встретился с ним. Целью поездки было убедить протопресвитера повлиять на Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, чтобы он своим авторитетом спас евреев от надвигающейся катастрофы. Все аргументы доктора Мазе не могли переубедить Шавельского. В частности раввин ссылался на положительное мнение о евреях Главнокомандующего времен русско-японской войны А.Н. Куропаткина. *(Протопресвитер Шавельский сам ветеран этой войны и был награжден орденами св. Георгия и св. Владимира с мечами).*

«Как ни тяжело было мне, но я должен рассказать ему всё известное мне о поведении евреев во время этой войны. Он, однако, продолжал доказывать, что все обвинения евреев построены либо на сплетнях, либо на застарелой вражде известных лиц к евреям».¹¹⁴

Не убедив друг друга, два духовных лидера разошлись весьма дружелюбно. Во время Гражданской войны отец Георгий Шабельский был в рядах Добровольческой армии. Ему достало мужества на страницах своих воспоминаний показать моральную и политическую ущербность Белого движения. Протопресвитер не щадит ни гвардейских офицеров, ни генералов, ни русскую интеллигенцию, ни простонародья, ни даже духовенства. Особенно достаётся грабителям-генералам Шкуро и Мамонтову. Картина впечатляющая. Но, возвращаясь ко временам П.М.В., можно указать, что высокообразованный человек – Шавельский, будучи профессором богословия Историко-филологического института, для поддержания морального духа Русской армии, внес в Синод доклад о чудесном видении Богоматери «нашими войсками под Августовом, со слов видевших его обозных лейб-гвардии Кирасирского полка».¹¹⁵ Убежден, что среди обозных (тыловой обоз – это, естественно, постоянное пребывание еврейского воинства) обязательно были трусливые евреи, у которых со страха были галлюцинации и они тоже подтвердили явление непорочной Мириам... А теперь вернемся к героическому российскому воинству времен ПМВ, имея в руках статистические данные. Они, увы, не подтверждают ожидаемый героизм. Более того, российское воинство более напоминает карикатурный еврейский образ...

Количество русских военнопленных, находившихся в руках стран (*Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция*), в разных источниках оцениваются по-разному. Генерал Головин в своем анализе статистики военнопленных останавливается на цифре 2 миллиона 417 тысяч человек.¹¹⁶ Вместе с тем, советские источники сразу после Гражданской войны давали неизмеримо большую цифру – 4 миллиона 260.775 человек.¹¹⁷ Думаю, что вторая цифра более реальна: количество военнопленных было около четырёх миллионов. Дело в том, что в это число входили тяжелораненые, скончавшиеся при транспортировке. Брусилов приводит итоговые данные за 1914-1915 годы, когда количество русских военнопленных дошло до двух миллионов.

Была оккупирована почти четверть Европейской России, захвачены несколько крепостей с неисчислимыми военными материалами. Страшный разгром.¹¹⁸ Цифры русских военнопленных ужасают. Они лишь сравнимы с цифрами Второй Мировой войны, когда это число достигло 6 миллионов. Вместе с тем большая русская армия счастливо избегала котлов 41-42 г.г. Никаких танковых клещей и мощного воздействия авиации не было. Отнюдь не евреи составляли 90% и более сдавшихся в плен. Начальник штаба III армии доносил 21 октября 1915 года в штаб Западного фронта. Оказалось, что пленённые нижние чины «очень охотно» рассказывают немцам обо всем, что знают. «У многих нет сознания позорности плена и по пути в места постоянного содержания редко у кого возникает желание бежать; наиболее пассивным элементом являются ратники старших возрастов, которые открыто говорят: "Слава Богу, что попались в плен, теперь останемся живы". На предложение бежать из плена на сотни находится один...

Пользуясь отсутствием патриотизма и сознания долга у наших солдат, немцы и австрийцы широко комплектуют пленными свои тыловые учреждения. Все обозы обслуживаются русскими военнопленными, а также хлебопекарни, кухни, как полевые, так и тыловые. Русские солдаты безропотно соглашаются переодеваться в немецкую униформу».¹¹⁹ Никаких евреев здесь нет, равно и нет генерала Власова.

Вместе с тем из немецкого плена были побеги. Более известен случай с генералом Л.Г. Корниловым. Бежали из плена и евреи. Даже есть рассказ Валерия Брюсова, опубликованный в 1916 году. Речь идет о двух братьях-солдатах, встречающихся случайно на празднике «пейсах» в военной Варшаве в доме сердобольной старушки. У евреев есть обычай, объясняет отец русского символизма, приглашать на сейдер бедняков, находящихся в чужом городе. Старший брат ничего не знал о судьбе младшего: он думал, что он погиб в плену, так как был тяжело ранен. Но брат выздоровел и бежал из плена.

Брюсов добавляет, что таких случаев тысячи и тысячи. В поисках своего полка младший брат попал в Варшаву, и в праздник освобождения они встретились.¹²⁰

Но это литература. Жизнь – документальна. Ефрейтор Абрам Ройтварф, родом из Одессы, рассказывал свою эпопею. Он был призван по первой мобилизации и зачислен в артиллерийскую бригаду. Участвовал в боях в Польше и Восточной Пруссии. Попал в плен 3 февраля 1915 года в одном из местечек Сувалской губернии. Рассказывает о немецких жестокостях. Ему удалось перебежать за линию фронта.¹²¹

К сожалению, были и такие русские военнопленные, которые становились немецкими шпионами. Об одном таком случае рассказывает генерал Дрейер. В районе расположения его части был обнаружен здоровый детина, у которого при обыске нашли данные о численности и передвижении русских войск. Он сознался, что дезертировал из лейб-гвардии Семеновского полка и нанялся к немцам в качестве шпиона. Его тут же повесили, при криках мерзавца, чтобы если бы его помиловали, то он готов впредь верой и правдой служить российскому самодержцу!¹²²

Использование евреев в качестве немецких агентов слишком примитивно: евреи, в виду общей подозрительности, были обречены на изобличение. Это – клевета страха и поражений. Обобщения, к которым прибегала черносотенная пресса, зиждилась на старом пушкинском выражении: «...неразлучные понятия жида и шпиона», о чем было написано в моей книге.¹²³

«Шпионаж и предательство родины не зависит от национальности, не от классовой принадлежности. История австрийского полковника Альфреда Редля, работавшего на Россию и Францию, широко известна. Менее известно то, что сын австрийского начальника Генерального штаба генерала Конрада фон Герцендорфа был сотрудником русской секретной службы. Он переснимал секретные документы из кабинета своего отца...».¹²⁴

Известен исключительный и загадочный случай с одним евреем перебежчиком. В «Армейском Вестнике» за №231 (1916 г.) можно было прочесть: «Командир армейского корпуса телеграммой от 24-го сего (1916) января за №102 донёс по команде, что 23-го сего января во время разведки ротных разведчиков 2-й роты N-ского пехотного полка в сторону противника перебежал младший унтер-офицер этой роты Шлема Шмерлинг, имевший два Георгиевских креста и по статусу произведённый в унтер-офицеры.

Разведчиками по убежавшему был открыт огонь.

Ныне выяснено, что этот изменник происходит из мещан города Орши, Могилевской губернии, был холост, прибыл на укомплектование из 116-й этапной роты 17-го июня 1915 года. Родители Шмерлинга проживали в г. Орше. Ввиду вышеизложенного, теперь же сделано распоряжение о лишении родителей Шмерлинга пайка и пособия и о предании Шмерлинга суду по возвращении из плена.

Однако начальство не считает возможным ограничиться только этой мерою и ходатайствует о возможно широком опубликовании этого возмутительного позорного преступления унтер-офицера и Георгиевского кавалера, столь отличенного начальством, к которому относились с полным доверием, как к надежному и храброму солдату». ¹²⁵ И действительно «Еврейская Неделя» опубликовала этот текст

Всё это выглядит странным: храбрец, да имеющий к тому заложников-родителей, решается на странный поступок. Но и власть реагировала сверхоперативно: на следующий день после дезертирства было принято решение о широкой огласке случая. Интересно: при перебежке русских солдат на сторону неприятеля власти действовали столь стремительно с публикацией?

Михаил Лемке приводит вопиющие факты массовой сдачи в плен, ещё в самом начале войны, когда не было для паники и пессимизма никаких причин. Так, Киевский полк бежал с позиций 3 ноября 1914 года. Из письма неизвестного: «Я поднялся из окопа, и моим глазам представилась невероятная картина: рота справа и слева, поднявши белые флаги, сдаются немцам. Из другого полка, сидящего рядом с нами, тоже попали в плен 8 рот». Известные доблестью сибирцы также не посрамили своей чести, а именно из 16 тысяч штыков 14-й Сибирской дивизии, почти треть сдалась в плен. Под крики «Что же, ребята, нас на убой сюда привели, что ли? Сдадимся в плен!» И чуть ли не целый батальон, насадив белые платки на штыки, сдался в плен. ¹²⁶ Бывший русский офицер, а впоследствии генерал-лейтенант Красной Армии М.Н.Герасимов в своих мемуарах пишет, что 25 июня 1915 года был зачитан приказ генерала Литвинова, обращающий внимание на предупреждение о добровольной сдаче в плен, «а также принять меры устрашения, вплоть до того, чтобы обратить пулемёты против собственных братьев-изменников, сдающихся добровольно.

Приказ издан вследствие печального случая – ухода в плен полтора батальонов Гдовского полка». Он же сообщает, что Клязьминский пехотный полк, сформированный из ивановских ткачей, плохо воевал, и почти целиком сдался в плен немцам.¹²⁷

Методы борьбы с дезертирством были обычные. «Сдавшиеся в плен, какого бы они ни были чина и звания, будут по окончании войны преданы суду...

Требую, сверх того, чтобы о всяком сдавшемся в плен было объявлено в приказе по части с изложением обстоятельств этого тяжкого преступления, – это упростит впоследствии разбор их дела в суде. О сдавшихся в плен немедленно сообщить на родину, чтобы знали родные о позорном их поступке, и чтобы выдача пособия семействам сдавшихся была бы немедленно прекращена». И далее в этом приказе по IV армии от 4 июня 1915 года элементы будущих советских заградотрядов: «Приказываю также: всякому начальнику, усмотревшему сдачу наших войск, не ожидая никаких указаний, немедленно открывать по сдавшимся огонь орудий, пулемётный и ружейный».¹²⁸ Спустя полгода по II армии издается секретный приказ, близкий по духу знаменитому сталинскому приказу №227, известному под названием «Ни шагу назад». Вот выдержки из него: «Величайший позор, несмываемое пятно, гнуснейшее предательство, перед которым блекнут самые низкие, чудовищные преступления, это измена отчизне... Ни одной минуты мы не можем, не должны забывать, что наше малодушие есть гибель для святой, для единственной по глубине и силе материнского чувства матушки – России. В настоящей войне с вековым врагом славянства – с немцами, мы защищаем самое великое, что только когда-либо могли защищать, честь и целостность Великой России.

А тех, позорных сынов России, наших недостойных братьев, кто, постыдно малодушествуя, положит перед подлым врагом оружие и сделает попытку сдаться в плен или бежать, я, ... безбожных изменников, приказываю немедленно расстреливать, не давая осуществиться их гнусному замыслу; пусть твердо помнят, что испугаешься вражеской пули, получишь свою, а когда, раненый пулей своих, не успеешь добежать до неприятеля или когда после войны, по обмене пленных, вновь попадешь к нам, то будешь расстрелян, потому что подлых трусов, низких тунеядцев, дошедших до предательства родины, во славу же родины надо уничтожать.

Объявить, что мира без обмена пленных не будет... пусть знают все, что безнаказанно изменить долгу, присяге никому не удастся.

Предписываю вести строгий учёт всем, сдавшимся в плен, и безотлагательно отдавать приказ о предании их военно-полевому суду, дабы судить их немедленно по вступлении на родную землю, которую они предали и на которой поэтому они жить не должны».¹²⁹

Эти бесконечные приказы ни могли остановить поток добровольно сдающихся. И в этих приказах нет ни слова о евреях: ни в них суть, они – ничтожная часть мобилизованного воинства. (По подсчётам генерала В.И. Гурко на 31 декабря 1916 года призвано на военную службу 14.700.000 человек.¹³⁰

По подсчетам Центрального статистического управления, опубликованным в 1925 году, Россия всего выставила почти 16 миллионов человек, т.е. почти половину всех трудоспособных мужчин. Потери, понесенные ею за войну: 28% общих боевых потерь, 27% санитарных потерь и 3,5 миллионов пленными...¹³¹ (Евреев же было призвано за все время войны 600 тысяч)

Еще 21 января 1915 года главнокомандующий С-3. фронтом генерал Рузский писал начальнику штаба Янушкевичу: «К прискорбию, случаи добровольной сдачи в плен среди нижних чинов были и бывают, причем не только партиями, как сообщаете вы, но даже целыми ротами».¹³² Приказ по IV армии от 14 июня 1915 года указывает, что сдавшиеся в плен будут уничтожены огнем собственных пулеметов.¹³³ Это можно бесконечно дополнять различными примерами. Лемке убежден, что основная причина – это страшное народное недовольство своей жизнью и отсутствием надежды на её исправление.

Социальное неравенство подтверждается воспоминаниями генерала Дрейера, который не замечает вопиющей несправедливости. Он сетует на однообразность офицерской столовой. Меню каждого завтрака было известно: после водки на закуску шла осетрина, жареная индейка, цветная капуста с горошком и мороженое.¹³⁴ И тут же, на предыдущей странице, пробуются и взвешивается солдатская пища: 23 золотника мяса, да ещё с недовесом, не пропечённый хлеб. Действительно: «Хлеб да каша – пища наша». А что говорить о еврейском солдате, соблюдавшем кашрут? Он должен был перейти на «гойскую» пищу или перебиваться с хлеба на воду,

медленно умирая от голода. Такие случаи бывали. Конечно, никто не заботился о религиозной проблеме евреев и мусульман.

Эта обездоленность русского солдата беспокоила мыслящих людей еще до Великой отечественной войны. В журнале «Разведчик» № 10, вышедшем 1910 году, редактором которого в эту пору являлся генерал Михаил Грулев, подробно обсуждался вопрос о мерах для повышения качества и количества солдатского рациона. Предложение о значительном улучшении питания за счет ввода в меню котлет, рагу, студня и т.п. было отвергнуто не только по причине непосильных расходов казны, но и потому, что «военное начальство признало, что если простолюдина в течение трёх лет службы приучать к подобным яствам, доступным даже не всем относительно зажиточным горожанам, то служба вместо воспитательного значения для крестьянской молодежи развратит её, ибо кто же после казённых рагу, котлет и студня захочет вернуться в деревню, где часто за недостатком средств едят хлеб с мякиной, а мясо видят не более двух раз в году».¹³⁵

Виктор Шкловский в воспоминаниях писал, что фронт одевался плохо: не хватало сукна, а шинели делались из бумажной материи, подбитой ватой, штаны – ватные, стеганные, и все это второго и третьего сортов. Сапог не было: были знаменитые обмотки, успешно дожившие до II Мировой...

Можно сослаться на донесение осведомленного Лемке, где упоминается генерал Иванов, и что в декабре 1915 года угрожающе усилился поток добровольно сдавшихся евреев и поляков, не только с передовой позиции, но из тыловых учреждений. Это «перебегание» было-де спровоцировано немецкими прокламациями, обещающими возвращение на родину и получение полного немецкого пайка.¹³⁷ Тут же, последовало предложение: неблагонадёжных поляков и евреев направить на Кавказский фронт. Недооценивать немецкую пропаганду не следует – главная причина была в развале страны. Михаил Лемке 3 марта 1916 года записал страшное пророчество: «Россия попала в безвыходное положение, в котором уже нет возможности предвидеть конец. Мы летим на всех парах к какому-то страшному краю, к тому ужасному концу, который никому неясен, но неизбежен... Ясно, что развязка будет страшна своей стихийностью, бессистемностью, безрезультатностью и еще большим хаосом.

Кровь стынет в жилах при мысли о том, до чего доведёт и еще доведет Россию проклятый род Романовых... Надо не проглядеть и другой процесс, происходящий параллельно: развитие общей ненависти друг к другу... Когда при наличии всего этого подумаешь о революции... становится страшно; это святое слово мы опоганим...

О каком свободном народе может быть речь среди дикарей и зуавов, воров и грабителей, шкурников и трусов?...»¹³⁸

Ему вторит генерал М.Н.Герасимов: «Прошло три года... Мы оказались свидетелями величайших событий. Во-первых, войны, невиданной в истории по количеству вовлеченных в них сил и по числу жертв. Пока еще неизвестно, сколько убитых и раненых у воюющих стран. Это выяснится в ближайшие годы, после окончания мировой войны. Но и теперь ясно, что огромные армии должны были нести миллионные потери. А за что пали эти миллионы русских, французов, англичан? Что война принесла и принесёт победившим и побеждённым народам? Она лишила сотни тысяч людей их семей, разнуздала самые дикие человеческие инстинкты. Сотни тысяч калек влачат жалкое существование, а многие из них с протянутой рукой взывают к милосердию прохожих...

Во-вторых, в России война разрушила веру людей в справедливость существующего государственного и общественного порядка...»¹³⁹

Правительство имело полную информацию о положении на фронте, и о положении несчастных беженцев. Ещё 16 июля 1915 года тогдашний военный министр генерал А.А. Поливанов нарисовал ужасающую картину положения русской армии: «Считаю своим гражданским и служебным долгом заявить Совету министров, что отечество в опасности... В войсках все возрастает деморализация. Дезертирство и добровольная сдача в плен приняли грозные размеры». ¹⁴⁰ Генерал М.А.Беляев, впоследствии последний царский военный министр, заявил, что к концу 1916 года дезертиры составляли 1 миллион 200 тысяч человек! В то время, как в союзной Франции это число составляло 50 тысяч человек, вместе с «уклонившимися» от службы.¹⁴¹

Затем Гурко рассказывает об ужасающем положении беженцев, число которых достигает сотен тысяч, главную часть которых составляет население, выселяемое военными властями.

«Толпа эта чрезвычайно озлобленная. Людей отрывают от родных гнезд... У них на глазах сжигают оставляемые запасы, а нередко и самые жилища. Психология подобных беженцев понятна. Степень озлобленности против властей безгранична, страдания беспредельны». Вся эта беженская толпа голодным потоком разливается по всем путям. Накормить этих людей нет никакой возможности. Люди мрут сотнями на дорогах от болезней, голода, холода. По сторонам дорог валяются непогребённые трупы.

Среди выселяемых крестьян, которые не так беззащитны, как евреи, возникают бунты при защите своего добра. «В начале августа (1915 г.), в связи с распоряжением Ставки, перед Советом министров возникает и другой чрезвычайно острый вопрос, а именно как быть с евреями, изгоняемыми нагайками военной власти из всего театра войны, простирающегося, однако, далеко вглубь страны. В евреях, быть может не без основания, Ставка усматривает крайне ненадёжный элемент, занимающийся шпионством и даже сигнализирующий неприятелю. Отсюда прибегнуть, однако, к насильственному изгнанию целого племени, даже если в его среде и встречаются отдельные предатели – решение неожиданное».¹⁴² Это безобразное отношение к еврейству, несовместимое с моралью и гуманностью, вызывало возмущение в еврейских кругах. Еврейские банкиры возмущены и угрожают России прекращением кредита. А без кредита, как говорит Гурко, воевать страна не в состоянии. «Министр финансов сообщает, что к нему явились банкиры Каминка, Варшавский и Гинзбург и предъявили чуть ли не ультимативное требование немедленного прекращения столь безобразного гонения их племени». Положение усугублялось тем, что внутренние губернии были закрыты для евреев. Было принято «Соломоново» решение о допуске евреям права жительства во всех городах империи «за исключением казачьих областей, где ненависть к ним местного населения настолько острая, что может вызвать весьма тяжёлые последствия». Понятно, что исключались также места резиденций государя императора, что оформлялось неким эвфемизмом «местности, состоящие в ведении Министерства императорского двора».¹⁴³ Но и этого мало: провести этот закон через Думу невозможно из-за правых, и Совет министров провел его в виде простого циркуляра министерства

внутренних дел, основанного на ст. 188 Учреждения министерств, предоставляющего министрам в экстренных случаях издавать распоряжения, нарушающие действующий закон.¹⁴⁴

Отмечу, что решение прошло почти единогласно, за исключением министра путей сообщения, «коренного горячего русака» С.В.Рухлова. Но он лишь не поставил свою подпись. Витте писал о нём как об антисемите.¹⁴⁴ Зато министр торговли князь В.Н. Шаховской потерпел неудачу, настаивая на повсеместном проживании евреев, не только в городах, но и в сельских местностях.

Страшные стихи Ильи Эренбурга, относящиеся к 1915 году, но кажется это взгляд в недалёкое будущее:

ГДЕ-ТО В ПОЛЬШЕ

*Приходили, уходили сердитые...
Иудеи, снова приходила наша судьба!
Убегали, прятали старые свитки
В погребя...*

*Наше племя
Очень дрессированное.
Мы видели девятьсот пленёний.
Снова, снова и снова...*

*Мама Иосеньке поет,
Соской затыкает рот:
«Ночью приходили
И опять придут.
Дедушку убили
И тебя убьют!»*

*Дымятся снега, но цела твоя Тора!
Видишь, Господь?
Шли же скорей своих тихих воронов
Разрывать нашу древнюю плоть.*

*«Ой! Ой!
Боже мой!
Дышат тише.
Ходят ближе.
Спи мой милый,
Спи же, спи же!...»¹⁴⁵*

Это страшный документ...

Есть историки, обожающие цитировать представителей «второй волны». Я не исключение. Самые сильные слова о собственной виновности произнёс Д.П. Кончаловский, родной брат знаменитого художника П.П. Кончаловского, одного из основателей «Бубнового валета», члена огромного и очень талантливой «национального» клана. Кончаловский, ушедший с немцами во время последней войны, принадлежал к цветущей русской интеллигенции. Вот что произнёс русский историк, профессор, офицер русской армии во время ПМВ, свидетель революции и Гражданской войны, автор книги «Пути России»:¹⁴⁶

«То, что я скажу сейчас о русском обществе в войне, может выставить меня в положении кающегося и кающегося поздно, а такое положение смешно и жалко. Пусть так. Но я взялся за перо, чтобы в пределах моих знаний, опыта и способностей вскрыть правду и постараться в фактах прошлого найти объяснение тому, что кажется необъяснимым и останется необъяснённым, если только в нашем анализе мы не будем беспощадны и к другим и к самим себе. Да! Пехотное офицерство! Казалось бы маленький пунктик, а от него развалилась армия, развалился фронт и погибла старая Россия. Так от копеечной свечки когда-то сгорела Москва.

В состоянии офицерских кадров, как солнце в капле воды, отразилось нравственное и гражданское состояние нашего общества в его высшем и особенно в его средних слоях. Однажды, много лет спустя после войны, просматривая новые книжные поступления в библиотеке Московского университета я натолкнулся на несколько томов «Антологии французских поэтов, погибших на войне». Это были сотни имен молодых людей, начавших жизнь и творчество, составлявших вместе с остальной интеллигентной молодежью – художниками, учеными, инженерами – цвет нации. Известно, что во Франции во время войны и после войны существовал вопрос об «окопавшихся в тылу», существовал он и в Германии. *(От себя добавлю: и в Англии. – С.Д.)* Но, не подвергая эту проблему специальному изучению и не доискиваясь точных цифр, я решаюсь утверждать, что в смысле участия интеллигенции и образованного класса в войне на линии огня, в смысле их жертв своею кровью Россия среди всех воюющих стран составляла печальное исключение.

Я решаюсь даже утверждать, что именно отсутствие подлинного патриотического и гражданского духа в нашем обществе явилось причиной военного поражения России, лёгкого успеха Октябрьской революции и внедрения большевизма в жизнь России». ¹⁴⁷

Утверждение о роли русского общества в банкротстве имперской России Кончаловский подтверждает собственными данными из своего окружения. Во всей Москве, из академических кругов, лишь два человека приняли участие в войне на боевых позициях! «Действительно, общее мнение было таково, что, пусть мол простой народ, масса, и люди рядовые, серые идут на фронт как пушечное мясо». ¹⁴⁸ В то время, как во Франции целая плеяда молодых поэтов полегла за родину, знаменитый эгофутурист, кривляясь декламировал:

*Когда же.....
Падёт последний исполн,
Тогда, ваш нежный, ваш единственный,
Я поведу вас на Берлин.*

Это страшное обобщение. Статистически все верно: поэт, у которого было два Георгия, в эту войну был пощаждён, пули не тронули его грудь – его подвела романтика гражданской войны, подведшая к последней стене... Но это – единственный случай, а 300 французских поэтов и среди них Шарль Пеги легли в землю:

*Блаженны погибшие в большом бою
за четыре угла родимой земли"...*

И совсем страшно подумать, что после Великой Отечественной войны вышли десятки книг с описанием гибели цвета русской интеллигенции в борьбе с фашизмом. Самый знаменитый сборник «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне». ¹⁴⁹ Есть несколько выпусков книг о музыкантах, погибших на полях сражений. ¹⁵⁰ Нечего говорить – эти сборники кишат еврейскими фамилиями....

Однако продолжим...

Кончаловский убежден, что система неравенства сословий вывела первую Россию из войны. Целесообразную расстановку человеческого материала в армии и в тылу – ни правительство, ни общество были не в состоянии произвести.

Иначе говоря – у общества не хватало морали, у правительства – силы и воли. «Отсюда одна общая черта у всех – нечистая совесть, с которой так называемое общество вступило в революцию, и сознание, что революция несёт ему заслуженную кару».¹⁵¹ Беспощадные слова и вытекающие из них, ожидаемые результаты Гражданской войны...

Для понимания состояния русского интеллигентного общества в годы войны интересен дневник Дмитрия Фурманова. В 1915 году он работал в санитарном поезде медбратом и видел всю изнанку войны, хотя был весьма далёк от будущего комиссарства.

Запись от 4 июня 1915, под кричащим названием: «Необходимая ложь»: «Война создает много положений, необходимо вызывающих ложь, потому что до спокойного принятия полной правды мы еще не доросли. У Самсонова разбили тысяч 250-300, объявляют 75-80. У германцев получилась задержка в доставке провиантов – объявляют о поголовном голоде едва не по всей Германии. Прием понятен как подбадривающее средство, но лишь в умеренном количестве... Мы все время только и читаем о пленении тысяч и тысяч германцев или австрийцев, читаем, что нас "потеснили", к нам "пытались пробраться, но смелой контратакой..." и т.д." Словом, неуклонная и непрерываемая наша победа – без потерь, без лишений, а между тем нет-нет да и выскочит фактик, вроде того, что оборона Галиции при отступлении от отобранного германцами Перемышля стоила ни мало, как 1 000 000 людей.

А теперь присовокупите и эти факты:

1) В Москве скандалы, грабежи, пожары. И здесь ведь не одно озлобление против немцев, здесь, несомненно, основа экономическая.

4) В Калужской губернии недосев по отношению к прошлому году достигает 25-30%...

5) Брат прислал мне письмо, где пишет, что бьют торговцев, повысивших цены; фабрики бастуют.

Все идёт к тому, все указывает на то, что голодно всем и жутко.

Можно со дня на день ожидать крупных взрывов, больших осложнений. Плоды жестокой войны не может победить даже сила подъема и всяческих организаций...¹⁵²

В следующей записи он сообщает о возмутительном обращении с ранеными солдатами. Недовольство и протест нарастает с каждым днём.

Далее привожу чрезвычайно небольшой список евреев, получивших отличия на фронте. В моей картотеке около тысяч имен, но естественно я ограничусь лишь несколькими десятками. Обычно евреи получали медали и Георгиевские кресты 4-й степени. Причин было много. Об одной я уже писал выше, ссылаясь на генерала Брусилова. Ибо даже во время Великой Отечественной войны, «наткнувшись на еврейскую фамилию», происходила заминка. Отсылаю к известному эпизоду романа Константина Симонова «Живые и мертвые» (*История с немцем Поволжья, имевшим «еврейскую фамилию Гофман»*).

Осведомлённая «Еврейская трибуна» уже после войны писала: «... особенно сказалось усердие цензуры в деле сокрытия положительных военных актов русских евреев не только от Запада, но и от русского общественного мнения... В отношении деяний еврейских воинов цензура налагала запреты на все. Она препятствовала опубликованию имен получивших отличия евреев-солдат. Она не позволяла подписывать имена под портретами евреев-героев. Она не позволяла воспроизводить их в кинематографах. Она противилась проникновению не только в еврейскую, но и в общую русскую печать всяческих сведений о выдающихся подвигах воинов-евреев. Она закрывала даже еврейские органы за одну попытку предпринять анкеты об евреях на войне. И потому вклад русского еврейства в общее дело борьбы за великие принципы мало известен русскому обществу и совершенно не известен всему остальному культурному миру».¹⁵³

Вторая причина заключалась в том, что евреи «состояли в нижних чинах», а посему награды были солдатские. Но были и исключения, когда евреи становились Георгиевскими кавалерами. Из-за цензуры военного времени в описаниях подвигов имеются умолчания, что и понятно. Поэтому сведенья весьма коротки и отрывочны. Лишь изредка дается расширенный рассказ. Большинство героев войны, о которых пишут еврейские газеты – раненые, находящиеся в госпиталях, и потому сведенья получены из первых рук. Я извиняюсь за монотонность изложения следующего материала, но без этого не обойтись. Интерес представляют многие еврейские фамилии, имена, отчества. Часть из них в советское время «отмерла», другая часть возродилась в Израиле.

В 1844 году были введены степени и знаки отличия для лиц нехристианского вероисповедания, а так как мусульман на службу не призывали, то присвоение знаков можно всецело отнести к евреям. В конце Крымской войны (1856 г.) число «нехристианских наград» достигло 1368(!) В свое время я писал о большом количестве евреев в русской армии во время этой войны. Не без гордости я должен упомянуть своего деда Хаима-Моисея Дудакова, имевшего это отличие. Хочется, чтобы знали, что до сих пор на территории Морского завода в Севастополе сохранился памятник евреям-солдатам, павшим при защите города – всего свыше 500 человек!

Осведомленный источник утверждает, что по набору в Западных губерниях оказалось в некоторых частях большой процент евреев. Так, во время Русско-Турецкой войны 1877/78 гг., в 10-й и 30-й дивизиях четверть составляли евреи, а в отдельных ротах их было больше половины.¹⁵⁴ О храбрости евреев писал начальник штаба «Белого» генерала М.Д. Скобелева – будущий военный министр генерал А.П. Куропаткин. До сих пор в Москве (за зданием Политехнического музея) есть памятник евреям, павшим в войне за освобождение славянских «братушек».

Во время русско-японской войны было мобилизовано свыше 30 тысяч евреев; среди медицинского персонала, кроме того, было порядка трёх тысяч евреев. Но и это число было вполне мизерным. На фронте и в тылу солдатам плохо оказывалась медицинская помощь. А в это время еврей-медики «Красным крестом» не принимались, несмотря на желание добровольцев ехать на фронт. Это касалось и врачей, и фельдшеров.¹⁵⁵ Вопли о том, что евреи первыми сдавались в плен, опровергаются сухой статистикой. Пленено японцами 73301 человек, среди них евреев 1739, т.е. менее 2,5%. По мобилизации, как мы видим, евреи составляли 10%!¹⁵⁶ Это ли не доказательство? Но, увы, антисемиты глухи и к статистике. Первым евреем полным кавалером, как мы упомянули, был Иосиф Трумпельдор (1880-1920). Учился он на дантиста. При осаде Порт-Артура получил тяжелое ранение и ему была ампутирована левая рука, но он остался в строю, о чем был издан приказ. В это время он имел чин ефрейтора. После возвращения из плена получил звание прапорщика и награжден золотым оружием. Дальнейшая его судьба связана с сионизмом.

Он вместе В. Жаботинским создал во время I Мировой войны еврейский легион. Погиб в Палестине, защищая еврейские колонии в Тель-Хае.

«Донская речь» (Новочеркасск) приводит приказ по 27-му восточно-сибирскому стрелковому полку, находившемуся на боевых позициях в осаждённом Порт-Артуре. Приказ датирован 29 декабря 1904 года. Он гласит:

«Ефрейтер 7-й роты Иосиф Трумпельдор, обращаясь в докладной записке от 24 числа к своему ротному командиру, пишет: "У меня осталась одна рука; но это правая. А потому желаю по-прежнему делить с товарищами боевую жизнь, прошу ходатайствовать вашего благородия о выдаче мне шашки и револьвера".

Вот просьба истинно русского солдата, не по названию, а по духу. Слова эти золотыми буквами должны быть вписаны в нашу полковую историю. Тем более они отмечены, что сказавший их – еврей. Еще с боёв за зелёные горы я слышал о Трумпельдоре, как о выдающемся по храбрости нижнем чине. Всегда вызываясь охотником на рискованные и опасные предприятия, он в боях служил примером беззаветной храбрости. За это награжден знаком отличия военного ордена. Раненый, потом он потерял руку. Это давало ему нравственное и законное право обратиться в инвалида и спокойно ожидать окончания борьбы за крепость, чтобы отправиться потом домой, не подвергаясь больше опасности. Но Трумпельдор, презирая опасность, отказывается от законом данного ему права – не идти больше в бой и вновь предлагает свою полускалеченную жизнь на борьбу с врагом. Он, таким образом, приносит на благо родины больше того, что требует наша присяга. Уверен, что во главе со мною каждый офицер и солдат полка почтут в Трумпельдоре беззаветную его службу на пользу родины, на честь нашему молодому полку.

Приказываю вооружить Трумпельдора шашкою и револьвером. Но как рядовому солдату несподручно биться с врагом без винтовки, то произвожу Трумпельдора в младшие унтер-офицеры за боевые заслуги и неустршимость в бою, многократно оказанные на деле. Хорошее образование Трумпельдора (*зубной врач по профессии*) даёт мне основание быть уверенным, что в роли начальника нижнего чина, он принесёт не меньше пользы, чем в рядовом звании; а с другой стороны – что не даст подчинённым

почувствовать, что он – иноверец; наоборот, – как начальник, заслужит сердечное их уважение, а не наружное только. Да и как не уважать человека, а иноверца особенно, несущего на службу родине жизнь, когда к тому более не обязан?»¹⁵⁷

Трумпельдор был не единственным солдатом, потерявшим руку и попросившимся вновь в строй. В том сборнике, из коего я извлёк приказ по 27 восточно-сибирскому полку, можно прочитать и следующий приказ генерал-лейтенанта Церпицкого, командующего 10-м армейским корпусом: «16-го января (1905 г.) в мукденских боях, у деревни Цзиншантун, во время артиллерийского состязания 31-й артиллерийской бригады с артиллерией противника, взорвавшемся японским снарядом оторвало левую руку бомбардировщику 2-й батареи 31-й артиллерийской бригады, Лазарю Лихтмахеру (еврейского происхождения) как раз в то время, когда он, наводя орудие, указывал, куда повернуть ствол.

Посетив 17-го января утром в лазарете прибывших с позиций раненых, я в числе их и увидел и Лихтмахера; ему только что ампутировали оставшийся обрывок левой руки. Внимание мое тогда же обратил на себя в высшей степени бодрый и молодцеватый вид этого тяжело раненого, только что перенесшего серьезную операцию. Расспросив подробно об обстоятельствах его ранения, я был поражён той силой воли, терпением и бодростью, с которыми обращался ко мне Лихтмахер. Он обещал тогда же, по выздоровлении, вернуться в строй, где, по заявлению его непосредственного начальника, он был незаменимым наводчиком и уход его из батареи был очень чувствителен. Сего числа получил я от него из иркутского госпиталя письмо, в котором он усиленно молит возвратить его в строй, в родную батарею, так как он горячо желает ещё послужить Государю и Родине. Желание его я исполняю и вместе с тем обращаю внимание всех на достойный подражания поступок этого нижнего чина».

Генерал Церпицкий поблагодарил командира и офицеров, воспитавших brave солдата, закончил приказ достойными словами, которые являлись ключом к мирному развитию страны: «В добром, справедливом и сердечном отношении к солдату, без различия вероисповеданий и национальностей, в заботе о нем, в правильном воспитании его, есть главный залог успеха в войне.

В тех частях, где нет подразделений по народностям, где все равны: русский, поляк, татарин, немец, еврей, где все равно считаются слугами Царя и Родины, там всегда будут такие герои-солдаты, и я твердо уверен, что Лихтмахеры найдутся не в одной только 31-й бригаде, а и в прочих частях вверенного мне корпуса, [не] раз представится еще случай доказать это».

Приказ был прочитан во всех ротах, сотнях, батареях.¹⁵⁸

Тремя георгиевскими крестами в русско-японскую войну был удостоен Виктор Шварц. За спасение офицера он был награждён и медалью. Он служил в 22-м восточно-сибирском стрелковом полку и участвовал почти во всех боях злосчастной войны. Офицера он спас на реке Ялу, когда тот тонул. Понятно – в это время шел бой.

Шварца наградили золотым Георгием за взрыв порохового склада японцев. Тяжело раненного под Мукденом, сутки пролежавшего среди мёртвых, пленили японцы. Находился в Мацуяме, откуда удалось бежать. Прибыл на побывку к своим родным, живущим в Москве. Сведения о Викторе Шварце я почерпнул из нескольких источников.¹⁵⁹ Случай побега еврея из японского плена уникален. Судя по скупой заметке, он был перевезён в Японию, но как тому удалось совершить побег – непонятно. Во всяком случае – этот человек уникален. Неясно – получил ли он унтер-офицерские погоны.

От своего знакомого Марка Вербуна получил записи, где рассказывает о его дедушке, Герше Яковлевиче Вербуне (1885-1979), уроженце Малороссии, местечка Покатилово, что неподалёку от Умани. (*Умер дедушка в Ташкенте, удачно эвакуировавшись в 1941 году*). Он проходил действительную службу, где был кавалеристом и потому, призванный в армию, состоял в том же роде войск. На Юго-Западном фронте в 1914 году русские успешно наступали в Галиции. Требовалась срочная разведка, для определения состояния дорог, ландшафта и, самое главное, наличия войск противника. На разведку выехали двое: дедушка и его сослуживец, по национальности татарин. К сожалению, внук не помнит его имени. Оба «обрезанца» были защитниками Православного государства, как иронически пишет автор записок. Разведчики двигались в полной тишине по красивой местности в направлении какого-то барака. Возможно, сооружение было пустующей казармой. В барак можно было въехать верхом, что приятели и сделали.

Место было идеальным наблюдательным пунктом. Они хорошо видели движение австрийских войск, их количество, наличие артиллерии и пулемётов. Увы, мимо прогарцевала рота улан; одна из лошадей заржала, в ответ заржали лошади разведчиков. Ржание привлекло внимание улан, и они окружили здание. Друзьям пришлось прорываться из окружения, и они помчались изо всех сил в направлении наших позиций, отстреливаясь от наседавших врагов. Далее Марк со слов деда пишет следующее: «Во время перестрелки пуля попала в его сослуживца, он сник, дедушка подхватил за уздцы лошадь товарища и попытался ускакать. Но, увы, под дедушкой лошадь была убита. Погибший татарин свалился. Лошадь Герша упала на бок, прижав ногу деду и поранив её. С большим трудом ему удалось высвободить ногу из стремени. Высвободившись, и прыгая на одной ноге, он с трудом взгромоздился на лошадь убитого товарища и галопом оторвался от преследователей». Вернувшись к своим, он отрапортовал о результатах разведки. Донесением начальство было удовлетворено, а героя, которого за участие в удачной разведке наградили крестом, отправили в госпиталь. Рассказ неполный, ибо дедушка это говорил десятилетнему внуку. Мать ему рассказывала, что у них висела фотография деда на коне в форме и с четырьмя крестами на груди. К сожалению, фотография не сохранилась. А свои кресты мужественный воин должен был отдать врангелевцам при попытке мобилизовать его в армию. Имея семью и кучу детей, не желая воевать на стороне белых, он отдал все награды, получив взамен несколько ящиков английских винтовок и патронов. После ухода белых, бабушка заставила его погрузить всё оружие на лодку и выбросить их в реку, то ли Синюху, то ли Буг.

Есть и случай уникальный. Великий советский певец (бас) Марк Осипович Рейзен (1895-1992) прожил не только длинную, но и интересную жизнь. В Первую Мировую войну был призван в армию в Финляндский полк, где за отличие в бою получил Георгия 4-й степени. Был ранен. И никто не предполагал, что сын еврея-угольщика железнодорожной станции Зайцево станет солистом Большого театра, народным артистом СССР и трижды лауреатом Сталинской премии.

Уникальным явлением было также присвоение офицерского звания главнокомандующим русской армии на Дальнем Востоке генерал-адъютантом А.Н. Куропаткиным солдату Горнштейну. Суть подвига такова: вместе с несколькими товарищами он попал в плен и находился в месте, имеющим важное стратегическое значение. Кроме того, там же находились громадные склады с амуницией и продовольствием. Горнштейн, вероятно, будучи образованным человеком, хорошо разбираясь в топографии, нарисовал расположение местности, а также укрепленные позиции врага. На одиннадцатый день пленнику удалось ночью бежать. Побег был обнаружен. Японцы осыпали беглеца градом пуль, но удача сопутствовала храбrecу. Добравшись до своих, он немедленно потребовал, чтобы его доставили к главнокомандующему. Он понимал стратегическую важность разведанного. Представленные схемы местности и другие данные убедили начальство в необходимости незамедлительных действий. Атака была произведена X корпусом и окончилась одной из редких побед в этой злощастной войне. Внезапное нападение привело к захвату значительных запасов провианта и амуници; другая часть была уничтожена. За точную разведку, храбрость и сметку главнокомандующий Куропаткин своей властью произвёл рядового в офицеры и наградил его Георгием.

Надо добавить, что Алексей Николаевич Куропаткин никогда не был «жидоедом». Он многого не смог сделать евреям, но и то малое должно быть отмечено. Так, к его арбитражу прибегли евреи, когда антисемиты огульно обвинили иудеев в повальной трусости и измене. Он ответил юдофобам весьма объективным письмом. К слову – генерал принял Советскую власть и работал учителем в своей школе, основанной им для крестьян в своем имении в селе Шешурино Холмского уезда Псковской губернии. Его труд был посмертно отмечен: в 1964 году на могиле был поставлен памятник с надписью: «Основателю сельскохозяйственной Наговской школы». Bravo! Это единственный памятник царскому генералу, установленный в годы советской власти.

Среди полных кавалеров, участников ПМВ, награждённых четырьмя крестами, были также и евреи. Общее число имеющих полный бант достигало 30-ти тысяч. В начале 1918 года в «Союзе Георгиевских кавалеров-евреев» было почти 2500 человек.

Кстати, они выступали активно против Брестского мира – это о вопросе патриотизма или псевдопатриотизма. К сожалению, я не могу дать полный список евреев, отличившихся на фронтах войны. Связано это в первую очередь с нехваткой архивных данных, а во-вторых, мне не хотелось превращать книгу в телефонный справочник. Выбрал же я, в основном, тех, о которых у меня есть кое-какие биографические данные. По поводу евреев – Георгиевских кавалеров вышло несколько книг, но я думаю, что данные, приводимые авторами, неточны и, в большинстве случаев, не проверяемы. Но в любом случае, лакуна в том или иной степени заполнена. Надеюсь, что и мой малый труд войдёт в копилку героев нашего народа. Прошло без малого сто лет после Первой Мировой войны. Я считаю, что каждый народ должен знать своих героев, особенно мы, евреи. Напомним, что Россия воевала против Германии, которая уже тогда показала своё непривлекательное лицо. Именно немцы впервые стали стрелять по церковным памятникам, отмеченным в истории мировой культуры. Именно немцы использовали впервые ГАЗ в военных целях. Именно немцы ввели в практику взятие и расстрел заложников. Немцы впервые стали бомбить города с мирными жителями и, недаром, командир эскадрильи Рихтхофен капитан Герман Геринг был объявлен военным преступником еще в 1919 году и его выдачи требовала Франция. Мы знаем, кем стал впоследствии «наци № 2»! Напомним, что один из русских философов написал статью в 1914 году под названием «От Канта до Круппа» (В.Ф.Эрн), где чётко объяснил тенденцию германской идеологии. Первая Мировая война была прологом более ужасной войны. Прошло двадцать лет после Версаля, и наш народ оказался на грани уничтожения. Герои Первой Мировой войны, как и герои Второй – сражались за выживание евреев. Напомним, что Россия в 1914, а затем в 1941 году оказалась в стане Антанты неслучайно: «Не с нами ль свободный француз, не с нами ль свободный британец» (В.Брюсов), а затем и великие Северо-Американские Штаты.

Неполный список солдат Первой мировой войны.

Файнгор Лев Мовшович.

Кацнельсон Абрам.

Бондарь Меер Зайвелевич, подпрапорщик. Служил в армии с 1911 года, воевал на Западном фронте. Согласно удостоверению за № 378 от 10 декабря 1916 года был награждён 4-мя Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями всех степеней. Дважды ранен. До призыва служил в торговом доме в Бердичеве.

Шор Захарий – фейерверкер артиллерийской батареи. Полный Георгиевский кавалер. Три брата З. Шора также находились на войне.

Бергер Генрих – мл. фейерверкер артиллерийской батареи. Кавалер всех 4-х степеней, а также имел Георгиевскую медаль.

Плоскин Мордух Абрамович, родом из Вильны, 28 лет. Полный Георгиевский кавалер. Награждён и за уничтожение восьми германцев и за спасение командира полка. После ранения ампутировали ноги. Его отец, Абрам Плоскин, 44 лет, тоже был тяжело ранен. Оба инвалидами войны были уволены со службы.

Каплан А., прапорщик. Родом из Москвы. Полный Георгиевский кавалер. Первые два креста получены им за разведку. В первом случае наши войска захватили у германцев две пушки, во-втором – несколько пулеметов. Самый интересный подвиг совершил, проведя разведку в крестьянском одеянии. Ему удалось осмотреть расположение вражеской батареи. Благодаря сообщённым данным, огнём русской артиллерии батарея была уничтожена. Каплан был 12(!) раз ранен. За свои заслуги был произведён в прапорщики.

Медведовский Самуил Пинхусович (1891–1924). Родился в городе Золотоноша Полтавской губернии. *(Интересно то, что гроссмейстер Исаак Болеславский также родом из этого городка) Его биографию мы знаем сравнительно полно. Его отец служил в синагоге. Благодаря помощи сельского учителя, Самуилу удалось учиться в городском училище. Он блестяще выучил немецкий язык и говорил на нем без акцента. Впоследствии это ему пригодилось. В 1911 году экстерном сдает курс гимназии. В 1912 году его мобилизуют в армию. Служит он в 27 Витебском полку на должности писаря, по причине грамотности. При начале Мировой войны, командир полка антисемит Богданович перевел писаря в команду пеших разведчиков. Вместе с Медведовским в разведку попали еще два еврея-фельдшера: «Пускай-ка*

эти субчики пороху понюхают». Через два месяца он получил два Георгия. А к 1916 году он получил четыре Георгия – полный георгиевский кавалер и еще георгиевская медаль. Посему получил чин подпрапорщика. Неизвестно: изменил ли генерал Богданович свое мнение о евреях. Но факт остается фактом – бывший писарь стал офицером. В конце 1917 года начальник Бердичевского гарнизона. При формировании Красной Армии в 1917 г. он вступил в партию большевиков.) сыграл выдающуюся роль, особенно при создании Юго-Западного фронта. С августа 1919 года начдив 15-й стрелковой дивизии. После Гражданской войны командовал дивизией, а с 1923 года – помощник командующего Приволжским ВО. Награжден двумя орденами Красного Знамени. К сожалению, в апреле 1924 года он скончался.

Шмидт Дмитрий Аркадьевич (Давид Аронович Гутман) родился в 1891 году в г. Прилуки Полтавской губернии – расстрелян в 1937 году. Неясно, имел ли он полный Георгиевский бант, но чин прапорщика говорит в пользу этого. Георгиевский кавалер – это несомненно. Член РСДРП с 1915 года. В 1918 году комендант родных Прилук. Храбрый из храбрых, так его называли. Был захвачен петлюровцами и расстрелян. Чудом остался в живых. Командир полка, бригады, дивизии. Дважды награжден орденами Красного Знамени. Окончил Академию им. Фрунзе – начальник кавалерийской школы в Елизаветграде и Владикавказе. Окончил курсы усовершенствования высшего ком.состава при Военной бронетанковой Академии (1935). Командир-комиссар дивизии, затем танковой бригады. Арестован в 1936 году. По легенде: на Красной площади, при всем честном народе, фехтовал перед носом Сталина саблей – этого позора Гений Всех Времен и Народов ему не простил.

Из известных мне имён:

Штрамах Моисей Яковлевич – унтер-офицер, в русско-японскую войну был награжден Георгием 4-й и 3-й степени. В марте 1916 года получил Георгия 2-й степени.

Гильштейн Мордко Ицко-Мошков, уроженец Киевской губернии. В русско-японскую награжден орденом Георгия 4-й степени. Затем был награжден орденом и медалью 3-й степени за спасение раненого командира и разведку в тылу врага.

Скляр Хаим Абрамович, житель г. Керчи, 43 лет. С редкой, по мнению антисемитов, еврейской специальностью слесаря – работал 25 лет в депо Юго-Западной железной дороги. Во время русско-японской войны в сражении на реке Ялу он был награжден крестом 4-й степени. В самом начале войны, 15 сентября 1914 года, непри-

ятелю удалось захватить знамя полка. Имеющий боевой опыт разведчик, рядовой Скляр принял командование разведотрядом и во главе 36 бойцов бросился в рукопашный бой и отбил полковое знамя. За этот подвиг он получил Георгия 3-й степени.

Визельберг, Иосиф Рувинович, рядовой, награжден медалью 4-й ст. Был ранен 19 октября под Двинском. Доставлен в Петроград, в городской лазарет. Визельбергу было 20 лет, родом из Яхтушкова, Могилевского уезда, Подольской губернии. По профессии – типографский машинист.

Вейс, Шлема, рядовой, награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Вейс был ранен в Восточной Пруссии 17 августа 1914 года. Раненый в ногу и оставленный своей ротой в лесу, он ждал помощи. И действительно его подобрала санитары и перевезли на медпункт. Он был захвачен немцами. В плену ампутировали ногу и он, по размену тяжелых военнопленных, был доставлен в госпиталь Петрограда. Вейс родом из Венгрова, Седлецкой губернии. Ему 27 лет. Служил в банкирской конторе. В этом рассказе поражает гуманность немцев.

Зинкевич, Исаак Нусенович, получил медаль 4-й степени за храбрость. Отличие получил, находясь в одном из Московских госпиталей.

Шулькес, Цодик Нотович, награжден Георгиевской медалью 4-й степени. Родом из Гродно. Находился на излечении в лазарете Московского автомобильного общества.¹⁶⁰

Эльман, Исаак Файвелев, уроженец Брест-Литовска, представлен капитаном Неймарком к медали 4-й ст. за разведку.

Бергер, Саломон Лейбович получил медаль 4-й ст. за разноску патронов.

Бураковский, Мовша Лейбович, родом из Сувалок, ефрейтер действительной службы, получил 23 февраля Георгиевский крест 4-й ст. за разведку под Сухачевым. Бураковский был два раза тяжело ранен в голову и находился на излечении в Мещанской богадельне, в Москве. Приводится фотография героя.¹⁶¹

Трускулянский, Шая Аншелев из Лодзи получил медаль 4-й ст. на Георгиевской ленте за разведку, находился в лазарете 4-го Мещанского училища.

Розенфельд, Исаак Феликсович, вольноопределяющийся, 17 лет, представлен 17 апреля 1915 года корнетом фон Энгелем к Георгиевскому кресту 4-й степени за снятие неприятельского дозора. Розенфельд был одним из 25 человек (в их числе двое евреев), представленных к Георгиевскому кресту за снятие австрийского дозора;

последний состоял из 12 человек, из которых 4 были убиты, 5 взяты в плен, в том числе один офицер. Розенфельд родом из Измаила, Бессарабской губернии, находился на излечении в лазарете служащих Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. Как видим, еврей, несовершеннолетний, добровольцем пошел на войну. И это не единственный случай.

Корк, Михаил Израилевич из Кельц, представлен к Георгиевскому кресту за то, что он охотником (т.е. добровольно, по собственному желанию) вызвался донести приказание под сильным неприятельским огнём. В результате донесения было взято в плен 600 человек, в том числе 10-12 офицеров, 4 пулеметов и других трофеев. Дело происходило на австрийском фронте. Против немцев такие удачи были реже. Корк находился на излечении в госпитале.

Голубчик, Мендель Мошков представлен ротным командиром подпоручиком Драгомировым к Георгию 4-й ст. за то, что во время атаки между Сувалками и Августовым он одним из первых бросился из окопа. Голубчик родом из Лодзи, находится в лазарете бр. Катуар. Обращает внимание фамилия ротного командира. Она прославлена в русской военной истории. Возможно, он был сыном генерала Абрама Михайловича Драгомирова, участника Мировой войны.

Клейман – Киршнер, Ехиель Хильзенов из Опатова (Радомской губернии) получил медаль 4-й ст. на Георгиевской ленте. Медаль эту он получил, находясь еще на позиции, на перевязочном пункте, был ранен в руку, ногу и плечо шрапнелью.

Лейзерович, Герш Абрамович, уроженец Варшавы, получил Георгия 4-й ст. за разведку, и за то, что несколько раз будучи раненым, каждый раз оставался в строю. Лейзерович находился на излечении в Мясницкой больнице г. Москвы и в «настоящее время рвётся на позиции». Что ж, были евреи и не трусы.

Зейфман, Хаим Яковлевич получил Георгиевский крест 4-й ст. за то, что он в числе 17 человек, оставшихся от одной из рот армии Самсонова, при отступлении спас знамя и обоз, а также за отдельные «битвы», в которых принял участие. К отличию были представлены все 17 человек. Зейфман родом со ст. Знаменка, Херсонской губернии. Находится на излечении в лазарете Московского Биржевого общества, в Третьяковской богадельне. Вынес знамя полка из окружения, что считалось особой доблестью и в годы Великой Отечественной. Генерал Дрейер рассказывает, как многие закапывали знамена. Зейфман один из немногих, вырвавшихся из кольца.

Миссер, Лейб Берков получил медаль 4-й ст. на Георгиевской ленте за храбрость от адъютанта Его Величества и Георгиевский крест 3-й ст. за разведку. Миссер из г. Люблина, находится на излечении в 91 Городском госпитале Москвы.

Гринберг, Самуил Вольфович, ефрейтор на действительной службе, представлен к чину старшего унтер-офицера и Георгиевскому кресту 3-й ст. за разведку под Бзурой, на германском фронте. Георгиевский крест 4-й ст. получил еще во время русско-японской войны. Гринберг из Симферополя, находился на излечении в лазарете Финского горного Союза. Гринберг старослужащий солдат.

Байбус, Герш Файвелевич представлен к Георгию 4-й ст. за участие в атаке и за спасение взводного командира из плена, и к Георгиевскому кресту 3-й ст. за то, что в ночь с 29 на 30 января, будучи начальником полевого караула, отбил пулемет за Лыком. Байбус родом из Варшавы, находился в лазарете Анонимного Общества, Москва. Его приятель, вероятно еврей, старший унтер-офицер по фамилии Хоботинский, сообщил из его части – 3-й роты 255 Аккерманского полка, что награды Байбуса прибыли в полк.

Лясберг, Рубин Абрамович получил Георгиевский крест 4-й ст. за то, что вынес раненого офицера под Варшавой. Лясберг из Радома Люблианской губернии, находится на излечении в Военном госпитале в Москве.

Хефт, Шлема получил медаль на Георгиевской ленте за то, что отбил из плена офицера на германском фронте. Тогда же был ранен в руку. Хефт из г. Петровка, находился на излечении в лазарете Липгарта.

Грейтель, Абрам Григорьевич, 19 лет, из Киева, получил Георгиевский крест 4-й ст. за то, что будучи ранен остался в строю; Георгиевский крест 3-й ст. за разведку и Георгиевскую медаль 4 степени за храбрость. За все эти отличия он получил чин младшего унтер-офицера 6-го Уланского Новоархангельского полка.

Гауптман, Герман Янкелев получил Георгиевский крест 4 ст. за разведку на германском фронте. Гауптман из Лодзи, находился на излечении в Главном Военном Госпитале, Москва.¹⁶²

Резников, Лейба Гершович, подпрапорщик. Уроженец м. Каховка, Таврической губернии. На военной службе с 1912 года. С начала войны находился на фронте и участвовал во многих боях. За боевые отличия, как видно из удостоверения, выданного командиром Рыльского полка от 9 мая 1916 года, Резников был последовательно награжден Георгиевскими крестами 4-й, 3-й, 2-й, 1-й степени и Георги-

евскими медалями 4-й, 3-й, 2-й степени и, согласно статуту, произведён в подпрапорщики. В январе текущего (1916 года) Резников был ранен при исполнении важного поручения и эвакуирован в г. Мелитополь, откуда через несколько недель, не дожидаясь полного выздоровления, был назначен в Екатеринославскую команду, добиваясь возвращения в свой полк. 22 мая Резников был смертельно ранен в бою и скончался не приходя в сознание. Похоронен на братском кладбище. Резников первый полный георгиевский кавалер, попавшийся мне на страницах журналов. Интересно то, что он был кадровый военный, и, следовательно, солдат с опытом. Вспомним слова Брусилова о еврее-разведчике, с трудом получившем офицерское звание. Возможно, им был этот герой. Его портрет приводится на страницах журнала.¹⁶³

Петровицкий, Майер Ехиелевич, принят на службу в г. Бердянске в 1912 году. В начале войны отправлен на германский фронт. Награжден Георгиевской медалью 4-й ст., за то, что под сильным огнем неприятеля оказал медицинскую помощь своим товарищам. Прилагается фотография воина.

Лукин, Моисей Мордухович, уроженец г. Екатеринослава. Его родители получили «похоронку» следующего содержания: «Ваш сын честно пал за Родину в бою 4 июля 1915 г. Получил Георгиевскую медаль 4-й ст. и был мною представлен к Георгиевскому кресту. Подпись: Командир 5-й роты штабс-капитан М. 1916 г., апреля 11 дня. Действ. Армия». Это одна из немногих похоронок, обнаруженных мной на страницах журнала. Имеется также фотография Лукина, еврея, имеющего такую русскую фамилию.

Кушнер, Иосиф Файвелев, из колонии Александрейно при г. Бельцы, Бессарабск. губ. До войны торговал скотом. Служит в артиллерии. Награжден Георгиевской медалью 4-й ст. Интересно, как пра-сол (подобно поэту Кольцову) стал артиллеристом. Вероятно, имел достаточное образование, как и другие евреи, попавшие в этот род войск.

Дрейер Соломон Гершкович, из местечка Цехановец, Бельского уезда, Гродненской губернии. До войны заведовал мебельной мастерской своего отца. Служит в артиллерии. Награждён Георгиевской медалью 4-й ст. Не посрамил фамилии знаменитого генерала, который по паспорту числился русским.¹⁶⁴

Нейман, Мейер Давидович из Новомясто, Петроковской губернии, представлен к Георгиевской медали 4-й ст. и Георгиевскому кресту 4-й ст. К первому отличию – за взятие в плен 102 человек германцев: как

знающий немецкий язык. Он был послан вперёд при наступлении и, видимо, обманул бдительность немцев. При участии Неймана были арестованы сдавшиеся в плен германцы. Ко второму отличию был представлен за разведку и за то, что, будучи раненым, остался в строю. Представлен к наградам ротным командиром П-м и, по сведениям из письма товарища, отличия уже давно посланы в полк. Сам же Нейман находится на излечении в лазарете Бостанжогло в Москве. Необыкновенно интересное сообщение. Редчайшая вещь: сдача сотни немцев в плен, и при том добровольно. Немцы – не австрийцы, и цена этой георгиевской медали чрезвычайно высока.

Изрец, Михаил Семенович, из Ростова, получил унтер-офицерский чин за участие в боях против неприятеля на германском фронте. Изрец, находившийся на позиции восемь с половиной месяцев, лечился от ран в лазарете Тизенгаузена, в Москве.

Элькин, Эля Беркович, из Гомеля (Покровский лазарет. Москва), получил медаль 4-й ст. и 3-й степени за эвакуацию раненых под сильным огнём неприятеля на германском фронте.

Резников, Ицка Мойша Эльев, из Елисаветграда, Херсонской губ., представлен к Георгиевскому кресту 4-й ст., за то, что под Сувалками он вместе с другими, вырубил оружие.

Вейсман, Шлиома Иосифович, представлен к Георгию 4 ст. за командование отдельным взводом, который наступал, несмотря на сильный огонь неприятеля. Вейсман из Каменец-Подольска, находится на излечении в одном из лазаретов в Перми.

Ханковер, Абрам Яковлевич, из Олсарова, Радомской губ., получил медаль 4-й ст. за храбрость. Находится в госпитале г. Гродно.

Ванярш, Шлема Давидов, получил Георгиевский крест 4-й ст. за хорошую службу и представлен к Георгию 3-й ст. за разведку. Ванярш из Замброва, Ломжинской губ., находился на излечении в Главном Военном госпитале, в Москве.

Гурвиц, Борух Мордухов, родом из Варшавы, получил медаль 4-й ст. за храбрость. Лечился в одном из лазаретов г. Риги.

Уленгайк, Абрам Ариасин, из Млавы, Плоцкой губ. Получил медаль 4-й ст. за то, что в составе 30 человек забрал 6 пулемётов и представлен к Георгиевскому кресту 4-й ст., за то, что будучи раненым остался в строю. Крест получен в полку и за него он уже получает пенсию. Находился в лазарете г. Нарофоминска. Здесь интересно то, что награда ищет героя долго. Так было и во время Великой Отечественной.

Боровский, Арий Мордихелевич, получил Георгиевский крест 4-й ст. за спасение пулемета и медаль за то, что не сдался в плен под П-в. Боровский из Гродно, находился на излечении в лазарете г. Богородска. Оказывается, не все евреи сдавались в плен.

Бокфельд, Абрам Шаевич из Варшавы, представлен к Георгию 4-й ст. за разведку и к Георгию 3-й ст. – за взятие в плен группой в числе 6-ти человек 20-ти германцев. Бокфельд был контужен в голову и находился на излечении в одном из лазаретов Варшавы.

Городинский Айзик, раненый в руку, награжден Георгиевской медалью 4-й ст. и Георгиевским крестом 4-й ст. за захват неприятельского пулемета и за обнаружение в «избушке на чердаке неприятельского телефона».

Евзерович, Соломон, 17 лет, уроженец г. Житомира, награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й ст. за перемещение пулеметов с одного фланга на другой. Евзерович – сын бедного стекольщика.

Бекер, Самуил. Сын виленского заводчика. Вольноопределяющийся. Награжден Георгиевской медалью 4-й ст., представлен к награждению крестом 4-й и 3-й ст. К Георгию 4-й ст. представлен за бой у посада Д. Находясь под сильным огнем неприятеля, когда была перебита прислуга у орудий, вывел их в безопасное место. К Георгию 3-й ст. представлен за подвиг у фольварка В., где вызвался охотником восстановить прерванную связь с соседним полком.

Шейнман, Э., старший врач полевого госпиталя, награжден орденом Станислава 2-й ст. с мечами.

Левин А.М., белостокский врач, награжден орденом св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом за оказание помощи раненым воинам под неприятельским огнем при обстреле санитарного поезда. Д-р Левин ветеран, русско-японской войны. Приказом командующего армиями Северо-Западного фронта 150 санитаров виленской добровольной санитарной дружины «за отлично-усердную» службу и труды по уходу за ранеными воинами были награждены различными знаками отличия и медалями на Анненской и Станиславской лентах. В числе награжденных – 40 евреев, из которых старшина дружины С.А. Иоффе награжден золотой шейной медалью на Александровской ленте, Ф. Тыслер и И.Бер – золотыми нагрудными на Анненской ленте, а остальные – серебряными нагрудными на Станиславской ленте.

«Нам пишут из Бердичева.

Жителем г. Бердичева Шлемой Сандалом получено от командира 5-й роты 165 пехотного Луцкого полка письмо следующего содержания: "Семейству Файвеля Сандаля. Рядовой 5-й роты пехотного полка

Файвель Санда, будучи санитаром, в боях смело и самоотверженно перевязывал раненых товарищей. Когда 19 мая бросились в атаку на австрийцев, Санда последовал за ротой, находился в первых рядах, на ходу перевязывая раненых. во время перевязки брошенной бомбой он был убит – 19 мая в 11 час. дня. За проявленное мужество и храбрость он представлен был к награждению Георгиевским крестом 4-й степени.

Представление утверждено и крест будет выслан вам скоро. Командир роты (подпись)"»

Санда погиб на 21-м году жизни. До поступления на военную службу он занимался в Бердичеве продажей еврейских газет.

Как сообщают «Одесские новости», в течение последних двух-трех дней держался упорный слух, будто врач одесской еврейской больницы Ю.А. Мюнстер, находящийся на настоящее время в действующей армии, убит. Этот слух оказался неверен. За героическую работу под огнем неприятеля д-р Мюнстер Высочайше награжден орденом св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом.

Штейнгардт Шмуль Янкель, родом из г. Витебска, получил Георгиевскую медаль 4-й ст. за храбрость. 23 мая 1915 года любимец товарищей и начальства, георгиевский кавалер, скончался от ран

Залман Шлиомович Шапиро, уроженец м. Коханово, Оршанского уезда. Дважды побывал в немецком плену и дважды бежал. Родные получили письмо от сослуживца погибшего, составленное в трогательных словах:

«Здравствуйте многоуважаемый Шлиомо Шапиро!

Спешу послать известие о вашем сыне Залмане Шапиро. Он убит вражеской пулей, которая и осталась в нём. Залман скончался и был похоронен 15 мая 1915 г. При похоронах присутствовал командир полка и много офицеров с хором музыки, потому что он был любимцем полка. Похоронен парадно на братском кладбище. У него были два заслуженных георгиевских креста, и он был представлен к третьему кресту...»¹⁶⁵

Либнер, Абрам Георгиев, из Варшавы, получил медаль 4-й ст. и был представлен сразу к двум Георгиям: 4-й и 3-й ст, за взятие нескольких орудий на германском фронте.

Фогель, Абрам Ошерович имел медаль 4-й ст. за храбрость. Был представлен к Георгию 4-й ст.

Гольдин, Иосиф Исаакович получил 7 августа 1914 года Георгиевский крест 4-й ст. за разведку на германском фронте под Истенбургом и 3-й ст. за отличную разведку под Варшавой, у Червонной Нивы.

Ефим Вахтель, прикомандированный к донскому казачьему полку ветеринарный врач Высочайшим приказом от 8 марта 1915 года был пожалован орденом Св. Станислава 3-й ст. При откомандировании Вахтеля к месту постоянной службы, в приказе по полку ему была выражена «искренняя благодарность за его полезную от всего сердца работу в полку при особо трудных условиях». Здесь приводится фотография Вахтеля в офицерских погонах.

Бржезинский Виктор Иосифович, рядовой, награждён двумя Георгиевскими медалями и Георгиевским крестом 4-й ст. за спасение командира и за поднос патронов под сильным огнём. Он уроженец Лодзи, сейчас проживает в Киеве. Приводится фотография Бржезинского, на груди которого четыре награды.¹⁶⁶

Резник Хаим, старший унтер-офицер, представленный к Георгиевскому кресту и медали, пропал без вести во время последнего боя, о чём сообщено родителям. Приведена фотография совсем юного солдата, лет 18-ти.

Баум Рафаил Семенович, старший унтер-офицер, 18 лет награжден двумя Георгиевскими крестами 4-й и 3-й ст. Оба раза проявил выдержку в разведке. В торфяном болоте, дождавшись темноты, прополз восемь вёрст и доставил важное донесение.¹⁶⁷

Хайкин Лев, военфельдшер, родом из г. Черкассы, имел за воинские отличия Георгиевские Кресты всех четырех степеней, т.е. является полным Георгиевским кавалером. За участие в войне с Японией имел два Георгия 4-й и 3-й ст. В настоящей войне ранен под Перемышлем 19 сентября 1914 г. Открыв семь австрийских шпионов, сигнализирующих своей артиллерии, он сумел захватить в плен австрийского генерала, за что получил Георгиевский крест 2-й ст. Из полевого лазарета его перевели на должность фельдшера дивизиона. Был тяжело ранен и эвакуирован в Петроград, где лежал в дворцовом госпитале. Здесь ему вручили Георгиевский крест 1-й ст. Эвакуирован в Пятигорск. Он опять попросился на фронт и однажды ночью, при захвате австрийского мотоциклиста, был ранен в область живота. При убитом австрийце нашли важные документы, а Хайкин был эвакуирован в Севастополь. Если этот герой – исключение среди еврейских солдат, то видимо, подобные герои такое же редкое исключение в среде солдат других национальностей!¹⁶⁸

Юзефович, Рувим Яковлевич, родом из Лодзи, получил Георгиевский крест 4-й ст. за разведку, 3-й ст. за взятие штурмом вражеских окопов и 2-й ст., за то, что повел в атаку полк. Находится в госпитале в Москве. Все отличия получены на германском фронте.

Иофиш Калман Гершович пропал без вести. На его родину в Забайкалье, в Петровское Волостное управление пришло уведомление за подписью ком.полка генерал-майора С. о награждении Иофиша за храбрость Георгиевским крестом 4-й ст. Как видим, даже пропавшие без вести, в отличие от сталинских времен, получали награды.

Вербицкий, Эль Гейнихов, родом из пос. Березниговатый Херсонского уезда, имеет две награды: Георгиевский крест 4-й ст. за разведку и представлен к Георгию 3-й ст. также за разведку на Австрийском фронте. Ранен. Находится на излечении.¹⁶⁹

Сафьян Соломон, сын одесского купца, отправился на фронт добровольцем. Награжден двумя Георгиевскими крестами и произведен в прапорщики – случай уникальный. Находился на излечении в Киеве.¹⁷⁰

Цемах Шабад (1864–1935) был знаменитым виленским врачом и общественным деятелем. Он был литературным прототипом героя сказки Корнея Чуковского «Доктор Айболит». Менее известно, что д-р Шабад был активным участником П.М.В. На войну отправился добровольцем в качестве старшего врача передового санитарного отряда Союза городов.¹⁷¹

Хаим Сорин, награжденный Станиславом 3-й ст., за отличие в боях против германцев. упоминается номере «Нового Восхода».

Абельман Морис Львович, младший врач финляндского стрелкового полка д-р, действительный статский советник за особые заслуги по мобилизации награжден Владимиром 3-й ст.¹⁷²

Эдельман Года Генрихович, старший врач пехотного полка. За свои боевые заслуги получил следующие награды: орден св. Станислава 3-й ст. (приказ по армии от 22 февраля 1915), орден св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (приказ от 3 декабря 1915), и знаками военного отличия: св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость». Кроме того был представлен к орденам св. Святослава 2-й ст. с мечами и св. Анны 2-й ст. с мечами.¹⁷³ Там же прилагается фотография героя.

Французов Леон Борисович, врач, ветеран японской войны. Имеет ордена св. Святослава и св. Анны. Награжден в орденом св. Владимира 4-й ст. Прилагается фотография Французова.¹⁷⁴

Мутерфельд Зиновий обучался в берлинской консерватории. В начале войны вернулся в Одессу, где был призван на военную службу. В номере «Нового Восхода» опубликовано трогательное письмо полкового священника родителям: «С тяжёлой грустью сообщаю вам о преждевременной смерти вашего сына Зиновия Мутерфельда. Сын ваш, вами любимый, а для нас дорогой, незабвенный мученик и воин

на поле брани, пал смертью героев. Прах его по моему распоряжению покоится около Униатского кладбища. Дорогая могилка его обложена зеленым дерном. В могилу вбит столб, на нем прибитая металлическая дощечка такого содержания:

*"Здесь покоится прах убитого в бою 6 августа 1916 г.
рядового ... пехотного полка, первой роты
Зиновия Шмулевича Мутерфельда,
Херсонской губернии, мещанина города Одессы".*

Вот всё, что я в силах был сделать. Да упокоит его праведную душу Иегова в лоне Авраама, пусть спит дорогой, любимый и незабвенный нами Зиновий тихим безмятежным сном до светлого утра, а вас всех, родных и знакомых ему, да утешит Бог Израиля невидимую Своею помощью и милостью. Тяжела утрата, велико родительское горе, но велика честь и слава родителей, сын которых пал честно за родину. Пусть же за их мученическую кровь восторжествует правда».¹⁷⁵

Спустя почти 90 лет невозможно без волнения читать это проникновенное письмо полкового священника. В этом письме родителям есть удивительный такт. Обычно погибших евреев хоронили на фронте в братских могилах. Но священник вероятно добился для еврея отдельного места на униатском кладбище. А главное, в письме есть обращение к старому еврейскому Богу. Тактично он напоминает общее в иудаизме и христианстве.

Но, пожалуй, это письмо исключение. Во время войны возникла с новой силой проблема возвращения крестившихся евреев в лоно иудаизма. Обычно это было связано со смертью в госпиталях больших городов. Вот что пишет по этому поводу «Еврейская Неделя»:

«На днях Петербургская духовная консистория разрешила принципиальный вопрос. Умер крещёный еврей, пожелавший перед смертью возвратиться к вере своих отцов и подавший об этом прошение, которое за краткостью времени не было удовлетворено. Близкие к покойному лицу возбудили ходатайство о разрешении похоронить его по еврейскому обряду, ссылаясь на предсмертную волю.

Администрация запросила заключения епархиальных властей. Петроградская духовная консистория ответила, что человек, отпавший от православия, не может быть погребён по христианскому обряду, а как и с соблюдением каких обрядностей будет он погребен, для духовной власти безразлично: это дело администрации. Почивший был погребён по еврейскому обряду.

«Голос Руси» передает, что скончавшийся на днях журналист К.Я. Эттингер три года назад, будучи евреем, крестился по православному обряду. Перед смертью, однако, он пожелал возвратиться в веру отцов и подал соответствующее прошение. Хотя последнее еще не было удовлетворено, родные почившего ходатайствуют о разрешении похоронить его по еврейскому обряду. Ходатайство его передано администрацией на заключение духовного епархиального начальства. Газета полагает, что, согласно уже имеющимся прецедентам, предсмертное желание покойного будет выполнено». ¹⁷⁶ Несложно заметить, что согласие у духовных властей было вырвано накануне февральской революции. Карл Яковлевич Эттингер был помощником гл. редактора «Биржевых Ведомостей».

Сводный брат писателя Виктора Шкловского от первого брака отца – Евгений Борисович был чистокровным иудеем. Он окончил консерваторию в России, архитектуру – в Париже, и вновь в России стал врачом-хирургом... Потрясающего дарования человек! По мобилизации попал в артиллерию. Оказал невероятно-ценную услугу Русской армии: при отступлении из Перемышля он единственный снял план крепости, что впоследствии пригодилось, т.к. по этому плану можно было знать цели, по которым следовало стрелять. ¹⁷⁷ Чем он был награжден – неизвестно. Стоит досказать его судьбу: его убили белые под Харьковом, в Красном Санитарном поезде закололи штыком при попытке защитить раненых...

Кацнельсон Мария Израилевна, сестра милосердия, уроженка г. Бобруйска, Минской губ. С начала войны работала в госпитале в Гомеле в лазарете кн. Паскевича. В начале 1916 г. будучи причислена к минской общине сестёр милосердия, была командирована в Действующую Армию, где работала в полевом подвижном госпитале, за какую работу награждена медалями на Станиславской и Андреевской лентах. В начале июня с.г. была, как еврейка, удалена из Действующей Армии и прикомандирована ко Крестовоздвиженскому госпиталю в г. Гомеле, где и сейчас работает. Приложена фотография милой еврейской девушки, пострадавшей из-за своего происхождения. Кажется, неравенство между положением евреев и православных в данном случае имеет шаржированный характер. Рядом с фотографией Кацнельсон, приведена большая групповая фотография евреев-солдат (около 30 человек) и среди них десять георгиевских кавалеров. Среди них **С.Когалес, Б.Новик, Н.Цейтлин** (имеет тои Георгия, в том числе и 1-й ст.), **А.Шулькин, А.Вепринский, Х.Зевелов, Л.Резник, М.Лейтин, М.Мирмович, М.Цацкин**. Процент героев весьма весомый. ¹⁷⁸

Ципринский, еврей, имел семь ранений. Был произведен в прапорщики. Георгиевский кавалер 3-х степеней. Война застала его в Берлине, откуда он бежал и стал добровольцем в разведочной команде.¹⁷⁹

Гельфман П.С., сын купца из Феодосии был представлен к Станиславу 3-й ст. с мечами и награждён Георгием 4-й ст.¹⁸⁰

Цион, Мандель, унтер-офицер, уроженец Петрограда, проживающий постоянно в Харькове, вольноопределяющийся. За отличие в боях награждён Георгиевским Крестом всех четырёх степеней, то есть был полным Георгиевским кавалером. Однако офицерское звание ему не было присвоено. При этом имелось удостоверение за подписью командира полка о наградах, полученных Ционом в различных боях. Оказывается это удостоверение должно быть предъявлено в полицейское управление, на «предмет права жительство».

Вот текст:

«Дано сие младшему унтер-офицеру из вольноопределяющихся Циону Манделю в том, что он действительно состоял во временно командуемом мною полку в 16 роте с 18 июля 1914 года по 22 апреля 1915, находился в строю, участвовал в боях, за бои 26-28 августа 1914 был представлен к Георгиевскому кресту 4-й степени, за бои 21-24 сентября к Георгиевскому кресту 3-й степени, за бои 6-7 октября к Георгиевскому кресту 2-й степени и за бои 13 декабря к Георгиевскому кресту 1-й степени. Награждён Георгиевской медалью 4-й степени за №72918 за августовские бои, ... как кавалер Георгиевского креста 3-й степени произведен в унтер-офицеры, что подписью и приложением казенной полковой печати удостоверяю.

Сие удостоверение дано для подачи в полицейское управление, на предмет права жительство" Подпись командира полка подполковника Л.»¹⁸¹

В этом же номере прилагается его фотография.

Боч, Давид Вольфович из м. Межибнич, Подольской губ., получил Георгиевскую медаль 4-й ст. за разведку и представлен ротным командиром Ильинским к двум Георгиевским крестам 4-й и 3-й ст., так же за разведку.¹⁸²

Мошковский, Меер Израилев получил Георгиевский крест 4-й ст. за поимку двух немецких шпионов, подававших сигналы с костела, и был представлен к Георгиевскому кресту 3-й ст. ротным командиром К-ским за ободрение товарищей во время боя, а также к Георгиевскому кресту 2-й ст. за отвагу в последнем бою. Кроме того, Мошковский, находясь на излечении в лазарете Солдатенковского училища в Москве, получил медаль 4-й ст. «за раны». Мошковский из села Александровского уезда, Иркутской губ., находился на позициях с 28 августа 1914 по 27 мая 1915 г.

Липник, Израиль Абрамович, вольноопределяющийся, в начале войны младший унтер-офицер. Ранен в Восточной Пруссии 10 августа 1914 г. Второй раз ранен под Гродно, остался в строю и, за выбытием командного состава, принял командование при атаке, воодушевляя солдат своим примером. Получил Георгиевский крест 4-й ст. и чин подпрапорщика. Находится на излечении в лазарете Первого Русского автомобильного клуба. Прилагается фотография подпрапорщика И.А. Липника.

Волянский, Исаак Симхов, из г. Соколки (Гродненской губ.), находился на излечении в лазарете г. Каширы. Ефрейтер с действительной службы. Получил Георгиевский крест 4-й ст. за разведку и 3-й ст. за спасение ротного командира под сильным огнем неприятеля.

Ротштейн Л., родом из Витебска, сын врача и студент Бельгийского университета. Добровольно пошёл во французскую армию. Служит в пехоте. За храбрость и неустранимость был произведён в офицеры. Имел многочисленные награды.

В этом же номере сообщено, что в Россию кружным путем прибыло 426 русских подданных из Франции. Среди них 142 человека – евреи. Большинство училось во Франции, получая образование – врачей, юристов, технологов. Все они служили добровольцами в пехоте в Иностранном легионе. Встречал их русский генерал и предложил избрать любой род оружия, а механики, шоферы, монтеры сразу же получили назначения в часть по своим специальностям.¹⁸²

Виктор Григорьевич Финк (1888–1973), будущий писатель, служил в Иностранном легионе. В 1913 году окончил юридический факультет Парижского университета. В качестве волонтера был на Западном фронте. В 1916 году вернулся на родину. Роман «Иностранный легион» неоднократно переиздавался и переведён на иностранные языки. По его словам, большинство бойцов Иностранного легиона из русских подданных составляли евреи. Отношение царского правительства к своим соотечественникам было отвратительно. После войны Финк жаловался на это обстоятельство генералу А.А. Игнатьеву.¹⁸⁴ Виктор Григорьевич в разговоре с писателем Жан-Ришар Блоком и его женой Маргерит Блок, причины, по которым еврейские эмигранты шли служить добровольцами, объяснял просто: это высокий идеализм при защите новой родины: «Что же касается волонтеров из русских подданных, то тут было много чистейших идеалистов. Взять хотя бы евреев из квартала Бастилии. Это была беднота: портные, сапожники, шляпники, торговцы старым платьем, часовых дел мастера, грошовые лавочники.

В этом древнем квартале королевского Парижа еврейская речь на улице господствовала, как в Одессе – на Малой Арнаутской или на Молдаванке. Жители квартала давно эмигрировали из России, спасаясь от религиозных и национальных гонений. Многие удрали от солдатчины. Если читателю хочется знать, чем она была в старой армии для так называемых «иноверцев» и «инородцев», пусть прочитают у Куприна. Когда началась война, эти эмигранты сами, по своей воле, пришли защищать Францию, страну, которая дала им прибежище и возможность трудиться и оградила их от каждодневных оскорблений национального чувства.

Спустя двадцать лет после войны я посетил места, где когда-то был с Легионом. Я еще нашел в Ульше, в Понтавере и под Краонной наши старые кладбища. Их заботливо охраняли. Под бесчисленными белыми крестами покоились Гольдманы, Гольдберги, Зальцберги, Зандберги и Рабиновичи. На каждом кресте, рядом с фамилией, было написано: «Russe, mort pour la France». «Русский, умер за Францию». ¹⁸⁵ Как, видим, французы не отмечали вероисповедования российских подданных – разительный пример для царской России.

К этим «французским» евреям следует добавить большой процент политических эмигрантов, добровольно пошедших воевать с «бошами». Вообще в Иностранном легионе, по словам Финка, евреи составляли едва ли не большинство из русских подданных. Он называет фамилии: **Шапиро, Брудек, Гельфанд, Дикман, Иоффе, Левинсон, Лифшиц...** После столкновения с начальством «легиона» за бунт большая группа евреев и русских была расстреляна, другая часть попала на каторгу. Русское посольство не вмешалось и не защитило своих граждан. ¹⁸⁶

Приблизительно тоже сообщает граф А.А.Игнатъев, русский военный агент во Франции, осаждаемый просьбами всевозможных эмигрантов послать их воевать на родину. В результате большинство попало в Иностраннный легион. Это были и бежавшие от погрома евреи (один из них из города – анекдота Бердичева), другие были русские еврей-фуражечники, третьи – политические эмигранты. «Я видел впервые людей, для которых царская Россия была ¹⁸⁷ не матерью, а злой мачехой».

Проскуровский, Хаим Давидович, из г. Умань, награждён Георгиевскими крестами 4-й и 3-й ст. Крест 4-й ст. получен за то, что 16 августа 1914 г. под сильным оружейным и артиллерийским огнем дважды ходил с донесениями к начальнику артиллерии, а также «примером личной храбрости ободрял солдат».

Георгием 3-й ст. награждён при участии в бою у реки Саны, несмотря на ранение, успел вовремя передать донесение командиру и вернуться в строй. Из-за ранения в глаз был освобождён от службы. Удостоверение о награждении Георгиевскими крестами было выдано за подписью командира полка.

Любарский, Аркадий Герш Лейбов, унтер-офицер. Житель местечка Ровное, Херсонской губ. Ему 24 года. Состоял на службе с 1912 г. Последовательно получил три Георгиевских креста. Георгиевский крест 4-й ст. за удачную разведку 26 сентября 1914 г. 12 октября – представлен к Георгиевской медали 4-й ст. за пленение 15 человек. 28 марта 1915 г. к Георгиевскому кресту 3-й ст. за то, что во главе своего взвода Любарский захватил четыре пулемёта и взял в плен 92 человека(!). 10 июля 1915 г. представлен к Георгию 2-й ст. – за разведку, где удалось раздобыть у убитого немецкого офицера важные документы.

За двенадцать с половиной месяцев нахождения на фронте Любарский был несколько раз ранен. В последний раз ему ампутировали руку выше кисти. Любарский подал прошение о зачислении в родную часть. Просьба была удовлетворена, и он был назначен полковым конным разведчиком. Вне всякого сомнения – это настоящий герой, несколько напоминающий Трумпельдора, также потерявшего руку, но оставшемуся в строю.

Крайзман З.Э., д-р, уроженец Златополя, Киевской губернии, награждён орденом Станислава 3-й ст. с мечами и бантом и Анны 3-й ст. с мечами и бантом.¹⁸⁸

Вилькин, Мовша Абрамович, из Вильно. Получил Георгиевский крест 4-й ст. за захват вражеского пулемёта на германском фронте. Георгиевский крест 3-й ст. – за снятие плана вражеской позиции. После ранения находился в лазарете 5-й женской гимназии, в Москве.

Гольдберг, Абрам Маркович, студент-медик, работал в качестве фельдшера. Получил Георгиевскую медаль 4-й ст. и Георгиевский крест 4-й ст. за спасение генерала. Раненого генерала везли на линейке, когда на них напали австрийцы. Гольдберг не растерялся, заставил кучера гнать лошадей. При бегстве и кучер, и фельдшер были ранены, но им удалось избежать плена.

Следующий знак отличия Гольдберг получил за арест австрийского шпиона, пойманного во время поездки за провиантом для своего отряда. После ранения Гольдберг находился на излечении в Киевском военном госпитале.

В этом же номере журнала – маленькая заметка следующего содержания: «Евреи Нижнеудинска, совершив в храме молитвы о даровании победы России, тут же собрали золотые вещи и золотые монеты и передали свой дар надлежащим властям для нужд войны».¹⁸⁹

Оказывается патриотизм евреев был достаточно велик. Сибирские евреи внесли свой посильный вклад в общее дело.

Новицкий Залман Борисович, из Бобруйска, кавалерист, ветеран японской войны, на которой получил Георгиевский крест 4-й ст. Капитаном М-м представлен к Георгию 2-й ст. за разведку и спасения дивизионного обоза под Лодзью. Новицкий – внук николаевского солдата, был в японскую войну ранен в голову, в настоящей войне был ранен пулей дум-дум в бок и голову; находился на излечении в Боевом лазарете, в Москве.¹⁹⁰

Вольф Винокур-Коген, киевлянин. Ветеран русско-японской войны. За ряд подвигов был награждён четырьмя георгиевскими крестами (Полный Георгиевский кавалер), знаками отличия св. Анны и представлен к большой золотой шейной медали. К сожалению, источник не распространяется о подвигах Винокура-Когена. На фотографии грудь храброго солдата полна всевозможных знаков отличий.

Ошер Ханукаев. Его фотография добровольца, вероятно горского еврея, награжденного Георгиевской медалью и 3-мя Георгиевскими крестами: 4-й, 3-й, 2-й ст.. Был ранен и находился в госпитале в Москве.¹⁹¹

Губинштейн, Борис Соломонович, получивший за Японскую войну Георгиевский крест 4-й и 3-й ст. и чин старшего унтер-офицера. На первой мировой войне получил Георгиевский крест 2-й ст. Будучи старшим разведчиком-кавалеристом, захватил германский пулемет. Георгиевский крест 1-й ст. вручён за захват германского знамени и гаубицы в составе группы из 25-ти солдат. Кроме того, был представлен к Георгиевской медали 4-й ст., согласно Высочайшей воле, как инвалид войны. Губинштейн родом из Гродно, находится на излечении в лазарете Красного Креста при Бранденбургском лагере для военнопленных в Германии. Как видим, были и евреи военнопленные, но от этого не умаляются его заслуги перед отечеством.

Вейцман Израиль Гейнехович. Был награждён Георгиевским крестом 4-й и 3-й ст. После ранения уволился с военной службы. Работал в Петрограде, в Правлении Богословского Горнозаводского общества. На фотографии – молодой человек лет 27, с интеллигентным лицом и двумя Георгиевскими крестами на груди.

Куюмджи Давид Яковлевич, уроженец Карасубузар (Крым). Был награжден Георгиевской медалью 4-й ст. и Георгиевским крестом 4-й ст. Георгиевский крест заслужил за оказание помощи шести раненым под огнём неприятеля. Медаль была вручена за захват австрийского разведчика и доставку его в штаб полка. Во время ранения находился в Виннице, в Рижском этапном госпитале. Приводится фотография героя. Здесь интересно то, что Куюмджи, по-видимому, принадлежит к редкой еврейской ветви – крымчаков.

Обращает внимание схожесть фамилии с фамилией известного художника Архипа Ивановича Куинджи. Последнего антисемиты обвиняли в еврейском происхождении, и кажется не напрасно. (потатарски Куинджи – золотых дел мастер, что соответствует ашкеназскому – Гольдман).

Фишман Гершон Хаим – родом из г. Беров, военврач полевого запасного госпиталя, получил боевой орден Станислава 3-й ст. с мечами и бантами.¹⁹²

Рит Наум Моисеев, родом из Бердичевского уезда, Киевской губ., находился на излечении в госпитале, в Москве. Получил ряд наград: Георгиевскую медаль 4-й ст. за разведку 15 окт. 1914 г.; Георгиевский крест 4-й ст. – 7 ноября 1914 г., за взятие в плен несколько германцев. Представлялся к Георгию 3-й ст. в конце января 1915 г. за бросание бомб в немецкий окоп и 1 марта 1915 г. к Георгию 2-й ст. за взятие в плен 17 германцев! К сожалению, о судьбе этого замечательного храбреца ничего не известно.

Гольдин М.З., подпрапорщик. Был награждён Георгиевскими крестами 4-й и 3-й ст. Чин подпрапорщика получил за побег из плена, где составил карту местности и доставил важные сведения, благодаря которым был взят в плен целый немецкий полк! Поразительно. Гольдина произвели в первый офицерский чин, обходя законы империи: он был даже не полный Георгиевский кавалер. Но взятие в плен полка немцев перевесило всё.

Несколько напоминает историю знаменитого казака Кузьмы Крючкова. В журнале помещена фотография подпрапорщика Гольдина.

Борщипольский, Лев Абрамович, получил Георгиевскую медаль 4-й ст. за доставку донесения в штаб полка под сильным огнём противника. Георгиевский крест 4-й ст. – за разведку, при котором были захвачены три пулемёта. Представлялся к Георгию 3-й ст. за отбитый у немцев занятый ими лес. Неоднократно вызывался добровольцем на опасные задания и получил за это чин ефрейтора.

Вольрехт Берко, родом из Варшавы, представлялся к Георгию 4-й ст. за донесение о местонахождении батареи врага после удачной разведки и к Георгию 3-й ст. за то, что несмотря на рану в ногу, сумел вытащить из боя раненого офицера. После тяжелого ранения под Лодзью попал в Московский Главный Военный госпиталь.¹⁹³

Зысманович А., вольноопределяющийся, был награждён Георгиевскими крестами 4-й, 3-й, 2-й ст. Зысманович, во главе группы разведчиков, ликвидировав часового, перешёл линию фронта. Затем переодевшись в немецкую форму, наблюдал за рытьём немцами окопов, выжидая. Когда, вырыв окопы, немцы удалились, разведчики разместились в готовых окопах. Пехотинцы, явившиеся утром, ничего не подозревая, были уничтожены, а уцелевшие взяты в плен. Впоследствии Зысманович стал полным Георгиевским кавалером.

Каем И.З., пятнадцатилетний еврей-доброволец. Проникнув в лагерь австрийцев и записавшись к ним добровольцем, Каем пробыл в логове врага несколько дней и возвратился с важными сведениями. Он был ранен и награждён Гергиевским крестом 4-й ст. Петроградские газеты опубликовали портрет смелого юноши.¹⁹⁴

Черкес Франек, родом из Кишинева. Ветеран японской войны. В 47 лет хотел пойти добровольцем на ПМВ, хотя дома у него были жена и пятеро детей, но ему отказали. Тогда он телеграфировал Государю, где указал на свой унтер-офицерский чин и два Георгиевских креста с японской войны. По особому повелению он был зачислен. «Такие сыны нужны отечеству» – таков ответ высшей инстанции.

«Я оправдал надежды, – говорит Черкес, – и не я один, много, очень много героев среди нас». Он получил медаль за храбрость и Георгиевский крест 2-й ст. Был ранен в обе ноги, в живот и левое плечо. Ходил на костылях. Черкес говорил, что о евреях хорошо отзывался генерал Радько-Дмитриев (болгарин на русской службе). Черкес мечтал получить право на жительство в Москве.¹⁹⁵

Братья Дубовицкие.

Дубовицкий Залман погиб на варшавском фронте при атаке немцев 24 мая 1915 г.

Дубовицкий Меер, призыва 1915 года, пропал без вести с 19 апреля.

Дубовицкий Л., находился в действующей армии с первого дня войны, артиллерист, за отличия произведен в фейерверкеры (унтер-офицер), награжден Георгиевскими крестами 4-й, 3-й, 2-й ст., тремя Георгиевскими медалями, из коих одна золотая, и представлен к Георгиевским крестам 1-й и 2-й ст.¹⁹⁶

Соломон Пельман, уроженец Виленской губернии. Ему было 20 лет. В «Виленском курьере» была напечатана статья о подвиге добровольца Пельмана, награжденного последовательно Георгиевскими крестами 4-й, 3-й и 2-й ст.

Соломон, затаившись в окопе, ждал появления немцев и забросал их гранатами. Рота, воспользовавшись замешательством врага, частично его уничтожила, а частично пленила. За этот подвиг Пельман получил Георгия 2-й ст.¹⁹⁷

Коробко Сруль Ицков, уроженец м. Лоево (Речицкого, уезда, Минской губ.), бомбардир-наводчик, награждён за храбрость Георгиевским крестом 4-й ст. Командир батареи, в которой служил Коробко, обратился к Речицкому воинскому начальнику (14 мая 1915 г.) со следующей просьбой: «... Предъявитель сего бомбардир-наводчик Сруль Коробко, служивший с начала войны в вверенной мне батарее, отличился своей храбростью и мужеством, за что уже награжден Георгиевским крестом, почему и желательно было бы иметь его в батарее и по истечении 6 месячного по болезни отпуска его. Прошу о назначении его по месту прежней его службы...».

Шмерлинг Александр Григорьевич, доктор, москвич. До призыва служил фабричным врачом в Богородском уезде. Участвовал в знаменитом Саракамышском бою (Кавказский фронт). За проявленную самоотверженность получил орден Станислава 3-й ст. с мечами. Семья получила письмо от 27 июля 1915 г., где говорит о том, что представлен к ордену Анны 3-й ст. с мечами. 31 августа он скончался в госпитале г. Карс.

Ярошевский Шевель Меерович, по профессии ремесленник, специалист высокого класса по изготовлению кровельно-масляных красок. В 1-ю Мировую дедушка Шауль воевал на т.н. Венгерском фронте в Карпатах, где и заслужил свои награды. Я получил тёплое письмо из г. Кармиэля от его внука Александра Ярошевского. В письме была вложена фотография дедушки моего корреспондента – бравого молодца с 3-мя Георгиями и 4-мя медалями. Со слов отца корреспондента известны две истории, связанные с его военными подвигами. Два друга-земляка из г. Александрия – еврей Ярошевский и украинец Дробот были бойцами горно-стрелковой дивизии. Они несли пост на передовой позиции, на наблюдательной вышке, так называемой «прожекторской будке». Будка была отрезана от своих, простреливаемым пространством, и время от времени им приходилось ходить за пищей и боеприпасами. Однажды, когда друзья удачно миновали опасную зону, и, получив довольствие, возвращались на пост,

они увидели отступающих. Австрийцы продолжали наступление при поддержке сильного артогня. Пищу нести было некуда – прожекторская будка была разбита прямым попаданием и все те, кто там находились, погибли. Чудом избежав смерти, они увидели брошенную пушку, расчет которой погиб, но снарядов было много. Кроме того, служив в горных стрелках, оба имели представление об артиллерии. Зарядив орудие, они открыли беглый фланговый огонь по наступающему противнику. Эффект был потрясающ – австрийцы откатились, а приехавший командир дивизии наградил воинов Георгиевскими крестами. У деда это была первая награда.

Об истории других наград, к сожалению, внук не знает, за исключением медали «За спасение погибавших». Эта награда особая и дед получил её после ранения в госпитале, куда попал после тяжелого боя. Затем Ярошевский попал в австрийский плен. В голодные 32/33 годы, его жена обменяла кресты 2-й и 3-й степени на продукты. Такая была судьба у этих наград. Также воевали племянник и племянница Ярошевского: **Шауль Самуилович Грановский** (1895–1941), бывший вместе с дядей на ещё Венгерском фронте, и **Эсфирь Грановская**. Какие награды получил Шауль, нам неизвестно, но судьба его трагична: с приходом немцев в Киев он был расстрелян на территории Ботанического сада около Университета. Его вместе со всей семьёй выдал какой-то негодяй.

Грановская Эсфирь Самуиловна, (1899–1982), родилась в г. Александрия. Училась в Киевском медицинском институте. Закончила три курса, но из-за начавшейся войны и революции ей не удалось закончить институт. В качестве сестры милосердия участвовала в Мировой войне и за спасение раненых, девушка – редкий случай, да и к тому же еврейка, получила Георгия 4-й степени.

Абрамович Всеволод Михайлович (1890–1913), внук идишистского писателя Менделя Мойхер-Сфорима, был одним из пионеров русской авиации. Основатель русской военной авиации великий князь Александр Михайлович весьма терпимо относился к евреям, и в его ведомстве были и «лица иудейского вероисповедания». Напомним, что Абрамович впервые совершил длительный перелет по трассе Берлин-Петербург в 1912 году. Погиб во время пилотирования.

В газете «Еврейская неделя»¹⁹⁸ приведена фотография анонимного летчика, сидящего за штурвалом аэроплана. Надпись гласила: «Еврей-авиатор». Стоит заметить, что в австрийской армии было много офицеров-евреев, в том числе и в авиации.

В знаменитом таранном бою, состоявшемся 26 августа 1914 года, противником русского пилота П.Н. Нестерова был Фридрих Розенталь.¹⁹⁹ Необыкновенно интересно написаны воспоминания о П.Н. Нестерове и Ф.Розентале в книге В.Соколова «Таран Нестерова» (воспоминания очевидца).²⁰⁰ Бой происходил над поместьем, принадлежащим Розенталю, а Нестеров, сам того не зная, спал на постели своего будущего противника. Удивительное совпадение, удивительная трагедия! В доме были найдены семейные фотографии Розентала: чрезвычайно красивой жены и двух очаровательных дочек. Для полноты картины и в унисон к общему нашему рассказу, укажем, что тело Нестерова русские солдаты-мародеры обыскали, украв полковые деньги, и даже сняли с ног ботинки и с головы шлем...

Маргулис Эмануил, авиатор, раненный при разведке над Перемышлем. Находился на излечении в одном из киевских лазаретов.²⁰¹

Фридман Александр Александрович (1888–1925), основоположник современной космологии, в 1922/1924 годах пришедший к выводу о расширении Вселенной. Один из создателей современной теории турбулентности и школы динамической метеорологии. Его дедом был кантонист, выходец из Западного края, естественно, что из еврейской семьи. О жизни в кантонистских школах написано много. Издевательства над детьми приводило многих к могиле, а многих в православие. Дед воспринял Святое крещение и превратился в Александра Ивановича, сохранив еврейскую фамилию Фридман (родился 7 февраля ст. стиля 1839—умер 14 октября 1910). В формуляре сведения о родителях отсутствовали. Я уже писал, что отцы-командиры заполняли ряды лекарей почти исключительно из кантонистов. И Александр Иванович в 1855 году поступил в Ревельский военный госпиталь в качестве фельдшерского ученика, затем перешел в Рижский госпиталь, и, наконец, в 1856 году в фельдшерскую школу в Санкт-Петербурге. Получил последовательно звание младшего фельдшера, затем фельдшера и ст. фельдшера. В 1873 году служил лекарским помощником в 1-й придворно-медицинской части, где в 1907 году вышел в отставку после «37-семилетней безукоризненной службы». Он получал ордена и медали. От чина губернского секретаря, полученного им лишь в 1876 году, дослужился до коллежского секретаря в 1902 году. В его обязанности входило лечить чинов роты дворцовых гренадер, несших охрану дворца, а также семьи военнослужащих. Имя бабки великого ученого по отцовской линии – Елизавета Николаевна. Иллюзий не должно быть: она солдатская дочь, т.е. вероятность того, что она дочь кантониста? весьма велика: «мараны» женились на себе подобных.

Их сыном был Александр Александрович Фридман (1866–1908), артист балета, композитор и дирижёр. С 1897 года капельмейстер лейб-гвардии Преображенского полка. (Мой дед Хаим-Моисей Дудаков в годы Крымской войны служил в лейб-гвардии Измайловском полку). Матерью великого учёного была Людмила Игнатьевна, урождённая Воячек. (Воячек – фамилия известная в медицине. Её братом, а следовательно, дядей гения, был известный отоларинголог, генерал-лейтенант В.И. Воячек (1876 –1971). Мать окончила консерваторию по классу рояля. У неё было «две национальности»: испанка(!? как не вспомнить Полину Виардо?) и чешка. Да плюс еще кровь её матери, дочери полковника Ивана Карловича Меллера, не то немца, не то... Но хватит о предках.

Внуком кантониста-лекаря стал великий ученый, храбрый их храбрых. Мы не будем касаться его вклада в науку – он грандиозен! Достаточно сказать, что Альберт Эйнштейн, сначала отнёсшийся скептически к теории Фридмана, после детального знакомства – публично признал свою ошибку, поступок достойный гения!

Между прочим, Фридман с золотой медалью окончил Вторую Санкт-Петербургскую гимназию (*угол Демидова и Казанской, т.е. Плеханова. Я учился в этой, уже советской 232 школе, спустя 50 лет. Гимназия была основана в 1806 году.*) Как учёный он уже сложился в гимназии, где его общая статья с другом Тумаркиным была опубликована в научном немецком журнале.

Нас же в данной теме интересует военное участие Фридмана. В начале войны он бросил научную работу и поступил добровольцем на фронт в авиачасть. Его друг В.А. Стеклов записал в дневнике: «Явился неожиданно Фридман... идет на войну в авиационную роту, командирится Главной физической обсерваторией. В жизнеописании учёного говорится, что он, «имея целью ввести аэрологические наблюдения в авиарологическую практику и тем, что с одной стороны, оказать посильную помощь авиации, с другой стороны, увеличить число аэрологических станций...»²⁰²

Поначалу Фридман работал на северном фронте близ крепости Осовец, а затем и на других фронтах. Военная одиссея продолжалась три года. Иногда он заглядывал во время командировок в Петербург и был несказанно удивлен переименованиям города по Высочайшему повелению в Петроград: «Только на такие пустяки и хватает наших тиранов. На Крёстные ходы еще и на истребление всеми мерами народа русского».²⁰³

У Фридмана сложились хорошие отношения с великим князем Александром Михайловичем, сразу оценившим личность учёного и использовавшим его на всех фронтах. В своё время я писал о еврейском происхождении «Михайловичей» – самой талантливой ветви Романовых. Среди них историк Николай Михайлович (1859–1919), артиллерист Сергей Александрович (1869–1918) и Александр Михайлович (1866–1933) – моряк и создатель русской военной авиации. Кстати, он был дважды «Романовым»: во-первых прямой внук Николая I, а с другой стороны, был женат на правнучке того же Николая, дочери Александра III. Много путешествовал. Целый год прожил в Японии. Подал в 1895 году государю записку, в которой указал, что война с Японией неизбежна и она будет в 1903/1904 году, после окончания японской морской программы. Предложил срочную программу судостроения – её, естественно, отклонили. В 1896 году он ушел в отставку. Война началась действительно в январе 1904 года. Он был категорически против посылки эскадры адмиралов Рождественского и Небогатого на Дальний Восток, предвидя бесславный конец русского флота. Но уши и ум императора были закрыты для здравого смысла. В конце жизни, в эмиграции прошёл духовное возрождение, близкое к толстовству.

За произведённые разведки в тылу врага, Фридман получил Георгия 4-й степени. Летал над Восточной Пруссией. И ещё он продолжал исследования физики атмосферы и математики. Занимался также теорией бомбометания и достиг высоких практических результатов. Появление аэроплана Фридмана в воздухе сразу отмечалась противником: «Сегодня летает Фридман! Сегодня летает Фридман!»

Об этом сообщил Стеклову после войны австрийский физик Фиклер, бывшей в осаждённом Перемышле. Точность бомбометания подпоручика А.А. Фридмана была отличная.

И последнее.

Учёный создал завод запчастей для аэропланов. При его энергии предприятие оказалось рентабельным.

Поэт Леонид Мартынов в 1965 году посвятил А.А. Фридману следующее великолепное стихотворение, в котором указано участие героя в Первой Мировой войне:

*Мир не до конца досоздан: небеса всегда в обновлениях,
астрономы к старым звездам вечно добавляют новых.
Если бы открыл звезду я – я её назвал бы Фридман, –
лучше средства не найду я сделать всё яснее видным.*

Фридман! до сих пор он житель лишь немногих книжных полок –
математики любитель, молодой метеоролог
и военный авиатор на германском фронте где-то,
а позднее организатор Пермского университета
на заре советской власти... Член Осоавиахима.
Тиф схватив в Крыму, к несчастью, не вернулся он из Крыма.
Умер. И о нем забыли. Только через четверть века
вспомнили про человека, вроде как бы оценили:
– Молод, дерзновенья полон, мыслил он не безыдейно.
Факт, что в кое в чем пошел он дальше самого Эйнштейна:
чуя форм непостоянство в этом мире – урагане,
видел в кривизне пространства он галактик разбеганье.
– Расширение Вселенной? В этом надо разобраться!
Начинают пререкаться... Но ведь факт, и – несомненный:
этот Фридман был ученым с будущим весьма завидным.
О, блесни над небосклоном новою звездою Фридман.

И действительно, ему посмертно присудили премию имени Ленина в 1931 году!

Еврейский вопрос был разрешен Февральской революцией. Почти сразу же 2600 евреев были зачислены в военные училища и в школы прапорщиков.²⁰⁴ При том недостатке младших офицеров, в которых армия испытывала нужду – это был правильный шаг.

Но было поздно.

Россия войну проиграла...

Немного о еврейском характере

- ¹ Чезаре Ломброзо. «Гениальность и помешательство», М., 2006, с. 77.
- ² «Московская Медицинская газета» №6, стлб. 177-182.
- ³ Шур Е.А. «Школа и труд по Талмуду», Одесса, 1889.
- ⁴ Марк. Гл.7.ст.3-4.
- ⁵ «Советская Историческая Энциклопедия», М, 1964, т.5, стлб. 445, статья «Евреи».
- ⁶ Морис Мюрэ. «Еврейский ум», СПб, 1902 г. с.10.
- ⁷ Кондратьев Ю. «История английской литературы», вып.2, т. II, М., Из-во Ан. СССР, 1955.
- ⁸ «Вестник Московского университета», №1, 1967, с.51-62.
- ⁹ Мюрэ, ...с.137.
- ¹⁰ Мюрэ, ...с.139.
- ¹¹ Бертран Рассел «История Западной философии», М., 1959, с.701.
- ¹² Морис Мюрэ, ...с.50-51.
- ¹³ Там же, ...с.55
- ¹⁴ Там же, ...с.55.
- ¹⁵ Там же, ... с.54-55.
- ¹⁶ Там же, ...с.58.
- ¹⁷ Там же, ...с.58.
- ¹⁸ Там же, ...с.58.
- ¹⁹ Там же, ... с.59 со ссылкой на книгу «Le Talmud», par Arsene Darmersteter, Paris, 1889.
- ²⁰ Там же, ... с 60.
- ²¹ Там же, ...с.66.
- ²² Там же, ... с.67.
- ²³ Там же, ... с.72-73.
- ²⁴ Там же, ... с. 78.
- ²⁵ Там же, ...с.78 -79.
- ²⁶ Слиозберг Г.Б. «Месть Спинозы за «Херем», Paris , 1933, с. 49.
- ²⁷ Бертран Рассел. «История Западной философии», М., 1959, с. 588.
- ²⁸ Барсова И. «Густав Малер. Личность, мировоззрение, творчество» – из книги: Густав Малер Письма, Воспоминания, М., Музыка, 1968, с.29.
- ²⁹ Георгий Шенгели «Иноходец», М., 1997, с.68. (Из сборника «Еврейские мелодии» 1918 (?)).
- ³⁰ Отец Павел Флоренский «Столп и утверждение истины», М., 1990, т.1 (I), с. 154-155.
- ³¹ Морис Мюрэ,...с.90.
- ³² Генрих Гейне. «Германия (Зимняя сказка)», Предисловие. Собрание сочинений, Л., 1957, т.2, с. 266-267.
- ³³ там же, ... т.2, с. 320.
- ³⁴ Морис Мюрэ, ...с.118-119.
- ³⁵ Генрих Гейне. «Путевые картины» – Собрание сочинений, М., 1957, т.4, с. 224-225.

- ³⁶ Достоевский Ф.М. ПСС., Л., 1980, т.20, с.404.
- ³⁷ Блок Александр. Собрание сочинений», М-Л, 1962, т. 6, с. 147.
- ³⁸ Там же... с.147.
- ³⁹ Там же. ...с. 149. /Навинское солнце. В сражении против царей Аморрейских еврейскими войсками командовал Иисус Навин, который «остановил солнце»: «стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою!» (Нав.10:12)/
- ⁴⁰ Пушкин А.С. Собрание сочинений, М., 1962 т., т.10. Письма, с.243. (перевод с французского).
- Вольнского
- ⁴¹ А.Блок. Собрание сочинений, М-Л.,1962, т.6, с.512-513.
- ⁴² А.Блок. «Герцен и Гейне» – Собрание сочинений, М-Л., 1962, с.143.
- ⁴³ Морис Мюрэ, ...с.168.
- ⁴⁴ Там же, ... с.168.
- ⁴⁵ Там же, ... с.164.
- ⁴⁶ Там же, ... с.167.
- ⁴⁷ Генерал-лейтенант М.Д. Бонч-Бруевич. «Вся власть – Советам», М., 1956.
- ⁴⁸ Игнатий Ивановский. «Псалмы Ветхого Завета. Стихотворное переложение СПб, 1992, псалом CVIII.
- ⁴⁹ Морис Мюрэ, ...с. 170.
- ⁵⁰ Там же, ... с.171.
- ⁵¹ Там же, ...с.171.
- ⁵² Исаяя LXV, ст.17–25. Существуют и другие переводы на русский язык этих стихов, но смысл одинаков.
- ⁵³ Морис Мюрэ, ...с.172.
- ⁵⁴ Там же, ... с.189.
- ⁵⁵ Ф.М.Достоевский. ПСС в тридцати томах. Письма. Т.30, кн.1, с.43/
- ⁵⁶ К. Маркс. «К критике гегелевской философии права».
- ⁵⁷ Морис Мюрэ... с.191.
- ⁵⁸ Там же ... 192.
- ⁵⁹ Там же ... с.194.
- ⁶⁰ Там же ... с.194.
- ⁶¹ Там же ... с.195-196.
- ⁶² Вл. Соловьев. «Талмуд и новейшая литература о нем в Австрии и Германии».
- ⁶³ К.Маркс. «К еврейскому вопросу» – К.Маркс Ф. Энгельс «Собрание сочинений», М., 1955, т.1, с.410, 412.
- ⁶⁴ К. Маркс. «Немецкая идеология» – ...т.3, с. 168.
- ⁶⁵ Генрих Гейне. Собрание сочинений, М., 1957, «Новый госпиталь для сыновей Израиля в Гамбурге» с.112-113.
- ⁶⁶ Морис Мюрэ,... с.204.
- ⁶⁷ прот. Сергей Булгаков. «Христианство и еврейский вопрос», YMCA-PRESS, Paris, 1991, с.167. Из статьи «Карл Маркс как религиозный тип».
- ⁶⁸ Карл Маркс. «Объявление войны. – К истории возникновения Восточного вопроса» – К.Маркс, Ф. Энгельс, Собрание сочинений, М, 1958, т.10, с.172-173. Написано 28 марта 1854 года, опубликовано в «New-York Daily Tribune» №4054, 15 апреля 1854 г.

⁶⁹ Морис Мюрэ, ... с.206.

⁷⁰ Там же, ... с.233.

⁷¹ Там же, ... с.242.

⁷² «Легенда о Христе», русский перевод Л.-М., из-во «Петроград», 1926 г. (?).

⁷³ Георг Брандес. «Легенда о Христе, Л.-М., 1926 (?), с.55.

⁷⁴ Там же, ... «Легенда о Христе»..., с.69.

⁷⁵ Библия: Лука 4, 16-20; Исайя 61, 1-2.

⁷⁶ Перевод Ю. Веселовского. «Этюды по русской и иностранной литературе», М., 1911, т.II, с. 110-111.

⁷⁷ Морис Мюрэ, ... с.246.

⁷⁸ Там же, ... с.249.

⁷⁹ Виктор Евстафьевич Ген, (он же Victor Amandus Hehn), действительный статский советник, библиотекарь Императорской Публичной библиотеки в Петербурге, историке культуры. Родом он из города Дерпта (ныне, увы, город Тарту, бывший и Юрьевым), прославленным своим университетом. Его родители из почётной остзейской семьи учёных, оставивших весомый след в немецкой и эстонской культурах. Виктор Ген, окончив университет, работал домашним учителем в г. Вильно, а затем в Лифляндии в аристократических немецких семьях. Учительство его продолжалось с 1835 по 1838 годы. Летом того же года он предпринял заграничную поездку по Западной Европе, побывав в Швеции, Германии, Испании, Франции, Италии. В Берлине занимался философией, в основном изучением Гегеля, а также сравнительным языкознанием. Пребывание в Италии привило ему любовь к античности. С 1846 года он преподавал немецкий язык в Дерптском университете, где его блестящие лекции пользовались большим успехом. Но Россия – есть Россия. За переписку с баронессой Брюннинг, урождённой Ливен, принявшей участие в организации бегства из Шпандау поэта-революционера Готфрида Кинкеля, Ген в 1850 году был арестован и отсидел три месяца в Петропавловской крепости. За что он отсидел – дело тёмное, ибо переписка (*перлюстрация в России была поставлена на высокий уровень всегда*) относилась к 1846 году. Как бы то ни было, несчастного выслали на жительство в Тулу, под бдительный надзор местной полиции. Он существовал на мизерные деньги от преподавания музыки. В 1852 году его прикомандировали к губернскому правлению для занятия в комиссии по разбору старых дел. В апреле 1855 года, сразу после смерти «супостата» Николая I ему наконец-то разрешили свободно проживать и служить по всей империи, с одним ограничением – «но не по учёной части». Р.Б.С. [т. 4], СПб, [1914], Гааг-Гербель, с.423.) Далее «амнистия» расширяется, и он получает место старшего библиотекаря Императорской С-Петербургской библиотеки под руководством барона (позже графа) Модеста Корфа, лицеиста пушкинского выпуска. Обладая широчайшей начитанностью, Ген сразу начал делать карьеру – в 1860 году был награждён орденом Станислава 2-й ст. В 1873 году в чине действительного статского советника (генерала) вышел в отставку. Переселяется в Берлин, где возвращается в среде высокоинтеллектуальных личностей: художников, писателей, профессоров. Университет в Марбурге присвоил ему степень доктора *honoris causa*. Alma mater – Дерптский университет, также присудил ему почётную степень. Скончался в Берлине в 1890 году. Ген – автор многочисленных науч-

ных трудов; среди них работы о Гёте, считающиеся лучшими, откуда и извлёк Мюрэ «тёплые» слова о еврейском уме. Но моё длинное отступление связано непосредственно с заданной темой. Дело в том, что Ген в молодости был человеком либеральных взглядов. Встряска отсидкой в крепости и ссылкой, как ни странно, превратили его в охранителя, но не имперской России, а Германии Бисмарка. Российский штатский генерал, сделавшийся поклонником немецкой агрессии, становится крайним русофобом и антиславянином, что видно не только из опубликованного дневника, но и его корреспонденций в прессе. Русский биографический словарь отмечает не только его непонимание России, но и «злое к ней отношение». Будет забавно добавить, что самого себя до конца дней считал не консерватором и не скрывал своего отрицательного отношения к религии и насмеялся над духовенством. Задумывался ли Морис Мюрэ о ксенофобии и атеизме цитированного «известного немецкого философа»?

⁸⁰ А. Шопенгауэр «Мир как воля и представление», М., «Наука», т. II, с. 189.

⁸¹ Морис Мюрэ, ... с. 251.

⁸² Там же, ... с. 253

⁸³ Там же, ... 256-257.

⁸⁴ Матфей, гл. 14, с. 15-21.

⁸⁵ Морис Мюрэ, ... с. 257.

⁸⁶ Там же, ... 278.

⁸⁷ Матфей Гл. 5, с. 17-18.

⁸⁸ Морис Мюрэ, ... с. 281.

⁸⁹ Там же, ... с. 281-282.

⁹⁰ Там же, ... примечание на с. 281.

⁹⁰ Там же, ... примечание на с. 281.

⁹¹ Там же, ... с. 287

⁹² Там же, ... 287-288.

⁹³ Там же, ... с. 289.

⁹⁴ Там же, ... с. 292.

⁹⁵ Там же, ... с. 295.

⁹⁶ Там же, ... с. 296.

⁹⁷ Там же, ... с. 209.

⁹⁸ Там же, ... с. 299

⁹⁹ Там же, ... с. 301

¹⁰⁰ Там же, ... с. 302.

¹⁰¹ Там же, ... с. 304.

¹⁰² Там же, ... с. 304.

¹⁰³ Там же, ... с. 306-307.

¹⁰⁴ Герман-Людвиг Гельгольц (1821-1895) – впервые сформулировал закон сохранения энергии. У Павлова – Закон сохранения сил, когда он представил всё разнообразие жизни, которая есть превращение энергии, излучаемой Солнцем. Он стал «солнцепоклонником».

¹⁰⁵ СПб, 1992, псалом XIV.

¹⁰⁶ И.П. Павлов. «О русском уме ... с. 1141.

- ¹⁰⁷ Подробнее об этой проблеме в книге Дж. Бернала «Наука в истории общества» переведенной в Москве в 1956. (J.D. Bernal «Science in history», London», 1954).
- ¹⁰⁸ Н.С. Лесков. «Импровизаторы (Картинка с натуры)» – Собр. Соч. М., 1958, т.9, с.322, примечание на с.617.
- ¹⁰⁹ Б.М.Шапошников. «Воспоминания. Военные труды», М.,1982, с.144-145. Всё же Цезарь-Вениамин Кюи, извините, не русский: отец – француз, мать – полька.
- ¹¹⁰ И.П. Павлов, ...с.1144.
- ¹¹¹ Там же...с.1145.
- ¹¹² Там же, ... с.1146.
- ¹¹³ М.Лермонтов. «Предсказание 15 июля 1830 г. В то время Мише Лермонтову было 15 лет. Убит на дуэли 15 июля 1841 г. – ровно через 11 лет.
- ¹¹⁴ И.П. Павлов,...с.1146.
- ¹¹⁵ К.Маркс и Ф.Энгельс об искусстве, М.,1957, с. 285.
- ¹¹⁶ И.П.Павлов, ... с.1147.
- ¹¹⁷ М.Е.Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений, М.1972, т.14, с.33-42.
- ¹¹⁸ И.П. Павлов, ...с.1148.
- ¹¹⁹ Там же, ...с.1148-1149.
- ¹²⁰ Там же, ... с1149
- ¹²¹ Из письма дочери Тютчева Дарьи Фёдоровны – цит. по. Ф.И.Тютчев. ПСС, Л.,1957, с.14, из предисловия Б.Я. Бухштаба. «Империалистом» Фёдор Иванович остался до конца дней своих. Что же касается пророчества, то книга Даниила имеет в виду царство Израильское, а не какое-нибудь другое...
- ¹²² Н.И.Пирогов. Из «Дневника старого врача» – Н.И.Пирогов «Севастопольские письма и воспоминания», М., Из-во Академия наук СССР,1950, с. 223.
- ¹²³ цит. по примечанию к книге А.С.Хомякова Стихотворения и драмы, Л., 1969, с.564-565.
- ¹²⁴ И.П.Павлов,... с.1149.
- ¹²⁵ Там же, ... с.1150.
- ¹²⁶ Там же, ... с.1155.
- ¹²⁷ Там же, ... с.1157.
- ¹²⁸ Там же, ... с.1158.
- ¹²⁹ Там же, ... с.1158.
- ¹³⁰ Там же, ... с.1161.
- ¹³¹ Там же, ... с.1161.
- ¹³² Гарри К. Уэллс «Павлов и Фрейд», М., 1959, с.5.
- ¹³³ Шарль де Голль. «Военные мемуары», М., 1960, т.1, с. 29.
- ¹³⁴ Уильям Леги. «Советник двух президентов – Вторая Мировая война в воспоминаниях...», М, 1990, с.400-401.

Женщины – гордость России

¹ Н. Берберова «М.О.Цейтлин», Некролог – «Новый журнал», 1950, с.211

² Н. А. Добролюбов. Избранные сочинения, М-Л., 1947, стр. 241

- ³ А.Амфитеатров. «Женщина в общественных движениях России», СПб, 1906, с.22
- ⁴ Дневник писателя за 1876 г., П.С.С. Л., 1981, т.23, с.28
- ⁵ Ф.М.Достоевский, ПСС, Л., 1990, т.30/2, с.68
- ⁶ Там же, ... с.109
- ⁷ Там же, ... с.146-147
- ⁸ Ф.М. Достоевский, ПСС., Л.,1983, т.25, с.229
- ⁹ Там же, ... с.236
- ¹⁰ Там же, ... с.453
- ¹¹ Иер. Ясинский. «Роман моей жизни». Книга воспоминаний, 1926, М-Л., с.168-169
- ¹² А.Волынский. «Русские женщины» – Жизнь искусства, 1926, с.17-19
- ¹³ Е. Чебышева-Дмитриева. «Памяти Ольги Шапир» – «Биржевые Ведомости» от 14.6.1916г.
- ¹⁴ Андрей Белый. «Памяти художника-моралиста» – «Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников», Л., 1971, т.2, с.423
- ¹⁵ Н.Симонович-Ефимова. «Памяти музыканта-общественника Валентины Семеновны Серовой» – «Советская музыка», 1947, № 4, с. 56
- ¹⁶ Л.Толстой. ПСС., М, 1954, т.29, с.153
- ¹⁷ В. Серова. «Итоги» – «Русские Ведомости» от 17. VIII, 1913
- ¹⁸ Там же
- ¹⁹ Н.Симонович-Ефимова. «Памяти музыканта-общественника Валентины Семеновны Серовой» – «Советская музыка», 1947, №4, с. 56
- ²⁰ А.П. Остроумова-Лебедева. «Автобиографические записки», М., 1974, т. 2., с.203
- ²¹ А.П.Остроумова-Лебедева. «Автобиографические записки», М., 1974, т.I-II, с.49. Фамилия Чехович с «хитринкой». Носящие эту фамилию – поляки, белорусы, евреи, русские. Я говорю о корне: есть писатель Антон Павлович Чехов и известный шахматист Виталий Александрович Чеховер.
- ²² Л.Толстой. ПСС., М., 1936, т.26, примечание на с.676
- ²³ Н.Симонович-Ефимова. «Памяти музыканта – общественника Валентины Семеновны Серовой» – «Советская музыка», М., 1947, №4, с.57
- ²⁴ цит. по статье: Н.Симонович-Ефимова «Памяти музыканта- общественника Валентины Семеновны Серовой» – «Советская музыка» М., 1947, №4, с.57
- ²⁵ «Музыка и театр», СПб, 1867, №1.
- ²⁶ Валентина Серова. «Итоги» – «Русские ведомости» от 17 августа 1913г.
- ²⁷ В.Серова. «Итоги» – «Русские Ведомости» от 17. VIII, 1913.
- ²⁸ Н.Ефимова-Симонович. «Записки художника», М., 1982, с.186.
- ²⁹ Н.Ефимова-Симонович. «Памяти музыканта» ...с.60.
- ³⁰ В.А. Кашеварова-Руднева. Автобиография. В кн.: 25 -летие врачей, бывших студентов императорской Медико-хирургической вкадемии. СПб, 1893, с.93.
- ³¹ Софи Джекс-Блэк. «Женщины-медики» перевод с англ., СПб, 1873, с.36-37
- ³² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона т. XXVII, СПб, 1899, с.218-219.
- ³³ Военная энциклопедия, издание Сытина, СПб, 1913 г.,т.13, с.20. Переиздание Военной энциклопедии в сокращённом виде под названием «Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина, СПб, 1996, т.II,с. 281

- ³⁴ Д-р В.Кашеварова-Руднева. «К истории женского медицинского образования в России» – газеты «Новости» и «Биржевые Ведомости», от 14.XI.1886, № 314.
- ³⁵ В.В.Набоков. «Другие берега» – цит. по изд.: Собр. соч., М, 1990, с.158-159.
- ³⁶ Мисс Джекс-Блэк. «Женщины-медики», СПб, 1873, примечание на с.36-37.
- ³⁷ Незнакомец (А.С.Суворин) «Недельные очерки и картинки. Письмо к г. Максиму Антоновичу» – газета «Новое время», №1296 от 7.X.1879
- ³⁸ Там же...
- ³⁹ В.А. Слепцов. – Цит.: по. Ф.Достоевский ПСС., М., 1976, т.17, примечание на с.403-404.
- ⁴⁰ Мисс Джекс-Блэк. «Женщины – медики», СПб, 1873. таблица на с.35.
- ⁴¹ С. Степняк-Кравчинский. «Подпольная Россия» – в кн.:С.Степняк-Кравчинский, Сочинения, т.1, М., 1958, с.377-378.
- ⁴² Новый Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Спб, 1912, т.17, статья «Женское образование», стлб. 810.
- ⁴³ Там же...
- ⁴⁴ Савелий Дудаков. «Этюды любви и ненависти», М., РГГУ, 2003.
- ⁴⁵ цит.: по предисловию к книге С.Ковалевская «Воспоминания детства». «Нигилистка», М., 1960, с.9.
- ⁴⁶ Б. М.Носик. «На погосте XX века», СПб., 2000, с.347.
- ⁴⁷ Н.Я.Симонович-Ефимова. «Записки художника», М., 1982, с.148. (Сын – Адриан Иванович Ефимов (1907–?), гидролог).
- ⁴⁸ Из частного письма. Цит. по кн.: Мария Вениаминовна Юдина «Вы спасетесь через музыку», М., 2005, с.254.
- ⁴⁹ М.В. Юдина. «Вы спасетесь через музыку», М., 2005, примечания на с.336. Примечания составителя А.Г.Кузнецова.
- ⁵⁰ Цит. по кн.: «Мария Вениаминовна Юдина». Статьи, Воспоминания, Материалы. М., 1978, с.161. Воспоминания М.А. Дроздовой.
- ⁵¹ А.Ф.Кони. Собр. соч., т.7, М., 1969, с.397–402, примечания на с.514-515.
- ⁵² Т.Л.Щепкина-Куперник. «Воспоминания», М., 2005, с.73.
- ⁵³ Там же, ... с.63.
- ⁵⁴ Т.Л.Щепкина-Куперник. «На родине», 1905 – Песни и романсы русских поэтов, ББП, Л, 1963, с.894-896.
- ⁵⁵ «Избранное», М., 1954, с. примечание к тексту.
- ⁵⁶ Марина Литаврина. «Американские сады Аллы Назимовой», М., 1995
- ⁵⁷ Наталья Сац. «Новеллы моей жизни», М., 1979, т.I, с.6.
- ⁵⁸ Ю.М.Юрьев. «Записки», М., 1963, т.I, с.57-58.

География и демография

- ¹ Н.А.Добролюбов. Избранные сочинения, М., 1947, с. 360.
- ² Н.П. Огарёв. Поэма «Юмор» – Н.П.Огарёв «Стихотворения, Малая серия Библиотеки поэта, Л, 1948, с.251, 258
- ³ Николай Тихонов. Цитирую по Петербургскому альманаху «Пчёлы», Эпоха, Петербург-Берлин, 1923, с. 116.
- ⁴ Бр.+Ефр, СПб, 1895, т.IX, с.795.

- ⁵ Бр+Еф., СПб, 1895, т.IX, с.792.
- ⁶ «Грузинские романтики», Большая библиотека поэта, Л., 1975, с.193-194)
- ⁷ С.Ю.Витте. Воспоминания, М., 1960, т.1., с.57.
- ⁸ А.Серафимович. «Железный поток», М., 1963, с.105-107.
- ⁹ Там же, ... с.110.
- ¹⁰ А.Серафимович. ... там же, с.112)
- ¹¹ Б.О.Унбегун. «Русские фамилии» М., 1972, с.289.
- ¹² Галактион Табидзе. Абхазия, (1931) – Стихотворения, Большая серия Библиотеки поэта, Л., 1983,с.279-280.
- ¹³ Тициан Табидзе. Стихотворения и поэмы, М-Л., 1983, с.316.
- ¹⁴ К.Симонов. «Живые и мёртвые», М., 1972, Т.2., с.398.
- ¹⁵ З. Авалов (Авалишвили). «Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 г.г. Воспоминания, Очерки», Paris, 1924, с.134.
- ¹⁶ «Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672-1673 г.», Тифлис, 1902. С зарисовками Грело.
- ¹⁷ Подробнее: полковник Б.В.Никитин. «Роковые годы» (Новые показания участника), Париж, 1937, с.253-271. Это тот полковник Никитин, который собирал компромат на Ленина летом 1917 года.) Но и здесь грузины показали своё лицо – они содействовала планам Иззет-паши!!! О Азербайджане я уже и не говорю. Но вот Армения дистанцировалась от своих врагов. Честь им...
- ¹⁸ Бр+Еф.,СПб, 1900, т.57, с.69.
- ¹⁹ С.Липкин. «Вождь и племя» – из сборника «Воля», 1981, с.100, из-во АР-ДИС, Michigan. USA.
- ²⁰ А.И. Сумбатов-Южин. «Записи Статьи Письма» М., Искусство, 1951, примечания на с.546.
- ²¹ А.Ф.Кони. «Граф М.Т. Лорис-Меликов» – А.Ф.Кони С.С., М., 1968, Т.5,С.201.
- ²² Из книги И.Г. Гербера «Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и о их состоянии в 1728 году», опубликованной в журнале СППУ (Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих).
- ²³ Статья «Турция в Еврейской энциклопедии», СПб, (1913) т. 15, стлб.61.
- ²⁴ Ещё древнее армянское христианство: достоверные сведения относятся ко II веку новой эры. Христианство преследовалось в Армении. Сама история Армении начинается с царства Урарту приблизительно с VII-VIII веков до н. эры. Интерес представляет собой и то обстоятельство, что теснимые со всех сторон мусульманами и Византийской империей, они сумели создать свободное армянское государство в диаспоре, в Киликии, которое просуществовало с помощью тамплиеров с 1080 по 1375 г. «Храбрый» Рубен, отпрыск дома Багратидов, был основателем Киликийской династии. В Киликии было сильно франкское влияние. Европейский осколок на диком Востоке...
- ²⁵ Ф. Чуев. «140 бесед с Молотовым», М., 1991, с.277. Запись от 16. 07. 1978: «Заговорили о волнениях в Абхазии, о требованиях абхазцев к грузинам».
- ²⁶ Галактион Табидзе. Абхазия, (1931), Стихотворения, Большая серия БП, Л., 1983, с.279-280.
- ²⁷ Там же, ...с.,315. Переводчик хорошо знал Л.Пастернака. Помните строки из «Августа»: «...И творчество и чудотворство?».

²⁸ Стихи в переводе Пастернака цитируются по книге Николоза Бараташвили «Лирика», М., 1967, с. 62-63, 79-92.

²⁹ Перевод С. Спасского. «Грузинские романтики...» с.304.

³⁰ С.М. Соловьев. «История России с древнейших времен», М., 1965, кн. XIV, с.386.

³¹ Н.Бадриашвили. «Тифлис – от основания города до XIX века». Книга 1. Изд. Тифсовета, 1934.

³² Ш.Чхетия. «Тбилиси в XIX столетии», изд. АНГр.ССР, 1942, с.161,165.

Древо живописи

¹ Н.И. Станкевич, монография «Виноградов» (Л., Искусство, 1970).

² Письмо А.Д. Копеловича из Парижа к Н.И.Станкевич от 27 апреля 1969 г. См.: Н.Станкевич. «Сергей Виноградов», Л., 1971. С.102.

³ Константин Клуге. «Соль земли», М., 1992.

⁴ Газета «Сегодня вечером», 13.01..1938 г.

⁵ цитирую по статье Софьи Рубашевой «Блюко». – Наша страна, Тель-Авив, №195. от 25.12.1969г., с.3.

⁶ Пастернак Л.О. «Записи разных лет», М., Советский художник, 1975, С.92-93.

⁷ Газета «Сегодня вечером», 13.18.1.1938.

⁸ Александр Копелович (Израиль). «Художник и его собрание», М., Сов.художник, 1990.

⁹ Семен Фруг. «На родине» (1885).

¹⁰ Лазарь Каганович. «Памятные записки», М., 1996, с.38.

¹¹ В.И.Уфимцев. «Говоря о себе. Воспоминания», М., Советский художник, 1973, с.27-29. «Женька» – Евгений Алексеевич Клементьев (1901–1985(?)) Скончался во Франции. Увы, заветы своего отца забыл и в конце жизни стал апологетом «беспредметной живописи»!

¹² Л.Н.Толстой. «Круг чтения» – ПСС. Т.41, с.333.

¹³ Еврейская энциклопедия, СПб, т. VI, с.502.

Монус Соминский

¹ Сергей Снегов. «Творцы», издательство «Советская Россия», 1979, с.243.

² Орден «Красная Звезда» – за трудовую доблесть. 29.10.1945 г.

За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941/1945гг. Вручен 26.3.1946г.

В ознаменование 250-летия Ленинграда именем Президиума Верховного Совета СССР награждён исполнительным комитетом Ленинградского городского совета депутатов трудящихся медалью в память 250-летия Ленинграда от 1 августа 1957 г.

³ М.С. Соминский. «Александр Григорьевич Столетов», Л., 1970, «Наука», с.340-341.

⁴ Вадим Абрамов. «Евреи в КГБ. Палачи и жертвы», М., «Яуз», «Эксмо», 2005, с.478.

⁵ М.С. Соминский. Абрам Федорович Иоффе, «Наука», М-Л, 1964, с.8.

⁶ Там же, ... с. 590-591.

⁷ Несколько слов о Симе Каминской. Сима была специалистом по скандинавским и немецкому языкам. Её глубокие репортажи были знакомы миллионам радиослушателей во всех уголках мира. У меня к ней и личное отношение. В мире я встречал много разных людей: умных и глупых, заносчивых и скромных, талантливых и бездарей, но добрых было минимальное количество. Сима – сострадательница. Я помню и никогда не забуду её дружеского участия к моему несчастному другу Эдику Капитайкину. Спасибо Всевышнему, что есть в мире люди типа Фриды Вигдоровой и Симы Каминской.

⁸ Профессор Арон Яковлевич Черняк (1921), выдающийся советский библиограф. Заведующий кафедрой книговедения Московского института культуры. Участник Отечественной войны, орденосец, ученик великого Зайончковского. Автор полутора десятков книг и сотен статей по вопросам библиоведения, истории, культуры. Имя Черняка с лестной статьей о нем помещено в энциклопедии «Библиография». Арон Яковлевич один из самых выдающихся людей, встретившихся в моей жизни.

⁹ Гилель Бутман один из лидеров ленинградской группы сионистов, «ассирей Цион», автор нескольких книг – воспоминаний о подпольной деятельности и пребывании под следствием, в тюрьме и лагере.

Перечень работ Монуся Самуиловича Соминского.

I. Научные исследования в области экспериментальной физики и истории науки.

1. Термоэлектрические свойства сернистого гелия. – Журнал Экспериментальной и теоретической физики, М.(?), 1937, т.VII., выпуск 9-10.
2. Untersuchung der elektrischen Leitfähigkeit und der thermoelektrischen Eigenschaften von Halbleitern Physikalische Zeitschrift der Sowjetunion, Band 13, Heft 2, 1938.
3. Термоэлектрический эффект сернистого свинца. Известия Академии наук СССР, 1942, выпуск XI.
4. Научный отчет. Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ), 1947.
- *) Работы, названные в списке «Научный отчет» опубликованы в закрытых изданиях.
5. Распределение яркости инфракрасного излучения ночного неба по небесному своду. Доклады Академии наук СССР, 1950, том 73, №1.
6. Научный отчет, ЛФТИ, 1948.
7. Научный отчет. ЛФТИ, 1949.
8. Научный отчет, ЛФТИ, 1950.
9. Научный отчет, ЛФТИ, 1951.
10. О влиянии примесей на механизм электропроводности. Журнал технической физики, 1955, том 25.
11. О влиянии электродов на выпрямляющие свойства кристаллического детектора. ЛИТМО. Физика твердого тела. Сборник статей, выпуск №18, 1955.
12. Научный отчет, ЛФТИ, 1955.

13. Полупроводниковые термоэлектрические устройства. Вестник Академии наук СССР, 1956, №12.
14. Научный отчет, ЛФТИ, 1956.
15. Научный отчет, ЛФТИ, 1956.
16. Полупроводниковый датчик Холл-эффекта. Вестник Академии наук СССР, 1957, №1.
17. Новая вакуумная ловушка. Вестник Академии наук СССР, 1957, №6.
18. Развитие термоэлектрической электроники. Вестник Академии наук СССР, 1962, №5.
19. Научный отчет, ЛФТИ, 1962.
20. О радиационной стойкости p-р кремневых полупроводников...? Проверить текст. N.B.
21. Научный отчет, ЛФТИ, 1963.
22. Научный отчет, ЛФТИ, 1965.
23. О радиационной стойкости датчиков Холла из n-кремния. Физика и техника полупроводников, 1967, том I, вып.2
24. Научный отчет, ЛФТИ, 1968.
- 25, 26, 27 Работы по изучению воздействия корпускулярного облучения опубликованы в журнале «Радиотехника». К сожалению, в библиотеке Иерусалимского университета этого журнала нет, потому я не мог указать №№ журналов с моими работами в этой области. *(Примечание проф. Сошинского)*

II. Работы по истории физики.

1. Памяти героя. Природа, 1938, №10.
2. Ленинградский физико-технический институт. Журнал экспериментальной и теоретической физики, 1940, том 10, выпуск 5.
3. Славный юбилей. Природа, 1941, №1.
4. Академик А.Ф. Иоффе. Наука и жизнь, 1942, №7-8.
5. Достижения технической физики в СССР за 25 лет. Журнал технической физики, 1942, №11.
6. 25 лет ЛФТИ Академии наук СССР, Природа, 1946, №6.
7. История телескопа. Природа, 1948, №6.
8. Исследования А.Г. Столетова в области актино-электрических явлений. Природа, 1948, №11.
9. Реформа Петрушевского Ф.Ф. Успехи Физических наук, 1949, том XXXVII, выпуск 3.
10. Памяти Н.Д. Уснекина – Электричество, 1949, №2.
11. Вопросы истории физики на сессии Академии наук СССР в Ленинграде, посвященной истории отечественной науки. Журнал Технической физики, 1938, выпуск.16.
12. Сергей Иванович Вавилов. Журнал Технической физики, 1951.
13. Член-корреспондент Академии наук СССР Т.П.Кравец. Природа, 1951, №7.
14. Торичен Павлович Кравец. Журнал Технической физики, 1951, том XXI, выпуск 4.

15. А.Г.Столетов и Императорская Академия наук. Журнал Технической физики, 1952, том XXII, выпуск 2.
16. П.Н.Лебедев и прогресс физики. Журнал Технической физики, 1952, XXII, выпуск 7.
17. К истории физического отделения Русского Физико-Химического Общества. Журнал Технической физики, 1953, XXIII, выпуск 3.
18. Выдающийся советский физик. Радио, 1956, №1.
19. Пьер Кюри. Физика в школе, 1956, №1.
20. Знаменитый немецкий физик. Природа, 1957, №2.
21. Генрих Герц. Физика в школе, 1957, №2.
22. Абрам Федорович Иоффе. Успехи физических наук, 1960, том 72., вып.2 (Совместно с академиком И.К. Кикоиным).

III. Научно-публицистические и популярные статьи.

1. Новый серногелиевый фотоэлемент. Природа, 1939, №4.
2. Серногелиевый фотоэлемент. Наука и техника, 1939, №4.
3. Ленинградский физико-технический институт Академии наук СССР.
4. Фотоэлементы и их применение. Наука и жизнь, 1941, №5.
5. Заслуженный юбилей. Ленинградская Правда, 1944
6. Член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Т.П.Кравец. Физика в школе, 1951, №2.
7. Фотоэлементы. Газета «Страж Балтики», 1951.
8. Научная работа на Эльбрусе, «Побежденные вершины», 1952.(Журнал, сборник)
9. Советский термоэлектрогенератор. Природа, 1954, № 9.
10. Полупроводниковые приборы. Природа, 1955, №8.
11. Полупроводниковые фотоэлементы. Наука и жизнь, 1955, №8.
12. Полупроводники и их применения. Газета «Советский флот», 1955, № 186.
13. Замечательные вещества. Нева, Л., 1955, №7.
14. Полупроводники. «Учительская газета», 1956, №4.
15. Полупроводники в науке и технике. Наука и жизнь, 1956, №3.
16. Исследования и применения полупроводников. Природа, 1956, №3.
17. Полупроводники и их значение. Промышленно-экономическая газета, 1956, №123.
18. Термоэлектрические охлаждающие устройства. Физика в школе, 1958, №3.
19. Усовершенствованный микротом. Природа, 1958, №3.
20. Фотоспротивления. Глава в книге «Полупроводники в науке и технике», том I изд. Академии наук СССР, 1957.
21. Полупроводниковые фотоэлементы. Глава в книге «Полупроводники в науке и технике», том 2, изд. АН СССР, 1958.
22. Полупроводники и технический прогресс. Журнал «Дон», 1960, №4.
23. Академик А.Ф.Иоффе. Физика в школе, 1960, №4.
24. Вентильный фотоэлемент. Физический энциклопедический словарь, том I, 1960.
25. Солнечные батареи. Наука и жизнь, 1961, №4.

26. Фотоэлектрические преобразователи солнечной энергии. Природа, 1962, № 9.
27. Фантазия? Нет, реальность. Газета «Вечерний Ленинград», 1959.
28. Великий преобразователь естествознания. В мире книг, 1963, №9.
29. Фотоэлемент с запирающим слоем. Физический энциклопедический словарь, 1966, том5.
30. Полупроводники. Глава в книге «Развитие физики в СССР», том I, изд., «Наука», 1967.
31. Достижения полупроводниковой электроники. Газета «Риге-с Блат», 1959.
32. Бытовой термоэлектрогенератор. Газета «Ригес Балт», 1958.
33. Колхозная полупроводниковая электростанция. «Учительская газета», 1959.
34. Полупроводниковая электроника. "Ригес Балт", 1959.

IV. Книги и монографии.

35. Очерки по истории воззрений на природу света. Издательство Академии наук СССР, 1950.
 36. Полупроводники. Росэнергоиздат, 1955.
 37. Вентильные фотоэлементы. Издание Ленинградского дома научно-технической пропаганды (ЛДНТП), 1956.
 38. Вентильные фотоэлементы. Издание ЛДНТП, 1957.
 39. Фотосопротивления. Издание ЛДНТП, 1957.
 40. Полупроводники. Издание ЛДНТП, 1957.
 41. Полупроводники и их применение. Издательство «Сабчота», «Сакртвело», 1958.(На грузинском языке).
 42. Полупроводники и их применение в технике. Лениздат, 1958.
 43. Полупроводники. Издательство физико-математической литературы (ФИЗМЕТГИЗ), 1961.
 44. Полупроводниковая гелиотехника. Издание ЛДНТП, 1963.
 45. А. Ф. Иоффе. Издательство Академии наук СССР, М-Л, 1964.
 46. А.Ф. Иоффе. Издание Академии наук СССР, 2-е издание, М.-Л, 1965.
 47. Солнечная электроэнергия. Издательство «Наука», 1965.
 48. Полупроводники. Издательство «Наука», 1967.
 49. Александр Григорьевич Столетов. Издательство «Наука», 1970.
 50. Основы физики и техники полупроводников. Издательство «Наука», 1974.
- Итого общее число работ составляет 136, не считая закрытых работ.*

Чай Высоцкого

- ¹ Е. И. Иванова. «Русские самовары», Л.,1971г.
- ² И. Е. Забелин. «Быт русских царей», М., 1869 и др.
- ³ А. Терещенко. «Быт русского народа», ч 1, СПб, 1848 г. Подробно об истории Чаю в России см.: Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон, т. XXXVIII, СПб. 1903 г.с.363-370, статья «Чай». Настольный энциклопедический словарь А. Гранат и Ко, т.VIII, М.,1896 г., с.5109-5110, статья «Чайное дерево». В. В. Похлебкин «Чай», М.,1981г.

⁴ Е.И. Иванова. «Русские самовары», Л., 1971 г.; Ирина Крапивина «Русский поднос», Л., 1981г.

⁵ М.В.Сабашников. «Воспоминания», М., «Книга», 1988, с. 47-48 «Кяхтинские чаеоторговцы».

⁶ «Русский торгово-промышленный мир», М., 1993 «Продавец Чая» (о фирме Губкиных – Кузнецовых) с.254-261. Также: М.Н.Барышников «История делового мира России», М., 1994 и П.А. Барышкин «Москва купеческая», Нью-Йорк, 1954.

⁷ Еврейская энциклопедия 1908-1912г.г. т.5, СПб, ст. 861-862, статья «Высоцкий Клонимус – Вульф»; Краткая еврейская энциклопедия, т.1, Иерусалим, 1976, с.755. статья «Высоцкий».

Российская еврейская энциклопедия, М.,1994 г. Т.1, с.252-254. Статья «Высоцкие»; «Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года», М., «Большая Российская энциклопедия», 1994 г.с.490-491, М. Ю. Лачаева «Высоцкий В. и Ко».

⁸ «Книга о русском еврействе. От 1860-х годов до революции 1917 г.», Нью-Йорк, 1960 г. Две статьи: И. М. Дижур «Евреи в экономической жизни России» (с.155-182) и Гершон Свет «Русские евреи в сионизме и в строительстве Палестины и Израиля» (с.235-271).

⁹ Ю.А.Федосюк. «Русские фамилии», М.,1973 г., с.51.

¹⁰ «Регесты и надписи. Свод материалов для истории евреев в России (80-1800г.), т.2. (1671 г.-1739 г.), СПб. 1910г., с.105-106

¹¹ Л.Пушкарев. «Симеон Полоцкий» в кн. «Русские писатели в XVII веке», М., 1972, с.251

¹² В.Н.Никитина. «Еврейские поселения Северо- и Юго-Западных губерний» (1835/1890 г.) СПб, 1894 г.

¹³ Там же ... с. 72.

¹⁴ «Воспоминания Д.С. Шора», составительница Юлия Матвеева, Иерусалим-Москва, 2001, с.257.

¹⁵ Первая версия – от имени жены – Мария. «А Маге» – для Марии.

Другой вариант: по инициалам участников юношеского кружка, оставивших след в русской культуре: Илья Фондаминского, Абрама Гоца, Раи Фондаминской, Мани Тумаркиной, Михаила Цетлина, Якова и Амалии Гавронских.

«А» – Абраша, он же Абрам Гоц, его двоюродный брат, член партии социалистов-революционеров;

«М» – Маня, Мария Тумаркина, на которой мой отец женился позднее в 1910 году, с которой был дружен с детства;

«А» – Амалия, его двоюродная сестра, урожденная Гавронская, жена Илья Фондаминского;

«Р» – Рая, Раиса Фондаминская, сестра Ильи;

«И» – Ильюша – Илья Фондаминский, друг моего отца, с ним они вместе учились в гимназии в Москве, он также был социалистом – революционером – так рассказывает в своих воспоминаниях дочь Амари – Ангелина Михайловна Цетлин – Доминик.

Возможно, псевдоним Михаила Цетлина был проще. Амари еврейская фамилия, и он мог её заимствовать у знаменитого итальянского ориенталиста, политика, гарибальдийца Микеле Амари (1806–1889) – первого министра про-

свещения объединенной Италии. Самая знаменитая книга Микеле Амари – книга по истории родной Сицилии, о её арабских завоевателях. Ему же принадлежит описание «Сицилийской вечерни», на основании которой Верди создал великую оперу.

¹⁶ М. Алданов. «Памяти М.О.Цетлина» – «Новый журнал», 1950, с.209-213; Н.Берберова. «М.О. Цетлин – «Новый журнал», 1950, с. 209-213. Подробно творческая биография освещена в статье: Т.Л. Никольская – «Амари», «Русские писатели 1800/1917», биографический словарь, т.1., М., Советская энциклопедия, 1989 г., с.57.

¹⁷ И.Эренбург. «О жилете Семена Дрозда» – Илья Эренбург, Стихотворения, Большая серия БП, Л, 1977, с.260-266.

¹⁸ И.Г. Эренбург. «Люди, годы, жизнь», М, 1990, т.1, с.143-145; см. также Глеб Струве «Русская литература в изгнании», Нью-Йорк, 1956 г., с.158 – 159, написавший, что «Ему [Амари] зарубежная русская литература многим обязана».

¹⁹ Амари (М.Цетлин). «Малый дар», М., Дом Марины Цветаевой, 1993, с.32.

²⁰ Борис Пастернак. «Охранная грамота» – цит. по изданию Борис Пастернак «Услышать будущего зов» Стихотворения, Поэмы, Переводы, Проза. М., 1995, с. 79

²¹ Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы, Большая серия БП, М-Л, 1965, с.107. Стихотворение «Марбург», 1915 г.)

²² В.М. Зензинов. «Пережитое» Нью-Йорк, 1953, с.143-144, а также по всей книге подробно о семействах Гоцов, Гавронских, Цетлиных. А также см.: В.М.Чернов. «Перед бурей», Нью-Йорк, 1953, с.143-144. и А.Тыркова-Вильямс «На путях к свободе», Нью-Йорке, 1953.

Добавим, что отец Зензинова владел чайными плантациями на Цейлоне и фирменными магазинами в столицах. «С детства я помню приходившие из Китая через Монголию и Сибирь зашитые в лошадиную кожу цибики чая...» (В.М. Зензинов ... с.13. Цирик – ящик с чаем весом до 2-х пудов.) Отсюда и близость к Высоцким.

Пару эпизодов следует сохранить для потомства.

Амалия Гавронская вместе с Ильёй Фондамским была арестована в Москве. Это была наивная и избалованная дочь миллионеров, но она вела себя в тюрьме достойно, завоевав сердца всех заключённых – от политических до уголовников, которые её называли Ималия. Мать – миллионерша добилась того, что её дочери камеру обклеили обоями! Все передачи она раздавала товарищам. А наивность её проявилась в том, что, пребывая в тюрьме, она наслушалась различных матерных выражений, абсолютно не понимая их смысла. Этот «ребёнок» наивно спрашивал: «...скажите, что это значит – там постоянно все говорили: «Ступай к Евгеньевой матери?» (В.М. Зензинов... с.213). Однажды была арестована Вера Гоц, сестра Абрама. Новоприбывших арестантов было принято окликать через окно. Она услышала крик: «Новенькая, новенькая! Как ваша фамилия? Когда арестованы?...»... А затем совсем удивительный вопрос: «Вы седая?» Новенькая запротестовала: «Что вы! Что вы! Я ещё совсем молоденькая». Этот ответ вызвал всеобщий смех и аплодисменты. Поди знай, что социал-демократы

(с.д.) прозывались седыми, а социалисты-революционеры (с.р.) – серыми! (В.М. Зензинов, ... с.149-150) О революционной деятельности семейства можно прочитать и в книге генерал-майора корпуса жандармов А.И. Спиридовича «Революционное движение в России в период империи. Партия социалистов – революционеров и ее предшественники.1886-1916», Пг., 1918, с.279; см. также: Борис Савенков «Воспоминания террориста», Л., 1990; «Письма Азефа», М., 1994).

²³ А. Ванеев. «Два года в Абези» – «Минувшее», исторический альманах, №6, М.,1992., с.112, 114, 120-121 (о встречах в лагере с философом Гавронским. В воспоминаниях А.А.Ванеева о своем пребывании в лагере Абезь, что располагался на севере республики Коми, в 1950 году он встретил философа-неокантианца Гавронского, уже 25 год отбывающего свой срок. Гавронский был освобождён, но через месяц скончался в Одессе. Борис Леонидович Пастернак в первой редакции поэмы «Спекторский» упомянул одного из Гавронских, в несколько ироничном тексте:

*«Заклятый отрицатель, враг имен,
Случайно он не стал авторитетом:
Я знаю многих, не дельней, чем он,
Себе карьеру сделавших на этом.
Довольно серый отпрыск богачей,
Он в странности драпировал безделье.
Зачем он трогал Ницше? Низачем.
Затем, что книжки чеков шелестели».*

Борис Пастернак Стихотворения и поэмы, Большая серия БП., М-Л., 1965, с.599; см. так же: Е.Б.Пастернак «Материалы для биографии», М., 1989, с.76.

Некоторое время две старшие дочери Давида Васильевича Высоцкого, Ида и Лена, брали уроки рисования у Леонида Осиповича Пастернака.

Несколько слов о Высоцких можно найти в книге Л.О.Пастернак «Записи разных лет», М., 1975, с.62, 267. Спустя годы, обращаясь к отцу и матери, Борис Леонидович просил выслать ноты Бетховена, Шуберта и Моцарта и позаимствовать их у Иды или Лены, урождённых Высоцких. См.: «Раскат импровизаций», Музыка в творчестве, судьбе и доме Бориса Пастернака, «Советский композитор», Л. 1991, с.232.

²⁴ Дм. Т-ский. «Светлой памяти одного чекиста» – «Память», выпуск 2., Москва - Париж , 1977 г. с.527, о сокамернике А. Д. Высоцком. В этом же сборнике на с. 411, в сноске к публикации дневника В.Г. Короленко упомянут А.Р.Гоц, говоривший о терроре против узурпировавших власть большевиков.

Русские евреи на фронтах Первой Мировой войны

¹ «Стратегический очерк войны 1914-1918» (М., 1920-1923)

² В решающей войне. (т.1. Тель-Авив, 1981, т.2.Тель-Авив, 1992)

³ Российская Еврейская Энциклопедия. (т. М., 1995, с.232).

⁴ Маевский В. «Дореволюционная Россия и СССР», Мадрид, 1965, с.282-283

- ⁵ отец Георгий Шавельский. «Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота», т. I, Нью-Йорк, 1954, примечание на с.245-246.
- ⁶ майор И.В.Образцов, кандидат социологических наук «Российские офицеры. Офицерство и нация» – Военно-исторический журнал, №2, 1994, с.43-49.
- ⁷ А.И. Деникин. «Путь русского офицера», Нью-Йорк, 1953 г., с.283.
- ⁸ «Еврейская делегация у ген. Деникина» – Рассвет, №17, с.17-18 и № 18, с.17-18 за 1923.
- ⁹ генерал Дрейер В.Н. «На закате империи», Мадрид, 1965, с.25; Самойло А.А. «Две жизни», Л., 1963; с.67,152, 210; Игнатьев А.А. «Пятьдесят лет в строю», М., 1959, т.1., с.135; Сытин И.Д. Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии», т. Г-К., СПб, 1996, с.19-20.
- ¹⁰ Самойло А.А. «Две жизни», Л., 1963; с.93-96,165
- ¹¹ Сытин И.Д. «Военная энциклопедия. «Полководцы, военачальники и военные деятели России» в т.Г-К., СПб, 1996, с.9.
- ¹² «Новый восход», Пг., №1, 1915, стлб.36
- ¹³ М.Маймон. «История одной картины – Еврейская Летопись, М-Пг, сб.1, 1923, с.106-111.
- ¹⁴ О. Грузенберг. «Вчера. Бред войны», Париж, 1938, с.64.
- ¹⁵ Мариенгоф А. «Роман без вранья», Л.,1991,с.39.
- ¹⁶ Генерал-адъютант А.А.Брусиллов. «Мои воспоминания», Рига, 1929, с.152.
- ¹⁷ В.Шкловский «Жили-были» – В.Шкловский. Собр. соч., т.1, М., 1973, с.117, с.119.
- ¹⁸ Уткин А. «Забытая трагедия. Россия в Первой Мировой войне», Смоленск, 2000, с.58.
- ¹⁹ А.Вольский. «Лучший из Романовых». Историческая справка. – «Еврейская трибуна», Париж, №74, 1921, с.5)
- ²⁰ Там же. ...
- ²¹ Там же. ...
- ²² А.И. Деникин. «Путь русского офицера», Нью-Йорк, 1953 г., с.284.
- ²³ С.Т.Григорьев. «Берко-контонист», М.,1933, с.233
- ²⁴ Н.С. Лесков. «Юдоль. Рапсодия» – Н.С.Лесков Собр. Соч. М.,1958, т.8, с.233.
- ²⁵ Там же с.277-278.
- ²⁶ Беркевич А.Б. «Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 года» – Исторические записки, М., 1947, Т.23.
- ²⁷ А.И.Деникин. «Путь русского офицера», Нью-Йорк, 1953 г., с.285.
- ²⁸ А.Шихлинский. «Мои воспоминания», Баку, 1984, с.165.
- ²⁹ «Русский врач». «К сведенью правительственной власти» – «Прямой путь», 1910, № IX, с.103.
- ³⁰ Н.Лесков «Жидовская кувырколлегия» – Сочинения, т.XVIII, Спб, 1903, с.140-169. Первая публикация в «Газета Гатцука» № 33, 1882 г.
- ³¹ А.И.Деникин. «Путь русского офицера», Нью-Йорк, 1953, с.283.
- ³² А.Гайдар. «Мост» – Аркадий Гайдар, Собрание сочинений, т.3, М., 1964, с.297.
- ³³ К.Симонов. «Глазами человека моего поколения. Размышления о Сталине», М., 1990, с.383.
- ³⁴ Е.Ростопчина. «Насильный брак». Баллада и аллегория, сентябрь, 1845 г. – по кн.: Евдокия Ростопчина Стихотворения, Проза, Письма, М.,1986, с.206-207.

- ³⁵ Там же...с.207-208.
- ³⁶ Л.Г.Бескровный. «Русская армия и флот в XIX веке», М., 1973, с.73, 91, 92.
- ³⁷ А.Ф. Риттих. «Племенной состав контингентов Русской Армии и мужского населения Европейской России» «СПб, 1875.
- ³⁸ Там же, ...с.35-39.
- ³⁹ Там же, ...с.40-41.
- ⁴⁰ Д.Митрохин. «Статьи, письма, воспоминания», М., 1986, с.425.
- ⁴¹ Л.Мартынов. «Воздушные фрегаты», М., 1974, с.14.
- ⁴² Риттих А.Ф.«Племенной состав контингентов Русской Армии и мужского населения Европейской России» «СПб, 1875. с.34.
- ⁴³ Еврейская энциклопедия, Спб, 1908, т.1, ст.819-820.
- ⁴⁴ «Вестник Европы», Хроника – Внутреннее обозрение – 1871, декабрь, с.844-850.
- ⁴⁵ Шихлинский А. «Мои воспоминания», Баку, 1984, с.28.
- ⁴⁶ Там же, ... с.42-43.
- ⁴⁷ Там же, ... с.52.
- ⁴⁸ Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987, с.78.
- ⁴⁹ Дрейер В.Н. «На закате империи», Мадрид, 1965, с.187-192.
- ⁵⁰ Там же с.214.
- ⁵¹ Там же с.73.
- ⁵² Магистр Ив. Преображенский «Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91гг.», Спб, 1901, с.62.
- ⁵³ Священник Тобольской Тюремной церкви Михаил Лебедев «Рассказ еврея, обратившегося в христианство» – «Минские епархиальные ведомости», 15 ноября, 1882, №22, с.637.
- ⁵⁴ Герцен А.И. «Былое и Думы», М., 1957, с. 222-223.
- ⁵⁵ Там же, ... с.223.
- ⁵⁶ Гиляровский В. «Мои скитания» СС. в 4-х томах, т.1, М.,1968, с.82-83, 87,95-96, 99, 104.
- ⁵⁷ Ротиков К.К. (псевдоним) «Другой Петербург», СПб, 1998, с.372-373.
- ⁵⁸ Перестиани П.А. «75 лет жизни в искусстве», М., 1962, с. 132.
- ⁵⁹ Толстой Л.Н. «Севастополь в августе 1855 года» – ПСС, М.-Л, 1932, т.4, с. 109.
- ⁶⁰ «Русский инвалид», газета Военного министерства России, СПб., 1858, № 39.
- ⁶¹ Тарле Е.В. «И.В. Лучицкий. К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности. 1863-1913», Соч., т.XI, М., 1961, с.378-379.
- ⁶² «Еврейская жизнь», Харбин, 1937, №47, с.13.
- ⁶³ Б.Гостап. «Евреи в Мировой войне (Об еврейской храбрости и патриотизме)» – Гадегел, Харбин, №7, 1940-с.5-7.
- ⁶⁴ Игнатъев А.А. «Пятьдесят лет в строю», М., 1959, т.2., с.104-105.
- ⁶⁵ Гершов З.М. «"Нейтралитет" США в годы Первой Мировой войны», М., 1962, с.28-29.
- ⁶⁶ Брюсов В.Я. «Старый вопрос».
- ⁶⁷ Полетика Н.И. «Сараевское убийство» Л., 1930,
Полетика Н.И. «Подготовка империалистической войны 1914-1918г.г.», М., 1934,
Полетика Н.И. «Возникновение Мировой войны», М-Л, 1935, второе издание, М., 1964.

- ⁶⁸ Эйден М.Н. «Граф С.Ю.Витте» – Возрождение, Париж, № 233, июль, 1971, с.100.
- ⁶⁹ Дрейер В.Н. «На закате империи», Мадрид, 1965, с. 171.
- ⁷⁰ Залесский К.А. «Кто был в Первой мировой войне», «Биографический энциклопедический словарь», М., 2003, с.158.
- ⁷¹ Брусилов. А.А. «Воспоминания», Рига, 1929, с.73.
- ⁷² Лемке М.К. «250 дней в царской Ставке» 25 сент.1915-2 июля 1916, Пг, 1920, с.530.
- ⁷³ Там же, с.328.
- ⁷⁴ Там же, с.631.
- ⁷⁵ Из записки членов Особого Совещания – Н.Н.Головин «Военные усилия России в Мировой войне», т.І, Париж, 1939, с.152.
- ⁷⁶ Головин Н.Н. ...с.153.
- ⁷⁷ Лукомский А.С. «Воспоминания генерала А.С. Лукомского», т.І, Берлин, 1922, с.88. Следует добавить, что генерал Лукомский - зять М.И. Драгомирова, начальник канцелярии военного министра в годы ПМВ был очень осведомлённым человеком.
- ⁷⁸ Лемке М.К. «250 дней в царской Ставке» 25 сент.1915-2 июля 1916, Пг, 1920, с.523.
- ⁷⁹ Игнатъев А.А. «Пятьдесят лет в строю», М., 1955, т.2, с113.
- ⁸⁰ Джунковский В.Ф. «Воспоминания», т.ІІ, М., 1997, с.558.
- ⁸¹ Там же, ... 559-563.
- ⁸² Добровейн М.А. «На рубеже двух эпох», М., 2001.
- ⁸³ Примечание Джунковского к своим воспоминаниям. см. Джунковский т.ІІ ... примеч. на с.561.
- ⁸⁴ Зайончковский П.А. «Александр и его окружение» – Вопросы истории, 1966, №8. с.130.
Зайончковский П.А. «Российское самодержавие в конце XIX столетия», М., 1970., с.39-40.
- ⁸⁵ Комарденков В.П. «Дни минувшие», М., 1972, с.36-37.
- ⁸⁶ Ахун М.И., Петров В.А «Царская армия в годы Империалистической войны», М., 1929, с.42-43.
- ⁸⁷ Там же, ...с.43-44.
- ⁸⁸ Там же, ... с.45.
- ⁸⁹ «Война и Евреи», СПб, 1912, с.26:
- ⁹⁰ Баратов Л. «Вселенская держава» – «Часовой», №627, сентябрь-октябрь, 1980г, Брюссель, с.5.
- ⁹¹ Там же с.4.
- ⁹² Грулев М.В. «Записки генерала-еврея», Париж, 1930, с.240.
- ⁹³ Послесловие В.Орехова к статье Л.Баратова... «Вселенская держава». с.9.
- ⁹⁴ «Еврейская неделя» №23, статья «Война» 1916, стлб.31.
- ⁹⁵ Евреинов Н. «Незнание или сознательная клевета (Откровения Амальрика и других диссидентов)» – «Часовой», Брюссель, №619(4),1979, с.13./
- ⁹⁶ Дубнов С.М. «Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени», т.ІІ (1903-1922), Рига, 1935, с.188-189.
- ⁹⁷ Там же, ...с.205.
- ⁹⁸ Там же, ... с.113.

- ⁹⁹ Там же, ... с.203.
- ¹⁰⁰ Бабель Исаак «Дневник 1920г. (конноармейский)» – цит. по кн: Исаак Бабель Сочинения, М., 1990, т.1, с.363.
- ¹⁰¹ Приложение № 6.
- ¹⁰² «Сторінка з історії жидів за всесвітньої війни» – Еврейская Историческая и Археологическая Комиссия при Украинской Академии. год? место (Харьков).
- ¹⁰³ Лемке М. «250 дней в царской Ставке» 25 сент.1915-2 июля 1916, Пг, 1920, с.37.
- ¹⁰⁴ Самойло А.А. «Две жизни», Л., 1963, с.163.
- ¹⁰⁵ Игнатъев А.А. «Пятьдесят лет в строю», М., 1959, т.1., с.228-229.
- ¹⁰⁶ Шавельский Г. «Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота», т.I, Нью-Йорк, 1954, с.271.
- ¹⁰⁷ Бонч-Бруевич М.Д. «Вся власть Советам», М., 1964 г. с.25-26.
- ¹⁰⁸ Перестиани И.П. «75 лет в искусстве», М., 1962, с.241-241.
- ¹⁰⁹ Там же, ...с. 240.
- ¹¹⁰ Брусилов А.А. «Мои воспоминания», Минск, 2003г., с.143.
- ¹¹¹ Рот Йозеф «Марш Радецкого», цит. по русскому переводу: М., 2000, с.331-33
- ¹¹² Брусилов А.А. «Мои воспоминания», Минск, 2003г., с.203.
- ¹¹³ о. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота», т.I, Нью-Йорк, 1954, с.271-272.
- ¹¹⁴ Там же, ... с.273.
- ¹¹⁵ Лемке М. «250 дней в царской Ставке» 25 сент.1915-2 июля 1916, Пг, 1920, с.477.
- ¹¹⁶ Головин Н.Н. «Военные усилия России в Мировой войне», т.I, Париж, 1939, с. 147.
- ¹¹⁷ Головин ссылается на статью Л.И. Сазонова «Потери России в войну 1914-1918г.г.» напечатанную в «Трудах Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1918г.г.», где приводится эта ужасная цифра.
- ¹¹⁸ Брусилов А.А. «Мои воспоминания», Минск, 2003, с. 219-220.
- ¹¹⁹ Лемке М. «250 дней в царской Ставке» 25 сент.1915-2 июля 1916, Пг, 1920, с.178.
- ¹²⁰ Брюсов В. «Пасхальная встреча» – «Щит» Литературный сборник под редакцией Л.Андреева, М.Горького и Ф.Сологуба, М., 1916, с.40-42.
- ¹²¹ «Еврейская неделя», Пг, 1916, №5, с.26.
- ¹²² Дрейер В.Н. «На закате империи», Мадрид, 1965, с.144-145.
- ¹²³ Дудаков С.Ю. «Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России», М., 2000г, с.295.
- ¹²⁴ Свечин М. «Записки старого генерала», Ницца, 1964, с.99.
- ¹²⁵ «Еврейская неделя», Пг, №9, 1916, с.39.
- ¹²⁶ Лемке М. «250 дней в царской Ставке» 25 сент.1915-2 июля 1916, Пг, 1920, с.179.
- ¹²⁷ Герасимов М.Н. «Пробуждение», М., 1965, с.47.
- ¹²⁸ Лемке М. «250 дней в царской Ставке» 25 сент.1915-2 июля 1916, Пг, 1920, с.180.
- ¹²⁹ Там же, ... с.180-181.
- ¹³⁰ Головин Н.Н. «Военные усилия России в Мировой войне», т.I, Париж, 1939, с.148.
- ¹³¹ Самойло А.А. «Две жизни», Л., 1963, с.183.
- ¹³² Лемке М. «250 дней в царской Ставке» 25 сент.1915-2 июля 1916, Пг, 1920, с.181.
- ¹³³ Там же ... с.182.

- ¹³⁴ Дрейер В.Н. «На закате империи», Мадрид, 1965, с.112.
- ¹³⁵ Ясюков М., доктор философских наук, профессор «Начало века: жизнь, проблемы, нравы армии России» – «Коммунист вооруженных сил», №7, 1990, с.71.
- ¹³⁶ Шкловский В. «Жили-были» – Собр.соч., т.1, М., 1973, с.118.
- ¹³⁷ Лемке М. «250 дней в царской Ставке» 25 сент.1915 - 2 июля 1916, Пг, 1920, с. 353.
- ¹³⁸ Там же, ... с.603.
- ¹³⁹ Герасимов М.Н. «Пробуждение», М., 1965, с.268.
- ¹⁴⁰ Гурко В.И. «Черты и силуэты прошлого», М., 2000, с.666.
- ¹⁴¹ Игнатьев А.А. «Пятьдесят лет в строю», М., 1959, т.2, с.246-247.
- ¹⁴² Гурко В.И. «Черты и силуэты прошлого»..., с.668, 669..
- ¹⁴³ Там же, ... с.669-670.
- ¹⁴⁴ Витте С.Ю. Воспоминания, М., 1960, т.1, с.146.
- ¹⁴⁵ Эренбург И., Собр. соч., «Художественная литература», т.3, М., 1964, с.368.
- ¹⁴⁶ Кончаловский Д.П. «Пути России» (УМСА - Press, Париж, 1969).
- ¹⁴⁷ Кончаловский Д.П. «Воспоминания и письма». (От гуманизма к Христу), Париж, 1971, с.65-66.
- ¹⁴⁸ Там же, ...с.67.
- ¹⁴⁹ «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне» М-Л., 1965.
- ¹⁵⁰ «Памяти погибших композиторов и музыковедов 1941-145», М., 1985.
- ¹⁵¹ Кончаловский Д.П. «Воспоминания и письма». (От гуманизма к Христу), Париж, 1971, с.70.
- ¹⁵² Фурманов Д. Дневники - Собр. соч., т.4, М., 1961, с.66.
- ¹⁵³ Яковлев Л. «Русские евреи и война» – «Еврейская трибуна», Берлин, № 66, апрель, 1921, с.4.
- ¹⁵⁴ Левитас Илья «Герои и жертвы факты из истории еврейского народа», Киев, 1997, с.8.
- ¹⁵⁵ «Восход», СПб, 1904, №12, с.13.обзор «За неделю».
- ¹⁵⁶ Левитас Илья «Герои и жертвы факты из истории еврейского народа», Киев, 1997, с.9.
- ¹⁵⁷ «Еврей-прапорщик или Евреи на войне и их геройские подвиги», Одесса, (1905 г.), с.3.
- ¹⁵⁸ Там же, ... с.1-2.
- ¹⁵⁹ Там же, ... с.3.
- ¹⁶⁰ «Еврейская неделя», Пг, №5, 1916, стлб.26.
- ¹⁶¹ Там же, Пг, №6 за 1917 г.
- ¹⁶² Там же, Пг., №7, 1915 г. стлб.21-23.
- ¹⁶³ Там же, Пг., №34, 1916, стлб., 18-19.
- ¹⁶⁴ Там же, Пг., №34, 1916, стлб.20.
- ¹⁶⁵ Там же, Пг., №6, 1915, стлб.22.
- ¹⁶⁶ Там же, Пг, №30, 1915, стлб.21.
- ¹⁶⁷ Там же, Пг. №31-32, 1915, стлб.46.
- ¹⁶⁸ Там же, Пг, №31-32, 1915, стлб.47-48.
- ¹⁶⁹ Там же, Пг., №29, 1915, стлб.33-34.
- ¹⁷⁰ «Новый Восход», Пг., №1, 1915, стлб.35.
- ¹⁷¹ Там же, Пг., №1, 1915, стлб.36.
- ¹⁷² Там же, Пг., №12-13, 1915, стлб. 48.

- 173 «Еврейская неделя», Пг, № 8, 1916, стлб, 34.
174 Там же, Пг., 1916, №37, стлб.27.
175 Там же, Пг., 1916, №37, стлб.27-28.
176 Там же Пг., 1917, №10-11, стлб.43.
177 Шкловский В. «Жили-были» Собр.соч., т.1, М., 1973, с.43.
178 «Еврейская неделя», Пг, 1916, № 43, стлб.22.
179 «Новый Восход» Пг., №4, 1915, стлб. 30.
180 Там же, Пг., ., №4, 1915, стлб. 30.
181 «Еврейская Неделя», Пг, №26, 1915, стлб.30.
182 Там же, Пг, №15, 1915.
183 Там же, Пг. 1915, №7, стлб.30-31.
184 Финк В. «Литературные воспоминания», М., 1963, с.300-301.
185 Там же, ... с.272-273.
186 Там же, ...с.300, 301.
187 Игнатьев А.А. «Пятьдесят лет в строю»,М., 1959, т.2, с.22-23.
188 «Еврейская неделя», Пг., № 20, 1915, стлб. 22-23.
189 Там же, Пг, №19, 1915, стлб.23.
190 Там же, Пг, №3, 1915, с.14/
191 «Война и евреи», Пг., №7, 1915, с.10.
192 «Еврейская неделя», Пг, 1916, №4, с.25.
193 Там же, Пг, 1915, №1, с.25-26.
194 Там же, Пг, 1915, №4, с.25-26.
195 Там же, Пг, 1915, №14, с.11-12.
196 Там же, Пг., 1915, №12, с.24.
197 Там же, Пг, №9, 1915, с.21.
198 Там же, Пг, №7 за 1915 год на стлб. 23.
199 Бонч-Бруевич М.Д. «Вся власть Советам», М., 1963, примечание на с.36.
200 «Прометей» №7, М., 1969, с.309-319.
201 «Новый Восход», Пг, №1, 1915 г.,35.
202 Тропп А.Э., Френкель В.Я., Черный А.Д. «Александр Александрович Фридман. Жизнь и деятельность», М., 1988,с.81.
203 Там же, ...с.82.
204 Ното Longus «Евреи-офицеры в русской армии» – Еврейская Неделя" №18, 1917, стлб.1012.

Библиография Савелия Дудакова

1. Петр Шафиров. Иерусалим, 1989, 117 с.
Серия «Евреи в мировой культуре».
2. История одного мифа.
Очерки русской литературы XIX-XX вв. – М., Наука, 1993, 282 с.
3. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России.
Очерки. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 2000, 640 с.
4. Этюды любви и ненависти.
Очерки. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 2003, 542 с.
5. Ленинъ как мессия. Иерусалим-Москва, 2007, 164 с.
6. Ленинъ как мессия. Иерусалим-Москва, 2008, 164 с, 2-е изд.
7. Каисса и Вотан. Иерусалим-Москва, 2009, 420 с.
8. Петр Шафиров и другие. Иерусалим-Москва, 2011, 432 с.
9. КНИГА ВЕРЫ И безНАДЕЖНОСТИ, Иерусалим-Москва, 2012, 408 с.
10. Из личного архива. Иерусалим-Москва, 2014, 500 с.

В 2004 году был выпущен Festschrift Dr. Saveliy Dudakov.
The Hebrew University of Jerusalem.
Center for Slavic languages and Literatures.
Edited by W. Moskvich and S. Schwazband.
Посвящён 65-летию автора.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Евгений Минин</i>	3
Немного о еврейском характере.....	5
Женщины – гордость России	115
География и демография.....	185
Древо живописи	229
Портреты на фоне Иерусалима.....	281
Монус Соминский.....	295
История серии	317
Чай Высоцкого.....	331
Русские евреи на фронтах Первой Мировой войны.....	355
Приложение	451
Ссылки	477
Библиография	499

Савелий Дудаков – историк, родился в 1939 году в Ленинграде. Автор 10 книг, мастер по шахматам.

В детстве, в 1941-1942 годах перенес блокаду.

Окончил филологический факультет института имени А. И. Герцена.

В 1971 году репатрировался в Израиль.

С 1976 года работал в институте Восточно-Европейского Еврейства при Иерусалимском университете.

В 1991 году защитил докторскую диссертацию «Антисемитская литература XIX-XX веков в России и протоколы Сионских мудрецов».

Был удостоен докторской степени Иерусалимского университета.

Лауреат литературной премии имени Леи Гольдберг

и

премии по истории

имени профессора Иосифа Клаузнера.

Савелий Дудаков – один из основателей и редакторов серии «Евреи в мировой культуре».